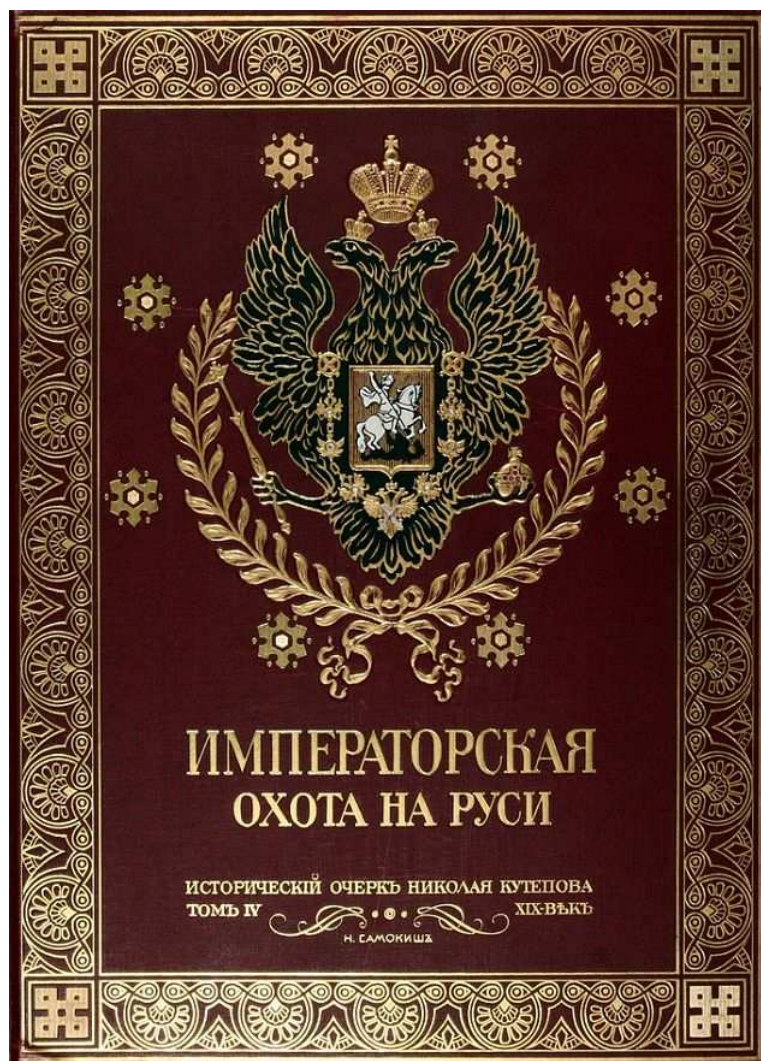

ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ. КОНЕЦ XVIII И XIX ВЕК

БЛАЖЕННОЙ И ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ
АЛЕКСАНДРА III
БЛАГОГОВЕЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕЙ ТРУД,
ПО ЕГО ЦАРСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ
НАЧАТЫЙ,
ПО ЕГО МЫСЛИ ИСПОЛНЕННЫЙ

Считаю долгом принести искреннюю и глубокую благодарность учреждениям и лицам, содействовавшим мне в исполнении трудной задачи составления "Истории Царской и Императорской охоты".

Документальные сведения получены мною из архивов: Общего Министерства Двора (в Москве и Петербурге), Министерства юстиции (в Москве), Правительствующего Сената, Государственного (в Петербурге), Министерства иностранных дел (в Москве), а равно из Императорской Публичной библиотеки.

Разные сведения, справки и указания благосклонно сообщены мне: *В. В. Стасовым, И. Ф. Бычковым, С. Н. Шубинским, Г. И. Тимченко-Рубаном, А. В. Половцовым, В. П. Ламбиным, И. М. Губкиным, Г. В. Есиповым, А. Ф. Бычковым.*

Особенной благодарностью обязан я *П. Я. Дашкову*, любезно предоставившему в мое распоряжение свое богатое собрание гравюр, из которого и заимствованы для настоящего тома редчайшие старинные оригиналы.

Императоръ Павелъ I.

Том IV

Глава I

Царствования императоров Павла I и Александра I

В предшествовавшей истории учреждений Императорской охоты мы наблюдали не раз, как периоды крайнего их упадка сменялись периодами блестящего расцвета. Старинная государева охотничья потеха падает в смутное время великой разрухи Московского государства и вслед за тем восстанавливается, совершенствуется и достигает высшего блеска при Тишайшем Царе Алексее Михайловиче. При сыновьях этого государя, "Охотника достоверного", царе Феодоре Алексеевиче и императоре Петре I, учреждения Императорской охоты приходят в упадок, но вслед за тем, начиная с царствования юного императора Петра II, возрождаются на новых началах: императрица Анна Иоанновна дает новую организацию псовой охоте; императрица Екатерина II восстанавливает любимую потеху московских царей, охоту соколиную.

Приступая теперь к истории Императорской охоты в XIX веке, мы должны начать, так же как в двух предшествующих томах нашего труда, с печальной картины ее упадка в царствования императоров Павла I и Александра I. Время упадка, однако, вскоре, так же как в предшествующих столетиях, сменяется периодом расцвета. Учреждения Императорской охоты, пришедшие в крайнее расстройство в помянутые царствования, восстанавливаются мало-помалу во второй половине царствования императора Николая Павловича и затем достигают высокого развития в

царствование императора Александра II,
Царя-Освободителя.

Император Павел I не чувствовал к охоте ни малейшей склонности. В архивах не сохранилось никаких сведений хотя бы об одной охоте в его присутствии. Существует памятник-обелиск, венчающийся красивым орлом из мрамора, в г. Гатчине, в Дворцовом саду, где, по преданию, император Павел I убил орла, который упал, отлетев от императора очень далеко, на месте падения которого и воздвигнут названный памятник. Известное крайнее увлечение императора Павла Петровича военным делом, смотрами и вахт-парадами, строгой выправкой солдат по немецкому образцу – не оставляло места в душе его увлечению охотой¹.

Проявленное не раз императором Павлом I враждебное отношение к различным учреждениям, составлявшим предмет особых попечений императрицы Екатерины II, сильно отразилось и на Императорской охоте. Начатое, по мысли императрицы, в конце ее царствования сооружение обширного каменного здания для Обер-егермейстерского корпуса на окраине Петербурга, по Царскосельской дороге, еще не было вполне закончено, как император Павел по вступлении на престол передал его Измайловскому полку (см. т. III, стр. 149). Высочайшее повеление в мае 1798 г. гласило: "Каменное строение, произведенное от Егермейстерского ведомства за Обуховым мостом, предоставить для казарм Измайловскому полку, а захваченное к тому строению место, обнесенное изгородью, поелику оно принадлежит к городским выгонам, обратите по-прежнему в выгон"². Псовая и другие придворные охоты должны были остаться в

прежних, крайне неудобных и обветшавших строениях у Обухова моста по реке Фонтанке (Охотничий или Волынский двор).

Относительно соколиной охоты, которая составляла одно из любимейших развлечений императрицы Екатерины II, император Павел Петрович 13-го ноября 1796 г., через неделю по вступлении на престол, сделал распоряжение, чтобы эту "птичью охоту с служителями не выписывать из Москвы в Петербург, впредь до особого повеления от Его Величества". Вместе с тем государь повелел "казенную псовую охоту с служителями без повеления Его Величества в отъезд поля ни с кем не отпускать". Это распоряжение обрекло псовую охоту на полное бездействие, лишая необходимой практики собак и охотников³.

Опалы, которым так часто и неожиданно подвергались служащие в царствование императора Павла I, мало коснулись Егермейстерского ведомства, потому что чины его находились большей частью в отдалении от государя. Обер-егермейстер Екатерины II – князь Петр Алексеевич Голицын, оставался на своем посту до 16 февраля 1800 г.⁴ По увольнении его обер-егермейстером назначен был генерал от инфантерии Василий Иванович Левашев⁵. В 1798 г., 6 декабря, император назначил егермейстером своего любимца, обер-гардеробмейстера графа Ивана Павловича Кутайсова⁶. 1 января 1800 г. Кутайсова сменил камергер двора наследника цесаревича Александра Павловича граф Головкин 3-й. Но не прошло двух месяцев, как Головкин навлек на себя гнев государя: 26 февраля того же 1800 года он был уволен от службы без прошения, "по случаю, – как гласит указ, – сделанных им издержек при проезде

любезнейшей дочери Нашей, Великой Княгини Александры Павловны, сверх положенной нами на то суммы, вдвое"⁷.

Будучи наследником цесаревичем, великий князь Павел Петрович вместе с супругою своею, великой княгиней Мариею Феодоровною, путешествуя по загранице под именем графов Северных, участвует на одной из великолепных охот в Берензэ, близ Штутгарта, в октябре 1782 г., данную высоким путешественникам Вюртембергским двором. Приложенное при сем редкое гравированное изображение того времени лучше всего показывает интересный момент описываемой охоты, разработанный в приложенной картине художника Л. Пастернака⁸.

Не любя охоты, император Павел I интересовался лишь одним учреждением, имеющим с нею связь, а именно – Гатчинским зверинцем, который был устроен графом Г. Г. Орловым.

В то время, как Гатчина принадлежала Павлу Петровичу, в бытность его великим князем, этот зверинец, по свидетельству современников, содержался в полном порядке. Судя по немногим сохранившимся сведениям, Павел Петрович не раз посещал Гатчинский зверинец и по своем вступлении на престол. Так, например, в сентябре 1799 г. он в сопровождении императрицы, наследника цесаревича и его супруги, принцев Мекленбургских и с большою свитою прогуливался по разным местам сада и зверинца более полутора часов. Особый зверинец устроен был также в Павловске, в недалеком расстоянии от дворца; в нем содержались сибирские олени и ослы. Император с императрицей посещали зверинец, совершая прогулки

или пешком, или в линейках. Императрица Мария Феодоровна и после смерти своего супруга неоднократно совершала прогулки в Гатчинский зверинец⁹. Император Александр Павлович унаследовал от своего отца нерасположение к охоте.

Пастернак А.
Великий Князь Павел Петрович и Великая Княгиня
Мария Феодоровна на охоте в Берензэ, близ Штутгарта

В России он, насколько мы знаем, не охотился ни разу и лишь во время поездок за границу принимал участие совершенно официально в охотах, устраивавшихся иностранными монархами, вместе с другими увеселениями, в честь его посещения. Так, например, император Александр участвует вместе с императором Наполеоном 6 октября 1808 г. в Этtersберге, близ Веймарна, на охоте оленей и прочей дичи, данной герцогом Саксен-Веймарнским, что видно на приложенном здесь редком рисунке того времени и разработанной на картине профессором живописи И. Е. Репиным¹⁰. Во время знаменитого в истории дипломатии Венского конгресса 1815 г. для русского императора, прусского короля и германских принцев, в большом числе собравшихся в Вену, князь Меттерних устраивал охоты вместе с балами, спектаклями, фейерверками и другими увеселениями, в которых австрийский канцлер не имел соперников.

Придворная охота, однако, в царствование императора Александра I не бездействовала так, как при императоре Павле; птичьей соколиной охотой одно время интересовалась вдовствовавшая императрица Мария Феодоровна. Летом 1805 года, впервые после смерти императрицы Екатерины II, сокольники с ловчими птицами были вызваны из Москвы в Петербург; они вызывались в Петербург также в 1808 и 1810 гг. Хотя прямых указаний на участие в соколиной охоте императрицы Марии Феодоровны не сохранилось, но мы знаем, что в 1808 г. сокольники, прибывшие в Петербург, были направлены отсюда в Павловск, летнюю резиденцию вдовствовавшей императрицы.

От 1814 г. сохранилось одно из немногих известий об участии императрицы Марии Феодоровны в охоте

на зайцев. В Камер-фурьерских журналах за этот год под 9 октября читаем: "Гатчина. В пятницу в 12 ч. пополудни Ее Императорское Величество вдовствующая Императрица Мария Феодоровна с Ее Императорским Высочеством Великою Княжною (Анной Павловной) в колясках, а Их Императорские Высочества Великие Князья верхами изволили от дворца выезд иметь *на охоту заячьей травли*, и быв при том сопровождаемы на линейях и верхом же составлявшими Высочайшую свиту особами обоего пола, а в половине 4 часа возвратились обратно во дворец".

В архивных бумагах 1809 г. мы встречаем известие, что 58 человек служителей придворной охоты были отправлены "на осоку, для принятия медведей в окрестности Гатчины"; встречаем также известия о неоднократных выездах в поле птичьей и псовой охот в летнее и осеннее время; но источники умалчивают о том, принимали или нет участие в этих охотах особы Царствующего Дома.

Егермейстерское ведомство в это время сохраняло давно устроенные шалаши для стрельбы тетеревей в лесу у деревни Шушары. В 1820 г. здесь был отстроен новый круглый шалаш, бревенчатый, теплый, и кругом него были поставлены "чучельные шесты", как делалось при устройстве шалашей во времена Елисаветы Петровны и Екатерины II¹¹.

В последние годы царствования императора Александра I иногда устраивались охоты для великого князя Николая Павловича, который еще в молодости полюбил охоту и впоследствии, по вступлении на престол, ежегодно посвящал несколько осенних дней любимому развлечению. Супруга его, императрица

Александра Феодоровна в своих воспоминаниях, касающихся, к сожалению, лишь первых лет ее пребывания в России (до 1820 г.), посвятила несколько живых строк охотам великого князя Николая Павловича в Гатчине в 1818 году: "Мама (вдовствовавшая императрица Мария Феодоровна) разрешила своему сыну (Николаю Павловичу) провести несколько дней в Гатчине для охоты. Мы с радостью приготовились воспользоваться этим позволением и провели в Гатчине время весело и приятно в тесном кружке, который составляли Обер-Церемониймейстер князь Яков Лобанов, флигель-адъютант князь Александр Лобанов, граф Рибопьер и наш маленький Аничковский двор. Мне чрезвычайно понравилась эта жизнь в Загородном замке и охота; все были веселы, любезны, но каждый по-своему, разговорчивы; все расстались довольные друг другом"¹².

Не найдя в воспоминаниях современников и в Камер-фурьерских журналах никаких указаний об участии в охотах императора Александра I, мы встретили лишь немногие данные о развлечениях императора, имеющих некоторую связь с нашей темой. Лейб-хирург Д. П. Тарасов рассказывает в своих воспоминаниях, что государь во время пребывания своего в Царском Селе часто посещал птичий двор. Государь рано утром "выходил в сад через собственный выход в свою аллею, из коей постоянно направлялся к плотине большого озера, где обыкновенно ожидали его: главный садовник Лямин и все птичье общество (до сотни лебедей, а также гуси и утки), обитавшее на птичьем дворе, близ этой плотины. К приходу Его Величества птичники обыкновенно приготовляли в корзинах разный для птиц корм. Почуввав издали

приближение Государя, все птицы приветствовали его на разных своих голосах. Подойдя к корзинам, Его Величество надевал особо приготовленную для него перчатку и начинал им сам раздавать корм". Этот царскосельский птичий двор император Александр I однажды, в июне 1818 г., показывал прусскому королю Фридриху-Вильгельму во время его посещения Петербурга вместе с наследным принцем Вильгельмом.

Император Александр I был хорошим ружейным стрелком. В 1822 г., во время поездки на Веронский конгресс, он в г. Инсбруке однажды посетил стрельбище, на которое собрались для состязания все лучшие стрелки Тироля. Государь принял участие в этом состязании и получил приз¹³.

Нерасположение к охоте императоров Павла I и Александра I повело к быстрому упадку придворных охотничьих учреждений в первой четверти минувшего века. Штаты Егермейстерского ведомства были дважды значительно сокращены, в 1796 и 1801 гг. Птичья соколиная охота, восстановленная императрицей Екатериной II в виде славного национального наследия московской эпохи, падает окончательно, чтобы более никогда уже не подняться. Псовая придворная охота, превосходно устроенная обер-егермейстером, кабинет-министром Волынским при императрице Анне Иоанновне, также приходит в такой упадок, что не может более равняться с лучшими псовыми охотами частных лиц. Строения зверинцев и охотных дворов ветшают и разрушаются.

Через полтора месяца после вступления на престол императора Павла I утвержден был им, 30 декабря 1796 г., новый яхт-штат, разработка которого, надо полагать, начата была еще при жизни императрицы

Екатерины II. Этим штатом размеры придворной охоты сокращены были, сравнительно с штатом 1773 года, почти вдвое. Общее число чиновников и служителей уменьшено было с 321 до 162 человек. Особенно усиленному сокращению подверглись по штату 1796 года наиболее существенные части Императорской охоты – псовая и птичья. Из 86 человек псовой охоты 1773 года в новом штате осталось только 55, а размеры птичьей охоты сократились до 19 человек вместо прежних 45-и. Без перемены удержалась только егермейстерская команда, оставшаяся в прежнем своем составе (33 человека). Рядом с сокращением личного состава охот последовало сокращение и расходов на содержание всей вообще охоты.

Обер-егермейстерская канцелярия заменена была *Егермейстерской конторой*; в этом преобразовании высшего управления придворной охоты отразился упадок его значения в общем ряде высших правительственных и придворных учреждений. Некоторые части придворной охоты – как мы укажем ниже – были новым штатом 1796 г. совершенно упразднены¹⁴.

В следующее царствование императора Александра I размеры придворной охоты сокращены были еще более. Вскоре после восшествия его на престол, 18 декабря 1801 года, издан был новый штат Императорских охот, одновременно с утверждением новых штатов по всему придворному ведомству. Основным мотивом, вызвавшим издание этих штатов, было общее сокращение расходов Высочайшего Двора. Государь, рассматривая приходы и расходы Двора, нашел везде "несоразмерное число чинов и служителей, а еще более – несоразмерные, излишние и несоответственные прямой надобности расходы",

вызывавшие "во всех почти частях передержку, превосходящую определенные на то ежегодно в знатном количестве суммы", а через это – и "не малые долги".

Бенуа А.
Прогулка Императора Павла I со свитою
по зверицу в г. Гатчина

Императоръ Александръ I.

Новый штат придворной охоты сокращал ее служебный персонал до 110 человек. В составе охоты были оставлены только самые существенные ее части: Егермейстерская контора, управлявшая охотами, Егермейстерская команда (31 человек), Псовая охота (54 человека) и Птичья охота (19 человек).

На содержание охоты штатом 1801 г. отпущено было до 62.000 р. ассигнациями в год. Вскоре, вследствие вздорожания цен на все жизненные припасы, эта сумма оказалась совершенно недостаточной, несмотря даже на то, что Императорская охота в это время почти бездействовала. Начиная с 1811 г., действительные расходы на придворную охоту значительно превысили сметное назначение: в десятилетие с 1811 по 1820 г. они достигали до 73.000 р. в год, превышая смету на 10.000 р. с лишком; в следующее же десятилетие они еще более увеличились, достигая в год 100.000 р.¹⁵.

Соколиная охота, помещавшаяся на Семеновском потешном дворе, очень скоро, в 1812 г., пришла в совершенный упадок. Непоправимый удар ей нанес император Павел I своим указом 1801 г., о котором мы уже имели случай говорить в заключении к III тому нашего труда. Добывание ловчих птиц, соколов и кречетов становилось в XVIII столетии с течением времени все более затруднительным для сокольных помытчиков, которые поощрялись к помыканию ловчих птиц разными податными льготами. Император Павел помянутым указом отнял эти льготы и преимущества у всех помытчиков, обратив их в дворцовых крестьян, за исключением помытчиков Казанской губернии. Но эти казанские помытчики не могли доставлять ловчих птиц в достаточном количестве, и приток редких ловчих птиц в

Московскую соколиную охоту значительно сократился.

В 1805 г. на Семеновском дворе было всего 15 ловчих птиц (7 кречетов и челигов кречетых и 8 соколов); в 1808 году – только 5 кречетов, а к 1 января 1812 года у птиц (4 кречета, 2 сокола и и ястреб). Занятие Москвы французами и последовавший затем пожар столицы, по-видимому, положили конец соколиной охоте Семеновского потешного двора. По крайней мере, к июлю 1813 года здесь уже не было ни одной ловчей птицы. Наконец, в декабре 1818 года на Семеновском потешном дворе вся птичья охота состояла только из двух лошадей. Так постепенно замерла некогда славная соколиная потеха, оставившая после себя среди жителей Сокольничьей слободы, просуществовавшей до 1827 г., лишь одно воспоминание о своем прошлом.

Вместе с Семеновским потешным двором доживал свой век и младший его товарищ – Измайловский зверинец, бывший свидетелем необычайного развития псовой охоты в непродолжительное царствование юного Петра II Алексеевича. Эти оба ветерана государственной охоты если еще и поддерживались путем постройки новых зданий и починки старых, то не столько из необходимости, сколько из уважения к их прошлому. Впрочем, при Павле Петровиче и в первые годы царствования Александра I в Измайловском зверинце содержалось довольно значительное количество зверей, главным образом, оленей, которых в 1797 году там было 382 штуки, тогда как в том же году прочих зверей содержалось всего 24 (17 кабанов и 7 штук китайского скота). Позднее здесь остались только одни олени: американские, немецкие и сибирские. В 1805 году, например, всего насчитывалось здесь 422 оленя: 289 американских, 68

сибирских и 65 немецких. В 1808 году число оленей сократилось до 293, из которых американских было 230, немецких – 35 и сибирских – 28. К 1 января 1812 года в Измайловском зверинце было уже только 175 оленей (107 американских, 41 сибирских и 27 немецких). После же 1812 года Измайловский зверинец почти совсем опустел; к июлю 1813 года там осталось только 26 оленей (23 американских и 3 немецких). Через пять лет и это число сократилось до 17 оленей.

При Измайловском зверинце в первой четверти XIX века содержалась также псовая охота, состоявшая из гончих и борзых собак, при которых находились придворные выжлятники и пикера. В 1805 году всего при Измайловском зверинце было 86 собак: 80 гончих и 6 борзых, в том числе 22 щенка. В 1808 году борзых здесь уже не было, осталось лишь 36 гончих собак. К 1812 году число гончих увеличилось до 98 (в том числе 53 щенка), но после Московского пожара во время Отечественной войны их осталось только 16 штук. После этого в Московской псовой охоте число собак, по-видимому, начинает снова увеличиваться, причем рядом с гончими появляются и борзые. Так, в декабре 1818 г. там было 53 собаки, из которых – 37 гончих и 16 борзых¹⁶.

К концу двадцатых годов все московские охоты: птичья, зверовая и даже псовая – пришли в полный упадок и только ожидали своего окончательного упразднения, что и не замедлило последовать в начале царствования императора Николая I, в 1828 г. (см. ниже, в главе II). О той степени упадка, какой достиг в 20-х годах Измайловский зверинец, свидетельствуют следующие замечания о его строениях, сделанные при передаче их в ведомство Кремлевской экспедиции: "наружная городьба ветхая, на столбах с

перекладинами и к оным в два ряда жердями на перекося стоймя забранная, вся упала и местами выбрана", почти все службы частью "згнили", частью "в ветхом положении"; внутри зверинца "зимовой двор для американских оленей" с городьбой, а также с навесом, в котором устроены ясли – "згнил"; там же сенной сарай, бревенчатый, крытый тесом, с дощатым полом – "згнил"; возле двора дневальная изба – "згнила и развалилась"; "псарный двор, огороженный в столбы досками", с тремя "денниками, крытыми палубником", да второй псаренный двор, также с дощатым в столбы забором, "с избою для варения собакам навары" – "в самом ветхом положении". Не в лучшем виде была передана и Сокольничья слобода, на которой все строения крайне обветшали задолго до передачи ее в Кремлевскую экспедицию.

Многие из различных охотничьих учреждений и зверинцев, устроенных в XVIII веке, были уничтожены в рассматриваемое время или изъяты из ведения Егермейстерского ведомства. Так, яхт-штатом 1796 г. упразднены были астраханский и с.-петербургский птичьи дворы. В феврале 1797 года была изъята из Егермейстерского ведомства *Руст-камера*, помещавшаяся в так называемом Итальянском доме, и передана в ведение Кабинета Его Величества. В 1803 году передан был в ведомство Государственных имуществ *Царскосельский зверинец*, которому было дано другое назначение, а именно – в нем было устроено практическое лесное училище.

Общий упадок учреждений Императорской охоты в царствование императоров Павла I и Александра I отразился до некоторой степени и на Петергофском зверинце. Обширная площадь земли, занятая зверинцем, была несколько уменьшена: в 1798 г. из нее

был выделен участок для провиантских складов кирасирского полка; в 1818 г. до 55 десятин отведено под выгон скота жителей Петергофа. Кроме Большого зверинца, в Петергофе с 1738 года существовал еще Малый зверинец возле Английского сада. В 1823 г. этот зверинец был уничтожен: содержащиеся в нем олени и несколько буйволов были переведены в Большой зверинец, а занятая им площадь земли была присоединена к Английскому саду с передачей ее в ведение Петергофского дворцового управления.

В 1809 г. равным образом исправлена была городьба *Оленьего зверинца*, составлявшего часть большого Петергофского зверинца: в 1817 г. здесь выстроен был оленник, домик для загона оленей в зимнее время, перенесенный впоследствии в другое место¹⁷.

Содержавшиеся в XVIII веке при Императорской охоте слоны и некоторые другие редкие звери содержатся при ней и в XIX веке, хотя и в меньшем числе. В 1797 г. помещен был на слоновом дворе в Петербурге слон, вновь откуда-то приведенный; на содержание его и жалованье слоновщикам положено было 1500 р. в год¹⁸. В 1816 году из Персии приведены были два слона. Любопытный литографический современный рисунок при сем прилагается: два приведенные из Персии слона с посольством проходят перед Зимним дворцом вдоль шпалер императорских российских войск в С.-Петербурге. На содержание их отпускалось по 1905 р. в год, да на жалованье прибывшим с ними персиянам ежегодно по 100 рублей каждому. Этим двум слонам ежедневно полагалось корму: 4 пуда пшеничных хлебов, 6 фунтов коровьего масла, 10 ф. меду, 2 ф. сахару, 10 п. сена, 5 п. соломы, пряных

кореньев на 5 рублей. В 1823 году один из этих слонов пал; по примеру прежних лет его отдали в Кунсткамеру. Оставшийся слон впоследствии, в 1827 г., был переведен в Царское Село.

В 1806 г. императору Александру I подарен был правлением Беломорской компании белый медведь, привезенный в Петербург с Новой Земли. Этого медведя поместили на Волынском охотном дворе, при псовой охоте, в особо устроенном "магазейне". Тут же при охоте содержались и другие звери: "лошачиха" (в 1808 г.), живой барс (1816–1820 г.) и некоторые птицы.

К концу царствования императора Александра Павловича все строения Придворных охот не только в Москве, но и в Петербурге пришли в полный упадок и "ветхость" и были близки к полному разрушению. Частичными ремонтами помочь делу было нельзя; необходимо было заново возводить все нужные постройки, а на это требовалось много денег. Ввиду этого у начальства охоты не один раз возникала мысль приспособить для Императорской охоты Чесменский дворец, или "Чесму". В первый раз с таким предположением мы встречаемся в 1820 году. Обер-егермейстеру Нарышкину была объявлена тогда высочайшая воля о переводе всего Егермейстерского ведомства в Чесму, причем Охотный (Волынский) двор предполагалось передать в ведомство Комиссии о построении тюремного здания в Петербурге. Согласно этому тогда же поручено было архитектору Стасову составить проект перестройки Чесменского дворца под Придворную охоту, для чего сообщены ему были все данные относительно отвода места, строений и комнат под различные части Императорской охоты. Однако по неизвестным нам причинам это предположение о

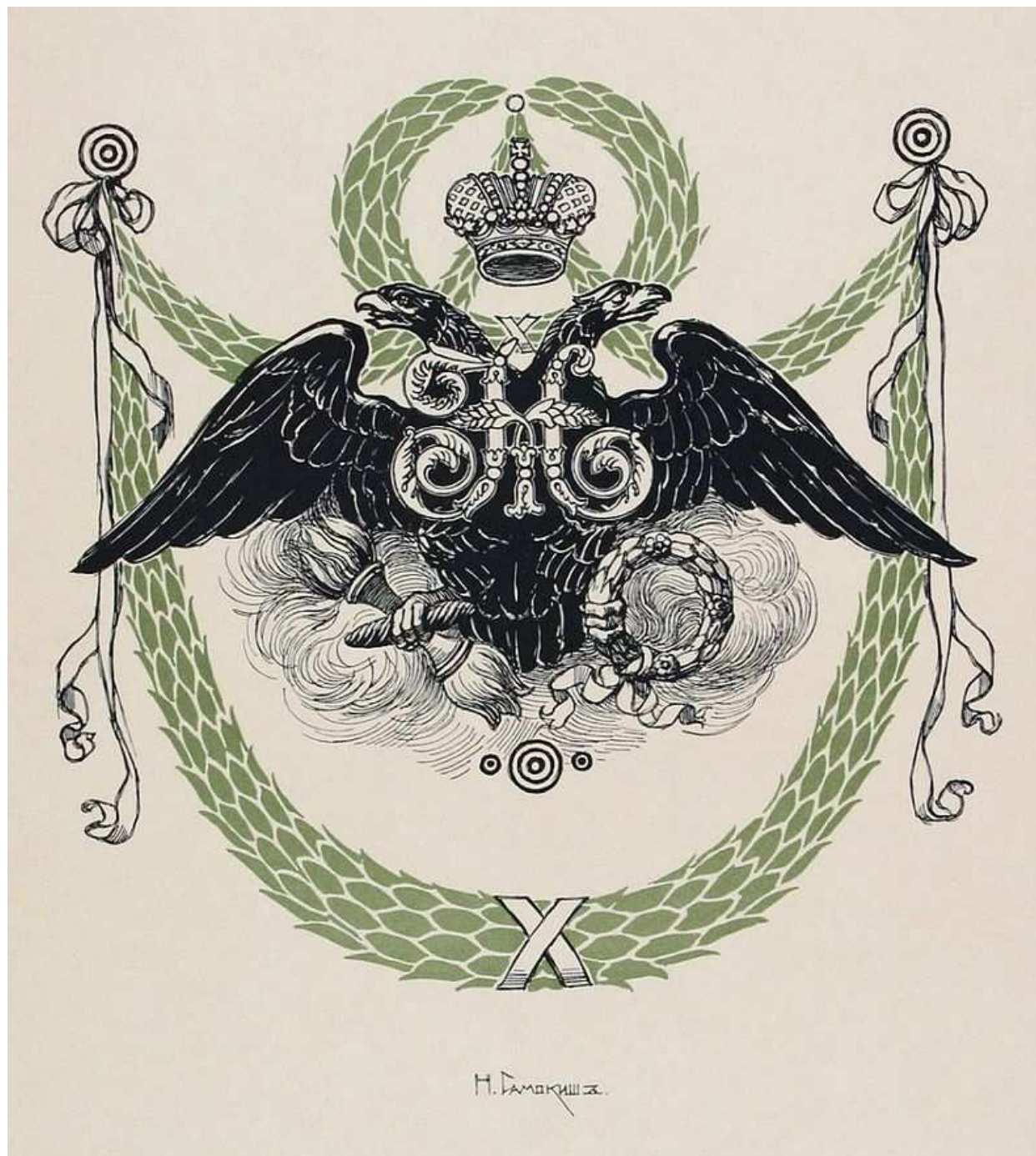
переводе охоты в Чесму не осуществилось¹⁹.

7 ноября 1824 года строения Императорской охоты в Петербурге (на р. Фонтанке) подверглись, наряду с прочими зданиями города, опустошительному наводнению. Из доклада обер-егермейстера Нарышкина мы узнаем, что все чиновники и служители охот хотя и спаслись вместе со своими семействами, но потеряли все свое имущество; спасены были и казенные деньги; утонуло семь лошадей и небольшое число гончих собак, и унесен был водою большой запас дров. Ветхие строения охоты, сооруженные за 60 лет перед тем, были затоплены водою выше 2 1/2 аршин, но, сверх ожидания, остались на месте, хотя так пострадали от наводнения, что нельзя было приступить даже к их ремонту (кроме четырех домов). Что касается псарных дворов со всеми их принадлежностями – конюшнями, внешними и внутренними заборами, мостами, – все это было разрушено и унесено водою. Наводнение причинило значительный ущерб и Петергофскому зверинцу, в котором был разломан "весь без остатка" наличный по большой дороге палисад (длиною до 45° сажень) и сломана с других сторон дукольная городьба. На исправление всех повреждений, причиненных наводнением, потребовалась значительная сумма в 16.000 рублей. Кроме того, по ходатайству обер-егермейстера государь разрешил выдать пострадавшим от наводнения чиновникам и служителям Императорской охоты в возмещение понесенных ими убытков 14.850 руб. Таким образом, только одному Егермейстерскому ведомству был причинен наводнением сравнительно громадный убыток в 30.850 руб. Значительная часть этой суммы (до 25.000 р.) была покрыта собственными сбережениями Егермейстерского ведомства, а

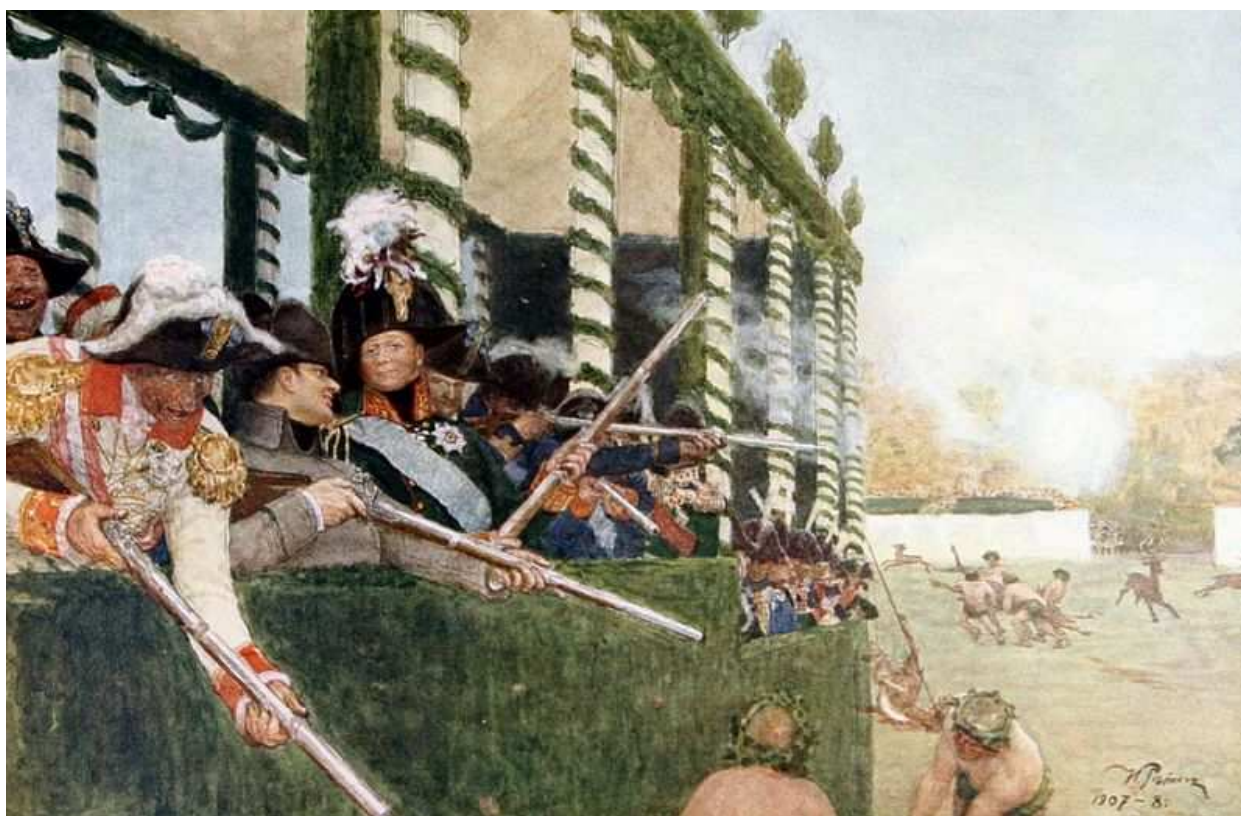
остальные 6.000 р. были отпущены из Кабинета Его Величества²⁰.

Императоръ Николай I.

Репин И.
Император Александр I и Император Наполеон на
охоте в Эттерсберге, близ Веймарна

Бенуа А.
Прогулка Великого Князя Николая Павловича с
супругою своею Александрою Феодоровною и свитою
в гор. Гатчине

Глава II

Царствование императора Николая I

Император Николай Павлович не был страстным охотником, как многие русские государи предшествующих столетий или как его царственный сын император Александр II, но он далеко не был чужд развлечениям охоты, и его прекрасный рыцарский образ является одним из лучших украшений нашей истории Императорской охоты.

Император-рыцарь! Эти слова лучше всего определяют главные черты личности императора Николая I. Его доблестная прямота и откровенность, непреклонная верность слову, сознание святости долга ярко проявлялись во всех его отношениях к монархам чужестранных держав, как и в его отношениях к подданным.

Высокого роста, с красивым мужественным лицом, повелительным взором больших голубых глаз, с решительными, смелыми движениями – он производил впечатление обаятельное и подавляющее. "Император с головы до ног", – так характеризовал его прусский дипломат (Бунзен) в одном из своих частных писем, в которых откровенно рассказывал свои впечатления от пребывания императора Николая I в Лондоне в 1844 г. Другой, саксонский дипломат (Фицтум фон Экстедт), бывший в Петербурге накануне Крымской войны, откровенно признавался, что он чувствовал себя подавленным могущественною личностью государя во время беседы с ним. "Внешность Императора, – писала королева Виктория в 1844 г., – поражает, он все еще очень хорош собою: профиль его прекрасен, а манеры

его полны достоинства и грации. Он очень вежлив, его внимательность и любезность даже внушают опасение. Но выражение глаз его строго: я никогда не видела ничего подобного... Он суров и серьезен, строго верен долгу, от которого не отступит ни за что на свете... Его чувства могучи. Он прост, чувствителен и ласков, а любовь его к жене и своим детям, да и ко всем вообще детям, очень сильна". Рисуя эти прекрасные черты личности русского императора, королева Виктория тонко подметила глубокий внутренний трагизм его положения. "Он производил на меня и на Альберта впечатление человека несчастливой, которого давит и мучит тяжесть его безмерного могущества. Он несчастлив, и меланхолия, проглядывающая в его внешности, по временам наводила на нас грусть". Эта тайная скорбь императора, которую он не умел скрыть, была предчувствием роковой развязки его царствования, Крымской войны, стоившей ему жизни. Он сознавал необходимость преобразований, необходимость обновления России; в секретных комитетах он неоднократно обсуждал вопрос об освобождении крестьян и завещал это дело, как краеугольный камень реформ, своему сыну. Между тем мятеж декабристов, польское восстание, опасность пагубного влияния революционных движений с запада заставили его наложить железную руку на все управление страной и, охраняя государство от внутренних потрясений, сохранять старый крепостной строй жизни, неудовлетворительность которого он сам вполне сознавал. В отношениях к иностранным державам он, чуждый каких бы то ни было завоевательных замыслов, прилагал все усилия, чтобы убедить в этом чужестранных монархов и министров, чтобы вселить им доверие к его откровенным

заявлениям и священным в его глазах договорам, и чувствовал, что его усилия напрасны, что ему не верят, опасаясь его могущества и подчиняясь давнему антогонизму между Европой и Россией.

Об охотах императора Николая Павловича в молодости мы уже говорили в предыдущей главе, со слов его супруги, императрицы Александры Феодоровны. Известий об охотничьих развлечениях его в первые годы царствования, до 1831 г., не сохранилось; за этот период времени мы имеем лишь краткую заметку об охоте, устроенной Егермейстерским ведомством для персидского принца Хорзева-Мирзы, прибывшего в Петербург в 1829 г. с покаянной миссией по случаю убийства в Тегеране (30 января 1829 г.) императорского посланника в Персии А. С. Грибоедова, знаменитого творца "Горе от ума". Эта охота устроена была для персидского принца на собственной даче Ее Величества – Александрии²¹.

Первые записи Камер-фурьерских журналов об охотах императора Николая I относятся ко времени пребывания его в Гатчине в сентябре 1831 года. 23-го сентября этого года государь выехал на оленью охоту в Сильвии в начале 1-го часа. Его сопровождали министр Двора кн. Волконский и генерал-адъютант кн. Васильчиков, граф Чернышев, Храповицкий, графы Орлов и Адлерберг. Кроме оленей, император стрелял в этот день также уток. Императрица прибыла к месту охоты в английской коляске с фрейлинами, но вскоре, не дождавшись государя, увлекшегося охотой, отбыла на ферму к завтраку. "Государь Император, – как отмечено в Камер-фурьерском журнале, – фриштыкать не изволил, а проводил все время охотою и после оной, с Министром Двора кн. Волконским, возвратился во дворец пеша 15 минут 4-го часа". Все лица,

участвовавшие в этой высочайшей охоте, были затем приглашены во дворец к обеденному столу.

На следующий день, также в начале 1-го часа, государь в линейке отправился охотиться на зайцев в Приорат ("Пеарад"), в сопровождении принца Ольденбургского, кн. Волконского, лейб-медика Вилье и других лиц. Дурная погода помешала успеху охоты; травили всего два раза и взяли трех зайцев. В этой охоте участвовал также наследник Александр Николаевич с воспитателем К. К. Мердером. Государь со свитою рано, в третьем часу, прибыл к завтраку в земляной домик (Приоратский дворец), куда вслед за ним приехала императрица.

Император Николай Павлович не любил охоты на вольного зверя — на волков, медведей или лосей, сопряженной с опасностью и требующей дальних поездок, но он очень любил охоту на оленей, отчасти также на мелкую дичь — зайцев, фазанов, куропаток. Живя в Гатчине в осенние месяцы, он, большею частью в октябре, охотился на оленей в Гатчинском зверинце. Когда в конце 40-х и начале 30-х годов государь жил в Царском Селе, он не раз совершал охотничьи поездки в свой любимый Гатчинский зверинец. Случалось также, что государь охотился и летом, в июле и августе, живя в Петергофе; особенно часто упоминается о его охотах здесь в августе 1834 года. Имеется любопытная картина, приведенная здесь, как император Николай I во время своего заграничного путешествия вместе с государыней императрицей Александрой Федоровной охотился в горах Тироля, в Крейте.

Начиная с 1831 по 1851 г. почти каждую осень камер-фурьеры отмечали охотничьи развлечения императора Николая I; так, в 1834 г. записано, что

император с императрицей, со всеми лицами, приглашенными накануне к высочайшему ужину, в том числе с великим князем Михаилом Павловичем и министром Двора кн. Волконским, почти постоянным спутником охот государя, верхом отправились на ферму к завтраку. "После сего Его Величество с особами мужеского пола проезжали верхом в садовую Сильвию, где Его Величество изволил стрелять напущенных из зверинца оленей и диких коз"²².

В августе 1834 г. государь довольно часто охотился один в окрестностях Петергофа. В августе он выехал один в коляске за 12 верст от Петергофа, к деревне Бабьи Гоны, где для него устроена была звериная охота, в которой участвовало 170 человек загонщиков солдат. В июле 1839 г. устроена была охота в присутствии государя в Петергофском зверинце для высочайших гостей: австрийского эрцгерцога Альберта и принца Нидерландского Александра; в октябре 1840 г. охота на оленей в Гатчинском зверинце – для принца Александра и принцессы Марии Дармштадтской. В 1846 г., точно так же в начале августа, состоялась в присутствии государя охота в Петергофе, в лисьей роще английского сада, устроенная в честь великого и наследного герцогов Веймарнских, в октябре же в Гатчинском оленьем зверинце – для принцев Александра Гессенского и Петра Ольденбургского²³.

9 августа 1846 г. государь участвовал в охоте, устроенной в Петергофском зверинце для наследного принца виртембергского Карла, прибывшего в Петербург для бракосочетания с великой княжной Ольгою Николаевною, и принцев Прусского и Голштинского, прибывших на торжества бракосочетания. Для принца Виртембергского устроена была в это время также охота на волков и медведей, но

государь в ней не участвовал, так как он вообще не любил волчьих и медвежьих охот. Секретарь принца, писатель Гохлендер, сохранил нам описание курьезного эпизода этой охоты:

"Однажды была охота на волков и медведя. Звери содержались в больших клетках, вблизи Петергофа. Волки были очень дики, медведь же, не очень большой, сидя на задних лапах, "служил" охотно, если ему давали сахар, и позволял гладить себе голову и лапы так добродушно, что мы все были убеждены, что он ручной. На охоте Прусский принц застрелил его. На другой день я его посетил, и когда он сказал: "Поздравьте меня, я вчера застрелил медведя", то я, смеючись, ответил ему: – "Точно так, Ваше Высочество, но зверь был ручной; мы кормили его сахаром и гладили по голове". Принц, несколько не обидясь, ответил, добродушно смеясь: "Сказать правду, скверно, что меня заставили застрелить ручного медведя, но все знают, что я сумею справиться и с диким".

В 1847 г., 29 августа, государь с великими князьями и принцем Виртембергским охотился на волков. Это один из редких случаев участия его в волчьей охоте. В Петергофский олений зверинец тогда были выпущены все волки, содержащиеся на зверовом дворе в придворной охотничьей слободе, и все эти волки были перестреляны. В сентябре этого же года для принца Виртембергского устроена была другая охота на волков, у деревене Негодиц и Клотиц, но государь в ней не участвовал. Принц остался ею чрезвычайно доволен и отозвался с большим одобрением о команде и в особенности о наездке гончей стаи²⁴.

В следующем 1848 году государь во время своего пребывания в Петергофе участвовал в травле зверей вместе с великими князьями и принцем Мекленбургским. Затем, когда он жил осенью в Царском Селе, то 28 октября отправился утром отсюда в Гатчину на свою любимую осенью охоту вместе с великими князьями и принцем Гессенским. В зверинец Сильвию по приказанию государя было выпущено до 30 оленей самцов. Замечено было, что олени бежали весьма плохо: это произошло оттого, что звери были привезены в Сильвию с связанными ногами. Государь в три часа отправился обратно в Царское Село, великие же князья продолжали охотиться до 6 часов.

В 1849 г., во время пребывания в Гатчине в октябре месяце, государь три раза охотился в Гатчинском зверинце с великими князьями и некоторыми приближенными. Это был, насколько можно было судить по сохранившимся сведениям, последний год более или менее частых охот императора Николая I. За следующие 5 лет (1850–1854), последние годы жизни государя, мы имеем лишь два отрывочных известия об его охотах, а именно: от 16 марта 1850 г., когда он присутствовал на охоте при садке волков и зайцев в Петергофском фазаньем заведении, и от 3 ноября 1851 г., когда государь во время пребывания в Царском Селе один раз совершил поездку в Гатчину с великими князьями и большим числом приближенных для охоты на оленей²⁵.

Точных сведений обо всех охотах императора Николая I не сохранилось. В Камер-фурьерские журналы записывались преимущественно охоты государя в присутствии высочайших гостей, иностранных принцев, или в присутствии большого числа особо приглашенных придворных лиц. О тех же

случаях, когда государь охотился один, Камер-фурьерские журналы того времени содержат лишь случайные неполные данные. В этом легко убедиться из сопоставления этих журналов с другими сведениями, сохранившимися в архиве Императорского Двора. Так, от 1834 г. мы имеем в Камер-фурьерском журнале лишь две записи от 13 и 16 августа о звериной охоте государя у деревни Бабыи Гоны (Винон-Ган). Между тем 15 августа того же года егермейстер Д. В. Васильчиков доносил министру Двора: "Ныне Государь Император изволит охотиться довольно часто". Точно так же в Камер-фурьерском журнале за 1835 г. мы не находим указаний на то, чтобы в июле 1835 г. государь охотился во время своего пребывания в Гатчине, где он присутствовал на войсковых маневрах в окрестностях города; между тем, из распоряжений по Егермейстерскому ведомству, мы знаем, что в дни пребывания государя в Гатчине (3–10 июля) придворная охота, в числе 26 служителей и 2 чиновников с 44 собаками, была командирована в этот город для устройства охоты на оленей. Весьма вероятно, что император, живя в Гатчине, уделил хотя несколько часов своей любимой охоте на оленей в хорошо знакомом ему Гатчинском зверинце. В делах Егермейстерского ведомства за следующий 1836 год мы встречаем указание, что между 18 и 25 июля чиновники и служители придворной охоты были на оленьей охоте в Гатчине. В эти дни государь находился в Гатчине на войсковых маневрах, и, несмотря на молчание Камер-фурьерского журнала, мы можем с большою вероятностью предположить, что оленья охота в это время была устроена именно для него. Точно так же в Камер-фурьерском журнале за 1844 г. мы находим только одну запись о высочайшей охоте на

фазанов в Петергофе 31 августа, в присутствии императора, государя наследника, великого князя Константина Николаевича, герцога Лейхтенбергского, принца Гессенского, министра Двора кн. Волконского и нескольких генерал-адъютантов. Тем не менее мы можем положительно утверждать, что этой охотой не ограничились охотничьи развлечения императора Николая I в этом году, так как в октябре 1844 г. обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "В нынешнем году на Высочайших охотах уничтожено в Петергофском ремизе довольно большое количество зайцев... В окрестности Петербурга так мало зайцев, что когда Е. И. В. Наследник Цесаревич изволил охотиться, то почти их не находил"²⁶.

Во вторую половину царствования императора Николая I в охотах его обыкновенно принимал участие наследник цесаревич Александр Николаевич. Не довольствуясь этим, великий князь весьма часто охотился один, вследствие рано развившейся в нем страсти к охоте.

В поденных записках воспитателя наследника цесаревича, генерал-адъютанта Карла Карловича Мердера, встречается много заметок об охотничьих развлечениях великого князя отрока. Заметки эти дают возможность проследить с самого начала развитие охотничьей страсти в великом князе и свидетельствуют, что ее раннее пробуждение должно быть приписано в известной степени влиянию воспитателя. Десяти лет от роду великий князь уже хорошо владел ружьем. В июле 1828 г. (Александр Николаевич родился 17 апреля 1818 г.) Мердер замечает: "Великий Князь и Вьелегорский стреляют изрядно: из десяти выстрелов на пятидесяти шагах

расстояния от доски не менее семи попадает в доску (шириною в 1 1/2 арш.), из числа семи – большая часть в цель, имеющую 3/4 арш. в диаметре". В следующем году, во время пребывания императорской фамилии в Петергофе, в один из июльских вечеров юный великий князь со своим воспитателем совершает прогулку верхом на охотничий двор и здесь наблюдает схватку бульдога с молодым медведем. Мердер велел выпустить зайца и спустить двух борзых. Травля зайца очень понравилась великому князю, и воспитатель Мердер обещал достать для него борзую. В 1830 г., в мае, во время пребывания в Царском Селе, Мердер позволяет великому князю брать на прогулку ружье; первый удачный выстрел в ворону доставляет ему большую радость: "Великий Князь, – пишет Мердер, – выстрелил в ворону и перешиб ей крыло; она не могла лететь и осталась на дереве; но когда, добитая другими, упала с дерева, то все (великий князь с его юными спутниками) от радости прыгали и кричали и с триумфом подняли добычу. После обеда мы снова ходили пешком с ружьем почти два часа"²⁷. Тринадцати лет великий князь Александр Николаевич с своим воспитателем охотится на уток, весьма неудачно, и участвует в охоте государя на зайцев. В следующем году великий князь получил в подарок от главного лесничего Курляндии (Мантейфеля) три своры борзых, необыкновенно малого роста, и одну легавую. На следующий же день по получении этих собак (19 июля 1832 г.) великий князь поспешил испытать их качества, охота не удалась, но эти первые неудачи не охладили его наследственного влечения к охоте. В августе того же года великий князь впервые участвует в волчьей травле. "Дождь шел все время, и мы, – замечает Мердер, – промокли до костей, но это не помешало

веселиться по причине новости забавы. Великий князь *очень горячился на охоте*, – когда он увидал, что собаки погнались за волком, он не мог удержаться и пустился верхом в погоню".

Эти первые охотничьи увлечения великого князя вредно отражались на его учебных занятиях. На третий день после первой волчьей охоты он так же, как его товарищи по учению (Вьелегорский и Паткуль), получил дурные отметки; тогда "Государь Император, – пишет Мердер, – приказал мне на будущей неделе их на охоту не водить, дабы они не имели развлечения. Наказания этого не ожидали, и я заметил, что оно произвело силеное действие на всех троих"²⁸. Через неделю, 28 августа, и затем 11 сентября великий князь снова охотится в Царскосельском парке с маленькими курляндскими борзыми.

В 1839, 1840, 1841 гг. наследник цесаревич участвует во всех больших охотах на оленей, летом и осенью устраивавшихся в Петергофском и Гатчинском зверинцах, для государя и германских принцев. Осенью 1842 года великий князь часто охотился на волков в окрестностях Царского Села и Гатчины; придворная псовая охота была командирована в Царское Село в его распоряжение²⁹. В октябре того же года он с несколькими флигель-адъютантами стрелял оленей в Гатчинском зверинце, а на следующий день охотился на зайцев в близлежащей деревне.

С этого времени наследник цесаревич занимался охотой весьма часто – и зимой 1842–1843 гг., и весной 1843 г. В апреле 1843 г. обер-егермейстер Васильчиков сообщал своему высшему начальству: "С прошедшего года, каждую неделю, привозят из Петергофа к Государю Наследнику Цесаревичу собственных Его

Императорского Величества собак", и ввиду этого указывал на необходимость устроить в Петербурге особое помещение для приезжающих егерей с собаками. Летом этого года наследник впервые, как кажется, участвовал в охоте на лося. Когда в Александровском парке в Петергофе замечен был лось, государь предоставил убить его наследнику цесаревичу, который предпринял поиск за лосем на следующий же день.

Летом 1844 г. для наследника цесаревича устроено было несколько охот на волков; "оставшись весьма доволен многими удачными охотами", он в августе месяце поручил обер-егермейстеру Васильчикову исходатайствовать прибавку жалованья искусному вабельщику Борисову. В то же время он просил обер-егермейстера извещать его обо всех охотах на волков, устраиваемых Егермейстерским ведомством.

Помимо участия в оленьих охотах государя, великий князь наследник охотился на оленей также и один, с своими приближенными; на одной из таких охот в зверинце Сильвии, 20 октября 1845 г., из числа 13 выпущенных оленей великий князь убил – шесть, другие участники охоты – 5 и двух сгоняли гончие. За три дня перед тем он охотился на зайцев в окрестностях Царского Села.

С одной из охот великого князя 1846 г. связано переименование Графской Славянки в Царскую Славянку. 14 сентября 1846 г., утром, он отправился на охоту в эту местность и пригласил участвовать в охоте также офицеров Преображенского полка, стоявшего в Графской Славянке. Во втором часу сюда же прибыли в экипаже их величества, великие князья Николай Николаевич, Михаил Николаевич, великая княжна

Мария Николаевна с приглашенными особами. Местные крестьяне и нижние чины Преображенского полка встретили их величеств с хлебом и солью. За обеденным столом государь в память этого посещения наименовал Графскую Славянку – Царскою и "пил за здоровье шампанское"³⁰.

В 1847 г., 12 января, 29-и лет от роду, наследник в первый раз охотился на медведя. Через два года, в январе и феврале 1850 г., он предпринимал уже большие охоты на медведей и волков; об успешности их свидетельствуют следующие его охотничьи трофеи: 19 января великий князь отправляет несколько убитых им волков, для выделки шкур, к препаратору Академии художеств и 2 февраля – три медведя и два волка, 18 февраля – медведя и барсука. Вероятно, наследник цесаревич охотился на медведей также и в начале марта 1850 г., так как, по нашим сведениям, он вытребовал в Петербург из Петергофа служителя придворной охоты с инструментом для отпилки зубов у двух медвежат. В некоторых его охотах в феврале месяце этого года принимал участие наследный принц Саксен-Альтенбургский, и после отъезда принца из России наследник цесаревич в мае месяце отправил ему чучела волка и барсука, убитых принцем, и ковер, сделанный из шкуры медведя, убитого самим великим князем.

В первых охотах великого князя на медведя, его сопровождал егерь Климов. Затем, так как медвежья охота, несмотря на то, что великий князь был весьма искусным стрелком, была сопряжена для него с известным риском ввиду его увлекающегося характера страстного охотника, император Николай Павлович избрал для постоянного сопутствования великому князю комиссара охоты (впоследствии

унтер-егермейстера) И. В. Иванова, искусного стрелка и охотника. Император Николай I однажды лично имел случай убедиться в его искусстве в одной из своих охот на оленей, когда комиссар охоты Иванов, за болезнью управляющего, исполнял его обязанности, находясь при государе. Расскажем об этой охоте словами ее очевидца:

"Стоя позади Николая Павловича, он, как хороший стрелок и страстный охотник, заметил, что Государь неверно целится; сердце охотника не вытерпело: забыв, что стреляет Государь, он сказал:

– Держите ниже.

– Молчать, – сказал Государь, не оборачиваясь. Выстрел последовал, олень остался цел. Бежит другой олень, Государь стреляет и тоже мимо; в третий раз Иванов опять не вытерпел, опять заметил: "Держите ниже и правее".

– Молчать, – повторил с сердцем Государь.

После охоты Государь обращается к Иванову и спрашивает:

– Кто ты такой?

– Комиссар охоты, Ваше Величество; за болезнь управляющего имею счастье состоять при особе Вашего Величества.

– Ты, значит, охотник и стреляешь хорошо. Так пойди и застрели лебедя, который обижал своих товарищей; на него мне много жалоб от садовника, и затем мне доложи.

Лебедь был застрелен, и когда Иванов доложил, то Государь сказал:

– А чем ты мне докажешь, что убил именно беспокойного?

– Я его знал, Ваше Величество.

– Хорошо, ступай".

Об этом-то искусном стрелке император Николай I вспомнил при отправлении наследника цесаревича на медвежью охоту и вверил его особому попечению жизнь великого князя. Он вытребовал комиссара Иванова к себе вечером в Зимний Дворец. "Иванов, – читаем в цитированном рассказе, – является; зовут в кабинет; Государь был один и стоял около стола. Увидев вошедшего, он громко и раздельно сказал:

– Иванов, завтра Наследник едет на охоту; смотри, головой отвечаешь; пошел.

"С тех пор Иванов, в течение двадцати шести лет, состоял всегда при покойном Государе (Александре II) до самой смерти, и пока был жив Император Николай Павлович, когда ехал на охоту Наследник, Иванов всякий раз требовался в кабинет и слышал из слова в слово одно и то же:

– Иванов, завтра Наследник едет на охоту; смотри, головой отвечаешь; пошел.

"Иванов был истинно русский человек, любил Государей, но при этом необходимо помнить, что это говорил Николай Павлович, так что Иванов во всю жизнь не мог забыть выражения глаз и жеста, с которыми в течение нескольких лет говорил Государь.

"Иванов мне сам рассказывал, и ему я верю, что и через двадцать лет после смерти Николая Павловича, Иванов, стоя по правую руку Государя Александра Николаевича, видит всегда Николая Павловича, и в ушах у него раздаются голос и слово "смотри", и, действительно, уж смотрел он зорко... С начала и до конца всякой охоты он стоял по правую сторону

Государя и держал свой карабин с взведенным курком голыми руками, несмотря ни на какой мороз и ветер, что иногда, если медведь не скоро выходит, или не скоро отыскивается, приходилось около часу, а бывали примеры, что и больше"³¹.

В последние годы жизни императора Николая I великий князь Александр Николаевич также охотился довольно часто, насколько можно судить по далеко не полно сохранившимся сведениям.

В начале 1851 г. он охотился на медведя у деревни Васькины Нивы и в марте месяце приказал доставить в Зимний дворец пойманных во время этой охоты медвежат. На устроенную для него охоту у деревни Тосны 5 марта 1851 г. приглашен был герцог Мекленбург-Стрелицкий. В 1853 г. наследник цесаревич охотился на медведей близ станции Ящеры, 3 и 4 февраля, причем здесь было убито три медведя. 21 февраля наследник убил одного медведя у села Марьина. 18 ноября того же года он охотился в присутствии большого числа приглашенных военных на оленей в Гатчинском зверинце. В 1854 г., в январе, он охотился на медведей и лосей у села Марьина; осенью, 10 сентября, для него устроена облава на волков в окрестностях Царского Села, причем его высочество убил старого волка, а другой волк был взят в тенета. В 1855 г., 29 января, за девятнадцать дней до кончины императора Николая I (18 февраля), наследник цесаревич охотился на медведей у села Никольского³².

Охоты на медведей производились служителями Егермейстерского ведомства и до того времени, когда великий князь Александр Николаевич начал принимать в них участие; государь в этих охотах не участвовал, и

надо полагать, что они устраивались, с исключительной целью истребления хищных зверей в окрестностях летних резиденций Императорской фамилии и в других местах, для безопасности крестьян.

Мы имеем целый ряд известий о таких охотах на медведей, с участием управляющего придворной охотой, от 1833, 1834, 1835 гг., в том числе один раз на медведей и лосей. Крестьянам, объявлявшим медведей, выдавалось 50 или 100 рублей награды. Кроме управляющего Павлова и биксеншпаниера Зекина, в охотах участвовало 25–28 служителей. Кричан бывало от 50 до 100 человек; им платили по 50 коп.; служителя, обкладывающие зверя, получали награды от 10 до 40 рублей.

В марте 1835 г. придворная охота принимала медведей под ряд в нескольких местах. 1–3 марта управляющий Павлов, государев стремянной Собакин и 14 служителей были командированы для приема большого медведя на дачу князя Гагарина. Вслед за тем 4 марта управляющий с биксен-шпаниером и 23 служителями принимают медведя у города Гатчины, за селом Рождественым. Едва вернувшись из этой поездки, они с 26 служителями вновь выезжают на охоту за медведями за почтовую станцию Ящеры. В 1836 г., с января по начало марта, придворная охота в составе унтер-егермейстера, биксен-шпаниера и 18–24 служителей, вновь принимает медведей в разных местах (у деревень Марьино, Дивеньки, Тяглицы и Гостилицы). В следующие годы (1841–1844) мы также встречаем известия о таких охотах на медведей, хотя и в меньшем числе. Одна из медвежьих охот (17 марта 1844 г.) у деревни Макарьевской ознаменовалась несчастным случаем с одним из служителей: егерский ученик Иван Николаев нечаянно застрелился³³.

Кроме охоты на медведей, придворная охота нередко совершала также облавы на волков. В журнале "Коннозаводство и охота" за 1842 г. находим, напечатанное Егермейстерским ведомством, следующее любопытное описание волчьего осока под селом Чирковицами:

"Жители села Чирковиц, находящегося в 80 верстах от С.-Петербурга, по Нарвскому тракту, и принадлежащего тайному советнику Блоку, в первых числах прошедшего Сентября известили придворную охоту, что в их дачах появились волки. Немедленно были отправлены туда вабельщики, и вскоре получено сведение, что волки действительно находятся в двух верстах от почтового дома, по правую сторону дороги, идущей от С.-Петербурга. По донесению вабельщиков, место, где они вывелись, было плотное, с болотными подточинами и оврагами; там имели они постоянное пребывание и ходили кормиться по околадку.

"Вследствие этого предположено 7 Сентября сделать в означенном месте осок, и вабельщикам подтверждено усиливать смотрение. Придворная охота, находившаяся в ту пору в Царском Селе, прибыла к Чирковицам вечером 6 числа и расположилась для ночлега по левую сторону дороги, в небольшом постоялом дворе. Между тем, как оказалось впоследствии, волки ушли на кормку целым гнездом и, зайдя далее обыкновенного, не возвращались в место, замеченное вабельщиками; всю ночь они не подавали голоса и отзывались уже на утренней заре, застигнутые рассветом; но не в прежнем месте, а верстах в трех ближе к С.-Петербургу, в небольшом лесу, по правую же сторону дороги. Эта новая местность, не представлявшая волкам удобств для долгого пребывания, с тем вместе и не дозволила им вскоре

оставить небольшой лес, в который они зашли перед рассветом, ибо редкие мелоча и гари, окружающие этот лес, не служили надежным прикрытием при дневном свете. Посему надо было предположить, что волки останутся в этом месте или до сумерек, или пока не найдут безопасного лазу из леса; в обоих случаях медлить было некогда.

"Кто знает охоту, тот, конечно, согласится, что обложить волков при таких условиях мог решиться только уверенный в своих средствах охотник. Последствия показали, как верен был расчет у распорядителей этого дня; но не будем забегать вперед и расскажем все по порядку.

"Мы уже сказали, что лес, куда скрылись волки, находится не более трех верст от острова, в котором они вывелись; весь этот промежуток занят мелочами, которые сгущаются по мере приближения к острову и местами разделены прокосами; вся же местность, совершенно плоская, имеет склонение к острову. По решению распорядителей охоты положено: для кричанья со стороны, обращенной к Петербургу, обвести лес цепью из 400 человек, в обе стороны от которой бросить 40 крыл тенет, каждое в 20 сажень длины, и таким образом составить осок в окружности около трех верст; между тенетами, в том месте, куда предполагалось, что станут проситься волки, оставить интервал для стрелков.

"В 10 часов прибыли лица, присутствовавшие на охоте, и стали по местам; всех номеров было десять. Погода была особенно благоприятная; осенний день казался летним — так было тепло и тихо; только серое небо отсутствием лазури и солнца напоминало, что июльские дни прошли, и скоро наступит зима, с

разнообразными утками для охотников.

"По окончании подвески тенет и обвода кричанья, гончие были брошены в осок, и не прошло нескольких минут, как натекли на волчий след и, стайно свалившись, горячо повели к левому крылу тенет, где и приняты два волка – один старый и один молодой. Снова обращенные в осок, гончие опять прочуяли след, дружно залились и повели на правую сторону тенет, в которые принято четыре волка – один старый, один перелеток и два молодых. После того, по обороту стаи, выставлены из-под гончих на выстрел номера 3-го, почти в одно время, два волка, из которых один перелеток, а другой матерый. И. М. Т., стоявший на номере 3-м, сделал два выстрела: раненый им перелеток осел, но потом пролез через черту осока и скрылся; вторым выстрелом убит старый матерый волк наповал.

"Через несколько времени снова выгнаны гончими два волка на номера 5-й и 6-й, и хотя находившимися на этих местах Е. М. Х. и А. Ф. Г. сделано по выстрелу, однако же первый волк успел перевалиться за черту осока и скрылся в частых мелочах, а другой ранен А. Ф. Г. и, обратившись в осок, принят в правые тенета.

"Во все время охоты волки правились к стороне прежнего своего пребывания и, очевидно, туда просились. По удачному выбору места и по сноровке распорядителей, стрелки стояли в том самом направлении, куда бежали волки, но верности выстрелов препятствовал кустарник; волки же, перевалясь за черту осока, уходили в знакомые места.

"Охота продолжалась не более полутора часа и окончена в полдень. Всего поднято десять волков, из которых принято в тенета семь и убит один. Можно

утвердительно сказать, что не многим охотникам удавалось, при таких обстоятельствах и в столь короткое время, сделать осок на волков удачнее этого"³⁴.

С конца 40-х годов, когда наследник цесаревич Александр Николаевич начал охотиться на волков и медведей, служителям придворной охоты уже почти не приходилось одним, без участия высочайших особ или высокопоставленных лиц, принимать медведей или делать осоки на волков.

Наследник цесаревич подал пример, и медвежья охота тотчас вошла в моду при Высочайшем Дворе. Особенно интересовались ею германские принцы, приезжавшие в Петербург. Об участии наследного принца Саксен-Альтенбургского и герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого в медвежьих охотах наследника цесаревича Александра Николаевича в 1850–1851 гг. мы уже упоминали. Любопытно, что герцог Мекленбург-Стрелицкий, не получая приглашения, сам обратился к егермейстеру графу Ферзену с просьбою устроить для него медвежью охоту. Так как эти охоты требовали всегда больших расходов (от 260 до 900 р.), то министр Императорского Двора предложил наследнику цесаревичу пригласить герцога на одну из охот, устраиваемых для самого наследника. В начале февраля 1853 года была устроена медвежья охота для принца Георга Мекленбург-Шверинского, на которой убито было два медведя. В 1854 г. крон-принц виртембергский Август просил "сделать медвежью охоту собственно для него, независимо от тех охот, кои производятся для Наследника Цесаревича"; желание его было удовлетворено. Устройство охоты стоило более 500 рублей, трофеями были медведь и лоси.

Дипломатический корпус в начале 50-х годов также весьма интересовался медвежьей охотой. 30 января 1851 г. егермейстер гр. Ферзен писал министру Двора: "Некоторые иностранные министры просят меня сделать для них медвежью охоту, с которой им чрезвычайно хочется ознакомиться". С высочайшего разрешения медвежья охота для иностранных посланников была устроена у станции Сосницы 20 февраля того же года, причем устройство ее обошлось Егермейстерскому ведомству в 305 руб. Эта новая для иностранцев забава весьма им понравилась, и егермейстер граф Ферзен в январе 1853 г. вновь возбудил вопрос об устройстве для чинов дипломатического корпуса медвежьей охоты, по примеру 1851 г. Но, кажется, желание посланников на этот раз не было удовлетворено. Австрийский посланник граф Эстергазе был большим любителем волчьих охот и в сентябре 1854 г. выхлопотал себе высочайшее разрешение присутствовать на волчьих облавах, производимых придворною охотою³⁵.

Переходя от обозрения высочайших охот к описанию общего устройства придворной охоты и состояния отдельных ее учреждений, мы вновь встретимся прежде всего с зверинцами, Гатчинским и Петергофским, о которых часто упоминали, говоря об охотах на оленей императора Николая I. В зависимости от личных вкусов государя эти зверинцы поддерживаются в хорошем состоянии, постоянно пополняясь оленями, и вновь возникает для его охот на фазанов фазанное заведение, а также устраивается и заячий ремиз по образцу ремизов, существовавших в германских государствах. С другой стороны, также в зависимости от личных вкусов Николая Павловича, птичья придворная охота, его не интересовавшая,

совершенно уничтожается, а псовая не развивается, оставаясь на прежнем уровне упадка. Равным образом, штаты придворной охоты, сокращенные в первые годы царствования, не увеличиваются, несмотря на явную их недостаточность. Только в конце царствования императора Николая I под влиянием увлечения охотой наследника цесаревича деятельность различных учреждений придворной охоты быстро развивается и, соответственно новым требованиям, улучшается их устройство.

Частые оленьи охоты императора Николая I требовали постоянного пополнения запаса оленей в Петергофском зверинце³⁶. В 1829 г. для этого зверинца случайно куплено было сто оленей, по 20 рублей за голову, у крестьянина Холмогорского уезда, прибывшего с ними в деревню Коломяги, в окрестностях Петербурга. В 1833 г. в зверинец пущено было две пары холмогорских оленей, купленных за очень дорогую цену, 480 рублей. Число содержащихся в нем оленей весьма уменьшилось к концу царствования императора Николая Павловича; в конце же 1848 г. в зверинце оставалось только девять оленей. Этот недостаток пополнялся переводом сюда зверей из Гатчинского зверинца: в 1848 г. переведено 10 оленей самцов и в 1850 г. – восемь, так что в этом году в Петергофском зверинце число оленей увеличилось до 23-х. Кроме оленей, в этом зверинце содержались и другие звери: кабаны, лошаки и китайский скот, в 1839 г. дикие козы и зайцы, в 1842 г. ручные козы и ручной медвежонок. Доставленные из города Штетина в 1850 г. три дикие козы помещены были в том же зверинце, в особо огороженном для них месте, с зимним двориком³⁷. Изгородь оленьего зверинца, составлявшего часть большого Петергофского

зверинца, неоднократно чинилась в 40-х годах; исправление ее в 1844 г. потребовало значительного расхода в 2000 рублей. В 1856 г., когда все охотничьи учреждения были сосредоточены в Гатчине, Петергофский зверинец окончательно опустел, — остававшиеся в нем 5 оленей и 8 диких коз были переведены в Гатчину.

Довольно значительное количество диких коз содержалось в особом зверинце в Петергофском английском саду; в зверинец этот вели готические ворота под железною крышею; ограда его, из столбов и кольев, имела в окружности 1340 сажен. В 1834 г. здесь содержалось до 42 диких коз и козлов; содержание зверинца стоило 2800 р. ежегодно. До начала 30-х годов этот козий зверинец состоял в ведении Петергофского дворцового управления, а в 1834 г. передан был, по высочайшему повелению, Егермейстерскому ведомству; худая городьба его при этом была исправлена: вбили 5600 новых колеев, изгородь выкрасили и приделали к ней откосы; для служащих, по приказанию государя, построили новую избу. Несколько оленей и лошаков, содержавшихся здесь, были переведены в Гатчину, и в зверинце оставлены были одни дикие козы. Этот зверинец просуществовал только до апреля 1846 года, когда император Николай Павлович приказал перевести из него диких коз в описанный выше олений зверинец. Обер-егермейстер, опасаясь, что олени осенью станут отбивать козлов от самок и драться с ними, счел необходимым просить об отводе под козий зверинец близ Петергофа другого удобного места или же о переводе всех оленей в Гатчинский зверинец, оставив в Петергофском оленеем зверинце только одних диких коз; тем более, что тогда в Петергофе содержалось

только 16 оленей. Было также предположение перевести диких коз в Гатчину, но там не нашлось для них подходящего помещения. В конце концов решено было перевести коз в Петергофский олений зверинец, причем в этом зверинце решила держать только старых оленей. Ограда упраздненного зверинца была снята; работа эта стоила до 700 р.³⁸.

Для содержания медведей, волков и лисиц выстроен был в 1835 г. *зверовой двор* около Петергофской охотничьей слободы, возникшей в 1829 году. Устройство его обусловлено было необходимостью иметь достаточный запас названных диких зверей для довольно частых охот императора в зверинце. Зверовой двор представлял собою ряд небольших двориков, усыпанных песком; устройство двора и дома при нем стоило 10.000 рублей. На этом дворе содержалось довольно значительное число зверей, а именно: в 1843 году – 6 медведей, 9 волков и 35 лисиц, и в 1850 году – 10 медведей, 10 волков и 35 лисиц. Увеличение числа медведей в 1850 году объясняется особенною любовью к медвежьим охотам наследника цесаревича Александра Николаевича.

С 1843 г. на Петергофском зверовом дворе содержался также белый медведь, присланный из Архангельска в дар наследнику цесаревичу. Кормили его из экономии так же, как других зверей, падалью, а не свежей рыбой. Вследствие этого корма медведь заболел сапом и вскоре издох. Изготовленное из него чучело было в 1848 г. подарено музею Императорской Академии наук³⁹.

Так как волки, содержащиеся на зверовом дворе, пытались иногда уйти отсюда и грызли столбы, то в 1837 г. все столбы и откосы забора были обиты

листовым железом. Дикие звери для зверового двора покупались обыкновенно у частных лиц, а волки иногда ловились тенетами во время облав, которые устраивались для истребления их, Императорскою охотою. Лисицы ежегодно доставлялись осенью из изобилующих ими Порховского и других уездов Псковской губернии, и между прочим из села Волышева, Псковской вотчины обер-егермейстера Васильчикова; их покупали также и у окрестных жителей С.-Петербурга, но в самом ограниченном числе. Присмотр за зверями обыкновенно поручался дежурному по Охотничьей слободе; но так как у этого служителя, помимо присмотра за зверями, было много других обязанностей по дежурству в слободе, то он не мог тщательно наблюдать за зверями. Вследствие этого случалось, что медведи летом, когда их переводили из сараев на открытое место, к ручью, запутывались в цепях, а иногда срывались и уходили в близ пасшиеся стада. Особенно труден стал надзор за дикими зверями в начале пятидесятых годов, когда число их увеличилось, и это заставило обер-егермейстера Васильчикова ходатайствовать об увеличении числа зверовщиков. Однако император Николай Павлович, взамен того, приказал уменьшить число зверей в зверинце, и, согласно этому повелению, в следующем же 1851 году приступлено было к уничтожению излишних зверей⁴⁰: волков начали травить борзыми и духовыми собаками, а медведей травили бульдогами, принадлежавшими унтер-егермейстеру Блохину, так как в Императорской охоте не было тогда собственных собак для травли медведей.

Одним из немногих новых охотничьих учреждений, возникших в царствование императора Николая, был ремиз⁴¹ для охоты на зайцев и фазанов,

устроенный, по Его повелению, в 1836 г. в Петергофе, позади Английского сада, по образцу германских ремизов, с приспособленными для охоты просеками и дорожками.

Существовавшая до этого времени площадка для охоты на фазанов, покрытая мелкорослью и окруженная канавой с водою, была недостаточно велика и недостаточно удобна. Государь предполагал устроить ремиз хозяйственным способом, возложив все работы на егерей Императорской охоты; но это предположение оказалось неосуществимым, так как для ремиза необходимо было приготовить просеки на большом пространстве в 250.000 квадр. саж. и очистить всю площадь от ненужного леса; егеря же и без того заняты были исполнением прямых своих обязанностей по службе. Ввиду этого по представлению егермейстера Васильчикова работа по устройству ремиза была сдана подрядным способом за 2000 рублей; работы были начаты немедленно, и к августу того же 1836 г. ремиз в общем виде был готов; в июле следующего года закончена была также и канава, проведенная по окружности.

Для охот государя в ремиз напускались фазаны из фазаньего заведения, а главным образом зайцы из заячьего садка. Кроме того, в ремиз нарочно пускали зайцев для того, чтобы они здесь на свободе жили и плодились. В 1837 г. сюда пущено было 253, в 1849 г. — 329 и в 1850 г. — 464 зайца, купленных в Валдайском уезде Новгородской губернии. Для прокормления этих зайцев в ремизе сеяли овес, который оставляли на корне. Вскоре заметили, что зайцы, выпущенные в ремиз, мрут в большом числе: это объясняли недостатком проточной воды; ходатайство обер-егермейстера об устройстве в ремизе протока не

было, однако, удовлетворено министром Двора за недостатком средств.

Особый заячий садок устроен был еще до устройства ремиза, в 1852 г.⁴². По высочайшему повелению в июле 1832 г. Петергофское дворцовое управление передало обратно Егермейстерскому ведомству часть Петергофского зверинца, который незадолго перед тем, как мы упоминали, изъят был из его ведения. Эта часть была огорожена забором из столбов и соснового частокола, длиною в 1219 сажен, в заборе были сделаны особые деревянные ловушки (24) с железными насторожками и сторожевыми дощечками. Здесь и был устроен заячий садок. В 40-х годах, когда государь и наследник цесаревич часто охотились в ремизе, Егермейстерское ведомство постоянно должно было пополнять запас зайцев. Расходы на приобретение их далеко превышали сумму, положенную по смете (142 руб.); так, в 1842 г. из Валдайского уезда, где главным образом покупали зайцев, доставлено было их на 452 руб. Сметное ассигнование было увеличено в 1843 г. (до 300 руб.), но и оно все-таки оказалось недостаточным и в 1843, и в 1844 гг.

Ввиду частых охот императора Николая I на фазанов и куропаток особенное внимание обращено было на заведение, в которых содержались эти птицы. Опыт разведения фазанов, сделанный в половине XVIII столетия, как мы видели раньше, не увенчался успехом, так как петербургский климат, как объясняли тогда, оказался слишком суровым для этих нежных птиц. Теперь для фазанов были устроены особые зимние помещения и летние, называвшиеся "лагерями", по указаниям выписанных из-за границы специалистов, и этим путем достигнуты были более благоприятные

результаты.

Начало новому устройству фазаньего заведения положено было в конце 20-х годов прошлого столетия, когда оно состояло в ведении Петергофского управления. В 1829 году, через посредство Императорского посольства в Вене, выписаны были два фазан-егеря – чеха⁴³. Для птиц устроен был внутри огороженного двора зимний дворик, крытый, со стеклами. Когда фазанье заведение в этом виде перешло в 1834 г. к Егермейстерскому ведомству, то оно было совершенно перестроено и значительно расширено. В 1836 г. рядом с фазаньим заведением устроено было особое заведение для куропаток. В 1839 году обширная площадь в 1440 кв. саж. была накрыта веревочными сетями и разделялась сетями же на несколько отделений; в заведении для куропаток накрыта была сетями сравнительно небольшая площадь в 170 кв. саж.; сети менялись через каждые три года.

В 1839–1840 гг. построен был новый дом для фазан-егеря, в котором устроены были три царские комнаты, на случай приезда императорской фамилии. Старый дом, в котором раньше жил фазан-егерь, обветшал до такой степени, что однажды в присутствии государя в одной из комнат провалился пол почти под самыми ногами великого князя Михаила Николаевича; после этого случая немедленно приступили к постройке нового дома, по высочайше утвержденному плану, с сметой в 31.000 рублей с лишком. Царские комнаты в этом доме: зала и небольшая столовая убраны были весьма просто: ясеновой мебелью, чучелами под стеклянными колпаками на кронштейнах художественной работы, шерстяным ковром и пеньковыми матами, кисейными

занавесами на окнах. Перед домом устроена была площадка, устланная дерном и перерезанная в разных направлениях дорожками. Первоначально эта площадка отделялась оградой от Английского сада; впоследствии же часть ограды, как раз перед главным домом фазаньего заведения, по приказанию императора Николая Павловича, была сломана, и вся площадка присоединена к Английскому саду, чтобы сделать свободным проезд к нему из этого сада. Несколько позднее сломана была и остальная часть ограды, отделявшая фазанье заведение от Английского сада, и заменена живою изгородью из шпалерника⁴⁴.

В последующие годы в заведениях для фазанов и для куропаток произведено было еще несколько работ, для наилучшего их устройства. Между прочим, в 1841 г. между звеньями ограды сделаны были провололочные решетки, в 1844 г. устроена подземная водосточная труба и фазанники были накрыты новыми смолевыми веревочными сетями.

Бенуа А.
Кормление птиц Императором Александром I на
"птичьем дворе" в Царском Селе, в присутствии
Императора Фридриха-Вильгельма

На остаток от отпускавшихся на эти работы сумм (более 15.000 руб.) выстроен был во дворе фазаньего заведения особый птичник для содержания живых подорожников, шедших к Высочайшему столу. Это здание было приподнято от земли на чугунных столбах (которые, кстати сказать, были изготовлены на собственных заводах егермейстера Всеволожского), с решетчатым окном и балконом, на который вела приставная лестница. Позднее, в 1847 г., оказалось необходимым построить особый дворик с приспособлениями для кладки яиц, вызвавший новый значительный расход в 800 руб.

Фазаны содержались на обсаженных деревьями "фазаньих двориках", в которых для них устроены были летние помещения ("лагери") и зимние комнаты. "Лагери" выстилались дерном, покрывались и разгораживались на несколько отделений веревочными сетями. В "комнатах" же, имевших особые навесы и галереи, полы посыпались мякиной или морским песком, который употреблялся также и для посыпки дорожек на "фазаньих двориках". Зимние комнаты оказались недостаточно теплыми, и в августе 1849 г. фазан-егерь Гинке решительно объявил обер-егермейстеру Васильчикову, "что он не может отвечать за сохранение фазанов в продолжение зимнего времени по неимению для них удобного и достаточно теплого помещения". Министр Двора немедленно сделал распоряжение о постройке двух теплых комнат внутри сарая, расположенного около главного здания фазаньего заведения.

Фазаны требовали крайне тщательного ухода: необходимо было зимою держать их в тепле, весною следите за кладкою яиц, изолировать самцов, чтобы предупредить драки между ними, нередко кончавшиеся

смертью одного из противников, наконец, надо было кормить их свежую пищу (хлеб, молоко, свежие капустные кочны, муравьи). Фазан-егерь Вальтер добросовестно исполнял свои обязанности и получил однажды от государя 500 руб. награды. Один же из помощников фазан-егеря, некий Лимберг, отличался "бесчинствами" и был уволен, по высочайшему повелению, в 1850 г. Он являлся в "лагери", где воспитывались молодые фазаны, в пьяном виде и на просьбы оставить отделение начинал "низко и грязно" ругаться, бил фазанов, а раз чуть было не задушил их всех, забывши при топке печи открыть трубу; в другой раз он оставил открытыми двери, ведущие из одного отделения в другое, вследствие чего два серебряных фазана сошлись в одно место и дрались до тех пор, пока один из них не был убит.

Фазанов Егермейстерское ведомство обыкновенно выписывало непосредственно из-за границы. Сделанный в 1842 году опыт покупки фазанов на петербургской бирже оказался неудачным: купленные здесь 11 золотых и серебряных фазанов (за 142 р.) все пали в течение года⁴⁵. Из Англии выписывали преимущественно серебряных фазанов, золотых же и других – из Чехии. В 1847 г. фазан-егерь Вальтер был нарочно командирован в Чехию для покупки фазанов; он купил 66 птиц, из которых 25 "свалились" дорогою, а 9 так разбились, что не было никакой надежды на их поправление, и поэтому они были приколоты и доставлены к Высочайшему Двору. В мае 1850 г. выписаны были из-за границы несколько пар золотых и серебряных фазанов, две пары золотистых и серебристых фазанов, пара куропаток из Новой Исландии. В августе того же 1850 года куплены были в Штетине 140 простых фазанов; более трети их пало

дорогою (53), остальные же доставлены были в Петергоф королевским прусским придворным егерем Фоссом. В 1851 г. было куплено за границу 60 фазанов (за 350 рублей). В августе 1853 г. вдовствовавшая королева нидерландская прислала в подарок императору Николаю Павловичу 14 золотых и 6 серебряных фазанов. Несколько раньше этого, в апреле месяце, было послано в Стокгольм 15 пар молодых фазанов, в дар шведскому королю, который выразил желание иметь фазанов из России, так как фазаны, выписываемые из Чехии прямо в Стокгольм, не выносили климата и падали⁴⁶. Кроме фазанов, в фазаньем заведении содержалось в начале сороковых годов два живых филина и орел; для помещения этих птиц были устроены две будки. В 1847 году сюда был доставлен молодой орел, подаренный Императорской охоте великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами⁴⁷.

При покупке фазанов постоянно имелась в виду разводка их в фазаньем питомнике. Для той же цели приобретались иногда фазаньи яйца; для выводки яиц пользовались индейками и домашними курами – корольками. Но все усилия, направленные к акклиматизации фазанов, оказались безуспешными, несмотря на большие затраты для наилучшего помещения птиц. В декабре 1856 г. начальник охоты граф Ферзен писал министру Двора: "Опытом нескольких лет дознано, что дикие фазаны, по суровости климата, от совершенного недостатка проточной воды и по болотистой местности, вовсе не плодятся здесь; а выводки из яиц, высиживаемых индейскими курами, большею частью не доживают до надлежащего возраста"; между тем содержание заведения требовало больших расходов, так как, "сверх

ежегодно ассигнуемой на него суммы и независимо от денег, отпускаемых на мелочные предметы", постоянно нужно было ремонтировать его помещение. Ввиду этого в первые годы царствования императора Александра II при издании нового штата Императорской охоты 3 марта 1857 г. фазанье заведение было упразднено. Место и все строения, занимавшиеся этим заведением, были переданы Петергофскому дворцовому управлению в апреле 1858 г. Золотые (две пары) и серебряные (четыре пары) фазаны были переданы на Царскосельский птичий двор, "птичий корпус", где и помещены были вместе с находившимися там казуарами и орлами⁴⁸. Дикие же фазаны по мере надобности все были доставлены к столу для Высочайшего Двора. Впоследствии при Императорской охоте вновь было учреждено фазанье заведение, но об этом мы скажем, когда будем говорить об охотничьих учреждениях, сгруппировавшихся в Гатчине в царствование императора Александра II.

Управление Императорской охоты в царствование императора Николая I должно было обращать главное внимание на описанные выше зверинцы, а также на фазанов и других птиц для охот государя в ремизе. Псовая же придворная охота, не интересовавшая государя, приходит в упадок по недостатку отпускавшихся на нее средств, так что обер-егермейстер в тридцатых годах предлагал даже вовсе ее уничтожить. Штаты Императорской охоты были сильно сокращены в первые же годы по вступлении на престол императора Николая Павловича. Признав необходимым уменьшить расходы по всем частям придворного ведомства, государь в этих видах, между прочим, потребовал 26 апреля 1826 г. значительно сократить личный состав придворной

охоты, уже сильно уменьшенный в два предшествующие царствования. Птичью охоту при этом решено было совсем уничтожить, в егермейстерской же команде с псовой охотой уменьшить, по крайней возможности, число людей и лошадей.

Согласно этому Московская соколиная охота, пришедшая в крайний упадок в царствование императора Александра I, была окончательно упразднена. 26 апреля 1826 г. государь повелел Сокольничью слободу со всем строением и имуществом передать в ведение Кремлевской экспедиции, потешный же двор в той слободе с птичьей охотой уничтожить, разместя служителей в другие придворные учреждения по их способностям. Вместе с тем велено было передать в ведение той же Кремлевской экспедиции и московский Измайловский зверинец, а находившихся в нем оленей – перевести в Царское Село, если это не потребует больших издержек, в противном же случае – продать их в Москве. Эти повеления государя исполнены были в начале 1828 г. Крайне ветхие строения Измайловского зверинца и Сокольничьей слободы изъяты были из ведения Егермейстерского ведомства, а часть земли названной слободы была пожалована в вечное потомственное владение служителям птичьей охоты. Московская псовая охота, помещавшаяся в Измайловском зверинце, была таким образом уничтожена. Навсегда прекратило свое существование и старейшее из учреждений Царской и Императорской охоты, любимая соколиная потеха московских царей, составлявшая одно из лучших самобытных украшений царского периода Московского государства.

Тогда же, в 1827 г., в видах дальнейшего

сокращения расходов на придворную охоту упразднен был образованный обер-егермейстером Нарышкиным музыкантский хор из чинов егерской команды. Напрасно Нарышкин доказывал, что уничтожение этого хора не даст сокращения расходов, так как на музыкантский хор, составленный "без особой на сие воли", не было особого ассигнования в штате, и так как входящие в состав его егеря занимались музыкою "приватным образом", исполняя свои обязанности по охоте. Представления обер-егермейстера уважены не были, и музыкантский хор был упразднен в 1827 г.⁴⁹; он был восстановлен значительно позднее, в следующее царствование (см. в главе III).

Штат для Егермейстерского ведомства, затребованный императором Николаем Павловичем еще в 1826 г., был издан 22 января 1833 года. Новым штатом личный состав охот был сокращен до 108 человек; на содержание их ассигновано до 34.000 руб. асс.; на содержание же всего ведомства определено до 102.000 руб. асс. Личный состав активных частей охоты – егерской команды и псовой охоты – был значительно сокращен; напротив того, как это ни странно, число служащих в егермейстерской команде было утроено (вместо 6 должностей, определенных штатом 1801 г., установлено 19).

Отличительной чертой штата 1833 года, сравнительно с прежними штатами, явилось распределение служителей охоты не по главным частям последней, а по статьям в зависимости от получаемого ими содержания. Таких, статей было установлено три: к первой принадлежали старший егерь, старший доезжачий, стремянный и др.; ко второй – младшие егеря, младшие доезжачие, стремянные, вабельщик, выжлятники; наконец, к третьей статье – егерские

ученики, стремянные, младшие тенетчики, выжлятничьи ученики, наварщики, младшие конюха, зверовщики Петергофского зверинца и др. В составе охоты числилось еще 12 мальчиков из служительских детей – учеников или школьников, как они именовались, и четыре егеря, проживавшие в Москве для наблюдения за частными охотниками. В 1840 году эти егеря были переведены в Петербург, так как они при своей малочисленности были не в силах воспрепятствовать частным лицам охотиться без билетов, и поэтому выручаемая за позволенные билеты сумма не покрывала расходов на содержание этих егерьей⁵⁰. Небывалое сокращение учреждений и личного состава охоты было доведено в штате 1833 года до крайних пределов и, по-видимому, вызвано было не действительной надобностью, а излишним усердием в сокращении расходов. В составе, определенном новым штатом, охота не могла правильно функционировать в качестве благоустроенного учреждения, и поэтому вскоре после его издания мы встречаемся с попытками устранить некоторые из существенных его недостатков. В конце 1838 года временно управлявший Егермейстерским ведомством барон Фридерикс и вслед за ним обер-егермейстер Васильчиков представляют министру Императорского Двора проекты новых штатов. Эти проекты не были утверждены, и через два года положение дел в охоте заставило Васильчикова снова забить тревогу. Предсказывая, что Императорская охота в скором времени должна прийти в совершенный упадок, если не изменятся к лучшему условия ее существования, Васильчиков настаивал на безотложной реформе Егермейстерского ведомства. Главные причины упадка, по его мнению, заключались

в недостатке егерей. "Даже у партикулярного человека, – писал он министру Двора, – у князя Клари в Теплице егерей содержится 31; между тем здешние 20 человек егерей, составляющие комплект, летом и осенью занимаются исключительно караулами над безбилетными охотниками. Им же, по приказу Вашей светлости, не позволено быть с ружьями и собаками. По сей причине казенные егеря, не имея в своем деле практики, не будут оной знать: старые потеряют навык, а молодые будут совершенно невежи в ремесле; сверх того, годных легавых собак вовсе не будет, ибо старые егеря, знающие дрессировку собак, не имеют случая сим делом заниматься, а молодые никогда к оному не приучатся". Псовая охота, по словам Васильчикова, пришла в упадок за недостатком практики, так как министр Двора в видах сокращения расходов не позволял псовой охоте отъезжать в дальние места; в окрестностях же Петербурга, окруженного болотами и лесами, практиковаться было нельзя. "При таком положении, – говорит Васильчиков, – выжлятники не могут знать своего дела, которое требует большого навыка; без практики они его не получают. Гончих надо наезжать. Не быв в работе, стая будет балованная. Борзые собаки, не быв употребляемы, прыткости никакой не могут иметь".

Вместе с тем, имея в виду, что министерство не согласится на значительное увеличение штатов, необходимое для поднятия Императорской охоты на должную высоту, Васильчиков предлагал: 1) вовсе уничтожить псовую охоту, которою государь император не пользуется; 2) увеличить число егерей с 20 до 40 человек с тем, чтобы половину их употреблять для караулов, а другую половину отправлять для практики в дальние места от столицы; 3) умножить

незадолго перед тем устроенные фазанье и куропаточное заведения, дабы иметь более птиц для охоты государя в ремизе.

От этой реформы обер-егермейстер ожидал значительного сокращения расходов по охоте. Несмотря на это, предположения Васильчикова, доведенные министром Двора до сведения государя, не удостоились высочайшего утверждения⁵¹, и положение Императорской охоты не изменилось до 1843 года, когда 1 января был издан новый штат для Егермейстерского ведомства.

Этим штатом 1843 г. общее число чинов Императорской охоты было увеличено до 126 человек (на 18 больше против штата 1838 года). Увеличение, главным образом, коснулось Егермейстерской конторы (4 должности), егермейстерской команды (4 человека) и псовой охоты (7 человек). В штат были включены также вновь устроенные фазанье и куропаточное заведения в составе одного фазан-егеря, его помощника и 14 прочих служителей. Расход на все Егермейстерское ведомство определен в 47.000 р. сер.; эта сумма превышала в полтора раза штат 1833 г., но все же не соответствовала действительным потребностям охоты. Действительные расходы давно превзошли штат 1833 г., увеличившись с 1839 по 1842 г., ко времени издания нового штата, почти в два раза. Недостаточность этого штата 1843 г. также вскоре привела к тому, что действительные расходы превысили сметное ассигнование более, чем на 10.000 р. (в среднем до 1857 г. они равнялись 57.662 р.). В основных чертах штат 1843 года представляет полное сходство со штатом 1833 года, и положения дел в Императорской охоте он не улучшил⁵².

Затишье в деятельности Императорской охоты, наблюдаемое в первую половину XIX столетия и объясняемое нерасположением или равнодушием к охотничьим потехам государей этого периода, к концу сороковых годов исчезает мало-помалу. Деятельность охоты заметно оживляется; вместе с этим начинают улучшаться пришедшие было в упадок учреждения охоты. Оживление совпадает с частыми охотничьими выездами наследника цесаревича, впоследствии императора Александра II, страстного охотника, увлекавшегося особенно охотою на медведей. Скудно составленный штат 1843 года уже не мог исправно удовлетворять всем новым потребностям; явилась крайняя необходимость организовать придворную охоту на более широких началах. В этом направлении и начал действовать управлявший тогда охотами после отставки Васильчикова граф Ферзен. 27 октября 1853 года он представил министру Двора следующим любопытный доклад: "Действия Придворной охоты, усиливаясь с каждым годом, начиная с 1849 года, дошли, наконец, до того, что в настоящее время Придворная охота, сообразно своему назначению, должна находиться постоянно в передвижениях: для истребления волков в окрестностях столицы, для производства псовых и медвежьих охот в присутствии Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и для надзора за частными лицами, производящими охоту без дозволительных билетов и в недозволенное время. Постоянное движение Придворной охоты, кроме того, что увеличило расход на ковку и ремонт лошадей, на ремонт экипажей и сбруи и проч., резко обозначило средства Егермейстерского ведомства, его нужды, занятия, обязанность и ответственность каждого из чиновников

и служителей, и выразило необходимость в новом штате и уставе. – В прежнее время Придворная охота выезжала в командировки весьма редко и на короткое время, ныне же, по высочайшему повелению, она постоянно должна заботиться об истреблении волков и других хищных зверей и птиц в окрестностях загородных дворцов, весною заниматься нагонкою молодых собак и лошадей, осенью находиться в местах пребывания Императорской фамилии, а зимою выезжать несколько раз в отдаленные места на медвежью охоту". Признавая далее, что 47.000 руб., отпускавшихся ежегодно на содержание придворных охот, вполне достаточно для содержания Егермейстерского ведомства в надлежащем порядке, граф Ферзен считал необходимым дать этим деньгам иное распределение, более согласное с настоящим ходом дел, а самому ведомству – придать новую организацию. Несмотря на то, что граф Ферзен в своем проекте штата не только не увеличивал расходов на охоту, но обещался даже сократить их, его проект одобрен не был⁵³, и охоте пришлось ждать еще некоторое время улучшения условий своего существования, несмотря на то, что деятельность ее продолжала развиваться все более и более.

Петербургская псовая охота состояла в рассматриваемое время, главным образом, из борзых и гончих собак; о численном составе их сохранились немногие разрозненные сведения. В 1833 году всех собак было 145 (90 взрослых и 55 щенков); в следующем 1834 г. число их колебалось между 60 и 118. По штату 1843 года решено было содержать в охоте исключительно борзых собак, в количестве 6 свор. Однако это решение, по-видимому, не было приведено в исполнение, так как в следующем 1844

году в составе псовой охоты мы видим и борзых (26), и гончих собак (50, из них 18 выжлецов и 32 выжловки).

Кроме борзых и гончих, в Императорской псовой охоте содержались собаки и других пород: меделянские, водолазы, духовые и сеттера, но в незначительном числе. Известно также, что к составу придворной псовой охоты принадлежали еще легавые собаки, которые содержались егерями, егерскими учениками и птичниками. О таких собаках упоминают документы 1816 и 1833 годов; в позднейшее же время о легавых собаках упоминаний уже не встречается.

При Императорской охоте на особых основаниях содержались собаки, составлявшие собственность императора, императрицы, наследника цесаревича и некоторых великих князей. Из собственных собак императора Николая Павловича здесь было в 1842 г. 7 собак (3 взрослых легавых собаки и 4 щенка, порода которых не указана); в 1848 году – 2 собаки: водолаз "Гектор" и щенок пудель; наконец, в 1850 году число этих собак, очевидно, возросло, так как на содержание их из собственных средств императора отпускалось более 600 рублей в год. Из собак императрицы в 1841 – 42 годах здесь содержались две "шарлотки".

Собак наследника цесаревича содержалось при псовой охоте гораздо больше. Например, в 1845 году их здесь было 6: 4 легавых и 2 борзых; в 1847 г. – 19 собак: 12 легавых, 2 борзых, один датский дог, польский легаш, пудель и две шарлотки; в 1850 г. – 23 собаки: 8 легавых, водолаз, польский легаш, пудель и 12 гончих. Эти собаки наследника цесаревича носили следующие клички: Примо, Фанни, Беция, Калипса (легавые); Черкиз, Доскач, Змейка (борзые); Тигр (датский дог); Том (полесский легаш); Гарсон (пудель);

Фензи, Силефида (шарлотки); Набат, Красишка, Дикушка, Блеста, Скруля (гончие); Федра (водолаз). Кроме того, при Императорской охоте содержались: собаки великого князя Константина Николаевича: в 1842 г. – 2: легавая и водолаз, и в 1848 г. – 8: 2 борзых, 5 легавых и один щенок "шотландской" породы; в 1849 и 1850 гг. – 2 легавых собаки, принадлежавших великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам. Деньги на содержание всех этих собак отпускались из собственных средств членов Императорской фамилии⁵⁴.

Императорская псовая охота пополнялась собаками с большими затруднениями. Особое заведение для вскармливания щенят, устроенное на довольно широких началах, доставляло мало молодых собак. В 1835 году в этом заведении пали все щенки. Заведовавший им выжлятник обнаружил полную неумелость в выкормке щенков и в уходе за ними. Когда же его сместили с должности, то во всей придворной охоте не нашлось ни одного охотника, опытного в этом деле, и пришлось взять подходящего человека со стороны, из господских людей. Этому господскому человеку (Елисееву) в качестве помощника дали несколько егерских детей, "для обучения выкармливанию щенков, дабы иметь впредь для сего казенных людей"⁵⁵; но и он не всегда хорошо воспитывал собак и в 1843 г. был оштрафован за то, что доставил в охоту щенков диких и робких (от строгого обращения). Когда обер-егермейстером был Васильчиков, рьяный охотник, имевший свою собственную псовую охоту, то придворная псовая охота пополнялась собаками, воспитанными в его поместьях (главным образом в селе Аделандине Смоленской губернии). От 1847 и 1849 гг. сохранились

упоминания, что Васильчиков ежегодно снабжал придворную охоту собаками, которые выкармливались в его деревнях. Кроме того, из Императорской охоты ежегодно отправлялись собаки в имения Васильчикова, "для взятия от этих собак и собак обер-егермейстера породы" в придворную охоту. Иногда случалось, что при таких передвижениях собаки, принадлежавшие Императорской охоте, оставались в имениях Васильчикова, и, наоборот, собаки Васильчикова поступали в придворную охоту. Все это делалось под личную ответственностью самого обер-егермейстера и обнаружено было контролем Министерства Императорского Двора лишь тогда, когда Васильчиков уже не стоял во главе Егермейстерского ведомства⁵⁶. Возникшая по этому поводу обширная переписка ничего не уяснила, так что пришлось ограничиться доверием к деятельности Васильчикова, в качестве обер-егермейстера.

Главным источником пополнения придворной псовой охоты собаками была покупка их у частных лиц в России, а также и за границей. Например, в 1833 году были приобретены "породистая легавая собака для разводу" за 100 рублей и 6 меделянских собак: две за 100 рублей и 4 породистых за 320 рублей. В следующем 1834 году "для принятия лучшей породы собак" были командированы служителя охоты в Тверскую губернию, в имение Полторацкого, в Порхов и в Москву; в 1842 г. – в Смоленскую губернию. В 1846 г. для покупки собак у помещиков Тверской и Московской губерний командирован был состоявший в должности егермейстера Всеволожский. В 1844 г. четыре собаки привезены были из Англии, в том числе "шарло" и два водолаза, которых велено было приучить подавать из воды дичь. Помещики-охотники иногда

приносили в дар государю лучших своих собак, как, например, в 1830 г. – рязанский помещик князь Д. А. Барятинский⁵⁷.

С половины царствования императрицы Елисаветы Петровны до начала царствования императора Николая I Императорская охота помещалась в Петербурге, в так называемом "Охотном дворе", у Обухова моста, на р. Фонтанке. Здесь находились: каменный дом Егермейстерской конторы, дом управляющего охотой, деревянная церковь, цейхгауз, денники для борзых и гончих собак, дома чиновников и слуг и, между прочим, особый слоновый сарай. По мере того как местность за Фонтанкой заселялась и застраивалась, Охотный двор все более отдалялся новыми постройками от свободных окрестностей города, и помещение охоты на этом дворе, среди городских строений, становилось все более и более неудобным. Переезды чинов Императорской охоты на места высочайших охот, в Петергоф и Гатчину, к тому же вызывали излишние расходы. В силу этого уже в царствование императора Александра I возникает вопрос о переводе Императорской охоты в один из пригородов Петербурга.

Вскоре по своем вступлении на престол император Николай I в видах сокращения расходов по придворному ведомству одобрил предложение обер-егермейстера Нарышкина о переводе Императорской охоты из Петербурга в Петергоф. Вопрос этот был разрешен окончательно в апреле 1828 года. Охотный двор, занимавший площадь более 8900 кв. саж., был продан отдельными участками за 127.000 рублей с лишком. Строения проданы на слом. 22 апреля 1828 г. высочайше утверждены планы построек

новой охотничьей слободы в Петергофе, составленные инженером Иосифом Шарлеманем. Работы начаты были немедленно, под наблюдением состоявшего в должности егермейстера генерал-майора Пашкова, и к августу следующего 1829 г. главные строения были готовы.

Новая охотничья слобода имела весьма благоустроенный вид. Улица была шоссирована, перед домами были сделаны тротуары из камня. В ряд стояли 22 небольших, чистеньких домика, деревянных (на каменном фундаменте), окрашенных перловою масляною краскою, с белыми балкончиками и белыми карнизами. Каждый дом предназначался для двух семейств служителей и разделялся на две самостоятельные половины с отдельными ходами; офицерским чинам каждому отводился особый дом, такой же постройки. При домах устроены были флигеля для хозяйственных служб.

Репин И.
Император Николай I и Императрица Александра
Феодоровна в Крейте, в горах Тироля

Для холостых служителей выстроена была казарма. Конюшня охотничьей слободы, так же как флигеля и сарай, была обшита тесом и выкрашена в серый цвет. В конюшне было 22 окна, пол был настлан из булыжного камня и крепко убит глиною; стойл не было, что являлось нововведением. Кроме этой, в Слободе имелась и другая конюшня, старой постройки, в которой стойла также были вынуты.

Вскоре, в 1850 г., кроме построек, положенных по смете, оказалось необходимым: 1) возвести небольшой дом для приезда обер-егермейстера или егермейстера, отделивши в этом доме часть для жительства комиссара; 2) построить две бани, одну – "для соблюдения в людях должной чистоты и опрятности", другую – для мытья собак; 3) возвести "сарай для поклажи мясов", необходимых зимою для продовольствия собак, и 4) сделать кругом Слободы вместо предположенной живой ограды земляной вал и вырыть перед ним канаву. На валах поставлены были против каждого дома рогатки и посажены деревья⁵⁸. Вместе с тем чинам охоты ввиду их скудного вознаграждения отведены были земля под огороды и особый луг под пастбище для их скота. Служителя охоты сдали отведенную им под огороды землю в аренду за 1000 рублей в год и первую арендную плату, по собственному желанию, решили обратить на сооружение иконы. Эта икона "состояла из трех ликов: Покрова Пресвятыя Богородицы, Николая и Дмитрия чудотворцев, в серебряной ризе, с позолоченными венцами, серебряною лампадою, с иконостасом красного дерева, с вызолоченною резьбою". За такое "усердие и богоугодное пожертвование" егермейстер Васильчиков объявил служителям Императорской охоты благодарность в приказе по ведомству⁵⁹.

С переводом в 1829 году Императорской охоты в Петергоф, здесь сосредоточились почти все охотничьи учреждения, размещавшиеся раньше в Петербурге и других местах. В самой Слободе помещена была псовая охота, а рядом с Слободой был устроен зверовой дом. Другим центром охотничьих учреждений в Петергофе был Большой петергофский зверинец. В нем были устроены заячий садок, оленник, фазанное и куропаточное заведения, а рядом с последними – ремиз. Одна только Егермейстерская контора не была переведена в Петергоф и в 30-х годах помещалась в так называемом "иезуитском"⁶⁰ доме на Екатерининском канале, близ Михайловского театра. Для приезжавших в Петербург по делам службы чиновников и служителей нанималось особое помещение в доме принцессы Гогенлоэ-Кирхберг, а с 1843 г. – в доме на Болотной улице, близ Ямской слободы.

Едва прошло 10 лет после постройки Петергофской охотничьей слободы, как все строения ее потребовали капитального ремонта. Оказалось, по свидетельству обер-егермейстера Васильчикова, что все здания построены были крайне непрочно: служительские дома и другие жилые помещения не были обшиты тесом, и к тому же были построены из сырого леса. Уже начиная с 1836 года, углы всех строений Слободы начали гнить, и для сбережения их от дальнейшего разрушения в 1842 г. потребовалось обшить их досками. Однако эта мера оказалась запоздалой, так как гнилость успела проникнуть внутрь самых стен. Тогда же обнаружилась течь во многих крышах. Старая конюшня совершенно обветшала и, от неоднократной вводки в ее стены новых пластин, представляла собою, по выражению Васильчикова, "мозаическое безобразие"⁶¹. Между тем архитектор Шарлемань, осматривавший ежегодно все

здания охоты, не обращал должного внимания на их непрочность и, не желая тратить значительных денег на ремонт, ограничивался обыкновенно мелкими починками. Вследствие этого в 1849 г. все строения Егерской слободы пришли в совершенный упадок: полы и углы в домах сгнили, а стены местами от гнилости бревен светились насквозь; во многих домах через крыши и потолок проходила течь; оконные рамы от ветхости вываливались, печи были испорчены настолько, что их опасно было топить. В таком же печальном положении находились и различные службы охоты: в сараях для склада сена, соломы и овса текло, и подмоченный дождем фураж приходил "в совершенную негодность"; кроме того, крышам сараев грозила опасность обрушиться в зимнее время от тяжести снега. Заборы в зверинце и ремизе едва держались на подпорках; опасались, что эти заборы упадут от первого сильного порыва ветра, и все звери разбегутся. Столь печальное состояние охотничьей слободы побудило обер-егермейстера Васильчикова в июле 1849 г. обратиться к министру Императорского Двора с просьбой разрешить ему произвести некоторые работы в скорейшем времени, до наступления осени, во избежание несчастий от топки печей, распространения между чиновниками и служителями охоты болезней от холода и сырости, а также в видах сбережения лошадей, зверей и фуража. Ходатайство это было уважено, и на ремонт отпущено было до 15.000 руб.⁶². Через четыре года на исправление Петергофской слободы было ассигновано еще 8500 руб., а в смету расходов 1856 года на приведение построек Петергофской слободы в состояние, отвечающее более или менее сносному "размещению в них чинов охоты и хозяйственных учреждений", было внесено еще до

10.000 руб. Таким образом, за четыре года, с 1852 по 1856 год, на починку строений Слободы израсходовано было с лишком 18.000 рублей, и год от году эти расходы должны были возрастать. По словам графа Ферзена, чиновники и служители охоты, несмотря на все ремонтные работы, не знали, как предохранить себя в домах от холода, проникавшего сквозь полы и рамы. Конюшни пришли в "совершенную ветхость" и опустились в землю, а все хранившееся в сараях и цейхгаузах имущество гнило от сырости. Одним словом, все строения егерской слободы находились в состоянии такого разрушения, что никакие поправки и переделки не могли их восстановить.

Все это побудило упразднить Петергофскую егерскую слободу⁶³ и перевести Императорскую охоту в Гатчину. Это было исполнено, как мы увидим ниже, в начале царствования императора Александра II.

Крайнее несоответствие сметных ассигнований с действительными потребностями придворной охоты, о котором мы уже упоминали выше, говоря о штатах 1833 и 1843 гг., ставило обер-егермейстера в крайне затруднительное положение. Постоянно требовались особые нештатные ассигнования на устройство охот в высочайшем присутствии, на содержание при охоте собак, принадлежавших членам императорской фамилии, на приобретение и содержание фазанов и куропаток, на строительные работы и проч. Помимо этого, обер-егермейстер на свой собственный страх вынужден был увеличивать некоторые статьи расхода сверх штатных назначений, и вследствие этого ему приходилось получать замечания от министра и внушения за неправильное ведение приходорасходной части, тем более, что порядок расходования штатных сумм зависел от определенных законодательных

постановлений, и на отступление от них требовалось особое разрешение высшего начальства. Так, например, все расходы по заготовке припасов и фуража для охот и по производству построек должны были по закону непременно производиться с публичных торгов с объявлениями о них в газетах. Между тем, обер-егермейстер Васильчиков все такие расходы одно время производил хозяйственным способом; он поступал так по необходимости, потому что желающих на торги не являлось, а если кто и являлся, то назначал слишком высокую цену. В 1838 году контроль министерства Императорского Двора, при ревизии книг Егермейстерского ведомства, признал все эти отступления незаконными; Васильчикову, однако, удалось оправдать свои распоряжения как выгодные для казны. В том же году Васильчикову и его помощнику, егермейстеру, пришлось собственным жалованьем поплатиться за некоторые, допущенные ими, самопроизвольные выдачи казенных денег. По распоряжениям их было перерасходовано на 8252 рубля 27 копеек больше положенного по штату. Император Николай Павлович повелел на покрытие означенного перерасхода "обратить отпускаемое по штату жалованье обер-егермейстера и егермейстера"⁶⁴.

Отчеты Егермейстерской конторы с 1833 г. представлялись в контроле министерства Императорского Двора⁶⁵, и согласно требованиям контроля отчетность по Егермейстерскому ведомству велась необыкновенно сложно, порождая большую переписку. В конце 30-х годов, с разрешения министра, для составления годового отчета даже приглашались за особую плату в помощь бухгалтеру посторонние лица. Бывали случаи, что такие вольнонаемные люди, взяв

работу себе на дом, ровно ничего не делали и даже не являлись в контору. Годовые отчеты Егермейстерского ведомства всегда запаздывали, и обер-егермейстер, получавший за это замечания, решился в начале 1852 года просить министра Двора упростить формы составления отчетов⁶⁶, по примеру военного ведомства, где ни один кавалерийский полк, по словам Васильчикова, не имел такой сложной отчетности, как придворная охота; частые же передвижения охоты сделали Егермейстерское ведомство в некотором отношении похожим на военную команду. Министр, однако, не дал на это своего согласия.

Кроме представления годовых отчетов в Контроль, контора должна была давать и объяснения на его многочисленные запросы. По небрежности секретарей конторы эти объяснения доставлялись весьма неаккуратно. Так, осенью 1842 года Контроль доложил министру, что егермейстерская часть не дает объяснений по некоторым пунктам отчетности, начиная с 1828 года, несмотря на неоднократные требования. Министр, светлейший князь Волконский, предписал Егермейстерскому ведомству немедленно исполнить справедливые требования Контроля. Отчетность запущенную за целый ряд лет, трудно было очистить в скором времени. Два года не получая нужных объяснений, министр в январе 1845 г. объявил, что он не будет давать движения ни одному ходатайству о награждении чинов Егермейстерского ведомства до тех пор, пока Егермейстерская контора не представит объяснений по всем запросам, касающимся отчетности за старые годы. Тогда Васильчиков донес министру, что составление нужных разъяснений крайне затрудняется беспорядком в старых делах конторы. По словам Васильчикова, при принятии им

Егермейстерского ведомства в 1832 году, все дела этого ведомства, начиная с 1800 года, были найдены брошенными в сарае, причем утрачено было много нужных бумаг. Впоследствии, однако, усердие и энергия чиновников Егермейстерского ведомства восстановили порядок в делах и поставили дело отчетности на правильный путь⁶⁷.

Императоръ Александръ II.

**ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА II**

Н. ГАМВКШІЗ

Доу
Цесаревич Александр Николаевич

Глава III

Царствование императора Александра II

Император Александр II был прирожденным страстным охотником: особенно любил он далекие охотничьи поездки на медведей в снежных сугробах глухого леса; он любил и поэтическую тягу вальдшнепов в весенние светлые ночи нашего севера; любил и ружейную охоту в зверинцах на оленей, лисиц, зайцев и других зверей. Утомление далеких охотничьих поездок было для него отдохновением от тяжелых трудов государственного управления; в этих экскурсиях он почерпал новые силы для своего доблестного государственного служения.

Страсть к охоте пробудилась в нем весьма рано; тринадцати лет от роду, как мы говорили в предыдущей главе, великий князь Александр Николаевич, уже искусно владея ружьем, охотится на уток и зайцев; через год, в первый раз участвуя в охоте на волков, он очень горячится, проявляя врожденную охотничью страстность; увлечение охотой одно время даже вредно отражается на его учебных занятиях. Затем юный великий князь наследник не довольствуется участием в охотах императора Николая I, и для него устраиваются особые охоты на волков и оленей. В 1847 г., 19-и лет, он в первый раз охотится на медведя. В последние годы царствования императора Николая I, как мы говорили, он охотится весьма часто, особенно на медведей, лосей и волков, и медвежья охота на всю жизнь становится его любимым развлечением.

Каждый год в зимние месяцы, раз в неделю,

государь совершал далекие поездки в окрестности Петербурга, главным образом для охоты на медведей, а также на лосей. Эти охоты производились как в ближайших местностях к Петербургу, в окрестностях г. Гатчины, Павловска, Ораниенбаума, в Колтушах, близ Охты, так и в более отдаленных: по линии Варшавской железной дороги, до станции Белой, в 200 верстах от Петербурга, и по Николаевской ж. д., до станции Бологое (300 верст от Петербурга). Выбор того или другого места для охоты зависел от того, где найден был и обложен зверь.

Государь выезжал из Петербурга обыкновенно по вторникам вечером, в 9-м или 10-м часу. Вместе с ним в экстренном поезде железной дороги отправлялись приглашенные на охоту великие князья, иностранные принцы и свитские генералы, 15–19 человек. В вагоне государь пил чай и иногда играл в карты. По прибытии на станцию, ближайшую к месту охоты, он ужинал с приглашенными обыкновенно в станционном доме или в домах местных помещиков, князя А. А. Путятина, Анненкова и других, в Лисинском или Гатчинском дворце, если охота предстояла в окрестностях Лисина и Гатчины. Когда государь вечером ехал от станции к месту остановки, впереди его открытых саней скакал фельдегер, с зажженным факелом в руках, освещая путь. Нередко крестьяне зажигали костры и смоляные бочки по сторонам дороги. На следующий день утром, большею частью в 10 часов, государь после чаю отправлялся со свитой в санях в лес, к месту охоты. В лесу ему подавали легкий охотничий завтрак. По окончании охоты государь обедал, смотря по месту охоты, во дворце или у кого-либо из местных жителей, в станционном доме или вагоне; во время обеда и ужина играл оркестр придворной охоты, в составе 20

человек, сопровождавший государя в охотничьих поездках; вечером, в 10-м или в 11-м часу, государь возвращался в Петербург. Иногда, когда охота производилась в местности, более близкой к Петербургу, например в Колтушах, имении Чоглокова, или близ Тосно, государь выезжал на охоту утром и в тот же день, поздним вечером возвращался в Зимний дворец.

Император Александр II очень любил эти поездки, и лейб-медики считали их весьма полезными для его здоровья; день, проведенный в лесу, на свежем морозном воздухе, прогулка в санях, встреча с небезопасным противником Мишкой, как и охота на лосей и волков, освежали и укрепляли его силы, и государь не чувствовал после них никакого утомления⁶⁸. Нередко, особенно в первые годы царствования, государь, вернувшись вечером с охоты, тотчас отправлялся на спектакль или концерт. Так, например, в 1857 г., 30 января, выехав на охоту в Колтуши в 10 ч. утра, вместе с великим князем Николаем Николаевичем и большим числом приглашенных (15 человек), и вернувшись вечером в Зимний дворец, государь в исходе 8-го часа принял генерал-адъютанта Путятина, представлявшегося по случаю возвращения его из-за границы, в 8 ч. 20 м. поехал в Большой театр, оттуда на бал к великому князю Николаю Николаевичу и вернулся в третьем часу ночи. 11-го февраля того же года государь, вернувшись с охоты из Лисина в 8 часов вечера, через полчаса выезжает на парадный спектакль в Преображенском полку. В следующем году, 22 января, проведя целые сутки на охоте в лесу за 50 верст от станции Ящеры, государь по возвращении в Петербург, не заходя во дворец, проехал к императрице в Большой

театр. 22 февраля, тотчас по возвращении с охоты, государь едет вечером на концерт в Певческую капеллу. В 1859 г., 12 февраля, государь, после охоты в окрестностях Лисина, отправляется вечером по железной дороге, а затем почтовым трактом в экипажах в Новгороде, на полковой праздник Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка⁶⁹.

Охоты государя на медведей проходили обыкновенно совершенно благополучно потому, что он был весьма искусным стрелком; его меткий выстрел в упор укладывал на месте зверя, поднятого с логовища. Окружающие государя охотники к тому же зорко следили за тем, чтобы в случае промаха или поранения зверь не бросился на государя.

Около него по правую руку находился обыкновенно унтер-егермейстер Иванов, тот самый, которого, как мы уже говорили, еще император Николай I избрал для постоянного сопутствования на охотах юному наследнику Александру Николаевичу. С начала до конца охоты унтер-егермейстер держал свой карабин со взведенным курком голыми руками, несмотря ни на какой мороз. В услугах его надобности не оказывалось, но внимание его не ослабевало в течение более 20 лет. На одной из охот в 1872 году, 4 января, Иванов вполне оправдал доверие, которое к нему питали император Николай I и император Александр II. Эта охота происходила в лесу, около станции Торбино (по Николаевской ж. д.). По обыкновению, государь выехал из Петербурга накануне вечером, в 8 часов, по Николаевской железной дороге до станции Малой Вишеры. Ему сопутствовали великие князья Владимир Александрович и Николай Константинович, прусский посол принц Рейс, прусский военный агент

(впоследствии посол) генерал Вердер, австрийский военный агент Бехтольсгейм, обер-егермейстер барон Ливен, егермейстер Герздорф, генерал-адъютанты, постоянные участники высочайших охот — князь Суворов, Тотлебен, Мердер, граф Перовский, в должности егермейстера князь Трубецкой, граф Воронцов-Дашков и князь Голицын-Прозоровский.

Вместе со свитой государь в вагоне пил чай и ужинал. В 12 часов поезд пришел на станцию Малая Вишера. На следующий день, 4 января 1872 г., после утренней прогулки, государь в половине 10-го отправился к месту охоты в лесу, близ станции Торбино. Завтрак был подан, по обыкновению, в лесу. Охота продолжалась до 8-го часа вечера. Обложенный медведь оказался очень свирепым: он ранил двух облавщиков, прежде чем вышел на стрелковую линию, на которой стоял государь; площадь охоты была несколько прикрыта кустами и плотным ельником, который не был вырублен заранее по несчастному недосмотру. "Государь, — рассказывает один из участников охоты, — увидел медведя в нескольких шагах, когда он выскочил из-за куста. Государь выстрелил, ранил зверя, но не убил, и медведь стремительно бросился на государя; другого выстрела император сделать не успел; опасность была близка и неминуема: медведь у ног; Иванов не потерялся, вскрикнув: "Государь налево, рогатчик вперед!" и в тот же момент сам стреляет, а рогатчик всаживает рогатину в грудь зверя, и зверь пал мертвым у сапога государя. Охота, разумеется, кончилась, свита окружила государя; он был весел, смеялся, но позади себя услышал маленький спор между Ивановым и рогатчиком о том, кто убил медведя, от чего последовала смерть, от пули или от рогатины.

Государь, узнав, в чем дело, как истый охотник, понял спор и, не взяв на себя решить оный, приказал отправить убитого медведя в анатомический театр для вскрытия. Доктора нашли, что медведь умер моментально от пули, которая попала в левый глаз и засела в мозгу, а рогатина до сердца и до легких не дошла, и что медведь мог еще сопротивляться. Когда доложили об этом государю, то он, чтобы не оскорбить гордости рогатчика, приказал вычеканить две медали: одну золотую, а другую серебряную, со своим портретом на одной стороне, а с другой – слово "благодарю", и на следующей же охоте сам милостиво навесил золотую – Иванову, а серебряную – рогатчику".

Архивные дела Егермейстерской конторы подтверждают этот рассказ. Из этих дел видно, что государь "видел ловкий, смелый и быстрый прием на рогатину медведя" стремянным Никоновым, стоявшим возле него, приказал тут же обер-егермейстеру барону Ливену наградить его медалью с надписью "за спасение", на Владимирской ленте. Впоследствии, когда выяснилось, что смерть медведя последовала от меткого выстрела унтер-егермейстера Иванова, государь наградил его золотой медалью, с надписью "благодарю", на Владимирской ленте, для ношения в петлице, "за сделанный им выстрел, которым он положил медведя мертвым к ногам Его Императорского Величества". Одновременно такая же серебряная медаль пожалована была и стремянному 1-й статьи Никонову⁷⁰.

"Управляющий и все почти егеря, – рассказывает участник высочайших охот, – были в душе страстными охотниками и обожали Государя: следовательно, легко понять, с каким искренним старанием и любовью

делались все приготовления к охоте, и надо было лично видеть их, чтобы понять, как все бывали огорчены и возмущены, если охота почему-либо не удавалась. Они только ту охоту считали удавшеюся, если зверь убит самим Государем, а не кем-либо из свиты".

Как только Егермейстерская контора получала известие от кого-либо из крестьян о найденном медведе, она тотчас же отряжала на место опытного егеря, чтобы он проверил известие и караулил зверя до Высочайшей охоты. Ко дню охоты нанимали большое число кричан – крестьян соседних деревень; за недостатком крестьян, приходилось иногда пользоваться услугами баб и ребят. Кричане-загонщики действовали под надзором служителей Императорской охоты. Участникам охоты раздавались номера тех мест, на которых они должны были стоять, не переходя на другие места.

В число егерей Императорской охоты выбирались обыкновенно статные и ловкие люди; они были вооружены охотничьими ножами и ремингтоновскими двухстволками, которые для облавы заряжались холостыми зарядами; некоторые имели рогатины. Действуя ловко и смело, егеря почти наверняка выставляли обложенного медведя на номер государя. "Медведь, – рассказывает один из участников высочайших охот, – шел, как какое-нибудь послушное домашнее животное, побуждаемый криком и движением егерей". Увлекаясь преследованием зверя, егеря не щадили себя. Однажды медведь напал на егеря в кругу облавы и уже собирался его помять, как егерь, не потерявшись, выпустил два холостых заряда ему в упор; медведь от испуга рывкнул, откинулся назад и, оставив егеря, побежал прямо на выстрелы ожидавших его охотников. В другой раз егерь спасся от напавшего

на него медведя только тем, что взлез на дерево; медведь, однако, успел ударить его по ноге и при этом стащил сапог. На одной из высочайших охот 1856 г. егерь-рогатчик смело принял медведя на рогатину, но рогатина сломалась надвое⁷¹; оказалось, что все старые рогатины, употреблявшиеся на Императорских охотах, были весьма ненадежны, и егермейстер граф Ферзен поспешил заменить их новыми.

Завтрак для государя и его свиты приготавливали на месте охоты, недалеко от зверя, хотя бы и в глуши леса, по возможности на открытом месте. "Порасчистят несколько снег, приготовят стол, здесь же в сторонке разведут плиту, и завтрак готов. Государь, – рассказывает участник высочайших охот, – подходит к столу, делая рукою жест, приглашающий к завтраку; все подходят, окружают стол и завтракают стоя; стульев не полагалось.

"Великолепная картина. Государь и вся свита одеты одинаково; только посреди этой группы вы видите рослую и величественную фигуру Государя. Сделав два-три глотка, обертывается вокруг и своими добрыми голубыми глазами осматривает окружающих".

К месту привала для завтрака нередко собирались крестьяне из соседних деревень, особенно отставные солдаты, в различных костюмах, некоторые с Георгиевскими крестами и медалями поверх армяка. Государь подходил к ним и милостиво беседовал, спрашивая их, в каком полку кто служил, и при этом, обладая прекрасной памятью, нередко сам припоминал фамилии командиров. Затем, обращаясь в сторону, где стоял чиновник с деньгами, говорил: "Выдать по рублю, а Георгиевским кавалерам по три". Однажды во

время завтрака крестьянка смело подошла к государю и, низко поклонившись, подала ему три сота меду с своего пчельника в простой деревянной чашке. Государь с улыбкой поблагодарил ее и приказал принять, а ей выдать 25 рублей. В другой раз одна француженка, имевшая по соседству сыроваренный завод, поднесла государю несколько кругов своего сыра. Один из крестьян дер. Ящеры представил государю двух духовых собак: собаки поразили всех своими охотничьими качествами, приняты были в Императорскую охоту, а крестьянину выдано было вознаграждения 100 руб. сер. Многие во время охот являлись с прошениями. "Государь, – рассказывает г. Михайлов, – где-нибудь в глухой чаще, тихо, с осторожностью пробирается к назначенному месту; вдруг из-за куста или из-за дерева выскакивает фигура и, падая на колени в снег, держит на голове просьбу. Государь никогда не оскорблялся таким неуместным появлением и всегда, милостиво выслушав, приказывал просьбу принять".

Одновременно с охотой на медведя для государя приготавливались охоты на лосей, оленей или диких коз; но, несмотря на все старания Егермейстерского ведомства, иногда и те и другие охоты оканчивались неудачно: государь приезжал и не находил обложенных зверей. Наибольшим случайностям подвергались охоты на лосей или оленей, хотя егеря тщательно проверяли следы зверей, число входов и выходов в круге. Охота на медведя считалась более верной, потому что медведя легче устеречь в его зимнем логовище. Но и тут иногда бывали неудачи. Случалось в первые годы охот государя, что сам крестьянин, хозяин медведя, после того как егерь проверит его указания, спугивал зверя, чтобы второй раз найти его по следу, указать егерю и

получить вторую плату за того же самого медведя. Во избежание таких злоупотреблений крестьянам решено было платить деньги не за указанного медведя, а за убитого. Случалось и так, что обложенный медведь оставался в берлоге и ничем не обнаруживал своего присутствия, несмотря на весь шум, поднятый кричанами и егерями, чтобы его спугнуть. Эти неудачи приводили в крайнюю горесть всех лиц, причастных к устройству охоты для государя. (См. пр. No 66.)

Князь Путятин в своих "Воспоминаниях" живо описывает одну из таких неудачных охот в окрестностях Бологова, крайне опечалившую его отца, пригласившего государя на эту охоту в свое имение. Для высочайшей охоты обложены были в январе 1862 г. лоси и медведь. Присланные из Гатчины егеря проверили лосиные и медвежьи следы, и в ту ночь, "когда все уже было готово к охоте, – читаем в помянутых "Воспоминаниях", – и Государь выехал уже к нам (в январе 1862 г.), один из крестьян, вследствие интриги, входил в оклад и спугнул лосей. На снегу ясно виднелись следы лаптей. Эти следы положительно доказывали, что дело было не совсем чисто. Один из егерей, сын доезжачего Императорской охоты, Борисов, так был расстроен неудачею своих проверок, что за ним наблюдали, боясь, чтобы он не захворал, так как он считал, что этот промах его уронит в глазах начальства. Остался один медведь, приготовленный, как ресурс, на случай неудачи с лосями". Но и с этим медведем едва не вышло полной неудачи. Охота в присутствии государя, как всегда, началась утром; "знак был подан, крики рабочих, выстрелы егерей смешались вместе.

Гул делался все громче и громче, по мере того как оклад суживался. Вот прошли и егеря, а медведя нет

как нет. Взорвали несколько шлагов, пустили в оклад двух громадных медиоланских собак – дар одного английского лорда, – и все-таки медведь не поднялся. Охота оказалась неудачною; ее покончили; подали другой сигнал, и все двинулись к нам обратно. Ружья и охотничьи принадлежности отправили прямо на вокзал. Я же опять вернулся в дом Василевского.

"Около часа прошло времени, когда в зало, в котором я сидел, вошел мой покойный отец, – как теперь помню его бледное, взволнованное лицо. Оно нервно как-то подергивалось; видно, что отцу было тяжело, и он, как будто для того, чтобы успокоиться близ родного человека, пришел ко мне.

"Что с вами, батюшка?" – спросил я.

"Ах, Павел, ты не можешь понять, что я перечувствовал во время завтрака. Почти все придворные свиты, которые были так любезны по приезде, теперь как бы наперерыв старались выказать свою холодность. Говорили даже, что будто я приглашал Государя на пустую охоту. Граф Ферзен расстроен, мелкие уколы выводят его из себя, и он обескуражен неудачей".

"Во время нашего разговора входит лакей, докладывая, что спрашивает отца какой-то крестьянин.

"Что ему надо? Мне не до него. Впрочем, позовите". – "В комнату вошел один из охотников деревни Подлипья, помнится, Дмитрий, с докладом, что медведь найден.

"Как найден?"

"Да в берлоге. Когда охота кончилась, я пошел по окладу. Вдруг, слышу, хрястнет хворостье; я ближе; вижу, яма под сучьями, а в ней уши торчат:

медведица-то ими поводит; должно-быть, вслушивается; я потихоньку назад, да и к вам, ваше сиятельство".

"Да так ли?"

"Как же не так, когда видел своими глазами".

"Отец стоял и не знал, что делать; наконец, решился идти сообщить об этом. Несколько времени спустя, я уже видел, как сани, одне за другими, промчались мимо Васильевского дома. Что же в это время происходило, передаю со слов отца.

"Когда я пошел сообщить о медведе, то узнал, что Император играл в карты; меня подвели к нему, и я доложил, что медведь найден. При этом случае рельефно проявилась присущая Государю черта его высокой доброты.

"Едем", – сказал он, и все вокруг засуетилось.

"За ружьями послали обратно, их тотчас доставили, и все двинулось в путь. Отец и граф Ферзен опасались за охоту, так как охота в берлоге очень опасна и иногда худо кончается. Граф Ферзен, у которого был горячий характер, дорогой все расспрашивал охотника, сомневаясь в его словах. Но вот подъехали к бывшему окладу, егеря быстро протоптали по снегу дорогу к берлоге, отрядив некоторых из них с рогатинами для того, чтобы вызвать из нее медведя. Протоптанная тропа была очень узка; на ней могли поместиться только трое рядом. Эти трое были: Государь Император, граф Ферзен и отец. Ни отец, ни граф Ферзен не могли иметь ружей по случаю близости расстояния друг от друга. У них только и были кинжалы, которые они вынули из ножен. У графа Ферзена кинжал нервно дрожал в руке. Все стихло. Егеря стали шевелить в берлоге

рогатиными. Показалась черная масса.

"Ваше Величество, медведь". – "Где?" – "Вот там". – "А... вижу".

"Затем раздался выстрел, и дымом застлало лесную чащу. Ни рева, ни стопа. В это время отец кинулся вперед.

"Князь, что вы делаете?"

"Отец не мог отвечать. Снег скользнул под его ногами, и он повис над берлогой, держась за сучья.

"Да снимите же, помогите ему", – закричал Государь. "Тотчас же два егеря подхватили отца и поставили его возле берлоги. Оказалось, что в берлоге лежала медведица; она была убита моментально: пуля попала в переносицу и свалила ее наповал. Около нее копошились медвежата. Шум облавы не вызвал ее потому, что она в то время щенилась. Что же касается до того, отчего отец бросился к берлоге, то этому объяснение просто. Отец думал, что медведица ранена, и кинулся принять ее на нож. Известно, что почти всегда тяжело раненый медведь заревет, исключая, разумеется, моментально убитого, и, наоборот, когда медведь легко ранен, то он, прижав уши, быстро выскакивает и бросается без крика на стрелявшего. Это-то и предполагал отец, решившись броситься вперед, чтобы удержать его натиск. К счастью, как я сказал, медведь был убит наповал; его взвалили на сани и повезли на станцию".

"Все повеселело. Шутили, что медведица оттого не выходила, что, верно, ожидала акушера, и проч. и проч."

Описавший эту охоту, князь Путятин не мог точно припомнить, к какому именно из высочайших

посещений Бологова, в 1862 или 1863 г., относится его описание. Наши архивные данные показывают, что описанная охота происходила в Бологом 17 января 1862 г.⁷². Рассказ князя Путятина раскрывает смысл следующей краткой записи камер-фурьера под указанным числом: "По утру, в 9 часов, Его Величество с приглашенными особами изволил кушать чай и в половине 10-го часа выезд имел в лес на охоту, *возвратился в час* и имел фриштик. После сего *вторично отбыли на охоту*. Возвратились 55 минут 5-го часа на станцию Бологое... Государь застрелил большую медведицу; шерсть длинная, густая, темно-серая, с белыми пятнами у предплечья".

В Камер-фурьерских журналах мы находим несколько подобных отметок об охотах, неудавшихся вследствие ухода зверей из круга облавы. Так, например, 4 ноября 1858 г. государь прибыл с многими приглашенными в Тосну: но охота не состоялась потому, что "лоси ушли далее намеченного места на 20 верст". Можно себе представить, каких хлопот доставили эти ушедшие лоси всем чинам Императорской охоты.

Кратким и сухим официальным записям камер-фурьеров даст жизнь следующий рассказ об одной из таких неудачных охот:

"Приехали в лес поместились все на своих местах; дан сигнал, все замерли в надежде и ожидании.

"Проходят минуты, полчаса, час – медведя нет. У Государя появилось неудовольствие на лице. Простояв еще четверть часа, он велел позвать к себе управляющего; дали ему сигнал и бросились искать, но управляющего не нашли; тогда Государь потребовал мужика – хозяина медведя, но увы! и того нет.

"Государь, видимо недовольный, молча пошел к своим саням. Усаживаясь в сани, Государь приказал Обер-Егермейстеру посадить управляющего на гауптвахту.

"Что же оказалось. Медведя, действительно, не нашли. Управляющий, зная, что придется объясняться с Государем, ушел в чашу леса и притаился, надеясь, что Государь уедет и, вернувшись домой, может быть, и смилуется над ним.

"Мужик, хотя и знал, что он не совершил подлога, но тем не менее медведя нет, и, боясь расчета с управляющим, который, наверно, заподозрит его, со страху тоже бежал и закопался где-то в снегу.

"Когда все в лесу стихло, скрип последних саней смолк, и только собаки, высунув языки, тяжело дышали, управляющий объявился и приказал немедленно подать ему мужика, считая его вором. Сейчас же егеря на лыжах, с ищейками собаками, напали на след мужика и представили его пред грозные очи управляющего.

"Куда ты к.... девал медведя?" – "Не знаю". – "А, не знаешь! связать его и приготовить палок". Мужик на колени, взмолился, крестится, божится, клянется детьми, что он не виноват. Один из старших егерей, зная мужика с отличной стороны, говорит управляющему:

"Ваше благородие, я ведь знаю мужика и думаю, что он не виноват, а так как теперь вечер, и мы все устали, то оставим его связанным на ночь, а завтра вместе с ним пойдем опять искать".

"Управляющий согласился.

"Утром начались самые тщательные поиски,

изъездили на лыжах весь лес самыми тесными линиями, и один из старых егерей так устал, что сел на сугроб снега, снял шапку и, положив ее около себя, закурил трубку в размышлении о несчастном случае. Накурившись и не придя ни к какому заключению, он поднялся, чтобы продолжать поиски, но, обернувшись, не видит шапки. Осматривается кругом, встал, думая, что под ним, но нет, шапка пропала. Не желая, чтоб шапка вместе с Мишкой пропала, он продолжал ее искать, раскидывая рукою снег, как вдруг рукою попадает в какое-то отверстие. Он наклоняется и, увы, встречается глазами с заспанными глазами "Мишки".

"Трудно представить восторг егеря.

"Ваше высокоблагородие, здесь, здесь", – кричит он управляющему.

Степанов А.
Волки

"Кто?"

"Да Мишка".

"Все бегут, все с открытыми от улыбки ртами заглядывают к нему в окошечко: кто с бранью, кто с ласкательством – "Мишенька, Мишенька, и не стыдно ли тебе, голубчик, что ты с нами вчера наделал?"

"А тот себе преспокойно, прищурив глаза, смотрит на них как бы с насмешкой, думая про себя: что вы, дураки, волнуетесь; я и вчера так же спокойно лежал и слышал, как вы метались, как угорелые, но никакой охоты не имел с вами спорить".

"За этим восторгом не скоро заметили, что мужик стоит на коленях и молится Богу, вознося горячую благодарность за спасение своей спины. Картина эта сильно подействовала на всех, и управляющий поднял мужика с колен и извинился. Мужик забыл и свою бессонную ночь, и все страхи, от радости начал благодарить его же, управляющего.

"Когда все стихло, управляющий обращается с речью к своей команде: Друзья мои, все это прекрасно, медведь нашелся, и мужика от всякого нареkania освободили; но ведь мне-то все-таки наказания не миновать; от гауптвахты-то меня он не спасет; Государь поехал рассерженный и теперь не поверит, если мы донесем о нашей находке.

"Составился, так сказать, военный совет. Управляющий сел на крышу квартиры медведя.

"Медведь лег с осени под упавшее дерево с корнем; в течение зимы снег и дождь образовали такую толстую и прочную кору над медведем, что она могла выдержать любую тяжесть, и только оставалась одна нора, отдушина, которой медведь не давал замерзнуть

своим дыханием; в эту-то отдушину, по счастливой случайности, и провалилась шапка егеря. Около этой-то отдушины сел управляющий, чтобы "Мишка" слышал их сетования и приговор, который над ним будет произнесен. Большинство голосов приходило к тому, что медведь должен умереть заслуженною смертью – через расстреляние; Государю донести и, если он не смилуется, поехать в Гатчино на гауптвахту.

"Но гауптвахта не представлялась управляющему привлекательной, и он, после долгих раздумываний, наконец, произнес:

"Нет, не так; по-моему его надобно живым доставить в Зимний дворец. Может быть, Государь тогда и смилуется надо мною.

"Мысль эта новая всем понравилась, и все единогласно согласились. Приступили к приведению в исполнение решения: наверху поставили двух сильных егерей с железными ломами, окопали отдушину в таком размере, что медведь мог только с трудом выйти. Начинают его вызывать, шуметь, стрелять из ружей (разумеется без пуль), а "Мишка" не шевелится; он слышал, что ему не угрожает смерть, следовательно, он спокоен и смотрит с тою же насмешкой на все их усилия; поездка в Петербург тоже, вероятно, не интересовала его. Охотники бранятся; собаки злятся, а он сосет свой кулак и думает: "Да ну, вас; вот, – думает, – потеха, умрешь от смеха". Тогда охотники пустили под его физиономию снаряд (при фейерверке называемый шутихой), который, при прикосновении к предметам, с треском разрывается. Неожиданный взрыв испугал медведя, он вскочил и полез в отверстие. Егеря, стоявшие наверху с ломами, ударили его по голове, и медведь упал, оглушенный; тогда ремнями

связали его ноги и, крепко привязав к саням, с конвоем отправили в Петербург, на маленький дворик Зимнего дворца. Управляющий охотой с замиранием сердца идет туда наверх и просит доложить. Государь его принял; улыбаясь, выслушал всю историю, пошел взглянуть на пленника, при виде которого сердце Государя, как охотника, отошло; управляющего помиловал, а медведя приказал взять в Гатчинский зверинец. Вот и "Мишка" поехал в Гатчино, посматривая на управляющего с той же насмешкой и как бы говоря: "Ну, что взял? А вот и не смеешь теперь со мной ничего сделать; будешь еще за мною ухаживать и покоить". Долго он жил и, как исторический в летописях охоты, долго был предметом любопытства. Только управляющий и егеря никогда не могли простить ему сыгранной с ними шутки, и редкий охотник проходил без того, чтобы не обругать его и не всыпать двух-трех нагаек, если таковая была в руках". (См. пр. No 66.)

Печальным эпизодом охот императора Александра II является нечаянное убийство егермейстера В. Я. Скарятинна обер-егермейстером графом Ферзенем, наделавшее в свое время много шума. Охота, окончившаяся столь трагически, произведена была 29 декабря 1870 г. в окрестностях Малой Вишеры, в 24 верстах от станции железной дороги. По стрелковой линии, против густого леса, из которого должен был выйти на номера охотников обложенный медведь, участники охоты заняли свои места от No 6 до No 10, на расстоянии 38 сажень, в следующем порядке: пункт No 6 – Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Александрович, при нем егерь Бабурин; No 7 – Государь Император Александр Николаевич, при нем унтер-егермейстер Иванов, егерь-рогатчик Петр

Шелагин и егерь-собачник Федор Сухопаров; No 8 – обер-егермейстер граф Ферзен и его егерь Василий Кожин (ныне смотритель Императорского Гатчинского зверинца); No 9 – егерь Сухопаров; No 10 – егермейстер Скарятин с егерем Иваном Кожиным.

Спугнутый кричанами медведь направился к пункту, на котором стоял государь, повернул несколько в сторону, занятую великим князем Владимиром Александровичем, и затем между этими двумя пунктами (NoNo 6 и 7) перешел стрелковую линию и скрылся в чаще леса, сзади охотников. Когда медведь перешел стрелковую линию, ему вдогонку послан был ряд выстрелов: два выстрела государем и один – великим князем. Скарятин, услышав эти выстрелы и думая, что медведь убит, и охота кончена, сошел с своего номера, направился в ту сторону, где находился государь, и остановился в лощине, на поляне, недалеко от пункта No 8, занятого графом Ферзеном, и спиной к последнему. В это время граф Ферзен дал выстрел по убегавшему медведю; пуля попала в пояс Скарятину и поразила его насмерть. – "Ваше Сиятельство, – воскликнул стоявший около графа Ферзена егерь Кожин, – что вы сделали? вы убили Владимира Яковлевича". – "Молчи", – пригрозил ему граф и пошел к упавшему Скарятину. В это время подошли к нему государь и великий князь. На вопросы: "Что такое? как это случилось?" – один из участников охоты высказал предположение, что Скарятин споткнулся и сам себя убил нечаянно. При общем смущении все, казалось, поверили этой догадке; граф Ферзен ее не опроверг, хотя для него дело было яснее, чем для других. Он надеялся скрыть свою вину и даже решился подкупить егеря Кожина, находившегося при нем во время рокового выстрела, и обещал ему дать 1000 руб., если

он ничего не покажет при расследовании дела.

Весть об убийстве Скарятина тотчас же разнеслась по городу: в самый день охоты вечером в Большом театре, на представлении итальянской оперы, об этом уже все говорили, высказывая, как всегда, противоречивые догадки. Впоследствии многие начали обвинять графа Ферзена в умышленном убийстве Скарятина: рассказывали, что они были не в ладах между собою, и что отношения между ними особенно обострились незадолго до катастрофы вследствие явного расположения его величества к Скарятину, и что даже во время охоты 29 декабря, когда Скарятин пошел с своего номера к месту общего сборища, граф Ферзен, увидя его, сказал будто бы своему егерю: "Что он тащится раньше всех".

Государь очень желал выяснить во всех подробностях загадочное дело, но это удалось не сразу, ввиду того, что граф Ферзен упорно скрывал свою вину. Комиссия, высочайше назначенная, под председательством генерал-адъютанта Зиновьева, сначала не могла ничего выяснить; главный свидетель, егерь Василий Кожин, хотя и не поддался на подкуп, но не решился явиться в комиссию, чтобы прямо обвинить своего начальника. Обстоятельства дела раскрылись только тогда, когда по высочайшему повелению в состав комиссии вошел министр юстиции граф Пален, который тотчас же, с прокурором М. П. Баженовым и другими лицами, предпринял детальный осмотр места печального происшествия в лесу около Малой Вишеры. На основании этого изучения местности и опроса свидетелей комиссия отвергла обвинение графа Ферзена в умышленном убийстве Скарятина. Выяснилось, что если бы он действительно хотел под видом выстрела в медведя послать пулю в Скарятину,

то для этого – так как Скарятин находился в лощине – ему пришлось бы, слишком явно для стоявшего тут же егеря, нагнуть дуло ружья и даже присесть, чтобы попасть в пояс Скарятину. По заключению комиссии, дело было так: когда егерь крикнул: "Ваше Сиятельство, стреляйте, вон медведь", то граф Ферзен, по старости лет, засуетился, поспешно взял от егеря ружье и еще, не приподнявши его на высоту нормального прицеливания, другою рукою зацепил за курок, вследствие чего ружье, находясь еще у пояса его, дало выстрел, оказавшийся роковым для Скарятина. Признав таким образом графа Ферзена виновным в неосторожном убийстве, комиссия обвинила его еще более в недостойном поведении, как в самый момент происшествия (замолчал вину), так и тогда, когда дело подверглось уже расследованию. На донесении комиссии, обнародованном затем в "Правительственном вестнике" (27 января 1871 г.), государь положил следующую резолюцию: "Усматривая из дел, что смерти егермейстера Скарятина произошла от случайного выстрела графа Ферзена, и признавая последнего виновным в позднем сознании, Я, во внимание к его более пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее увольнение от службы. Засим считать дело оконченным"⁷³.

Окрестности Петербурга в 60-х и 70-х годах изобиловали медведями, лосями, дикими козами. Эти звери водились не только в дальних местах высочайших охот, как в Бологом или в Ящерах, но и совсем близко от Петербурга, там, где теперь нет и помину ни о медведях, ни о лосях, ни о диких козах. В Бологовских лесах и в других местностях встречались даже настоящие северные олени. Когда в начале 60-х годов государь впервые начал охотиться в Бологом, то

многие относились недоверчиво к рассказам местных жителей о том, что у них попадаются северные олени; но вскоре одна из удачных высочайших охот показала, что в Бологом действительно были подлинные северные олени (*cervus tarandus*). В 60-х годах их стреляли даже в Тверской губернии, хотя и редко.

Высочайшие охоты на медведей весьма часто производились в Большом Лисине, находящемся в 30-и верстах от Павловска и в 17-и верстах от Тосно, другого, часто посещавшегося государем, места охот. До 1888 года здесь существовало Лисинское учебное лесничество, учрежденное в начале 30-х годов министром финансов графом Канкриным. Оно должно было, по мысли Канкринна, служить не только учебно-практической школой, но и образцом рационального лесного хозяйства для всего государства. Лисинская казенная дача, площадью свыше 30.000 десятин, независимо от указанного прямого своего назначения, служила и для Императорской охоты. В центре этой дачи, Большом Лисине, помещались в больших каменных зданиях и деревянных домах: 1) низшая лесная школа, называвшаяся егерским училищем и впоследствии переименованная в лесное училище и 2) класс практикантов Лесного института. Здесь же, в этом маленьком учебном городке, устроен был сохранившийся до сих пор Императорский охотничий павильон или дворец, рядом с обширным зверинцем. В этом павильоне государь останавливался для ужина и ночлега. Он посещал Лисино для охоты каждую зиму с 1858 по 1880 г. (за исключением одной только зимы 1870–1871 гг.), большею частью три раза в сезон, иногда по 4 и 5 раз; в последние же 1878–1880 гг. не более одного раза в зиму.

Прибыв с вечера в Лисино, государь утром обыкновенно гулял, прежде чем отправиться на охоту. 19 ноября 1869 г. государь с прогулки зашел в приходскую церковь и слушал панихиду в память дня кончины императора Александра I. В следующем году, 11 марта, он точно так же в этой же церкви прослушал панихиду в память кончины императора Павла I.

Часто посещая Лисино, государь в течение ряда лет ни разу не заглядывал в тамошние учебные заведения, пока этому не дала повода одна не вполне удачная охота на медведя. В феврале 1863 года около Лисина обложены были два медведя. Государь взял одного из них утром, но когда после завтрака в Лисинском дворце он отправился к месту, где был обложен другой медведь, то ему навстречу прискакал егермейстер с известием, что медведь ушел. Тогда государю пришло в голову посетить лисинские учебные заведения. Сани, в которых сидел он с генерал-адъютантом Суворовым, повернули вдруг назад и остановились у егерского училища. Здесь никак не ждали высочайшего посещения, и все оказалось в полном беспорядке. Парадный подъезд был весь занесен снегом, и дверь с трудом удалось отворить. В дортуарах, которые всегда содержались неопрятно, господствовал крайний беспорядок, так как в это время воспитанники, бывшие на охоте, переодевались. Государь быстро прошел по всему училищу и направился в кухню; щи, которые он отведал из котла, оказались весьма недоброкачественными. Государь был крайне недоволен, но не хотел никого карать, считая виновным в беспорядке и самого себя, так как, бывая часто в Лисине, ни разу не осмотрел училища. — "Смотри, — сказал он министру Зеленому, — чтобы несчастных не было".

В память высочайших посещений Лисина чины корпуса лесничих поставили близ дворца скромный памятник, бюст императора Александра II⁷⁴.

Кроме Большого Лисина, государь так же часто посещал для охоты Ящеры, большое село на почтовом тракте в семи верстах от станции Дивенской Варшавской железной дороги (70 верст от Петербурга). Ящеры окружены большими лесами в дачах Государственных имуществ и Удельного ведомства; медведи в этих лесах водились в большом количестве. Станционный дом упраздненного почтового тракта был перестроен в небольшой охотничий дворец, в котором государь останавливался для ужина и ночлега; свита размещалась частью во флигелях, частью в избах зажиточных крестьян. Государь совершал путь в Ящеры или по железной дороге, или по шоссе, которое было проведено сюда из Большого Лисина. В 1856–1862 гг. государь посещал Ящеры 2–3 раза в сезон; в 1864–1877 гг. – не более двух раз. Последнее посещение Ящер относится к 26 января 1877 года⁷⁵. Государь останавливался здесь для ночлега не только тогда, когда охота предстояла в окрестностях Ящер, но и тогда, когда медведи обложены были дальше, по линии Варшавской железной дороги. Проведя здесь ночь, государь утром ехал по железной дороге до станции Белой и других.

В селе Ящерах возил государя на охоту всегда один и тот же крестьянин (впоследствии купец) – Савелий Васильевич. В начале 1850 года государь, бывши еще наследником, в первый раз охотился около этого села. Савелий имел хорошую, но смирную лошадь и прочные сани; когда управляющий охотой заготавливал лошадей для проезда в лес, к месту охоты, то Савелий попросил позволения провезти государя, тогда еще

наследника. Осмотрев лошадь и сани, управляющий разрешил, и Савелий так осторожно провез наследника, что он остался доволен и, выходя из саней, сказал: "Спасибо, отлично едешь, как тебя зовут?" – "Савельем, Ваше Императорское Высочество". – "Спасибо, – повторил государь, – выдать ему 25 рублей". Так эта цифра, 25 рублей, выдавалась ему более 30 лет, тогда как другие крестьяне других деревень, на чью долю выпадало счастье возить государя, получали 10 рублей. Для езды в лесу по сугробам снега, часто в глухой чаще, требовалось большое умение. У неопытных кучеров сани нередко опрокидывались, вываливая седоков. Один из очевидцев высочайших охот рассказывает: "Едет себе поезд, верней, тащится большою вереницею, иногда саней 40–50; вдруг поезд останавливается, все спешат узнать причину, и вы видите, что кучера, положив сани на бок, вваливают какую-то гору в сани, – это одного из генералов, приглашенных Государем на охоту. Иной генерал был так толст, что сам встать не мог, и поднять его трудно, и вот, положив сани на бок, его вкатывают в них и тогда уже поправляют его, посадят, потряхнут от снега, и поезд трогается. Государь тоже останавливается и ждет, смеясь иногда от души над этой возней".

Савелий всегда счастливо возил государя. Он выезжал нескольких лошадей и выучил править своих сыновей, которые возили великих князей. В марте 1859 г. Савелию пожалован был лейб-кучерской кафтан, а впоследствии и медаль. Он жил в обыкновенной крестьянской избе, большой, как у зажиточных крестьян. В чистой половине стояло фортепьяно: на нем играла его дочь, которая получила образование в пансионе. Государь был настолько милостив к

Савелию, что однажды до охоты заехал к нему в дом. (См. пр. No 66.) По линии той же железной дороги император Александр II в 1858–1862 гг. несколько раз останавливался для охоты близ ст. Преображенской (116 верст), на мызе Анненской и особенно часто в 1859–1861 гг. – по три раза в сезон; в последующее время государь только два раза посетил Преображенскую станцию, в 1865 и в 1873 гг., прибыв сюда на охоту утром из Гатчины, где он провел ночь.

Несколько раз во время своих охотничьих поездок по линии Варшавской железной дороги государь останавливался на ночлег в городе Луге, в домах местных обывателей; иногда охоты устраивались в окрестностях самой Луги (два раза в 1865 г.), иногда же государь утром отправлялся отсюда дальше к месту охоты по железной дороге до станций: Белой (1869–1875 гг.; 193 версты), Новоселье (1864–1865 гг.; 213 верст), Серебрянки (1872 г.; 150 верст) и Преображенской (1864 г.).

Иногда охоты устраивались и в местностях, более близких к Петербургу, в окрестностях Гатчины и около ближайших к ней станций железной дороги. Проведя ночь в Гатчинском дворце, государь утром следовал по железной дороге до станций Сиверской (1862 г.), Дивенской (1864, 1867, 1868, 1873 гг.) и Мшинской (1864, 1867 гг.) и отсюда в кибитке в лес, к месту охоты.

Так же часто, как и на Варшавской железной дороге, государь ездил на охоту и в окрестности станций Николаевской железной дороги. Так, в 1861–1869 гг. государь семь раз посетил Бологое, в лесах которого было много медведей, лосей и даже северных оленей. На ночлег государь останавливался

здесь, как мы говорили, в доме местного помещика, предводителя дворянства князя А. А. Путятина. В воспоминаниях его сына, кн. П. А. Путятина, мы находим любопытное описание посещения Бологова государем:

"Приезд Государя совершался всегда вечером; его сопровождали иногда Великие Князья, приглашенные почетные лица, свитские генералы и прочие лица. Походные кровати Государя Императора и Великих Князей и разные принадлежности для стола и припасы привозились заранее. Весь дом передавался для Императора и Великих Князей, а также кухня, так как ужины, завтраки и обеды приготавливались придворными поварами. Сани для охот привозились из С.-Петербурга; только лошади для великих особ были от нас. Свита ездила на нанятых лошадях. Вид приезда со станции вечером в дом бывал чрезвычайно оригинален и живописен. Отец доставал всегда от смоляников несколько кубических сажень смолы и по обеим сторонам дороги приказывал складывать костры. Только что царский поезд двигался со станции, костры зажигались, и царские сани, с черными медвежьими полостями, с Государем и свитой, освещенные красноватым светом, быстро скользили по снегу к нашему дому; там уже всегда стоял сервированный ужин, за который скоро все садились, и затем, за исключением Государя и Великих Князей, все приглашенные уезжали из нашего дома на станцию, где для их ночлега, в большом пассажирском зале, раскладывались палатки с кроватями и туалетными принадлежностями. Комнаты нашего дома распределялись так: в зале подавались чай, ужин и прочее; гостиная служила для приемов, комната за гостиной (угловая) назначалась для опочивальни и

кабинета. В этой комнате помещались походная кровать, походный молитвенный столик с образами и молитвенниками и письменный стол, недалеко от камина.

"Несмотря на то, что зачастую Император далеко за полночь разговаривал с охотниками, он все-таки между тем занимался делами. Сидя у письменного стола, слушал доклады секретаря и принимал депеши. Ненужные письменные бумаги летали в камин, который нарочно для этого затапливался. Доклады иногда продолжались до 2-х часов ночи. Носились слухи, что в Бологом совершался обмен депеш с Наполеоном III по поводу польских дел.

"Затем, сдав доклады, секретарь уходил, и Государь долго и горячо молился. Потом часа в 2 или 3 он засыпал, покрывшись тоненькой военной шинелью. Этот сон продолжался недолго: часов в 5 или 6 утра уже надо было отправляться на охоту. Велики были заботы и труды покойного Государя, который даже в дни охот не оставлял их". (См. пр. No 70)

Другим местом частых остановок государя во время охотничьих поездок по линии Николаевской ж. д. была станция *Малая Вишера*, в 150 верстах от Петербурга. Государь останавливался здесь на ночлег в станционном доме и охотился на следующий день или в окрестностях Малой Вишеры, или в окрестностях ст. Торбино (от Вишеры 50 верст и от Петербурга 201 верста). Чаще всего государь посещал Малую Вишеру и Торбино в 1868–1874 гг., а именно раза два в сезон.

При посещении России в 1874 г. императором австрийским Францем-Иосифом император Александр II, желая ознакомить своего высокого гостя с медвежьей охотой, вместе с ним посетил Малую Вишеру. Государь

с императором Францем-Иосифом прибыли сюда 5 февраля 1874 г., вечером, и остановились на ночлег в станционном доме. В лесу, недалеко от станции, обложены были два медведя; один из них на следующий день убит был австрийским императором, который остался очень доволен новой для него забавой и щедро одарил егерскую команду, пожаловав ей 500 талеров. (См. пр. No 66.) Малая Вишера памятна в истории Императорских охот рассказанным уже выше случаем нечаянного убийства егермейстера Скарятин во время высочайшей охоты в лесу, в 24 верстах от станции; находящаяся в 50 верстах от Малой Вишеры станция Торбино памятна тоже описанной выше охотой 1872 г., во время которой государь избежал смертельной опасности от бросившегося на него медведя. В последний раз император Александр II охотился близ Торбино в 1875 г. и близ Малой Вишеры 2 марта 1877 г.

Высочайшие охоты производились также в окрестностях других станций Николаевской железной дороги, как ближайших к Петербургу: Саблино (37 верст), Тосно (43 версты), Померанье (83 версты), так и более отдаленных: Боровенка (216 верст) и Окуловка (233 версты). Государь несколько раз останавливался на ночлег в станционных домах: в Померанье – в 1857, 1858, 1862 гг. (5 раз) и в Окуловке – в 1863, 1864, 1869 гг. (3 раза).

Лосиные охоты устраивались неоднократно в конце пятидесятых и в шестидесятых годах недалеко от Петербурга, в 16 верстах за Охтой, в лесах богатого имения Колтуши, принадлежавшего помещику Чеглокову. Государь ездил сюда в экипаже, на четверке; дорога в лесу от Охтенского порохового завода в зимние вечера освещалась смоляными

кострами. С 1856 по 1868 г. государь охотился на лосей в Колтушах ежегодно, один или два раза в зиму.

Высочайшие охоты на медведей устраивались в 1860, 1861 и 1870 гг., также под Новгородом и около ст. Спасское Полесье, в 45 в. от Новгорода.

В 1871–1873 гг. государь несколько раз охотился на медведей и лосей по линии Балтийской железной дороги, в окрестностях Ямбурга, около дер. Пилова (Котлы) и в лесах имения барона Корфа. В Ямбурге государь останавливался на ночлег в доме командира Красноярского пехотного полка Засса, супруге которого в благодарность за гостеприимство пожаловал (в 1872 г.) золотой браслет с бриллиантами и жемчугом.

В это же время, в 1870 и 1871 гг. государь два раза охотился также по Финляндской ж. д., в окрестностях станций: Голицыно (100 килом.) и Новая Кирка (75 килом.). На ночлег государь здесь не останавливался, а утром выезжал из Петербурга прямо к месту охоты.

В 50-х и 60-х годах государь предпочитал отдаленные охотничьи поездки, с походным ночлегом на железнодорожных станциях. В 70-х же годах государь чаще ездил зимою на охоту в Гатчино и в Ораниенбаум. Здесь он останавливался для ночлега в Гатчинском дворце и в Ораниенбаумском дворце великой княгини Елены Павловны и на другой день охотился в окрестных лесах на лосей, или в зверинце. С 1870 по 1878 г. государь посетил в зимние сезоны Гатчину 23 раза и Ораниенбаум – и 8 раз.

Далекie охотничьи поездки императора Александра II прекратились за 4 года до его мученической кончины. В зимний сезон 1876–1877 гг. государь охотился 10 раз на медведей, лосей, волков и лисиц, почти каждую неделю, по средам, в Большом

Лисине, Гатчине, Ораниенбауме. Два раза посетил Ящеры и один раз Малую Вишеру. Здесь, в лесу, недалеко от ст. Малая Вишера, 2 марта 1877 г. состоялась последняя медвежья охота государя, на которой он застрелил очень большого медведя. После этого, в 1878 г., государь охотился только три раза, в декабре месяце, в зверинцах Лисинском и Гатчинском, на оленей, лосей, ланей и лисиц. В 1879 г. государь не охотился ни разу.

Лебедев К.
Император Александр II разговаривает с крестьянами в
лесу на охоте

Наконец, в течение всего 1880 г. он охотился в названных зверинцах 4 раза, в январе, феврале и два раза в декабре. На своей последней охоте, 17 декабря 1880 г., государь застрелил в Гатчинском ремизе 4 лани и 14 лисиц.

Не перечисляя всех многочисленных охотничьих поездок императора Александра II, мы опишем в виде примера один из более удачных охотничьих сезонов 1859–1860 гг.

В этот сезон обычные его зимние охоты на медведей, лосей и оленей начались с половины ноября 1859 г. и продолжались до середины марта 1860 г. Всего за это время состоялось 18 поездок; одна, 10 января, была отменена по случаю мороза.

Три раза государь охотился на лосей в Малом Лисине, куда он приезжал утром и в тот же день вечером возвращался в Зимний дворец, один раз охотился в Колтушах, также на лосей (близ дер. Терновки), один раз – на медведей в 30 верстах от Гатчины, у деревень Дамищи и Рожествено, в имении Донаурова, два раза – в Большом Лисине на лосей и оленей. Остальные охоты производились в местностях, более отдаленных от Петербурга, по Варшавской ж. д., с остановкою на ночь в Ящерах (2 раза), и имении Анненкова, близ ст. Преображенской (3 раза), на станции Спасское Полесье, по дороге в г. Новгород, где состоялся 24 февраля смотр войскам 2-го округа.

В Ящерах оба раза медведи были обложены и взяты около дер. Веристи; кроме медведей, охота производилась также на лосей. Особенно удачны были в этом году охоты близ ст. Преображенской и дальше, до ст. Белой: 20 января убиты были медведь и лось близ села Красных Гор, 9 марта – один медведь у ст.

Преображенской, другой – близ ст. Плюсы; 16 марта около ст. Белой убито было 5 медведей и два – близ ст. Спасское Полесье.

В эту зиму государь остался очень доволен деятельностью чинов Императорской охоты. Главный ее начальник егермейстер граф Ферзен награжден орденом Белого Орла; унтер-егермейстер Иванов получил, вне правил, орден Станислава 2-й ст.; управляющий охотой Ратаев – орден Анны 3-й ст., государев стремянный – золотые часы, а низшим служителям выдана денежная награда, по рублю на человека.

Один из убитых в этом сезоне медведей выделился своими размерами, и государь велел сделать из него чучело, которое подарил великому князю Сергию Александровичу. Из шкур четырех других убитых государем медведей выделаны были ковры, из которых один подарен был великому герцогу Саксен-Веймарскому, а три оставлены в Зимнем дворце.

В другие годы точно так же из наилучших экземпляров убитых медведей выделялись чучела и ковры; так, в 1856 г. государь повелел изготовить чучело из очень большого медведя, убитого им близ Ящер в марте этого года; чучело, по приказанию государя, помещено было в виде вешалки в Гатчинском дворце, внизу, у входа на лестницу, где были комнаты государя. Из убитых государем медведей в зиму 1858–1859 гг. выделано было 6 медвежьих ковров. В зиму 1861–1862 гг. выделано было 10 медвежьих ковров и один ковер из шкуры черного волка; из них три постланы были в кабинете государя в Зимнем дворце и два, медвежий и волчий – в кабинете

императрицы.

Медведь, которого государь застрелил на охоте 3-го марта 1876 г. в окрестностях станции Торбино (по Николаевской ж. д., в 200 верстах от Петербурга), особенно выделялся своими размерами; длина его от лба по хребту превышала 4 аршина. Чучело, изготовленное из этого медведя, отправлено было в Лондон, в дар герцогу Эдинбургскому. Ковры и чучела медведей, убитых государем, не раз дарились им участникам его охот; так, в 1857 г. подарены были медвежьи чучела французскому послу графу Морни и испанскому послу герцогу д'Осуна. Взятые живыми на одной из охот государя в 1861 г. медвежата отправлены были в подарок герцогу Саксен-Кобург-Готскому.

В марте кончались зимние охоты на медведей, оленей и диких коз. В апреле месяце и начале мая государь обыкновенно раза два охотился на вальдшнепов и глухарей и очень любил и глухариные тока, и тягу вальдшнепов. Весенние охоты эти производились в Осиновой роще, имении графа Левашова, близ Парголова, в Земледельческом училище на Выборгской стороне и Черной речке и в Большом Лисине, где глухариные тока и тяга вальдшнепов находились в двух верстах от дворца.

В 1856, 1857, 1858 гг. государь в одни и те же числа, 20–21 апреля, посещал Осиновую рощу для стрельбы глухарей. Он отправлялся из Петербурга в коляске поздним вечером, в 11-м, 12-м часу, с небольшой свитой (барон Ливен, граф Ферзен, И. М. Толстой, гр. Ламберт), ужинал на мызе графа Левашова и возвращался в 6-м и 7-м часу утра. В 1861, 1862 гг. государь охотился в апреле по два раза в той же Осиновой роще и в Земледельческом училище, в

тесном кружке приглашенных (Ливен, Ферзен, Зиновьев, Огарев, Ламберт); в 1864 г., с 7 апреля по 2 мая, три раза – в названных двух местностях и в Большом Лисине, куда его сопровождал великий князь Николай Николаевич. В 1870 и 1873 гг. государь охотился вместе с наследником цесаревичем Александром Александровичем, великим князем Владимиром Александровичем, а в 1874 г. также и с великим князем Алексеем Александровичем.

Ночь, проведенная на такой охоте, так же как зимние охотничьи поездки, совершенно не утомляла государя. Так, 2 мая 1864 г., вернувшись в Лисинский дворец из лесу в 5 часов утра, государь в 11 часов – уже занимался докладами и, проработав за письменным столом до 2-х часов, отправился осматривать Техническое училище и Лесничий корпус. После обеда в исходе 8-го часа он выехал на охоту и вернулся во дворец в 10 час. вечера и после чая отправился по железной дороге в Петербург. 6-го мая 1873 г. государь охотился в лесу близ Большого Лисина с 3-х до 6 часов утра; в 10 час. 15 минут утра он уже был на железной дороге и, прибыв в Петербург, прямо с Николаевского вокзала отправился на Марсово поле, где и произвел ученье ("с порохом") бригаде 1-й гвардейской пехотной дивизии и двум батареям Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады.

Осенью, в сентябре и особенно в октябре, государь обыкновенно охотился в Гатчинском и Лисинском зверинцах и в окрестностях Гатчины на волков, лисиц, зайцев, оленей, иногда также и на птиц.

В 1858 г., пребывая в Царском Селе, государь 1-го и 2 октября ездил на охоту в Царскую Славянку и Ропшу. По переезде в Гатчину 10 октября государь в

тот же день, после посещения своей матушки, посетил Гатчинский зверинец для стрельбы оленей и в следующие дни охотился там же, 12-го, 14-го и 15 октября.

В следующем году, в конце октября, государь охотился в Гатчинском зверинце и в деревне Пудости, близ Гатчины, 4 раза. В трех охотах в Гатчинском ремизе было застрелено 8 волков, 15 лисиц и 258 зайцев. В охотах участвовали великие князья Николай и Михаил Николаевичи и герцог Мекленбург-Стрелицкий. Обязанности загонщиков исполняли нижние чины Стрелкового Императорской фамилии баталиона (500 человек) и служителя Императорской охоты (116 человек), получившие в награду: охотники по рублю и стрелки по 75 коп.

В 1862 г., 3 сентября, государь вечером отправился из Царского Села в Гатчину и, переночевав здесь во дворце, утром охотился близ д. Вайволово. После переезда на жительство в Гатчину государь с 7-го по 15 октября ежедневно охотился в Гатчинском зверинце, ремизе и в окрестностях, а 16 октября с вечера отправился на большую охоту в Лисинский зверинец.

Такие же охоты по несколько раз производились осенью в 1868, 1870, 1872 гг., а в последующие годы реже.

На одной из охот государя в Гатчинском зверинце произошел следующий случай: "Егерь долго преследовал одного оленя, который, как на зло ему, бежал все в разные стороны, но не шел под выстрел Государя. Егерь, озлобленный, так сказать, непокорностью оленя, в конце концов в буераке, в овраге, поймал его и, ухватив за задние ноги, морду оленя направил кверху оврага, а сам прижался за

оленем. Государь, сверху заметив оленя, выстрелил, но так как олень вертелся в руках егеря, то пуля сделала ricochet и, ранив оленя, зацепила и егеря в руку, около плеча. Рана не опасна, но тем не менее показалась кровь, соседние егеря видели всю проделку своего товарища, но не находили в этом ничего необычайного. Государь очень встревожился, когда ему доложил об этом управляющий, приказал сию же минуту отправить раненого в придворный Гатчинский лазарет и вызвать из Петербурга лучших придворных лейб-медиков; поехал сам в лазарет, расспросил, обласкал и в течение дня несколько раз посылал в лазарет Великого Князя с расспросами. Местный врач промыл царапину, забинтовал, и присутствие приехавших лейб-медиков оказалось совершенно ненужным; но тем не менее, уезжая из Гатчины, Государь приказал заботиться о больном и ежедневно доносить ему.

"Государыня Императрица, узнав от Государя о сем неприятном случае, тоже послала от себя приказание заботиться об егере, послала ему множество подарков, в том числе прекрасные часы. Егерь дня через два-три был здоров, а через неделю и царапина зажила.

"Спустя много времени, я как-то, встретив его на охоте, полюбопытствовал спросить:

"Скажи, пожалуйста" – говорю я – "как могло тебе прийти в голову держать оленя и подставлять его и себя под выстрел".

"Помилуйте, ваше высокоблагородие" – ответил он – "значит, вы не знаете, как стреляет Государь. Риску с моей стороны не было никакого; я не враг себе; я был без всякого сомнения, что Государь попадет в лоб или глаз оленя, и пуля останется там, а если бы и прошла

навылет, то, как ослабленная, не могла уже причинить мне никакого вреда". (См. пр. No 66.)

Интересуясь, как страстный охотнике, всеми видами охоты, император Александр II несколько раз охотился также и с ловчими птицами. Императорская птичья охота, как мы говорили, была уничтожена в 1828 году. Период падения и за сим уничтожения птичьей охоты перевел и людей – опытных помытчиков, а также и тех, кто умел вынашивать соколов и кречетов. Но подобного рода птичья охота существовала и существует поныне в Оренбургском крае и в Закаспийской области, у народов кочевых, а в Бухаре имеются и истые знатоки этого дела до сего времени. В сентябре 1856 г. оренбургский генерал-губернатор граф Перовский прислал в Москву ловчих птиц к коронационным торжествам. Охоты с беркутами и ястребами прошли вполне успешно, и государь изъявил графу Перовскому свое удовольствие. На охоте этой присутствовали 12 иностранных высочайших особ свиты принцев – 15, Иностранного дипломатического корпуса – 16, министр Двора – 1, обер-гофмаршал 1, особ охотящихся – 30, первые охотники – 11, вторые охотники – 14. В октябре того же года охота с этими птицами производилась в окрестностях Царского Села в присутствии государя, наследника цесаревича и великих князей.

По докладу графа Перовского государь решил завести постоянную птичью охоту при Дворе, достав соколов и кречетов в Башкирии. Здесь, однако, не нашлось более ни птиц, ни охотников. Тогда обратились к калмыкам, кочевавшим в Астраханской губернии. Владелец одного из калмыцких улусов (Хошоутовского) князь Тюменев сообщил оренбургскому генерал-губернатору Катенину

(сменившему графа Перовского), что между подвластными ему калмыками сохранились еще немногие охотники, которые, отличаясь умением обращаться с кречетами и охотиться с ними, изъявили полную готовность выносить для Царской охоты кречетов и других ловчих птиц.

Охота Императора Александра II в 1862 г. в Покровском уезде Владимирской губ., близ дер. Головино, устроенная для Его Величества Московским обществом охоты, с фотографии того времени.

Затем узнали, что у киргизов Внутренней орды имеется шесть молодых беркутов, приученных к ловле зайцев и лисиц, и что хозяева этих птиц не прочь были продать их. Однако все эти старания по разысканию птиц и охотников кончились ничем, и птичья охота не была восстановлена⁷⁶.

Во время пребывания в Москве в декабре 1862 г. император Александр II почтил своим присутствием охоту на медведей, устроенную для него Московским обществом охоты в Покровском уезде Владимирской губернии, близ дер. Головино.

Распорядитель охот общества Прокудин-Горский и члены гр. Апраксин, гр. Бобринский, Карнович и др. приняли деятельное участие во всех приготовлениях к этой охоте, состоявшейся 10 декабря 1862 года. В одну неделю старый помещичий дом в дер. Головино был совершенно перестроен и богато убран для приема государя; 29 изб были очищены и убраны коврами и мебелью для помещения свиты и членов общества. Из Петербурга прибыли постоянный спутник государя на медвежьих охотах, унтер-егермейстер Иванов, и фельдъегеря. В дер. Головино собрались в большом числе крестьяне соседних селений, причем некоторые приехали за 70 верст; но, несмотря на огромное стечение народа, порядок нигде не был нарушен ни накануне, ни в день охоты. Местные жители, по собственному почину, приготовили костры и смоляные бочки по дороге. В первом часу пополудни громкие крики "ура!" ожидавшей толпы народа возвестили приезд государя. Директора встретили его на подъезде ярко освещенного дома. Государь в доме до отхода ко сну милостиво беседовал о предстоящей охоте с членами общества. Охота началась в 9 час. утра. Два члена общества, Дудин и Прокудин, сами вступили в

осок с окладчиками и подняли зверя при громких криках облавы.

"Медведь поднялся, — читаем в изданном Обществом описании этой памятной для него охоты, — и пошел на правую сторону стрелков, где вышел перед восемнадцатым номером в 50 шагах и, быстро повернув влево, по направлению к номеру, занимаемому Его Величеством, мелькнул перед Государем в чаще леса в 40 шагах. Государь, желая приостановить его и приподнять, выстрелил в него так, чтобы легко ранить. Хотя выстрел Его Величества был удачен, медведь был ранен, однакож он не поднялся, а, напротив, рассвирепев, понесся в осок, параллельно всей линии стрелков. Это обстоятельство доставило особо приятный случай всем бывшим на охоте членам и крестьянам облавщикам видеть бегущего, раненого Царем, рассвирепевшего зверя. Все были одушевлены желанием вновь выставить раненого зверя и с необычайною отвагою встречали его при всех его неистовых порывах прорвать цепь. Задушевное желание всех бывших на охоте доставить удовольствие любимому Монарху, к счастью, увенчалось успехом. Раненый зверь был обращен назад и вторично выставлен к номеру, занимаемому Его Величеством. Тогда Государь, меткими выстрелами, повалил медведя, который, собрав последние силы, смертельно раненый, прополз несколько шагов в чащу леса, где и нашли его уже издыхающим. Охота была кончена. Раздался отбой. Государь приказал своему сигнаlistsу дать голос в рог и вытащить застреленного зверя. Засим Его Величество пошел по направлению к ожидавшим его саням, в сопровождении свиты, членов охоты и части облавы, бросившейся вслед его с криком "ура!". Государь сел в сани и поехал к лесной сторожке,

где был приготовлен завтрак, в ожидании обхода лосей. Во время завтрака был привезен убитый зверь: это была трехгодовалая медведица черной шерсти".

Охота на лосей не удалась, потому что они вышли из оклада. Во время обеда, предложенного Обществом, государь милостиво разговаривал и рассказывал эпизоды своих охот. Когда подали шампанское, господин Давыдов обратился к государю со следующими словами:

"Ваше Императорское Величество! Новое учреждение Московского общества охоты ознаменовано таким событием, которое обессмертит его с колыбели. Ваше Величество осчастливили его Своим милостивым соучастием. Счастье это так велико, что не передать его словами благодарности. Позвольте же нам, Государь, по старому русскому обычаю, выразить Вам всю беспредельность наших чувств громким, задушевым, сердечным нашим "ура!".

Все присутствовавшие подхватили "ура!". Государь отвечал следующее: "Благодарю вас, господа, за удовольствие, Мне доставленное, и за ваше радушное гостеприимство, которого я не забуду. Пью за здоровье господ членов".

"Во время обеда Государь подарил Обществу застреленного им медведя и пожелал видеть негатив снятой фотографии, которую члены просили Государя принять в память охоты, на что Государь изъявил согласие, но с тем, чтобы портреты членов были с их подписями; после обеда господин Вильямс подвел

к Государю белую борзую собаку английской породы, которую Государь милостиво принял; затем Его Величеству были представлены с хлебом и солью

волостной старшина Финеевской волости и с ним окладчики Роман и Архип. В 5 часов Государь, поблагодарив еще раз всех членов Общества, сел в сани и поехал, сопровождаемый криками "ура!" бесчисленной толпы народа, наполнявшего двор и все улицы деревни. Дорога от деревни Головиной и до станции Павлово представляла необычайное зрелище: костры пылали через каждые сто сажен, попеременно с дегтярными бочками; все улицы деревень и почти вся дорога были покрыты сбежавшимся со всех сторон народом; все крыши домов были унизаны людьми; в окнах изб горели свечи, а в некоторых были самодельные транспаранты с литерою А. Около Светлого озера, где Государь переменил лошадей, и у Павловского посада были устроены арки, освещенные плашками. Звон колоколов, неумолкаемый гул и крики "ура!", необычайность освещения, масса народа по всей дороге составляли такую волшебную картину, которую, кто раз видел, в жизнь не забудет. На дебаркадере Павловской станции, роскошно убранном, ожидали Государя офицеры квартирующего полка и все начальники железной дороги и директора общества, граф Бобринский и Давыдов, приехавшие благодарить Государя"⁷⁷.

Осенью 1860 г. император Александр II положил начало высочайшим охотам в знаменитой Беловежской пуще, представляющей собою редкий остаток глухих вековых лесов и сохранившей в числе множества других зверей — зубров, вымерших повсюду, за исключением Кавказа.

Со времен императрицы Екатерины II высочайшие охоты в лесах Беловежа не возобновлялись в течение 70-лет. Приготовления для охоты сделаны были в самом центре этих глухих лесов, в селе Беловеже или

Заставе, отстоящем от ближайших городов, Брест-Литовска и Белостока, на 70 и 80 верст. Здесь некогда, в 1752 г., охотился польский король Август III, о чем свидетельствует памятник, воздвигнутый в воспоминание его охоты. Об охотах, происходивших в названных лесах в древнейшее время, мы говорили в первом томе нашего исследования.

В 9 верстах от села устроен был обширный зверинец; изгородь его обняла площадь до 7 кв. верст. В зверинце, по местным обычаям на просеке в 300 сажень длины, устроены были для охотников 12 маленьких крытых галерей – штангов, убранных ветвями, так что издали они были мало заметны, сливаясь с лесом. В течение нескольких дней до охоты в лесу устраивались облавы для загона в зверинец под наблюдением прибывшего из Петербурга унтер-егермейстера Иванова и местного лесничего; загонщиков было до 2000 человек. Они наполнили зверинец большим числом зубров и других зверей: лосей, серн, кабанов, лисиц, волков, барсуков и зайцев.

В селе Беловеже устроены были помещения для высоких гостей. Для государя императора переделан был новый дом, только что отстроенный для местного лесничего; для иностранных принцев – дом одного иностранного купца, занимавшегося в пуще лесными операциями, а для свиты его величества – охотничий павильон, построенный в 1845 г. для главного начальника края.

Государь прибыл в Беловеж в ночь с 5 на 6 октября 1860 года в одном экипаже с герцогом Саксен-Веймарнским. Во время проезда государя дорога через пущу освещена была кострами и пылающими смоляными бочками; село было

иллюминировано площадками. В ту минуту, когда экипаж государя приблизился к мосту на реке Наревке, пересекающей село Беловеж, на холмах противоположного берега реки вспыхнули разноцветные бенгальские огни, осветившие царский охотничий павильон, церковь, избы и рощу. Приглашенные на охоту иностранные принцы прибыли в Беловеж за день до приезда государя; это были прусские принцы Карл и Альберт, принц Август Виртембергский, принц Фридрих Гессен-Кассельский. Утром 6 октября государь, осмотрев Беловеж, посетил своих высоких гостей и пригласил их к себе на завтрак в 11 часов и вслед за тем вместе с ними и всей свитой отправился за 9 верст к зверинцу.

Государь, встреченный егермейстером графом Ферзенем, занял первый штанд зверинца с левой стороны; следующие по прямой линии 5 штандов заняты были иностранными гостями и их свитой; дальнейшие 6 – свитой его величества. Амфитеатр, устроенный за стеной зверинца, наполнен был публикой. Государь дал сигнал, и облава двинулась, гоня зверей к стрелковой линии. На ружейном выстреле загонщики остановились, и лесная стража спустила гончих. Дальнейшее живое описание этой охоты приведем из книги "Беловежская пуща", изданной в 1861 г. по высочайшему повелению:

"После нескольких минут ожидания послышался вблизи штандов треск ломаемых сучьев, и вслед за тем выбежало несколько огромных зубров. Раздался первый выстрел, и один из самых величавых обитателей пущи пал замертво, раненный в грудь. Этот меткий выстрел был сделан Государем Императором в 275 шагах. Вслед за тем убит был наповал Его Величеством другой зубр, на расстоянии 75 шагов,

пулею в лоб. На ближайшем штанде принц Карл Прусский тоже положил зубра искусно направленным выстрелом. Остальные зубры, испуганные, ошеломленные непривычным для них шумом, бросились бежать дальше, и огонь открылся по всей стрелковой линии.

Лебедев К.
Сострунка медведя в лесу

За зубрами показались прочие звери. "Картина была чрезвычайно живописная и оживленная. То легкая лань пробежит стрелою мимо охотников, то серна пронесется, как вихрь, среди деревьев. Боязливые зайцы снуют между кустарниками и тщетно ищут безопасного убежища; неповоротливые кабаны бегут со всех ног в чащу леса, устремясь невпопад через самую середину стрелковой линии и становясь таким образом целью бесчисленных выстрелов. По временам снова появлялись зубры и видимо овладевали вниманием охотников; каждый берег свой выстрел, чтобы иметь удовольствие убить невиданного на других европейских охотах зверя. Едва показывался зубр на одном из концов охотничьей линии, выстрелы замолкали; преследуемые собаками, разного рода звери пробегали в эту минуту безопасно по стрелковой линии; во всех штандах виднелись прицеленные ружья; когда же зубр, преследуемый собаками, устремлялся по линии, тогда открывался беглый огонь. Однако зубр нелегко дается охотнику; его сильная натура не изнеможет и от десятка пуль, если ни одна из них не нанесет ему тяжелой раны; случилось, что небольшое стадо из 5 или 6 зубров пробегало по два и по три раза через всю линию охотников, под самыми меткими выстрелами, из которых лишь весьма редкие бывали промахами; только удар пули около головы или в грудь заставлял пасть замертво это сильное и красивое животное. В промежутках времени, когда не было зубров, охотники достаивали выстрелами и других зверей, не исключая зайцев или барсука, которые постоянно сновали около штандов; вообще арена не была пуста ни на минуту. Облава постоянно следила за зверями и не позволяла им слишком удаляться в чащу леса; не находя другого исхода, они нарочно бежали

против лицевой стороны штандов, или, обогнув их, устремлялись по задней стороне, не выходя в обоих случаях из-под выстрелов. Ружейный огонь не прекращался в течение двух часов. Убитая и раненная в это время дичь в большом числе лежала на самом месте охоты. До восьмидесяти собак, спущенных со свор, терзали ее, не обращая более ни на что внимания и не чуя вновь выгоняемых зверей, которые, пугаясь убитых и не будучи преследуемы собаками, бежали назад. Чтобы восстановить правильную охоту, необходимо было вновь собрать собак и убрать убитую дичь. Это обстоятельство было предвидено, и потому заранее были приготовлены люди с носилками и скрыты за стеною зверинца, за толстым бруствером.

"В два часа дан был условный сигнал прекратить охоту; тотчас явилась лесная стража с носилками, которая в самое короткое время подобрала убитых зверей, снесла их к соответствующим штандам; таким образом каждый охотник увидел подле себя трофеи своего искусства и счастья. В 2 1/2 часа охота возобновилась. Снова завизжали и залаяли собаки, выбежали кабаны, дикие козы, серны, несколько зубров и между ними одна зубрица с теленком. По предварительному условию положено было не стрелять маток и молодых зубров, но чей-то нечаянный выстрел нарушил это условие. Матка была убита наповал, а теленок, понуря голову и размахивая хвостом, бегал и оставался между штандами до самого конца охоты.

"Маленькие зубры, преимущественно одного и двух лет, очень красивы, особенно на бегу; да и вообще зубры при своих колоссальных размерах очень грациозны и легки. Во время приготовлений к охоте одна зубрица, загнанная в зверинец, перескочила без разбега через забор зверинца, вышиною около 10

футов, а за нею вслед перепрыгнули таким же образом, один за другим, до 30 зубров.

"В 4 часа Государь приказал прекратить охоту. В этот день вообще было убито 44 зверя, в том числе 16 зубров и 4 кабана; из них Государем убито всего 22 штуки, в том числе 4 зубра и один кабан; высокими гостями и свитою – 22 зверя, в том числе 12 зубров и 3 кабана.

"По возвращении из леса в селение у Его Величества был обеденный стол, к которому были приглашены высокие гости, свита и некоторые чины управления государственных имуществ. Во время обеда играла военная музыка Великолуцкого пехотного полка, прибывшая в Беловеж из Белостока. За обедом принц Карл Прусский поднес Государю, в память охоты этого дня, костяной резной кубок. Приняв благосклонно сей подарок, Его Величество провозгласил тост за здоровье своих высоких гостей, на который отвечал великий герцог Саксен-Веймарнский тостом в честь Государя Императора. Поднесенный принцем Карлом кубок Государь приказал сохранять, вместе с прочими воспоминаниями своего пребывания в Беловежском царском домике.

"По окончании обеденного стола, из окон Государева домика представилась самая живописная картина: толпы ликующего народа, тысячами собравшегося в Беловеж, расположились группами на противоположном берегу реки, протекающей подле холма, на котором находилось занятое Его Величеством строение. Для народа приготовлено было угощение: водка, пиво и пироги. Песни и пляски оживляли эту картину, которая внезапно осветилась разноцветными огнями. Этот народный пир продолжался до глубокой

ночи. На другой день Государь осматривал беловежскую сельскую церковь, место, на котором, по преданию, существовал дворец Польского короля Августа III, и так называемую Головинскую батарею.

"Затем Его Величество с иностранными принцами и свитою в 10 часов утра снова отправился на охоту, которая началась в этот день в 11 часов утра и происходила в том же порядке и на том же месте, как и накануне. В этот день зубров было убито меньше, чем накануне, а прочих зверей больше. Государь убил наповал большого лося в 70 шагах. Особенное внимание иностранных принцев обратили на себя, в этот раз, волки и кабаны, замечательные по своей величине; самые меткие выстрелы Их Высочеств были направлены в этих зверей. Два большие волка пали от выстрелов Государя Императора и великого герцога Саксен-Веймарнского. Один кабан был преследуем выстрелами около получаса; несколько раз пробежал он по середине стрелковой линии; охотники сделали по нем сорок выстрелов; наконец, животное, изнемогая от ран, пало на землю, но через несколько минут опять стало на ноги и помчалось далее; уже по окончании охоты оно было найдено мертвым в отдаленном углу зверинца.

"В 12 1/2 часов дан был сигнал к отбою. По уборке убитых зверей, стрельба возобновилась и продолжалась до 2-х часов. В заключение охоты произведена была общая, единовременная облава на всех собранных в зверинце зверей. По окончании охоты, убитые звери были снесены к Государеву штанду. В этот день было вообще убито 52 зверя, из коих Государем Императором 21, а в том числе 6 зубров, а высокими иностранными гостями 17 штук и в том числе 4 зубра и 4 кабана. Свитами Его Величества и Их Королевских

Высочеств убито в этот день 14 штук. Всего в оба дня убито: 28 зубров (18 самцов и 10 коров), 2 лося, 10 ланей, 11 кабанов, 16 волков, 16 коз, 7 лисиц, 4 барсука и 2 зайца; всего 96 штук.

"Шкуры животных, убитых иностранными принцами, переданы, по Высочайшему повелению, в собственность Их Высочеств, а из числа убитых на охоте зубров некоторые экземпляры предназначены для университетских музеев. Приготовление кож и чучел поручено препаратору Академии Наук, нарочно для сей цели вызванному из С.-Петербурга.

"По окончании охоты, товарищ министра Государственных имуществ исходатайствовал у Его Величества соизволение воздвигнуть памятник в воспоминание Высочайшей охоты 6 и 7 Октября и, обратив, при выходе из зверинца, внимание Государя на небольшую поляну, на которой было бы удобно воздвигнуть памятник, просил Его Величество посадить на этом месте деревцо. Государь Император изволил благосклонно согласиться, взял заступ и собственноручно посадил одну из нарочно для сей цели приготовленных лиственниц. По желанию Его Величества, иностранные принцы последовали сему примеру. Затем Государь приказал сделать то же главному распорядителю охоты генерал-майору Зеленому и главному начальнику края генерал-адъютанту Назимову. Кроме того, в воспоминание сей охоты, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: Дом, занимаемый Его Величеством, оставить на будущее время, под именем Императорского охотничьего павильона, в том самом виде, в каком он находился во время Высочайшей охоты, и устроенный среди пуши для сей охоты зверинец сделать постоянным, с тем, чтобы в нем

всегда находилось достаточное количество диких зверей разного рода, свойственных Беловежской пуще.

"По возвращении в Беловеж, у Его Величества был обеденный стол, к которому были приглашены принцы и свита. Государь во время обеда изволил подарить принцу Карлу Прусскому обделанный в виде кубка зубровый рог. Его Высочество, приняв с признательностью этот подарок, пил из него за здоровье Его Величества. Перед отъездом Его Величества из Беловежа, товарищ министра Государственных имуществ представил Государю Императору альбом, предназначенный для записывания имен почтеннейших посетителей пущи. Его Величество, соблагОВОЛИВ первый начертать собственноручно имя свое в сем альбоме, изволил предложить иностранным принцам и всей свите последовать Его примеру, что и было исполнено. В 3 1/2 часа пополудни Государь Император, великий герцог Саксен-Веймарнский, иностранные принцы и вся свита выехали из Беловежа в Белосток, для следования оттуда в Варшаву.

"Его Величество выразил свое полное удовольствие за устройство охоты товарищу министра Государственных имуществ, свиты Его Величества генерал-майору Зеленому. Местные чины управления государственных имуществ, как гражданские, так и лесные, участвовавшие в приготовлениях к охоте, удостоились представиться Государю Императору и были Всемилоостивейше награждены брильянтовыми перстнями, а некоторые из объездчиков — золотыми часами с такими же цепочками; вообще же лесной страже и работавшим в лесу казенным крестьянам выданы, с Высочайшего соизволения, денежные награды.

"Успеху охоты в оба дня в высшей степени благоприятствовала ясная и необыкновенно теплая погода. Высокие гости неоднократно выражали во время охоты, что действительность далеко превзошла их ожидания, и что такая охота могла быть устроена только по воле Русского Царя, при естественных богатствах Русского царства"⁷⁸.

Охота государя на зубров в Беловеже обратила на себя внимание за границей. Музей Фрейбургского университета в Великом герцогстве Баденском обратился через баденского консула в Петербурге с просьбою подарить скелеты зубров, убитых в Беловежской пуще. Государь не замедлил предоставить этому музею два скелета зубров.

В марте 1861 года государь повелел изготовить несколько моделей памятника, сооруженного в Беловеже в воспоминание охот 6 и 7 октября 1860 г.; 5 моделей поднесены были в дар иностранным принцам, участвовавшим в этих охотах, и две егермейстеру графу Ферзену и Зеленому, в качестве товарища министра государственных имуществ наблюдавшему за приготовлениями к охоте.

Штаты придворной охоты были значительно увеличены в первый же год по восшествии на престол императора Александра II. Егермейстер граф Ферзен искусно воспользовался предстоявшими коронационными торжествами в Москве, чтобы в октябре же 1856 г. возбудить перед министром Императорского Двора ходатайство об увеличении личного состава охоты и ее живого инвентаря: собак и лошадей. "По случаю командирования, — доносил он министру, — на время коронации в Москву Императорской охоты, я, желая представить ее в

надлежащем виде, соответствующем ее назначению, вынужденным нашелся сделать распоряжения о приобретении некоторого числа лошадей и собак. Но, чтобы иметь возможность и на будущее время доставлять Его Величеству приятные и разнообразные охоты и вместе с тем увеличить средства Императорской охоты исполнять с успехом и другие возложенные на нее обязанности... необходимо нужно к ныне существующему ее штату добавить лошадей верховых 13, подъемных 22, собак борзых 30, гончих 60... При этой прибавке лошадей и собак, потребно также усилить и команду людей". "Потребность в усилении команды служителями,⁷⁹ – добавлял Ферзен, – ощущалась всегда, а в особенности во время зимних медвежьих охот, так как большая часть лошадей и собак, остающихся при этих случаях обыкновенно в егерской слободе, лишены всякого присмотра, отчего происходили разные несчастные случаи".

Это представление послужило основанием для издания в следующем же году нового штата придворной охоты, высочайше утвержденного 3 марта 1857 года⁸⁰. Личный состав охоты по этому штату был увеличен до 170 человек, т. е. на 41 больше сравнительно со штатом 1843 года (собственно говоря, число чинов охоты пополнено было 55 человеками). В новый штат были включены, в добавление к старому штату 1843 г., должности: 10 егерей, 10 егерских учеников, 17 тенетчиков, 9 вабельщиков, 3 конюхов, ветеринарного врача и фельдшера. Общий расход на содержание Императорской охоты определен был суммою до 80.000 рублей, с лишком в полтора раза больше, чем по штату 1843 г. Фазанное заведение, столь малоуспешно действовавшее, несмотря на большие затраты, было закрыто и исключено из штата.

Вскоре после издания штата, в конце того же 1857 г., штаты были сокращены⁸¹, но незначительно, на 3400 рублей (из 80.000 р.); поэтому вместо 15 стремянных граф Ферзен назначил их 14, вместо 30 тенетчиков – 21 и вместо 8 конюхов – 6, а также уничтожил должность особого смотрителя Петергофского зверинца.

Ассигнование на содержание Императорской охоты было увеличено по штату 1857 г., как сказано, с лишком в полтора раза сравнительно с штатом 1843 г., но действительные расходы в 1857 и 1858 гг. все же несколько превысили смету. В общем за 50 лет, с 1808 по 1858 г., расходы на придворные охоты увеличились почти в пять раз. Если в начале рассматриваемого периода рост расходов на придворные охоты зависел главным образом от вздорожания жизненных припасов, то в последующее время, начиная с 40-х годов, он обуславливался также оживлением охотничьей деятельности, вызванным любовью к полевым потехам наследника престола, впоследствии императора Александра Николаевича.

Несмотря на значительное увеличение личного состава охот, он все-таки оказался недостаточным вследствие частых высочайших охот. Ограниченный состав служебного персонала не позволял во время зимних охот государя назначать более 15 человек на стрелковую линию, и ввиду такого недостатка людей, вредившего успеху Высочайших охот, граф Ферзен должен был в октябре 1865 г. просить министра Двора об увеличении средств на содержание Императорской охоты⁸². Министр, однако, отказал в этом, ссылаясь на то, что "Его Величество решительно воспретил допускать прибавки к существующим сметным назначениям".

В 1870 году, с разрешения егермейстера Скарятин, управляющий охотами сделал опыт возобновления при егермейстерской команде существовавшего ранее, до 1826 г.⁸³, хора духовой музыки. Для формирования этого хора были определены на места выбывавших служителей Императорской охоты музыканты из отставных и бессрочно отпускных военных чинов, по найму с усиленным жалованьем, так как эти музыканты, кроме занятия музыкою, исполняли и другие обязанности служителей охоты. Управляющим охотою были приобретены инструменты, необходимые для составления возможно полного хора музыкантов. В 1871 году хор музыкантов был окончательно сформирован и осенью, во время охот в Гатчине, представлен государю императору, удостоившему музыкальное исполнение хора своего одобрения. С этого времени хор музыкантов на всех охотах в высочайшем присутствии играл во время обедов. Этим хором в особенности заинтересовался великий князь Владимир Александрович, пригласивший для занятий с ним капельмейстера из 37-й пехотной дивизии. Новый обер-егермейстер барон Ливен, назначенный 12 января 1871 г., застал музыкантский хор уже сформированным. Вполне сочувствуя этому начинанию, он оказал, в свою очередь, хору поддержку и просил министра Двора о дозволении назначить с 1 января 1872 г. двадцать музыкантов в число штатных служителей Императорской охоты, с общею одеждою охотников и с прибавкою им содержания: старшему по 25 рублей, а младшим по 6 рублей 80 копеек в месяц и, сверх того, на приобретение партитур новых музыкальных пьес и починку инструментов до 250 рублей ежегодно. Кроме того, он просил возвратить

управляющему охотами 4100 рублей, издержанные им на первое обзаведение хора необходимыми принадлежностями. Министр Императорского Двора вначале не соглашался на просьбу барона Ливена и требовал разъяснений, каким образом хор музыкантов был образован без предварительного его разрешения⁸⁴. Однако через несколько месяцев министр уведомил обер-егермейстера о последовавшем высочайшем согласии на его ходатайство.

Благодаря описанному выше новому штату 1857 года Императорская псовая охота, долгое время бывшая, как мы видели, в полном упадке, обновляется в царствование императора Александра II и достигает высокой степени развития.

Недостаток хороших собак скоро удалось устранить покупкою собак у помещиков, среди которых было немало страстных охотников, поддерживавших славные предания русской псовой охоты старого времени. В июле 1856 года случайно была приобретена превосходная охота богатого помещика Калужской губернии Тарусского уезда, страстного охотника Мясоедова. Приобретение этой охоты, состоявшей из 34 борзых и 55 гончих, много способствовало поднятию Императорской псовой охоты. Все собаки, по отзыву государева стремянного, были чистой кровной породы, рослые, красивые и злобные, наружностью и достоинством настолько хороши, что они превосходили всех собак, имевшихся в Императорской охоте. Особенно хороши были борзые, а в числе их замечательною красотою отличались 4 рослые, 16-вершковые кобеля. По словам государева стремянного, две из этих собак брали волка так, что один человек принимал от них этого зверя, как зайца. За смертью владельца этой охоты редкие собаки были

приобретены за бесценок (800 р.), так как цену назначил опекун по имению, не понимавший толку в собаках.

В 60-х и 70-х годах неоднократно покупались духовые и другие собаки в Олонецкой губернии. В 1862 году здесь, например, куплено было несколько духовых собак, обошедшихся вместе с доставкой в Гатчину в 264 руб. В мае следующего 1863 года здесь же, в Повенецком уезде, были куплены 3 медвежьих духовых собаки (за 206 рублей с доставкой) и 2 волкодава (за 400 рублей). Наконец, в 1875 году из Петрозаводска выписаны были 4 духовые собаки за 280 рублей с доставкой. В 1856 году, перед коронацией, для императора Александра II была куплена борзая собака за 190 рублей у содержателя английского магазина в Петербурге – Плинке; в 1859 году была куплена управляющим Императорскою охотою собака за 500 рублей у французского актера Роже. Последняя крупная покупка собак в придворную охоту относится к началу 1880 года, когда была приобретена целая стая парфорсной охоты, существовавшей в селе Горелове; эта стая, состоявшая из 33 гончих английских собак, была приобретена за 500 рублей⁸⁵.

Собаки также покупались и за границей. Так, в 1857 году выписана была из Англии одна духовая собака. В июле того же 1857 года, по инициативе герцога Мекленбург-Стрелицкого, были выписаны из-за границы 7 больших духовых собак для употребления их "единственно для охоты на кабанов".

Зная о любви к охоте императора Александра II, частные лица нередко предоставляли в дар государю лучших своих собак. Так, во время коронационных

торжеств в Москве, в 1856 году, полковник Афросимов подвел государю пару английских собак: черную суку и такого же кобеля. Несколько позднее, в сентябре 1858 года, во время путешествия государя по России, во Владимире подведены были помещиком Протопоповым 4 борзые собаки, а в Ярославле отставным штабс-капитаном Степановым – пара тоже борзых собак. В 1865 г. подобный же подарок был сделан помещиком Курской губернии Я. Я. Воропановым, подведшим государю 6 борзых густопсовых собак. Воропанову пожалован был за это брильянтовый перстень. Но самым замечательным был подарок отставного полковника Березникова, богатого помещика Московской губернии (в окрестностях города Можайска), страстного охотника. В апреле 1873 года от него поступило следующее всеподданнейшее прошение:

"Преклонные лета мои, уроженца прошедшего столетия, не позволяют мне пользоваться псовой охотой в поле. Расстаться с нею и передать ее в посторонние руки, под каким бы то ни было условием, я не имею силы. – Государь! Осчастливьте меня, верно подданного, повелите принять собак гончих в Вашу Придворную охоту. Собаки гончие в том виде, как Вы изволили их видеть под селом Ильинским 22 Августа 1866 года; их налицо 40. Борзых же не смею подводить: они изменились".

Государь изъявил согласие на принятие гончих собак Березникова в Императорскую охоту и повелел выразить ему за это высочайшую благодарность. Вскоре Березников имел счастье лично подвести императору и борзых собак, в числе 10. В конце 1880 г. он снова принес в дар государю три своры борзых собак. В бытность императора Александра II в Ливадии

в 1874 году наш уполномоченный в делах в Константинополе подвел его величеству вывезенных им из Константинополя курдистанских собак.

Подарки собаками император Александр II получал также и от иностранцев: испанский посланник герцог д'Оссунa преподнес государю в 1857 и 1860 годах 4 духовых собак, специально выписанных из Испании; принц Валлийский в 1867 году прислал императору в подарок сеттера⁸⁶.

Государь, с своей стороны, также делал подарки породистыми собаками охотникам. Так, в 1855 году был государем подарен кобель густопсовой породы фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому. В 1867 году генерал-фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому подарены были 2 борзые суки. В январе 1867 года были посланы в дар принцу Валлийскому, наследнику английского престола, 3 борзые густопсовые собаки; принцу Карлу Прусскому неоднократно (в 1851, 1855, 1868 гг.) посылались в подарок борзые собаки; английской леди Пиль во время коронационных торжеств в Москве подарена была свора борзых собак⁸⁷.

О высоком уровне, достигнутом Императорской псовой охотой в рассматриваемое время, свидетельствуют награды, получавшиеся ею на следующих выставках: В 1863 году Императорская псовая охота участвовала в выставке животных и растений, устроенной в Москве Комитетом акклиматизации, состоявшим под покровительством великого князя Николая Николаевича Старшего. Императорскою охотою на эту выставку были отправлены "две своры борзых, породы густопсовых русских собак, и гончих два смычка, из коих первый –

усвоенной породы в охоте волкогинов, а второй – породы бурдастых собак"; за этих собак Императорская охота получила серебряную медаль. В 1867 г., по повелению императора Александра II, была отправлена в Париж на Всемирную выставку "свора Его Величества борзых собак". Борзые собаки "Славный" и "Завида" получили по присуждению международной экспертной комиссии большой приз и золотую медаль, которую государь император приказал хранить на память в Императорской охоте. Впоследствии как эта медаль, так и медаль, полученная за выставку 1865 года, были вставлены в два медальона, рисунка архитектора Гросса и работы мастера Расса, с соответствующими надписями, и вывешены в доме унтер-егермейстера, на стенах комнаты, предназначавшейся для остановок государя императора во время приездов в Гатчину для охоты. – В 1875 г. Императорская псовая охота участвовала на очередной выставке "Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты", и экспонированная здесь свора борзых ("Чародей", "Лебедь" и "Любезный") получила золотую медаль. В мае 1878 года на Охотничьей выставке (в Конногвардейском манеже) выставленным придворной охотой гончим и борзым собакам были присуждены две золотые, три серебряные и одна бронзовая медали. Наконец, в начале 1881 года, на седьмую очередную выставку "Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты" с высочайшего соизволения были отправлены из Императорской охоты в Москву 47 собак, которые также получили высшие награды⁸⁸.

Императорская охота, в царствование императора Александра II достигшая, как видно из

вышеизложенного, высокой степени развития в сравнении с первой половиной XIX века, была в первые же годы рассматриваемого царствования помещена во вновь устроенной для нее егерской слободе в Гатчине. Перевод придворной охоты из Петергофа в Гатчину, в новые помещения, состоявшийся в 1858 г., совпадал с общим ее обновлением, создавая для нее благоприятные условия дальнейшего развития.

Пастернак Л. О.

Проезд Императора Александра II на охоту ночью при
кострах

Сооружение Петергофской охотничьей слободы в 1829 году, стоившее больших денег, оказалось крайне неудачным. Мы уже говорили выше, что к началу 30-х годов, через 20 лет после устройства слободы, все ее строения пришли в крайнее разрушение и, несмотря на ежегодный ремонт, требовавший больших затрат, сделались с течением времени почти невозможными для обитания⁸⁹. К тому же в окрестностях Петергофа чувствовался недостаток в угодьях, удовлетворявших потребностям Императорской охоты. Ввиду этого уже в конце сороковых годов возникли предположения о переводе Императорской охоты в Гатчину. Первоначально предполагалось разместить ее в окрестностях Гатчины – в Мариенбурге, по дороге в Красное Село. Но в июле 1850 года император Николай Павлович повелел строения Императорской охоты "проектировать к расположению" в местности близ бывшего Вайволова (у щенячьего заведения). Однако эта местность была найдена неудобною, главным образом "по безводию и весьма малому пространству земли". Одновременно с этим осмотрено было место, тоже в окрестностях Гатчины, за Инвалидною слободою, по Царскосельской дороге к селу Мозину и в самом Мозине. И эти места были найдены неподходящими для строений охоты, так как местность здесь низменная и почва состоит из глубокого слоя торфа (до 3 1/2 сажен в глубину). По-видимому, тогда остановились на местности, выбранной с самого начала обер-егермейстером Васильчиковым и генералом Люце (управлявшим Гатчинским дворцовым управлением), а именно на Мариенбурге; составлен был и план постройки здесь новой охотничьей слободы, но этот план не был приведен в исполнение⁹⁰.

Назревший вопрос о переводе Императорской

охоты из Петергофа в Гатчину разрешен был в первые годы царствования императора Александра II. Новую слободу придворной охоты решено было устроить по реке *Колпанке*, близ города Гатчины, на месте бывшего фарфорового завода. Это место до того времени занято было огородами Кирасирского Ее Величества полка и Гвардейской Инвалидной No 4 роты, а также заключало в себе участки частных лиц, отставного поручика Михайлова и мещанина Курочкина. Проекты построек новой Гатчинской егерской слободы, составленные архитектором Гроссом по предположениям графа Ферзена, были высочайше утверждены в 1857 году. Работы сданы были с торгов подрядчику за 264.000 руб. и начаты в том же 1857 году.

Так как перевод придворной охоты из Петергофа в Гатчину обуславливался в особенности тем, что в окрестностях Гатчины можно было с удобством производить охоты егерские и псовые, то одновременно с началом работ по устройству Гатчинской егерской слободы граф Ферзен озабочился тем, чтобы при производившейся тогда вырубке лесов оставлены были острова с лесом около трех десятин ширины и шести длины, окруженные луговой или пахотной землею, в расстоянии один от другого около 200 сажен, и чтобы при этом сделаны были все необходимые для охот расчистки и просеки во всех подходящих местах. Подобные расчистки и просеки, между прочим, были произведены и в окрестностях Царского Ссла, на случай охот в высочайшем присутствии⁹¹.

Работы по постройке новой егерской слободы должны были закончиться по контракту в 1859 г. Но ввиду ветхости строений охоты в Петергофе граф

Ферзен настаивал на скорейшем переводе охоты в Гатчину, и благодаря его настояниям работы здесь закончены были раньше срока, к осени 1858 года. 3 октября 1858 года Императорская охота вместе со всем имуществом была окончательно перевезена в Гатчину, и строения покинутой Петергофской слободы были переданы в ведение местного Дворцового правления. В ноябре 1858 года последовало высочайшее повеление: 1) Всю землю, находившуюся под строениями, огородами и прочими устройствами егерской слободы, не отчуждая, оставить собственностью государя; 2) дома, в которых проживали управляющий охотами и унтер-егермейстер, а также огород, прилежавший к Черному пруду, предоставить заведению для призрения бедных; прочие дома отдать бесплатно под помещение чиновников, служащих в Петергофских присутственных местах и по выборам дворянства, и 3) все остальные постройки продать с публичного торга.

Новая Гатчинская слобода придворной охоты в 1858 г. состояла из следующих строений: 1) дом унтер-егермейстера, 2) дом управляющего охотами, 3) дом комиссара и государева стремянного, 4) дом биксен-шпаниера и ветеринарного врача, 5) канцелярия управления охотами, 6) школа придворной охоты с квартирою учителя, 7) для женатых служителей 17 домов, разделенных каждый на четыре помещения, 8) казарма для холостых служителей, 9) кузница, 10) водокачалка с водопроводом, 11) баня, 12) два цейхгауза, 13) псарная кухня, 14) денники при псарных дворах, 15) псарный лазарет, 16) конюшня, 17) караулка при въезде в зверинец, 18) караулка при запасном зверинце. Осенью следующего 1859 года нижний этаж дома унтер-егермейстера, находившегося при въезде в Гатчинский ремиз, был соответственным

образом омеблирован на случай приездов государя императора в Гатчину для охоты. Для проезда в слободу через речку Колпанку был сооружен каменный мост; в пределах самой слободы было устроено еще четыре моста – один большой и три поменьше. Слобода была вымощена камнем; между домами и службами устроены были живые изгороди. При слободе устроены были, как и в Петергофе, огороды для служителей на 40 десятинах казенной земли (отмежеванных Гатчинским дворцовым правлением). – В постройках Гатчинской слободы вскоре замечены были многие существенные недостатки: полы фуражных сараев оказались устроенными столь низко, что весною подмочило овес; столбы ограды волчьего зверинца не были обшиты железом, вследствие чего звери прогрызали ее и уходили. Все эти недостатки немедленно были исправлены⁹².

Рядом с Гатчинской слободой придворной охоты был устроен обширный зверинец с особыми помещениями для зайцев, лисиц и волков. Здесь уже существовал устроенный раньше так называемый заячий ремиз. Теперь при этом ремизе устроены были лисьи и волчьи зверовые дворы; кругом изгороди этих дворов был выкопан ров, который потом был сплошь забит накатником, а земля была утрамбована. Это сделано было в тех видах, чтобы волки не могли подрываться под забор и уходить этим путем из ремиза.

Работы по устройству общего зверинца начались одновременно с устройством самой слободы. В конце 1858 года и в начале 1859 года производилась расчистка и разработка полей, предназначенных для посевов ржи, овса, клевера и капусты, которые употреблялись в качестве корма для зайцев и птиц,

содержавшихся при Императорской охоте. Тогда же решено было по всем направлениям проложить извилистые, удобные для охоты с ружьем, тропинки и убрать из ремиза весь хворост и валежник. Однако все эти работы не были исполнены ни к первоначально назначенному сроку – к весне, ни к осени 1859 г. потому, что на исполнение их отпущена была слишком незначительная сумма денег (500 р.); ремиз во многих местах остался нераспланированным, и из него не выбрали даже нарубленного леса и хвороста.

Император Александр II сам заметил этот беспорядок в первую же свою охоту в новом зверинце в октябре 1859 г. и приказал привести его в надлежащий вид. По утвержденному государем проекту архитектора Гросса решено было по всем вообще просекам расстояние от дорожек до опушки леса, в сложности до десяти десятин, выкатать, выпланировать и засеять овсом и клевером; устроенную в ремизе сборную площадку для помещения на ней экипажей во время охоты при этом указано было вымостить булыжником, сделать кругом ее канавы и провести подземные водоотводные трубы для стока дождевой воды. На эти работы ассигновано было 2880 р.; они были начаты весной следующего же 1860 г. и окончены к зиме⁹³.

В скором времени обнаружились некоторые недосмотры, допущенные при размещении построек ремиза. Место для дворов волчьего и лисьего в черте ремиза было выбрано крайне неудачно. Дворы были построены по берегу речки Колпанки. Весною речка разлилась, вышла из берегов и напором воды размывала решетки и заборы, так что починка изгороди потребовала значительных издержек. Каменистый грунт местности оказался вредным для здоровья зверей, в особенности для лисиц, которые начали

падать в большом количестве. Во-вторых, близкое соседство волков и лисиц оказало вредное влияние на зайцев, помещавшихся в общем ремизе: зайцы не только перестали плодиться, но и не были вообще спокойны. Все это заставило начальство охоты в 1862 году возбудить вопрос о переводе зверовых дворов в другое место, именно за общую казарму служителей в Гатчинской слободе. Архитектор Гросс, которому совместно с унтер-егермейстером Ивановым поручено было обсудить это дело, нашел избранное Егермейстерскою конторою место неудобным ввиду близости его к жилым строениям слободы: падаль, которою кормили волков и лисиц, распространяла зловоние, а близость их к псарному двору могла вредно повлиять на чутье собак.

По этому вопросу между егермейстером графом Ферзеном и архитектором Гроссом возникло крупное разногласие. Согласно с мнением архитектора, строительная контора Министерства Двора в августе того же 1862 года решила оставить лисий и волчий дворы на прежнем месте, к крайнему неудовольствию графа Ферзена, и затратила на исправление их около 300 рублей. Тем не менее, вскоре после исправления этих дворов, в ночь с 7-го на 8-е сентября, из вновь устроенного волчьего зверинца ушли два старых волка, которые подрылись под забор в заячий ремиз, а оттуда под изгородь заячьего ремиза и ушли. По получении сведений об этом происшествии Егермейстерская контора запросила Гросса, каким образом волки могли уйти через изгородь, которая только что была исправлена. Напрасно Гросс в свое оправдание указывал, что волки подрылись под старый, не починявшийся забор, что до ухода волков и после этого в заборах не оказалось ветхих частей или отверстий,

что волки, прежде чем подкопались под забор, прогрызли предварительно две накатины, которые они вырыли из земли; напрасно он ссылался на то, что от подобного случая и впредь нельзя остеречься, так как помещения для волков деревянной конструкции, что поэтому волк всегда может прогрызть дерево, как бы оно глубоко и прочно ни было вбито в землю, и, чтобы избежать этого, необходимо было бы все деревянные части обить железом, а под забор подвести плитный фундамент – все эти доводы не были приняты в соображение, и архитектор получил выговор за плохое наблюдение над работами по устройству волчьего зверинца⁹⁴.

На этом дело с переносом зверинцев не окончилось. В марте 1864 года обер-егермейстер граф Ферзен обратился в строительную контору с новой просьбой – перенести зверовые дворы на вышеуказанное место, за казарму холостых служителей. Строительная контора на этот раз для исследования дела отправила своего члена, инженер-полковника Паукера, который относительно избранного начальством охоты места доложил: "Неудобства помещения волков и лисиц близ жилья людей и псарного двора мне кажутся несомненными, так как невозможно предположить, чтобы не было заражения воздуха от падали, служащей для корма волков, и чтобы вой волков, возбуждающий также и вой собак, не причинял невыносимого беспокойства для людей. С другой стороны, не имеется положительного ручательства в том, что, по переводе лисиц на вновь избранное место, прекратится их смертность, так как она может зависеть и от других причин, кроме свойства грунта их нынешнего помещения". Руководствуясь этим, полковник Паукер

полагал более правильным озаботиться надлежащим исправлением существовавших тогда волчьих и лисьих ремизов, не перенося этих учреждений на другое место. Это мнение сообщено было по приказанию министра графу Ферзену и задело его за живое. В ответном отзыве граф Ферзен писал министру Двора: "Специальность, приобретенную мною во время управления Егермейстерским ведением более 17-и лет, а вместе с тем и право распоряжаться в помещении и сохранении зверей покорнейше прошу оставить за мною и приказать перенести и устроить нынешним летом изгородь помещений волков и лисиц на место, которое было указано помощником моим по управлению, князем Мещерским"⁹⁵. Министр Двора, однако, вопреки этим настояниям графа Ферзена приказал существовавшие помещения для волков и лисиц оставить на прежнем месте, соответственным образом улучшив их, и предписал обер-егермейстеру принять это к руководству.

Через семь лет новый обер-егермейстер, барон Ливен, возобновил ходатайство своего предшественника о переносе волчьего и лисьего дворов на новое место, за казармы холостых служителей, и денников собак, и на этот раз, в 1871 г., мысль эта была приведена в исполнение. На переноску и устройство нового двора Егермейстерской конторе было отпущено 1554 рубля. Впоследствии, в 1876 году, начальству придворной охоты разрешено было устроить в районе Гатчинской слободы отдельный двор для содержания живых волков⁹⁶.

В первой половине июля 1868 года заячий ремиз едва не был уничтожен лесным пожаром, который приблизился к изгороди ремиза от деревень Париц и Корпиковой. Для тушения этого пожара были вызваны

нижние чины флотской и инвалидной команды, в числе ста человек; распространение огня было удержано, но на другой день пожар от сильного ветра усилился, так что было вызвано еще сорок человек кирасир. Общими усилиями 250 человек пожар по поверхности земли был остановлен, но огонь проник в торф, который лежал здесь слоем в два аршина глубины. Для ограждения ремиза пришлось прорыть канаву в сажень глубины и две сажени ширины⁹⁷.

Кроме зайцев, доставлявшихся в ремиз главным образом из Валдайского уезда Новгородской губернии, здесь помещались и другие звери. Так, напр., в 1863 году Прибалтийская палата государственных имуществ выслала сюда, по просьбе графа Ферзена, 12 штук диких коз, одна доставка которых обошлась с лишком в 480 р. Зайцы и другие содержащиеся в ремизе звери употреблялись: 1) на посадку во время охот в высочайшем присутствии и 2) на травлю для приучения молодых борзых собак. Впоследствии, когда были устроены фазанное и куропаточное заведения, в ремиз выпускались на лето для размножения и охоты фазаны и куропатки. Иногда при недостатке последних в означенных учреждениях эти птицы покупались у частных лиц. Так, в декабре 1879 года для предстоявших охот в ремизе было куплено у барона Нольде-Варена 30 фазанов (по 4 рубля за штуку), а в августе следующего 1880 года у него же было куплено еще 100 штук молодых фазанов.

С начала семидесятых годов различные постройки Гатчинской слободы придворной охоты начинают требовать тех или других починок. Не говоря уже о починке изгородей ремиза и псарных дворов, и другие строения Слободы потребовали значительного ремонта. Так, в 1876 году израсходовано было на ремонтные

работы около 10.000 рублей и в следующем 1877 году около 14.000 рублей. В это время начала ощущаться настоятельная потребность в увеличении числа служительских домиков. Высочайше утвержденный в 1856 году план Слободы рассчитан был на небольшое сравнительно число служителей старого штата 1843 г. В 1857 году, согласно новому штату, прибавилось еще 55 служителей, и их пришлось разместить по тем же строениям. Семьи служителей вскоре разрослись, и к концу семидесятых годов население слободы увеличилось до таких размеров, что в маленьких комнатах (2 1/2 сажени) помещалось от пяти до восьми душ. Эта скученность вредно влияла на здоровье людей и значительно повышала смертность детей. Все это заставило начальство охоты ходатайствовать о производстве в слободе добавочных построек для жилых помещений; но министр Двора, однако, приказал повременить с производством этих работ^{98,99}.

В 1870 г. в Гатчинском зверинце, состоявшем в ведомстве дворцового управления, устроено было фазанное заведение. Это был, считая с XVIII века, третий опыт акклиматизации фазанов.

Первые два окончились полной неудачей. Фазанное заведение, устроенное в царствование императора Николая I, было закрыто в 1857 г. потому, что фазаны в нем не выживали, якобы не перенося петербургского климата¹⁰⁰. Виной тому был, однако, не климат, а недостаток умелого ухода. Новый, рационально поставленный опыт разведения фазанов с 1870 г. увенчался полным успехом.

Одновременно с фазанным устроено было куропаточное заведение на участке земли близ

Гатчинского ремиза. Осенью 1870 года эти заведения были готовы, и в них помещены были фазаны и куропатки, привезенные из Австрии нанятыми там специалистами-форстерами: Яничеком и Лаубе. В следующем году для куропаточного заведения было приобретено 200 штук куропаток по рублю за штуку, а для фазанного – 369 фазанов; впоследствии, в 1876 году, куплено было еще 65 фазанов. Для высиживания фазаньих яиц покупались индейские и русские куры.

Фазаны в зимнее время содержались в теплых домиках, так называемых "комнатах", в которых установлены были елки, а летом выпускались для размножения и охоты на них в общий ремиз. Здесь в 1871 г. и отчасти в 1872 г. для них сделаны были некоторые приспособления, а именно: устроены навесы для кормления и для выпуска и воспитания молодых фазанов, будки для ловли, и в некоторых местах сделаны посевы гречихи, клевера и овса, на корм фазанам. Кроме того, олени в ремизе были отгорожены от птиц, дабы они не выедали кормов, предназначенных для птиц, а также прорыты были канавки для осушения некоторых болотистых мест.

При фазанном заведении устроен был особый птичник для подорожников, содержащихся для Высочайшего стола. Эти птицы или покупались у частных лиц, или ловились егерями близ Петергофа; в год покупали их около 1000 пар. Кроме подорожников, Егермейстерское ведомство обязано было доставлять к Высочайшему столу также чибисовые (пиголицевые) яйца, выписывавшиеся из Берлина (1842–1872 гг.) и других мест из-за границы¹⁰¹.

Кроме этих учреждений, возникших или одновременно с устройством Гатчинской слободы, или

несколько позднее, в Гатчине существовало еще щенячье заведение, имевшее своей задачей воспитывать щенков и молодых собак для комплектования Императорской псовой охоты. Первоначальное устройство его относится к 1832–1833 гг. В 1832 году для него было подыскано подходящее место – бывший Вайоловский скотный двор, состоявший в ведении местного дворцового управления, с крайне ветхими постройками (деревянным домом, сараями и проч.). В 1833 и 1834 гг. на этом дворе были произведены капитальные перестройки: весь двор был вымощен камнем и обнесен канавами; работы стоили с лишком 16.000 рублей. В 1847 г. строения щенячьего двора, не ремонтировавшиеся в течение 14 лет, пришли в ветхость. Взамен ремонта решено было перевести щенячье заведение в так называемый Орловский домик, находившийся в Орловской роще между деревней Вайлова и слободою Павловской, но государь нашел, что переустройство этого домика обойдется слишком дорого (смета составлена была на 14.200 р.), и щенячье заведение осталось на прежнем месте, на Вайоловском дворе, который был капитально отремонтирован (ремонт стоил около 5000 р.).

При устройстве новой слободы придворной охоты в Гатчине решено было перенести щенячье заведение на новое место (на р. Колпанке, где поворот Парицкой дороги), но, несмотря на то, что работы по переносу этого заведения вошли в общий план устройства Гатчинской охотничьей слободы, оно осталось на прежнем месте – Вайоловском скотном дворе. Вторичный ремонт построек этого двора мало содействовал его благоустройству. Так как щенки здесь, страдая от холода, всегда умирали в большом

числе и так как двор содержался недостаточно опрятно, то он с течением времени сделался очагом заразы для собак. Яркую картину недостатков щенячьего заведения в это время рисует следующее донесение управляющего охотами, 29 апреля 1871 года: "При приеме молодых гончих, из 22 собак 11 оказались в сухой парше, болезни почти неизлечимой, вследствие чего и подлежат браку; другие собаки, хотя и здоровы, но мелки и вовсе не отвечают тем расходам, которые идут на содержание щенячьего заведения". Приписывая это отчасти плохому уходу за щенками, вверенными попечению и досмотру старшего выжлятника Димитрия Никитина, "человека постоянно пьяного", управляющий полагал, что недостатки в деле выкормки собак зависят также от "свойства самого щенячьего заведения, которое, более 30 лет помещая в себе щенят, подвергающихся многим болезням, сделалось местом заразы, чумы и всех собачьих болезней, так как нет клочка земли, не пропитавшегося в течение 30 лет всевозможными миазмами". Донесение это произвело сильное впечатление. Щенячье заведение было немедленно закрыто, и земля Вайоловского двора, на котором оно помещалось, была вся вспахана для уничтожения заразы. Щенки, находившиеся в нем, были розданы на воспитание служителям охоты. Лишь по прошествии трех лет, в 1874 г., устроено было новое щенячье заведение на другом уже месте, в районе расположения Гатчинской слободы, близ лазарета и клиники больных собак. Сюда были перевезены с Вайоловского двора два денника и часть ограды¹⁰².

Гатчинский зверинец с переходом учреждений придворной охоты в Гатчину остался по-прежнему в ведомстве местного дворцового управления. В нем, как

и раньше, содержались главным образом олени, а также и другие звери, как, например, козули, которые доставлялись сюда главным образом из Прибалтийского края, порою через Лисинское учебное лесничество, и лоси. С 1868 г. здесь содержался ручной лось, помещавшийся раньше в Собственном Его Императорского Величества дворце. Временно там помещались иногда и молодые зубры; в 1873 году один из этих зубров был отпущен княгине Огинской, по высочайшему повелению.

Лебедев К.

Доклад Императору Александру II в доме князя
Путятина в Бологом, во время охотничьей поездки

Что касается слонов, то они помещались в Царском Селе, куда в конце 20-х годов переведены были два слона из Петербурга. Когда они пали, то двор, построенный для них, несколько лет стоял пустым. В 1870 г. на этом дворе помещены были три слона, присланные в дар императору Александру II эмиром бухарским¹⁰³.

Степанов А.
Мертвая хватка

Глава IV

Личный состав Императорской охоты

Начиная со второй половины XVIII столетия Императорская охота постепенно утрачивает свое политическое значение и к концу царствования императрицы Екатерины Великой окончательно приобретает более частный характер "государевой потехи". С потерю общегосударственного значения Императорская охота начинает утрачивать и свое независимое положение среди других высших государственных учреждений. Егермейстерский корпус, подчиненный в XVIII веке, наряду с прочими высшими органами государственного управления, непосредственно верховной власти, в XIX столетии нисходит на степень одного из учреждений придворного ведомства. Перерождение Императорской охоты в намеченном направлении происходит вскоре после восшествия на престол императора Павла I, хотя подготовлено оно было несомненно еще в последние годы царствования Екатерины II, так как издание нового штата для придворной охоты последовало 30 декабря 1796 года, т. е. менее чем через два месяца по смерти императрицы. Новым штатом упразднялась Обер-егермейстерская канцелярия, стоявшая до того времени во главе всего Обер-егермейстерского корпуса, и ее московская контора; все же делопроизводство по охотам сосредоточивается во вновь организованной Егермейстерской конторе. Несмотря на то, что Егермейстерская контора стала ведать по существу те же дела, что и бывшая Обер-егермейстерская канцелярия, она утратила самостоятельность, и, когда в

1802 г. были учреждены министерства, придворная охота была всецело подчинена министру Императорского Двора. В таком положении находилось управление Императорскими охотами до конца описываемой эпохи. За все это время произведены были в администрации охот лишь частичные изменения.

Во главе Егермейстерской конторы, как и во главе всей Императорской охоты, в рассматриваемое время по-прежнему находился обер-егермейстер. С подчинением Егермейстерского ведомства Министерству Двора, обер-егермейстер лишился права непосредственного обращения к верховной власти. Случаи подобного обращения имели место и в описываемую эпоху, но не в качестве общего правила, как то было прежде, а лишь в виде исключения. Все свои ходатайства и представления начальники Императорской охоты должны были направлять к министру Двора и от него ожидать дальнейших распоряжений; они обращались иногда непосредственно к государям с докладами по делам охоты, но лишь в виде исключения. Хотя права обер-егермейстера, таким образом, и подверглись известному ограничению, все же эта должность по-прежнему считалась высокою и почетною и обер-егермейстерами назначались лица, не только заявившие себя знатоками охотничьего дела, но и пользовавшиеся особым доверием государей и выказавшие свои административные способности на других поприщах государственной службы. В штате 1801 года обер-егермейстер отнесен по должности к первым чинам Высочайшего Двора. В позднейших же штатах, например в штате 1843 года, эта должность уже числилась во втором классе.

В продолжение почти всего царствования Павла Петровича обер-егермейстером оставался знакомый уже нам по предыдущей эпохе¹⁰⁴ князь *Петр Алексеевич Голицын*, уволенный с этой должности 16 февраля 1800 года. После него обер-егермейстером того же числа был назначен генерал от инфантерии *Василий Иванович Левашев*, остававшийся на занимаемом посту до своей смерти, последовавшей в феврале 1804 года. О служебной деятельности этого обер-егермейстера известно немного, хотя в документах сохранились некоторые сведения о том, что при нем дела по придворным охотам пришли в окончательное расстройство¹⁰⁵: различные постройки Императорской охоты были запущены, а денежные дела сильно пошатнулись.

После смерти В. И. Левашева назначен был обер-егермейстером 27 февраля 1804 года *Дмитрий Львович Нарышкин*, гофмейстер и действительный камергер, сын известного Екатерининского вельможи, обер-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина, управлявший придворной охотой до первых лет царствования императора Николая I. В первые же пять лет своего управления Егермейстерским ведомством он настолько успел поправить его расстроенные финансы, что в 1810 году явилась возможность не только покрыть требования по всем штатным назначениям, но и произвести расходы сверх штата, при чем оказался еще "в экономии довольно значущий остаток". За это император Александр I изъявил Нарышкину в 1811 году свою "признательность и благоволение" в особом всемилостивейшем рескрипте, данном на его имя.

Подобно многим высокопоставленным лицам Александровского царствования, Нарышкин принадлежал к одной из масонских лож, а именно к

ложе Соединенных друзей, *Les amis réunis*, известной тем, что к членам ее принадлежали многие декабристы. Когда в августе 1822 года по высочайшему повелению масонские ложи были закрыты, с Нарышкина взято было обязательство не участвовать впредь ни в каких масонских ложах, ни в иных тайных обществах; при этом оказалось, что во всем Егермейстерском ведомстве не нашлось ни одного масона, кроме его начальника. 22 августа 1826 года управление перешло в руки вновь назначенного егермейстера *Андрея Ивановича Пашкова II*, хотя и после этого Нарышкин некоторое время оставался еще во главе ведомства. Егермейстер Пашков II управлял Императорскою охотою до апреля 1832 года¹⁰⁶. После А. И. Пашкова 15 апреля 1832 г. управление Егермейстерским ведомством было передано егермейстеру *Дмитрию Васильевичу Васильчикову*, возведенному 20 апреля 1838 г. в звание обер-егермейстера. Васильчиков был страстным охотником, так что назначение его на высокий пост начальника Императорской охоты вполне соответствовало его склонностям. В имении его, в селе Волышеве (Порховского уезда Псковской губ.), была своя собственная охота, настолько хорошо организованная, что из нее иногда пополнялась собаками придворная псовая охота¹⁰⁷. В сороковых годах Васильчиков с высочайшего разрешения часто уезжал осенью в отпуск месяца на два или на три в свою псковскую деревню, причем всегда брал с собою часть Императорской псовой охоты. В 1844 году уезжая в августе месяце в трехмесячный отпуск, он взял с собою 10 служителей придворной охоты, 12 борзых собак, 7 подъемных и 5 верховых лошадей; а осенью 1846 года с ним в деревню отправилось 9 служителей с 7 борзыми собаками и 11 лошадьми.

Часть придворной охоты, отправлявшаяся с Васильчиковым, предназначалась для практических занятий в Новгородской или Псковской губерниях и там, в более подходящих местах для полевания, вырабатывала свои навыки и приемы под руководством такого отличного охотника, каким был Васильчиков.

История Императорской охоты должна отметить Васильчикова как рачительного хозяина, разумно руководившего в течение с лишком 20-и лет довольно сложным хозяйством придворных охот, и как доброго и заботливого начальника, принимавшего близко к сердцу необеспеченное положение своих подчиненных. Если Императорская охота не стояла при нем на должной высоте, то причиной тому были ограниченные штаты и недостаток средств, в котором Васильчиков не был повинен.

В конце 1838 и первой половине 1839 г., за отсутствием Васильчикова, обязанности его временно исполнял шталмейстер барон Петр Фридерикс. Кроме должности обер-егермейстера, Васильчиков занимал должность члена Государственного Совета и состоял членом Вольно-экономического общества, Попечительного совета заведения общественного призрения в С.-Петербурге, Попечительства Петропавловской больницы, Комиссии о построении Исаакиевского собора. 1 октября 1852 года Васильчиков был уволен от заведования делами Егермейстерского ведомства, но сохранил звание обер-егермейстера (до 24 октября 1859 года) и содержание по этой должности, а также должность члена Государственного Совета.

За две недели до увольнения Васильчикова, 15

сентября 1852 г. на пост начальника Императорской охоты был назначен *граф Павел Карлович Ферзен*. Он управлял Егермейстерским ведомством более 18-и лет, и деятельность его на этом поприще увенчалась полным успехом благодаря постоянному вниманию к делам охоты императора Александра II. При нем учреждения Императорской охоты были совершенно преобразованы: изданы были, как мы уже говорили в предшествующей главе, новые штаты, охота была переведена из Петергофа в Гатчину; вслед за петергофским периодом упадка настал гатчинский период процветания учреждений Императорской охоты. Граф Ферзен был уволен от управления Императорской охотой 12 января 1871 г., тотчас после того как расследование дела об убийстве егермейстера Скарятиня показало, что смерть его последовала от нечаянного выстрела графа Ферзена (см. выше, гл. III, стр. 115)¹⁰⁸.

Одновременно с увольнением графа Ферзена 12 января 1871 г. обер-егермейстером назначен был генерал-адъютант, член Государственного Совета *барон Вильгельм Карлович Ливен*, управлявший Императорской охотой в течение 9 лет. Его преемником по управлению Егермейстерским ведомством 24 июня 1880 года был определен егермейстер *князь Борис Федорович Голицын*. Кроме названных лиц, стоявших во главе Егермейстерского ведомства и фактически управлявших им, — в конце двадцатых и в начале тридцатых годов истекшего столетия мы встречаем в звании обер-егермейстера графа Модена, носившего, по-видимому, это звание как почетное, однако, оплачиваемое особым жалованьем. В приходорасходных книгах Егермейстерского ведомства, помимо рубрики: "штатное жалованье

обер-егермейстеру, егермейстеру" и т. д., встречается в то время особая дополнительная рубрика: "на жалованье обер-егермейстеру графу Модену, по указу 24 октября 1826 года"¹⁰⁹.

Непосредственным помощником обер-егермейстера как в Егермейстерской конторе, так и вообще по управлению всей Императорской охотой по-прежнему является егермейстер, управлявший делами ведомства во время отпуска или каких-либо других отлучек обер-егермейстера. Нередко, однако, егермейстеры занимали и ответственный пост начальника Императорской охоты. Так, например, Васильчиков и граф Ферзен сначала управляли придворною охотою в звании егермейстеров и потом уже были пожалованы в обер-егермейстеры; Пашков 2-й, занимавший пост начальника охоты около шести лет, так и уволен был со службы в звании егермейстера.

Наиболее точное определение прав и обязанностей егермейстера мы находим в уставе 1832 года, изданном для всего Егермейстерского ведомства. Между прочим, параграфом третьим этого устава егермейстеру (совместно с обер-егермейстером) вменялось в обязанность "пещись, чтобы принадлежащие к Императорским охотам люди, лошади, собаки, ружья и прочее содержимы были в должном порядке"; вместе с этим на егермейстера, как и на обер-егермейстера, возлагалась ответственность за исправность всей егермейстерской части. В частности же егермейстеру непосредственно подчинены были унтер-егермейстер и управляющий охотами; последнему параграфом 29-м упомянутого устава вменялось в обязанность представлять егермейстеру еженедельные ведомости о благосостоянии команды, о числе людей на службе, о числе лошадей, собак и проч.¹¹⁰. Наконец,

егермейстеру предоставлено было право увольнять и определять к охотам (с разрешения обер-егермейстера) служителей и чиновников, кроме секретаря, бухгалтера, управляющего охотами, казначея и комиссара, определение и увольнение которых всецело зависело от обер-егермейстера. Ввиду таких сложных и ответственных обязанностей на должность егермейстера назначались преимущественно лица, известные знанием охотничьего дела, а также успевшие зарекомендовать себя со стороны административных способностей. В наших документах сохранились указания на 25 лиц, носивших звание егермейстера, причем о 13-и из них замечено, что они состояли "в должности егермейстера". Порядок назначения состоять "в должности егермейстера" установился между 1814 и 1816 гг., когда в первый раз упоминается "в должности егермейстера" действ. статский советник барон Альбедиль.

Первым егермейстером в царствование императора Павла I был граф Иван Павлович Кутайсов, назначенный на эту должность из обер-гардеробмейстеров 6 декабря 1798 года вместо бывшего при Екатерине Великой егермейстера Алексея Яковлевича Потемкина. После графа Кутайсова должность егермейстера занял 1-го января 1800 года камергер двора наследника цесаревича Александра Павловича граф Головкин 3-й. Головкин пробыл на этой должности меньше двух месяцев. 26 февраля того же 1800 года он был уволен со службы без прошения за то, что, сопровождая великой княгине Александре Павловне, он истратил на ее поездку вдвое более суммы, определенной императором Павлом I¹¹¹.

На место уволенного графа Головкина егермейстером был назначен камергер Степан

Абрамович Лопухин. Впрочем, чрез несколько времени, в конце того же 1800 года, граф Головкин снова был принят на службу егермейстером. Таким образом в Императорской охоте оказалось одновременно два егермейстера.

Начиная с 1812 и до 1826 года звание егермейстеров последовательно носили Василий Александрович Пашков, действительный статский советник барон Альбедиль, князь Голицын, князь Сергей Щербатов, но ближайших указаний на участие их в управлении придворными охотами не сохранилось.

22 августа 1826 года "в должность егермейстера" был назначен генерал-майор Пашков 2-й, с возложением на него обязанностей по управлению всем Егермейстерским ведомством. Он был во главе ведомства до 15 августа 1832 года, когда егермейстером был назначен известный уже нам Д. В. Васильчиков. Около 1835 года в качестве помощника Васильчикова встречается "в должности егермейстера" действительный статский советник Павел Демидов.

14 апреля 1841 года назначается "в должность егермейстера" Никита Всеволодович Всеволожский. Он исполнял обязанности "заведующего придворною охотою", то есть, сколько можно судить по собранным нами сведениям, состоял помощником Васильчикова, бывшего по должности обер-егермейстера главным начальником Императорской охоты. У Всеволожского вскоре начались столкновения с его начальником, и в октябре 1847 года он оставил должность егермейстера, получив назначение гофмейстером Высочайшего Двора. Еще при Всеволожском "в должность егермейстера" (в октябре 1846 года), как мы говорили

выше, был назначен граф Павел Карлович Ферзен.

19 апреля 1864 года назначен был "в должность егермейстера" князь Василий Васильевич Мещерский с поручением ему занятий при обер-егермейстере. В этой должности князь Мещерский состоял до 13 мая 1867 года.

В 1864, 1866, 1867 и 1869 гг. последовательно встречаются "в должности егермейстера": действительный статский советник Ал. Строганов, действительный статский советник Шереметев (бывший церемониймейстер), помощник статс-секретаря Государственного Совета, статский советник князь Михаил Сергеевич Волконский и статский советник Всеволод Никитич Всеволожский. О деятельности этих лиц по придворным охотам нам ничего не известно.

В мае 1868 года егермейстером был назначен гофмаршал Двора Наследника Цесаревича Владимир Яковлевич Скарятин, с возложением на него ближайшего заведования делами Императорских охот. Скарятин, полновластно распоряжавшийся устройством высочайших охот, занимал должность егермейстера до своей преждевременной смерти на охоте, от нечаянного выстрела его начальника, 29 декабря 1870 года¹¹². На его место 29 января следующего 1871 года пожалован был "в должность егермейстера" бывший воронежский губернатор, действительный статский советник, камергер князь Владимир Александрович Трубецкой, с обязанностью "присутствовать в Егермейстерской конторе" (ум. в 1879 г.). Ему, между прочим, было оставлено содержание по прежней должности губернатора, т. е. на 4000 рублей с лишком более положенного по штату для

егермейстера. Наконец, 19 февраля 1880 года пожалован "в должность егермейстера" причисленный к Министерству внутренних дел действительный статский советник, в должности шталмейстера, Григорий Александрович *Чертков*, с назначением присутствовать в Егермейстерской конторе¹¹³.

Кроме названных егермейстеров, в разное время встречается еще шесть лиц, носивших звание егермейстера или "состоявших в должности егермейстера", но не принимавших никакого участия в делах Императорской охоты; некоторые из них даже не числились в списках Егермейстерского ведомства. Они носили это звание как почетное, которым награждалась служба не только в придворной охоте, но и на других поприщах, тем более, что егермейстеры по классу должности (III) могли получать высокие чины.

Егермейстеру, как мы уже заметили, был подчинен *унтер-егермейстер*. С этой должностью мы уже встречались в предыдущую эпоху, в XVIII столетии. Унтер-егермейстер занимал в охоте не вполне определенное положение, так как эта должность не была связана с исполнением каких-либо специальных обязанностей, а предназначалась главным образом для передачи всевозможных приказаний и поручений высшего начальства; поэтому, когда унтер-егермейстер не получал ни откуда никаких поручений, ему нечего было делать в охоте, а иногда, наоборот, мог быть завален всевозможной работой. Это неопределенное положение нашло себе отражение и в штатах Императорской охоты: до издания штата 1843 года унтер-егермейстер числился в составе Егермейстерской конторы, а потом его причислили к составу охот. Оно же послужило и причиной того, что в описываемую эпоху не раз возникал вопрос о совмещении должности

унтер-егермейстера с другими должностями и даже о совершенном ее упразднении. Так, в 1835 году начальство придворных охот нашло необходимым соединить эту должность с должностью управляющего охотами. В августе этого года состоявший тогда "в должности егермейстера" Демидов, согласно указанию Васильчикова, обратился к министру Императорского Двора, князю Волконскому, с письмом, в котором, между прочим, писал, что "назначенный по штату унтер-егермейстер не имеет никакой особой обязанности" и остается незанятым ввиду того, что активной частью охоты заведует управляющий охотами, а делами Егермейстерской конторы – секретарь. Основываясь на этом, егермейстер Демидов предлагал соединить должности управляющего охотами и унтер-егермейстера в одном лице, с присвоением новой должности одного лишь оклада управляющего охотами. Предложение Демидова было найдено целесообразным, и занимавший тогда должность унтер-егермейстера Картмазов был уволен в отставку. На его место был назначен Александр Степанович *Павлов*, с жалованьем унтер-егермейстера, но с оставлением на нем прежних обязанностей управляющего Императорскими охотами. Впрочем, через два года от этих обязанностей он был освобожден, а должность управляющего охотами была снова замещена особым лицом. В 1849 году во второй раз должности унтер-егермейстера и управляющего охотами были соединены при назначении на службу в Егермейстерское ведомство плац-адъютанта, капитана Лейб-гвардии Литовского полка Павла Петровича Мунта. Но эта комбинация просуществовала не более двух месяцев; уже в августе того же 1849 года мы видим на должности управляющего охотами некоего

Ельчанинова. Таким образом, двукратный опыт совмещения названных должностей окончился неудачей, убедивши начальство охоты в неудобствах такого совмещения. Обер-егермейстер Васильчиков в 1850 г., ходатайствуя пред министром Двора о назначении Мягкова на должность унтер-егермейстера и Челищева на должность управляющего охотами, настаивал на необходимости заместить обе эти должности, основываясь на том, что "при весьма частом производстве охот нельзя без явных упущений в делах службы действовать одному чиновнику".

Затем в течение почти трех лет, с декабря 1853 года по ноябрь 1856 года, должность унтер-егермейстера оставалась вакантною. Факт этот объясняется взглядом нового тогда начальника Императорской охоты графа Ферзена на эту должность, как на такую, которая "по существу своему не влечет ни к каким занятиям, если исправляющий эту должность не будет иметь особых поручений от начальства". Граф Ферзен даже воспользовался этою должностью в сентябре 1852 года как средством устранить управлявшего Императорскими охотами, вышеупомянутого Мягкова, от участия в делах, назначивши его унтер-егермейстером без жалованья.

22 ноября 1856 года должность унтер-егермейстера была вновь замещена; ее занял бывший раньше управляющим охотой *Иван Васильевич Иванов*. С 1863 года в течение 17-и лет Иванов совмещал с должностью унтер-егермейстера должность управляющего Егермейстерскою конторою. После его смерти, последовавшей 2 февраля 1880 года, должность унтер-егермейстера осталась незамещенной и фактически прекратила свое существование.

Из числа унтер-егермейстеров многие были выдающимися деятелями, заслуживающими особенного внимания, как, например, Шиянов, Павлов, Блохин и только что упомянутый Иванов.

Николай Семенович *Шиянов* занял должность унтер-егермейстера 20 декабря 1804 года; до него она оставалась некоторое время "порозжею", т.е. вакантною, а именно с 8 ноября 1798 года, когда был уволен со службы последний унтер-егермейстер времен императрицы Екатерины II, М. Н. Аксаков¹¹⁴. Шиянов, между прочим, много содействовал поправлению расстроенных обер-егермейстером Левашевым финансовых дел Императорской охоты. Когда он в сентябре 1810 года по болезни должен был оставить службу, Егермейстерская контора выдала ему аттестат, в котором свидетельствовала о "его отличном происхождении службы и о благороднейшем всегдашнем поведении" и вместе с тем выражала свою признательность "за порядок и многие в пользу казны учреждения, благоразумием и содействием и его введенные по Обер-егермейстерскому ведомству".

Александр Степанович *Павлов*, назначенный унтер-егермейстером 29 января 1836 года, начал свою службу в 1793 году рожечником роговой музыки. Последовательно занимая в охоте все более видные должности государева стремянного и управляющего охотами, он наконец, через 42 года службы, назначен был унтер-егермейстером. Отличаясь всегда усердием и ревностным исполнением возложенных на него обязанностей, а главное, основательными познаниями по части охоты, приобретенными долгой практикой, Павлов сделался незаменимым человеком в Егермейстерском ведомстве. Начальство всегда дорожило им; поэтому, когда Павлов, прослуживши в

придворной охоте ровно 50 лет, задумал наконец выйти в отставку, обер-егермейстер Васильчиков употребил все средства, чтобы удержать его на службе. Ходатайствуя о прибавке жалованья или о награде Павлову, обер-егермейстер в 1843 г. рапортовал министру Двора следующее: "Унтер-егермейстер, надворный советник Павлов, несмотря на все мои убеждения, желает оставить службу. Способности сего чиновника, его усердие и отличное знание занимаемой им должности уже давно сделали его необходимым для придворной охоты, и я желал бы сколь возможно дольше сохранить его в оной... Можно утвердительно сказать, что по Министерству Императорского Двора немного есть чиновников из придворно-служительского звания, прослуживших более 50 лет с таким усердием и пользою, как г. Павлов". Павлов остался на службе и прослужил унтер-егермейстером еще около шести лет, до января 1849 года.

Блохин, Иван Алексеевич, отставной поручик гвардии, еще до поступления на службу в придворную охоту был известен как искусный охотник государю Николаю Павловичу и обер-егермейстеру Васильчикову. Поэтому, когда Блохин чрез Калужского губернатора Смирнова, отозвавшегося о нем как о страстном и опытном охотнике, заявил ходатайство поступить на службу в придворную охоту, то начальство отнеслось к этому весьма сочувственно. Но тут явилось затруднение в том, что Блохин по своему чину мог занять в охоте должность не выше должности управляющего охотами, а он рассчитывал получить должность унтер-егермейстера. Граф Ферзен поспешил для него освободить вакансию унтер-егермейстера, уволив занимавшего эту должность Мунта, обнаружившего полную свою неопытность в делах

охоты. Граф Ферзен писал по этому поводу к Блохину: "С моей стороны сделано для Вас все. Господин Мунт переведен снова на военную службу, и Вам теперь не предстоит никакого соперничества; надеюсь, что Вы поторопитесь занять упраздненное место унтер-егермейстера. Я жду Вас в августе месяце и надеюсь, что Вы, изъявив желание Ваше, не поставите меня в затруднительное положение, заставив себя ждать, так как к 15 Августа предстоят Высочайшие охоты, и собственно для Вас удален прежний унтерегермейстер".

Обер-егермейстер Васильчиков, с своей стороны, просил министра Двора, во внимание к искусству Блохиниа, сделать для него исключение и назначить хотя бы исправляющим должность унтер-егермейстера. Сначала министр Двора ответил на это холатайство полным и категоричным отказом, ссылаясь на то, что он не в праве входить с подобным всеподданнейшим докладом к государю императору, ибо все "изъятия из постановлений строжайше воспрещены". Но когда он затем, после разговора с графом Ферзеном (управлявшим ведомством за отсутствием Васильчикова), доложил государю об этом деле, то государь не замедлил утвердить назначение Блохина исправляющим должность унтер-егермейстера 4 сентября 1850 г., при чем, как сообщают, заметил: "Где искусство, там не нужно разбирать чины!"

Блохин прослужил в придворной охоте недолго — менее двух лет. В январе 1852 года вследствие поразившей его апоплексии он был уволен в отставку, при чем ему выдано было единовременное пособие в 1500 р.

Иван Васильевич *Иванов*, назначенный на

должность унтер-егермейстера 22 ноября 1856 года, начал свою службу в Егермейстерском ведомстве с второстепенных должностей. В начале 50-х годов он служил комиссаром придворной охоты и, пробыв на этой должности с небольшим год, в сентябре 1852 года был назначен на более ответственную должность управляющего Императорскими охотами; через четыре года после этого он занял должность унтер-егермейстера, на которой и оставался до своей смерти, последовавшей в феврале 1880 года. Об Иванове как превосходном стрелке и страстном охотнике, постоянно сопровождавшем на охоты императора Александра II, мы уже говорили выше, в обзорах высочайших охот^{115,116}.

Сокращение деятельности императорской охоты в царствования императоров Павла I и Александра I вызвало сокращение не только числа учреждений охоты, но и личного их состава. В особенности резко оно отразилось на личном составе Егермейстерской канторы. По штату 1773 года канцелярия Обер-егермейстерского ведомства вместе с Московскою канторою состояла из 44 человек, не считая обер-егермейстера, егермейстера и унтер-егермейстера. В заместившей же эту канцелярию в 1796 г. егермейстерской канторе, кроме тех же высших егермейстерских должностей, осталось только три человека: один чиновник "для отправления письменных дел", его помощник-регистратор и казначей — для заведования денежною частью и отчетностью по ней. Вновь изданный в 1801 году штат не увеличил состава егермейстерской канторы; в ней по-прежнему осталось три человека, лишь с тою разницей, что вышеупомянутый чиновник "для исправления письменных дел" и регистратор были

заменены двумя канцеляристами. Практика не замедлила выяснить крайнюю недостаточность такого состава конторы, и 22 апреля 1802 г. он был увеличен должностью секретаря. Впоследствии личный состав Егермейстерской конторы был увеличен в два и даже в три раза, но он никогда уже не достигал тех размеров, какие имела Обер-егермейстерская канцелярия в 1773 году.

В 1832 году Егермейстерская контора получила наиболее соответствующую ее деятельности организацию. Все сосредоточенные в ней дела по службе всех чинов охоты, по хозяйственной части, по счетоводству и денежной отчетности, были разделены между тремя столами, состоявшими в заведовании секретаря конторы, бухгалтера и казначея.

В 1838 г. должность секретаря конторы была заменена должностью управляющего (в VI классе), но через три года она была восстановлена. С 1863 года по 1880 год обязанности секретаря конторы исполнял унтер-егермейстер Иванов, как управляющий. После его смерти в 1880 г. должность секретаря конторы опять была восстановлена.

Из всех лиц, занимавших эту должность, следует отметить Валериана Николаевича Гордеева, который состоял секретарем с 1842 по 1848 г. и первый ввел в конторе канцелярский порядок и правильное счетоводство по установленным формам, а также установил порядок и в ведении хозяйственной части охоты.

Кроме секретаря и казначея, в составе Егермейстерской конторы со времени издания штата 1833 года мы встречаем еще бухгалтера, на обязанности которого лежало заведование делами

счетного стола, а в последующих штатах 1843 и 1857 гг. – должности экзекутора, журналиста и архивариуса.

Кроме всех вышеперечисленных должностных лиц, входивших в состав Егермейстерской конторы, в начале XIX века "для исправления разных препоручений" при начальствующих лицах Императорской охоты, главным образом при обер-егермейстере, состояли чиновники особых поручений, хотя ни по одному из штатов такой должности положено не было.

Для непосредственного управления собственно охотами, т. е. служителями, собаками, лошадьми и прочим, а также для исполнения всех предписаний и распоряжений, относившихся до активной части охоты, в 1807 году была учреждена должность управляющего Императорскими охотами.

По известному уже нам уставу Егермейстерского ведомства 1832 г. управляющему охотами были вполне подчинены все чиновники и служители охоты, сам же он подчинен был егермейстеру, с обязательством руководствоваться во всем его предписаниями и словесными приказаниями (§§ 26, 27, 28). Замещалась эта должность большею частью лицами, прослужившими долгое время в охоте и потому хорошо знавшими охотничье дело и внутренние распорядки охоты, каковы А. С. Павлов (из государевых стремянных), И. В. Иванов (из комиссаров охоты), иногда же лицами, состоявшими перед этим в одном из обер-офицерских чинов на военной службе. Дольше всего состояли управляющими Криденер, Павлов и Ратаев: первый – 15, второй – 10 и третий – 17 лет.

О служебной деятельности первого управляющего, Криденера, в документах не сохранилось никаких

упоминаний, а о Павлове, который занял впоследствии должность унтер-егермейстера, мы уже говорили. Что же касается Александра Николаевича *Ратаева*, то он назначен был из подпоручиков Стрелкового Императорской фамилии батальона 22 ноября 1856 года и управлял охотами до июня 1869 года. В этом году он был уволен сначала в отпуск, а затем в отставку, но через 2 1/2 года вновь принят был на службу на ту же должность. Ввиду многочисленности его семейства наследник цесаревич великий князь Александр Александрович и великий князь Владимир Александрович пожаловали ему из своих собственных средств по 200 рублей ежегодной прибавки к штатному жалованью. После его смерти в декабре 1874 года обязанности по управлению Императорской охотой возложены были на прапорщика Царицынского полка Владимира Робертовича Дица, "для испытания", который затем в июле 1877 г. был утвержден в должности управляющего охотами. Управляющие охотами в первой четверти XIX века имели особых сверхштатных помощников, но впоследствии эта должность уничтожена. С 1809 г. до 1833 г. в штате ведомства состоял еще особый управляющий московскими охотами¹¹⁷.

Для заготовления необходимых припасов, материалов и вещей на содержание охот, а также для хранения всего этого в должном порядке и исправности при Императорской охоте состоял *комиссар*, должность, учрежденная еще в XVIII веке.

Из чиновников, которым вверено было заведование отдельными частями Императорской охоты, следует отметить *государевых стремянных*, стоявших во главе псовой охоты, и *биксен-шпаниеров*, находившихся во главе егерской

команды¹¹⁸.

Медицинский персонал придворной охоты, состоявший в конце XVIII в. из лекаря, подлекаря и 7 служителей, был исключен из штата в 1796 г. По позднейшим штатам в придворной охоте были только фельдшера и лекарские ученики. Кроме того, для лечения лошадей и собак, а также зверей и птиц, находившихся в зверинцах и птичьих дворах, приглашались за условленную плату ветеринарные врачи и коновал из ближайших войсковых частей. Такой порядок, однако, был для служителей весьма неудобен, так как эти лица могли пользоваться охоту только в свободное от службы в полках время и не имели возможности следовать с охотой во время отъездов ее в поля, где могла случиться в них настоятельная надобность. Ввиду этого в 1846 г. в придворной охоте восстановлена была должность ветеринарного врача.

Стоимость содержания низших чиновников и служителей охоты значительно увеличилась в XIX веке в сравнении с предшествующим временем. Средняя стоимость их содержания в 1773 г. равнялась 117 р., а в 1801 г. поднялась до 286 р., то есть увеличилась в 2 1/2 раза. В штате 1833 года она равнялась 313 рублям ассигнациями, в штате 1843 года – 182 рублям серебром или 637 рублям ассигнациями и, наконец, в штате 1857 года – 170 рублям серебром или 595 рублям ассигнациями. Это увеличение содержания чинов охоты, однако, далеко не соответствовало постоянному вздорожанию средств к жизни в Петербурге и его окрестностях. Материальное положение их поэтому было весьма незавидно, и если оно улучшалось, то, незначительно и ненадолго, лишь в первые годы после издания новых штатов.

До 1833 года егеря, которым был положен наивысший оклад денежного жалованья, получали всего 100 рублей в год. Наименьший же оклад, положенный зверовщикам, равнялся 12–18 рублям в год; остальные служители получали не более 36 рублей жалованья.

По штату 1833 года все служители охоты по размерам получаемого жалованья были разделены на три статьи; при этом служители первой статьи получали в год 240 рублей, служителя второй – 220 рублей и третьей – 140 рублей ассигнациями. Следующим штатом 1843 г. содержание служителей охоты было несколько увеличено; служители первой статьи стали получать 173 рубля серебром, второй статьи – 116 рублей серебром и третьей – 87 рублей серебром.

На этом уровне вознаграждение их оставалось более 30 лет, до 70-х гг., несмотря на то, что в 1870 г. цена на съестные припасы возросла в 3 1/2 раза в сравнении с 1843 годом. Ходатайствуя об увеличении содержания чинов охоты, обер-егермейстер граф Ферзен в 1870 г. описал материальное положение их в следующем неприглядном виде: "Существовавший штат егермейстерского ведения в 1843 году переложен с ассигнаций на серебро. С тех пор доныне оклады содержания остались те же, а все жизненные продовольствия вздорожали так, что за покупаемое прежде за рубль ассигнациями ныне платят рубль серебром; следовательно, каждый, получавший прежде 3 рубля 50 копеек, теперь получает только один рубль. Это содержание так недостаточно, что не только чиновники, но и служителя постоянно изыскивают всевозможные средства к оставлению службы по охотам; ни один порядочный служитель, не только

семейный, но и одинокий, получая семь, девять, а некоторые и пять рублей ассигнациями в месяц, не могут при настоящей дороговизне существовать".

Заменивший графа Ферзена обер-егермейстер барон Ливен также настаивал на увеличении содержания чинов охоты, но новые штаты были изданы лишь в начале царствования императора Александра III, а именно в 1882 году.

Начальство охоты, насколько это было в его силах, старалось восполнить тем или иным способом скудость материального вознаграждения служителей охоты, граничившую с нищетой. С 1833 по 1841 г. им выдавались пособия ежегодно к праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи, по 300 р. на всех.

В 1834 году министр Двора разрешил отпускать каждому мальчику из служительских детей, начиная с пяти лет, по одному пуду муки в месяц впредь до зачисления его в комплект служителей охоты на оклад школьников (впоследствии 5-летний возраст заменен 4-летним). Деньги на это брались из суммы, выручавшейся с продажи билетов частным охотникам на право охоты в запретительных местах.

Само собою разумеется, что такие незначительные пособия не могли существенно улучшить материального положения чинов охоты, и они принуждены были искать себе побочных занятий на стороне, а некоторые делали попытки, хотя и безуспешные, оставить службу в придворной охоте. Служители нередко подавали прошения об увольнении, но начальство или вовсе не принимало таких прошений, или отвечало на них безусловным отказом.

Служба в придворной охоте приравнивалась к службе военной, и чины егерской команды были

лишены права покидать ее по собственному желанию; они, так сказать, были прикреплены к службе, составляя нечто вроде особого крепостного сословия. Министр Двора в январе 1842 года предписал обер-егермейстеру "наблюдать, чтобы никто из служителей ведомства Егермейстерской конторы не был увольняем в отставку иначе, как за увечьем, дряхлостью, неизлечимыми болезнями или за излишеством, но и в сем последнем случае с разрешения высшего начальства".

Особенно сильно обнаружилась невыгодность службы в Императорской охоте в 60-х гг., о чем в рапорте своем граф Ферзен в 1870 г. докладывал министру Двора следующее: "В настоящее время открылось много частных охотничьих компаний, которые платят значительно более охотникам-специалистам, чем таковые получают в Императорской охоте, и потому беспрестанно люди из команды просят об увольнении их, имея в виду выгодные места как в частных охотничьих обществах, так и при железных дорогах, и если соглашаться на их увольнение и не дать им приличного содержания, то в весьма скором времени Государю Императору невозможно готовить охоты". Опасения эти были вполне основательны. В ноябре того же 1870 года некоторые служители придворной охоты снова подали чрез управляющего охотами прошение об увольнении их со службы. Обер-егермейстер разъяснил управляющему охотами, что эти прошения являются незаконными, и поставил ему на вид, "что если кто из служителей не будет подчиняться обязанностям их службы, то, на основании существующих правил, будет переведен на действительную же военную службу и начнет оную рядовым на полный срок; те же, кои

окажутся неблагонадежными в военной службе, будут отданы в арестантские роты"¹¹⁹.

Прибавкою к скудному содержанию чинов охоты являлись порционные деньги, выдававшиеся им во время командировок. Размер их, установленный штатом 1833 г. (наравне с другими ведомствами), также был недостаточным. Ввиду этого егермейстер Всеволожский (временно управлявший ведомством) во время охот у Пятигорска в 1841 г. решился собственною властью увеличить их на 1/3; но министр Двора признал его распоряжение неправильным, и Всеволожскому пришлось восполнить перерасход из своего жалованья¹²⁰. При ревизии годовых отчетов Егермейстерского ведомства в контроле Министерства Двора тоже нередко возникали вопросы о неправильности увеличения порционных денег сверх положения.

Начальство охоты не раз возбуждало ходатайства об увеличении порционных денег. Оно обосновывало эти ходатайства тем, что офицерам и служителям охоты, получающим скудное содержание, приходится во время командировок располагаться по деревням, где все припасы продают им гораздо дороже рыночных цен. Ввиду этого в 1855 г. порционные суточные деньги были увеличены: вдобавок к прежде ассигнованным на порции 1035 рублям разрешено было отпускать еще 3000 руб. серебром. Через два года в штате 1857 года ассигнование на них было увеличено до 7035 рублей.

Личный состав Императорской охоты пополнялся главным образом наследственно, детьми служителей охоты. Придя в "совершенный возраст", дети престарелых или умерших охотников, на руках у

которых нередко оставались многочисленные семьи в лице старухи матери и большого числа малолетних братьев и сестер, подавали "всепокорнейшее прошение" об определении их на службу в охоту, причем нередко просили зачислить именно в ту часть охоты, где служил их отец. Так как дети служителей охоты вначале не обладали необходимыми познаниями для отправления той или иной должности, то их обыкновенно зачисляли сначала "сверх комплекта", на своем содержании, а затем переводили на оклад школьников для изучения охотничьего дела.

В 1834 г. устроена была, стараниями егермейстера Васильчикова в Петергофской слободе школа для обучения служительских детей грамоте, закону Божию и начальной арифметике; школа эта была освящена 5 апреля 1834 г., учителю назначено было содержание в 900 р. ассигнациями. Когда Императорская охота была переведена в Гатчину, то и там была устроена школа для детей служителей охоты. В 1872 г. на средства супруги обер-егермейстера барона Ливена устроена была в Гатчинской егерской слободе также и школа для девочек. В 1872/73 учебном году в школах Императорской охоты обучалось 30 мальчиков и 33 девочки. После издания "Положения о начальных народных училищах" и егерская школа в ноябре 1875 года была отнесена к числу начальных народных училищ¹²¹.

Что касается обучения егерскому искусству, то служительские дети обучались ему не только в придворной охоте, но иногда и у частных охотников. Так, в начале 30-х годов охотник Краузе, проживавший в Осиновой Роще (имение графа Левашева по Финляндской железной дороге), обучал в продолжение двух лет одного из служителей придворной охоты.

Летом 1856 года к этому же Краузе был командирован начальством охоты егерский ученик Николай Бабурин для подробного изучения правил охоты с ружьем, дрессировки собак и проч. За наставническую деятельность Краузе было выдано денежное вознаграждение в размере 130 рублей. Кроме того, в 1852 году, когда он вследствие несчастного случая сделался калекою, лишившись руки, которую ему прострелили на одной из частных охот, то ему было выдано денежное вспомоществование в 50 рублей серебром.

Кроме придворно-служительских детей, Императорская охота комплектовалась и вольными "*партикулярными*" людьми, которые принимались на службу лишь за неимением кандидатов из придворно-служительских детей и притом всякий раз с особого разрешения министра Императорского Двора. Обер-егермейстер неоднократно получал предписания от высшего начальства: "стараться замещать служительские вакансии по егермейстерскому ведению служительскими детьми, избегая, сколь возможно, определения посторонних людей".

При незначительности окладов в Императорской охоте "*партикулярные*" люди поступали на службу главным образом с целью приобрести известные права и преимущества, связанные со званием придворно-служителя и переходившие на их детей. Вот почему они соглашались продолжать службу лишь под условием, что с течением времени их зачислят в придворно-служительское звание. Лица податных сословий при поступлении на службу в придворную охоту прежде всего исключались из прежнего состояния, на что испрашивалось разрешение Правительствующего Сената. Так, например, при

определении на должность магазейн-вахтера третьей гильдии купца, некоего Петра Каршина, он был исключен из купеческого состояния, между прочим во внимание к тому, что он не имел "к торговому делу способности".

В первой половине столетия дисциплина егерской команды была не особенно высокой. Обер-егермейстер Васильчиков писал в 1846 г.: "Некоторые служителя Императорских охот весьма грубы в обращении не только со старшими служителями, но и с господами, частными начальниками своими; старшие же служителя не умели внушать к себе надлежащего уважения, впадая нередко сами в нарушение порядка службы. Сверх того, многие из служителей замечены были неоднократно в явном неповиновении, в самовольных отлучках, в нерадении к службе, в самоуправстве между собою и даже в драках, а некоторые, к сожалению, в неблагодарности к милостям начальства и в непомерном пьянстве". Объясняя существование подобных беспорядков недостаточным надзором и послаблением со стороны управляющих охотами и "господ частных начальников", обер-егермейстер предписал усилить надзор за поведением служителей, неукоснительно карать всякий совершенный ими проступок и вписывать его в штрафную книгу каждый раз в присутствии унтер-егермейстера и при всех находящихся налицо чиновниках и старших служителях.

В ноябре 1844 года, по предложению министра Императорского Двора, заведены были особые "Конduitные списки", в которые о каждом служителе записывались следующие сведения: 1) "каково ведет себя по службе; 2) каковы имеет способности; 3) не

предан ли пьянству или игре, и 4) каков в хозяйстве". Вместе с этим установлена была целая система исправительных мер. Находя неприличным подвергать придворно-служителей телесным наказаниям, Егермейстерская контора предписала: "За первый проступок, занесенный в штрафную книгу, наряжать виновного на трое суток дневальным на конюшню, за второй проступок — на неделю и заставлять в продолжение оной два раза в день чистить по пяти лошадей; за третий проступок сажать под арест и немедленно доносить конторе рапортом".

Высшей мерой наказания была отдача в рекруты, а "буде не годятся, то в арестантские роты". Полагая, что упадок дисциплины в охоте зависел "не от совершенной закоренелости служителей в пороках, а от дурных примеров и наклонностей", начальство охоты рассчитывало, что все вышеизложенные меры при постоянной заботливости со стороны частных начальников заставят служителей Императорских охот понять, что "звание их возвышается перед другими, и что они должны, гордясь сим званием, отличаться примерным поведением".

Рубо Ф.
Охота Башкиров с соколами в присутствии Императора
Александра II

Ближайший надзор за поведением команды поручен был старшим служителям (первой статьи и конюху второй статьи), которые должны были "примерным своим поведением достигать полного к себе уважения" и неослабно требовать от своих подчиненных строгого повиновения, "не скрывая ни малейшего их проступка от начальства"¹²².

При увольнении от службы престарелых чинов охоты им назначались пенсии. В штате 1796 года числились пенсионеры ведомства Императорской охоты, которым из государственного казначейства на пенсии отпускалось по 2200 рублей в год (от 250 до 2000 рублей в год каждому). 21 февраля 1797 года император Павел I повелел производить ежегодный пенсион "за старостию лет бывшей руст-камеры смотрителю Греку – по 250 рублей, биксеншпаниеру Фирсову – по 200 рублей, егерю Кантнеру – по 150 рублей" и прочим нижнего звания служителям, "престарелым и увечным", по 2000 рублей на всех. В штате 1801 года никаких указаний на пенсии нет; но в 1805 году император Александр I повелел отпускать Егермейстерскому ведомству на пенсии постоянно, как то было прежде, 2252 рубля.

О правилах назначения пенсий сведений не сохранилось; по-видимому, в это время, так же как в XVIII веке, пенсия была "делом милости" или особого "за долговременную или беспорочную службу" пожалования (см. том третий, стр. 106).

Хотя общий уровень дисциплины был и не очень высок, но многие чины охоты отличались ревностным исполнением своих обязанностей и нередко удостоивались наград деньгами и чинами и ценных подарков от имени государей.

Два егеря придворной охоты, Мазуров и Васильев, удостоились особого внимания императора Николая I, который вспомнил о них в своем духовном завещании и завещал наградить их единовременной выдачей годового содержания. Особых знаков царской милости удостоился также придворный оружейный мастер Иван Орлов, которому были пожалованы в январе 1837 года брильянтовый перстень за изобретение ружья с патронами, а в феврале 1840 года серебряная медаль на Аннинской ленте для ношения на шее за изобретение механизма, приспособленного к солдатскому ружью, и за исправное содержание оружия в арсенале великого князя Михаила Павловича¹²³.

В 1850 году были награждены деньгами все чиновники Егермейстерской конторы за их полезную службу, выразившуюся в быстром и правильном ведении всех дел по конторе, а также в "истинном желании всегда и во всем угодить начальству".

Помимо прямых своих обязанностей по занимаемой должности в Императорской охоте, чины и служители Егермейстерского ведомства нередко исполняли посторонние поручения, не имевшие к охоте прямого отношения. Например, в 1803 году, по желанию императора Александра I, один из егерских учеников был отправлен в Морскую экспедицию вокруг света в качестве чучельника (Петр Филиппов, назначенный при этом егерем). Около того же времени егеря придворных охот обучали стрельбе в цель чины егерских полков. Согласно повелению императора Александра I, Аракчеев в 1808 г. приказал заведовавшему тогда чинами егерских полков генерал-майору Клейнмихелю назначить от каждого полка по пяти человек для практического обучения их егерями "стрелянью в цель". В 1811 году для обучения

стрелков гвардейской дивизии и армейских полков, расположенных в Петербурге, назначен был по высочайшему повелению форштмейстер придворной охоты Агапов, переименованный при этом в поручики, с зачислением по армии¹²⁴.

Служители Егермейстерского ведомства часто "командировались" к Высочайшему Двору, "для прислуживания в торжественные дни", в парадных ливреях. Иногда они в числе других придворных служителей наряжались на дежурства "при комнатах Их Императорских Величеств". Так, 2 января 1850 г., в день рождения великого князя Алексея Александровича, во дворце был на дежурстве егерь Васильев, который по случаю семейного торжества в Императорском доме получил денежную награду в размере годового жалованья (58 рублей). Кроме дежурств, четыре егеря безотлучно находились при комнатах Императорской фамилии, для надзора за собаками государя императора, наследника цесаревича и великих князей¹²⁵.

Как и в предыдущую эпоху, служителя Егермейстерского ведомства принимали участие в военных действиях. В начале Отечественной войны 14 июня 1812 года обер-егермейстер Нарышкин предписал управляющему егермейстерскою командою в Москве "предложить всей команде о вступлении в Московское ополчение, чего честь и должность всякого требует: Отечество взывает защитников". По этому зову из Московской команды в ополчение поступило 19 человек.

Во время Крымской войны, когда Петербургу грозила опасность от появления в Балтийском море неприятельского союзного флота, когда Кронштадт и

противолежащие берега со стороны Сестрорецка и Ораниенбаума укреплялись сильными военными отрядами, служители Императорской охоты не остались безучастными зрителями военных приготовлений к защите столицы. 29 апреля 1854 года егермейстер граф Ферзен доложил министру Двора, что "из числа конных служителей придворной охоты, от 15 до 20 человек, на отличных донских лошадях, ловкие и хорошо знающие окрестности Петергофа, могут быть употребляемы в настоящее военное время на ординарцы для посылок с передачею приказаний". Предложение графа Ферзена было принято, и 3 мая император Николай Павлович повелел "конным служителям придворной охоты находиться, поочередно по пяти человек, при лагерном отделении Его Величества, в Петергофе, для посылок с приказаниями". Отдавая распоряжение относительно порядка назначения и обмундирования ординарцев, граф Ферзен, между прочим, писал: "Настоящее Высочайшее назначение дает возможность служителям показать, что они достойны придворно-служительского звания и сумеют оправдать Высочайшее внимание, выраженное в настоящем назначении"¹²⁶. Конные егеря оставались при вышеупомянутом лагерном отделении до конца 1854 года и в следующем 1855 году.

Чины и служителя Императорской охоты принимали участие и в коронационных торжествах 1856 года. Для помещения придворной охоты было предназначено село Всесвятское. Вместе с этим последовало высочайшее повеление, чтобы "в церемонии, имеющей быть во время коронации", находились верхом государев стремянной и управляющий охотами; а егермейстер граф Ферзен должен был ехать в карете вместе со вторыми чинами

Императорского Двора. В Москве во время торжественных обедов егеря назначались и для услуг при Высочайшем Дворе. Вообще нужно заметить, что присутствие служителей охоты, в особенности же егерей, было, по-видимому, необходимой принадлежностью каждой торжественной процессии. Правда, при въезде императора Александра II в Петербург в 1857 году после коронации, равно как и при въезде высоконазначенной невесты великого князя Михаила Николаевича, чины и служителя охоты лично не участвовали в шествии, "в виду нежелательности отвлекать их от прямых обязанностей"; все-таки "за егерей" были назначены нижние чины пехотных частей гарнизона столицы, причем эти нижние чины были одеты в егерское платье¹²⁷.

В заключение нам остается еще сказать о *форменной одежде* чинов и служителей Императорской охоты. К штату Егермейстерского ведомства 1801 года приложен был подробный список форменной одежды с указанием материалов и цен на них. Из этого списка мы узнаем, что летнюю одежду чинов Егермейстерского ведомства составляли: кафтан, камзол, лосинные штаны и шляпа с плюмажем, а зимнюю: меховой сюртук, зимний картуз и перчатки с варежками. У служителей охот это обмундирование дополнялось портупеей с кортиком и рабочим кафтаном. Каков был покрой всей этой одежды, сказать затрудняемся, но, надо полагать, он мало чем отличался от тех кафтанов, камзолов и сюртуков, которые описаны в III томе нашего исследования. Кафтаны, камзолы и сюртуки шились из сукна разного качества, смотря по должности; на подкладку употреблялась или саржа, или стамед, или же каразея; на украшение шел галун и ливрейный басон. Мех под сюртук

употреблялся, по всей вероятности, волчий. Пуговицы шли томпаковые.

В 1817 году форма для чиновников Егермейстерского ведомства была изменена. По высочайшему повелению тогда были построены мундиры для штаби обер-офицеров придворных охот по образцу мундиров, присвоенных чиновникам Конюшенной команды, с тою только разницею, что вместо красного воротника и обшлагов егермейстерским чиновникам полагались зеленые, причем штаб-офицерским чинам, сверх петлиц, присвоен был золотой борт того же образца. Мундир чинов Конюшенной команды был "военного покроя, темно-зеленый, с красными суконными воротником, обшлагами, отворотами на фалдах, с выпушками по краям и около карманных клапанов" и с золотым шитьем, в зависимости от ранга. Пуговицы были золоченые, с государственным гербом, окруженным охотничьим рожком. 30 сентября 1827 года к этому мундиру, вероятно, в качестве повседневной формы, присоединен был вицмундир из темно-зеленого сукна, с черным бархатным воротником и с пуговицами, высочайше "апробованными" для придворной охоты. При этом вицмундире полагалось носить темно-зеленые панталоны или брюки, белый или черный жилет и круглую шляпу¹²⁸.

11 марта 1831 года было утверждено "положение об обмундировании чинов Императорского Двора", в том числе и чинов Егермейстерского ведомства. Устанавливая новую форму для обер-егермейстера и егермейстера, это "Положение" не изменило прежней формы других чиновников Императорской охоты. Для них был оставлен прежний мундир образца 1817 года и прежний мундирный фрак образца 1827 года.

По-видимому, этот фрак был общим для всех чинов Императорского Двора. Впрочем, и для них были установлены "Положением" некоторые правила для ношения формы. Так, в торжественные дни они должны были носить сверх панталон темно-зеленого сукна длинные сапоги (ботфорты), по образцу пехотных генеральских, а в будни темно-зеленые, с красною прошвою, брюки надевались сверх сапог с привинченными шпорами. Обер-егермейстерам и егермейстерам Положением присваивался мундир, во всем подобный мундиру обер-шталмейстера и шталмейстера. Мундир этот был военного покроя, темно-зеленого сукна; воротник и обшлага его были тоже темно-зеленые суконные, с красною выпушкою, а пуговицы — с изображением государственного герба, окруженного охотничьим рожком. Парадным мундирам обер-егермейстера присвоено было золотое шитье в три ряда на воротнике, обшлагах, карманных клапанах, под ними и по борту и в один ряд вдоль фалд и по швам. Егермейстерские парадные мундиры имели то же расположение шитья, но только в два ряда и без шитья по швам. При парадных мундирах обер-егермейстеры и егермейстеры должны были носить шляпу с золотым шитьем того же рисунка, как и на мундирах, белые суконные панталоны и длинные сапоги, по образцу пехотных генеральских, с накладными шпорами. Кроме этого мундира, для обер-егермейстера и егермейстера был присвоен еще вицмундир, покроем и рисунком шитья похожий на парадный и отличавшийся от последнего только тем, что шитье полагалось иметь лишь на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. При вицмундире полагалась шпага¹²⁹. В мае 1833 года вышеописанная форма чинов Егермейстерского ведомства была, так

сказать, пополнена; вышедшим тогда "дополнением к положению о мундирах Придворного ведомства" всем чинам Императорской охоты были присвоены сюртуки с зеленым воротником и красною подкладкою, по форме военного ведомства, при шпагах и треугольных шляпах. Обер-егермейстерам, егермейстерам и лицам, состоявшим в этих должностях, предоставлено было иметь на означенных сюртуках в виде погон золотые шнуры. Вместе с этим всем чиновникам Егермейстерского ведомства разрешалось в дороге носить суконную фуражку с черным лакированным козырьком и суконным околышем по цвету воротника. В 1852 году для унтер-егермейстера и прочих офицеров Егермейстерского ведомства (кроме чиновников, служивших при Егермейстерской конторе) была изменена форма головного убора: прежние треугольные шляпы были заменены касками. Форменная одежда чиновников Императорской охоты образца 1831 и 1833 годов в марте 1855 года снова была несколько видоизменена. Так, например, малый мундир (вицмундир) обер-егермейстеров и егермейстеров был заменен новым малым мундиром, построенным "по новому образцу военных мундиров", т. е. он был не с фалдами, а с полами, "сходящимися накрест спереди, двубортный, с двумя рядами пуговиц" (по 8 с каждой стороны); шитье на этом мундире оставлено было прежнее, с тою разницею, что на карманных клапанах оно шло не под талиею поперек, а в длину, соответственно новому направлению этих клапанов, "как на казачьем генеральском мундире". Ботфорты и лосинные штаны заменены были при этом мундире "зелеными брюками с красною по бокам выпушкою". При праздничной форме красная выпушка этих брюк заменялась золотым галуном. Точно такой же по

покрою мундир был установлен и для всех чиновников Императорской охоты вместо старого мундира образца 1817 года, с тою лишь разницею, что воротник у этого мундира был скошенный, "с острыми вверху углами". Шитье на нем было оставлено прежнее. Одновременно с этим отменялось для чиновников ношение лосинных панталон и ботфортов, вместо которых во всех случаях полагалось носить вышеупомянутые зеленые брюки с красною выпушкою по бокам. В августе этого же года последовало высочайшее повеление присвоить штаб- и обер-офицерам придворных охот ношение на мундирах и сюртуках золотых плетеных погонов по образцу военно-медицинского ведомства, а также ношение золотой перевязи для рогов и золотой поясной портупей для кинжалов. Вскоре после этого последовало новое повеление: "чиновникам Егермейстерского ведения, коим положены мундиры военного покроя, иметь из серого сукна плащ, по образцу плаща кавалерийских офицеров, с темно-зелеными клапанами на концах воротника и на серой подкладке, но без погонов и выпушек"¹³⁰.

В начале царствования императора Александра Николаевича, 8 марта 1856 года, была утверждена новая форма одежды для обер-егермейстеров и егермейстеров. Эта форма разделялась на парадную, праздничную, обыкновенную, походную и вояжную, будничную или служебную.

Парадная форма состояла из мундира, цвет сукна, шитье, подкладка и выпушка которого остались прежние, образца 1831года, но покрой был уже другой. Этот мундир имел вид однобортного полукафтана (длиною 7 вершков от талии), со скошенным стоячим воротником, прямыми продольными карманными клапанами, с поперечным на левом боку разрезом для

шпаги и с витыми канительными на плечах погонями. К этому мундиру полагались белые суконные или лосинные панталоны с ботфортами, шляпа с шитьем и белым плюмажем.

К *праздничной* форме относился вицмундир, двубортный, в виде полукафтана, застегивающегося на 8 пуговиц; во всех остальных признаках он был сходен с парадным. К вицмундиру полагались: 1) суконные брюки темно-зеленого цвета с галуном по боковым швам и 2) шляпа с галуном и черным плюмажем.

Обыкновенную форму составляли: вышеописанный вицмундир, серые брюки с темно-зелеными лампасами и красною выпушкою посреди них и шляпа с галуном и черным плюмажем.

Походная и *вояжная* форма состояла: 1) из двубортного сюртука со скошенным стоячим воротником, на нижней части которого и на обшлагах нашит был золотой генеральский галун, с витыми канительными погонями и поперечным на левом боку разрезом для шпаги; 2) из серых вышеупомянутых брюк и 3) из фуражки.

Наконец, *будничную*, или *служебную*, форму составляли: мундирный фрак, темно-зеленые брюки, черный или белый жилет¹³¹.

Кроме всего этого, в состав формы обер-егермейстеров и егермейстеров еще входили: плащ из серого сукна, по образцу военного генеральского, т. е. с красными выпушками, красным подбоем и красными на передних концах воротника клапанами, но без плечных погонов.

Впоследствии в только что описанной форме обер-егермейстеров и егермейстеров произведены были некоторые изменения. Так, например, в марте 1862

года фуражки, употреблявшиеся при походной и вояжной форме, были заменены шапками зеленого цвета с золотым околышем, по форме, утвержденной тогда для гражданских чиновников военного министерства, а в конце 1872 года вместо двубортного виц-мундира, введен был однобортный. Наконец, в половине 1873 года последовало высочайшее повеление об отмене сюртуков, установленных правилами 8 марта 1856 года, а вместо них егермейстерам повелено было носить во время охот двубортные сюртуки с темно-зеленым воротником, красными кантами и витыми погонами. Тогда же им присвоены были зимние барашковые шапки, которые они могли носить, с особого разрешения государя императора, а вместо форменной шпаги определено носить охотничьи ножи на золотых портупеях.

Начиная с 17 августа 1855 года форменная одежда остальных чиновников Егермейстерского ведомства осталась в общем без изменения. По крайней мере, на это нет соответствующих указаний в документах. Только в мае 1858 года, "для удобства и большей свободы движения во время производства зимних охот", разрешено было вместо зимних шинелей со стоячим воротником носить пальто с отложным воротником, да еще в марте 1862 года, когда введена была шапка для обер-егермейстеров и егермейстеров, изменена была форма головного убора и для прочих чинов Императорской охоты, которым была присвоена тоже шапка из светло-зеленого сукна с околышем такого же цвета; по околышу этой шапки у унтер-егермейстера шел золотой галун с золотым шнуром по краям, а у прочих чиновников – только два шнура. Такой же шнур шел по верху тульи. У оберофицеров он заменялся кантом красного сукна; из

него же приготавлилась и петлица с пуговицею и кокардою. Козырек у шапки был с ремешком из лакированной кожи; назначением этого ремешка было удерживать шапку на голове при сильном ветре на открытых местах¹³².

Переходим теперь к форменной одежде служителей придворных охот. Какую одежду они носили в начале XIX века, мы уже говорили. Новая форма для них была установлена 6 октября 1827 года. Служителям псовой охоты тогда был присвоен суконный темно-зеленый чекмень. Этот чекмень, обложенный по воротнику и по борту тесьмою из черного и желтого гаруса, на груди был украшен пятью длинными гарусными петлями с десятью гомбочками, обшитыми тем же гарусом; позади на лифе находились две такие же гомбочки; от них вверх по швам, по рукавам, вокруг обшлагов и вниз около карманных клапанов шел все тот же гарусный шнур в три ряда. При чекмене полагалось носить зеленые суконные шаровары, подшитые кожей, и кушак гарусной тесьмы. Костюм дополнялся: 1) кивером из черной мерлушки с кожаным козырьком, с верхом из лакированной кожи и с золоченым гербом впереди; 2) медным регом, и 3) кинжалом с черною деревянною рукою и с черными железными ножнами, обделанными золоченой бронзой.

Для егерей установлена была однобортная куртка из светло-зеленого сукна с желтыми гербовыми пуговицами. При этой куртке полагались суконные такого же цвета панталоны, большие болотные сапоги и фуражка, на манер военной, с козырьком из черной кожи и с золоченым гербом. В начале 1849 года егерскую куртку заменил однобортный казакин из темно-зеленого сукна. У этого казакина (по колено длиною) был суконный темно-зеленый воротник,

обшитый по верху желтым кантом и снабженный двумя петлицами из узкого гербового басона; на плечах у него были погоны из плетеного гарусного шнура в виде петли, застегивающейся у воротника небольшою гербовою пуговицею, а на груди – шесть пуговиц и по одному маленькому карману с боков; обшлага были разрезные, обшитые поверху желтым кантом. Сзади у казакина имелось два кармана, обшитых тоже желтыми кантами, с двумя пуговицами на каждом. Под полами была подкладка из стамеду, а под прочими частями из серого коленкора. Этот казакин и вышеописанный чекмень со всеми принадлежностями и убором и были главной форменной одеждой вплоть до конца описываемой эпохи. За все время некоторому изменению подвергся только чекмень. Например, в 1856 году, "для различия во время полевания доезжачих от стремянных", приказано было на будущее время строить для 14 человек вместо зеленых чекменей красные, с прежним убором¹³³.

Вышеописанная форма служителей Императорской охоты была красива. По свидетельству обер-егермейстера Васильчикова, она была гораздо богаче старой формы (образца 1817 и 1831 гг.).

Кроме описанной формы, в документах встречаются указания на существование у служителей охоты и другой одежды. Например, от 1833 и 1839 гг. сохранился весьма подробный перечень разнообразных костюмов. Здесь среди всевозможного рабочего платья мы находим синие и белые из верблюжьего сукна армяки, поддевки с шароварами, рабочие куртки, красные кушаки, башлыки, шапки и т. п., а в качестве зимней одежды встречаются шинели темно-серого и светло-серого сукна на овчине, с полами, подбитыми волчьим мехом, сюртуки на волчьем меху, тулупы и

полушубки. Упоминаются также летние сюртуки, с басоном и без басону, "постройки" 1828 года; темно-зеленые куртки, воротник и обшлага которых были обложены золотыми позументами, рейтузы из темно-зеленого сукна с светло-зелеными лампасами, полотняные брюки, канифасные жилеты и т. п. От 1856 года дошло сведение, что тогда было изготовлено полевое платье: 13 красных и 12 зеленых кафтанов с брюками, а также "два полукафтана парадной и выездной формы". Все это показывает, что, кроме вышеописанной формы, служившей, очевидно, для всedневногo ношения, у служителей охоты имелась еще парадная и выездная. Об этом свидетельствует отчасти и то, что в начале декабря 1870 года император Александр Николаевич повелел "для 4 доезжачих и 3 выжлятников, для отличия от стремянных, построить сюртуки из красного сукна" и употреблять их только во время "осеннего полеванья" в присутствии высочайших особ; а для прочих охот и всегдашней носки оставлялись прежние сюртуки, как у всех прочих служителей.

Необходимой принадлежностью обмундирования служителей Императорской охоты были также охотничьи ножи и кортики. Во время производства охот в высочайшем присутствии часто случалось, что служители, для приготовления осока и удобного проезда государю к месту производства охоты, принуждены бывали обрубать мелкие деревья и ветви своими ножами или кортиками, отчего последние часто ломались. Поэтому для большего удобства были выписаны из Англии в 1856 году 30 топоров особого образца.

Несколько раньше мы говорили, что служители Императорских охот, в особенности егеря, часто

командировались к Высочайшему Двору и надевали при этом особую ливрею. Эта ливрея, предназначавшаяся единственно для торжественных при Высочайшем Дворе обеденных столов, балов и прочего, разделялась на "штатс-ливрею" и "виц-ливрею". Ливрея в штат не была положена и "строилась" по мере надобности (вначале на 10, потом на 16, а потом и на 20 человек), на сумму, особо отпускаемую из Главного казначейства¹³⁴.

Маковский А.
Тетеревиный ток

Новый образец "штатс- и виц-ливрей" утвержден был в 1859 году. "Штатс-ливрею", предназначавшуюся, вероятно, для более торжественных случаев, составляли: 1) сюртук светло-зеленого сукна, обшитый по вороту и швам золотым гербовым галуном и имевший на груди с каждой стороны по шесть петлиц, тоже из гербового галуна, и два ряда пуговиц, а на плечах – два ряда золотых шнурков; 2) панталоны белого сукна; 3) бандульеры с золотым узеньким галуном, с бронзовыми наконечниками и шлифною пряжкой и с бронзовыми гербовыми бляхами; 4) ботфорты со шпорами; 5) треугольная шляпа, обшитая двусторонним золотым позументом, с золотою петлицею, кисточками и шелковою зеленою кокардою; 6) зеленый перяной султан; 7) кивер светло-зеленого сукна, с золотым гербовым галуном и бронзовым гербом; 8) замшевые белые перчатки; 9) черные шелковые косынки; 10) кортики с вызолоченными эфесами и наконечниками и, наконец, 11) костяные белые рожки из слоновой кости.

В состав же "виц-ливрей" входили: 1) фрак темно-зеленого сукна, с золотым галуном на воротнике, обшлагах и клапанах; 2) брюки тоже темно-зеленого сукна, с красным кантом; 3) бандульеры золотые галунные, на замшевой коже, с тремя наконечниками и шлифною пряжкой; 4) полусапоги без шпор; 5) треугольная шляпа с золотым галуном, петлицами и кожаную кокардою; 6) жилеты белые пике; 7) черные шелковые косынки; 8) замшевые перчатки и 9) кортики. Эта "виц-ливрея" почти во всем была похожа на "виц-ливрею" образца 1827 года, когда была введена, как сказано, новая форма для служителей придворных охот. Вплоть до 1856 года, когда был изменен покрой и форма "штатс-ливрей", подробных

сведений о чем в документах не сохранилось, никаких особенных изменений в вышеописанной ливрейной форме произведено не было, если не считать того, что в 1847 году у этой ливреи пуговицы были заменены другими, с приподнятыми у орлов крыльями¹³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 За период царствования императора Павла Петровича, судя по сохранившимся документам и воспоминаниям современников, Придворная охота совершенно бездействовала. Император Павел I был совершенно чужд охотничьей страсти и недолюбливал развлечений охотничьего характера. В ряду различных воспоминаний о современной придворной жизни встречается лишь указание, что Павел Петрович был любителем собак, да и то не охотничьих. Князь Н. С. Голицын рассказывает:

"Когда Павел I жил в Петербурге, в нынешнем Инженерном замке, то вахт-парады в его присутствии происходили, в хорошую погоду, на площади этого замка.

"На вахт-парады обыкновенно собиралось много простого народа и собак. Ни первого, ни последних никто не смел отгонять, и они свободно теснились: народ позади, а собаки впереди Павла I. К простому народу Павел I был всегда ласков, и, когда войска на вахт-параде строились для прохождения мимо него, он тростью своею слегка отодвигал народ, говоря: "Прошу отодвинуться немного назад"; затем, взяв трость свою под левую мышку и сняв с правой руки перчатку с крагенами, вынимал из правого кармана своего куски хлеба и потчевал им теснившихся к нему собак. Когда же войска уже подходили, он слегка отгонял собак тростью, говоря: "Ну, теперь ступайте", и собаки, понимая это и получив свою подачку, сами собой удалялись" ("Русская старина" за 1880 год, т. XXIX, стр. 739).

2 К 17 мая 1798 года относится следующий документ: "Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил, чтобы каменное строение, произведенное от Егермейстерского ведомства за Обуховым мостом, предоставить для казарм Измайловскому полку, а захваченное к тому строению место, обнесенное изгородью, поелику оное принадлежит к городским выгонам, обратить по-прежнему в выгоне, почему и сообщено в здешнюю городскую думу: то место, в свое ведомство приняв, по-прежнему числить выгоном" (Рукоп. сборн. Высоч. указ., No 25).

3 20 ноября 1796 года "в Обер-Егермейстерской Канцелярии, в присутствии, Господин Обер-Егермейстер объявил, что сего-ж Ноября, 13 числа Его Императорское Величество повелеть соизволил: 1) птичью охоту с служителями, впредь до повеления от Его Величества, из Москвы в С.-Петербург не выписывать; 2) казенную псовую охоту с служителями, без позволения Его Величества, в отъезжие поля ни с кем не отпускать" (Сборн. Выс. повел., No 3).

4 При императоре Павле Петровиче почти в продолжение всего его царствования обер-егермейстером оставался по-прежнему князь Петр Алексеевич Голицын, уволенный от этой должности 16 февраля 1800 года (Сборн. Высоч. указ., No 36, рукоп. Импер. ох.).

5 16 февраля 1800 года обер-егермейстером был назначен генерал от инфантерии Василий Иванович Левашов, скончавшийся в феврале месяце 1804 года (Там же и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 19).

6 Граф Иван Павлович Кутайсов, назначенный на эту

должность 6 декабря 1798 года вместо бывшего еще при Екатерине Великой егермейстера А. Я. Потемкина. До назначения на эту должность граф Кутайсов был обер-гардеробмейстером (Рукописи Импер. ох.).

7 1 января 1800 года егермейстером был назначен Двора Его Императорского Высочества Наследника Александра Павловича камергер граф Петр Гаврилович Головкин 3-й. 26 февраля того же года он был уволен от службы без прошения "по случаю сделанных им издержек при проезде любезнейшей дочери Нашей Великой Княгини Александры Павловны сверх положенной Нами на то суммы вдвое" (Сборн. Высоч. указ., NoNo 33 и 36, рукоп. Имп. ох.).

14 ноября 1800 года последовал высочайший указ следующего содержания: "Отставленный от службы Егермейстер граф Головкин принимается по прежнему в службу; Егермейстеру же Лопухину повелеваем остаться при исправлении нынешней должности, *как он по сие время управлял сею частью, несмотря на старшинство*" (Подчеркнутые слова написаны в указе собственною рукою императора Павла I) (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 3).

8 Путешествие великого князя Павла Петровича вместе с супругою своею великой княгиней Марией Федоровной по загранице под именем графов Северных (Кобеко, стр. 209, 227).

9 1799 год, 10 июня. Пятница. Павловск. Вечер. "В 7 часов Их Императорские Величества с Их Императорскими Высочествами Государем Наследником, Государынями Великими Княжнами Еленой Павловной, Марией Павловной и Екатериной Павловной и Их Светлостями Принцами Мекленбург-Шверинскими и свиту состояющими

обоего пола особами изволили выезд иметь на линиях прогуливаться.. во зверинец" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, № 86).

1799 года, 23 августа. Вторник. Гатчина. "Пополудни половине 6-го часа Их Императорские Величества с Их Императорскими Высочествами и Их Светлостями Герцогами Меклембургскими, как равно и со всеми составляющими Императорскую свиту обоего пола особами, изволили выезд иметь на приуготовленный, в имеющемся в зверинце молошнике, полдник" (там же).

1799 года, 13 сентября. Вторник. Гатчина. "В четверте пятого часа пополудни Их Императорские Величества изволили с Их Императорскими Высочествами Государем Цесаревичем и Его Супругою, Великою Княгинею, Их Светлостями Принцами Меклембургскими и составляющими свиту Императорскую обоего пола особами, выезд иметь верховой и прогуливаться по разным местам сада и зверинца, а в исходе 6-го часа, возвратясь, проходили во внутренние свои покои" (там же).

10 6-го октября 1808 г. в Этерсберге, близ Веймарна, император Александр I участвует вместе с Наполеоном I на охоте оленей и прочей дичи, данной герцогом Саксен-Веймарнским. Вот как описывает историк это свидание императоров: "Город Ерфурт, в 4-х верстах от Веймарна, был выбран, как место, наиболее удобное для свидания, как наиболее близкое к Веймарнскому дому, родственному Русскому. Веймарнский двор послал в Лейпциге тайного советника барона Волецогена и барона Цигезара навстречу Императору Александру, чтобы его приветствовать и получить приказания. Его Величество был ожидаем в Веймарнском Дворце вечером 25-го Сентября.

Иностранные принцы, дворяне и весь двор собрались у Герцогини, а Герцог отбыл в Ейсенак, приветствовать Его Величество Императора Наполеона. Наследный принц сел на лошадь, чтобы ехать с многочисленной свитой по дороге в Лейпциг, навстречу Августейшему гостю, в то время как жители Веймарна формировали забор от конца парка до города и нетерпеливо ожидали прибытия доблестного Монарха. Наконец, гусары и звон всех колоколов известили о приближении Монарха. Шествие подвигалось торжественно к дворцовому мосту при свете факелов. Французские драгуны, гусары Веймарна и охотники сопровождали коляску, запряженную 8-ю лошадьми, в которой находились Его Императорское Величество Государь с Его Высочеством Наследным Принцем. Граф Румянцев, министр иностранных дел, граф Толстой, фельдмаршал, князь Александр Голицын, генерал-адъютанты князя Трубецкой, Волконский, Гагарин и придворный кавалер Сперанский заключали шествие Его Величества. Ее Императорское Высочество Герцогиня, сопровождаемая Ее Высочеством Великой Княжной Каролиной Сакс-Веймарнской, Великим Князем Константином, Герцогом Ольденбургским, Наследным Принцем Мекленбург-Шверинским и Князем Павлом, окруженная всем своим двором и высокопоставленными иностранцами, встретили Его Величество в замке и препроводили до большой залы дворца. Монарх долгое время говорил с Герцогиней, после чего Наследный Принц представил прелестную маленькую Принцессу Марию своему дяде – Государю.

27 Сентября маршал царства Lannes, Герцог из Монтебелло и посланник герцог из Венеции прибыли к 12 часам, чтобы известить Императора России, что Император Наполеон уже с утра приехал в Ерфурт и

уже отправился в дорогу для встречи Императора России. Час спустя, Император Александр выехал из Веймарна с Великим Князем Константином и всей свитой. Наследный Принц Сакс-Веймарнский с конвоем французских драгун, охотниками графа и гусарами из Веймарна сопровождал его. Это было вдвойне торжественно для двора Веймарна, так как это был день коронавания Его Императорского Величества Императора Александра, который и был торжественно отпразднован и закончился блестящим балом. Около 3-х часов пополудни два Императора встретились между деревнями Нора и Остендом. Император Наполеон был верхом с блестящей свитой. Как только Императоры увидели друг друга, Император Наполеон сошел с лошади, а Император Александр вышел из коляски. Оба Императора поцеловались самым искренним образом.

"Император России имел на себе красную ленту ордена большого Орла Франции, а Император Франции голубую ленту русского ордена св. Андрея Первозванного. Оба Императора верхами торжественно въехали в Ерфурт под выстрелы пушек, звон колоколов, под громкие крики народа: "Да здравствуют Императоры!" и 5000 солдат в парадной форме французской армии. Император Наполеон занял губернский дворец, а Император Александр прелестный дом на Трибеля, который был убран с большим вкусом.

"После утренних аудиенций оба Императора, после 12 часов, делали смотр французским войскам. В 6 часов у Императора Наполеона собирались все присутствующие к обеду, и после обеда все шли в театр, где самые лучшие артисты Франции разыгрывали *chef-d'œuvre*'ы Корнеля, Расина и

Вольтера. Императоры сидели в креслах посреди первого ряда, Император Александр направо, Император Наполеон налево. Рядом с Императором Александром сидели Короли Баварский, Саксонский и Принц Примас, а рядом с Наполеоном сидели Король Вюртемберга, Великий Князь Константин и Принц Вильгельм Прусский. Король и Королева Вестфальские занимали большую ложу посреди театра.

"6-го и 7-го Октября начались приготовления к большой охоте на оленей в лесу Эттерсберга, недалеко от города, в области ведения Обер-Егермейстера Коха. 8 дней, под наблюдением обер-лесничего барона Фриша, употребили на устройство охотничьей ограды, и для этой цели были выписаны несколько сот загонщиков. В небольшом расстоянии от замка Эттерсберга, между большим и малым Эттерсбергом устроили павильон, из которого открывался живописнейший вид на долину Тюрингена через реку Унстру, откуда и стреляли Императоры дичь. Этот павильон был не что иное, как открытая палатка, в виде галереи, в один этаж, потолок из обоев, поддерживаемый стволами настоящих деревьев в форме колонн, декорированными наверху ветвями и красными фруктами. Все здание имело 223 фут. в длину и 51 фут. в ширину и занимало площадь в 10.000 квадр. футов. Стены были отлично закрыты, но в длину фасадов были открыты, и каждая из них была окружена 10 колоннами, высотой в 22 фута. Каждая колонна была обвита гирляндами из цветов и фрукт; середина этого павильона была разделена на 3 главные части: зала для Императоров и 2 залы для свиты. Зала Императоров имела 73 арш. длины и 51 арш. в ширину, приподнятая на 3 вершка посреди над смежными залами. Другое помещение, разделенное на

2 равные части, где находилась кухня, погреб, помещение для ружей и одна комната для прислуги. Вокруг павильона была сделана ограда, с отделенным местом для ловли дичи, где были расставлены тенёта. За оградой было устроено несколько балконов, но и они не были достаточны для всей иностранной публики. Это был народный праздник. Масса лавок, наполненных яствами и питьем разных сортов, дополняли картину.

"В 10 часов утра Великий Герцог Сакс-Веймарна, сопровождаемый своей охотой, под начальством главного ловчего Стафа, обер-лесничего Арнсвальда, Фриша, Зебаха, Шварценфельса, выехали из павильона верхом для встречи Императоров и Королей. Главный обер-лесничий барон Линкер имел план павильона и завтрака. Императоры покинули Эрфурт после полудня и были встречены на границе Великим Герцогом Сакс-Веймарнским, в деревне Стедтене.

"Их Величества были встречены трубными звуками и криками громадной толпы. Короли Баварский, Саксонский, Вюртсбургский и Принц Примас приехали несколько раньше Императоров. По известному сигналу охота началась, ограда была снята, дичь погнали вперед. Охотничий рог и цимбаллы известили приближение оленей. Императору России ружье было предложено главным ловчим Стаффом, Императору Франции – главным ловчим Франции принцем Нефшателем, Королю Баварскому – главным лесничим Шварценфелесом, Королю Саксонскому – главным лесничим Линкер, Королю Вюртембергскому – главным лесничим Арнсвальдом.

"Его Величество Наполеон имел около себя 6 пажей, и ружейного мастера и 4 егерей. Верный Мамелюк Рустан и ружейный мастер заряжали ружья.

Императоры и Короли стреляли очень часто, вплоть до 4 час.

Убито было: 47 оленей, 5 белок, 3 зайца и 1 лиса.

"Во время охоты было несколько перерывов, во время которых, следуя немецкому обычаю, охотники, замаскированные дикими, с венком на голове и кушаком из дубовых листьев, укладывали перед павильоном убитую дичь. Императоры, Короли и принцы в 4 часа пополудни покинули Этtersбург и вернулись в колясках в Веймарн, где торжества продолжались. В окрестностях Апольда была устроена для Высоких гостей большая охота, доставившая им большое удовольствие.

"16-го Октября, в 9 час. утра Его Величество Император Александр покинул город Веймар". (Beschreibung der Feierlichkeiten, welche bei Anwesenheit von Ihro Majestätten der Kaiser Alexander und Napoleon und mehrerer gekrönten Häupter in Weimar und Jena am 6n und 7n October 1808 von Sr. Durchlaucht dem Herzoge Carl August von Sachsen-Weimar veranstaltet wurden).

11 В документах 1805 года встречается любопытное известие: на лето этого года Придворная птичья охота вновь была вызвана из Москвы в Петербурге. Это обстоятельство позволяет думать, что в то же время производились в окрестностях С.-Петербурга и охоты особ царствующего Дома с ловчими птицами (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 20).

Летом 1808 года Придворная птичья охота была вытребована из Москвы в Петербург и направлена оттуда в город Павловск, в летнюю резиденцию вдовствующей императрицы Марии Феодоровны (там же, оп. 2/1001, No 35).

В документах 1809 г. встречаем известия: "Однажды было отправлено 58 служителей на осоку

для принятия медведей, лежащих в островах Гатчинских".

В летнее и осеннее время неоднократно производились выезды на поля со птичьей и псовой Придворными охотами. При деревне Шушары имелись казенные, ведомства Придворной охоты, шалаши для стрельбы тетеревей (там же, оп. 2/1001, № 42).

На лето 1810 года Придворная птичья охота вновь вызывалась из Москвы в Петербург (там же, оп. 2/1001, № 47).

9 октября. Гатчина. "В Пятницу, в 12 час. пополудни, Ее Императорское Величество (вдовствующая Императрица Мария Феодоровна) с Ее Императорским Высочеством Великою Княжною (Анною Павловною) в коляске, а Их Императорские Высочества Великие Князья (Михаил Павлович и Николай Павлович, а также, вероятно, присутствующий в то время в Гатчине принц Павел Вюртембергский) верхами изволили от дворца выехать иметь на охоту заячей травли, и быв при том сопровождаемы на линиях и верхами ж состояющими Высочайшую свиту особами обоего пола, а в половине 4-го часа возвратились обратно во дворец".

В этот день в числе приглашенных во дворец к обеденному столу находились: обер-егермейстер Нарышкин и егермейстер граф Головкин (там же, оп. 2 8/1618, № 104).

9 октября 1815 года. Суббота. Гатчина. "Пополудни в половине 1-го часа Ее Императорское Величество с фрейлиною Дивовою изволила выход иметь, пешком прогуливаться по саду, а от зверинца в коляске проезжать до имеющегося, расстоянием в четырех верстах от Гатчины, казенного дома, жительством занимаемого егерем Юньюсом, откуда в исходе 3-го

часа и благоволила возвратиться обратно" (там же, оп. 2 8/1618, No 108).

В том же источнике за 1818 год читаем: 20 июня. Четверг. Царское Село. Вечер. "40 минут 8-го часа Высочайшая фамилия соблаговолила поехать в сад к птичному двору в дрожках: Его Величество Король (Прусский) с Императрицею Елисаветою Алексеевною, Государь Император с Великою Княгинею Александрою Феодоровною (супруга Вел. Князя Николая Павловича), Великий Князь Николай Павлович с Наследным Принцем Вильгельмом, Принц Мекленбургский с Гессен-Гомбургским, в сопровождении свиты Их Величеств и Их Высочеств обоего пола особ, также и прусских кавалеров, в линейях" (там же, оп. 28 1618, No 113).

В документах 1820 года имеется известие, что в это время в лесу при деревне Шушары был вновь отстроен распоряжением Придворной охоты шалаш для стрельбы тетеревей. Шалаш был бревенчатый, теплый, круглой формы и обставлен кругом "чучельными шестами". Его сооружение обошлось в 1200 рублей (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 105).

Из того же источника за 1820 год находим заметки: Мая 15. Гатчина. "В Субботу, пополудне в исходе 1-го часа, Ее Императорское Величество (Императрица Мария Феодоровна) с фрейлиной Дивовой соизволила выезд иметь в карете в воспитательный дом, из сего в больницу одного и в городскую богадельню, а оттуда прогуливаться по зверинцу и в три часа пополудни ж соблаговолила возвратиться во дворец" (там же, оп. 2 8/1618, No 118).

12 В оставленных императрицею Александрою Феодоровною (супругою Николая Павловича) воспоминаниях, касающихся, к сожалению, лишь

первых годов ее пребывания в России и заканчивающихся 1820 годом, читаем под 1818 годом нижеследующее интересное свидетельство: "Мамап (вдовствующая императрица Мария Феодоровна) разрешила своему сыну (Николаю Павловичу) провести несколько дней в Гатчине для охоты. Мы с радостью приготовились воспользоваться этим позволением и провели в Гатчине время весьма приятно, в тесном кружке, который составляли Обер-Церемонимейстер князь Яков Лобанов, сын его, флигель-адъютант князь Александр Лобанов, граф Рибопьер и наш маленький Аничковский двор. Мне чрезвычайно понравилась эта жизнь в загородном замке и охота; все были веселы, любезны, каждый по своему, разговорчивы, и все расстались довольные друг другом" ("Русская старина" за 1896 г., т. LXXXVIII, стр. 45).

Надо полагать, это были первые осенние зверовые охоты Николая Павловича в гатчинских охотничьих угодиях, весьма понравившиеся великому князю и побудившие его по вступлении на престол почти ежегодно посвящать, как увидим ниже, по несколько осенних дней развлечению охотою. Последнее обстоятельство совершенно определенно указывает, что свидетельства многих современников о нелюбви Николая Павловича к развлечениям охотничьего характера нельзя признать вполне правильными, в особенности ежели принять во внимание замечку императрицы Александры Феодоровны: "Мой муж и Михаил (Павлович) ненавидели Гатчинский дворец, вспоминая проведенные в нем скучные зимы 1810, 1811 и 1812 годов, посвященные исключительно воспитанию" (там же, стр. 55).

13 В воспоминаниях почетного лейб-хирурга Дмитрия

Клементьевича Тарасова, между прочим читаем:

Царское Село. Государь рано утром "выходил в сад, через собственный выход, в свою аллею, из коей постоянно направлялся к плотине большого озера, где обыкновенно ожидали его: главный садовник Лямин и все птичье общество (до сотни лебедей, а также гуси и утки), обитавшее на птичьем дворе, близ этой плотины. К приходу Его Величества птичники обыкновенно приготавливали в корзинах разный для птиц корм. Почувяв издали приближение Государя, все птицы приветствовали его на разных своих голосах. Подойдя к корзинам, Его Величество надевал особо приготовленную для него перчатку и начинал им сам раздавать корм" ("Русская старина", т. IV, 1871 г., стр. 636).

Тот же автор сообщает: "Во время пребывания Государя в Инсбруке (поездка Александра Павловича на Веронский конгресс в 1822 году) была открыта гимназия для стрельбы в цель. Для состязания туда собрались все наилучшие стрелки из всего Тироля. На сей конец от правительства назначены были различные и значительные призы, которые выдавались в награду тем из стрелков, которые могли выполнить все условия, в программе изложенные. Государь сам стрелял в цель и получил приз" (там же, стр. 601).

14 30 декабря 1796 года был высочайше утвержден следующий новый штат Императорских охот, заимствуемый нами из докум. 1798 года:

- 1) оберегермейстер с жалованьем 4188 руб.,
- 2) егермейстер с жалованьем 2532 руб.,
- 3) унтер-егермейстер с жалованьем 500 руб. и на мундир 100 руб. 55 коп. в год.
- 4) *При конторе:* а) казначей с жалованьем 450 руб. да ежегодно 3 сажени дров; б) регистратор с

жалованьем 151 руб. да 1 1/2 саж. дров; в) "при отправлении при конторе письменных дел" один чиновник, получавший по этой должности 150 руб. в год "за обревизование вступаемых по Обер-Егермейстерскому ведомству счетов" – 100 руб. да "за должность при Петергофских зверинцах смотрителя" 150 руб., а всего 400 руб. и 3 сажени дров в год.

5) *При егерской команде:* а) биксен-шпаниер с жалованьем 200 руб. и на мундир 108 руб. 87 коп. в год; б) чиновник "на егерской вакансии в Гатчине, при лесах", с содержанием в 100 руб. в год (надворный советник Василий Толкачев); в) кречетник (Иван Кузин) с жалованьем в 100 руб. да 1 1/2 саж. дров; г) обер-ферштер (Антон Гундиус, ? сентябрь 1798 года) с жалованьем в 100 руб.; д) 9 человек егерей (из них пятеро с биксен-шпаниером в Гатчине), каждому жалованье 100 руб., на мундир (ливрея и сюртук), на рабочую одежду и корм собственным легавым собакам 125 руб. 76 1/2 коп.; е) 12 человек егерских учеников с жалованьем каждому по 36 руб., да из них двум "из магазин-вахтерского оклада добавочных" по 30 рублей; кроме того, егерским ученикам на ливрею и сюртук и на рабочую пару по 89 руб. 71 1/2 коп., муки ржаной 10 четвертей, круп и четверть, дров 1 1/2 сажени да на корм собакам по 50 коп. в год; ж) 8 человек птичников с тем же содержанием, как и егерским ученикам. *Примечание:* "егерям и ученикам, кои ходят в стрельбу, производится на корм собакам по 1 рублю в месяц, да муки овсяной по 1 четверику".

б) *При псовой охоте:* а) государев стремянной с жалованьем в 400 руб. да на мундир и сюртук 108 руб. 87 коп. в год; б) двое корытничих с жалованьем в 80 руб. каждому, ржаной муки по 15 четвертей, круп по 2

четверти, дров по 1 ? саж., на мундир, сюртук, обувь и рабочую пару по 121 руб. 76 1/2 коп.; в) 19 человек охотников (из них один в Москве) с жалованьем каждому по 36 руб., муки ржаной по 10 четвертей, круп по 1 четверти, дров по 1 1/2 саж., на мундир, сюртук, обувь и рабочую пару по 121 руб. 76 1/2 коп. в год; г) 6 человек доезжачих с тем же окладом; д) 11 человек выжлятников (из них один в Москве) с тем же окладом; е) 5 человек наварщиков с жалованьем по 36 руб., муки ржаной 6 четвертей, круп одна четверть, дров и 1 1/2 саж.; ж) 8 человек конюхов (из них один в Москве) с тем же окладом; *примечание:* "оним наварщикам и конюхам на постройку одежды по штату суммы не положено, а сказано, что одеваться будут своим коштом из жалованья"; з) кузнец с жалованьем 150 руб. и 1 1/2 саж. дров в год; 1) двое кузнечных учеников с жалованьем по 18 руб., ржаной муки по 6 четвертей, круп по 1 четверти и дров по 1 1/2 саж. в год; *примечание:* "оним кузнецу и ученикам мундиров не положено".

7) *При птичьей охоте* (в Москве): а) статейщик с жалованьем по 179 руб. в год; б) комиссар с жалованьем по 1200 руб. в год; *примечание:* последнему "прибавочных из магазин-вахтерского оклада" по 50 руб. да "из экономической суммы" по 80 руб., муки ржаной 3 куля девятипудового веса, круп 4 четверти и дров 3 сажени; в) кречетник "за писаря" (пропорщик) с жалованьем в 60 руб., муки ржаной 5 четвертей, круп одна четверть; г) 8 человек кречетников (двое губернских секретарей и 6 пропорщиков), из коих 7 человекам по 60 руб., муки ржаной 10 четвертей, круп и четверть и дров 1 1/2, сажени, а 1-му 30 руб., муки ржаной 5 четвертей, круп и четверть и дров 1 1/2 сажени; д) 5 человек

сокольников и и ястребник с жалованьем сокольники – как кречетники старшего оклада, а ястребник – как кречетник младшего оклада; *примечание:* "оним кречетникам, сокольникам и ястребнику, каждому в год на ливрею, сюртук, обувь и рабочую пару" – 121 руб. 76 1/2 коп.; е) клобучечник с жалованьем в 36 руб., муки ржаной 10 четвертей, круп 1 четверть в год (мундира не положено); ж) колоколучник, с тем же окладом содержания; з) 2 ястребника "на конюховских вакансиях" с тем же окладом.

8) "Пожалованных грамотами в разных губерниях кречатых и соколых помытчиков, которые доставляют ко птичьей охоте кречетов и соколов, 125 душ. Со оных помытчиков сбирается подможных денег с каждой души по 2 руб., исключая тех, которые ловят кречетов и соколов, всего с 926 душ – 1852 руб."

9) "При мастерствах из положенной по штату по мастерствам пятисот рублевой суммы": а) волторный мастер с жалованьем в 36 руб., муки ржаной 3 четверти, круп 4 четверика, дров 1 1/2 саж.; б) подмастерье с жалованьем денежным в 30 руб. и хлебных как предыдущему; в) ружейный ученик с тем же окладом; г) седельник с жалованьем в 45 руб., муки ржаной 7 четвертей, круп 1 четверть, дров 1 1/2 саж.

10) "Определяемые по рассмотрению Господина Обер-Егермейстера сверх штата из получаемой на содержание зверинцев суммы 10.000 руб.". *При зверинцах:* А) Петергофе: а) смотритель зверинца (надворный советник) с жалованьем в 150 руб. и 3 саж. дров в год; б) форштмейстер с жалованьем 200 руб. и 1 1/2 саж. дров в год; в) магазейн-вахтер с жалованьем 60 руб., муки ржаной 6 четвертей, круп и четверть, дров 1 1/2 саж. в год; г) писарь с жалованьем 36 руб. деньгами и хлебом – как предыдущему; д) 13 человек

зверовщиков, из коих 10-и человекам 36 рублей, 1-му 24 руб., 1-му 18 руб. и 1-му 12 руб. да, кроме того, 1-му муки ржаной 10 четвертей, круп и четверть, дров 1 1/2 саж., 7-и муки ржаной 6 четвертей, круп и четверть, дров 1 1/2 саж. и 5-и муки ржаной 3 четверти, крупы 4 четверика, дров 1 1/2 саж. Б) Царское Село: а) магазин-вахтер с жалованьем 36 руб. и б) 4 человека зверовщиков с тем же окладом.

11) "Из отпускаемой на содержание слона с прислугою суммы": а) 2 слоновщика, каждому 100 руб., муки ржаной 3 четверти, круп 4 четверика; б) 2 зверовщика, каждому 36 руб., да, кроме того, одному муки ржаной 9 четвертей, круп 1 четверть, а другому муки ржаной 3 четверти и крупы 4 четверика; *примечание*: "оним при слоне живущим служителям дров не производится"; в) выжлятникам с жалованьем 30 рублей; г) птичник с жалованьем 18 руб., муки ржаной 3 четверти, крупы 4 четверика и дров 1 1/2 саж.

12) На содержание *церковного причта*, священника, дьячка и старосты, 400 руб.

13) *При Измайловском зверинце* (в Москве): а) смотритель зверинца с жалованьем 150 руб.; б) кречетник "за писаря" с жалованьем 60 руб., муки ржаной 5 четвертей, круп 1 четверть и дров 1 1/2 саж.; в) писарь с жалованьем 36 руб., муки ржаной 6 четвертей, круп 1 четверть; г) 7 человек выжлятников и 7 человек зверовщиков с жалованьем денежным: выжлятникам по 35 руб., 5 зверовщикам столько же и двум по 18 рублей, а хлебным: выжлятникам и четырем зверовщикам муки ржаной по 6 четвертей, круп по 1 четверти, а трем зверовщикам половина того; всем им по 1 1/2 сажени дров.

За сим сверх штата, за счет экономической суммы,

состояли при Егермейстерской конторе подканцеляристов 3, копиистов 2 и при денежной казне сторожей 4 (Рукопись Имп. охоты).

15 18 декабря 1801 года воспоследовало высочайшее утверждение нового штата Императорских охот одновременно с утверждением новых штатов по всему придворному ведомству. В высочайшем указе, данном в этот день Придворной конторе императором Александром I, оговорено: "Рассматривая приходы и расходы Двора Нашего, по всем его частям и отделениям в особенности, нашли мы везде почти несоразмерное число чинов и служителей, а еще более несоразмерные, излишние и несоответственные прямой надобности расходы, а со оным совокупно – во всех почти частях передержку, превосходящую определенных на то ежегодно в знатном количестве сумм, и проистекшие оттого немалые долги; в каковом уважении и признали за нужно, все вышепомянутые расходы через нарочно учрежденную для того комиссию, во всем их пространстве разобрать и, сообразно правилам, от Нас преподанным, и прямой и существенной надобности, составить новые по Двору штаты".

В новых штатах касательно ведомства Императорских охот читаем:

В числе первых чинов Двора – обер-егермейстер с содержанием в 4188 р.

В числе вторых чинов Двора – егермейстер с содержанием в 2532 руб.

Затем, кроме того, часть обер-егермейстера:

1) Унтер-егермейстер с жалованьем в 1500 руб.

2) На казначея, двух канцеляристов и канцелярские расходы 1000 руб.

3) *Егерская охота:* а) при собственных Его

Величества ружьях биксен-шпаниер с жалованьем 200 руб.; б) 10 человек егерей с жалованьем каждому по 100 руб.; им же на собственных их легавых собак, на овсяную муку и шквару по 20 руб. каждому; в) 12 человек егерских учеников, каждому 36 руб., 10 кулей ржи, 1 четверть крупы; г) 8 человек птичников с тем же окладом; егерским ученикам и птичникам на 20 легавых собак, на овсяную муку и шквару по 10 руб. каждому.

4) *Птичья охота*: а) статейщик с жалованьем 179 руб.; б) комиссар с жалованьем 120 руб.; в) писарь с жалованьем 60 руб., 5 кулей ржи и 1 четверть овса; г) 12 человек служителей: кречетников, сокольников и ястребников, каждому 60 руб., 10 кулей ржи, 1 четверть круп; д) 4 конюха, в том числе клобучечник и колоколучник, каждому 36 руб., 10 кулей ржи и 1 четверть круп.

5) *Псовая охота*: а) государев стремянной с жалованьем в 400 руб.; б) 2 корытничьих, каждому 80 руб., 15 кулей ржи, 2 четверти круп; в) 18 охотников, 6 доезжачих и 10 выжлятников, каждому 36 руб., 10 кулей ржи, и четверть круп; г) 5 наварщиков, каждому 36 руб., 6 кулей ржи и 1 четверть круп; д) у конюхов, каждому 36 руб., 10 кулей ржи и 1/2 четверти круп; е) 1 магазейн-вахтер с жалованьем 80 руб.; ж) 1 писарь – 60 руб., 5 кулей ржи, 1 четверть круп; з) 1 коновал с жалованьем 150 руб.; и) 2 кузнечных ученика, каждому 18 руб., 6 кулей ржи, 1 четверть круп.

Хлебное жалованье, считая рожь по 7 руб. куль, а крупу по 10 руб. четверть, составляло сумму в 6633 рубля. На мундиры 9323 руб. 83 коп. "На дачу умерших обер-офицеров и нижних служителей женам или детям единовременно годового жалованья" – 500 руб.

Лошадей егерских 32, птичьей охоты 10, упряжных 12, псовой охоты 40, "для разных поездок" 6. На фураж, ковку и приобретение лошадей, считая службу лошади в 4 года, а стоимость ее 24 руб. – 11.859 руб. 50 коп.

Собак борзых 20, *гончих* 60, *мордашек* – 10. На их корм, подстилку и приобретение – 1650 руб.

На исправление в охотах чепраков, седел, ружей, рогов и прочих вещей – 1260 руб.

На содержание музыкантской команды и на заведение музыкального инструмента – 500 руб.

Для егерей на дробь, порох и прочие надобности – 1500 руб.

На непредвиденные расходы по птичьей охоте – 2000 руб. и по псовой охоте – 1500 руб.

На содержание зверинцев, потребных зверей и людей при зверинцах – 10.000 руб.

На содержание в Эрмитаже голубей и других птиц – 1200 руб.

Примечание. "В зверинцах излишних, сверх штата, зверей продавать и деньги, получая, иметь для употребления на другие по сей (обер-егермейстерской) части надобности".

Всего ежегодного расхода 55.141 руб. 33 коп., не считая в том числе жалованья обер-егермейстеру и егермейстеру.

За 1801 год сохранился нижеследующий денежный отчет по придворным охотам: *Приход:* остаток от 1800 года – 1483 руб. 35 1/2 коп.; "за Сентябскую 1800 года треть чинам и служителям на жалованье, на покупку собак, музыкальные инструменты и на содержание мастеровых" – 2665 руб. 66 1/2 коп.; по штатному положению и по особым высочайшим повелениям 46.125 руб. 20 1/4 коп.; на обмундирование

9323 руб. 83 коп.; на ремонт лошадей 744 руб.; "незаслуженным зверовщиком Филиповым за дрова" 3 руб. 31 1/4 коп.; всего 60.345 руб. 36 1/2 коп.

Расход: переслано в Москву 1005 руб.; выдано жалованья 14.987 руб. 68 коп.; на обмундировку 6973 руб. 69 3/4 коп.; хлебное жалованье и дрова 9858 руб. 7 1/4 коп.; канцелярские принадлежности 176 руб. 97 коп.; на фураж и ковку лошадей и корм собак 7496 руб. 91 1/2 коп.; на порох, дробь и прочее 371 руб. 12 1/4 коп.; на птичью охоту 502 руб. 50 коп.; на музыкальный инструмент 106 руб. 35 коп.; на корм голубей в Эрмитаже 1649 руб. 58 1/4 коп.; на разные расходы по псовой охоте, как то: молоко и рубцы для щенят, порох для волчьих охот, лекарства и прочее 603 руб. 59 1/2 коп.; на содержание зверинцев: Петергофского, Царскосельского и Измайловского – 8914 руб. 88 коп.; на содержание мастеровых людей 240 руб. 33 коп.; всего 52.886 руб. 69 1/2 коп. Отчет этот представлялся Егермейстерскою конторою в придворную Его Императорского Величества канцелярию (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 5).

В апреле 1802 года обер-егермейстеру Левашову был дан следующий всемилостивейший рескрипт, относящийся к 25 апреля: "Василий Иванович. Приняв за благо представление Ваше о необходимости в Егермейстерской конторе для письмоводства одного секретаря и для обучения егерства и охотничьей должности двадцати служительских детей, Я дал повеление Кабинету отпускать в ведомство Ваше ежегодно на жалованье первому по 750 руб. и на содержание всех последних, полагая в том числе жалованье им, одежду и провиант, по 790 руб. Что принадлежит до дров для отопления казенных квартир чинов и служителей оной Конторы и на варение охоте

корму: оные будут отпускаться натурою из Придворной Конторы по 560 сажень в год. Пребываю в прочем Вам благосклонны. Александр" (Сборн. Выс. указ., No 42, Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 6).

Общий приходе сумм Егермейстерской конторы был 64.394 руб. 38 3/4 коп., а расход 64.390 руб. 86 3/4 коп. – за 1802 год (там же, No 9).

Из отчета Егермейстерской конторы за 1804 год значится: 1) Всего в этом году было израсходовано ведомством 59.537 руб. 70 коп. 2) "Ученикам и птичникам, так как и егерям, на кормы собак деньги выдавались только употребляющимся в стрельбу птиц". 3) "Исполняющему должность стрелянного жалованье произведено соответственно трудам его", причем вместо положенных по штату 400 руб. ему выдано лишь 297 руб. (там же, No 19).

По придворным охотам было израсходовано: за 1808 год – 57.223 руб. 29 1/4 коп.; за 1809 год – 63.950 руб. ассигн.; за 1810 год – 68.236 руб. 43 коп. ассигн.; за 1811 год – 73.419 руб. 88 коп. ассигн.; за 1812 год – 64.499 руб. 2 коп. ассигн.; за 1814 год – 72.628 руб. 59 1/4 коп. ассигн., а в 1815 году – 67.874 руб. 13 1/2 коп.; 1816 года – 64.364 руб. 74 коп. ассигн.; 1817 года – 70.045 руб. 85 1/2 коп. ассигн.; 1818 года – 66.022 руб. 76 1/4 коп. и 1819 года – 96.219 руб. 61 1/4 коп.; 1820 год – 79.957 руб. 2 1/2 коп.; 1821 год – 89.825 руб. 53 3/4 коп. ассигн.; 1823 год – 111.554 руб. 3/4 коп. ассигн., не считая в этой сумме двух слонов, на коих было издержано еще 23.853 руб. 75 1/2 коп. ассигн.; 1824 год – 115.139 руб. 89 3/4 коп. ассигн. да на слонов – 31.396 руб. 4734 коп. ассигн.; в 1825 году – всего, вместе с содержанием одного слона, – 99.504 руб. 77 1/4 коп. ассигн. (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, NoNo 35, 42, 47, 60, 66, 71, 73, 78, 91, 94, 98, 105, 109, 118,

122 и 133).

16 К 1805 году относится нижеследующая ведомость зверей, содержащихся в Московском Измайловском зверинце: 1) Немецких оленей: старых самцов 19 и старых самок 27; молодых, роду 1802 года – 9, роду 1804 г. – 10. 2) Сибирских оленей: старых самцов 25 и старых самок 20; молодых, роду 1802 года – 10 и роду 1804 года – 13. 3) Американских оленей: старых самцов 111 и старых самок 137; молодых, роду 1802 года – 17 и роду 1804 года – 24.

С палых оленей снимались кожи и рога и хранились при зверинце (Арх. Упр. Имп. ох., No 3/55).

В то же время в Императорской птичьей охоте в Москве состояло (к 1 июля): кречетов дикомытей 1, кречетов молодиков 5, челигов кречетых молодиков 1, соколов дикомытей 6, соколов вешняков 2. При охоте этой содержались также "для справки кречетов и соколов воронки и вороны" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 20).

К 1-му же июля в Московской псовой охоте числилось: собак "заводных": борзых 6, гончих 21 (в июне околело 17 гончих собак и поступило 9 от коллежского советника Павлова); "молодых": борзых 2, гончих 35, помета 1804 года и щенков борзых 4 (в июне околело от чумы 6) и гончих 18 (в июне околело от чумы 27). (Там же).

К 1 декабря 1808 года в Москве состояло: при птичьей охоте – кречет дикомыть 1, кречет молодик 1, челигов кречетых молодиков 3; при псовой охоте – гончих 36; при Измайловском зверинце – оленей немецких 35, оленей сибирских 28, оленей американских 230 (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 36).

К 1 января 1812 года при московских охотах

состояло: при птичьей охоте – кречетов молодых 2, челигов кречетых молодых 2, соколов дикомытей 1, соколов вешняков и, ястребов дикомытей 1. При псовой охоте – гончих, "употребляющихся в гоньбу", 44 и щенков 53. В Измайловском зверинце – оленей немецких 27, оленей сибирских 41, оленей американских 107 (22 оленя были проданы живьем в декабре 1811 года). (Там же, No 59).

К июлю 1813 года относится известие, что в Московской псовой охоте состояло гончих, "употребляющихся в гоньбу" – 3, гончих помета 1811 года – 5, помета 1812 года – 1, помета 1813 года – 7; в Измайловском же зверинце оленей немецких 3, сибирских ни одного и американских 23. При птичьей охоте, кажется, не имелось ни одной ловчей птицы (Арх. Упр. Имп. ох., No 7/249). Сопоставление приведенных данных о состоянии московских охот до падения Москвы и после изгнания французов заслуживает особого внимания.

В декабре 1818 года при московских охотах содержалось: при псовой – гончих старых 17, молодых 20, борзых старых 7, молодых 9; при Измайловском зверинце – оленей самцов и самок, старых и молодых: немецких 3 и американских 12.

При птичьей охоте показано содержавшимися лишь 2 лошади (там же, No 1/392).

17 В январе 1828 года главнокомандующий Кремлевскою экспедициею князь Н. Б. Юсупов сообщил управляющему Московскими охотами о высочайшем повелении, "чтоб имеющиеся в Москве ведения Обер-Егермейстерского Семеновский казенный потешный двор со всею к нему принадлежащею землею, за исключением той земли, застроенной в Сокольничьей слободе под домами

служащих чиновников в ведении Обер-Егермейстерском, также и Измайловский зверинец с имеющимся при нем строением", передать в ведомство Московской Кремлевской экспедиции (при этом следует иметь в виду апрельский указ 1826 года об упразднении птичьей охоты, который был приведен в исполнение в 1828 году).

Измайловский зверинец был передан Егермейстерским ведомством Кремлевской экспедиции в совершенно ветхом виде: "наружная ветхая городьба, на столбах с перекладинами и к оным в два ряда жердями на перекос стоймя забранная, – вся упала и местами выбрана"; почти все административные строения частью "згнили", частью "в ветхом положении"; внутри зверинца "зимовой двор для Американских оленей" с городьбою, как и кругом всего зверинца, а также с навесом, в коем были устроены ясли, – "згнил"; там же сенной сарай, бревенчатый, крытый тесом, с дощатым полом, – "згнил"; возле двора дневальная изба – "згнила и развалилась"; "псаренный двор, огороженный в столбы досками", с тремя "денниками, крытыми палубником", да второй "псаренный двор", также с дощатым в столбы забором, "с избою для варения собакам навары" – "в самом ветхом положении" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 143).

12 января 1797 года "находящимся при собственных Его Императорского Величества делах" действительным статским советником Дмитрием Прокофьевичем Трощинским объявлено высочайшее повеление: Руст-камеру, находившуюся до того времени в ведении Обер-егермейстерского корпуса, "отдать в ведомство находящегося при Кабинете Его Императорского Величества Генерал-Поручика и

Кавалера Василия Степановича Попова" (Рук. Сборн. Выс. указ., No 9).

1803 года Царскосельский зверинец был передан из Егермейстерского ведомства в ведомство Государственных имуществ.

9 ноября этого года обер-егермейстер Левашов получил следующее письмо (подпись на письме крайне неразборчива), писанное по поручению министра финансов Алексея Ивановича Васильевича: "В отведенном для практического лесного училища Царскосельском зверинце находятся олени, коих предположено уже вывести; и как теперь настoit то удобное время, в которое можно их переловить, то покорнейше прошу Вашего Высокопревосходительства о выведении оных оттуда, кому следует, дать ваше приказание" (Рук. Сборн. пис. и отнош. знач. особа, No 54).

9 августа 1798 года последовало высочайшее повеление о постройке в Петергофском зверинце амбаров и сараев для хранения фуража и провианта Кирасирского полка (Рукоп. сборн. Высоч. указ., No 14).

9 апреля 1823 года "Государь Император Высочайше повелеть соизволил: находящийся подле Английского сада в Петергофе малый зверинец с имеющимся в нем строением передать в ведомство Петергофского Дворцового правления для присоединения его к саду, переведя из него оленей и буйлов в большой зверинец" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 119).

1817 года в Петергофском зверинце выстроен домик "для загона в зимнее время оленей" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 91).

18 К началу февраля 1797 года относится

всеподданнейший доклад обер-егермейстера князя Голицына, в котором читаем: "На содержание слона, двух слоновщиков, и на строение для него сарая принято по Именному указу прошлого 796 года 3489 руб. 3 1/4 и коп., которая (сумма) поныне еще употребляется, но иной в штате не положено, то на предбудущее время откуда на содержание его назначена будет сумма, которой по уменьшению против прежнего его оклада (с) содержанием при нем двух слоновщиков, с ним приехавших, нужно до 1500 руб. в год".

На этом месте доклада положена рукою Трощинского следующая, по высочайшей воле, резолюция: "Не уменьшая содержания слону, когда выйдет отпущенная сумма, подать записку, сколько потребно на год денег, и тогда об отпуске оных повеление дастся" (Рук. сборн. Высоч. указ., No 14).

12 февраля 1816 года князь Александр Голицын писал обер-егермейстеру Нарышкину: "Государь Император, рассмотрев всеподданнейший доклад Вашего Высокопревосходительства об отпуске суммы на содержание двух приведенных из Персии слонов, хотя и находит, что сумма, на них требуемая, чрезмерно велика, но до будущего распоряжения Высочайше повелел: производить из Государственного Казначейства на содержание их с того времени, как они поступили в ваше ведомство, по 1905 руб. 45 коп., и каждому персиянину на жалованье по сту рублей, возложив впрочем на Вас, Милостивый Государь, уменьшение сего расхода, елико возможно".

Этим двум слонам ежедневно полагалось корма: 4 пуда пшеничных хлебов, 6 фунт. масла коровьего, 10 фунт. меду, 2 фунта сахару, 10 пуд. сена, 5 пуд. соломы, пряных кореньев на 5 руб., на дрова 1 руб. 50

коп., на наем 2-х работников 2 руб., на свечи и масло 1 руб., на непредвиденные расходы 1 руб. 66 1/2 коп. (Рук. сборн. Выс. пов., No 75).

13 февраля 1823 года обер-егермейстер Нарышкин писал князю Петру Михайловичу Волконскому: "Из состоящих в ведении моем двух слонов, большой самец, бывши несколько времени болен, хотя и начал выздоравливать, но вторично сделался ему припадок, и сего числа издох.

"Покорнейше прошу Ваше Сиятельство доложить Его Императорскому Величеству, не угодно ли будет приказать, по примеру прежнего слона, и сего отдать в кунст-камеру".

Князь Волконский ответил, что предположение Нарышкина высочайше одобрено (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 113).

16 января 1806 года граф Николай Румянцев писал обер-егермейстеру Нарышкину: "На одном из судов Беломорской компании с Новой Земли привезен сюда белый медведь. Государь Император Высочайше повелеть соизволил сообщить Вашему Высокопревосходительству чтобы по начальству Вашему приказали взять онного, как Его Императорским Величеством, в виде приношения, от правления Компании принятого, содержать на Волынском Дворе.

"А прошу Ваше Высокопревосходительство пожаловать, дать, кому рассудить изволите, приказание явиться на Мытный Двор для принятия медведя, ибо там он находится.

"При чем нужным постановляю заранее Вас, Милостивый Государь мой, уведомить, что хотя медведь сей еще молод, но весьма сердит, и что люди, кои для принятия онного присланы будут, должны не иначе взяться за него, как со всею возможною

осторожностью, и что это заметить им непременно следует" (Рук. сборн. Высоч. ук., No 56).

По принятии этого медведя его содержали при псовой охоте, в особо для того устроенном "магазинке", причем во время болезни продовольствовали его хлебом (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 22).

В 1808 году на Каменном острове содержалась "лошачиха", за которую ходил придворный охотник Вешняков (там же, No 35).

В 1816 году при Императорской псовой охоте содержался живой барс и для егерской охоты был приобретен "брузборт" за 200 руб. (Арх. Упр. Имп. ох., No 7/357).

19 28 января 1820 года граф Михаил Андреевич Милорадович писал обер-егермейстеру Нарышкину: "По заключению Комитета, Высочайше учрежденного о построении тюремного здания в С.-Петербурге, предоставлено мне вытребовать откуда следует планы перестройкам, кои, сколько известно, предполагались в Чесменском дворце для помещения Егермейстерского ведомства, и оные доставить в Министерство Внутренних Дел для соображения". Поэтому Милорадович просил Нарышкина доставить ему помянутые планы и сообщить ему, "когда именно будут в Чесменском дворце учинены все распоряжения к перемещению Императорской охоты, дабы потом, по заключению помянутого Комитета, немедленно было приступлено к переводу оной, а место Волынского двора обращено в ведомство Комиссии, коей построение тюремного здания поручено будет".

Нарышкин отвечал на это, что "хотя угодно было Его Величеству объявить мне изустно Высочайшую волю о переводе ведения Егермейстерского в Чесму, но, на каком положении, не имею я доныне о том

Высочайшего указа; поелику же при Чесменском дворце положен особый придворный штат, находящийся под ведением гоф-интендантской конторы и состоящий из гоф-фурьера, камер-лакея, двух лакеев и четырех истопников, кои занимают существующие там строения, равно как и дворец отданы для помещения ведения моего служителей мне не известно, а потому и не мог я поныне приступить к составлению плана и сметы на потребные там перестройки; когда же получу Высочайшее о том повеление, в то же время, сообразя все сие, не премину я поднести план на Высочайшее утверждение и Вас о том известить".

Проект означенной перестройки Чесменского дворца тогда же было высочайше повелено составить архитектору статскому советнику Стасову, которому обер-егермейстер Нарышкин препроводил для соображения следующую ведомость: для конторы 3 комнаты, для казны — 1, под архив — 1, для приезда обер-егермейстера — 3, для унтер-егермейстера — 4, для правителя канцелярии — 3, для управляющего охотами — 3, для биксен-шпаниера — 2, для государева стремянного — 2, для казначея конторы — 2, для комиссара — 2, для "трех должностных помощников" — 3, для приезда сокольников — 2, для музыкантской школы — 1, для капельмейстера — 2, для мастерских медника и оружейника с помещением их — 4; сарай для двух слонов с помещением для двух слоновщиков и четырех служителей; птичник для содержания живых птиц; кузница; три магазина для вещей, овса и сена; конюшня на 100 лошадей; сарай для экипажей; 37 комнат для нижних служителей (136 человек), 2 комнаты под лазарет на 12 кроватей, 2 комнаты для лекаря; 3 двора для собак гончих, борзых и молодых со

псарными для них избами; 2 избы для дневальных и для грения навары; сарай для разных зверей. Все эти помещения долженствовало обнести оградой, канавками с устроенными через них мостиками, а на псарных дворах устроить пруды (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 99).

Предположение о переводе Императорской охоты в Чесму приведено в исполнение не было, но по каким причинам – нам неизвестно.

20 10 ноября 1824 года обер-егермейстер Нарышкин доносил князю П. М. Волконскому: "По долгу управления моего ведением Обер-Егермейстерским, о состоянии оного, для доклада Его Императорскому Величеству, имею честь сообщить, что ведения моего чиновники и служители (во время наводнения 7 ноября того года) все спаслись и с их семействами, также имеющиеся казенные деньги; из охот же семь лошадей и малое число гончих собак утонули; равно принятые от Придворной Конторы дрова однополенные до 400 сажень водою унесены.

Строения, по ветхости своей через 60 лет от постройки едва существовавшие, будучи затоплены более 2 1/2 арш., хотя, сверх ожидания, и остались на месте, но к поправке оных я не имею ни малой надежды, потому что остались одне гнилые стены, кроме четырех домов, для коих также необходима вся внутренняя переделка. Псарные дворы и к оным принадлежности, конюшни, наличные и внутренние заборы, мосты и вообще все разрушено до основания.

"По сему случаю, решился я для чиновников и служителей нанять вольные квартиры, а что найду в возможности поправить на Охотном дворе. Хотя на сие и нет у меня положенных по штату сумм, но в течение управления моего имею остаточные деньги от

пенсионеров и сбереженные экономией от содержания слонов, то при таком несчастном случае, не обременяя Государя Императора испрошением особой суммы, покорнейше прошу Ваше Сиятельство испросите Высочайшее Его Императорского Величества соизволение, чтобы на сей предмет, равно и на испрошение пострадавшим от несчастия чиновникам и служителям потерю бедного своего имущества означенные остаточные от пенсионеров и содержания слонов деньги употребить".

Означенных выше остаточных денег состояло к тому времени 24.785 руб. В дополнение к изложенному Нарышкин 21 того же ноября донес: "Нанял я вольных квартир в месяц на 420 руб.", а помещения Охотного двора, "кои остались хотя мало способными, оных поправляю починкою печей и полов, равно весь двор обношу заборами, каковых оказывается по обмеру до 250 сажень, к коим нужны пять мостов, а также конюшню и псарные дворы, как самые необходимо нужные, уже исправил; и еще сарай, в коем содержится слон, и по Фонтанке тротуар; на что, по предположению моему, потребна будет сумма до 6000 руб."

Указывая далее, что на приобретение, взамен унесенных водою, дров потребуется до 2200 руб., Нарышкин продолжал: "В Петергофском зверинце наличный по большой дороге полисад, мерою 450 саж., который поделкою обошелся в 1819 году в 6000 руб., весь без остатка бурею разломан; равно как и с прочих трех сторон двуколенная городьба не менее как на 400 саж. сломана".

На исправление всех этих повреждений исчислялась сумма в 16.000 рублей.

23 тоже ноября на имя обер-егермейстера

Нарышкина был дан следующий рескрипт: "Дмитрий Львович. По представлению Вашему, Я дозволяю Вам роздать чинам и служителям ведения Егермейстерского, потерпевшим от бывшего наводнения, назначаемые Вами 14.850 руб. из остающихся по ведению Вашему сумме от пенсioнов служителей и от содержания слона, и исправить на счет сих же сумм поврежденные бурею на егерских дворах строения и все, что Вы находите необходимо нужным. Пребываю к Вам благосклонный Александр".

На следующий день министр Императорского двора сообщил Нарышкину: "Препровождая при сем для сведения Вашего Высочайшего повеления, копия Высочайшего повеления, объявленного мною Господину Действительному Тайному Советнику графу Гурееву, об отпуске Вам из Кабинета 6067 руб., недостающих в число 16.000 руб., предполагаемых Вами на исправление разных строений на Егерских дворах и на прочие необходимые надобности, и изъясненные в отношении Вашем ко мне от 21-го сего Ноября, я имею честь вместе с тем сообщить Вашему Высочайшему повелеванию что Государь Император Высочайше повелевает Егермейстерские строения исправить как можно поскорее, дабы для служителей не нанимать квартир по напрасну" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 120).

21 В августе 1829 года в Петергофе проживал персидский принц Хозрев-Мирза, которому доставлялись различные увеселения. В камер-фурьерском журнале этого года читаем: 3 августа, в субботу: "По полудни в 5 часов, Его Высочество Персидский Принц, с Генерал-Адъютантом графом Сухтеленом, в дрожках, в сопровождении на двух линейках свиты Его, выезд имел для обозрения

Петергофской бумажной фабрики, где находился Министр Двора князь Волконский. Потом с вышеписанными особами и с Министром поехали на охоту стрелять до собственной (подразумевается Собственная Его Императорского Величества, то есть Александрия) дачи. После того возвратился в дрожках в дом своего проживания" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 138).

22 В камер-фурьерском журнале за 1831 год находим следующее любопытное известие:

Сентября 29. Вторник. Гатчина.

"10 минут 1-го часа Его Величество с Министром Двора князем Волконским и Генерал-Адъютантами Васильчиковым, графом Чернышевым, Храповицким, графом Орловым и Адлербергом выезд имели в Сильвию на охоту, куда также прибыть изволила, в английской коляске, Государыня Императрица с фрейлиною Вильдермет, графинями: Бобринскою и Виельгорскою, в последовании, в других экипажах, фрейлин и прочих особ. И, пробыв несколько при зрении охоты, отъехать изволила в ферму, где Ее Величество имела, в пятнадцати персонах, горячий фрыштык; и после сего возвратились с теми же особами на охоту, а по окончании оной, в половине 3-го часа, прибыть изволила во дворец.

"Государь Император фрыштыкать не изволил, а проводил все время охотою, и после оной с Министром Двора князем Волконским возвратился во дворец пеша 15 мин. 4-го часа". Все лица, участвовавшие на этой высочайшей охоте, были приглашены во дворец к обеденному столу (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 140).

Сентября 30. Среда. Гатчина.

"15 минут 1-го часа Его Величество, с Принцем

Ольденбургским, Министром Двора князем Волконским, Лейб-Медиком Виллие и Камергером графом Виельгорским, изволил в линей, в сопровождении в других экипажах знатных особ, выезд иметь в Пеарад (Приорат) и заниматься там охотою, куда перед тем прибыл также и Государь Наследник, с генерал-майором Мердером.

"45 минут 3-го часа Ее Величество (Александра Федоровна) с фрейлиною Вильдермет, графинями: Бобринскою и Виельгорскою, изволила выезд иметь в Ландаве (ландо) в Пеарад (Приорат) в земляной домик, куда перед тем прибыли с охоты Государь Император с Государем Наследником и прочими особами, где Их Величества и изволили кушать горячий фрыштык в двадцати персонах и после того возвратились в разных экипажах во дворец 30 мин. 4 часа" (там же).

По поводу тех же охот в записках К. К. Мердера читаем:

29 сентября. Вторник. "В 3 часа приехали в Гатчино. Его Величество Государь Император только что вернулся с оленей охоты, бывшей в парке. Чтобы воспользоваться остальною частью прекрасного дня, мы предприняли охоту на уток, которых множество на озере, в саду; но так как они были напуганы, то нам удалось найти только одну на берегу, раненную Государем Императором, и которая всетаки нам наделала много хлопот. Не смотря на неуспех охоты, прогулка нам показалась приятною" ("Русская старина" за 1885 г., т. XLVI, стр.

30-го сентября. Среда. "В 12 часов Его Высочество был с Государем Императором на охоте за зайцами; по причине ужасной погоды травили всего только два раза и взяли трех зайцев. Участвовавшие в охоте и Государыня Императрица со всеми дамами и

фрелинами прибыла в Приорат, где был приготовлен завтрак. Дурная погода была скоро забыта; все были весьма веселы и много смеялись. Его Высочество и его товарищи были приглашены к столу Их Величеств. После обеда катались с деревянной горы и страшно шумели. После 7 часов мы оставили Гатчино и в 9 часов прибыли в Царское Село" (там же, стр. 507).

В камер-фурьерском журнале за 1832 год имеется свидетельство:

Июля 19. Вторник. Петергоф. Утро. "В 11 часов Ее Величество (Императрица Александра Федоровна), с принцем Прусским (Вильгельмом) из Александрии, в английской коляске, прибыла в большой дворец и через несколько времени, с принцем Прусским и фрейлиною княжною Щербатовой, отбыть изволила в фэтоне к Бабьему-гону на поле, где изволила смотреть на охоту, и возвратилась к себе" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 141).

2 июня. 1833 г. Пятница. Петергоф. "Государь Император один в коляске выезд имел из большого дворца несколько прогуливаться по саду и проезжать для обозрения работы в зверинец" (Там же, No 142).

11 августа. Пятница. Петергоф. "В половине 12-го часа Государь Император с Ее Величеством Государынею Императрицею в коляске выезд имел в большой зверинец, что противу дачи Александрии, где Их Величества изволили осматривать вновь делающиеся садовые дороги и по некотором времени возвратились в дачу Александрию" (там же).

3-го октября. Вторник. Гатчина. "25 минут 1-го часа, Их Величества верхами, в последовании верхами ж и в разных экипажах бывших вчерашнего числа за ужином особ обоего пола (Великий Князь Михаил Павлович, фрейлины: графиня Тизенгаузен,

Шереметева, Щербатова, Бороздины 1-я и 2-я и баронесса Фридерикс, супруга Шталмейстера барона Фридерикса, Министр Императорского Двора князь Волконский, Обер-Церемониймейстер граф Воронцов-Дашков, граф Виельгорский 1-й, Генерал-Лейтенант Захаржевский, генерал-майоры Рооп и Жадовский, флигель-адъютанты Безобразов, Крузенштерн, граф Гейден и Моллер, адъютант Его Высочества Грессер и отставной полковник Шебашев), выезд имели в ферму, где изволили кушать горячий и холодный фрыштык. После сего Его Величество, с особами мужского пола, проезжали верхами в садовую Сильвию, где изволил стрелять напущенных из зверинца оленей и диких коз. Потом Их Величества с особами возвратились верхами в 3-м часу пополудни" (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 9/645).

23 В камер-фурьерском журнале за 1834 год читаем:

13 августа. Понедельник. Петергоф. "В 12-м часу утра Его Величество выезд имел один, в коляске расстоянием от Петергофа 12-ти верст, по дороге от Бабьего-гона, где и изволил присутствовать при звериной охоте, а по окончании оной возвратился обратно в дачу Александрию" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 143).

Охота эта произведена была у деревни Виноне-Гон. В ней, кроме Придворной охоты, принимали участие 170 человек солдат-загонщиков, кои получили награды по 50 коп. на человека (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 9/645).

Под 16 августа того же года (четверг). "В этот день Их Величества с Великою Княжною Александрою Николаевною отбыли в 12-м часу утра из Петергофа в Ораниенбаум для посещения Великой Княгини Елены Павловны. Из Ораниенбаума Императрица

отправилась обратно в Александрию, а Государь Император проезжал оттуда на звериную охоту и после того возвратился в коляске в дачу Александрию" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 143).

7–10 июля 1835 года. Придворная охота в числе 26 служителей и 2-х чиновников, при 44 собаках, вероятно, гончих, была командирована в город Гатчино для устройства охоты на оленей для государя императора (Там же).

16-го июня 1839 года. Пятница. Петергоф. "В 7 часов пополудни Их Величества с Ее Высочеством Великою Княжною Мариєю Павловною, в яхтвагене, выезд имели в старый зверинец, где на островке изволили, с Герцогом Лейхтенбергским и свитою обоего пола особ, кушать чай и оттуда выезд иметь на верховых лошадях прогуливаться по саду" (там же, 2 8/1618, No 148).

29-го июля. Суббота. Петергоф. "50 минут 1-го часа Его Величество выезд имел из дворца, в коляске, в Петергофский зверинец, где с Их Высочествами Наследником Цесаревичем, Герцогом Лейхтенбергским (Максимилианом), Принцем Нидерландским (Александром) и Эрц-Герцогом Австрийским (Альбертом), а также некоторыми генерал- и флигель-адъютантами, проживающими в Петергофе, изволил стрелять разных зверей, а после сего Его Величество прибыл обратно во Дворец" (там же, оп. 2 8/1618, No 148).

Октября 21-го 1840 года. Понедельник. Гатчино. "В час пополудни Их Величества с Их Высочествами Наследником Цесаревичем, Великою Княжною Ольгою Николаевною, Принцессою Мариєю и Принцем Александром Дармштадтскими выезд имели, в разных экипажах, в зверинец, где изволили, с составляющими

Высочайшую свиту особами обоего пола, стрелять оленей, после же сего возвратились обратно во дворец в 15 минут 4-го часа" (там же, оп. 2 8/1618, No 149).

Октября 22-го. Вторник. Гатчина. "45 минут 1-го часа пополудни Их Величества с Их Высочествами Государем Наследником Цесаревичем, Великою Княжною Ольгою Николаевною, Принцессою Мариєю и Принцем Александром Дармштадтскими выезд имели, в разных экипажах, в зверинец, где изволили стрелять оленей с особами обоего пола, составляющими Высочайшую свиту. После же сего возвратились обратно во Дворец в половине 4-го часа" (там же).

На охотах этих принимали участие биксен-шпаниер и 26 служителей Придворной охоты, при 20 собаках. По высочайшему повелению чинам охоты было выдано за труды вознаграждение: биксен-шпаниеру 28 руб. 57 1/2 коп. серебром, а каждому из служителей по 2 руб. 85 5/7 коп. (Там же, оп. 2/1002, NoNo 242 и 244).

Летом 1841 года Придворная охота была командирована для устройства высочайших охот, сведений о которых мы не имеем, в Пятигорск (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 7/370).

Августа 5-го. Вторник. Петергоф. "В 12 часов Государь Император выезд имел, в коляске, в английский сад, в Оленью рощу для охоты, в которой участвовали с Его Величеством: Наследник Цесаревич, Великий и Наследный Герцоги Веймарнский, Герцог Лейхтенбергский, супруга Камергера барона Криденера, Министр Высочайшего Двора князь Волконский, Военный Министр князь Чернышев, Генерал-Адъютант князь Лобанов, Генерал-Маиор Будберг, флигель-адъютант Скарятин, Лейб-Медик Арендт, Кавалеры Веймарнского двора Обер-Гофмейстер Гонфгартен, капитан граф Бейст и

Прусские Генерал-Маиоры Вульфен и Раух" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 150).

Октября 21-го. Вторник. Гатчина. "В 12 час. Их Величества с Их Высочествами (Наследник Цесаревич с супругою Мариєю Александровною, Олега и Александра Николаевны, Принцы Петр Ольденбургский и Александр Гессенский) и особами имели в арсенале фрыштык в 59 персонах. После сего, Его Величество с Их Высочествами Государем Наследником Цесаревичем, Принцами Петром Ольденбургским и Александром Гессенским и некоторыми мужеска пола особами, верхами имел выезд в зверинец, где и травили оленей. Возвратились в 3 часа" (Там же).

Октября 22-го. Среда. Гатчина. "В 12 час. Их Величества с Их Высочествами и особами имели в арсенале фрыштык в 60 персонах. После сего Его Величество с Государем Наследником Цесаревичем, Принцем Александром и некоторыми мужеска пола особами выезд имел верхами на травлю оленей, против дворца, на поле, и возвратились в 2 часа" (там же).

В декабре 1841 года управляющий охотами и служители Придворной охоты занимались поисками медведей и затем принимали этих зверей под деревнями Костева и Рудицы.

Достойно замечания то обстоятельство, что в документах встречается прямое указание, что в это же время состоялась высочайшая охота, но где и на какого зверя неизвестно (там же, оп. 2/1001, No 249).

Во всяком случае воздержимся от предположения, что под Костовым и Рудицами охотился государь император или наследник цесаревич. — Николай Павлович, сколько известно, не охотился на медведей никогда, а Александр Николаевич стал увлекаться этого

рода охотою позднее. В записках "охотника-очевидца", некоего А. И. Михайлова, говорится, что наследник цесаревич начал ездить на медведя в конце 40-х годов ("Русск. стар." за 1888 г., т. LXIII, стр. 103).

В августе 1842 года двое служителей Придворной охоты были командированы "в комнаты Государя Императора и Государя Наследника Цесаревича для чистки ружей" (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 9/790).

Октября 19-го 1842 года. Понедельник. Гатчина. "15 мин. 2-го часа Их Величества, Государыня Цесаревна, Великие Княжны Ольга Николаевна и Александра Николаевна выход имели прогуливаться, и потом Государь Император с супругою адъютанта Столыпина изволил сесть в шулеваген, а Ее Величество с Их Высочествами в шарабане проезжали в зверинец и по саду прогуливаться" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 151).

Октября 22-го. Четверг. Гатчина. "В час Его Высочество Государь Наследник Цесаревич выезд имел в санях в зверинец, куда собрались некоторые флигель-адъютанты и занимались стрельбою оленей. Хотя в этот день Государь Император также находился в Гатчине, но на охоте не был. Вероятно, Его Величество отменил охоту по случаю снега" (там же).

8-го июня 1843 года министр Императорского Двора уведомлял обер-егермейстера Васильчикова:

"На сих днях в Александровском парке, в Петергофе видели лося. По всеподданнейшему моему о сем докладу, Государь Император Высочайше соизволил предоставить Государю Наследнику Цесаревичу убить его.

"Вследствие сего, получив разрешение Его Императорского Высочества, что завтра, в 12 час. пополудни, Его Высочеству угодно сделать на него

поиск и охоту, и приказав Унтер-Егермейстеру Павлову приготовить все, что нужно, я поспешаю уведомить о сем Ваше Высокопревосходительство" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 36).

4-го июля того же года князь Волконский снова уведомлял Васильчикова:

"По Высочайшему повелению, прошу Ваше Высокопревосходительство приготовить здесь (в Петергофе), в ремизе, охоту для стрельбы зайцев, куропаток и самцов фазанов, в будущий четверг, 8 числа сего Июля, по утра" (там же).

Июня 23-го. Среда. Петергоф. Вечер. "К 7 час., по приглашению от Ее Величества, собрались в Большой дворец и, по прибытии Их Величеств и Их Высочеств Великих Княжен Ольги Николаевны и Александры Николаевны, проезжали в Английский сад, имели полдник в новом фазаньем домике" (там же).

16-го июля 1843 года состоялась Высочайшая Государя Императора охота в Петергофском ремизе, по окончании которой служителям Придворной охоты была выдана награда в 100 рублей. Такую же сумму получили принимавшие в охоте участие нижние чины военной команды (там же, оп. 3/1002, No 36).

Летом 1845 года для высочайших охот было приказано выпустить с фазанного заведения фазанов в окрестности Петергофа (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 1/1064).

24 Под 9-м августа 1846 года читаем в камер-фурьерском журнале: "Пятница. Половина 1-го часа Его Величество с Их Высочествами (Наследником Цесаревичем, Великими Князьями Константином Николаевичем, Николай Николаевичем и Михаил Николаевичем, Принцами Прусским и Виртембергским, последний наследный Принц Карл,

новобрачный муж Великой Княгини Ольги Николаевны, и Принцем Голштинским) выезд имели в зверинец на охоту" (там же, оп. 2 8/1618, No 155).

Относительно охот этого времени в Петергофе, устраиваемых для принца Виртембергского, встречаем любопытные сведения в автобиографии Гоклендера, известного немецкого писателя, который был секретарем наследника виртембергского престола и находился в свите принца при его поездке в Россию для бракосочетания с великою княжною Ольгою Николаевною: "Однажды была охота на волков и медведя. Звери содержались в больших клетках, вблизи Петергофа. Волки были очень дики, медведь же, не очень большой, сидя на задних лапах "служил" охотно, если ему давали сахар, и позволял гладить себе голову и лапы так добродушно, что мы все были убеждены, что он ручной. На охоте Прусский Принц застрелил его. На другой день я его посетил, и когда он сказал: "Поздравьте меня, я вчера застрелил медведя", то я, смеючись, ответил ему: "Точно так, Ваше Высочество, но зверь был ручной; мы кормили его сахаром и гладили по голове". – Принц, несколько не обидясь, ответил, добродушно смеясь: "Сказать правду, скверно, что меня заставили застрелить ручного медведя, но все знают, что я умею справиться и с диким" ("Русск. стар." за 1879 г., т. XXIV, стр. 338).

Октября 17-го. Гатчина. Четверг. "50 минут 1-го часа Их Величества, Государь Цесаревич, Государыня Цесаревна, Великие Князья (Николай Николаевич и Михаил Николаевич), Великая Княгиня Мария Николаевна и Принц Гессенский имели фрыштык в арсенале в 54 персонах. Потом Его Величество Государь Наследник, Великие Князья и Принц Гессенский, с особами свиты, выезд имели в зверинец

на охоту" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 155).

Октября 21-го. Понедельник. Гатчина. "В 12 час. Их Величества, Государь Цесаревич, Государыня Цесаревна, Великие Князья и Принц Гессенский, с особами, в арсенале имели фрыштык в 60 персонах. Потом Их Величества с Государыней Цесаревной и особами выезд имели в зверинец, где занимались охотою Государь Цесаревич, Великие Князья и Принц Гессенский, с некоторыми особами" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 155).

17-го июня 1847 года. Вторник. Петергоф. Вечер. "Половина 8-го часа приглашены были в дачу Александрию, а оттуда с Ее Величеством, Великою Княгинею Мариею Николаевною, Принцессою Нидерландскою и Принцессою Луизою, выезд имели в Английский сад, в фазанный домик и кушали чай" (там же).

27-го августа. Среда. Петергоф. "Его Величество с Их Высочествами и некоторыми особами выезд имел на охоту в ремиз" (там же).

29-го августа. Пятница. Петергоф. "В час Его Величество с Великими Князьями и Принцем Виртембергским выезд имел на охоту" (там же).

Последняя охота была произведена в Петергофском оленьем зверинце; на ней были, между прочим, пристрелены все живые волки, содержащиеся до того времени на зверовом дворе, в слободе Придворной охоты (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 9/1149).

20-го и 21-го сентября того же 1847 года для принца Виртембергского была устроена Придворною охотою охота на волков у деревень Негодиц и Клотец. Принц "изволил отозваться с большим одобрением вообще о всей охоте и команде и в особенности о наездке гончей стаи" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002,

№ 98).

25 Августа 27-го 1848 года. Петергоф. "Его Величество с Великими Князьями и Принцем Вильгельмом Мекленбургским выезд имели на травлю зверей" (там же, оп. 2 8/1618, № 157).

Октября 28-го. Четверг. Царское Село. "15 минут 11-го часа Его Величество с Государем Цесаревичем, в последовании Великого Князя Константина Николаевича и Принца Гессенского изволили отсутствовать в город Гатчино. По прибытии Его Величество с Государем Цесаревичем изволили осматривать больницу и прочие заведения и также вновь строящуюся в городе церковь и потом прибыли во дворец на кухонный карэ и осматривали вновь приготовленные комнаты. В час Его Величество с Их Высочествами и приглашенными особами выезд имел на ферму на охоту".

Для последней охоты в Гатчину была вызвана вся Придворная охота (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 2 5/1300). Заранее управляющему охотами было объявлено высочайшее повеление о приготовлении всего необходимого для охоты в Сильвии к 11 часам утра 28-го октября и о выпуске туда же не более 30 оленей самцов. На охоте было замечено, что олени бежали весьма плохо, что объяснилось тем обстоятельством, что звери эти были привезены в Сильвию со связанными ногами. Тогда же отдано было приказание принять меры, чтобы на будущее время подобных явлений не обнаруживалось (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, № 120).

1849 года. Июля 4-го. Понедельник. Петергоф. Вечер. "В 7 час. Их Величества и Их Высочества выезд имели прогуливаться и кушали чай на фазанном заведении" (там же, оп. 28 1618, № 160).

Октября 12-го. Среда. Гатчина. "Во 2-м часу Его Величество с Их Высочествами и некоторыми особами выезд имел на охоту" (там же).

1850 года. Августа 16-го. Петергоф. "Полдник Их Величества изволили иметь на фазанном заведении" (там же, оп. 28 1618, No 161).

Имеются сведения, что в этот день государь император присутствовал при охоте и при садке и что после этого служителям Придворной охоты была выдана награда в размере 128 руб. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 1/1345).

Можно предполагать, что государь император Николай Павлович, путешествуя в августе месяце этого года по России, занимался между прочим и охотою: 18-го августа Его Величество приказал привести из Петергофа в Петербург его собак и охотничьи принадлежности (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 6/1439), а 19-го числа уехал в Москву и затем в путешествие по России, откуда вернулся 23-го сентября (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 162).

Проведя конец сентября и всю осень в Царском Селе, надо полагать, Его Величество иногда охотился, хотя сведений об этом в камер-фурьерском журнале и не встречается: находим известие, что осенью государь император вытребовал из Петергофа в Царское Село свою охотничью собаку "Драгуна" (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 6/1439).

3-го ноября. Суббота. Царское Село. "По прибытии Его Величества в Гатчино с Государем Цесаревичем, Великим Князем Николаем Николаевичем и приглашенными особами изволили охотиться. На охоту приглашены были: Обер-Гофмаршал граф Шувалов, Генерал-Адъютант граф Апраксин, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Философов,

Генерал-Адъютант Огарев, Обер-Гофмейстер
Олсуфьев, Обер-Шенк граф Виельгорский,
Шталмейстер Толстой, в должности Егермейстера граф
Ферзен, в должности Церемониймейстера граф
Толстой, Генерал-Лейтенант Люце, Генерал-Маиор
Бетанкур, Генерал-Маиор Герздорф,
Флигель-Адъютант граф Адлерберг, Адъютанты
Цесаревича: граф Ламберт, князь Барятинский и
Мердер" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 162).

26 Рапортом от 15-го августа 1834 года егермейстер Дмитрий Васильевич Васильчиков доносил министру Императорского Двора, что "ныне Государь Император изволит охотиться довольно часто" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 206).

Между 7-м и 10-м числами июля Николай Павлович находился в Гатчине, куда отбыл главным образом для присутствования на войсковых маневрах, производившихся в окрестностях этого города. О высочайших охотах в камер-фурьерских журналах того времени не упоминается (там же, оп. 2 8/1618, No 144).

В промежуток времени между 18 и 25 июля того же 1836 года чиновники и служители Придворной охоты были на оленьей охоте в Гатчине (там же).

Однако по камер-фурьерским журналам этого года о высочайших охотах в Гатчине сведений не имеется, хотя государь император и находился в Гатчине 18–25 июля для присутствования при производившихся там войсковых маневрах (там же, оп. 2 8/1618, No 145).

Хотя в камер-фурьерских журналах и не встречается более сведений о Высочайших Его Величества охотах этого года в Петергофе, но можно утверждать положительно, что охотой 1844 года в октябре месяце не ограничились развлечения подобного характера в бытность Императорской семьи

в названной резиденции: в октябре месяце 1844 года в одном из представлений своих к министру Императорского Двора обер-егермейстер Васильчиков между прочим доносил: "В нынешнем году на Высочайших охотах уничтожено в Петергофском ремизе довольно количество зайцев... В окружности Петербурга так мало зайцев, что когда Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич изволит охотиться, то их почти не находят". (Там же, оп. 3/1002, No 53).

27 В записках воспитателя наследника цесаревича Александра Николаевича, генерал-адъютанта Карла Карловича Мердера, веденных подневно, встречается весьма много заметок об охотничьих упражнениях великого князя-отрока. Заметки эти представляют для нас высокий интерес, ибо дают возможность проследить с самого начала развитие охотничьей страсти в знаменитом венценосном охотнике. Размещая эти заметки соответственно их хронологическому порядку, считаем необходимым оговорить, что первая из них, свидетельствующая об искусности наследника цесаревича в стрельбе, относится ко времени, когда Александру Николаевичу было всего-навсего 10 лет и 3 месяца от роду (Александр Николаевич родился 17 апреля 1818 года).

Под 9-м июлем 1828 г. (понедельник) в записках К. К. Мердера находим заметку, относящуюся к пребыванию наследника цесаревича в Павловске:

"Посетив Ее Величество и их Высочества, мы пошли стрелять в цель. Великий Князь и Виельгорский стреляют изрядно: из десяти выстрелов на пятидесяти шагах расстояния от доски не менее семи попадают в доску; ширина доски 1 1/2 аршина; из числа семи большая часть в цель, имеющую 3/4 аршина в

диаметре" ("Русск. стар." за 1885 г., т. XLV, стр. 361).

В тех же записках за 1829 г. читаем: "Во время заграничного путешествия Наследника Цесаревича и остановки Его Высочества в Антонине у князя Радзивила. 4 Июня. Вторник.

"После обеда все, в сопровождении князя, ездили в зверинец, где видели множество оленей; возвратясь, удиили рыбу" (там же, т. XLVI, стр. 268).

25 июля. Четверг. Петергоф. "Великий Князь до самого вечера не выходил, по причине сильного дождя. В 6 1/2 часов выехал верхом, был на охотничьем дворе, видел, как беззубый бульдог придавил молодого медведя; потом я приказал выпустить зайца, которого две борзые преследовали. Я обещал Великому Князю достать для него борзую собаку" (там же, стр. 481).

Мая 20. Вторник. Царское Село. "Поутру Великий Князь гулял с ружьем по Баболовской дороге; он выстрелил в ворону и перешиб ей крыло; она не могла лететь и осталась на дереве, но когда, добитая другими, упала с дерева, то все от радости прыгали и кричали и в триумфе подняли добычу. После обеда мы снова ходили пешком с ружьем почти два часа" (там же, стр. 498).

Мая 29-го. Четверг. Царское Село. "Вечером (великий князь) гулял пешком по верхней дороге к Павловску, где, как сказывали ему огородники, видят ежедневно в кустах по несколько зайцев, мы много исходили, но наши поиски были напрасны" (там же, стр. 499).

Мая 31-го. Суббота. Царское Село. "Снисходя на убедительную просьбу Великого Князя, мы встали в 5 часов утра и гуляли до 6 час; время было прелестное; признаюсь, я подобного не припомню. Александр Николаевич восхищался пением птичек и сам от

радости плакал" (там же, стр. 499).

5-го июня. Четверг. Царское Село. "Великий Князь Константин Николаевич удивил меня своею смелостию: он несколько раз выстрелил из ружья, нимало не вздрагивая; надо полагать, что шум и дым ему весьма нравились, ибо он беспрестанно твердил: "Дай мне сделать пу и дим!" (там же, стр. 501).

28 18 июля 1832 года, по свидетельству К. К. Мердера, "Великий Князь получил в подарок от Г-на Мантейфеля, главного лесничего в Курляндии, три своры борзых, необыкновенно малого роста, и одну легавую собаку".

Александр Николаевич не замедлил испытать полевые достоинства этих зверей. Под 19 июлем в записках К. К. Мердера читаем: "Вечером были на охоте с маленькими собаками; но она не удалась" (там же, стр. 508 и 509).

17 августа. Среда. Царское Село. "Мы ездили на волчью охоту за несколько верст от деревни Федоровское. Дождь шел все время, и мы промокли до костей, но это не помешало веселиться по причине новости забавы.

"Великий Князь очень горячится на охоте; когда он увидал, что собаки погнались за волком, он не мог удержаться и пустился верхом в погоню" (там же, стр. 513).

20 августа. Суббота. Царское Село. "Великий Князь не хорошо приготовил урок для господина Юрьевича. Его Высочество и его товарищи получили дурные отметки, и Государь Император приказал мне на будущей неделе их на охоту не водить, дабы они не имели развлечения.

"Наказания этого не ожидали, и я заметил, что оно произвело сильное действие на всех троих (Александра

Николаевича и его двух товарищей, вместе с которыми он обучался, Виельгорского и Паткуля).

"Исполняйте обязанности ваши добросовестно, и вы увидите, как вы будете довольны, а следовательно и счастливы.

"Великий Князь мне не отвечал, но мне казалось, что я видел на лице его решение следовать на будущее время моему совету" (там же, стр. 514).

28 августа. Воскресенье. Царское Село. "Мы охотились с маленькими собаками в парке" (там же, стр. 516).

Приводим, мимоходом, любопытную фразу из письма наследника цесаревича Александра Николаевича к его воспитателю, К. К. Мердеру, от 29 апреля 1833 года из С.-Петербурга:

"Костя (которому в это время шел 5-й год) вчера за обедом плакал за то, что голубям в эрмитаже не дают овса, и послал им кусок своего хлеба". Прокорм голубей в Эрмитаже лежал на обязанности Егермейстерского ведомства ("Русск. старина" за 1886 г., т. XLIX, стр. 407).

29 Осенью 1842 г. Придворная псовая охота была командирована в Царское Село в распоряжение наследника цесаревича. Охоты производились в окрестностях Царского Села и Гатчины. По донесению управляющего охотами Коптева, в это время были "частные охоты, сопряженные нередко с большими переходами" (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 8/883).

Заметим кстати, что наследник цесаревич переехал с супругою в этом году из Петергофа в Царское Село 26 июля (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 151).

6 апреля 1843 года обер-егермейстер Васильчиков, донося министру Императорского Двора о необходимости иметь в С.-Петербурге помещение для

приезжающих из Петергофа чинов Придворной охоты и для собак, мотивировал таковую необходимость тем обстоятельством, что "с прошедшего года, каждую неделю, привозят из Петергофа к Государю Наследнику Цесаревичу собственных Его Императорского Высочества собак" (Там же, д. No 4 1/886).

В продолжение лета 1844 года устраивалось несколько охот на волков Придворною охотою для наследника цесаревича: в августе месяце его высочество, "оставаясь весьма довольным многими удачными охотами", поручил обер-егермейстеру Васильчикову исходатайствовать прибавку жалованья вабельщику Придворной охоты Борису (там же, д. No 4 9/975).

Подтверждением того же обстоятельства служит письмо гофмаршала наследника цесаревича Толстого к Васильчикову, от 15 августа 1844 г., в коем, между прочим, читаем: "По повелению Государя Наследника Цесаревича, обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбою, не оставить извещать меня, для доклада Его Императорскому Высочеству, в случае, если будут назначены охоты на волков" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 53).

30 Сентября 14, 1846 г. Суббота. Царское Село. "Десять минут 2-го часа Их Величества, Государыня Цесаревна, Великие Князья Николай Николаевич, Михаил Николаевич и Великая Княгиня Мария Николаевна с приглашенными особами выезд имели в разных экипажах в Царскую Славянку, куда поутру Государь Цесаревич изволил прибыть с приглашенными особами и офицерами Преображенского полка, там находившимися постоем, для охоты.

"Фрыштык Его Высочеству Государю Цесаревичу послан был на 15 персон.

"По приезде Их Величеств в Царскую Славянку, крестьяне оной встретили Их Величеств с хлебом и солью. Также встретили Их Величеств и нижние чины Преображенского полка, в которое время прибыли с охоты их генерал и офицеры.

"За обеденным столом... Его Величество... изволил наименовать Графскую Славянку (как назывался этот пункт до описанного посещения его императорскою фамилиею) Царскою, и пили за здравие шампанское вино" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 155).

31 16-го января 1847 года из С.-Петербурга был послан нарочный в Петергоф, с приказанием немедленно выслать во дворец егеря Придворной охоты Климова, для сопровождения наследника цесаревича на охоту (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 6 9/1179).

Охота, вероятно, происходила 17 января, так как в этот день на собрании в Зимнем дворце присутствовала одна государыня цесаревна, без супруга (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 156).

Надо полагать, это была первая охота его высочества на медведя.

По этому поводу считаем необходимым привести следующие строки "охотника-очевидца" А. И. Михайлова:

"В Бозе почивший Государь Александр II с молодых лет любил охоту на зверей. Родители его были всегда против этого и только вследствие настояния сына с этим помирились.

"Хотя охота была стройная, правильная, всегда обдуманная, основанная на некоторых тактических соображениях и опыте егерей и самого начальства, следовательно, почти всегда безопасная, но, несмотря

на безопасность, все-таки принимались разные меры предосторожности, одной из коих я должен коснуться, хотя для этого и придется вернуться к концу сороковых годов.

"Государь Николай Павлович не любил такой охоты, которую делал Наследник, и никогда не охотился, но все-таки в минуты досуга стрелял оленей в Гатчинском дворцовом парке. При всякой такой, хотя и скромной охоте всегда находился, разумеется, Управляющий зверинцем.

"Раз как-то, за болезнью Управляющего, обязанность его быть при Николае Павловиче исполнял комиссар охоты, впоследствии Унтер-Егермейстер, Иван Васильевич Иванов. Стоя позади Николая Павловича, и как хороший стрелок и страстный охотник, он заметил, что Государь неверно целится; сердце охотника не вытерпело: забыв, что стреляет Государь, он сказал: "Держите ниже!" – Молчать! сказал Государь, не оборачиваясь. Выстрел последовал; олень остался цел. Бежит другой олень, Государь стреляет и тоже мимо; в третий раз Иванов опять не вытерпел, опять заметил: "Держите ниже и правей".

– Молчать! повторил с сердцем Государь.

После охоты Государь обращается к Иванову и спрашивает: "Кто ты такой?" – Комиссар охоты, Ваше Величество; за болезнью Управляющего, имею счастье быть при особе Вашего Величества.

– Ты, значит, охотник и стреляешь хорошо. Так пойди и застрели лебедя, который обижает своих товарищей; на него мне много было жалоб от садовника, и затем мне доложи.

Лебедь был застрелен, и когда Иванов доложил, то Государь сказал:

– А чем ты мне докажешь, что убил именно

беспокойного? – Я его знал, Ваше Величество.

– Хорошо, ступай! Управляющий, по выздоровлении, вступил в должность, и Иванов продолжал быть комиссаром. Вдруг в Гатчине получается приказ от начальства Иванова, где сказано, чтобы он в 8 часов вечера был в Зимнем дворце, что Государь его требует. Дрогнуло сердце Иванова, хотя он и не чувствовал никакой за собой вины. Является, зовут в кабинет. Государь был один и стоял около стола. Увидев вошедшего, он громко и отдельно сказал:

– Иванов, завтра Наследник едет на охоту; смотри, головой отвечаешь, пошел! С тех пор Иванов в течение 26 лет состоял всегда при покойном Государе до самой смерти, и, пока был жив Император Николай Павлович, когда ехал на охоту Наследник, Иванов всякий раз требовался в кабинет и слышал, слово в слово, одно и то же:

– Иванов, завтра Наследник едет на охоту; смотри, головой отвечаешь, пошел! Иванов был истинно русский человек, любил Государей, но при этом необходимо помнить, что это говорил Николай Павлович, так что Иванов во всю жизнь не мог забыть глаз и жеста, с которым в течение нескольких лет говорил Государь. Иванов мне сам рассказывал, и я верю, что и через 20 лет после смерти Николая Павловича Иванов, стоя по правую руку Государя Александра Николаевича, видит всегда Николая Павловича, и в ушах у него раздаются голос и слова: "Смотри!" и, действительно, уже смотрел он зорко.

С начала и до конца всякой охоты он стоял по правую руку Государя и держал свой карабин с взведенным курком голыми руками, несмотря ни на какой мороз (хотя Государь, щадя охотников, по своему

доброму сердцу, всегда отменял охоту, если мороз был более десяти градусов) и ветер, что иногда, если медведь не скоро выходит или не скоро отыскивается, приходилось около часу, а бывали примеры, что и больше. Так как покойный Государь был прекрасный охотник, то услуги Иванова никогда не были нужны. Продержав так двадцать лет без всякого намека на надобность помощи, у каждого, по моему мнению, должно было само собою ослабеть внимание; да – у каждого, но не у Иванова" ("Русск. стар." за 1888 г., т. LVIII, стр. 103–106).

На 25 января 1850 года была назначена охота наследника цесаревича у деревни Сосницы (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 5 4/1388).

В середине того же января наследник цесаревич охотился где-то в окрестностях С.-Петербурга на волков; 19 числа он отправил не сколько убитых волков для выделки шкур к препаратору Академии художеств (там же).

Об этих охотах в камер-фурьерских журналах сведений не имеется, но под 1-м февраля (среда) в журнале читаем:

"15 минут 11-го часа (ночи) Государь Цесаревич с принцем Альтенбургским возвратились с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 28, 1618, No 161).

По всей вероятности, охота эта производилась не один день, так как 2-го февраля его высочество отправил к препаратору Академии художеств 3 медведя и 2 волка (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 5 4/1388).

На 14-ое число того же февраля была назначена охота наследника цесаревича у Царской Славянки, но почему-то последовала отмена. Надо полагать, охота состоялась вскоре после этого, так как 18 февраля его высочество отправил препаратору Академии художеств

медведя и барсука (там же).

Вероятно, охотился наследник цесаревич на медведя также в начале марта того же года, ибо в это время он вытребовал в С.-Петербург из Петергофа служителя Придворной охоты "с инструментами для отпилки зубов" у двух медвежат (там же).

В мае месяце 1850 года, по приказу наследника цесаревича, были отосланы наследному принцу Саксен-Альтенбургскому чучела волка и барсука, убитых принцем, и ковер медведя, убитого наследником цесаревичем (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 154).

32 В начале марта 1851 г. его высочество приказал доставить в Зимний дворец пойманных на охоте близ деревни Васькины-Нивы медвежат (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 6/1439).

1-го марта егермейстер гр. Ферзен доносил министру Императорского двора, что герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий обратился к нему с просьбою устроить для Его Великогерцогского Высочества медвежью охоту. Министр, "для сокращения расходов", просил гр. Ферзена доложить наследнику цесаревичу, не пожелает ли его высочество пригласить герцога на одну из устраиваемых для него охот. Наследник ответил на это согласием, и герцог Мекленбург-Стрелицкий был приглашен на охоту, назначенную 5 марта у Тосны (Общ. Арх. Имп. Дв., оп. 3/1002, No 176).

К этому же времени относится известие, что наследник цесаревич всегда принимал на свой счет расходы по устройству для него охот (там же) и что при медвежьих охотах Его Высочества постоянно употреблялись бульдоги унтер-егермейстера Блохина, притравленные к этим зверям, за неимением таких

собак в Придворной охоте (там же, оп. 3/1002, No 178).

21 февраля наследник цесаревич охотился на медведя у села Марфина. Убит 1 медведь. Стоила охота 229 руб. 5 1/2 коп. (Там же, оп. 4/1002, No 13).

19 сентября. Придворная охота была вытребована наследником цесаревичем в Царское Село (там же).

В этот день его высочество прибыл в Царское Село из путешествия по России (там же, оп. 28 1618, No 164).

18 ноября. Среда. Гатчино. "1/4 2 часа Государь Цесаревич с Великими Князьями (Константином, Николаем и Михаилом Николаевичами и принцем Виртембергским) и приглашенными особами выезд имел на охоту.

"На охоту приглашены были: Обер-Гофмаршал гр. Шувалов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Маиор Бетанкур, Генерал-Маиор князь Голицын, Генерал-Маиор Корф, Флигель-адъютант князь Витхенштейн, прусский Флигель-адъютант граф Мюнстер, Адъютант Цесаревича князь Барятинский, Адъютант Великого Князя Николая Николаевича Краснокутский, Адъютант Великого Князя Михаила Николаевича Виладов, Виртембергские Камергер граф Цеппелин, Полковник Берлихинген, Адъютант Эрлихсгаузен". (Там же).

Охота эта была произведена в окрестностях Гатчины. Для нее набрали 200 кричан из крестьян, коим заплатили 60 руб. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 7/1502 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 13).

10 сентября в окрестностях Царского Села была устроена для наследника цесаревича облава на волков. Его высочество убил старого волка, а другой волк был взят в тенета (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 9/1541).

Вероятно, за эту охоту, коей наследник цесаревич

остался вполне доволен, было выдано, по приказанию его высочества: Придворной охоте – 50 руб. и 5 руб. мужику, поймавшему зайца (там же).

19 сентября воспоследовало высочайшее повеление: "Придворной: охоте перейти в Гатчино по переезде туда Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича" (там же).

При этом следует заметить, что наследник цесаревич, проживавший весь сентябрь в Царском Селе, почти каждый день бывал в Гатчине, где имел пребывание государь император, и переехал в Гатчину на постоянное жительство 5 октября (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 165).

29 января наследник цесаревич охотился на медведя у села Никольского. Охота обошлась в 277 руб. из сумм его высочества (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 27).

33 В документах 1833 года имеется указание, что 11 марта этого года в С.-Петербург был прислан из Гатчины выжлятничий ученик Кулындин с донесением об обложенном в окрестностях этого города медведе. Нам неизвестно, когда производилась на этого зверя охота и кто принимал в ней участие, но мы знаем, что медведь был взят, ибо 17 мая "было положено служителям в артель за убитого медведя" – 25 руб. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 8/631).

В начале января месяца 1834 года, между 5 и 11 числами, Придворною охотою произведена была охота на медведя у деревни Черной. Из личного персонала охоты в ней участвовали управляющий охотами Павлов, биксеншпаниер Зекин и 25 служителей. На круге было выставлено 60 человек кричан, получивших вознаграждение по 50 копеек каждый. Объявившему медведя крестьянину Кулакову была назначена награда

15 рублей. Участвовали ли в этой охоте кто-либо из особ Высочайшего дома – сведений не имеется (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 9/645).

В середине того же месяца Придворная охота в числе 27 человек служителей принимала медведей у деревни Белоостровской, куда направились на 13 подводах. Кричан было 50 человек. Объявившему медведей крестьянину Портянкину было выдано вознаграждение в 100 руб. На охоте этой выжлятничий ученик Борисов поймал живого медвежонка, за что и получил 10 руб. награды (там же).

В промежутке времени между 5 сентября и 18 октября 1834 года Придворная охота с биксеншпаниером Зекиным находилась в Царском Селе, в распоряжении наследника цесаревича (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 9/645).

1–3 марта 1835 года управляющий охотами Павлов, государев стремянной Собакин и 14 служителей Придворной охоты "были на даче князя Гагарина для принятия большого медведя" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 213).

По окончании этой охоты, 4 марта, Придворная охота в составе управляющего охотами, биксеншпаниера и 23 служителей, была "за селом Рождественным и у города Гатчины для принятия медведей", откуда возвратилась домой 11 числа того же месяца (там же).

В промежутке времени между 19 и 27 января 1836 года Придворная охота в составе: унтер-егермейстер, биксеншпаниер и 24 служителя, принимала медведя у деревни Марьино (там же, оп. 2/1001, № 219).

В середине февраля того же года 18 человек служителей Придворной охоты при одном чиновнике принимали медведя у деревни Дивенки (там же).

Между 29 февраля и 5 марта унтер-егермейстер, биксеншпаниер и 23 служителя Придворной охоты брали медведей у деревень Тяглиц и Гостилиц (там же).

Между 6 и 13 марта 1839 года были произведены два осока на диких коз у деревень Саблино и Кленно. На охоте участвовали унтер-егермейстер, биксеншпаниер и 43 служителя Придворной охоты. За показание диких коз было уплачено крестьянам 40 руб., а кричанам выдали вознаграждение в 110 руб. Для кого охота эта была устроена – неизвестно (там же, оп. 2/1001, № 235).

К 22 августа 1843 года части Придворной охоты в составе служителей, 16 борзых собак, 7 подъемных и 5 верховых лошадей было предложено прибыть с качалкою для собак в принадлежащее князю Васильчикову село Выбыти, Новгородской губ. (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 6 0/905).

17 марта 1844 г. Придворная охота принимала медведя у деревни Макарьевской. Охота эта ознаменовалась несчастным случаем с одним из служителей Придворной охоты: егерский ученик Иван Николаев нечаянно застрелился (там же, д. № 2 1/947).

34 Ввиду того обстоятельства, что в период описываемого времени наследник цесаревич весьма часто охотился на волков, считаем уместным привести в этом месте описание одной из волчьих охот, произведенных Придворною охотою, хотя и не в присутствии Его Высочества, но при участии приглашенных особ.

В журнале "Коннозаводства и охоты" за 1842 г. была помешена следующая статья, доставленная в редакцию от Егермейстерского ведения и озаглавленная "Волчий осок под Чирковицами":

"Жители села Чирковиц, находящегося в 80 верстах

от С.-Петербурга, по Нарвскому тракту, и принадлежавшего Тайному Советнику Блоку, в первых числах прошедшего сентября известили Придворную охоту, что в их дачах появились волки. Немедленно были отправлены туда вабельщики, и вскоре получено сведение, что волки, действительно, находятся в двух верстах от почтового дома, по правую сторону дороги, идущей от Петербурга. По донесению вабельщиков, место, где они вывелись, было плотное, с болотными подточинами и оврагами; там имели они постоянное пребывание и ходили кормиться по околотку.

"Вследствие этого предположено 7 сентября сделать в означенном месте осок и вабельщикам подтверждено усиливать смотрение. Придворная охота, находившаяся в ту пору в Царском Селе, прибыла к Чирковицам вечером 6 числа и расположилась для ночлега по левую сторону дороги, в небольшом постоялом дворе. Между тем, как оказалось впоследствии, волки ушли на кормку целым гнездом и, зайдя далее обыкновенного, не возвращались в место, замеченное вабельщиками; всю ночь они не подавали голоса и отозвались уже на утренней зоре, застигнутые рассветом, но не в прежнем месте, а верстах в трех ближе к С.-Петербургу, в небольшом лесе, по правую же сторону дороги. Эта новая местность, не представлявшая волкам удобств для долгого пребывания, с тем вместе и не дозволила им вскоре оставить небольшой лес, в который они зашли перед рассветом; ибо редкие мелоча и гари, окружающие этот лес, не служили надежным прикрытием при дневном свете. Посему надо было предположить, что волки останутся в этом месте или до сумерек, или пока не найдут безопасного лазу из леса; в обоих случаях медлить было некогда.

"Кто знает охоту, тот, конечно, согласится, что

обложить волков при таких условиях мог решиться только уверенный в своих средствах охотник. Последствия показали, как верен был расчет у распорядителей этого дня; но не будем забежать вперед и расскажем все по порядку.

"Мы уже сказали, что лес, куда скрылись волки, находится не более трех верст от острова, в котором они вывелись; весь этот промежуток занят мелочами, которые сгущаются по мере приближения к озеру и местами разделены прокосами; вся же местность, совершенно плоская, имеет склонение к острову. По решению распорядителей охоты положено: для кричанья, со стороны, обращенной к С.-Петербургу, обвести лес цепью из 400 человек, в обе стороны от которой бросить 40 крыл тенет, каждое в 20 сажень длины, и таким образом составить осок, в окружности около трех верст; между тенетами в том месте, куда предполагалось, что станут проситься волки, оставить интервал для стрелков.

"В 10 часов прибыли лица, присутствовавшие на охоте, и стали по местам; всех номеров было десять.

"Погода была особенно благоприятная; осенний день казался летним: так было тепло и тихо; только серое небо отсутствием лазури солнца напоминало, что Июльские дни прошли, и скоро наступит зима, с разнообразными утехами для охотников.

"По окончании подвески тенет и обвода кричанья, гончие были брошены в осок, и не прошло нескольких минут, как натекали на волчий след и, стайно свалившись, горячо повели к левому крылу тенет, где и приняты два волка: один старый и один молодой. Снова обращенные в осок, гончие опять причуяли след, дружно залились и повели на правую сторону тенет, в которые приняты четыре волка, один старый, один

перелеток и два молодых. После того по обороту стаи выставлены из-под гончих на выстрел номера 3-го, почти в одно время, два волка, из которых один перелеток, а другой матерый. И. М. Т., стоявший на номере 3-м, сделал два выстрела; раненый им перелеток осел, но потом пролез через черту осока и скрылся; вторым выстрелом убит старый матерый волк наповал.

"Через несколько времени снова выгнаны гончими два волка на номера 5-й и 6-й, и хотя находившимися на этих местах Е. М. Х. и А. Ф. Г. сделано по выстрелу, однако ж первый волк успел перевалиться за черту осока и скрылся в частых мелочах, а другой ранен А. Ф. Г. и, обратившись в осок, принят в правые тенета.

"Во все время охоты волки травились к стороне прежнего своего пребывания и, очевидно, туда просились. По удачному выбору места и по сноровке распорядителей, стрелки стояли в том самом направлении, куда бежали волки, но верности выстрелов препятствовал кустарник; волки же, перевалясь за черту осока, уходили в знакомые места.

"Охота продолжалась не более полутора часа и окончена в полдень. Всего поднято десять волков, из которых принято в тенета семь и убит один. Можно утвердительно сказать, что не многим охотникам удавалось, при таких обстоятельствах и в столь короткое время, сделать осок на волков удачнее этого" ("Журнал коннозаводства и охоты" за 1842 г., т. III).

35 30 января 1851 г., за болезнью обер-егермейстера Васильчикова, егермейстер граф Ферзен доносил министру Императорского Двора: "Некоторые иностранные министры просят меня сделать для них медвежью охоту, с которой им чрезвычайно хотелось бы ознакомиться". На ходатайство это последовало

высочайшее разрешение, и охота была назначена близ станции Сосниц 20 февраля.

16 февраля туда была отправлена команда Придворной охоты в составе: управляющий охотами, 5 егерей, 4 егерских ученика, 3 доезжачих, 2 стремянных, 3 тенетчика, 2 выжлятника, и выжлятничий ученик, конюх и фельдшер. Вернулась команда в егерскую слободу 23 февраля.

Произведенный на устройство охоты расход в сумме 305 руб. был отнесен на сумму, выручаемую от продажи билетов на право охоты (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 8/1002, No 171).

Не лишено интереса следующее предписание егермейстера графа Ферзена управляющему Придворными охотами: "Предписываю Вашему Благородию, немедленно и не спрашивая разрешения начальства, исполнять относящиеся до Императорских охот требования только Их Императорских Величеств и Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, с тем однако, чтобы об исполнении тотчас же доносить мне; о требованиях же прочих членов Императорской Фамилии предварительно представлять мне на разрешение" (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 32, 1852 г.).

20 января 1853 г. егермейстер граф Ферзен обратился к министру Императорского Двора с ходатайством о разрешении, "по примеру 1851 г., произвести медвежью охоту для членов дипломатического корпуса". Министр затребовал по этому поводу личных объяснений, а чем дело кончилось – сведений не имеется (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 13).

7 февраля была устроена охота для принца Георга Мекленбург-Шверинского у села Красные Горки.

Стоила охота 259 р. 95 коп., и было на ней убито 2 медведя (там же).

Возможно предположить, что на этой охоте присутствовал и наследник цесаревич, ибо 7 февраля его в Петербурге не было (там же, оп. 2 8/1618, No 164).

По просьбе принца Виртембергского (кронпринц Август), "сделать медвежью охоту собственно для него, независимо от тех охот, кои производятся для Наследника Цесаревича", была устроена охота 1 февраля, но где именно – неизвестно.

На этой охоте, которая обошлась в 531 р. 23 коп., отпущенные для того из Кабинета Его Величества, были убиты: "медведь и лоси" (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 9/1541).

9 февраля об устройстве Придворною охотою охоты на медведя ходатайствовал министр-резидент австрийский. Было ли уважено это ходатайство, мы не знаем. (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 21).

24 сентября последовало высочайшее соизволение: "Австрийскому посланнику графу Эстергази присутствовать на волчьих облавах, производимых Придворною охотою". Вместе с тем его величество предоставил егермейстеру графу Ферзену право приглашать на волчьи облавы, кого он пожелает (там же).

36 В видах сокращения расходов по Егермейстерскому ведомству император Николай Павлович, между прочим, 26 апреля 1826 г. повелел передать Петергофский зверинец в ведение местного дворцового управления, а находящихся в нем оленей перевести в Царскосельский парк. Петергофский зверинец, таким образом, должен был прекратить свое существование. Но, по-видимому, это распоряжение не было исполнено

вполне, — хотя зверинец и перешел в ведение Петергофского дворцового управления, но находившиеся в нем олени не были переведены в зверинец Царского Села. По крайней мере, вскоре после указанного Высочайшего повеления 1826 г., а именно в 1829 г., мы встречаем известие о покупке оленей для Петергофского зверинца. В ведении некомпетентного в делах охоты дворцового управления этот зверинец также оставался недолго и, начиная с 1832 г., они по частям снова переходит в Егермейстерское ведомство.

37 21 февраля 1829 г. министр Императорского Двора писал обер-егермейстеру Нарышкину: "Архангельской губернии, Холмогорского уезда, деревни Куростровской крестьянин Василий Андреев Бушков желает продать приведенных им 80 оленей, полагая цену за каждого оленя кругом по 50 руб. Олени сии находятся теперь за Каменным островом, в деревне Коломяге.

"По всеподданнейшему моему о сем докладу, Государь Император Высочайше повелеть мне соизволил сообщить Вашему Высокопревосходительству чтобы Вы послали знающего охотника к сему крестьянину для выбора 10 штук оленей и отослали бы их в Петергофский зверинец, что противу сельского домика, а счет, что оные будут стоить, доставили ко мне для заплаты следующих денег".

Сказанные 10 оленей были приобретены тогда же за 800 руб. и водворены в предназначенное для них место в Петергофском зверинце (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 168).

22 ноября 1843 г. обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "По

небольшому числу оленей, остающихся в Петергофском зверинце, коих всего 12, я полагаю нужным перевести из Гатчинского парка 10 самцов, по примеру прежних лет.

"Если Ваша Светлость изволите разрешить Гатчинскому Дворцовому правлению отпустить сих оленей, то покорнейше прошу меня уведомить, дабы по первому зимнему пути можно было распорядиться перевозкою оленей в Петергоф". Министр Императорского Двора представление это утвердил, как испрашивалось (там же, оп. 3/1002, No 36).

21 декабря 1848 года обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "В настоящее время в Петергофском зверинце находится оленей 9 и диких коз 2. Количество оленей слишком мало, и потому я полагал бы необходимым, по примеру прежних лет, пополнить этот недостаток перевозкою 10 самцов из Гатчинского зверинца.

"Испрашивая о сем разрешение Вашей Светлости, имею честь покорнейше просить приказать Гатчинскому Дворцовому правлению не замедлить отпуском вышеозначенного числа оленьих самцов и почтить меня по сему предмету уведомлением, после коего я тотчас же, не теряя удобного времени, приступлю к перевозке вышеозначенных зверей".

По всеподданнейшему о сем докладу министра Императорского Двора государь император соизволил ходатайство обер-егермейстера утвердить (там же, No 123).

В январе месяце 1850 г. к 15 оленям, содержащимся в Петергофском оленнике, было прибавлено, по примеру прежних лет, 8 самцов оленей, доставленных из Гатчинского парка. Эта прибавка, несмотря на наличность в оленнике 15 особей,

пояснялась обер-егермейстером Васильчиковым тем, что "Его Императорское Величество изволил всегда оставаться довольным, когда в зверинце много оленей, и потому еще, что для усиления приплода в Гатчинском звериинце необходимо уменьшить из оногo самцов" (там же, No 140).

В Петергофском зверинце содержалась ручная дикая коза, которую кормили ржаным хлебом, и ручной медвежонок, которого приобрели за 10 руб.

В конце апреля красносельские Удельного ведомства крестьяне поймали на своих полях лося, которого, по приказанию министра Императорского Двора, приказано было отправить, распоряжением Императорской охоты, в Гатчинский зверинец. Однако лось этот, вероятно, пришибленный при поимке, пал еще до приведения сказанного приказа в исполнение (Арх. Упр. Имп. ох., No 9/790).

В октябре 1850 г. доставлены из Штетина в Петербург водою три дикie козы, для которых в Петергофском оленьем зверинце, близ сенного сарая, была устроена особая изгородь (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 140).

38 9 апреля 1834 г. министр Императорского Двора писал егермейстеру Васильчикову: "Государь Император Высочайше повелеть соизволил зверинец в Петергофском Английском саду, с находящимися в нем дикими козами, принять в заведывание Егермейстерской Конторы, подчинив смотрителя сего зверинца Рейса, по усмотрению Вашего Превосходительства знающему офицеру Придворной охоты". Вследствие этого Васильчиков предписал принять названный зверинец управляющему охотами Павлову.

Генерал-лейтенант Эйхель 1-й, сообщая, с своей

стороны, о сделанных им распоряжениях по сдаче козьего зверинца, писал между прочим Васильчикову:

"Имею честь препроводить при сем смету (на сумму 2800 р.) о потребной сумме на ежегодное содержание диких коз, утвержденную господином Министром Императорского Двора в 1828 году, равно и копию с предписания господина Министра. 16 февраля того ж года, об ассигновании на сей предмет суммы 2800 руб. в год из Егермейстерской конторы на продовольствие 14 оленей, 7 лошаков и 35 диких коз овсом, сеном и хлебом, из коих олени и лошаки, по предписанию господина Министра Императорского Двора, отправлены в Гатчину в 1833 году, а на место оных положено содержать 56 диких коз; по скудности же местоположения зверинца, в коем нет удобного корму, козы часто подвержены бывают разным болезням, а потому, по требованию смотрителя Рейса, был отпускаем в 1828 году с осеннего времени особый корм, как-то: трифоль, венники, рябина, горох, капустный лист и соль, почему и расходы на содержание оных значительно увеличились, тем более, что из ассигнованной суммы 2800 руб. на содержание и продовольствие оных употребляемо было, сверх того, на уплату месячным рабочим людям, бывшим как для присмотра в зверинце диких коз, так и для исправления разных работ, и на наем квартиры с отоплением и освещением для смотрителя, по неимению казенного помещения, присовокупляя к сему, что смотритель Генрих Рейс, определенный по Высочайшему повелению... получает из Кабинета Его Императорского Величества жалованья по 800 руб. в год, на платье годовое и полугодовое 346 руб. 73 коп. и на продовольствие лошади, купленной Рейсу в 1829 г. за 300 руб., по 186 руб. 75 коп. в год". 19 апреля того

же 1834 г. управляющий Императорскими охотами, донося Егермейстерской конторе о принятии козьего Петергофского зверинца, между прочим рапортовал: "Что ж касается до козлов, о проверке оных против описи, то я несколько времени старался при вечернем времени, при кормке, пересчитать, но никак нельзя, ибо только заметил оных штук до 30. Настоящим образом проверить невозможно, ибо многие из них суягны, а потому перегонять для проверки неудобно. А состоящий при том зверинце унтер-офицер Федоров объявил, что в оном зверинце находится 42 штуки и 11 таковых же в зверинце, находящемся в заведывании Егермейстерском

"Что ж касается до огородки зверинца, по моему усмотрению, находится в худом положении, которую непременно нужно исправить, дабы от сильного ветра не повалилась". (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 207).

18 апреля 1846 года последовало высочайшее повеление Петергофскому дворцовому правлению составить соображение стоимости выкопки пней в месте, занимаемом козьим зверинцем в Английском саду, против садовой школы, "с засевкою мест травяными семенами, обрезкою сухих вершин и подчисткою дерев, а также спуском имеющейся в лужах воды, с приданием правильного направления канаве, с исправлением берегов оной".

Одновременно с этим генерал-адъютант Владимир Федорович Адлерберг уведомил обер-егермейстера Васильчикова:

"Государь Император, желая дать другое назначение Петергофскому козьему зверинцу, Высочайше повелеть соизволил: перевести с одного диких коз в так называемый ремиз, где находятся

олени, с коими вместе и содержать сих коз".

27 апреля Васильчиков, уведомляя генерал-адъютанта В. Ф. Адлерберга о том, что объявленное им высочайшее повеление уже приведено в исполнение, присовокуплял: "Вместе с сим покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, довести до Высочайшего сведения Государя Императора, что хотя в настоящее время дикие козы и могут быть помещены в одном зверинце с оленями, но к осени их должно развести, ибо олени станут отбивать козлов от самок и драться с ними.

"Посему не соизволит ли Государь Император указать отвести близ Петергофа под козий зверинец удобное место и перенести туда из упраздненного зверинца караульный домик и сарай для корма, а также и ограду с воротами, если предположено ее снять; или же всех оленей перевести в Гатчинский парк, дабы в Петергофском зверинце остались одне дикие козы, и тогда караульный домик сарай для корма и ворота перенести в нынешний олений зверинец.

"А как козий зверинец доставлял травяное продовольствие для лошадей Придворной охоты, то не соизволит ли Государь Император повелеть отвести соразмерный покос в Английском саду, или где назначено будет, для подножного корма, нужного для сохранения лошадей".

В ответ на это генерал Адлерберг (вероятно, управлявший в то время Министерством Императорского Двора за отсутствием светлейшего князя Волконского) писал обер-егермейстеру 2 мая: "По всеподданнейшему докладу моему отношения Вашего Высочайшего Повеления от 27 Апреля, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: караульный домик, сарай для корма и ограду с

воротами перевести из упраздняемого козьего зверинца в олений зверинец.

"Что ж касается до мест, куда на осеннее время можно было бы перевести или коз, или оленей, а равно и об отводе места для травяного продовольствия лошадей Придворной охоты, то Его Величество предоставляет Себе дать по этим предметам разрешение, когда изволит быть в Петергофе в будущем Июне месяце, почему и прошу Вас войти тогда с докладом о сем к Государю Императору".

Вскоре после этого обер-егермейстеру Васильчикову было предписано воздержаться временно от переноса ограды упраздняемого козьего зверинца, оставив таковую на месте впредь до окончания сказанных работ "можно было бы сделать сюрприз". 2 июня генерал-адъютант Вл. Фед. Адлерберг писал обер-егермейстеру Васильчикову: "Государь Император Высочайше повелеть соизволил: ограду около козьего зверинца снять и хранить в Егермейстерском ведении впредь до надобности; буде же по ветхости хранения не стоит, то употребить оную на что окажется годною, по усмотрению Вашего Высокопревосходительства

"Сообщая сию Высочайшую волю Вам, Милостивый Государь, покорнейше прошу уведомить меня, для доклада Его Величеству, какое, по соображению Вашему, полагается сделать назначение сей ограде?" В ответ на это уведомление Васильчиков, повторяя изложенные выше мотивы первого своего представления, вновь возбудил ходатайство или об отводе земли под устройство нового козьего зверинца в окрестностях Петергофа, или о переводе в Гатчинский зверинец из Петергофского оленьего зверинца оленей, коих в то время в Петергофе состояло 16 штук.

К этому обер-егермейстер присовокупил: "Впрочем, чтобы не затрудняться перевозкою в Гатчино оленей, которые все стары, и, по моему мнению, будут лишними в тамошнем парке, я полагал бы употребить всех их для ружейной охоты в Петергофе.

"С своей стороны я полагаю, если будет назначено новое место под козий зверинец, то поставить там снятые ограду с воротами, караульный домик, сарай и кормушки; а если олени будут выведены в Гатчинский парк или истреблены на охоте, и дикие козы останутся в нынешнем оленьем зверинце, то поставить в сем зверинце, из снятых строений, караульный домик и ворота, у въезда, со стороны лагеря, сараи и кормушки, а ограду оставить для поправок оград ремиза и нынешнего оленьего зверинца.

"Относительно же отвода места для травяного продовольствия лошадей Придворной охоты, не соизволит ли Государь Император повелеть, чтобы, по отделке упраздненного козьего зверинца, сенокос в оном по-прежнему принадлежал Егермейстерскому ведению".

16 июня обер-егермейстер Васильчиков писал управляющему Гатчинским дворцовым правлением генералу Люце: "По Высочайшей воле Государя Императора, покорнейше прошу Ваше Превосходительство меня уведомить, для доклада Его Величеству, можно ли отвести в Гатчинском парке достаточное место для содержания там, отдельно от оленей, диких козлов и коз, выведенных из упраздненного в Петергофе козьего зверинца?" Тогда же генерал-адъютант Вл. Фед. Адлерберг уведомил Васильчикова, что "Государь Император Высочайше повелеть соизволил: в упраздняемом козьем зверинце снять только одну ограду с воротами, но караульный

домик оставить; по отделке же сего зверинца, находящийся в оном сенокос предоставить по-прежнему Егермейстерскому ведению, для травяного продовольствия лошадей Придворной охоты.

"Что касается до устройства нового козьего зверинца, то Его Величеству угодно предварительно знать, плодятся ли в оном дикие козы?" На это обер-егермейстер Васильчиков 23 июня отвечал: "В бывшем в Петергофе козьем зверинце дикие козы плодились ежегодно, и нет сомнения, что они будут плодиться и в другом зверинце".

Уведомляя далее генерала Адлерберга о своем изложенном выше сношении с управляющим Гатчинским дворцовым правлением, Васильчиков продолжал: "Но, чтобы избежать довольно значительных издержек при устройстве ограды и при очистке местности для нового зверинца, можно попробовать оставить диких коз в оленьем зверинце, в который он недавно приведены. Я полагаю, что они обживутся с оленями, ибо сии последние все уже стары и не будут вредить козам. В таком случае на будущее время можно будет, для той же безопасности, пополнять Петергофский зверинец из Гатчинского парка одними старыми оленями.

"При сем покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство меня уведомить, остается ли караульный домик в упраздненном козьем зверинце, по-прежнему, для помещения в нем зверовщиков Егермейстерского ведения, или сему домику будет дано другое назначение? ибо в последнем случае необходимо будет выстроить новый караульный домик в оленьем зверинце".

26 июня генерал-адъютант Адлерберг уведомил обер-егермейстера Васильчикова: "Государь Император

Высочайше повелеть соизволил: сделать предлагаемое Вами испытание на счет оставления диких коз в оленьем зверинце; на будущее же время Его Величеству угодно, чтобы из Гатчины в Петергофский зверинец переводимы были из старых оленей одни только ручные так, чтобы в Петергофе диких вовсе не было.

"Что касается до караульного домика в упраздненном козьем зверинце, то Государь Император изволит дать оному назначение при личном обозрении местности".

Между тем 28 июня управляющий Гатчинским дворцовым правлением генерал Люце писал Васильчикову: "При перестройке в Гатчине птичьего дома, хотя и предполагалось устроить помещение для диких коз, но впоследствии это предположение, по личному Государя Императора назначению, в бытность Его Величества в Гатчине осенью 1844 г., отменено, и дом этот построен без помещения для коз и без ограды для пастбища их, почему я полагаю неудобным, и было бы даже безобразно, обгородить птичный дом особою изгородью; если же Его Величеству благоугодно будет повелеть переместить коз в Гатчину, то я полагаю в летнее время держать их в общем парке, а для зимнего помещения сделать особую пристройку там же, где помещаются олени и другие звери, т. е. при нынешнем загоне, ибо лишнего помещения там не имеется, на что нужно испросить в ассигнование потребную сумму, по неимению на сей предмет в ведении Гатчинского Дворцового правления свободных сумм, равным образом для довольствия сих коз разрешить отпускать то самое положение, какое отпускалось на них в Петергофе".

Тем временем ограда, ворота и сарай

упраздненного Петергофского козьего зверинца были сняты, и обер-егермейстер Васильчиков вошел к генерал-адъютанту Адлербергу с ходатайством о возврате Егермейстерской конторе 692 руб. 73 коп. серебр., кои были израсходованы на сказанную надобность. В ответ на это ходатайство генерал-адъютант Адлерберг 6 июля уведомил Васильчикова, что "имел счастье докладывать Государю Императору, но Его Величеству предварительно угодно знать, отчего работы сии обошлись так дорого?" Обер-егермейстер отвечал, что, по его мнению, сказанные работы были произведены весьма для казны выгодным образом, ибо расход в 692 руб. 73 коп. не может быть почтен значительным, так как пришлось снять 1340 погонных сажений забора, состоявшего из 447 столбов, врытых до 2-х аршин в землю, 447 бревен или перекладин, 40.200 кольев и проч. Затем следовало все материалы, полученные от разборки, перевезти на расстояние до 2 верст, рассортировать материал и т. д. После этого последовало распоряжение, чтобы помянутый расход был отнесен на предвидимые остатки от штатных сумм Егермейстерской конторы (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 80).

39 15 августа 1834 года егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "При новом образовании штата Егермейстерского ведения, я имел предположение, чтобы при Придворной охоте содержались на случай живые звери; но так как при ограниченном положении штатной суммы сего устроить невозможно, потому что для сего заведения потребна значительная сумма, ныне же Государь Император изволит охотиться довольно часто, то для удовольствия Его Величества я полагаю необходимым

иметь при охоте живых зверей; для устройства же такого заведения потребно до 10.000 руб.; посему, представляя на благоусмотрение Вашего Сиятельства, я испрашиваю разрешения, и если угодно будет таковое мое предположение утвердить, то покорнейше прошу отпустить заимообразно Егермейстерской Конторе помянутые 10.000 руб. из Кабинета Его Императорского Величества, которые она Контора будет уплачивать из экономических сумм по 1000 руб. в год; к постройке же сего заведения я предполагаю приступить нынешнею осенью".

Изложенное ходатайство егермейстера Васильчикова было высочайше утверждено 30-го того же августа (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 206).

1835 года при Петергофской охотничьей слободе окончательно устроен звериный двор. Во дворе этом содержались главным образом живые волки и лисицы, предназначавшиеся для выпуска в круги при производстве охот в высочайшем присутствии.

Здание для содержания диких зверей представляло из себя дом у самой Петергофской егерской слободы, к которому затем были пригорожены дворики, усыпанные песком (Арх. Упр. Имп. ох., № 3 9/1149).

24 февраля 1843 г. Паткуль писал егермейстеру Всеволожскому: "При сем препровождаю к Вашему Превосходительству белого медведя, присланного из Архангельска Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу.

...Медведя этого надлежит кормить рыбой, преимущественно сырою салакушкою; но можно также без вреда давать ему мяса; вместо воды для питья, теперь, зимою, давать ему комки снегу и кусочки льда. До сих пор получал он у меня поутру 10 фунтов рыбы и вечером ту же пропорцию".

Медведь этот был помещен на зверовом дворе, состоявшем при слободе Придворной охоты в Петергофе.

Донося об этом министру Императорского Двора, обер-егермейстер Васильчиков просил особого разрешения на расходы по содержанию белого медведя, "ибо в Придворной охоте живые звери содержатся единственно для садки и охоты, на каковое назначение было бы жаль употребить белого медведя".

Светлейший князь Волконский нашел это представление излишним и приказал содержать белого медведя на тех же основаниях, как содержатся и все прочие звери зверового двора Придворной охоты, причем сделал распоряжение, чтобы медведя кормили не рыбою, что обошлось бы слишком дорого, а, подобно другим диким зверям, падалью.

Последнее распоряжение привело к тому, что сказанный медведь заболел сапом. (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 32).

29 июня 1848 г. управляющий Императорскими охотами доносил Егермейстерской конторе, что белый медведь, подаренный Придворной охоте наследником цесаревичем, "сего числа издох от фолликулозного воспаления кишок".

Из медведя этого, по приказанию министра Императорского Двора, было изготовлено чучело и принесено в дар музею Императорской Академии наук, который, как докладывал обер-егермейстеру Васильчикову адъютант названной Академии А. фон Миддендорф, "не имея по сию пору ни одного экземпляра сего редкого животного, считал бы одним из наилучших украшений своих чучело помянутого зверя" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 113).

40 29 ноября 1837 г. управляющий Императорскими

охотами доносил Егермейстерской конторе: "Необходимо нужно на дворе, где содержатся живые волки, обить как столбы, а равно и откосы листовым железом, ибо волки начали грызть оные.

"Дабы не могло случиться неприятного, покорнейше прошу приказать купить потребный материал". (Общ. Арх. М-ва Дв., 3/1001, № 206).

10 сентября 1847 г. обер-егермейстер Васильчиков писал в должности егермейстера Всеволожскому: "Усматривая, между прочим, из рапорта Вашего Превосходительства от 3 текущего Сентября, что вследствие сделанного мною Вашему Превосходительству предложения, озаботиться изготовлением для Придворной охоты живых лисиц, приказано Вами Управляющему охотами отыскать подрядчиков для поставки сих лисиц в Придворную охоту и узнать, не откроются ли желающие из жителей, занимающихся в окрестностях С.-Петербурга сею ловлею, — не полагаю, чтобы сим способом удалось снабдить звериный двор Придворной охоты живыми лисицами, ибо с того времени, как звериный двор заведен в слободе Придворной охоты, назад тому 12 лет, ни разу не явилось подрядчиков на поставку живых лисиц; а от окрестных жителей С.-Петербурга хотя и разрешено Управляющему охотами покупать доставляемых ими живых лисиц — но в течение целого года окрестные обыватели, как должно быть известно Вашему Превосходительству, доставляют самое незначительное число сих лисиц. Поэтому для Придворной охоты лисицы покупаются ежегодно осенью в изобилующих ими Порховском и смежных с ним уездах, и притом за весьма сходную казне цену.

"Дабы не оставить Придворную охоту без живых лисиц, предлагаю Вашему Превосходительству

приказать, по примеру прежних лет, немедленно командировать в Порховской уезд стремянного 1-й статьи Фураева и еще одного надежного служителя с фуркою в две лошади и с ящиками для привоза до 20 живых лисиц, снабдив его нужным количеством денег на путевые издержки в оба конца и на покупку лисиц; стремянному же Фураеву приказать, перед его отправлением, явиться ко мне для получения по сему случаю нужных приказаний".

Предписание это Всеволожского, по-видимому, оскорбило, и в ответном своем рапорте обер-егермейстеру он, между прочим, указывал: "По цене присылаемых из Порховского уезда, каждая принятая в Петергофе лисица оценена была в прошедшем году по 2 руб. 86 1/2 коп. серебр., и выдано платы за 30 лисиц 85 руб. 25 коп. серебр., из числа коих 4 лисицы сдохли в дороге, и на Петергофском зверином дворе 14 лисиц; следовательно, остальные 12 лисиц, пущенные для Высочайшей охоты, обошлись Егермейстерскому ведению, каждая по 7 руб. 16 1/4 коп. серебр., не считая за все время прокормку и доставку лисиц командой.

"Управляющий охотами, по разрешению моему, купил в Петергофе за два дня до охоты, чтобы умножить, по возможности, число их, три лисицы, по 2 руб. 50 коп. сер.

"Основываясь на сем расчете и видя отмененное приказание послать в Порховской уезд за лисицами, я сделал вышесказанное распоряжение, которое ныне в то же время и отменил" (Арх. Упр. Имп. ох., No 39, 3 9/1149).

3 декабря 1850 года обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "Убедившись на опыте, что Его Императорское

Величество Государь Император изволит любить звериную охоту, я сделал распоряжение об увеличении в Придворной охоте зверей. В настоящее время там находится в звериных сараях 10 медведей, 10 волков и 35 лисиц; кроме того, имеется в виду, во время предстоящих зимних охот Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, получить и несколько молодых медвежат и забрать волков.

"Имея такое значительное количество зверей, я совершенно не имею людей, которых бы можно было употребить для надлежащего за ними присмотра. До сих пор присмотр за зверями поручается дежурному по слободе служителю, который слишком занят другими обязанностями, чтобы иметь возможность хорошо накормить всех зверей, вычистить все отделения и дворы звериных сараев и иметь надлежащий присмотр за зверями, находящимися в разных отделениях, тем более летом, когда медведи переводятся из сараев на открытое место к ручью. Дежурный служитель обязан находиться у ворот, следить за чистотою целой слободы, принимать и передавать приказания начальства, встречать и провожать посетителей, коих в летнее время бывает очень много, а Императорская Фамилия изволит посещать слободу в это время почти ежедневно. Между тем звери остаются без присмотра, часто не во-время и торопливо накормлены, а это обстоятельство повлекло к тому, что прошлое лето звери оказались весьма худыми.

"Присмотр за медведями должен быть усилен потому еще, что летом, когда они сидят на цепях возле ручья на открытом месте, то часто так запутываются, что легко могут повредить себе или, как это однажды случилось, сорваться и уйти в близ пасущееся стадо; на дворах же они легко подрываются под забор".

Руководствуясь этими соображениями, Васильчиков просил министра Императорского Двора добавить к штату Императорской охоты двух человек зверовщиков.

Министр Императорского Двора всеподданнейше представил ходатайство обер-егермейстера государю императору, но его величество не соизволил на утверждение такового, повелев вместе с тем "уменьшить число зверей в зверинце; для присмотра же за оными наряжать из егерей" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002 № 165).

В июне 1851 года нидерландский подданный Зам, уволенный в то время от исправления должности ветеринарного врача и заведующего зверинцами Придворной охоты, подал министру Императорского Двора прошение, в котором излагал различные жалобы на унтер-егермейстера Блохина и его отношения к нему, Заму. В этом обширном прошении Зам, между прочим, указывал: "Звери, состоявшие под моим надзором в Придворной охоте, были у меня в отличном порядке, и уже начинал ожидать посещения Императорской Фамилии, чтоб похвастаться ими, а Господин Блохин своими собственными бульдогами начал травить казенных медведей, у которых эти собаки оборвали уши и изранили".

По передаче прошения Зама министром Императорского Двора в Егермейстерскую контору для исследования всех жалоб бывшего смотрителя зверинцев, в должности егермейстера граф Ферзен запросил унтер-егермейстера Блохина, между прочим, и по отношению к доносу Зама, касательно травли Блохиным казенных медведей своими собственными бульдогами, на что Блохин отвечал:

"Вследствие словесных приказаний Вашего

Сиятельства об уменьшении количества зверей с пользою для охоты, я травил медведей и волков казенными гончими, борзыми и духовыми собаками, также пускал принадлежащих мне бульдогов на медведей, и сих последних убито ружьями всего пять. Посторонних собак я не пускал на медведей, и если бы это даже и было, то можно ли отнести к моему обвинению подобное обстоятельство, когда звери эти назначены к уничтожению? "Травля моими собаками производилась потому, что в Императорской охоте не имеется собак для травли медведей, и 14 сего месяца, при посещении слободы Их Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем, в присутствии Их Высочеств пускан был мой бульдог на медведя, и я удостоился получить личную благодарность".

Все это дело увенчалось тем результатом, что в должности егермейстера граф Ферзен донес министру Императорского Двора по отношению оговоренной части прошения Зама, что "травля зверей, принадлежащих Придворной охоте, производится каждый раз, по моему приказанию, при чем назначаются мною и бульдоги Блохина, которые, за неимением казенных, постоянно употребляются на медвежьей охоте при Его Императорском Высочестве Государе Наследнике Цесаревиче" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 178).

41 31 мая 1836 года министр Императорского Двора предписывал егермейстеру Васильчикову: "Государь Император, желая устроить здесь, как в Германии, так называемый Ремиз (слово французское la remise, что обозначает кустарник, где скрывается дичь) для стрельбы и назначая для сего место позади фазанного

сада до первой канавки, Высочайше повелеть мне соизволил: сообщить о сем Вашему Превосходительству для приготовления сего места и сделания просеков, что, Его Величество полагает, можно возложить на казенных егерей".

12 июня того же года егермейстер Васильчиков донес министру Императорского Двора: "На счет обрубки леса для стрельбы казенными егерями мною сделано соображение, и нахожу, что в назначенной части земли состоит до 250.000 кв. саж., где весь сей лес надо обрубить по шнуру, вырубить просеки, вырубленный лес вывезти и очистить оный так, чтобы было свободно ходить, почему и невозможно казенными егерями произвести сию работу, и вызывал я подрядчиков, которые объявили последнюю цену за всю по смете работу 2000 руб.

"О чем донося Вашей светлости, и если благоугодно будет на сие разрешить меня, то прошу назначить для сего и отпуск 2000 и дать приказание тот участок земли передать в Егермейстерское ведение".

15 того же июня министр Императорского Двора уведомил егермейстера Васильчикова о последовавшем высочайшем соизволении выполнить работы по вырубке просек и расчистке будущего ремиза, как предполагал егермейстер, и об ассигновании на означенную надобность 2000 руб. из сумм Кабинета Его Величества.

13 августа того же года министр Императорского Двора писал Васильчикову: "Заметив, что во вновь устроенном здесь для охоты ремизе подрублены и березовые деревья в то время, когда следовало подрезать в назначенной пропорции один только кустарник, а излишние деревья срубить до корня, отчего некоторые места сделались бы удобнее для

прохода, и Егермейстерское ведение приобрело бы некоторое количество дров для своих надобностей, я прошу Ваше Превосходительство, призвав подрядчика, устраивавшего ремиз, заставить его срубить до корня все те деревья, которые подрублены наравне с кустарником, не касаясь однакож цельных деревьев, оставленных для приюта дичи".

На следующий день унтер-егермейстер Павлов доносил Егермейстерской конторе: "Его Светлость Министр Императорского Двора князь Петр Михайлович Волконский сего Августа 11 числа охотились стрельбою фазанов, заметили, что в ремизе не окончена уборка хвороста, за что весьма остались недовольны. Но как окончанию оного срок должен быть 18 Июля, но уже теперь, 15 Августа, во избежание неудовольствия, с моей стороны покорнейше прошу подрядчика Пудика выслать в самом скорейшем времени без всяких отговорок, ибо о сем было уже рапортовано, и при том подтвердить, чтобы он, Пудик, умножил возчиков к вывозке вырубленного хвороста из ремиза" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 214).

42 10 июля 1832 года заведующий Егермейстерским ведомством егермейстер Д. В. Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "Для Императорской охоты настает необходимость в заведении садка для зайцев. Полагая для сего нужным иметь в Егермейстерском ведении зверинец, соединяющийся с фазанным заведением (которое состояло тогда в ведении Петергофского дворцового управления), испрашиваю, не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству приказать, кому следует, отдать оный в ведение Императорской охоты".

В ответ на это министр Императорского Двора уведомил 13 июля Васильчикова о высочайшем

повелении.

"Господину Генерал-Лейтенанту Эйхену 1-му об отдаче в Егермейстерское ведение, для заведения садка для зайцев и вообще для Императорской охоты, Петергофского зверинца, соединяющегося с фазанным садом, с тем, чтобы в оный отделялись и дикие козы, предназначенные для стрельня".

Вновь переданная часть зверинца была огорожена забором, сооруженным из столбов, забранных сосновым частоколом, длиною 1219 саж., в котором были сделаны 24 особые деревянные ловушки с "железными насторожками" и "сторожевыми досечками". Там же находились караулка, где жил фазанный сторож, и сарай; оба строения деревянные. Сарай предназначался для козлов, вероятно, для зимнего их содержания.

Около переданного места была расположена площадь, покрытая мелкорослью, предназначавшаяся для охоты на фазанов. Эта последняя была окружена водяною канавою.

19 августа Эйхен 1-й уведомил, между прочим, егермейстера Васильчикова, что по отдаче смотрителю Петергофского зверинца Рейсу приказания об отделении в переданное Императорской охоте место козлов, предназначенных для стрельня, Рейс донес, что лов козлов тенетами надобно отложить до конца августа или начала сентября, пока молодые укрепятся, на что г-н министр Императорского Двора, по представлению моему, изъявил согласие.

Кроме того, Эйхен 1-й писал: "По наружности ограды зверинца, сданного Г-ну Павлову (управляющему Императорскими охотами), со стороны запасного пруда, находится деревянная караульня для жительства сторожу, имевшему надзор за целостью

ограды. Ежели Ваше Превосходительство полагает нужным держать там и впредь караул, в таком случае покорнейше прошу приказать сию караульную тоже принять в Егермейстерское ведение, о чем покорнейше прошу почтить меня уведомлением, дабы я мог отпустить содержащегося там от Петергофского Дворцового Правления сторожа".

Однако караулку эту, приспособленную лишь для летнего жилья, Егермейстерское ведомство принять отказалось (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 197).

За провоз из Валдайского уезда для заячьего садка Императорской охоты живых зайцев валдайскому мещанину Чистюнину было уплачено в феврале 137 руб. 26 6/7 коп., затем еще 142 руб. 85 5/7 коп. и в марте 172 руб. 14 2/7 коп. сер. Собственно за зайцев, не считая перевозки их, уплачивалось в то время по 60 коп. сер. Для зайцев, содержащихся в заячьем садке, покупался в весьма значительном количестве осинник. Так, в апреле месяце было куплено 80 возов осинника, и за это было уплачено 64 руб. сер. (там же, оп. 3/1002, No 7).

43 23-го сентября 1829 года министр Императорского Двора писал Нарышкину: "По Высочайшей воле Государя Императора, выписаны через посла нашего в Вене, для развода фазанов в Петергофе, два фазан-егеря из Богемцов, Иоган Кушелка и Андрей Зернец, которые уже прибыли сюда. Егери сии до окончательного образования фазанного заведения будут получать содержание из Кабинета и имеют состоять под начальством Управляющего Петергофом Генерал-Маиора Эйхена. Теперь же прошу Вас, Милостивый Государь мой, приказать сделать для них платье по образцу, Высочайше апробованному для пеших егерей" (Арх. Упр. Имп. ох., без No).

В 1834 году в ведение Егермейстерской части поступило фазанное заведение в Петергофе, состоявшее до того времени в заведовании местного Дворцового правления (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 214).

Кругом Петергофского фазанного заведения имелась городьба, а внутри нее "зимний дворик" для фазанов, крытый со стеклами. Для прокорма фазанов, содержащихся на фазанном заведении, покупалась, между другими кормами, также свежая капуста с корнями (Арх. Упр. Имп. ох., No 3/659).

В 1836 году производились капитальные работы по перестройке в Петергофе фазанного заведения и по устройству рядом с ним заведения куропаточного, на что были отпущены из Кабинета Его Величества особые суммы. Однако в постройке этой были произведены некоторые сверхсметные работы, частью по предначертаниям самого государя императора, посещавшего работы, частью по приказанию министра Императорского Двора, всего на 8068 руб. Последняя сумма была уплачена подрядчикам из наличных сумм Егермейстерской конторы, после чего егермейстер Васильчиков возбудил ходатайство о возмещении Конторе последнего расхода. Однако ходатайство это уважено не было, и эти 8068 руб. легли на многие годы долгом на бюджет Егермейстерского ведомства (Арх. Упр. Имп. ох., No 3/713).

44 В 1839 году фазанное Петергофское заведение было покрыто веревочными сетями, под которыми находилась площадь в 1440 кв. саженой. Площадь эта разделялась на отделения также сетями, причем на перегородки эти пошло 150 кв. саж. сетей. Каждая кв. саж. сетей стоила 3 руб. 50 коп. ассигн. Сети эти менялись через каждые три года. В заведении этом имелись следующие жилые строения: караулка, дом

фазан-егеря, дом его помощника, дом для четырех учеников при фазан-егере, дом для чернорабочих.

Куропаточное заведение, расположенное рядом с заведением фазанным, так же как и последнее, было покрыто сетями, площадью в 170 кв. сажень.

На фазанном и куропаточном заведениях, кроме фазанов и куропаток, содержались куры индейские и русские.

В "фазанных двориках" рассаживались деревья.

В фазанное заведение, зверинцы и ремиз ежегодно требовалось 8 кубич. саж. песку, за который платилось по 15 руб. от кубич. сажени.

Для фазанов и куропаток кормы "приготавливаются на особо устроенной плите".

В ночном карауле вокруг фазанного заведения, на большом пространстве, в разных местах, в темные ночи раскладывается по несколько полен дров для освещения, "дабы караульщики могли видеть покушающегося перелезть через забор или испортить и подрубить изгородь заведения, что иногда и случалось" (Арх. Упр. Имп. ох., No 3/ 713 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, NoNo 235 и 254). В 1840 году в новом доме для фазан-егеря, выстроенном в фазанном заведении в Петергофе, была отделана и омеблирована Царская комната. Самый дом фазан-егеря был выстроен по высочайше утвержденному плану, а на его постройку было ассигновано по высочайшему повелению 31.073 руб. 40 коп. (там же, No 214).

К 1841 году относятся нижеследующие известия:

1) В течение года было ассигновано сверх сметы 9824 руб. 55 коп. на исправление слободы Придворной охоты, пристройку к дому Управляющего охотами, исправление городьбы зверинца в Петергофе, перенесение на другое место служительского дома,

находившегося в фазанном заведении, и на обделку "куропаточного сарая".

2) По высочайшему повелению было отпущено 2300 руб. сер. на перестройку новых и починку старых строений в Петергофском фазаньем заведении.

3) По высочайшему повелению в том же фазанном заведении сделана "в ограде между звеньями проволочная решетка".

4) Комнаты, "назначенные для приезда Императорской Фамилии", в доме фазан-егеря, были следующие: зало, возле маленькая столовая и еще одна маленькая комната. При этих комнатах имелся балкон, а в самых комнатах была установлена ясеновая мебель. Окна царских комнат были убраны кисейными занавесками и шторами. Внутри дома стены были украшены различными чучелами, стоявшими на кронштейнах, вероятно, художественной работы, так как каждый такой кронштейн стоил 17 с лишком рублей серебром. Чучела были прикрыты стеклянными футлярами. Здесь же, на полу зала, предназначенного для приезда императорской фамилии, был разостлан шерстяной ковер длиною в 12 арш., а также пеньковый мат.

5) Перед главным домом фазанного заведения была расположена площадь, устланная дерном и перерезанная дорожками.

6) В апреле месяце началась "выводка молодых фазанов" (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 9/790, 5 8/1168, 1 0/1841, 1 2/938 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 254).

45 14 июня 1842 г. обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "В прошедшем году я имел честь доложить Вашей Светлости, что для содержания подорожников,

поставляемых к Высочайшему Двору, нужно иметь особый птичник. А как по Высочайше утвержденной смете на 1842 г. отпущено Егермейстерскому ведению для построек в фазанном заведении в слободе Придворной охоты серебром 9824 руб. 55 коп., работы же отданы с торгов с значительным понижением цен, именно 7699 руб. сер., то я полагаю возможным построить в нынешнем году означенный птичник на счет остаточной суммы. Почему, представляя на утверждение Вашей Светлости план и фасад со сметой, по которой исчислено 567 руб. 17 1/2 коп., я покорнейше прошу разрешить мне сию постройку потому более, что подорожники, не имея удобного помещения, каждый год в значительном количестве погибают.

"При сем имею честь донести, что означенные в смете 12 чугунных колонн доставлены господином в должности Егермейстера Всеволожским с собственных его заводов".

Птичник для подорожников представлял по фасаду приподнятое от земли на чугунных колоннах здание с решетчатым окном, балконом кругом, на который вела приставная к зданию лестница.

Министр Императорского Двора разрешил возвести испрашиваемую постройку, для которой затем выбрано было место при фазанном заведении, на дворе, по правую сторону ворот при въезде, между деревьями (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 12).

15 октября 1847 г. обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "Фазан-егерь Вальтер довел до моего сведения, что в продолжение многих лет он убедился опытом, что фазаны на Петергофском заведении могли бы плодиться лучше, если бы самки не клали своих яиц в

разных местах по дворам, отчего большая часть сих яиц и разбивается и пропадает, ибо при всей бдительности не всегда можно тотчас отыскивать и подбирать снесенные яйца, которые, оставаясь на открытом воздухе в сырую погоду, очень скоро портятся, а при малейшем морозе замерзают. Для отвращения сих неудобств Вальтер полагает устроить за летним сараем, находящимся на конце главного фазанного двора, новый второй дворик, обнесенный забором, чтобы отсаживать туда тех фазаньих самцов и самок, кои станут пониматься; в означенном же сарае устроить нужное число дверей, выходящих на новый дворик; на пол сего сарая, имеющего несколько отделений, между собою сообщающихся, насыпать достаточный слой мякины; таким образом при запертых дверях сего сарая со стороны большого двора отсаженные фазаны будут находиться совершенно отдельно от прочих, а понимаясь между собою, станут класть яйца в сарае на мякину, где их будут тотчас собирать и класть под индеек для высиживания. При этом для большей теплоты нужно устроить печь в сарае, где помещаются означенные наседки.

"От устройства описанного второго дворика получится еще и та выгода, что фазаны будут иметь всегда один чистый дворик для гулянья".

Вследствие этого Васильчиков испрашивал разрешения министра Императорского Двора устроить означенный второй дворик для фазанов с посадкою в нем кустов и покрытием сеткою, на каковую работу и представил смету, исчисленную в 795 руб. 40 коп. сер.

23 октября того же года министр Императорского Двора уведомил обер-егермейстера, что государь император соизволил вышеизложенное ходатайство высочайше утвердить, с отпуском потребных для того

денег 795 руб. 40 к. сер. из Кабинета Его Величества (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 96).

19 августа 1849 г. обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "Фазан-егерь Гинке решительно объявил мне, что он не может отвечать за сохранение фазанов в продолжение зимнего времени, по неимению для них удобного и достаточно теплого помещения.

"Вследствие этого Архитектор Ган, под личным моим надзором и по указанию фазан-егеря, составил смету на устройство всего необходимого для сохранения фазанов в холодное и сырое время, что, как утверждает фазан-егерь, устранит существующие до сих пор препятствия к сохранению и размножению фазанов". Означенная смета была исчислена в 247 руб. 80 коп. сер., а самые работы заключались в устройстве двух теплых комнат внутри сарая, имевшегося около главного здания Петергофского фазанного заведения.

Работы эти были министром Императорского Двора разрешены к производству, а потребные на них деньги были отпущены из Кабинета Его Величества (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 128).

В июле 1850 года управляющий Императорскими охотами вошел в Егермейстерскую контору с представлением, в коем указывал на дурное поведение фазан-егерского помощника Лимберга и на бесчинства, произведенные им "в лагере, где воспитываются молодые фазаны".

Обстоятельства, послужившие мотивом подобного донесения, весьма для нас интересные, как знакомящие с порядками, существовавшими тогда в Петергофском фазанном заведении, лучше всего выясняются из нижеследующего рапорта фазан-егеря Гинке управляющему Императорскими охотами:

"Дурное и нетрезвое поведение и вследствие их различные упущения в службе моего помощника Лимберга вынуждают меня, наконец, довести до сведения Вашего Высокоблагородия его поступки и просить о рассмотрении Вашем следующих жалобных пунктов и, буде Вы их найдете основательными, не оставить определить ко мне нового помощника:

"1. Недавно я собственными глазами видел, как Лимберг, полагая, что я не нахожусь близко, ударил ногою серебряного фазана.

"2. При отоплении печки в отделении серебряных фазанов, он не открыл трубы, каковую вещь забывать оттого невозможно, что дым, переходя в комнату, тотчас обнаруживается там. Пришед, к счастью, не более 10 минут позже в означенное отделение, чтобы удостовериться, все ли в порядке, я нашел фазанов чуть не задушенными дымом.

"3. Я наверно знаю, что Лимберг имеет поддельный ключ в отделение куропаток, потому именно, что он отворил в отсутствии моем Г-ну Архитектору Шарлемани дверь, когда настоящий ключ находился у меня.

"4. Недавно Лимберг, не затворивши одной двери, нарочно или нет, этого не знаю, был причиною, что два серебряных фазана сошлись в одно место, дрались, и один из них был убит другим. В этом неприятном положении моем, я просил Лимберга купить в Петербурге другого фазана, указавши ему для этого предмета деньги, но Лимберг, прокутивши в Петербурге мои деньги, возвратился оттуда в крайности пьяным. Поручивши другому такую покупку, я достал через три дня фазана, но моих денег до сих пор добиться не могу.

"5. Я не нашел ночного караула на своем месте

потому, что он был отпущен Лимбергом.

"6. Что, наконец, Лимберг не исполняет даже строжайших и часто повторенных ему приказаний Вашего Высокоблагородия, это он доказал недавно, прийдя в совершенно пьяном виде к молодым фазанам. Когда же я его просил выйти оттуда, он позволял себе против меня самые низкие и грязные ругательства и хотел даже прибить меня, так что я должен был дать знать об этом Вашему Высокоблагородию, и Вы сделали мне честь тотчас прийти в мое заведение и принять нужные меры.

"Сверх сего, были в разные времена многие, непонятные мне случаи, которые объяснить себе могу не иначе, как из недоброжелательного расположения моего помощника ко мне. Например, что фазаны непонятным образом вдруг издыхали, и два раза куропатки улетали.

"Впрочем, достаточно причин вышеизложенных поступков Лимберга находится в том, что он неоднократно, здесь в Петергофе, говорил разным особам, что он хочет лишить меня места. Несмотря на это, удваивая только старание в отношении службы моей, я бы еще молчал; но так как из поведения Лимберга происходит явный вред для вверенного мне заведения, я вынужденным нахожусь объявить об этом и прибегнуть к покровительству Вашего Высокоблагородия. Ежели же не имеются к этому препятствия, то покорнейше прошу сменить Лимберга и определить ко мне старшего ученика Михайлова".

Егермейстерская контора доложила рапорты управляющего охотами и фазан-егеря обер-егермейстеру Васильчикову, а последний вошел с соответственным ходатайству фазан-егеря представлением к министру Императорского Двора.

19 июля светлейший князь Волконский уведомил Васильчикова, что, по всеподданнейшему докладу об изложенном, государь император высочайше повелеть соизволил уволить фазан-егерского помощника Лимберга от службы в Императорских охотах вовсе, с лишением его придворно-служительского звания (Арх. Упр. Имп. ох., № 3 7/1371).

4 июля 1842 г. управляющий Императорскими охотами доносил Егермейстерской конторе: "Честь имею донести, что фазан-егерь Вальтер находит необходимым для золотых и серебряных фазанов пристроить по одной комнате на каменном фундаменте, в каждой по три окна, длиною каждая 5 саж., шириною в 1 саж. 1 арш., вышиною в 1 саж. 2 арш., с приделкою в перегородках по три двери с прибором плотничной работы".

Егермейстерская контора запросила фазан-егеря Вальтера, для какой именно надобности находит он необходимым возвести сказанную постройку.

Вальтер отвечал на это: "...Весною, когда придет время носки, что бывает уже в феврале месяце, здесь бывает еще очень холодно, и двух самцов держать вместе нельзя, по причине ярости, а в противном случае они будут забивать друг дружку, чему уже был пример. Почему и нахожу весьма нужным сию постройку, ибо у меня находится 14 золотых и 10 серебряных фазанов, то не имею места, куда их весною всех поместить, и при сем прошу заметить, что я, по приказанию Его Высочайшего Государства господина Обер-Егермейстера, для постройки оным комнат – сообщил Архитектору, который дал заметить, что через сию постройку испортится фасад дома".

Ходатайство фазан-егеря было представлено министру Императорского Двора с просьбою утвердить

такое; однако светлейший князь Волконский не усмотрел необходимости в возведении сказанных комнат и ходатайства не уважил (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 13).

В апреле месяце Егермейстерскою конторою было куплено, за счет особого ассигнования, для Высочайшего Двора 500 пар живых подорожников за 142 руб. 85 5/7 коп. сер., а в декабре – 499 пар за 142 руб. 57 1/7 коп. сер., причем последние были тотчас же отправлены в Царское Село.

Для Петергофского куропаточного заведения было заготовлено 156 кв. саж. новых веревочных сетей, на что было израсходовано 190 руб. сер.

Фазанов, между прочим, кормили белым хлебом, а также привозили для них из леса целые муравейники.

В мае месяце были приобретены в С.-Петербурге для Петергофского фазанного заведения 11 золотых и серебряных фазанов за 142 руб. 85 5/7 коп. серебр. Кроме того, туда же были доставлены фазаны и из-за границы, но сколько и каких именно, по делам не усматривается.

Золотые фазаны покупались большею частью на С.-Петербургской Бирже.

Для золотых и серебряных фазанов, кроме имевшегося в Петергофском фазанном заведении "летнего дома", были устроены теплые помещения (вероятно, взамен комнат, о которых просил фазан-егерь Вальтер и постройка которых не была произведена, дабы не портить фасада главного дома заведения; но где они были устроены – из дел не усматривается), каковая работа обошлась в 1568 руб. 70 коп. В Петергофском фазанном заведении появились в этом году крысы, сильно беспокоившие фазанов. За уничтожение крыс личному персоналу

фазанного заведения выдавались Егермейстерскою конторою премии (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 9/790, 4 5/826, 8/789, 1 3/794 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 7).

46 16 августа 1847 г. министр Императорского Двора сообщал в должности егермейстера Всеволожскому, который за отсутствием обер-егермейстера Васильчикова управлял Егермейстерским ведомством: "Уведомляю Ваше Превосходительство что фазан-егерь Вальтер, по Высочайшему повелению, командировается в Богемию, для покупки 100 штук фазанов, на пополнение находящегося здесь фазанного заведения, с тем, чтобы он отправился в Штеттин в будущую субботу, 23 сего Августа, на почтовом пароходе. На проезд его, Вальтера, и на покупку фазанов с доставкой выдано ему будет 450 руб. сер., равно и заграничный паспорт, для получения коих и нужно будет ему явиться в Канцелярию мою в Петергофе".

Фазан-егерь Вальтер вернулся из заграничной командировки 27-го сентября и привез с собою 55 фазанок и 11 фазанов. Из общего числа купленной птицы 25 штук "свалилось" дорогою, а 9 штук "хотя были привезены еще живыми, но так разбились дорогою, что не было никакой надежды для их поправления, почему они здесь и приколоты" и были доставлены к Высочайшему Двору (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 101).

В мае 1850 г. в Петергофское фазанное заведение было доставлено из Кронштадта несколько пар золотых и серебряных фазанов, выписанных из-за границы, и тогда же министр Императорского Двора прислал для помещения в то же заведение "пару золотистых и пару серебристых" фазанов, а также пару куропаток из

Новой Исландии, для помещения последних в куропаточном заведении (Арх. Упр. Придв. ох., No 5 4/1388 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 140).

22 августа 1850 г. ожидалось доставление в Придворную охоту из Кронштадта выписанных из Штеттина 140 молодых простых фазанов. В действительности Императорскою охотою было принято 29 самцов и 58 самок фазанов, доставленных королевским прусским придворным егерем Фоссом. Остальные птицы пали дорогою (там же, No 159).

26 июля 1851 г. государь император при посещении своем Петергофского фазанного заведения, "заметив ветхость изгороди, окружающей черный двор на фазанном заведении", высочайше повелеть изволил сопровождавшему Его Величество начальству Императорских охот немедленно исправить таковую (там же, No 176).

22 апреля 1853 г. в должности егермейстера граф Павел Карлович Ферзен, в то время стоявший уже во главе ведомства Императорской охоты, доносил министру Императорского Двора: "Шведский Генеральный Консул Стерки, объяснив мне, что выписываемые из Богемии в Стокгольм фазаны постоянно околевают, выразил желание Его Величества Короля Шведского иметь от 15 до 20 пар фазанов из России. Означенное количество фазанов можно доставить ко Шведскому двору не ранее Августа месяца текущего года, потому что туда нужно послать молодых, здесь уже выведенных, цыплят, совершенно способных к перенесению холодного климата". Министр Императорского Двора доложил об изложенном желании Короля Шведского Государю Императору, при чем Его Величество Высочайше повелеть изволил отправить в Стокгольм 15 пар

молодых фазанов, "буде через таковой отпуск не произойдет недостатка в фазанах в нашем заведении" (там же, оп. 4/1003, No 16).

18 августа 1853 г. были доставлены в Петергофское фазанное заведение фазаны, присланные в подарок государю императору вдовствующей королевой нидерландской. В числе этих фазанов находилось золотых петухов 8 и куриц 6 и серебряных петухов 2 и куриц 4 (Арх. Упр. Имп. ох., No 2 0/1581).

26 того же августа министр Императорского Двора писал временно управлявшему в то время, за отсутствием в должности егермейстера графа Ферзена, Егермейстерским ведомством шталмейстеру Толстому: "По Высочайшему повелению, покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать иметь надлежащий присмотр и бдительное хождение за двадцатью фазанами, доставленными в подарок Государю Императору от Имени Ее Величества вдовствующей королевы Нидерландской Анны Павловны" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 13).

47 1847 год. При Императорской охоте содержался присланный великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами орел, на содержание которого и постройку ему особой будки Егермейстерская контора затребовала от гофмаршальской части Двора Их Высочеств необходимые средства.

19 апреля 1848 г., вследствие требования Егермейстерской конторы от гофмаршальской части Двора Их Высочеств Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей о возмещении расходов Конторы по содержанию живого орла, присланного в Императорскую охоту их высочествами, Управляющий делами великих князей генерал-адъютант Философов писал обер-егермейстеру Васильчикову: "Их

Императорские Высочества, Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи, отсылая в прошлом году на Егерский двор молодого орла, отнюдь не полагали сохранить над ним никакого права собственности, а отдавали его в полное распоряжение Придворной охоты.

"Вследствие сего, не имея никакого права производить из сумм Их Высочеств требуемую Вашим Высокопревосходительством уплату, я отнесся о сем к Министру Императорского Двора, под главным надзором коего, со времени изменения состава Собственной Его Величества конторы, состоят все денежные дела Их Высочеств, с просьбою отнести сию издержку на какой-либо другой источник".

Вскоре министр Императорского Двора уведомил обер-егермейстера, что расходы на содержание помянутого орла, который, кстати сказать, был помещен в Петергофском фазанном заведении, должны относиться на остатки от штатных сумм Егермейстерской конторы (Арх. Упр. Имп. ох., No 6 9/1179).

В мае того же года министр Императорского Двора приобрел для Петергофского фазанного заведения на С.-Петербургской бирже 6 пар серебряных фазанов, по цене 40 руб. за пару, и 6 пар золотых, по 45 р. за пару. В числе последних, по донесению фазан-егеря, два самца оказались совершенно слабыми и слепыми на один глаз (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 5/1002, No 111).

48 В декабре 1856 г. егермейстер граф Ферзен, ходатайствуя перед министром Императорского Двора об увеличении штата Императорской охоты, указывал на возможность упразднения в видах экономии Петергофского фазанного заведения, мотивируя свое предложение, между прочим, следующим: "Заведение

это далеко не достигает своего назначения. Опытом нескольких лет дознано, что дикие фазаны по суровости климата, от совершенного недостатка проточной воды и по болотистой местности, вовсе не плодятся здесь; а выводки из-под яиц, высиживаемых индейскими курами, большею частью не доживают до надлежащего возраста. Сверх ежегодно ассигнуемой на фазанное заведение суммы и независимо денег, отпускаемых на мелочные предметы, должно причислить к временным расходам и издержки по ремонту фазанного заведения, которые в наступающем году будут довольно значительны, так как огромная сеть, столбы ее поддерживающие и другие пристройки, за совершенною ветхостью, требуют основательного исправления" (Арх. Упр. Имп. ох., No 5 1/1663).

Петергофское фазанное заведение было упразднено по высочайшему повелению 3 марта 1857 г. (там же, дело без No).

24 марта 1857 г. егермейстер гр. Ферзен доносил министру Императорского Двора: "На основании Высочайше утвержденного в 3-й день сего марта нового штата Придворной охоты, по которому фазанное заведение упраздняется, имею честь испрашивать разрешения Вашего Сиятельства дозволить:

"1. Место и все строения, занимаемые фазанным заведением, удержать за Придворною охотою до конца осени настоящего года, дабы можно было поместить там некоторых служителей, а также содержать куропаток и подорожников и посадить зайцев, так как изгородь в заячем ремизе пришла в совершенную ветхость.

"2. Две пары золотых и четыре пары серебряных фазанов передать на Царскосельский птичий двор или

продать по вольной цене.

"3. Диких фазанов, сколько их окажется, доставлять по мере надобности к столу для Высочайшего Двора.

"Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение Вашего Сиятельства, долгом считаю присовокупить, что деньги, назначенные на содержание фазанного заведения, отпущены из Кабинета Его Величества по 1 Мая текущего года".

Означенные ходатайства графа Ферзена, по всеподданнейшему докладу министра Императорского Двора, были уважены, причем по отношению к золотым и серебряным фазанам последовало высочайшее повеление перевести этих птиц в Царское Село и поместить "в птичьем корпусе", "вместе с находящимися там козуарами и орлами; если же это окажется невозможным, то содержать их там, где были ламы" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, № 68).

В апреле 1858 г. здания упраздненного Петергофского фазанного заведения были переданы Егермейстерским ведомством местному Дворцовому правлению (там же).

49 26 апреля 1826 г. князь А. Голицын писал обер-егермейстеру Нарышкину: "Государь Император, признав необходимым, чтобы с будущего 1827 г. уменьшены были расходы по всем частям придворного ведомства, дал повеление составить сметы на тот год с возможным ограничением расходов против прошедших лет. Между тем, при рассмотрении ныне представленного от Вашего Высокопревосходительства списка о состоящих в Обер-егермейстерском ведомстве чинах и служителях, а также ведомостей о домах и местах, сему ведению принадлежащих, Высочайше соизволил, для уменьшения расходов по сей части, предназначить следующее:

"1. Положенную в Придворный штат 1801 года птичью охоту уничтожить, а оставить только Егерскую команду со псовой охотою, уменьшив по крайней возможности число людей и лошадей.

"2. Охотный двор у Обухова моста уничтожить, переведя что можно в Чесму, а прочее в Петергоф.

"3. Слона перевести в Царское Село.

"4. Егермейстерской команды служительских детей, составляющих роговую музыку, передать в Лейб-Гвардии Егерский полк со всеми прочими служителями, кои входили в состав сей музыки, оставя их в Придворном звании касательно лет службы и прочего, но с тем, чтобы они всегда были при полку.

"5. Петергофский зверинец передать в ведомство тамошнего Дворцового правления, а находящихся в нем оленей перевести в Царско-Сельский парк.

"6. Московский зверинец и состоящую в Москве сокольничью слободу со всем принадлежащим к ним строением и имуществом передать в ведомство Главноначальствующего Кремлевскою экспедициею; Потешный же двор в той слободе с птичьєю охотою уничтожить, разместя находящихся там служителей в штат Придворной конюшни или другие Придворные ведения, по их способностям; а оленей из одного зверинца перевести в Царское Село, если можно без больших издержек; в противном же случае продать их там.

"7. Числящихся в ведении Обер-Егермейстера сокольных помытчиков Казанской губ., в разных уездах 100 душ, отдать в ведомство Удельного Департамента.

"О сем предположении Его Императорское Величество Высочайше повелеть мне соизволил сообщить Вашему Высокопревосходительству на тот конец, чтобы ныне же составлен был новый штат

Обер-Егермейстерскому ведению, сообразно с тем, что за сею реформою должно войти в штат его; о тех же чинах и служителях, кои останутся от уничтожаемых мест праздными, представили бы Вы Его Величеству именной список, с означением их службы и получаемого ими жалованья и с отметками в особой графе: кто из них куда может быть способен на службу, и кто, за болезнью или за неспособностью, будет назначен к увольнению от оной".

Нарышкин отвечал только относительно музыкантского хора: "В числе сей музыки и ныне состоят Егерской охоты четыре человека, псовой 13, да служительских детей 15, всего 32 человека, кои все вообще, будучи из служительского ведения моего детей, с малолетства приобучены к охотам и исправляли должности по оным и сверх того занимались музыкою, то ежели, по Высочайшему назначению, отосланы будут в Егерский полк, по охотам выбудут способные люди, коих места дополнить вольноопределенными не надеюсь и найти к тому способных; а посему покорнейше прошу Ваше Сиятельство доложить Его Величеству, не благоугодно ли будет означенную музыку, так как она составлена собственно мною, без особой на сие воли, оставить по-прежнему в ведении моем с тем, чтобы находящихся ныне в той музыке сверх по должности служителей разместить по способностям их в охоты на места престарелых и неспособных к службе служителей, о коих по Высочайшем утверждении штата, равно как и об остающихся сверх одного не премину я представить особо именные списки" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1001, No 128).

Из приведенных предположений первое было приведено в исполнение предположение об

уничтожении сокольных помытчиков.

19 августа 1827 г. воспоследовал именной высочайший указ Правительствующему Сенату:

"Придворного Егермейстерского ведомства кречетьи помытчики, состоящих в разных городах и уездах Казанской губ., в числе 106 душ по 7-й ревизии, повелеваем исключить из Придворного ведомства и тех из них, кои живут в городах и занимаются торговлею, приписать к тамошнему купечеству или мещанству, для платежа податей, сообразно с их состоянием и промыслами, а прочих обратить в казенных крестьян, обложив их податями и снабдив землею наравне с прочими казенными поселянами (там же, No и 137, II Полн. Собр. Зак., No 1305).

3 сентября того же года министр Императорского Двора писал обер-егермейстеру Нарышкину, что "Государь Император Высочайше разрешает принять ныне в Егермейстерскую команду двенадцать человек из вольных егеров и охотников в виде наемных; в действительную же службу помещать их не иначе, как с Высочайшего разрешения и тогда уже, окажут себя способными для Придворных охот" (Арх. Упр. Имп. ох., без No).

Приведенное высочайшее соизволение наводит на мысль, что изложенное выше ходатайство Нарышкина об отмене предположения касательно передачи музыки Придворной охоты в Лейб-гвардии Егерский полк уважено не было.

12 января 1828 г. министр Императорского Двора сообщил обер-егермейстеру Нарышкину: "Государь Император изъявил всемилостивейшее свое соизволение, чтобы казенную землю, застроенную Егермейстерскими чиновниками в Московской сокольничьей слободе, отдать им в вечное владение,

разделив ее на участки, сколько у кого по домам состоит" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 140).

50 22 января 1833 г. высочайше утвержден следующий новый штат Егермейстерского ведомства:

1. Обер-егермейстер, с жалованьем 4188 руб. асс.
2. Егермейстер, с жалованьем 2532 руб. асс.
3. Унтер-егермейстер, с жалованьем 1400 руб., квартирными 300 руб. и на разъезды 400 руб. асс.
4. *В Конторе:* а) Секретарь – жалованье 1400 руб. и на разъезды 400 руб.; б) Казначей – жалованье 800 руб. и квартирных 250 руб.; в) Бухгалтер – то же содержание; г) 3 писца, каждому жалованье по 500 руб. и всем на квартиру 300 руб.; д) 3 сторожа, каждому жалованье – 140 руб. асс. На канцелярские расходы – 1000 руб. асс.
5. *При охотах:* а) Управляющий – жалованье 1200 руб. асс.; б) при нем писарь – жалованье 140 руб.; в) Биксеншпаниер – жалованье 700 руб.; г) Государев стремянный – жалованье 700 руб.; д) Комиссар – жалованье 700 руб.; е) Смотритель при Петергофском парке – жалованье 500 руб.; ж) Егерь старший – жалованье 240 руб.; з) Егерей младших 7 человек, каждому жалованья по 220 руб.; 1) Егерских учеников 8 человек, каждому жалованье 140 руб.; 1) Доезжачий старший – жалованья 240 руб.; к) Доезжачих младших 3 человека, каждому жалованья по 220 руб.; л) Стремянный 1-й статьи – жалованье 240 руб.; м) Стремянных 2-й статьи 3 человека, каждому жалованья по 220 руб.; н) Стремянных 3-й статьи 2 человека, каждому жалованья по 140 руб.; о) Старший тенетчик – жалованье 240 руб.; п) Тенетчиков младших 12 человек, каждому жалованья 140 руб.; р) Вабельщик – жалованье 220 руб.; с) Выжлятников 4 человека, каждому жалованья 220 руб.; т) Выжлятничьих

учеников 5 человек, каждому жалованья 140 руб.; у) Наварщиков 4 человека, каждому жалованья 140 руб.; ф) Конюх старший – жалованье 220 руб.; х) Конюхов младших 5 человек, каждому жалованья 140 руб.; ц) Пожарный из числа тенетчиков – жалованье 220 руб.; ч) Зверовщиков при Петергофском парке 2 человека, каждому жалованья 140 руб.; ш) Кузнечный мастер – жалованье 220 руб.; щ) Кузнечный ученик – жалованье 140 руб.;) Лекарский ученик – жалованье 180 руб., хлебных денег 220 руб. и на платье 131 руб.; е) Фельдшер – жалованье 140 руб.; ы) Коновальский ученик – жалованье 140 руб.; ю) Седельный мастер – жалованье 140 руб.; я) Мальчиков из служительских детей 12 человек, каждому жалованья 48 руб.

6. *При щенячем заведении:* а) Старший выжлятник – жалованье 240 руб.; б) Выжлятничьих учеников 3 человека, каждому жалованья 140 руб.; в) Наварщиков 2 человека, каждому жалованья 140 руб.

7. *В Москве* для наблюдения за частными охотниками 4 егеря, с жалованьем каждому по 140 руб.

Кроме сумм, положенных на производство жалованья личному составу Придворных охот, штатом устанавливались следующие отпуска:

1. На пайки нижним служителям, всего 81 человеку и 12 служительским детям 7830 руб.

"*Примечание.* Пайки должны быть покупаемы из казенных провиантских магазинов по утвержденным на оное ценам".

2. "На обмундирование служителей по прилагаемой таблицы" 9998 руб.

3. На выдачу вдовам и детям умерших чиновников и служителей единовременных пособий 750 руб.

4. Лошадей было положено иметь: для охот 37 и подъемных 28, всего 65; "на фураж им, на каждую в

сутки: овса 3 гарнца, сена 15 фунтов и соломы 4 фунта, считая в покупке овес по 9 руб. четверть, сено 80 коп. и солому 30 коп. пуд" – 17.838 руб.; на подковку лошадей 400 руб. и на ремонт их 1200 руб., всего на лошадей – 19.438 руб.

5. Всего положено было иметь взрослых собак: борзых 30 и гончих 60; "им на корм овсяной муки по 1 гарнцу и на подстилку соломы по 2 фунта в сутки, считая в покупке муку 11 четвериковой меры по 8 руб. и солому по 30 коп. пуд" – 4590 р.; щенков: борзых 15, гончих 40; "им на корм по 1 гарнцу муки в 8 месяцев (т. е. по достижении щенком 8-месячного возраста) и на подстилку соломы по 2 фунта в сутки по ценам вышеозначенным" – 1977 руб.; дойных коров 3, "на корм каждой по 1 гарнцу овса, по 20 фунтов сена и на подстилку соломы по 5 фунт. в сутки" – 630 р.; "на корм принадлежащим егерям и егерским ученикам 20 легавым собакам, полагая 16 в С.-Петербурге, по 25 руб., и 4 в Москве, по 15 руб. на каждую в год", всего 460 руб.; "на покупку мяса для продовольствия собак и щенков" – 2250 р. Всего на содержание собак – 9907 руб.

6. "На порции чиновникам и служителям во время командировок и отъездов на охоты и на покупку провианта нижним служителям, в случае возвышения цен на хлеб – 3624 руб.

7. "На наем трубочиста и печного мастера" – 350 руб.

8. "На освещение в слободе квартир, улиц, конюшен и дворов" – 1000 р.

9. "На ремонт экипажей, седельных уборов, упряжной сбруи и пожарных инструментов" – 1000 руб.

10. "На ремонт строений в слободе" – 2500 руб.

11. "На покупку дров для щенячьего заведения" – 1200 руб.

12. "На покупку пороха, дробы и проч." – 500 руб.

13. "На покупку зайцев" – 500 руб.

14. "На содержание зайцев в заячьем садке и на поправку заборов" – 750 р.

15. "На содержание в Петергофском парке зверей по назначению" – 2800 р.

16. "На наем в Москве квартир с отоплением для 4 егерей" – 430 руб.

17. "На экстраординарные расходы по всем частям Егермейстерского ведения" – 5200 руб.

Всего же по штату было исчислено ежегодного расхода на все потребности – 101.730 руб. асс.

"Примечание: 1) Взамен отпускаемых Егермейстерскому ведению от Придворной конторы ежегодно 650 саж. дров, получать деньгами по подрядным ценам оной конторы. 2) Деньги, собираемые за билеты на право охотиться, употреблять вообще на предметы, до улучшения Егермейстерской части относящиеся, а также в пособие некоторым чиновникам на постройку мундиров, по мере возможности и усмотрению начальства" (II Полн. Собр. Зак., No 5925).

28 августа 1840 г. обер-егермейстер Васильчиков донес министру Императорского Двора: "Для наблюдения за безбилетными охотниками находятся в Москве 4 егеря. По обширности столицы и ее окрестностей существование столь незначительного числа егерей для предназначаемой цели вовсе там не заметно, и они не могут принести никакой пользы. Выручаемая же за позволительные билеты сумма столь маловажна, что она не покрывает расхода, на содержание сей команды производимого, и этим самым

указывается, что упомянутое малое число егерей не препятствует охотиться без билетов. По сим уважениям, на которые, конечно, и Ваша Светлость согласиться изволите, я полагал бы содержание егерей в Москве вовсе прекратить и перевести их сюда". 5-го сентября того же года министр уведомил о высочайшем разрешении привести ходатайство Васильчикова в исполнение (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 246).

51 16 декабря 1838 года министр Императорского Двора затребовал проект нового штата Егермейстерской конторы, с новыми окладами содержания личного персонала. Управляющий, за отсутствием Васильчикова, Егермейстерским ведомством, шталмейстер барон Фридерикс, представляя 18 декабря требуемое, между прочим, доносил: "Вместе с сим обязанностью считаю довести до сведения Вашей Светлости, что весьма ограниченное жалованье чиновников и служителей охоты, крайне нуждающихся в содержании, вынудило меня также составить проект штата Придворных охот, который при сем имею честь приложить". Вернувшийся из отпуска Васильчиков, осведомившись о сказанном ходатайстве Фридерикса, нашел, что проект последнего не отвечает обстоятельствам дела и потребностям ведомства, и представил министру другой вариант штатов, собственного составления. Дело это не увенчалось какими бы то ни было результатами, почему самые проекты новых штатов мы и не приводим (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 253).

18 мая 1841 года Васильчиков вошел к министру Императорского Двора со следующим представлением:

"Входя в существующее ныне положение Государевой охоты и управляя ею почти десять лет, я

убедился на опыте, что со временем она должна прийти в совершенный упадок; причины к тому следующие:

"Егерей в Царской охоте весьма мало, гораздо менее других государств. Даже у партикулярного человека, у князя Клари, в Теплице, егерей содержится 31; между тем здешние 20 человек егерей, составляющие комплект, летом и осенью занимаются исключительно караулами над безбилетными охотниками. Им же, по приказу Вашей Светлости, не позволено быть с ружьями и собаками. По сей причине казенные егеря, не имея в своем деле практики, не будут оной знать: старые потеряют навык, а молодые будут совершенно невежи в их ремесле; сверх того, годных легавых собак вовсе не будет, ибо старые егеря, знающие дрессировку собак, не имеют случая сим делом заниматься, а молодые никогда к оному не приучатся.

"Псовой охоте Ваша Светлость не позволяете отъезжать в дальние места, а должна практиковаться в окружности С.-Петербурга, где большие леса, болота и совершенно нет зверя. При таком положении выжлятники не могут знать своего дела, которое требует большого навыка; без практики они его не получают. Гончих надо наезжать: не быв в работе, стая будет балованная. Борзые собаки, не быв употребляемы, прыткости никакой не могут иметь.

"По описанным причинам Ваша Светлость ясно усмотрите, что Начальнику весьма затруднительно содержать Государеву охоту в том виде, как надлежит, не имея даже способа узнать способности служителей, коих он должен назначать в должности.

"Все сии обстоятельства побуждают меня представить Вашей Светлости мое предположение:

"1. Уничтожить псовую охоту, которою Государь Император никогда не пользуется.

"2. Вместо 20 егерей, назначить 40. Тогда половину их можно будет употреблять для караулов без ружей и собак, а другую половину отправлять для практики в дальние места от столицы. При таком устройстве можно надеяться иметь настоящих знающих егерей.

"3. Умножить фазанное и куропаточное заведения, дабы иметь более птиц для охоты Его Величества в ремизе.

"4. Нужно будет покупать живых зверей для охоты Его Императорского Высочества в зверинце. Вместо гончих собак, можно будет употреблять тракеров^{A1}.

"С подобною переменою последует для казны экономия; чиновники и писцы в Придворной охоте убавятся; с прекращением делопроизводства уменьшится и Контора, как чиновниками, так и писцами; сократится и расход по оной; выжлятники, стремянные и тенетчики расформируются; верховые лошади уже не будут нужны; подъемных понадобится только 25; собаки уничтожатся, рявно и щенячье заведение, о котором, после 8-летнего опыта, дознано, что в Гатчине от сырого грунта и закрытого места борзые щенки подвергались чуме и весьма трудно их в оном заведении выкармливать. В прежние времена оное заведение состояло в Москве и снабжало Государеву охоту борзыми собаками. Неудобство сие принудило меня выкармливать оных в своей деревне, без казенной издержки, и находящиеся ныне в Государевой охоте борзые собаки все почти снабжены мною. Приобретать же их покупкой будет стоить дорого и мудрено доставать хороших.

"С сим новым преображением егерская часть должна быть в совершенно удовлетворительном виде; теперьшнее же ее устройство, при весьма ограниченном положении, невозможно удержать без

упущения в том или другом предмете.

"Буде Ваша Светлость одобрите мое мнение и воспоследует решение Государя Императора, то можно бы сие привести в исполнение в будущем году; в течение же сего года, по возможности, нужно будет служителей отставлять и определять, а лошадей и собак продавать".

Министр Императорского Двора означенный проект Васильчикова доложил государю императору, но Его Величество не изволил найти таковой соответственным, о чем и было сообщено обер-егермейстеру для сведения (Обиц. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 253).

52 1 января 1843 г. был высочайше утвержден нижеследующий новый штат Егермейстерского ведомства:

I. Егермейстерская Контора.

1) Обер-егермейстер. Класс должности II; жалованье 1430 руб., столовых 2267 руб.; всего 3717 руб.

2) Егермейстер. Класс должности III; жалованье 1143 руб., столовых 857 руб.; всего 2000 руб.

3) Секретарь. Класс должности VIII; жалованье 429 руб., столовых 288 руб.; всего 715 руб.

4) Журналист. Класс должности X; жалованье 220 руб., столовых 57 руб.; всего 286 руб.

5) Бухгалтер. Класс должности IX; жалованье 429 руб., столовых 143 руб.; всего 572 руб.

6) Казначей и экзекутор. Класс должности VIII; жалованье 286 руб., столовых 143 руб.; всего 429 руб.

7) Архивариус. Класс должности X; жалованье 286 руб., столовых 57 руб.; всего 343 руб.

8) Канцелярские служители: I разряда два, с

жалованьем в 215 руб. каждому, и II разряда два, с жалованьем 115 руб. каждому; им на паек и обмундировку 68 руб. (это должно относиться к служителям II разряда).

9) Сторожей трое, каждому жалованья 78 руб. и столовых 13 руб.; всего 91 руб. одному.

10) На канцелярские припасы 500 руб.

Итого расхода на Контору в год – 9563 руб. сер.

II. При охотах.

1) Унтер-егермейстер. Класс должности VI; жалованье 572 руб., столовых 572 руб.; всего 1144 руб.

2) Управляющий охотами. Класс должности VIII; жалованье 429 руб., столовых 258 руб.; всего 687 руб.

3) Комиссар. Класс должности IX; жалованье 229 руб., столовых 114 руб.; всего 343 руб.

4) Государев стремянный. Класс должности XII; жалованье 229 руб., столовых 114 руб.; всего 343 руб.

5) Биксеншпаниер. Класс должности XIV; жалованье 229 руб., столовых 114 руб.; всего 343 руб.

6) Смотритель Петергофских зверинцев. Класс должности XIV; жалованье 115 руб., столовых 85 руб.; всего 200 руб.

7) Писец при Управляющем охотами, с жалованьем в 115 руб., на паек и обмундировку 34 руб.

8) Магазин-вахтер, он же писарь при Комиссаре, с жалованьем 115 руб. и столовых 85 руб.; всего 200 руб.

III. Служители охоты.

А. Первой статьи. 1) Егерь, жалованье 115 руб., столовых 58 руб.; всего 173 руб.

2) Доезжачий, содержание то же.

3) Стремянный, содержание то же.

4) Тенетчик, содержание то же.

5) Выжлятник при щенячем заведении, содержание то же.

6) Лекарский ученик, жалованье 86 руб., столовых 58 руб.; всего 144 руб.

Б. Второй статьи. 1) Егерей 9 человек, каждому жалованье 58 р., столовых 58 р.; всего 16 руб.

2) Доезжачих трое, содержание то же.

3) Стремянных трое, содержание то же.

4) Вабельщиков двое, содержание то же.

5) Выжлятников четверо, содержание то же.

6) Конюх один, содержание то же.

7) Пожарный один, содержание то же.

8) Кузнечный мастер один, содержание то же.

В. Третьей статьи. 1) Стремянных двое, жалованье 58 р., столовых 29 р.; всего 87 р. каждому.

2) Тенетчиков 12 человек, содержание то же.

3) Выжлятничьих учеников восьмеро, содержание то же.

4) Егерских учеников 10 человек, содержание то же.

5) Наварщиков шестеро, содержание то же.

6) Конюхов пятеро, содержание то же.

7) Зверовщиков при Петергофском парке двое, содержание то же.

8) Кузнечный ученик один, содержание то же.

9) Фельдшер один, содержание то же.

10) Коновальный ученик один, содержание то же.

12) Седельный ученик один, содержание то же.

13) Школьников 12 человек, каждому жалованье 23 руб., столовых 13 руб.; всего 36 руб. на одного.

IV. При фазанном и куропаточном заведениях.

1) Фазан-егерь, с жалованьем 286 руб., столовыми 172 руб.; всего 458 руб.

2) Помощник его, жалованье 86 руб., столовых 29

руб.; всего 115 руб.

3) Учеников пятеро, каждому жалованье 58 р., столовых 28 р.; всего 86 руб.

4) Чернорабочих трое, каждому жалованье 86 руб.

5) На наем трех чернорабочих для ремиза в летнее время, в течение 4-х месяцев 103 руб.

6) Служитель при главных воротах фазанного заведения, с жалованьем 40 руб., столовыми 26 руб.; всего 66 руб.

7) Караульщики при ремизе двое, содержание то же.

8) На содержание лошади при фазан-егере 54 руб.

Итого на содержание личного персонала охот 13.513 руб.

"На выдачу вдовам и детям умерших чиновников и служителей единовременного годового жалованья мужей или отцов их" – 286 руб.

Всего на содержание личного персонала ведомства Придворной охоты – 23.362 р.

"Примечание. Могущие быть по миновании года от штатных сумм остатки распределяются в расход с утверждения Министра Императорского Двора" (II Полн. Собр. Зак., No 16.406).

Ввиду того обстоятельства, что по штату этому положено было выдавать на руки служителям столовые деньги, а не припасы, как то практиковалось прежде, и вследствие ходатайства Обер-егермейстера об изменении этого порядка, министр Императорского Двора разрешил 22 января того же 1843 года "для служителей Егермейстерского ведения заготовлять провиант на счет части столовых их денег; остальные же выдавать им на руки, но не иначе как по собственному их на то согласию, дабы отклонить могущие со стороны их быть жалобы на недоброту

провианта и тому подобное".

После этого Егермейстерским ведомством было сделано распоряжение об отпуске: каждому служителю вперед на каждую треть – по кулю муки, весом с кулем в 9 пудов, и в первые две трети по 3 четверика, а в последнюю треть два четверика гречневой крупы; школьникам, на каждого в треть – полкуля ржаной муки и в первую треть 2 четверика, а в другие две трети по и четверику гречневой крупы. Столовые деньги предписано было засчитать вначале за отпущенный провиант, а по погашении стоимости последнего остаток выдавать на руки (Арх. Упр. Имп. ох., No 1 3/858).

Кроме того, так как по новому штату не было положено выдававшихся ранее мундирных денег, министр Императорского Двора, по ходатайству обер-егермейстера, разрешил 29 марта, "сверх положенного по новому штату содержания, производить в сравнение с прежними окладами: казначею и эзекутору Егермейстерской конторы Фаддееву по 101 руб. 83 коп. сер. и канцелярским служителям 1-го разряда, Хорошевскому и Кожину, каждому по 47 руб. 80 коп. сер. впредь до выбытия их или до перемещения в высшие должности, а Биксеншпаниеру Томсону по 29 руб. 78 коп. сер. дотоле, пока он будет исправлять должность смотрителя зверинцев, всем из суммы, выручаемой за билеты на право охотиться" (там же, No 4 3/888).

53 27 октября 1853 года в должности егермейстера граф Ферзен подал министру Императорского Двора следующую записку: "Действия Придворной охоты, усиливаясь с каждым годом, начиная с 1849 года, дошли, наконец, до того, что в настоящее время Придворная охота, сообразно своему назначению,

должна находиться постоянно в передвижениях: для истребления волков в окрестностях столицы, для производства псовых и медвежьих охот в присутствии Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и для надзора за частными лицами, производящими охоту без дозволительных билетов и в недозволенное время. Постоянное движение Придворной охоты, кроме того, что увеличило расход на ковку и ремонт лошадей, на ремонт экипажей и сбруи, выдачу порционных денег, покупку фуража, который на больших дорогах, на постоялых дворах покупается значительно дороже не только штатных, но и справочных цен, и на починку аммуниционных вещей, кои скоро изнашиваются и портятся на охотах, в особенности в лесах, резко обозначило средства Егермейстерского ведомства, его нужды, занятия, обязанности и ответственность каждого из чиновников и служителей и выразило необходимость в новом штате и уставе.

"Сумма 46.937 р. 28 коп., ежегодно отпускаемая Егермейстерскому ведению, слишком достаточна для содержания этого ведомства в надлежащем порядке; но это может быть только тогда, когда сумма эта получит совершенно другое распределение, более согласованное с настоящим ходом дел, устав — большую определительность, должности чиновников и служителей — перемену и сокращение, самое же ведомство — большую организацию. Но организовать Егермейстерское ведение вполне согласно прочим ведомствам Министерства Императорского Двора невозможно потому, что главную и существенную часть этого ведомства составляет Придворная охота, постоянно находящаяся в походе.

"Состоящий в должности Егермейстера граф

Ферзен поставлен в необходимость для приведения вверенной его управлению части в надлежаще лучшее положение ходатайствовать у Его Сиятельства г-на Министра Императорского Двора о дозволении представить Его Сиятельству проект нового штата и устава предварительно частным образом, и когда этот проект будет одобрен Его Сиятельством, тогда войти об утверждении оного с формальным представлением.

"При сем граф Ферзен считает долгом присовокупить, что по новому проекту штата предполагается значительное сокращение расходов".

Судьба представленного проекта, равно как и сущность оного нам неизвестны (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, № 19).

54 К 1833 году относятся следующие известия:

1. Придворные егеря, егерские ученики и птичники содержали 40 собственных легавых собак.

2. Для Императорской охоты была приобретена за 100 руб. "породистая легавая собака для разводу".

3. В течение года были куплены для Придворной охоты меделянские собаки: в августе две за 100 руб., а в ноябре еще четыре "породистых" за 320 руб. Для собак этих в слободе были сделаны особые будки.

4. У тенячьего заведения в Гатчине сделан забор, длиною 187 саж., обошедшийся в 3132 руб. 25 коп. Там же произведена планировка земли во дворе, а последний вымощен камнем и обнесен канавами, что обошлось в 1500 р.

5. При Императорской охоте вообще содержалось 65 лошадей, а при псовой охоте 90 собак и 55 щенков.

6. Лошади для Придворной охоты приводились из Чугуева, при чем "привод" этот именуется "срочным".

7. Организованный "заячий садок" пополнялся зайцами, которых приобретали покупкою.

8. В Петергофском зверинце произведена починка городьбы на пространстве 1220 погонных сажений, с обшивкою ее досками, что обошлось 920 руб.

9. В названный зверинец было пущено две пары холмогорских оленей, приобретенных за 480 руб.

10. В Гатчинский зверинец (не состоявший в ведении Егермейстерского ведомства) были доставлены: в двух ящиках с дачи обер-егермейстера Нарышкина олени, от великого князя Константина Николаевича медвежонок и от генерал-майора Эйхена из Ораниенбаума лосенок (Арх. Упр. Имп. ох., No 8/631).

В 1834 г. при Императорской псовой охоте содержалось собак: в январе и феврале месяцах 88, в марте и апреле – 110, в мае – 115, в июне – 117, в июле – 108, в августе – 118, в сентябре – 111, в октябре и ноябре – 60, в декабре 96 (Арх. Упр. Имп. ох., No 3/659).

В 1841 г. при Императорской охоте содержались две собственные ее величества собачки, на прокорм которых из Канцелярии Ее Величества отпускалось в год 90 руб. 98 коп. сер. (Арх. Упр. Имп. ох., No 9/790).

В 1842 г. при Императорской охоте содержались: собственные его величества – четыре щенка, родившиеся 9 октября, и три легавые собаки; ее величества – две "шарлотки"; наследника цесаревича – две легавые собаки – "Тайлор" и "Фанни", и борзой щенок, который в декабре месяце, "по воле Его Высочества, уничтожен"; великого князя Константина Николаевича – легавая собака и водолаз. На содержание этих собак отпускались деньги из собственных сумм их величеств и их высочеств (там же).

В 1844 г. при Императорской охоте содержались

следующие собаки:

а) *Борзые кобели*: темно-серых псовых – 2, темно-серых горских – 1, серых псовых – 1, бурматных псовых – 1, черных псовых – 1, муропегих псовых – 4, красно-чубарых горских – 1, серо-пегих псовых – 2, чубарых с загривиной горских – 1, чубарых горских – 1, светло-половых псовых – 2; всего 17 борзых кобелей.

б) *Борзые суки*: светло-серых с загривиной псовых – 1, серых чистопсовых – 2, чубарых хортых – 1, бурматно-пегих псовых – 1, полово-пегих псовых – 1, серо-пегих псовых – 1, темно-серых псовых – 1, темно-голубых – 1; всего борзых сук – 9.

в) *Выжлецы*: темно-серых с кауринами – 1, черно-пегих – 8, черно-пегих с кауринами – 2, черных красноподпалых – 3, серых с каурью – 1, черных с кауринами – 1, серых с большою загривиною – 1, серо-пегих с кауринами – 1; всего выжлецов – 18.

г) *Выжловки*: кауро-пегих – 1, серо-пегих с кауринами – 2, каурых с серью – 3, черно-пегих – 9, черных красно-подпалых – 4, черно-пегих с кауринами – 2, серых – 1, черно-пегих с крапинами – 2, темно-серых с кауринами – 1, черных – 1, багряных с кауринами – 3, серо-пегих – 1, серых с кауринами – 1; всего выжловок – 31.

При псовой же охоте имелся легавый кобель "Фидель", крапчатый, на спине и левом боку кофейные пятна, уши кофейные, голова с подпалинами (Арх. Упр. Имп. ох., No 6/932).

В 1846 г. при Императорской охоте содержались следующие собственные собаки наследника цесаревича: датский дог – "Тигр", борзой кобель "Доскачь"; легавые собаки "Примо", "Беция" и "Калипса"; 3 легавых щенка и один щенок водолаз (там же, No 6 6/1109).

В 1847 г. при Императорской охоте содержались нижепоименованные собственные собаки наследника цесаревича: датский дог "Тигр", борзой кобель "Доскачь", борзая сука "Змейка", легавые собаки "Примо", "Беция" и "Калипса", польская собака "Том", пудель "Гарсон", шарлотки "Фензи" и "Сильфида" и 9 легавых щенков (там же, No 6 9/1179).

В 1848 году при Императорской охоте содержались следующие собственные собаки членов Императорской фамилии: его императорского величества – водолаз "Гектор" и щенок пудель; наследника цесаревича – борзой кобель "Доскачь", выжлец "Набат", выжловка "Скруля", легавые собаки "Примо", "Беция" и "Калипса", польский легаш "Том" и 6 гончих щенков; великого князя Константина Николаевича – борзой кобель "Дорогой", борзой щенок, легавая сука "Флора", 4 легавых щенка и "щенок Шетландской породы"; великого князя Михаила Николаевича – одна легавая собака (там же, No 6 1/1248).

В 1850 г. при Императорской охоте содержались собственные собаки его величества, но какие именно, неизвестно, на содержание которых Егермейстерской конторе было ассигновано 698 руб. 84 коп. серебр. Собаки наследника цесаревича – те же, и щенков 13; две легавые собаки великих князей Николая и Михаила Николаевичей (Арх. Упр. Имп. ох., No 5 4/1388).

55 10 декабря 1835 г. егермейстер Васильчиков дал нижеследующее предписание управляющему Императорскими охотами Павлову: "По сличении представляемых Вами еженедельных ведомостей усматривается, что по щенячьему заведению, при всех удобствах его к надлежащей цели и довольно больших расходах денег, отпускаемых на все просимые надобности, со времени учреждения оно и поручения

старшему выжлятнику Алексею Шелагину выкормки щенков весьма мало поступило к Придворной охоте молодых собак, а в нынешнем году бывшие там щенки все подошли, тогда как я знаю, что в некоторых местах, при ограниченных способах для сего, выкармливаются отлично хорошие щенки; каковая худая выкормка щенков совершенно относится к небрежному смотрению за оными, почему и предписываю Вашему Высокоблагородию за таковое невнимание к возложенной на него, Шелагина, обязанности сделать ему строжайший выговор и притом спросить его: что он обязанностью сею не хочет заниматься или не имеет должных к сему познаний, что и донести мне".

В ответ на это предписание управляющий Императорскими охотами представил егермейстеру нижеследующий рапорт к нему старшего выжлятника Шелагина: "Я возложенной на меня обязанности худо исполнять никогда не отважился, а причиною сему может быть моя неопытность, в особенности к выкормке щенков; заняться оному познанию не имею от кого".

Тогда егермейстер Васильчиков приказал Шелагина сместить с должности на старый оклад; всех щенков, имевшихся в наличности на щенячем заведении, перевести в Петергоф, в Охотничью слободу; в щенячем заведении, отворить все хлевы и сараи и ждать нового назначкня заведующего этим заведением. Об этих своих распоряжениях Васильчиков донес министру Императорского Двора лишь 24 марта следующего года, присовокупив к тому, что "способных для сего людей в охоте вовсе нет", и просил о причислении к числу служащих в Императорской охоте найденного им подходящего человека из господских людей, Андрея Елисеева, с

выдачею последнему жалованья из остатков от штатных сумм Егермейстерской конторы, получающихся от некомплекта в личном персонале Императорской охоты.

Последнее ходатайство было министром Императорского Двора уважено, однако, при условии, чтобы Елисеев не был зачислен на придворную службу и с тем, чтобы по назначении его на должность заведующего щенячьим заведением, ему были приданы несколько человек егерских детей "для обучения выкармливанию щенков, дабы иметь (впредь) для сего казенных людей" (Арх. Упр. Имп. ох., No 3/659).

30 апреля 1843 г. обер-егермейстер Васильчиков предписывал управляющему Императорскими охотами: "Усмотрев, что собаки, привезенные в нынешнем году со щенячьего заведения, весьма дики, я предписываю Вашему Высокоблагородию сделать строжайший выговор старшему выжлятнику Елисееву за то, что щенки выкормлены им без соблюдения самых необходимых условий, то-есть не приучены к рукам, и от строгого с ними обращения робки. А как для приучения к рукам 10 или 12 борзых щенков весьма достаточно пяти служителей, находящихся на щенячем заведении, то объявить Елисееву, что на будущее время за доставление в Придворную охоту диких и не высворенных собак будет вычитаться из его годового жалованья одна четвертая часть в артельную сумму, в которую за нынешнюю дурную выкормку собак вычитается у него 10 руб. сер." (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 25).

56 28 августа 1847 г. обер-егермейстер Васильчиков писал в должности егермейстера Всеволожскому: "Получив донесение, что мои собаки, которыми я ежегодно снабжаю Придворную охоту, уже

выкормлены и доставлены из Смоленской моей деревни в Псковскую, покорнейше прошу Ваше Превосходительство отправить в село мое Волышево, находящееся в Порховском уезде, надежных служителей с удобными повозками для привоза в слободу Придворной охоты означенных собак, коих числом до 12. С сими же служителями отправить в Волышево из Придворной охоты означенных собак: кобеля Нахала и сук Слану, Невиду и Декабру, для взятия там, как делается сие каждый год, от них и от моих собак породы в Придворную охоту. Старшему служителю, который будет назначен в сию поездку, явиться ко мне для получения по сему случаю приказаний к моему управляющему.

"При сем нужным считаю напомнить Вашему Превосходительству, чтобы Вы озаботились заготовлением для Придворной охоты живых лисиц" (Арх. Упр. Имп. ох., № 3 9/1149).

По поводу такой же доставки собак в Придворную охоту из села Аделаидина в 1849 г. сохранились следующие интересные замечания Контроля Министерства Императорского Двора. По отчету Егермейстерской конторы за 1849 г. было, между прочим, выведено в расход 75 руб. серебр. на отправку в село Аделаидино, Смоленской губ. (село Аделаидино было вотчиною обер-егермейстера Васильчикова), стремянного 2-й статьи Никонова "для отвода туда и для принятия в Придворную охоту борзых собак"; затем – 21 руб. сер. "в награду за хорошую выкормку семи привезенных собак", наконец, – 87 руб. 50 коп. сер. "за покупку привезенных собак".

Из доставленных по этим расходам Егермейстерскою конторою документов Контроль Министерства Двора усмотрел:

"27 августа 1851 г. Контора предписала управляющему охотами Мягкову, по примеру прежних лет, командировать в мае месяце Смоленской губ., Вяземского уезда, в село Аделаидино, на конной подводе двух благонадежных служителей, коим приказать сдать в селе Аделаидине служителю Тихону Сороке принадлежащих Придворной охоте следующих пять борзых собак: кобелей "Удалого", "Доскача" и "Цыгана" и сук "Алмазку" и "Лихотку"; а от него принять и доставить в Придворную охоту семь молодых борзых собак, именно: кобелей "Кибиря" и "Обрывая" и сук "Славну", "Крылатку", "Злорадку", "Нахалку" и "Голубку".

"От 2 Мая Биксеншпаниер Томсон донес, что для командировки назначены стремянной Степан Никонов и выжлятник Дмитрий Пунин".

В расчете путевых издержек продовольствие было исчислено на 5 собак с 10 по 30 мая, а затем по конец командировки на 7 собак. Между тем, по книге государева стремянного показаны отправленными в село Аделаидино 4 собаки, а по отношению к собакам, привезенным из Аделаидина, оговорено: "Пожертвованы Его Высокопревосходительством Господином Обер-Егермейстером".

Вследствие указанных противоречий Контроль затребовал от Егермейстерской конторы объяснений по следующим пунктам:

"1. Предписанием Конторы назначено было отвести в село Аделаидино 5 собак, а, судя по тетради путевых издержек стремянного Никонова, отвезено туда 6 собак; по книге же Государева Стремянного показано отправленных только 4 собаки.

"2. Если действительно отправлено было только 4, как показано по сей последней книге, или 5, как было

предписано, то отчего денег на корм, по сказанной путевой тетради, значится, с самого отъезда служителей, на 6 собак? "3. Если привезенные из помянутого села 7 борзых собак пожертвованы Господином Обер-Егермейстером Васильчиковым, то отчего произведен за них платеж денег, как за купленных; а ежели они действительно куплены, то почему сделана по описи Государева Стремянного отметка, что они пожертвованы Господином Васильчиковым? Также у кого именно они куплены, имеется ли счет продавшего оные, и были ли купленные собаки свидетельствованы, а цена им утверждена, кем следует, и отчего в предписании Конторы сказано, что они куплены в Псковской губ., когда они привезены из Смоленской? "4. Отправленные в село Аделаидино собаки для чего именно туда отвезены, а привезенные оттуда принадлежали ли уже Придворной охоте в то время, когда оные выкармливались, или же выкормка эта произведена еще прежде поступления сих собак в собственность Императорской охоты, а в таком случае какое Контора имела основание к выдаче за их выкормку награждения? "5. По каким основаниям выдача сего награждения, а потом и самых платежных за собак денег произведены под расписку какого-то вольноотпущенного капитана Белоусова, и кому именно те и другие следовали?" На сие Егермейстерская контора отвечает: "Назначено было отправить в село Аделаидино 5 собак, но потом это отменено словесным приказанием, отданным в охоте Господином Обер-Егермейстером Васильчиковым, и Конторе неизвестно было это распоряжение так же, как и то, каких именно Его Высокопревосходительство присоединил еще 2-х собак. 7 борзых собак привезены

из Аделаидина, и произведена за них выдача под расписку Белоусова собственно по приказанию Обер-Егермейстера, который не объяснял Конторе своих распоряжений. Государев Стремянной отметил этих собак пожертвованными Обер-Егермейстером на том основании, что таковые поступили в охоту прежде, чем назначена была за них плата. А в предписании Конторы, вместо Смоленской губ., показана Псковская по ошибке".

Вместе с тем Контроль Министерства Императорского Двора, по отношению к помянутой отчетности Егермейстерской конторы, обратил внимание также на следующее обстоятельство: 17 августа стремянному 1-й статьи Ивану Фураеву было выдано на расходы по командировке части Придворной охоты в Псковскую губернию 326 руб. серебр., а затем обер-егермейстер Васильчиков выдал тому же Фураеву из своих собственных денег еще 105 руб., коих на расходы командированной части охоты не хватило.

По доставлении оправдательных по сему случаю документов Контроль усмотрел:

"Егермейстерская Контора 17 Августа предписала Унтер-Егермейстеру Блохину командировать 26 числа того же месяца часть охоты по приложенному к тому предписанию списку, а именно: 8 служителей с 5-ю верховыми и 5-ю подъемными лошадьми и 8 борзых собак, под надзором одного из служителей, стрелянного 1-й статьи Ивана Фураева, Псковской губ. в село Волышево (вотчина Об.-Егерм. Васильчикова). "По сделанному в Конторе того же дня расчету, исчислено на два месяца, по положению: порционных восьми служителям 96 руб., на фураж 10 лошадям – 164 руб. 50 коп., на корм и подстилку 8 собакам – 35 руб. 55

коп., на ковку лошадей, деготь и дрова, примерно 30 руб.; всего – 326 руб. 5 коп.

"На другой день, 18 числа, в должности Егермейстера граф Ферзен дал Конторе предложение следующего содержания:

"Дав Унтер-Егермейстеру Блохину 17 Августа предписание командировать стремянного 1-й статьи Ивана Фураева с частью охоты, в особом списке поименованною, Псковской губ. в Порховский уезд для практических занятий, предлагаю оной Конторе выдать под расписку Фураева, на предмет означенной командировки, впредь до представления отчетности, 326 руб. сер. и свидетельство для свободного следования к месту назначения и обратно". Рапортом от 31 того же месяца комиссар Иванов донес, что команда отправлена 26 числа, по приложенному к рапорту списку.

"В списке этом число служителей и лошадей показано то же самое, какое предписывалось отправить; собак же, вместо 8, показано 9, но почему отправлено одною собакою более – не сказано. Отправленные борзые собаки, по списку, прозывались: кобели: 1) черный английский "Секстон", 2) полово-пегий молодой "Обрывай", 3) муруго-пегий "Злодей", 4) молодой "Лаен" (отмечено по списку "взят в Гатчине"), 5) серо-пегий с бурматью "Обгор"; суки: 6) черно-пегая "Крылатка", 7) белая черноухая "Нахалка", 8) красная "Искра", 9) половая "Славна".

"Тот же Комиссар Иванов, за отсутствием Управляющего охотами, рапортом от 4 Ноября, донося, что люди и лошади, которые были отправлены 26 Августа, прибыли благополучно 2 Ноября, присовокупил, что о прибывших борзых собаках он представляет при рапорте список, подписанный

Обер-Егермейстером Васильчиковым. В то же время при другом рапорте, представил шнуровую, за печатью Конторы, тетрадь стремянного Фураева о расходах, во время командировки произведенных, а равно оставшиеся от расходов сих деньги, всего 51 руб. 36 1/4 коп. серебр., которые и записаны обратно на приход.

"При сказанном первом рапорте Иванов приложил следующий реестр, имеющий заглавием: "Выписка борзым собакам, кои должны отправиться в Санкт-Петербург 1851 г., 25 октября": 1) черный "Отелло", 2) "Удалой", 3) чубаропегий "Абгор", 4) половопегий "Абрывай", 5) половопегий "Сердечный", 6) белый "Алмаз", 7) муругий "Аргун", 8) чернопегая "Черкиза", 9) серопегая "Нахалка", 10) половопегая "Славна", 11) серопегая "Наследка", 12) муругая "Крошка", 13) чернопегая "Крылатка". Судя по тому, какой шерсти и клички собаки в реестре показаны, остается заключить, что из взятых в Волышево 9 собак поступили обратно в Придворную охоту только две, именно кобель "Обрывай" (или Абрывай) и сука "Крылатка". Куда же делись остальные семь собак, от кого и на каком основании поступили остальные 11 собак, нигде не объяснено.

"В книге Государева Стремянного, от 3 числа того же Ноября значится: "Записаны на приход поступившие из села Волышева борзые собаки, кобели "Алмаз", белый, половоухий, хортый; "Сорван", половопегий, чистопсовый; "Отелло", черный, хортый; сука "Милая", серопегая, чистопсовая. Всего записано приходом 4 собаки: две из числа тех 11-и собак новых, которых вовсе по реестру не значится, именно "Сорван" и "Милая". На каком же основании записаны приходом сии последние, и почему из поступивших вновь по реестру одиннадцати собак записано приходом только

две собаки – по реестру не видно.

"Впрочем из собак этих некоторые, как-то кобели "Секстон", "Злодей" (муругопегий) и "Лаен", равно сука "Искра", не значились и по приходу; и, кроме "Лаена", о коем по списку отправлявшейся команды сказано, что взят в Гатчине, откуда взяты командою прочие собаки – неизвестно.

"С тем вместе, по упоминаемой здесь книге Государева Стремянного, замечено следующее: отправленные в село Волышево борзые собаки, кобель "Злодей" (бурматнопегий), цены не значится, и сука "Невида", ценою 50 руб. Поелику того же 26 Августа отправилась в село Волышево и самая команда, то с первого взгляда можно счесть, что собаки эти суть из числа взятых командою; но при проверке оказывается, что такой клички, как "Невида", не значилось собак по списку команды, а собака кличкою "Злодей" хотя и значилась, но другой шерсти (муругопегая). При том же других взятых командою собак в расходе не выписывалось, да и не следовало выписывать ни одной, как братьях из охоты временно в командировку; следовательно, взятые сказанные две собаки совершенно другие; по какому же распоряжению выписаны они в расход и для чего отправлены в село Волышево – неизвестно.

"Также неизвестны причины и основания расхода 7-и гончих собак, выписанных из книги в Апреле месяце таким образом: "Записаны в расход гончие собаки, отправленные к Его Высокопревосходительству г-ну Обер-Егермейстеру Дмитрию Васильевичу Васильчикову, выжлецы "Забавляй", "Трубадур" и "Заливай", выжловки "Волторка", "Звонишка", "Плакса" и "Брюзка", по цене каждая 21 руб. 50 коп.; итого на сумму 150 руб. 50 коп.

"Выше при упоминании расхода одной отправленной в село Волышево борзой собаки "Злодей", между прочим, сказано, что цены ей не выставлено. Таких пропусков, несмотря на особо имеющуюся в книге графу для отметки цен, встречается не мало; а против иных собак выставлена цена одна копейка.

"Почему же допущено неозначение цен, и какое могло быть основание к показанию собакам, годным для охоты, показанной цены одной копейки – по доставленной отчетности не видно.

"Равно неизвестно, почему Егермейстерская контора, ревизуя сказанную книгу, не обратила вообще внимания на вышеизложенное неудовлетворительное ведение оной и не сделала никакого по сему предмету суждения и замечания.

"За сим, при поверки тетради стремянного 1-й статьи Фураева о расходах, произведенных во время помянутой командировки в село Волышево, оказывается: по тетради этой показано на корм и подстилку собакам с 26 Августа по 8 сентября для девяти собак 7 руб. 68 $\frac{3}{4}$ коп., с 8 сентября по 27 октября для двадцати собак – 62 руб. 2 $\frac{1}{4}$ и коп., с 27 октября по 3 Ноября для 13 собак – 6 руб. 5 $\frac{1}{2}$ коп.; всего 75 руб. 97 $\frac{1}{2}$ коп.

"Поелику же команда, как выше значится, была отправлена с девятью собаками, а прибыла с 13-ю, то и оказывается, что с 8 сентября по 27 октября, в течение 49 суток, кормлено было лишних 11 собак, на коих по расчету издержано всего 34 руб. 22 коп. Но кому принадлежали эти и собак, и почему они продовольствованы были от казны – документами не поясняется".

На все вышеприведенные пункты Контроль

Министерства Императорского Двора затребовал объяснений от Егермейстерской конторы, которая отвечала:

"Почему одною собакою было отправлено более противу назначения, Конторе неизвестно, ибо оной было сообщено Начальством, словесно изменившим прежнее назначение.

"Причина, по коей поступило из Волышева обратно, вместо девяти, 11 собак, и других шерстей и кличек, почему 7 гончих собак выписаны в расход и отправлены г-ну Обер-Егермейстеру Васильчикову, Конторе неизвестно, потому что все эти распоряжения происходили от лица Господина Обер-Егермейстера, который не объяснял своих действий, сам же ревизуя оные.

Лишние 11 собак были присоединены Господином Обер-Егермейстером Васильчиковым для испытания их годности и продовольствовались от казны по его же распоряжению".

Рассмотрев оба изложенные дела, Контроль Министерства Императорского Двора постановил: "Хотя данные Егермейстерскою конторою на вышеизложенные вопросы отзывы неудовлетворительны и не объясняют настояще сущности дела, но как мерами контрольными ничего более обнаружить нельзя, а на основании закона обстоятельства эти подлежали бы особому разысканию, между тем Г-н Обер-Егермейстер Васильчиков из этой должности выбыл (постановление Контроля относится к 1855 году), то Контроле Министерства полагает: ограничась доверием к Управлявшему Государевою охотою Господину Обер-Егермейстеру Васильчикову, почести статью эту конченною. Но для будущего времени поставить Егермейстерской конторе на вид,

что распоряжения по употреблению казенного имущества, в чем бы оно ни заключалось, должны быть точны, ясны и определительны; что отчетность также должна быть точная и ясная, для исполнения чего сделать распоряжения, сообразно Уставу Егермейстерского ведения" (Арх. Упр. Имп. ох., No 2 0/1552).

57 В 1833 г. стремянной Чуркин был командирован в Тверскую губернию, в имение Полторацкого "для принятия лучшей породы двух борзых собак"; выжлятник Чаплеев был командирован также "для принятия собак" в Порхов; выжлятник Сурков для той же надобности ездил в Москву. Доезжачий Дмитриев был командирован в Тверь "для приема лошадей".

Императорскою охотою приискивались удобные места для наездки молодых гончих собак за Шлиссельбургом, для чего туда командировались служители (Арх. Упр. Имп. ох., No 3/659).

В 1842 г. двое служителей Придворной охоты были командированы для приобретения собак в названную охоту от частных лиц в Смоленскую губернию.

Собак Императорской псовой охоты продовольствовали, между прочим, лошадиным мясом (там же, No 9/790).

11 марта 1846 г. обер-егермейстер Васильчиков предписывал в должности егермейстера Всеволожскому: "Известясь, что в Тверской и Московской губерниях имеются у помещиков борзые и гончие собаки, годные для Придворной охоты, предлагаю Вашему Превосходительству, буде найдете сие возможным, отправиться в означенные губернии и осмотреть там собак; по возвращении Вашем в С.-Петербург представить мне о найденном Вами" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 78).

23 сентября 1844 года министр Императорского Двора сообщил обер-егермейстеру Васильчикову Высочайшее повеление: привезенных для Его Величества из Англии четырех собак: двух водолазов, маленькую "шарло" и одну небольшую охотничью собаку принять в Придворную охоту, "и из них водолазов приучить подавать из воды дичь, и каждый месяц приводить на осмотр; шарло, которая больна, лечить; а охотничью передать фазан-егерю, поелику она ищет фазанов" (там же, No 53).

22 марта 1830 г. обер-егермейстер Нарышкин доносил министру Императорского Двора: "Состоящий в должности Егермейстера Генерал-Маиор Пашков донес мне, что во время бытности его в Москве Рязанский помещик князь Дмитрий Александрович Барятинский сделал предложение принять в Придворную охоту из стаи его борзых собак лучшей породы, не требуя при том никакой платы. "Егермейстерское ведение не имело до сих пор таких породистых собак; приобретение отличных пород не весьма дешево бы обошлось для Егермейстерской конторы, почему, представляя о сем Вашему Сиятельству, я вместе с тем покорнейше прошу позволить принять предлагаемых князем Барятинским собак".

Ходатайство это было уважено; собаки были приведены в Придворную охоту из имения князя Барятинского, которое было расположено в Рязанской губ., близ города Данкова; самому же князю, по Высочайшему повелению, был подарен за это брильянтовый перстень (там же, оп. 2/1001, No 184).

58 В начале апреля 1828 г. вследствие принятого решения перевести придворные охоты из С.-Петербурга в Петергоф состоялись торги на продажу

земельных участков охотного двора у Обухова моста. На торгах этих земля, площадью в 8907 кв. саж., была продана различным частным лицам за сумму в 127.123 руб. 80 коп. асс. (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 145).

22 апреля того же года воспоследовал нижеследующий высочайший указ на имя обер-егермейстера: "Утвердив прилагаемые при сем планы, фасады и смету Архитектора Иосифа Шарлемани, на построение домов и разных заведений для Егермейстерской команды в Петергофе, повелеваю: строение сие производить под наблюдением Вашим Архитектору Шарлемани на счет суммы, выручаемой за проданные места на здешнем Егерском дворе с тем, чтобы начально построены были дома, назначенные на плане под NoNo 3 и 4, для Управляющего охотами, Моего Стремянного и Биксеншпаниера, также домики и казармы для егерей и конюшни; строения же, значущиеся под NoNo 1 и 2, отложить до времени, а между тем для Конторы и чиновников ее нанимать квартиру в С.-Петербурге из сумм, выручаемых за продажу стрельбных билетов".

Смета на все Петергофские строения Императорской охоты была исчислена в сумме 368.097 руб. 70 коп. (там же, No 149).

Одновременно с этим было приказано продать на снос строения Егермейстерского ведомства, находившиеся в С.-Петербурге, кои, по сохранившейся ведомости, состояли тогда из следующих: 1) Егермейстерская контора, каменная; 2) деревянная церковь (упраздненная); 3) мелочная лавочка с жильем и другая на Загородном проспекте; 4) цейхгауз; 5) магазин фуражный; 6) егермейстерская деревянная кузница и другая упраздненная; 7) жительство

капельмейстера; 8) дом Управляющего охотами с пристройкою; 9) слоновый сарай; 10) восемь домов для чиновников; 11) 9 служительских домов; 12) 2 конюшни для лошадей; 13) огородничья изба; 14) бывшая школа для музыкантов; 15) на борзом дворе денник с принадлежностями; 16) на гончем дворе денник с принадлежностями; 17) поварня для грения собакам навары.

Кругом всего двора имелось 295 саж. забора. За все перечисленное имущество, проданное на снос, было выручено на торгах 9294 руб., каковая сумма была обращена частью на выдачу пособий чинам Придворной охоты по поводу ее перевода в Петергоф (там же, No 148).

Для помещения Егермейстерской конторы был нанят дом в 4-й части 1 квартала города С.-Петербурга, под No 8 (там же, No 170).

26 августа 1828 г. обер-егермейстер Нарышкин доносил министру Императорского Двора: "Чсть имею донести Вашему Сиятельству, что во исполнение Высочайшего Его Императорского Величества повеления, на мое имя последовавшего 22 числа, касательно выстройки домов в Петергофе для Егермейстерского ведения, я сделал надлежащее распоряжение к устройству хода дел, заняв и состоящего в должности Егермейстера Генерал-Маиора Пашкова, который, частыми приездами на место строения, весьма ускорит выстройку предназначенного строения. Егермейстерской конторе поручить сделать вызов подрядчиков на поставку материалов и взятие на себя исправления работ. Торги были произведены во время присутствия и при господине Архитекторе Шарлемани. По коим уторговано несколько процентов противу сметы, а именно: на все лесные материалы, с

доставкою на судах в Петергоф, а потом на место строения, 10 % с каждого рубля; на железные материалы 3 %, на столярную работу 47 1/2 %, на печную работу 7 %, на каменные работы 4 %, за плотничные работы 10 %, за малярную работу 20 1/2 %; плита же бутовая и известь, по чрезвычайному требованию к другим работам, куплены по сметным ценам; на прочие же маловажные предметы противу сметы сделана подрядчиками уступка; а как после последней переторжки никто не явился из желающих принять на себя подряд, то и определено было мною заключить контракты с явившимися на переторжку лицами. Для приема материалов и наблюдения за строением командирован от конторы чиновник.

"По поставке лесных материалов, камня булыжного, плиты, извести и песку, приступлено к началу строения; только кирпич много препятствовал к скорейшему продолжению работе, ибо, по сношению конторы с кабинетом Его Императорского Величества, уведомился я, что казенные кирпичные заводы не имеют достаточного количества оного для строения, от Кабинета строящегося ныне, по Высочайшему повелению; частные же заводчики выпросили за каждую тысячу кирпича без доставки 45 рублей. А как через таковую цену могла последовать значительная передержка противу сметы, то я и ожидал изготовления всего количества на мартышенских заводах, каковой с доставкою обошелся до 29 руб.; к перевозу оного ныне же приступлено; после чего не надеюсь иметь какого-либо препятствия к скорейшему продолжению работ.

"Я предположил выстроить в нынешнем году два дома для офицеров и 18 для женатых егерей и охотников, в кои перевести служителей не иначе будет

ложно как в будущем году; вся же команда помещается в Петергофе в казармах, кои занимались драгунским полком; сие распоряжение сделано господином Главнокомандующим графом Толстым по отношению моему" (там же, No 149).

В декабре 1828 г. была закончена постройкою казарма для холостых служителей придворной охоты, и тогда же последние были переселены в новое помещение из казарм драгунского полка (там же, No 163).

К августу 1829 г. в Петергофской охотничьей слободе были закончены постройкою следующие дома: NoNo 3–24, всего 22 домика со службами, для женатых служителей (офицерские дома, No 1-й, расположенный близ пруда, и No 2-й, близ дороги, на основании высочайшего приведенного нами выше повеления, приказано было пока не строить, а в офицерские дома были перестроены домики NoNo 3 и 4 женатых служителей); No 25-й – кузница; No 26-й – псарня; No 27-й – сарай; No 28-й – казарма для холостых служителей; No 29-й – сарай; No 30-й – конюшня; No 31-й – казарма со службами. Около конюшни был расположен домик для пожарного инструмента.

Дома для женатых служителей, все одинакового устройства, были деревянные, бревенчатой постройки, на каменном фундаменте, с кирпичным цоколем, отштукатуренным, окрашенным серою краскою; стены были чисто строганные, окрашенные масляною перловою краскою; у каждого дома имелся балкон, окрашенный белую краскою, также масляною, так же как и все карнизы и косяки; крыши были тесовые, окрашенные красною масляною краскою. Каждый домик разделялся на две самостоятельные половины, имевшие отдельный вход извне; каждая половина

состояла из сеней, комнаты в два окна с русской печью, разделенной дощатой перегородкою, и отхожего места; чердаке на обе половины был общий. При домиках имелись флигеля бревенчатые, на стульях, обшитых досками, окрашенными серою масляною краскою; стены чисто строганные, окрашенные перловою масляною краскою; крыша тесовая, окрашенная красною масляною краскою; карнизы, окрашенные белую масляною краскою. В них помещались коровники, на каждое семейство, и общие на 2 семейства чуланы, погреба и чердаки. По-видимому, и флигель полагался на каждые два домика, так как в каждом флигель было 4 коровника и 2, каждый на 2 семейства, чулана.

Конюшня по внешнему виду постройки была такая же, как и флигеля; разнилась только размерами. В ней было 22 окна; пол был настлан из булыжного камня и крепко убит глиною; стоял в конюшне не было, последнее было нововведением; так была устроена вновь возведенная конюшня, но в слободе имелась еще и другая конюшня, старой постройки, в которой "на манер новой стойла вынуты". Сарай по внешнему виду той же постройки; в них 11 ворот для постановки экипажей.

Офицерские дома были приспособлены из двух домов для женатых служителей. При каждом имелась галерея; кухня с полуокном; прихожая также с полуокном; большая комната в два окна с изразчатою голландскою печью; три комнаты поменьше, также на два окна и с такою же печкою каждая; чердак; при домике флигель, такой же как и служительский; в нем коровник, чулан, конюшня с тремя стойлами, погреб и чердак (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 174).

25 января 1830 г. обер-егермейстер Нарышкин

доносил министру Императорского Двора, что в число 236.604 руб., назначенных на постройку новой слободы для Императорской охоты, принято от Петергофского дворцового правления строений (ранее существовавших на этом месте) на сумму 33.568 руб. 55 коп. Кругом слободы устроены "валы, по коим против домов по дороге поставлены рогатки; выпланирована земля; сделана мостовая около домов и шоссе перед оными".

В слободе, кроме работ, положенных по утвержденной смете, полагалось нужным произвести еще и нижеследующие: 1) возвести "небольшой дом для приезда Обер-Егермейстера или Егермейстера, в коем отделена была бы часть для жительства комиссара"; 2) "для соблюдения в людях должной чистоты и опрятности построить баню; другую – для мытья собак" и 3) возвести "сарай для поклажи мясов, необходимых зимою для продовольствия собак" (там же, No 181).

3 марта того же года обер-егермейстер Нарышкин доносил министру Императорского Двора: "При отъезде Вашего Сиятельства в город Варшаву, Вы изволили объявить Архитектору Шарлемани, чтобы, вместо предполагаемой живой ограды около выстроенных домиков в Петергофе для Егермейстерской команды, сделать земляной вал, а перед оным к дороге канаву, на подобие сделанных у дачи, принадлежащей Английскому магазину. О таком предположении Вашего Сиятельства Господин Шарлемань в то же время меня уведомил и представил смету о работах и нужных к тому материалах. Вследствие чего я, с своей стороны, сделал должное распоряжение о приведении того в надлежащее исполнение.

"Ныне означенный земляной вал и канава

окончены; материалы употребленные и работа обходится Егермейстерской конторе в 5659 руб. 50 коп., на устройство чего, как известно Вашему Сиятельству, не было назначено никакой суммы, а на счет экономических денег, извлеченных при торгах, бывших на все строение, принять невозможно, ибо, с разрешения Вашего Сиятельства, выстроено много таких строений (вероятно, были воздвигнуты также и строения, упомянутые выше, о возведении которых обер-егермейстер ходатайствовал в своем представлении к министру Императорского Двора от 25 января 1830 г.), кои в смете не были назначены, но после оказались необходимыми".

Нарышкин, указывая на то обстоятельство, что помянутые работы по устройству вала и канавы уже окончены и что по ним произведен уже расчет из наличных сумм Егермейстерской конторы, ходатайствовал о возмещении Конторе истраченных денег.

4 того же марта министр Императорского Двора уведомил обер-егермейстера о высочайшем соизволении на возврат Егермейстерской конторе 5659 руб. 50 коп. и предписывал поставить на возведенных валах рогатки и посадить по середине оных деревья (там же, No 184).

59 19 августа 1830 г. обер-егермейстер Нарышкин доносил министру Императорского Двора: "Чиновники и служителя ведения Обер-Егермейстерского, водворившись в построенных для них домах, обзаводятся хозяйством. Устройство огорода много могло бы способствовать к сокращению издержек, необходимых для их продовольствия, а назначение луга для их коров еще более принесет им пользы. Оба сии обстоятельства весьма важны для служителей по

отдаленности их от Петербурга и по ограниченному их жалованью".

Вследствие этого Нарышкин ходатайствовал о предоставлении в распоряжение Императорской охоты части казенной Петергофской огородной и луговой земли, прилегающей к Егерской слободе.

По-видимому, ходатайство это было уважено полностью (там же, No 85).

В начале 1833 г. управляющий Императорскими охотами Павлов доносил Егермейстерской конторе, что вследствие предоставления состоящей при Петергофской егерской слободе огородной земли в пользование служителей Императорской охоты и отдачи этой земли в аренду за 1000 руб. в год служители, по собственному своему желанию, решили первую арендную плату обратить на сооружение иконы. Таковая была приобретена и состояла "из трех ликов: Покрова Пресвятыя Богородицы, Николая и Дмитрия Чудотворцев в серебряной ризе, с позолоченными вещами, серебряною лампадою, красного дерева с вызолоченною резьбою коностасом".

За такое "усердие и Богоугодное пожертвование" егермейстер Васильчиков объявил служителям Императорской охоты благодарность в приказе по ведомству (там же, No 203).

60 В 1830 г. Егермейстерская контора была помещена в казенном, так называемом "Иезуитском доме", на Екатерининском канале, близ здания Михайловского театра. В С.-Петербурге же нанималось особое помещение для приезжающих из Петергофа чиновников и служителей Императорской охоты, в котором также помещались казначей и сторожа Егермейстерской конторы. Помещение это нанималось в доме принцессы Гогенлоэ-Кирхберг.

С 1 июля 1843 г. квартира для приезжающих по делам службы из Петергофа в Петербург чиновников и служителей Императорской охоты была нанята в доме купца Щанкина, близ Ямской, в Болотной улице, в Московской части, 2-го квартала, под No 32 2/17. При квартире этой имелись конюшни и сарай (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 2 0/1480, 3/713, 5 3/898).

61 17 июля 1843 г. обер-егермейстер Васильчиков, прося министра Императорского Двора о разрешении возвести в Петергофской слободе Придворной охоты вместо старой конюшни новую, доносил, что считает своим неперменным долгом представить Его Светлости подробные сведения о ветхости помещения, "дабы отстранить себя от ответственности в случае какого-либо несчастья, могущего произойти от ветхости всего здания, которое однакоже было выстроено тому не более 16 лет.

"Зная, как опасно допускать строения до подобного упадка, я могу привести примером случай, бывший в старом доме фазанного заведения, где в присутствии Государя Императора провалился пол, почти под ногами Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича, после чего было уже решено выстроить новый дом.

"Не могу ручаться, чтобы не произошло худшего в конюшне Придворной охоты и в подтверждение справедливости моего донесения желал бы, чтобы Ваша Светлость изволили сами взглянуть на сие строение и на самом деле усмотрели бы ветхость оногo и то мозаическое безобразие, которое происходит от вкладки пластин в стены.

"Не могу скрыть от Вашей Светлости, что слобода Придворной охоты и принадлежащие к ней здания построены совершенно непрочны, и что служительские

дома, оставленные без обшивки, были несколько раз, по приказанию моему, оконопачены, и только в прошедшем году углы сих домов обшиты досками; а до того времени они подвергались непогодам и сообщили гнилость внутрь самых стен.

"Для сохранения сих строений на будущее время в прочности, недостаточно тех ремонтных исправлений, кои, вследствие моего представления, были сделаны в прошедшем году из особо отпущенной суммы, по смете и указанию Архитектора Шарлемани, не включившего тогда в сию смету многих самых необходимых поправок, каковы, например, течь во многих крышах, кои, несмотря на то, назначено в нынешнем году окрасить, по его же исчислению; почему я был вынужден, дабы не останавливать сию окраску, необходимую для прочного сохранения крыш, разрешить немедленно исправить оные поденными работниками, под надзором Архитекторского помощника Берри и по составленному им исчислению; о чем однакоже сообщил господину Шарлемани для сведения и учета материалов.

"Ценность строений Егермейстерского ведения простирается на весьма значительную сумму, и было бы очень невыгодно для казны оставлять сии строения на будущее время без надежного архитекторского присмотра и без необходимых ремонтных исправлений, на которые отпускается в год только по 714 руб. 25 коп. сер.

"В штате 1833 г. ремонтная сумма определена неверно и потому всегда бывает недостаточна; но впоследствии несоразмерность оной против ценности строений постепенно увеличилась, ибо как постройки фазанного заведения были переданы в Егермейстерское ведомство без назначения на них особых ремонтных

денег, так и все новые строения возводились без соблюдения сего необходимого правила; таким образом, между прочим, выстроено: фазанный дом с теплыми помещениями для золотых и серебряных фазанов, куропаточное заведение, два служительских дома в слободе, звериный двор, изгородь ремиза, четыре караулки; еще строятся: дом для служителей фазанного заведения, сарай для пожарного инструмента и новая ограда для оленьего зверинца".

Вследствие изложенных мотивов обер-егермейстер Васильчиков просил министра Императорского Двора исходатайствовать разрешение государя императора на увеличение штатной ремонтной суммы Егермейстерского ведомства до нормы, отвечающей прямой в том потребности.

Светлейший князь Волконский отвегил на это, что по всеподданнейшему его докладу настоящего дела его величество изволил ходатайство обер-егермейстера отклонить (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 39).

62 15 июля 1849 г. обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора:

"Здания слободы Придворной охоты, построенные в 1829 г., не были обшиты тесом, и полагать должно, что на постройку их был употреблен сырой лес, потому что в 1836 г. я уже заметил, что углы всех строений, охоте принадлежащих, начали гнить; для сбережения их я приказал обшить тесом.

"Архитектор Коллежский Советник Шарлемани, хотя, по назначению моему, и осматривал ежегодно все эти здания, но совершенно не обращал должного внимания на их прочность и, желая как можно менее тратить ремонтной суммы, не переменил гнилых бревен, а только снаружи делал в них вставки из горбылей и ошибочным своим расчетом к уменьшению

расходов до того, что в настоящее время все строения находятся в совершенном упадке: полы и углы в домах сгнили, и стены местами, от гнилости бревен, светятся насквозь и требуют уже довольно значительного расхода на поправку.

"По приказанию Вашей Светлости, Архитектор Ган подробно осмотрел все строения слободы и представил мне смету, которую имею честь представить на благоусмотрение Вашей Светлости. Смета эта ясно указывает необдуманную экономию господина Шарлемани, которая привела строения почти в разрушение и требует ныне весьма большого расхода".

Смета на исправление строений слободы Придворной охоты была исчислена архитектором Ганом в сумме 11.834 руб. 24 коп. серебром.

По рассмотрении приведенного представления министр Императорского Двора приказал сумму, исчисленную по сказанной смете, внести в финансовую смету Егермейстерской конторы на будущий 1850 год.

23 июля того же года обер-егермейстер Васильчиков доносил, между прочим, министру Императорского Двора: "Лично удостоверившись, что в настоящее время нельзя сберечь фуража потому, что в сараях для складки сена, соломы и овса крыши, по ветхости своей, пропускают дождь, что приводит фураж в совершенную негодность, и, кроме того, крыши эти могут обвалиться от накопления на них в зимнее время снега; что домики, как офицерские, так и служительские, тоже требуют скорейшей починки; во многих из них через крыши и потолок проходит течь, оконные рамы, от ветхости, вываливаются, стекла бьются, будучи не в состоянии держаться в гнилых рамах, а печи испортивши так, что их опасно топить, заборы в зверинце и ремизе едва держатся на

подпорках; порядочный порыв ветра может совершенно разрушить их; тогда все звери и зайцы уйдут.

"Принимая все это во внимание, я долгом счел просить Вашу Светлость разрешить мне произвести некоторые работы в скорейшем времени, до наступления осени, во избежание несчастий от топки печей, болезни от холода и сырости господ чиновников и служителей и сбережения лошадей, зверей, фуража и вообще казенного интереса.

"Испрашиванные мною поправки не терпят отлагательств".

Все перечисленные экстренные работы были исчислены в сумме 3000 руб., и деньги эти испрашивались к израсходованию с тем, чтобы ожидаемое на капитальное исправление слободы Придворной охоты ассигнование по финансовой смете Егермейстерской конторы на 1850 год было уменьшено на ту же сумму в 3000 руб.

Министр Императорского Двора приведенное ходатайство Васильчикова уважил, но с тем, чтобы сказанный расход в 3000 руб. был в том году позаимствован из наличных средств Егермейстерской конторы, с возвратом Конторе этих денег на финансовой смете будущего года.

На производство работ были двукратно назначаемы торги, но за неявкою желающих принять на себя подряд выполнены они были хозяйственным способом, распоряжением самой Егермейстерской конторы (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1003, No 139).

63 В 1854 году по ходатайству Егермейстерской конторы было отпущено на исправление Петергофской слободы Придворной охоты 8532 руб. (Арх. Упр. Имп. ох., No 2 6/1521).

25 января 1856 года егермейстер граф Ферзен, указывая в представлении своем министру Императорского Двора на то обстоятельство, что на приведение построек Петергофской слободы Придворной охоты в состояние, отвечающее более или менее сносному размещению в них чинов Императорских охот и хозяйственных учреждений последних, исчислено, по составленной на этот предмет смете, расходу 9843 руб. 79 1/2 коп. серебр., между прочим, доносил: "Желая лично удостовериться и на месте проверить в зимнее время, как значительны и необходимы переделки и поправки в зданиях слободы Придворной охоты, я осмотрел в подробности всю слободу и нашел: во-первых, что как офицеры, так и служителя с их семействами не знают как предохранить себя в домах от холода, проникающего сквозь полы и рамы; во-вторых, конюшни пришли в совершенную ветхость и опустились в землю; в-третьих, все, хранящееся в сараях и цейхгаузах, от сырости гниет. Одним словом, все строения Егерской слободы находятся в состоянии такого разрушения, что все поправки и переделки, означенные в смете господина Архитектора Гроссе, не могут восстановить этих зданий на прочном основании.

"Из собранных мною сведений видно, что постройку слободы Придворной охоты начали в зиму с 1828 на 1829 год. Все строения были возведены из сырого леса и не на каменных фундаментах, а на деревянных стульях; наружные стены не были обшиты тесом, отчего балки и полы сгнили, стены опустились, крыльца, двери и рамы покорило, и вообще все пришло в большую ветхость.

"Вместе с тем из дел Конторы Егермейстерского ведения усматривается, что со времени построения

слободы Придворной охоты употреблено было на переделки, починки и поддержки зданий до 32 тысяч рублей серебром, из коих лишь малая часть ассигнована была на фазанное и щенячье заведения. В последние же четыре года израсходованная из означенного числа на этот предмет сумма доходила до 18.592 руб. 98 3/4 коп., но, несмотря на то, состояние строений слободы вовсе не улучшилось.

"Принимая во внимание, с одной стороны, огромные суммы, употребленные до сего времени на поддержку слободы без видимой пользы, а с другой стороны, неоднократно словесно изъявленное желание в Бозе почивающим Императором Николаем I перевести всю Придворную охоту в Гатчину и выстроить для нее здание на месте бывшего фарфорового завода, я долгом считаю представить все вышеизложенные соображения на благоусмотрение Вашего Сиятельства, не признаете ли Вы справедливым довести все сие до Высочайшего Государя Императора сведения с тем, что если Его Величеству благоугодно будет перевести охоту в Гатчину, то приостановиться на этот раз употреблением исчисленных на исправление зданий Егерской слободы в Петергофе 9843 руб. 79 1/2 коп. и причислить их к сумме, могущей быть ассигнованной на возведение в Гатчине зданий для Придворной охоты. В таком случае для временного помещения сей последней, если бы к тому встретилась надобность, можно было бы устроить для собак псарный двор, а офицеров, служителей и лошадей разместить по ближайшим от Гатчины деревням или другим каким-либо в самом городе зданиям".

По всеподданнейшему докладу изложенного рапорта графа Ферзена министром Императорского

Двора, его императорское величество изволил одобрить в общем соображения егермейстера о переводе придворной охоты в Гатчину и высочайше повелел Егермейстерскому ведомству озаботиться составлением на сей предмет необходимых проектов и смет.

Последняя задача поручена была архитектору Гроссу, а при составлении проекта работ было решено распределить последние на период времени в пять лет следующим образом:

В 1857 году полагалось произвести планирование местности, предназначенной для возведения строений Придворной охоты, на месте бывшего Гатчинского фарфорового завода; возвести каменный мост через реку Колпинку для проезда к службам; устроить конюшни для лошадей охоты; соорудить казармы для холостых служителей охоты, с необходимыми при них службами; устроить псарные дворы с палисадами, кухню для варения корма собакам, бойню и сараем для сушки мяса; возвести здания для кузницы, двух цейхгаузов, двух сараев для сена и соломы. Все эти работы были исчислены по смете в сумме 67.151 руб. 75 1/2 коп.

В 1858 году предполагалось выстроить 12 домов для женатых служителей охоты с соответственными службами, а также службы при доме биксеншпаниера и государева стремянного. Эти работы исчислялись в сумме 67.473 руб. 61 3/4 коп.

В 1859 году полагалось произвести чистую отделку всех ранее построенных зданий; возвести дом для биксеншпаниера и государева стремянного; построить еще 6 домов для женатых служителей охоты; устроить общую для всей охоты баню с прачечной; возвести два сарая для экипажей и припасов; соорудить водокачалню с водопроводом. Работы эти

исчислялись архитектором Гроссом в сумме 67.293 руб. 29 3/4 коп.

В 1860 году предполагалось произвести чистую отделку строений, возведенных в 1859 году; построить здание для Канцелярии управления Императорских охот со школою при ней для детей служителей охоты; произвести "приготовительные работы"; устроить площадь и шоссе вдоль всей Егерской слободы с прокладкою в необходимых местах последнего каменных труб; возвести дома для унтер-егермейстера и управляющего Императорскими охотами, со службами; построить пороховой погреб; устроить зверинцы для волков и лисиц, обнеся таковые кругом заборами; навести в пределах слободы один большой деревянный мост и три такие же моста маленькие; прорубить просеки (вероятно, в зверинцах, для волков и лисиц); устроить при лазарете больных собак денники с жилым помещением, с погребом, с кладовою и с деревянным мостом; построить при щенячем заведении флигель для прислуги и денник для собак. Работы этого года исчислялись составленною сметою в сумме 67.304 руб. 92 3/4 коп.

В 1861 году предполагалось произвести чистую отделку строений, оконченных в 1860 году; возвести сарай для пожарных инструментов, устроить живые изгороди между домами и службами охотничьей слободы, а также вдоль всей последней; устроить изгородь кругом предположенного для ремиза места; устроить шоссе и "сборные площадки" в ремизе; построить навес для дров, в коем мог бы помещаться запас дров, необходимый для нужд Придворной охоты в течение одного года; устроить необходимые службы и заборы при лазарете для больных собак; возвести службы, бойню и заборы и палисады при щенячем

заведении. Работы этого года исчислялись в сумме 67.297 руб. 78 3/4 коп.

Весь же расход, потребный на возведение в Гатчине всех построек и учреждений Императорской охоты, был исчислен в сумме 336.521 руб. 38 1/2 коп.

Представляя в Егермейстерскую контору составленные им проекты и сметы на все вышеперечисленные работы, архитектор Гросс указывал между прочим на то обстоятельство, что распределение всей операции по возведению новой Егерской слободы на пятилетний срок сопряжено со многими существенными неудобствами. По мнению архитектора Гросса, сказанный пятилетний срок прежде всего заставит часть придворной охоты оставить на жительстве в Старой Петергофской слободе, а часть перевести в Гатчину, в мере готовности новых строений; затем необходимо будет произвести многие ремонтные работы по Петергофской слободе, в которой без поправки зданий проживать весьма затруднительно, и проч. Эти соображения навели Гросса на мысль предложить Егермейстерской конторе найти подрядчика, который согласился бы "произвести, согласно составленного разделения на первый 1857 г., все упомянутые постройки главных служб охоты и, сверх того, окончить вчерне все дома для женатой прислуги, дабы возможно было на зиму 1857 г. перевести из Петергофа всех лошадей, псовую охоту и всю прислугу, кроме начальствующих лиц, которых на это время поместить в Гатчине, тут же, возле охоты, часть в здании фермы и по квартирам в Пильной слободе; во втором году приступить к остальным постройкам и к работам по заячьему ремизу; в третьем — лишь окончательную и чистую отделку всех строений, произведенных в предыдущих

двух годах. Плату же разделить на пять лет".

Соображения архитектора Гросса были представлены егермейстером графом Ферзенем на благоусмотрение министра Императорского Двора, который всеподданнейше доложил о них государю императору, причем его величество изволил согласиться на приведение их в исполнение. Местность, избранная для устройства Гатчинской слободы Придворной охоты, находилась до того времени под огородами Кирасирского Ее Величества полка и Гвардейской Инвалидной No 4 роты, а также заключала в себе участки частных лиц, отставного поручика Михайлова и мещанина Курочкина.

По высочайшем одобрении проектов сказанных работ и предположений к их осуществлению архитектора Гросса самые проекты и сметы по предложению министра Императорского Двора были переданы для исполнения в Строительную контору Министерства Императорского Двора.

На состоявшихся по распоряжению названной конторы торгах работы остались за подрядчиком, почетным гражданином Тарасовым, объявившим оптовую сумму в 264.000 руб. (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 34).

64 17 марта 1838 г. егермейстер Васильчиков донес министру Императорского Двора, что контроль Министерства Двора при ревизии книг Егермейстерского ведомства заметил, что во время его, Васильчикова, управления названным ведомством некоторые расходы производились без разрешения министра, по собственному Васильчикова распоряжению, а также, что разные закупки, постройки и заготовки припасов делались хозяйственным образом, без публичных торгов, что противно общим

постановлениям. Между тем при вступлении Васильчикова в должность заведующего Егермейстерским ведомством на заготовку фуража и прочих потребных для придворных охот предметов делались через газеты вызовы, но желающих обыкновенно не являлось, а когда и явились, то предъявляли цены, превышавшие те, которые можно было платить за те же предметы при заготовке их хозяйственным способом, почему публикации были оставлены и одновременно с этим были приложены старания склонять тех подрядчиков и поставщиков, кои имеют казенные подряды и поставки по С.-Петербургу, понизить в мере возможности их цены, каковой прием дал экономию и во времени и в денежных расходах. Посему Васильчиков просил указать Контролю Министерства Императорского Двора, что все его, Васильчикова, распоряжения принесли казне одну только выгоду, "за что он отвечает".

Министр Императорского Двора ответил на это Васильчикову, что в высочайшем указе 31 марта 1792 года постановлено, "дабы никто выдачами казенных денег не распоряжался иначе, как на основаниях точных Государевых узаконений, и не согласных с оными, самопроизвольных выдач не чинил под опасением ответа и взыскания". Поэтому "никак не могу согласиться дать испрашиваемое Вами безусловное предписание контролю, в обязанность которого постановлено ревизовать, все ли расходы производятся правильно и на законном основании, тем более, имея в виду Высочайшую волю, известную и Вашему Превосходительству.. чтобы не входить даже с представлениями об изъятиях из существующих законов и правил. К сему не излишним считаю присовокупить, что, согласно установленному порядку,

в таких случаях если бы на какие потребности, за учинением публикации, никто из желающих не явился, или явившиеся желающие требовали непомерно высокие цены, а хозяйственным образом можно бы было приобрести для казны выгоднее, то с подробным изложением хозяйственных мер и выгоды оных для казны предварительно доносить мне *на разрешение*" (подчеркнутые слова написаны в подлинном предписании рукою самого министра). (Арх. Упр. Имп. ох., No 4/698).

Из переписки по поводу отчетности за 1838 г. между прочим усматривается, что на штатные потребности в этом году, по собственной инициативе начальства придворных охот, было перерасходовано на 8252 руб. 27 коп. более положенного по штату. Признавая подобное обстоятельство произволом начальства Императорской охоты, государь император Николай Павлович 12 апреля 1839 г. высочайше повелел на покрытие сказанного перерасхода "обратить отпускаемое по штату жалованье Обер-Егермейстера и Егермейстера" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 233).

65 Раньше, до 1801 г., отчеты представлялись в "Придворную Его Императорского Величества Канцелярию", с 1802 г. в "Щетную экспедицию придворной конторы", затем в "Экспедицию о государственных расходах, доходах и недоимках".

66 Для составления отчетов по Егермейстерскому ведомству приглашались обыкновенно в помощь бухгалтеру Егермейстерской конторы, за особую плату, посторонние люди, и мера эта приводилась в исполнение каждый раз с разрешения министра Императорского Двора. Бывали случаи, что такие

вольнонаемные люди, забрав работу к себе на дом, ровно ничего не делали и не являлись даже в Контору. Так сделал, например, титулярный советник Белозеров, составлявший отчет за 1838 год, вследствие чего Васильчиков должен был обратиться, спустя два месяца по вручении работы Белозерову, к с.-петербургскому обер-полицеймейстеру с просьбою "доставить лично Белозерова в наивозможной скорости ко мне с теми отчетами, либо приказать взыскать с него взятые им за неисполненную эту работу казенные 800 руб." (Арх. Упр. Имп. ох., No 7/727).

В начале 1852 г. министр Императорского Двора сделал обер-егермейстеру Васильчикову замечание в предписании за несвоевременность представления отчетности по предшествовавшему году. В ответ на это предписание Васильчиков 21 марта донес: "Причина, препятствовавшая доставить означенный отчет к определенному сроку, та, что чиновники Императорских охот, кои обязаны вести такое значительное количество шнуровых книг, находясь в непрерывных командировках и не возвращаясь из них иногда более месяца, совершенно лишены возможности к своевременному представлению в Контору надлежащей отчетности; да и самая Контора, имеющая одного только бухгалтера, без помощника, поставлена в чрезвычайно затруднительное положение составлять отчетность по тем правилам и в таких больших размерах, как то требуется контролем. Отчетность эта вовсе не применена к средствам Егермейстерского ведения, которое нельзя подвести под общую форму прочих ведомств Министерства Императорского Двора, постоянно находящихся на месте и имеющих расходы только на те предметы, на кои заранее можно составить сметы. По Егермейстерскому ведению столько

частностей, случайностей и командировок, что оно весьма походит на военную команду, находящуюся в передвижениях, следовательно, и в административном отношении должно быть то же самое сходство; а Вашей Светлости не безызвестно, что ни один кавалерийский полк не подлежит той необыкновенно сложной и порождающей такую усиленную переписку отчетности, как Егермейстерское ведение; вследствие чего я буду иметь честь на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета представить Вашей Светлости соображение мое об уменьшении переписки".

Министр Императорского Двора между прочим ответил на приведенное представление: "Я не могу признать удовлетворительными причин, кои Вы объяснили о недоставлении в назначенный срок годового отчета за минувший год. Командировка лиц, заведующих собственно охотою, не может препятствовать вести денежную отчетность в должной исправности и своевременно потому, что она лежит на обязанности секретаря, казначея, бухгалтера и смотрителя для ведения по охоте материальной отчетности; а эти должности не имеют обязанности отлучаться куда-либо. Расходы же месячные во время командировки так незначительны, что промежутка времени между охотою и временем свободным весьма достаточно для исправного ведения счетов. Когда же будут ведены исправно своевременные счета, тогда и общий отчет дать Конторе будет делом нескольких часов. Вследствие сего я покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, распорядиться, дабы впредь отчет был доставляем непременно к назначенному сроку" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, № 4.).

67 Осенью 1842 года Контроль Министерства

Императорского Двора доложил министру, что Егермейстерская часть не дает объяснений по некоторым пунктам отчетности, начиная с 1828 года, несмотря на приказание самого министра Двора; светлейший князь Волконский, предписав Егермейстерскому ведомству немедленно исполнить справедливые требования Контроля Министерства, вместе с тем запросил, вследствие каких обстоятельств произошло подобное промедление? 1 ноября того же года егермейстер Всеволожский донес министру, "что некоторые требования Контроля оставлены без удовлетворения единственно по небрежению бывших секретарей и управляющих Конторою; ныне же приняты самые деятельные меры для доставления в возможной ясности объяснений на все вопросы Контроля по отчетности Егермейстерского ведения с 1829 по 1840 год".

На следующий год, в феврале месяце, министр Императорского Двора писал обер-егермейстеру Васильчикову, что хотя егермейстер Всеволожский и обещал представить объяснения по запросам Контроля касательно отчетности прежних годов, но на деле ничего еще не исполнено, почему он, министр, вновь обращается к Егермейстерской части с тем же предложением ускорить требующимся ответом. Не достигнув и этим предписанием желаемого успеха, министр, спустя еще год с лишком, 12 июля 1844 года, снова обратился с аналогичным предложением к обер-егермейстеру, обязывая уже его представить потребные сведения не позже 1 сентября того года и угрожая: "...в случае же дальнейшего медления я буду в необходимости довести об оном до сведения Его Императорского Величества".

21 июля того же года Васильчиков представил

министру объяснения по контрольным замечаниям за 1830 год, донося при этом: "Бывшие по 1842 год Секретарь и Управляющий Конторою занимались производством одних текущих дел и, несмотря на все подтверждения, оставляли без исполнения неоконченные дела по отчетностям за прошедшие годы, отзываясь трудностью собирания справок из дел прежнего времени, хранившихся в совершенном беспорядке. Действительно, при принятии мною в 1832 г. Егермейстерского ведения, дела сии с 1800 года найдены были брошенными в сарае и притом с утратою бумаг, о чем и представлял я Вашей Светлости в рапортах от 20 Мая 1833 года, No 626, и от 15 марта 1838 года, No 323. Однакоже, по увольнении в 1842 году бывшего Управляющего Егермейстерскою конторою, в продолжение двух лет, удовлетворительные объяснения по отчетам за 1828, 1829 и 1840 года представлены и получены утвержденные Вашею Светлостью окончательные определения Контроля, коими заключены ревизии отчетов за означенные три года.

"Между тем, усердными трудами чиновников, ныне служащих в Егермейстерской конторе, объяснения за прочие годы частью уже изготовлены и по мере возможности будут доставлены в Контроль, по совершенном закончании оных.

"При составлении же сих сведений оказывается, что приход и расход сумм, показанные в отчетах, во всем верны, а замечания Контроля относятся до несоблюдения некоторых правил делопроизводства". 12 декабря того же года министр Императорского Двора вновь предписал обер-егермейстеру ускорить со сказанным делом. Васильчиков ответил на это, что с июля месяца представлены в Контроль объяснения по

отчетностям за шесть лет. Подобное обстоятельство, что "в продолжении пяти месяцев очищена отчетность за шесть лет", ясно указывает, "что Егермейстерская контора деятельно занимается окончанием отчетности за прежние года, и что, несмотря на многосложность вопросов, отчетность эта в скором времени будет очищена". В следующем году, 10 января, министр снова потребовал от Васильчикова исполнения не раз предписанного, присовокупив при этом, что он окончательно решил не возбуждать ни одного ходатайства о награждении чинов Егермейстерского ведомства чем бы то ни было впредь до представления Конторою объяснений по запросам, касающимся отчетности за старые года.

Васильчиков донес на это министру, что если последняя мера и может быть признана соответственной по отношению чиновников Егермейстерской конторы, то во всяком случае она не может быть применена к лицам, служащим в Императорских охотах, почему и просил не распространять ее на последних, которые ничуть не повинны в медленности делопроизводства Конторы.

Этим представлением обер-егермейстера и заканчивается дело (Арх. Упр. Имп. ох., No 5 8/883).

68 Прежде чем приступить к приведению официальных данных об охотах императора Александра II, считаем крайне полезным привести сведения об этих охотах, встречающиеся в "Заметках охотника-очевидца" – А. И. Михайлова. "Охоты, – пишет между прочим цитируемый автор, – производились каждую неделю по средам. Государь выезжал всегда вечером по вторникам, ночлег имел где-нибудь по соседству охоты и в среду утром, после чая, отправлялся на охоту; завтракал большею частью в лесу. Это была прекрасная

картина, достойная кисти художника, да, вероятно, известный художник Зичи и не пропускал этой возможности. Государь его любил и брал с собою на охоту.

"Утром рано кухня с метрдотелем и камер-фурьером отправлялась на место охоты; выбирали недалеко от зверя, хотя бы и в глуши леса, по возможности открытое место; порасчистят несколько снег, приготовят стол, здесь же в сторонке разведут плиту, и завтрак готов. Государь подходит к столу, делая рукою жест, приглашающий к завтраку; все подходят, окружают стол и завтракают стоя; стульев не полагалось.

"Великолепная картина! Государь и вся свита одеты одинаково; только посреди этой группы вы видите рослую и величественную фигуру Государя. Сделав два-три глотка, обертывается вокруг и своими добрыми голубыми глазами осматривает окружающих. Государь всех знал в лицо; и вот в одну из охот, а именно в тот момент, когда Его Величество обернулся назад, видит новую физиономию, которая с любопытством любит картину; подзывает Обер-Егермейстера и, глазами указав на нее, спрашивает. Кто такой? "Обер-Егермейстер барон Ливен сказал. Тогда Государь сделал жест рукой, показывая на стол, и Обер-Егермейстер подбежал и объявил, что Государь удостоивает счастьем вместе завтракать. Трудно высказать мою радость (этот счастливец был я), мой восторг. Я подошел к столу, но, кажется, ничего не ел от волнения.

"Эта была первая моя охота, первый мой дебют, и он глубоко запечатлелся в моем сердце.

"Сюда же всегда собирались рядышком, из соседних деревень, отставные солдаты в различных

костюмах, с знаками отличия и без оных, и Государь всегда подходил к ним и милостиво с ними разговаривал: где, в каком полку кто служил; при этом припоминал командиров и сам называл их фамилии. У Государя память вообще была прекрасная. Поговорив, он, обращаясь в ту сторону, где стоял всегда чиновник с деньгами, говорил: "Выдать по рублю, а Георгиевским кавалерам по три".

"Раз как-то явился солдат пьяный. Товарищи, желая скрыть его от Государя, старались оттащить его на задний план, и так как он сопротивлялся, то они, не делая шума, тянут его за хвост одежды; он упирается, наклоняясь вперед. Государь, заметив эту суматоху, приблизился; они быстро отпустили пьяного, и он упал ничком к ногам Государя с криком: "Здравия желаю, Ваше Величество".

"Государь, улыбнувшись, пошел дальше, и пьяный получил такую же долю, как и другие.

"В это время, то есть во время завтрака, раз одна простая крестьянка смело подошла к Государю и, низко поклонившись, подала ему три сота меду с своего пчельника, в простой деревянной чашке. Государь с улыбкой поблагодарил ее и приказал принять, а ей выдать 25 рублей.

"Помню тоже одна француженка, имевшая по соседству сыроваренный завод, принесла несколько кругов своего сыра; многие являлись с просьбами, хотя полиция и выпроваживала подобных просителей, но за всем этим случалось просмотреть. Государь, где-нибудь в глухой чаще, тихо, с осторожностью пробирается к назначенному месту, вдруг из-за куста или дерева вывертывается фигура и, падая на колени в снег, держит на голове просьбу. Государь никогда не оскорблялся таким неуместным появлением и всегда,

милостиво выслушав, приказывал просьбу принять. Да и вообще Государь – на охоте ли, в городе ли – на прогулках никогда не запрещал подходить к нему с просьбами.

"Охота производилась по линиям железных дорог, а больше по Варшавской и Балтийской. В некоторых местах даже приспособлены были дома специально для ночлега Государя и его свиты. Однажды по Варшавской железной дороге, в деревне Ящеры, ожидали приезда Государя. Наконец, часу в 11-м вечера завидели все скачущего вперед так называемого магазин-вахтера (должность такая) с зажженным факелом. Унтер-Егермейстер Иванов (Иван Васильевич Иванов умер, оставив семью без всяких средств к жизни; она, к сожалению, как слышали мы, теперь бедствует. М.) встретил его у подъезда. Государь вышел из саней и, обращаясь к Иванову, сказал: "Здравствуй. А холодно сегодня! сколько градусов?" – "Двенадцать, Ваше Величество", ответил Иванов. – "А холодно".

"Войдя в комнаты, начинает ходить. В комнатах было тоже не тепло; видит в передней капитана И. и, обращаясь к нему, говорит тоже: "А холодно сегодня что-то!" Капитан отвечает: "Да, холодно, Ваше Величество, 22 градуса".

"Что? сколько?" – говорит Государь.

"22 градуса, Ваше Величество".

"Как 22? – удивленно спрашивает Государь. – Иванов сказал 12, а ты 22". Капитан недоумевает и не успел еще больше ничего сказать, как Государь произнес: "Да что я спрашиваю, разве мне говорят когда-нибудь правду".

"Оказалось, что они перед приездом Государя смотрели каждый на свой градусник, но Иванов

упустил из виду то, что его градусник висел у подъезда, где крестьяне местные, освещая всю деревню, под градусником поставили жаровню с зажженной смолой; воздух, разумеется, подогрелся и показал 12 градусов, тогда как в действительности было 22. Оба эти лица обязательно возили градусники с собою и всегда должны были ожидать вопроса Государя, так, как я выше заметил, что ежели было мороза более 10, то охота отменялась, хотя бы Государь и далеко заехал, и охота представлялась бы великолепной.

"В этой деревне Ящеры был замечательный кучер. Он местный житель, крестьянин, впоследствии купец, Савелий Васильевич. В начале 1850 года Государь, бывши еще Наследником, в первый раз охотился около этой деревни. Савелий имел хорошую, но смирную, лошадь и прочные сани; когда управляющий охотой заготавливал лошадей для проезда в лес к месту охоты, то Савелий попросил позволения провезти Государя, тогда еще Наследника. Осмотрев лошадь и сани, управляющий разрешил, и Савелий так осторожно провез Наследника, что он остался доволен и, выходя из саней, сказал: "Спасибо, отлично едешь, как тебя зовут?" — "Савелием, Ваше Императорское Высочество". — "Спасибо, — повторил Государь, — выдать ему 25 рублей". Так эта цифра 25 руб. и выдавалась ему более 30 лет, тогда как другие крестьяне других деревень, на чью долю выпадало счастье возить Государя, получали 10 рублей. Положим, что проехать (иногда верст 25) по сугробам снега, в глухой чаще леса, уметь нужно, раз пять иногда вылетишь из саней. При этом часто бывали и смешные сцены; например: едет себе поезд, верней тащится большою вереницею, иногда ведь саней 40–50; вдруг поезд останавливается, все спешат узнать

причину, и вы видите, что кучера, положив сани на бок, вваливают какую-то гору в сани – это одного из генералов, приглашенных Государем на охоту. Иной генерал был так толст, что сам встать не мог и поднять его трудно, и вот, положив сани на бок, его вкатывают в них и тогда уже поправляют его, посадят, отряхнут от снега, и поезд трогается. Государь тоже останавливается и ждет, смеясь иногда от души над этой возней. При этом я считаю нужным заметить, что обожаемый всеми наш покойный Государь на охоте был всегда весел, приветлив, здоров. Все доктора, особенно Карель (умерший) и сам Государь поездки на охоту считали лучшим лекарством для него. Он за эти сутки запасался здоровьем на всю неделю труда, хотя портфель, набитый докладами министров, всегда ехал с нами вместе, и Государь вечером, удаляясь в свою комнату, несколько часов посвящал занятиям. Дежурный фельдъегерь утром вез уже смотренные доклады в С.-Петербург.

"Возвратимся к Савелию. Он от природы умный мужик, ошастливленный Царским "спасибо", выездил несколько лошадей, приучил своих сыновей, которые возили Великих Князей. Лет через десять он получил шитый лейб-кучерский кафтан, а потом уж и медаль. Все это дало ему такой вес и такое значение в глазах крестьян всего уезда, даже и в соседних, что они считали его законом, чем он иногда и злоупотреблял несколько. Например: моя обязанность была нанять лошадей, заплатить за них и за все, что только покупалось и приготавливалось к охоте. Мимоходом здесь замечу, что никто, никогда, ничего даром не делал. Государь и не допускал дарового труда; труды и малейшее участие всякого оплачивались или по заведенному порядку, или по соглашению со мною; а

уже железные дороги такие представляли аптекарские бесконечные счета: не только сажени, вершки все были измерены, да и цены какие! Ну им и книги в руки! Счастье мое, что счета их представлялись всегда после и прямо в Контроль. Только Министерство Государственных имуществ не брало с меня денег, а все расходы (собственно по охоте в лесу) оплачивало само, когда охота была, так сказать, в его ведомстве.

"Здесь я опять не могу не уклониться от последовательности рассказа, не могу пройти молчанием величия, мягкости, доброты души великого Государя, всеми нами, окружавшими его, искренно обожаемого и теперь оплакиваемого.

"Охота была в Лисине; место это принадлежит Министерству Государственных имуществ. Я выехал во вторник, среди дня, по железной дороге, чтобы с одной из станций ехать на лошадях в Лисино. Приезжаю, схожу с платформы и вижу, что рядом со мною идет высокий, стройный, красивый с умными глазами барин, которому подали тройку ехать туда же. Я никогда раньше барина этого не видел. Внушительная его наружность произвела на меня настолько приятное впечатление, что я приказал своему ямщику уступить ему дорогу, хотя моя тройка стояла впереди. Приехали в Лисино, и там я узнал, что это новый Министр, новый в этом Министерстве, граф П. А. Валуев.

"Он приехал тоже сделать предварительные распоряжения.

"Вечером прибыл Государь; мы все встретили его в передней, а Министр, одетый в мундир, вышел на подъезд:

"Государь, выходя из саней, подал ему руку и сказал:

"А, и ты здесь, здравствуй! – и, взглянув на мундир, сказал: – А зачем ты себя стесняешь? ведь мы здесь у тебя простые гости!" "Что отвечал граф, я уже не обратил внимания, мне только слова Государя были дороги.

"Расскажу уж кстати и еще случай теплого, чисто отеческого внимания Государя к маленьким людям, его сопровождавшим.

"Обед был в вагоне. Поезд для этого остановился. После обеда Государь вышел из столовой в кабинет и не успел закурить папироску, как поезд тронулся. Государь сейчас же зовет капитана Илеина (капитан Илеин всегда и везде сопровождал Государя; человек он был в высшей степени распорядительный, незаменимый в воаяжах; теперь он в отставке, живет пенсиею) и спрашивает:

"Вы обедали?" "Обедаем, Ваше Величество".

"Так кто же это распорядился ехать? Позови ко мне N", – и назвал фамилию генерала, который ведал поездами. Является тот.

"Ты обедал?" – спросил его Государь. Тот в недоумении, так как обедал с Государем.

"Я тебя спрашиваю, ты обедал?" – повторяет Государь.

"С Вашим Величеством имел счастье пообедать", – отвечает генерал.

"То-то, если ты сам сыт, надобно, чтобы и другие были сыты. Чтобы никогда этого впредь не было!" – Генерал покраснел и извинился тем, что они запоздали.

"Много ли у нас бар было и есть, которые бы так заботились о своих слугах?" "Вернемся же к продолжению рассказа об охоте. Я всегда старался делать все экономней, потому что ведавший в то время денежною частью барон Кистер был не из щедрых,

счета оплаченные представлялись ему, он все читал, все знал, и как сам был честный и точный немец, то всегда приходилось оглядываться, не переплатить бы где чего лишнего, а уж с Савелием и думать об экономии нечего: крестьяне, бывало, придут всегда раньше меня, выслушают приказания Савелия, и уж их после не урезонишь. Ответ всегда один: "Не можем знать; как Савелий Васильевич"; и ничего не поделаешь; в других местах заплатишь за лошадь 2 р. 50 коп., а где Савелий, там – всегда 4 рубля. "Дом Савелия был обыкновенный, крестьянский, но просторный. Везде видна была зажиточность, и когда я в первый раз приехал по обязанности к нему в дом, то в первой комнате увидел фортепиано, и на мой вопрос, кто на нем играет, Савелий с самодовольной улыбкой, поглаживая свою бороду, сказал: "А вот сейчас увидишь", и, действительно, скоро появилась со стаканом чая симпатичная девушка.

"Рекомендую, моя дочь, вот она-то у меня и играет на этой музыке".

"Я его поздравил с такой дочкой.

"Ах, не говорите, пожалуйста! С чем тут поздравлять, что она у меня вышла ворона в павлиньих перьях.

"Где же она воспитывалась, и зачем ты давал ей нежелаемое воспитание?" – спрашиваю я.

"Да разве это я сделал? – с неудовольствием ответил он. – Все ваш же брат: придут, бывало, ко мне, когда ей было лет 9–10 и начинают толковать: "Неужели ты ее вырастишь по-крестьянски? неужели не отдашь ни в гимназию, ни в пансион". И вот все неужели да неужели, ну и сбили меня; дочь она у меня одна; я и отдал ее в лучший пансион. Правда, она радовала меня, училась всему хорошо; приедешь, бывало, ее

проведать, сам не узнаешь; ну, а что же теперь вышло?"
"Да на что же ты жалуешься?" – спрашиваю я.

"А на то, что к вам-то она не пристала, а от нас-то отстала; теперь-то я и вижу, что девку-то свою сам сгубил".

"Как, – говорю, – сгубил. Деньги у тебя есть; она хорошенькая; вот и выдай ее за какого-нибудь барина".

"Эх, ваше благородие, вы все не то говорите. Выдай за барина! Вот один офицер, действительно, сватался; человек в чинах; только я так рассудил: человек хоть, положим, хороший, но как "общество" ваше, а особенно барыни-то примут ее? ведь, пожалуй, как милость ей будут оказывать, приглашая в свои гостиные, да и сам-то муж, пожалуй, под сердитую руку скажет: "Я тебя, дуру-мужичку, взял ведь за деньги только, ну и не смей рассуждать"; а мы ведь с ней тоже имеем свою амбицию. И так пораскинули мы с ней своими мозгами и отказали.

"Я замолчал, в душе убежденный в справедливости его выводов. Она свободно изъяснялась по-французски, по-немецки, и Государь с свитой нередко с ней разговаривал на том или другом языке, а раз вышел смешной случай с немецким ее языком.

"Всякий раз, когда Государь приезжал в деревню, все жители сбегались его встретить: и мужики, и бабы, и девицы, в числе коих и она. Вот как-то раз Государь поздоровался со всеми и обратился к ней (она стояла впереди), сказав:

"Здравствуй! а что это ты похудела? ты здорова?"
"Здорова, Ваше Величество".

"Государь был рядом с немецким послом и потому говорил с нею по-немецки.

"Так если ты здорова, так почему же ты похудела?" – допытывался Государь.

"Не зная, что сказать, она отвечает, что, вероятно, от постной пищи. Это было великим постом.

"А что же ты ешь?" – любопытствует Государь.

"Посол слушает. Она и начинает перебирать: квас, капусту, картофель и, дойдя до редьки, на мгновение остановилась, и, не зная как по-немецки редька, назвала ее по-русски. Государь удовольствовался, но посол, не зная по-русски, спросил ее, что она еще такое сказала? Не помня этого слова, она вопросительно глядит на Государя и на посла. Государь хотел отвечать, но и сам забыл, как по-немецки редька; со смехом стали звать к себе других из свиты, кто владел немецким языком, и к общей досаде никто не знал по-немецки слова "редька". Отыскали, наконец, обер-егермейстера барона Ливена; он, к счастью, и разрешил вопрос. Долго Государь смеялся над этой редькой.

"Государь был настолько милостив к Савелию, что раз с охоты сам заехал к нему в дом. Послы и наши генералы, узнав об этом, спешили туда же. Савелий был в восторге. Он, а теперь наследники его, могут гордиться этим, да и самый дом, стул, на котором сидел Государь, могут считаться историческими.

"Назначена была раз охота в имении одного графа. Около леса выстроен был охотничий домик; и вот в нем назначен был завтрак. Пока готовили стол, Государь ходил по комнате и подошел к своему портрету, который висел на стене. Посмотрел на него Государь и, обратившись к окружавшим, сказал, указывая рукою на белый воротник рубашки, выставившийся из-за воротника общего генеральского мундира: "Никогда я не носил этого". Хозяина дома не было при этом, но, вероятно, ему дали знать, и, когда Государь приехал в следующий раз, то уж белого воротничка не увидел;

художник его уничтожил.

"Управляющий и все почти егеря были в душе страстные охотники и обожали Государя; следовательно, легко понять, с каким искренним старанием и любовью делались все приготовления к охоте, и надобно было лично видеть их, чтобы понять, как все бывали огорчены и возмущены, если охота почему-либо не удавалась. Они только ту охоту считали удавшейся, если зверь убит самим Государем, а не кем-либо из свиты; но ведь не всегда "Мишке" предпишешь путь. Медведь, пробужденный от сна, с испуга мечется, бывало, во все стороны и в конце концов попадает под чью-либо пулю, и Государь уезжал без выстрела. Бывало, и крестьяне проделывали подлость. Прежде они получали с Егермейстерской конторы за простое указание медведя. Мужик донесет, что есть медведь, егеря едет на место, удостоверяется в самоличности медведя, доносит своему начальнику, сам остается караулить и хранить его спокойствие; а крестьянин, то есть хозяин медведя, получает деньги. Егеря караульщик обыкновенно остается на жительство в деревне по соседству со зверем и большею частью в той же деревне, где крестьянин. Крестьянин, подметив, что егеря под вечер вернулся с осмотра, отправляется в лес к берлоге, выбирая для этого, когда идет снег и завывает ветер вьюги. Найдет медведя; стуком, шумом выгонит его из берлоги, прогонит куда-нибудь в соседний лес, наблюдая, где он ляжет. Заметив новую квартиру, мужик уничтожает все следы своего проступка, а ежели идет снег, то и без него следы пропадут. Спустя недельку и удостоверившись, что медведь его лежит спокойно, доносит в контору, что он нашел другого медведя; назначается другой егеря или поручается тому же, если близко; егеря удостоверяется,

и крестьянин получает вторые деньги за одного и того же зверя. Ясно, что когда придет Государь, то первого медведя не найдут. Вот и неудача. Когда-то догадались в чем дело, а невинные управляющие и егеря получали выговоры, а иногда и наказание. Потом уже стали платить не за найденного, а за убитого зверя. А иногда и сам "Мишка", помимо своей воли, устраивает неудачу. Расскажу, например, такой случай.

"Приехали в лес, поместились все на своих местах, дан сигнал, все замерли в надежде и ожидании.

"Проходят минуты, полчаса, час – медведя нет. У Государя появилось неудовольствие на лице. Простояв еще четверть часа, он велел позвать к себе управляющего, дали ему сигнал и бросились искать, но управляющего не нашли; тогда Государь потребовал мужика – хозяина медведя, но увы! и того нет.

"Государь, видимо, недовольный, молча пошел к своим саням. Усаживаясь в сани, Государь приказал Обер-егермейстеру посадить управляющего на гауптвахту.

"Что же оказалось. Медведя, действительно, не нашли. Управляющий, зная, что придется объясняться с Государем, ушел в чащу леса и притаился, надеясь, что Государь уедет и, вернувшись домой, может быть, и смилуется над ним.

"Мужик хотя и знал, что он не совершил подлога, но тем не менее медведя нет, и, боясь расчета с управляющим, который, наверно, заподозрит его, со страху тоже бежал и закопался где-то в снегу.

"Когда все в лесу стихло, скрип последних саней смолк, и только собаки, высунув языки, тяжело дышали, управляющий объявился и приказал немедленно подать ему мужика, считая его вором. Сейчас же егеря на лыжах, с ищейками собаками,

напали на след мужика и представили его перед грозные очи управляющего.

"Куда ты, к...., девал медведя?" "Не знаю".

"А, не знаешь! связать его и приготовить палок".

"Мужик на колени, взмолился, крестится, божится, клянется детьми, что он не виноват. Один из старших егерей, зная мужика с отличной стороны, говорит управляющему:

"Ваше благородие, я ведь знаю мужика и думаю, что он не виноват, а так как теперь вечер, и мы все устали, то оставим его связанным на ночь, а завтра вместе с ним пойдем опять искать".

"Управляющий согласился.

"Утром начались самые тщательные поиски, изъездили на лыжах весь лес, самыми тесными линиями, и один из старых егерей так устал, что сел на сугроб снега, снял шапку и, положив ее около себя, закурил трубку в размышлении о несчастном случае. Накурившись и не прийдя ни к какому заключению, он поднялся, чтобы продолжать поиски, но, обернувшись, не видит шапки. Осматривает кругом, встал, думая, что под ним, но нет, шапка пропала. Не желая, чтоб шапка вместе с Мишкой пропала, он продолжал ее искать, раскидывая рукою снег, как вдруг рукою попадает в какое-то отверстие. Он наклоняется и, увы! встречается своими глазами с заспанными глазами "Мишки".

Трудно представить восторг егеря! "Ваше высокоблагородие! здесь! здесь!" – кричит он управляющему.

"Кто?" "Да Мишка!" "Все бегут, все с открытыми от улыбки ртами заглядывают к нему в окошечко: кто с бранью, кто с ласкательством.

"Мишенька, Мишенька, и не стыдно ли тебе, голубчик, что ты с нами вчера наделал?!" "А тот себе

преспокойно, прищутив глаза, смотрит на них как бы с насмешкой, думая про себя: Что вы, дураки, волнуетесь; я и вчера также спокойно лежал и слышал, как вы метались, как угорелые, но никакой охоты не имел с вами спорить.

"За этим восторгом не скоро заметили, что мужик стоит на коленях и молится Богу, вознося горячую благодарность за спасение своей спины. Картина эта сильно подействовала на всех, и управляющий поднял мужика с коленей и извинился. Мужик забыл и свою бессонную ночь и все страхи, от радости начал благодарить его же, управляющего.

"Когда все стихло, управляющий обращается с речью к своей команде:

"Друзья мои, все это прекрасно, медведь нашелся и мужика от всякого нареkania освободил; но ведь мне-то все-таки наказания не миновать; от гауптвахты-то меня он не спасет; Государь поехал рассерженный и теперь не поверит, если мы донесем о нашей находке.

"Составился, так сказать, военный совет. Управляющий сел на крышу квартиры медведя.

"Медведь лег с осени под упавшее дерево с корнем; в течение зимы снег и дождь образовали такую толстую и прочную кору над медведем, что она могла выдержать любую тяжесть, и только оставалась одна нора, отдушина, которой медведь не давал замерзнуть своим дыханием; в эту-то отдушину, по счастливой случайности, и провалилась шапка егеря. Около этой-то отдушины сел управляющий, чтобы "Мишка" слышал их сетования и приговор, который над ним будет произнесен. Большинство голосов приходило к тому, что медведь должен умереть заслуженною смертью — через расстреляние; Государю донести и, если он не

смиляется, поехать в Гатчино на гауптвахту.

"Но гауптвахта не представлялась управляющему привлекательной, и он, после долгих раздумываний, наконец, произнес:

"Нет, не так; по-моему, его надобно живым доставить в Зимний дворец. Может быть, Государь тогда и смиляется надо мною".

"Мысль эта новая всем понравилась, и все единогласно согласились. Приступили к приведению в исполнение решения: наверху поставили двух сильных егерей с железными ломами, окопали отдушину в таком размере, что медведь мог только с трудом выйти. Начинают его вызывать, шуметь, стрелять из ружей (разумеется, бсз пуль), а "Мишка" не шевелится; он слышал, что ему не угрожает смерть, следовательно, он спокоен и смотрит с той же насмешкой на все их усилия; поездка в Петербург тоже, вероятно, не интересовала его. Охотники бранятся, собаки злятся, а он сосет свой кулак и думает: "Да ну, вас; вот, – думает, – потеха, умрешь от смеха!" Тогда охотники пустили под его физиономию снаряд (при фейерверке называемый шутихой), который при прикосновении к предметам с треском разрывается. Неожиданный взрыв испугал медведя, он вскочил и полез в отверстие. Егеря, стоявшие наверху с ломами, ударили его по голове, и медведь упал, оглушенный; тогда ремнями связали его ноги и, крепко привязав к саням, с конвоем отправили в Петербург на маленький дворик Зимнего дворца. Управляющий охотой с замиранием сердца идет туда наверх и просит доложить. Государь его принял; улыбаясь, выслушал всю историю, пошел взглянуть на пленника, при виде которого сердце Государя, как охотника, отошло, управляющего помиловал, а медведя приказал взять в Гатчинский

зверинец. Вот "Мишка" и поехал в Гатчино, посматривая на управляющего с той же насмешкой и как бы говоря: "Ну, что взял? А вот и не смеешь теперь со мной ничего сделать; будешь еще за мною ухаживать и покоить". Долго он жил и, как исторический в летописях охоты, долго был предметом любопытства. Только управляющий и егеря никогда не могли простить ему сыгранной с ними шутки, и редкий охотник проходил без того, чтобы не обругать его и не всыпать двух, трех нагаек, если таковая была в руках.

"Управляющий этот был любопытный субъект; о нем можно написать целую книгу, и ее с любопытством бы прочли; когда-нибудь я к нему вернусь.

"На охоту приглашались, кроме русских генералов (всегда почти одни и те же), и иностранные послы. И вот мне пришел на память случай с английским послом, который отличался эксцентричностью и был какой-то меланхолик-философ.

"После всякой охоты всегда был обед, и затем Государь с своими гостями возвращался в Петербург. Охота на этот раз была верст за 17 от железной дороги. Пообедав, все разошлись по своим квартирам, переоделись, сели в приготовленные экипажи и приехали на поезд. Государь, как любезный хозяин, когда все были в вагоне, хотел, вероятно, спросить, доволен ли англичанин охотою; ищет его глазами и, не видя, спрашивает, где он поместился. Ищут по вагонам. Посла нет. Государь подумал, что еще не приехал, ждут; но капитан Илеин (о котором я говорил выше) сразу понял, что он остался на месте, берет лошадей и скачет назад, надеясь хоть встретить его и поторопить. Приезжаем в деревню; лошади стоят у подъезда, и ямщик жалуется, что замерз, ожидая "англичанина". Илеин вбегает в комнату посла, а тот преспокойно

курит сигару, вложенную в маленькую трубочку. Илеин объясняет ему, что его ждет Государь и целый поезд. Посол прехладнокровно выслушал и все-таки продолжает сидеть; но, к счастью Илеина, явился камердинер посла и, узнав в чем дело, ответил за него "сейчас", уходит и возвращается с калошами, берет посла за ногу, одевает одну калошу, затем другую, потом поднимает его при помощи Илеина, всовывает одну и другую руки в рукава шубы, выводит из комнаты, усаживает в сани и везут на железную дорогу, где уже дожидался его экстренный поезд, потому что Государь, прождав 1/2 часа и зная, что Илеин доставит посла в целости, уехал, приказав приготовить для него особый поезд. С тех пор Илеин всегда уже заботился, чтоб не потерять где-либо англичанина. Камердинер говорил, что лорд его всегда такой; его всегда надобно одеть, посадить и повезти.

"Впрочем, не одни англичане так флегматичны. Был на той же охоте похожий на англичанина наш русский генерал, один из начальствующих охотой. Про него, например, рассказывают, что он раз, вернувшись вечером из гостей домой в своей карете и не быв встречен лакеем, остался в ней. Кучер, надеясь, что он ушел в подъезд, поехал во двор, поставил карету в сарай и отправился в кухню. Лакей просидел целую ночь, а утром, увидев кучера, спросил: "Где же барин?" – "А я почем знаю; тебе лучше знать, куда он вышел; а я его сегодня утром не видал". – После долгих разъяснений отправились в каретный сарай, глядят, а барин их спокойно спит в карете. Когда его водворили в местожительство, то он выразил большую претензию на лакея и кучера, отчего они не сделали этого вчера. После этого урока, разумеется, кучер, устанавливая карету на место, всегда уже, бывало,

заглянет, нет ли в ней барина.

"Кроме постоянных сподвижников охоты, бывали всегда приглашаемы приезжавшие царственные особы; так, например, я был на охотах с наследниками: английским, германским, герцогом эдинбургским, кобург-готским, многими принцами мелких германских государств. Император Германский и Шах Персидский не охотились, потому что приезжали весной, но зато я имел честь быть на охоте с Императором Австрийским Францем-Иосифом. Он произвел на всех нас весьма благоприятное впечатление, во-первых, своею фигурою, походившею несколько на обожаемого нашего Государя — держался так же прямо, величественно, а во-вторых, своею щедростью. Охота удалась, он убил медведя.

"В австрийских лесах медведей нет; следовательно, эта охота была для него приятна. После охоты, там же на месте, он спросил, сколько егерей и сколько чинов было с ним на охоте. Егерям приказал выдать 500 талеров, а нам — ордена; так, я, например, получил кавалерский орден его имени на шею.

"Наследник английский также довольно щедро наградил егерей, а немецкие принцы награждали по-немецки.

"Расскажу здесь припомнившийся мне случай (небывалый, я думаю, в летописях царских обедов) с немецким принцем за обедом. Охота была за Ораниенбаумом, а обед после, в Ораниенбаумском дворце. Да надобно предупредить, что, где бы ни была охота, и где бы ни предполагались завтраки и обеды, все продукты, мясо, дичь, вина, словом, все привозилось из Петербурга. Метрдотель, зная, сколько будет персон, берет с собой такой и запас. Итак, за этим обедом, о котором я веду речь, были блины с

прекрасною всегда зернистою икрою, которою, надо сознаться, мы всегда обедались. Германскому принцу икра также очень понравилась, и он вслух похвалил ее, обращаясь к своему соседу, одному из наших великих князей, который, как гостеприимный русский хозяин, естественно предложил ему скушать еще; тот не отказался; князь, обратившись к официанту, приказал подать блины и икру. Ждут, проходит две, три минуты, официанта нет; великий князь посылает другого и приказывает немедленно подать; является метрдотель, смущенный, и увы! объявляет, что икры нет. Надобно было видеть затруднение великого князя, который принужден был сказать соседу, с большим аппетитом ждавшему икру, что ее больше нет; даже и немец в первый момент сконфузился и что-то пробормотал в роде того, что он сыт. Метрдотель был оштрафован. Бесспорно он был виноват, хотя икры он всегда брал особенно большой запас, но на этот раз не сумел рассчитать аппетита гостей.

"Государь сидел по левую сторону принца и когда, заметив суматоху, узнал в чем дело, тоже остался недоволен и, обернувшись, так взглянул на метрдотеля, что у француза душа ушла в пятки.

"Государь наш на охоте был, как я и выше говорил, всегда весел, любезен, находил для всех и каждого сказать что-нибудь приятное. Как-то раз был на охоте немецкий принц, кажется, брат германского Императора; понравились ему две борзые собаки. Собаки, действительно, были самые лучшие, и Государь любил их. Принц, в присутствии Государя, долго любовался ими. Не успел он вернуться в Берлин, как собаки эти доставлены были ему: Государь, значит, был истинно русским человеком и держался старых правил радушных хозяев, дарить гостю ту вещь,

которая ему нравится.

"Я лет семь-восемь ездил на охоты с покойным Государем; много, разумеется, видел стрелков и охотников, но более великодушного и лучшего стрелка, каков был Государь Александр Николаевич, не было. Случалось так, что Государь сделает меткий выстрел, зверь смертельно ранен, но жизненная энергия его поддерживает, он тащится, но уже в предсмертной агонии. Но в этот момент кто-либо из соседей Государя стреляет. Допустим, что пуля попала, но зверь уж был мертв и лежит против соседа. Понятно, что соседу, как охотнику, приятно считать себя героем этой охоты, и вот он позволяет себе доказывать, что зверь его. Во всех подобных спорах Государь, хотя и убежденный в том, что зверь его, но всегда с своей неподражаемой улыбкой, подняв свои прекрасные большие глаза на спорившего, скажет только:

"Так ты говоришь, что зверь твой?" "Да, Государь".

"Согласен, не спорю, можешь получить его".

"А чтобы убедиться в том, что Государь был лучший стрелок, для этого нужно спросить егерей, как экспертов и специалистов этого дела, а я только расскажу случай, насколько егеря были уверены в меткости выстрела Государя.

"Как-то в глубокую осень (зимы еще не было) проезд в лес был невозможен, и Государь пожелал поохотиться в Гатчинском парке. Один егерь долго преследовал одного оленя, который, как на зло егерю, бежал все в разные стороны, но не шел под выстрел Государя. Егерь, озлобленный, так сказать, непокорностью оленя, в конце концов в буяраке, в овраге поймал его и, ухватив за задние ноги, морду оленя направил кверху оврага, а сам прижался за оленем. Государь, сверху заметив оленя, выстрелил, но

как олень вертелся в руках егеря, то пуля сделала рикошет и, ранив оленя, зацепила и егеря в руку около плеча. Рана не опасна, но тем не менее показалась кровь; соседние егеря видели всю проделку своего товарища, но не находили в этом ничего необычайного. Государь очень встревожился, когда ему доложил об этом управляющий, приказал сию же минуту отправить раненого в придворный Гатчинский лазарет и вызвать из Петербурга лучших придворных лейб-медиков; поехал сам в лазарет, расспросил, обласкал и в течение дня несколько раз посылал в лазарет великого князя с расспросами. Местный врач промыл царапину, забинтовал, и присутствие приехавших лейб-медиков оказалось совершенно ненужным; но тем не менее, уезжая из Гатчины, Государь приказал заботиться о больном и ежедневно доносить ему. Внимание врачей, стол, вино, папиросы от двора – егерь в восторге.

"Государыня Императрица, узнав от Государя о сем неприятном случае, тоже послала от себя приказание заботиться о нем, послала егерю множество подарков, в том числе прекрасные часы. Егерь дня через два, через три был здоров, а через неделю и царапина зажила; местные врачи его выписывают из лазарета, но егерь упирается, не идет, ему не житье, а масленица; живет на царском продовольствии месяц, отлично сыт и долго б, на всю жизнь, остался б в лазарете, да тот же грозный управляющий водворил его на местожительство в егерскую слободку. Благодаря рассказанному случаю, егерь и теперь смотритель какого-то охотничьего домика, счастлив, доволен и благословляет свою судьбу.

"Спустя много времени, я как-то, встретив его на охоте, полюбопытствовал спросить:

"Скажи, пожалуйста, – говорю я, – как могло тебе

прийти в голову держать оленя и подставлять его и себя под выстрел".

"Помилюйте, ваше высокоблагородие, – ответил он, – значит, вы не знаете, как стреляет Государь. Риску с моей стороны не было никакого; я не враг себе; я был без всякого сомнения, что Государь попадет в лоб или глаз оленя, и пуля останется там, а если бы и прошла на вылет, то, как ослабленная, не могла уже причинить мне никакого вреда".

"Вот мнение егерей о Государе Александре Николаевиче, как о стрелке, а уж они-то вполне компетентны.

"Покойный Государь охотился и на лосей; но эта охота так проста, что о ней не стоит и распространяться. Сойдутся себе лоси, иногда целым табуном, и жуют спокойно сено у чьих-либо стогов. Нужно только иметь небольшую охотничью сметливость, чтобы определить, куда они побегут. Соображения эти не глубоки: лось не медведь или волк. Последний сумеет чутьем разобрать и глазами рассмотреть и отличить ружье стрелка от палки крестьянина-загонщика и не побежит на стрелка с ружьем, хотя бы он стоял один, а бросается в толпу сотни мужиков, которые его угостят палками, но волк не оскорбится этим: он находит, что лучше пройти сквозь строй палок и остаться живым, нежели идти на выстрел. Лось же более прост, бежит обыкновенно туда, откуда пришел к корму, следовательно, управляющим охотою, заметив следы, так и обозначит место для Государя и других стрелков.

"При малейшем шуме лоси бегут, и так как они велики, то и стрелять в них весьма удобно".

69 30 января. Среда. С.-Петербург. "В 10 часов (утра) Его Величество с Великим Князем Николаем

Николаевичем выезд имел на охоту в Колтуши, в имение Чоглоково.

"Особы приглашены к 10 часам: Герцог Меклембург-Стрелецкий, французский посол Морни, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Генерал-Адъютант граф Адлерберг, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант Бетанкур, Генерал-Адъютант Зиновьев, Шталмейстер Толстой, Генерал-Маиор князь Голицын-Прозоровский, Генерал-Маиор граф Ламберт, в должности Гофмейстера Всеволожский, Флигель-Адъютант граф Толстой, Адъютант герцога Стрелецкого".

Небезынтересно заметить, что охота эта, как и вообще все охоты, по-видимому, нисколько не утомили государя. По возвращении с нее в Зимний дворец его величество принимал 50 минут 8-го часа генерал-адъютанта Путятина, представлявшегося по поводу возвращения из-за границы, затем, 20 минут 9-го часа, поехал в Большой театр, где пробыл до 20 минут 11-го часа, а из театра поехал на бал к великому князю Николаю Николаевичу, с которого вернулся в 30 минут 3-го часа ночи (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 172).

Охота у села Колтуши, стоившая 363 руб. 90 коп., производилась на медведя (там же, оп. 4/1003, No 64).

В начале февраля для зимних переездов на охоты Егермейстерская контора заказала для государя императора особого устройства меховой мешок под ноги (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 4/168а).

11 февраля. Понедельник. С.-Петербург. "В 10 часов (утра) Его Величество имел выезд на станцию Николаевской железной дороги и с собравшимися приглашенными особами отсутствовал к станции

Тосна; от оной проезжали в экипажах в Лисино, где изволили фрыштыкать; после оного отбыли на охоту; по возвращении с охоты кушали за обеденным столом в 17 персонах.

"Его Величество возвратился с охоты в 8 часов...", а "25 минут 9-го часа Его Величество имел выезд в Преображенский полк и присутствовал при спектакле" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 172).

Стоила охота 473 руб. 19 коп.

22 января. Среда. Ящеры. "Поутру Его Величество от станции Ящеры, со всеми приглашенными особами, отбыл на охоту в имение помещика фон-Руде, за 50 верст, и на месте охоты имел фрыштык.

"За обеденным столом кушал на станции Мшинской.

"Государь Император, по возвращении с охоты, прибыл ко дворцу и, не заходя в оный, проезжал к Ее Величеству в Большой театр" (там же, оп. 2 8/1618, No 173).

22 февраля. Суббота. Ящеры. "Поутру, после чая Его Величество с Их Высочествами и всеми кавалерами из Ящер отбыл на охоту (великий князь Николай Николаевич из Ящер отсутствовал в С.-Петербург) в лес, близ Луги, в продолжение которой фрыштыкал со всеми особами в лесу, на месте охоты.

"После охоты в санях все проезжали в город Лугу и в доме купца Кожевникова кушали за обеденным столом. После же обеда Его Величество с Герцогом и всеми участвовавшими на охоте кавалерами отбыл на железную дорогу и по оной в С.-Петербург. 20 минут 1-го часа вечера Его Величество изволил возвратиться с охоты из Луги и был на посещении Императрицы Матушки" (там же).

28 февраля. Пятница. С.-Петербург. "К 8-ми часам

утра приглашены были на охоту с Его Величеством в село Колтуши, на мызу господина Чоглокова: Герцог Меклембург-Стрелецкий, Испанский посланник Герцог д'Оссуна, Генерал-Адъютант князь Воронцов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант граф Адлерберг 2-й, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Шталмейстер Толстой, Егермейстер граф Ферзен, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант князь Васильчиков, Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский, Генерал-Лейтенант Герздорф, Генерал-Маиор граф Ламберт, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн, Флигель-Адъютант князь Барятинский, Флигель-Адъютант граф Толстой, Флигель-Адъютант Мердер, Флигель-Адъютант Слепцов, Адъютант Герцога Стрелецкого Жори.

"В 9 часов утра Его Величество с Генерал-Адъютантом графом Адлербергом 2-м изволил отсутствовать в означенное село и со всеми приглашенными особами охотился в имении господина Чоглокова, изволил фрыштыкать и обедать на мызе со всеми особами и возвратился с охоты 50 минут 8-го часа.

В 8 часов Их Величества выезд имели в Певческую капеллу и присутствовали при концерте" (там же).

Охота эта, стоившая 460 руб. 78 коп., была произведена на лосей (там же, оп. 4/1003, No 78).

70 Января 3. Понедельник. С.-Петербург. "45 минут 8-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Николаевской железной дороги и по оной отсутствовал, с приглашенными особами, на охоту в Малую Вишеру.

"На охоту приглашались: Великий Князь Владимир

Александрович,	Великий	Князь	Николай
Константинович,	Прусский	посол	принц Рейсс,
Генерал-Адъютант	князь Суворов,	Генерал-Адъютант	
барон Ливен,	Генерал-Адъютант	Тотлебен,	
Генерал-Адъютант	Мердер,	Генерал-Адъютант	граф
Перовский,	Егермейстер	Герздорф,	в должности
Егермейстера	князь	Трубецкой,	Прусский
Генерал-Маиор	Вердер,	Генерал-Маиор	граф
Воронцов-Дашков,	Австрийский	военный	агент
Бехтольсгейм,	отставной	Генерал	князь
Голицын-Прозоровский.			

"Во время следования Его Величество, с приглашенными особами, в вагоне имел чай и кушал за вечерним столом. 55 минут 12-го часа изволил прибыть на станцию Малая Вишера".

Января 4. Вторник. Малая Вишера. "После утренней прогулки, 35 минут 10-го часа, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту на станцию Торбино и в лесу, в продолжение охоты изволил иметь фрыштык. Возвратился 30 минут 8-го часа. Через 10 минут от станции Вишера отсутствовал обратно в С.-Петербург и во время следования в вагоне кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом. 45 минут 12-го часа вечера изволил возвратиться в Зимний дворец". (Камер-фурьерск. журн. 1872 г.).

5 января обер-егермейстер генерал-адъютант барон Ливен доносил министру Императорского Двора: "На бывшей охоте 4 сего января, Его Императорское Величество изволил видеть ловкий, смелый и быстрый прием на рогатину медведя стремянным 1-й статьи Никоновым, стоявшим возле Государя Императора, и приказал наградить его медалью с надписью: "За спасение", на Владимирской ленте".

28 января министр Двора сообщил обер-егермейстеру, что, по докладу государю императору рапорта барона Ливена от 5 января, его величество "изволил пожаловать Унтер-Егермейстеру Иванову и стремянному 1-й статьи Никонову медали, с надписью: "Благодарю", на Владимирской ленте, для ношения в петлице, первому золотую, а последнему серебряную" (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 – 1872 г.).

Из того же дела Егермейстерской конторы усматривается, что унтер-егермейстер Иванов был награжден медалью "за сделанный им выстрел по медведю, бросившемуся на Государя Императора на охоте 4 января 1872 года, которым он положил медведя мертвым к ногам Его Императорского Величества".

Сопоставление приведенных документов указывает, что Его Величество был огражден от опасности одновременно направленными в медведя пулей Иванова и рогатиною Никонова.

В ту же охоту и тот же медведь, предварительно выхода на стрелковую линию, поранил двух крестьян-облавщиков (там же).

71 В зиму 1855, 1856 годов, "на последней охоте, в присутствии Государя Императора, медведь сломал одну рогатину".

По заявлению егермейстера Ферзена, "это обстоятельство обнаружило, в какой степени не надежны старые рогатины, и какой опасности подвергаются служителя, действующие этим оружием". Тогда же было решено завести новые рогатины, а вскоре за тем их приобретено 10 штук, по 200 рублей за штуку (там же).

Описанный случай, по всей вероятности, был 21 марта. Надо заметить, что в некоторых официальных источниках указывается, что последняя в сезоне

высочайшая охота на медведя была произведена 21 мая; но это, по всей вероятности, простая описка, что объясняется как тем обстоятельством, что вряд ли в мае могла состояться охота на медведя, так и тем, что расходом на эту охоту показана сумма в 508 руб. 51 коп., т. е. как раз такая, которая была издержана на охоту 21 марта. Кроме того, 21 мая, по данным Камер-фурьерского журнала, государь из Петербурга никуда не выезжал (Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 168).

72 28 декабря. Четверг. С.-Петербург. "50 минут 6-го часа (вечера) Его Величество изволил выезд иметь на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными на охоту особами, изволил отсутствовать до станции Бологово.

"На охоту приглашались: Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, Генерал-Адъютанты: князь Суворов, Зиновеев, Огарев, граф Баранов 2-й, князь Паскевич, Тотлебен, граф Ламберт 2-й, Обер-Гофмейстер Толстой, Егермейстеры граф Ферзен, Герздорф, в должности Егермейстера граф Толстой, Генерал-Маиор князь Барятинский, Генерал-Маиор Слепцов, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн.

"По прибытии на станцию Бологово 40 минуте 1-го часа пополудни, Его Величество и Их Высочества и прочие все особы, в санях, проезжали на мызу князя Путятина, где имели ужин. Чай изволили кушать в вагоне. После ужина Его Величество с Их Высочествами на мызе имел ночлег, а прочие особы отсутствовали на станцию Бологово.

"Поутру 29-го числа, после чая, изволили отсутствовать на охоту и к фрыштыку прибыли на означенную мызу. После фрыштыка вторично имели

выезд на охоту и, по возвращении на станцию в 6-м часу вечера, изволили отсутствовать в С.-Петербурге. Обед имели в вагоне. 1/2 12-го часа Государь Император изволил прибыть в Зимний дворец" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

Охота эта производилась на медведя, лосей и рысь и стоила 1066 руб. 43 коп., а именно: за медведя 40 руб., за лосей 35 руб., за рысь 10 руб., проведение дороги на два круга 58 руб., расходы служителей по железной дороге 81 р. 53 к., подводы 490 р. 80 к., 1022 кричанам – 262 р. 60 к., 85 человекам в кругу – 42 р. 50 к., шлагги – 46 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

По поводу этой охоты считаем необходимым привести нижеследующие строки, заимствуемые нами из воспоминаний сына бологовского помещика, устраивавшего охоты для императора Александра Николаевича, из воспоминаний князя Павла Арсеньевича Путятина ("Русская старина" за 1887 г., т. LIII).

"Самым приятным воспоминанием из времени моего мирового посредничества нужно считать годы, в которые я имел счастье встречаться с покойным Государем Александром II Освободителем.

"Как известно, Император любил звериные охоты. В Бологовской же местности, зимою, в наших и соседних лесах, бывало много диких животных, и на них ежегодно производились облавы.

"В настоящее время крупных зверей стало менее; но лет 15 тому назад, когда вблизи существовали обширные леса, охоты устраивались великолепные. Большую часть лесов уничтожила железная дорога, и теперь нет и помину о тех условиях, при которых прежде осуществлялись близ Бологое Императорские

охоты. Зверей для зимних охот имелось много, различных пород, медведи, лоси, дикие козы, зайцы и даже знаменитые северные олени (*cervus Tarandus*). Об оленях между охотниками происходили споры; многие утверждали, что не другая ли эта порода? Но одна очень удачная охота Императора, на которой их застрелили несколько штук, положительно доказала, что это были, действительно, северные олени (доказательством, что олени охоты совершались у нас в недавнее время, служит письмо бывшего обер-егермейстера графа Ферзена к моему отцу. Вот оно: "Ваше Сиятельство! Извините, что до сих пор не ответил Вам; но сие время был в разъездах Его Величество, которому я доложил и рассказал все подробности, приказал мне еще раз Вас благодарить и надеется, что в другой раз удастся ему стрелять оленей у Вас. Я на днях еще Вам буду писать подробно. От души преданный граф П. Ферзен. 2 февраля 1862 года"); их даже стреляли в Тверской губернии, хотя и редко. К нам же они заходили довольно часто; но теперь уже лет 150 них не слышно...

"Охоты на оленей, лосей и диких коз совершались облавами; что же касается до медведей, то, кроме облав, их стреляли и в берлогах.

"Когда отец убеждался, что существует около нас стадо лосей, диких коз, оленей и медведь или медведица, то извещал о том графа Ферзена, который высылал затем двух Придворных егерей для проверки окладов. Егеря, на лыжах, каждый день до охоты, обходили кругом те места, на которых стояли звери и удостоверялись, не тронулись ли и не вышли ли за обходимый ими круг (оклад). Затем, если элементов для охоты было достаточно, и имелся в запасе медведь, то приезжали Унтер-Егермейстер и Управляющий

Царскими охотами.

"Нужно сказать, что охоты на оленей, лосей и диких коз считались лучше медвежьих, и так как они более последних подвергались случайностям, то, как верный исход, всегда был необходим медведь, на которого охоты редко не удаются.

"Затем приезжал Обер-Егермейстер с егерями и, наконец, Государь Император со свитою.

"Один из эпизодов этих охот, более рельефный, которого отчасти я был свидетелем, постараюсь рассказать, как помню: "В 1862 или 1863 году в Бологое приготавливалась хорошая охота. Присланные из Гатчины егеря проверили лосиные и медвежьи оклады и сообщили об их исправности в С.-Петербург. В ту же ночь, когда уже все было готово к охоте, и Государь выехал к нам, один из крестьян, думают, вследствие интриги, входил в оклады и спугнул лосей. На снегу ясно виднелись следы лаптей. Эти следы положительно доказывали, что дело было не совсем чисто. Один из егерей, сын доезжачего Императорских охот, Борисов, так был расстроен неудачею своих проверок, что за ним наблюдали, боясь, чтоб он не захворал, так как он считал, что этот промах его компрометирует. Остался один медведь, приготовленный, как ресурс, на случаи неудачи с лосями.

"Приезд Государя совершался всегда вечером; его сопровождали иногда Великие Князья, приглашенные почетные лица, свитские генералы и прочие лица.

"Походные кровати Государя Императора и Великих Князей и разные принадлежности для стола и припасы привозились заранее. Весь дом передавался для Императора и Великих Князей, а также кухня, так как ужины, завтраки и обеды приготавливались придворными поварами. Сани для охот привозились из

С.-Петербурга; только лошади для великих особ были от нас. Свита ездила на нанятых лошадях. Вид приезда со станции вечером в дом бывал чрезвычайно оригинален и живописен. Отец доставал всегда от смоляников несколько кубических сажень смолы и по обеим сторонам дороги приказывал складывать костры. Только что царский поезд двигался со станции, костры зажигались, и царские сани, с черными медвежьими полостями, с Государем и свитой, освещенные красноватым светом, быстро скользили по снегу к нашему дому; там уже всегда стоял сервированный ужин, за который скоро все садились, и затем, за исключением Государя и Великих Князей, все приглашенные уезжали из нашего дома на станцию, где для их ночлега, в большом пассажирском зале, раскидывались палатки с кроватями и туалетными принадлежностями. Комнаты нашего дома распределялись так: в зале подавались чай, ужин и прочее; гостиная служила для приемов, комната за гостиной (угловая) назначалась для опочивальни и кабинета. В этой комнате помещались походная кровать, походный молитвенный столик с образами и молитвенниками и письменный стол, недалеко от камина.

"Несмотря на то, что зачастую Император далеко за полночь разговаривал с охотниками, он все-таки между тем занимался делами. Сидя у письменного стола, им слушались доклады секретаря и принимались депеши. Ненужные письменные бумаги летали в камин, который нарочно для этого затапливался. Доклады иногда продолжались до 2-х часов ночи.

"Носились слухи, что в Бологое совершался обмен депеш с Наполеоном III по поводу польских дел.

"Затем, сдав доклады, секретарь уходил, и Государь

долго и горячо молился. Потом, часа в 2 или 3 он засыпал, покрывшись тоненькой военной шинелью. Этот сон продолжался недолго: часов в 5 или 6 утра уже надо было отправляться на охоту. Велики были заботы и труды покойного Государя, который даже в дни охот не оставлял их. Как известно, охоты считались докторами необходимыми для его здоровья. И все-таки, несмотря на очевидную пользу моциона на хорошем воздухе, одна из Петербургских партий восставала против охот; ее происки ясно выразились при следующих обстоятельствах: Раз в Бологое небольшой медведь прорвался сквозь круг; один из крестьян хотел его остановить, но тот кинулся на него: разорвал тулуп и немного оцарапал спину. Во время этой же охоты был сильный мороз, вследствие чего несколько крестьян познобили уши, но так легко, что простое трение снегом и прочее тотчас же поправило. В С.-Петербурге об охоте стали говорить, и снежный ком сплетен разросся в лавину. Говорят, некоторые из любопытных рыскали по госпиталям С.-Петербурга, узнавая, нет ли где искалеченных морозом из Бологовской охоты. Слухи даже дошли до покойной Императрицы, которая об этом имела разговор с Императором. В следующую затем охоту в Бологое Государь вызвал моего отца в приемную комнату и вот, приблизительно, их разговор:

"Скажи, князь, что сделалось с крестьянином, на которого кинулся медведь?" "Он совершенно здоров, Ваше Императорское Величество. Тотчас после охоты его освидетельствовал доктор Торопогрицкий и нашел на нем только пустые царапины. Когда же, через графа Ферзена, ему пришло вознаграждение, то он от радости не знал, как ему благодарить ту судьбу, которая, заставив его так легко отделаться, вручила изрядные

деньги для его домашнего обихода".

"Ну, а те, которые поморозились?" "Все здоровы, Ваше Императорское Величество; правда, некоторые попятнали уши, щеки или носы, но не более того, как отмораживают себе извозчики в С.-Петербурге, и нет ни одного, который поплатился бы чем-нибудь серьезным".

"Правда ли, князь?" "Честное слово русского дворянина, который никогда не позволит себе сказать лжи своему Монарху".

"Тут серьезный тон Царя изменился как бы в тон упрека.

"Ну вот, я так и думал; рад; зачем же они так говорили".

"Действительно, не мало порицания достойны те люди, которые распускают нелепые слухи и раздувают их намеренно.

"Продолжаю далее мой рассказ.

"В одном из флигелей около дома помещались граф Ферзен и мой отец, в другом, как я говорил, кухня.

"Тогда я еще не был представлен Государю Императору и потому ночевать отправился в дом соседнего помещика Василевского, который от нас отстоял сажень на сто за рекой.

"Утром, чуть свет, меня разбудили, так как граф Ферзен разрешил мне инкогнито стоять возле отца на его номере. Обыкновенно при облавах раздаются номера тех мест, на которых охотники становятся, не имея права передвигаться с места на место во время облавы. Много крестьян и крестьянок оцепили ту местность, в которой был прослежен медведь. Егеря, за исключением тех, которые были назначены присматривать за загонщиками, вошли в круг. Нужно заметить, что в число Придворных егерьей выбирались

всегда статные и ловкие люди. Они вооружались охотничьими ножами и ремингтоновскими двуствольными ружьями, которые для облавы заряжались холостыми зарядами. У некоторых были рогатины. Привычка и смелость действовать делали то, что егеря по снегу почти наверняка выставляли на номер Императора обложенного медведя.

"Медведь иногда шел, как какое-нибудь послушное домашнее животное, побуждаемый криками и движениями егерей. Эта назойливость вызывала иногда опасности; так, с одним из егерей охота чуть не кончилась худо. Медведь припер егеря к дереву и уже собирался запустить лапу с затылка, чтобы снять черепную чашку. Одно присутствие духа только спасло его; он не потерялся и выпустил два холостые заряда медведю в морду, который, не ожидая этого угощения, рывкнул, откинулся назад и, оставив своего преследователя, побежал на охотников. Другой раз – разул сапог егеря, захватив за него, когда тот лез на дерево, и проч., и проч.

"Но вот охота, на которой я присутствовал, началась, знак был подан, крики рабочих, выстрелы егерей смешались вместе. Гул делался все громче и громче, по мере того, как оклад суживался. Вот прошли и егеря, а медведя нет как нет. Взорвали несколько шлагов, пустили в оклад двух громадных медиоландских собак – дар одного английского лорда – и все-таки медведь не поднялся. Охота оказалась неудачною; ее покончили; подали другой сигнал, и все двинулись к нам обратно. Ружья и охотничьи принадлежности отправили прямо на вокзал. Я же опять вернулся в дом Василевского.

"Около часа прошло времени, когда в зало, в котором я сидел, вошел мой покойный отец, – как

теперь помню его бледное, взволнованное лицо. Оно нервно как-то подергивалось, видно, что отцу было тяжело, и он, как будто для того, чтобы успокоиться близ родного человека, пришел ко мне.

"Что с Вами, батюшка?" – спросил я.

"Ах, Павел, ты не можешь понять, что я перечувствовал во время завтрака! Почти все придворные свиты, которые были так любезны по приезду, теперь как бы наперерыв старались высказать свою холодность. Говорили даже, что будто я приглашал Государя на пустую охоту. Граф Ферзен расстроен, мелкие уколы выводят его из себя, и он обезкуражен неудачей".

"Во время нашего разговора входит лакей, докладывая, что спрашивает отца какой-то крестьянин.

"Что ему надо? Мне не до него. Впрочем, позовите".

"В комнату вошел один из охотников деревни Подлипея, помнится, Дмитрий, с докладом, что медведь найден.

"Как найден?" "Да в берлоге. Когда охота кончилась, я пошел по окладу. Вдруг слышу хрястнет хворостье; я ближе; вижу яма под сучьями, а в ней уши торчат, медведица-то ими поводит; должно быть вслушивается; я потихоньку назад, да и к вам, ваше сиятельство".

"Да так ли?" "Как же не так, когда видел своими глазами".

"Отец стоял и не знал, что делать; наконец, решился идти сообщить об этом. Несколько времени спустя, я уже видел, как сани, один за другими, промчались мимо Василевского дома. Что же в это время происходило, передаю со слов отца:

"Когда я пошел сообщить о медведе, то узнал, что Император играл в карты; меня подвели к нему, и я

доложил, что медведь найден. При этом случае рельефно проявилась присущая Государю черта его высокой доброты.

"Едем", – сказал он, и все вокруг засуетилось.

"За ружьями послали обратно, их тотчас доставили, и все двинулось в путь. Отец и граф Ферзен опасались за охоту, так как охота в берлоге очень опасна и иногда худо кончается. Граф Ферзен, у которого был горячий характер, дорогой все расспрашивал охотника, сомневаясь в его словах. Но вот подъехали к бывшему окладу, егеря быстро протоптали по снегу дорогу к берлоге, отрядив некоторых из них с рогатинами для того, чтобы вызвать из нее медведя. Протоптанная тропа была очень узка; на ней могли поместиться только трое рядом. Эти трое были: Государь Император, граф Ферзен и мой отец. Ни отец, ни граф Ферзен не могли иметь ружей, по случаю близости расстояния друг от друга. У них только и были кинжалы, которые они вынули из ножен. У графа Ферзена кинжал нервно дрожал в руке. Все стихло. Егеря стали шевелить в берлоге рогатинами. Показалась черная масса.

"Ваше Величество, медведь!" "Где?" "Вот там".

"А! вижу".

"Затем раздался выстрел, и дымом застлало лесную чащу. Ни рева, ни стопа. В это время отец кинулся вперед.

"Князь, что ты делаешь!" "Отец не мог отвечать. Снег поскользнул под его ногами, и он повис над берлогой, держась за сучья.

"Да снимите же, помогите ему", – закричал Государь.

"Тотчас же два егеря подхватили отца и поставили его возле берлоги. Оказалось, что в берлоге лежала

медведица; она была убита моментально; пуля попала в переносицу и свалила ее наповал. Около нее копошились медвежата. Шум облавы не вызвал ее потому, что она в то время щенилась. Что же касается до того, отчего отец бросился к берлоге, то этому объяснение просто. Отец думал, что медведица ранена, и кинулся принять ее на нож. Известно, что почти всегда тяжело раненый медведь заревет, исключая, разумеется, моментально убитого, и наоборот. Когда медведь легко ранен, то он, прижав уши, быстро выскакивает и бросается без крика на стрелявшего. Это-то и предполагал отец, решившись броситься вперед, чтобы удержать его натиск. К счастью, как я сказал, медведь был убит наповал; его взвалили на сани и повезли на станцию.

"Все повеселело. Шутили, что медведица оттого не выходила, что, верно, ожидала акушера, и проч., и проч.

"Те, которые так недавно чуждались отца, обступили его с приглашениями к себе и заявлениями своего расположения. Разумеется, отец царедворцев благодарил, но так как двор не был его стихией, и он ничего не добивался в этой сфере, высоко ценя свой пост предводителя дворянства, то и не желал воспользоваться этими приглашениями. Ему всегда думалось, что в придворном кругу он не сумел бы удержаться, говоря, что для этого потребно многое и, даже проникнувшись подобною целью, необходимо к тому готовиться с малолетства и иметь обширные связи.

"Оставшиеся от царских охот оклады, если вскоре не предвиделось второй Императорской охоты, раздавались частным лицам..."

73 Декабря 28. Понедельник. С.-Петербург. "55 минут

9-го часа Его Величество с Великим Князем Владимиром Александровичем выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с собравшимися приглашенными особами, отсутствовал в Малую Вишеру на охоту и во время следования, в вагоне с приглашенными особами, кушал за вечерним столом.

"На охоту приглашались: Государь Наследник (не был), Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Алексей Александрович, Великий Князь Николай Константинович, Герцог Меклембург Стрелецкий (не был), Прусский посланник Принц Рейсс, Генерал-Адъютант князь Суворов, Егермейстер Скарятин, Прусский Генерал-Маиор Вердер, Австрийский военный агент барон Бехтолессгейм, Генерал-Маиор граф Воронцов-Дашков, отставной Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский".

(Загадочным является то обстоятельство, что в числе приглашенных на эту охоту, закончившуюся трагическою кончиною егермейстера Скарятина, камер-фурьером не указан обер-егермейстер граф Ферзен, сыгравший столь печальную роль в этом происшествии. О том, что граф Ферзен на охоте был, камер-фурьер, постоянно сопровождавший императора Александра Николаевича на охоты, не знать не мог. Остается предположить одно из двух: или граф Ферзен явился на охоту эту без приглашения, или его фамилию запрещено было внести в журнал).

Декабря 29. Вторник. Малая Вишера: "20 минут 11-го часа утра Его Величество выезд имел, с приглашенными особами, в лес на охоту, во время которой изволил иметь фрыштык; возвратился 25 минут 4-го часа и через несколько времени отсутствовал, с приглашенными особами, в Петербург;

во время следования Его Величество изволил кушать за обеденным столом в вагоне. В Зимний дворец "изволил прибыть 55 минут 9-го часа" (там же).

В декабре месяце Егермейстерскою конторою было уплачено 156 руб. за выделку 3-х ковров с медвежьих шкур и головы большого оленя, убитых его величеством (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 22 – 1869 г.).

Подробности охоты 29 декабря запечатлены нижеследующими высокоавторитетными строками М. Н. Баженова, тогдашнего прокурора С.-Петербургского окружного суда, который производил следствие по делу об убийстве егермейстера Скарятин.

"29 декабря 1870 г., во время представления в Большом театре Италианской оперы, кажется, "Аиды", среди публики вдруг пронесся слух, что сейчас на Императорской охоте убит Егермейстер В. Я. Скарятин. На посыпавшиеся со всех сторон весьма естественные вопросы о том: кто, как и каким образом убил Скарятин, никто не мог отвечать утвердительно, но каждый сообщал свои предположения и догадки. На другой день по городу распространились уже самые разноречивые и невероятные слухи, которые прекратились не раньше как дней через пять, когда сделалось известным, что Государь Император сам пожелал в подробности разъяснить это загадочное дело и для того назначил особую комиссию под председательством Генерал-Адъютанта Зиновьева. Что происходило в этой комиссии – в подробности никто не знал; стали только рассказывать, что вопросы, которым подвергались прежде всего егеря, присутствовавшие на охоте 29 Декабря, не особенно уяснили дело, потому что все они, и в особенности самый главный из них, свидетель-очевидец егерь Василий Кожин, как будто находились под чьим-то давлением и не высказывали

того, что знали. Относительно Василия Кожина молва передавала даже следующее: он считался потому главным свидетелем, что во время охоты стоял близ бывшего тогда Обер-Егермейстера графа Ферзена, на пункте, находившемся в прямом и ближайшем расстоянии от места, где упал пораженный пулею из ружья Скарятин, вследствие чего он первый должен был видеть, откуда и кем выпущен был выстрел в Скарятину. Однакож, когда этот Кожин был призван к допросу в упомянутую комиссию, то он сказался больным, и, как объяснили тогда, потому, что граф Ферзен будто бы предварительно призывал его к себе и обещал дать ему 1000 руб., если он ничего в комиссии не покажет. Егерь, как видно, не поддался на подобное искушение, но и не решился вместе с тем предстать к допросу, опасаясь мести начальника. Весь этот рассказ, надо заметить, подтвердился потом вполне сознанием в комиссии самого Василия Кожина, о чем и было, как известно, упомянуто даже в правительственном извещении об окончании дела. Как бы то ни было, но на первых порах комиссии, как сказано, не удавалось раскрыть дела в настоящем свете. Тогда последовало Высочайшее повеление о том, чтобы Министр Юстиции, которым был тогда граф Пален, присоединился к составу комиссии. Первым действием графа Палена была мера, которая представлялась самою существенною в подобного рода деле и самою целесообразною, независимо от того, какие показания давались теми или иными свидетелями. Мера эта была осмотр местности, на которой происходила охота 29 Декабря, что и было немедленно же приведено в исполнение. Вечером 14 января 1871 г. (заметим от себя, что еще 7 того же января граф Ферзен был приглашен и участвовал, правда, в последний раз на

высочайшей охоте), Министр Юстиции с тогдашним прокурором С.-Петербургского окружного суда, М. Н. Баженовым, и с двумя посторонними лицами, приглашенными, по Высочайшему повелению, в качестве стороны, близкой к Скарятину, именно свиты Его Величества Генерал-Маиором князем Д. Ф. Голицыным и ротмистром Конной гвардии Чичериным, а также с приглашенным самим Министром архитектором министерства, А. К. Серебряковым, отправился из Петербурга по Николаевской железной дороге на станцию Малая Вишера для того, чтобы оттуда проехать на лошадях в сторону, к искомому месту. 15 января, рано утром, на трех простых санях (розвальнях) все названные лица прибыли на место охоты, отстоящее в 24 верстах от станции Малая Вишера, в лес и там немедленно, в глубоком снегу, приступили к осмотру местности. Здесь находились уже: Управляющий тогда Императорскою охотою В. П. Раздеришин, заведывавший Егермейстерскою конторою Иванов, все егеря, присутствовавшие на охоте 29 Декабря, и крестьянин Василий Андреев, который загонял медведя во время охоты Его Величества.

"Акт, составленный по поводу этого осмотра и переданный затем Министром Юстиции в упомянутую комиссию, был следующий:

"1871 года, января 15 дня, в 10 1/2 часов пополудни произведен был осмотр местности, на которой, во время Высочайшей охоты, происходившей 29 Декабря 1870 года, убит был выстрелом из ружья Егермейстер Его Величества В. Я. Скарятин. Местность эта находится в лесу, в 24 верстах от станции Николаевской железной дороги Малая Вишера. Осмотр начался с восстановления в натуре той самой

стрелковой линии и на ней тех пунктов, на которых 29 Декабря расположены были по номерам лица, прибывшие с Его Величеством на охоту. Вместе с тем признано было возможным, в виду расположения местности, ограничиться установлением в точности лишь тех пунктов, положение которых представляет особую важность для разъяснения обстоятельств дела.

"Таким образом, по указанию Управляющего Императорскою охотою Раздеришина и находившихся при осмотре стрелков, а также и по оставшимся в натуре признакам, именно дощечкам на NoNo 9-м и 6-м, щитку на No 7-м и полкам для ружей на No 8-м, установлены были следующие стрелковые пункты: 1) пункт No 6, на котором в день охоты 29 Декабря находился Его Высочество Великий Князь Владимир Александрович и при нем егерь Николай Бабурин; 2) пункт No 7-й, который занимал Его Величество Государь Император; при особе Его Величества находились: Управляющий Егермейстерскою конторою Иванов, егерь-рогатчик Петр Шелагин и егерь собачник Федор Сухопаров; 3) пункт No 8-й, на котором стояли бывший Обер-Егермейстер граф Ферзен и егерь его, Василий Кожин; 4) пункт No 9-й, где стоял егерь Александр Сухопаров; 5) пункт No 10-й, на коем находился в начале охоты Егермейстер Скарятин и при нем егерь Иван Кожин.

"В направлении своем эта линия оказалась не прямою, а несколько изломанною, и притом так, что с пункта No 8-го можно было свободно видеть лишь пункт No 7-й но ни 9, ни 10 пунктов видно не было. Далее, по ту и другую сторону стрелковой линии оказался лес, совершенно густой с той стороны, от которой шел медведь, по показанию лиц, бывших 29 Декабря на охоте, и менее густой со стороны

противоположной, при чем против пункта No 7-й лес оказался более частым, чем против пункта No 8-й, где найдено небольшое пространство, саженей 10 в окружности, почти без деревьев. Затем, по установлении означенных пунктов, измерено было расстояние между 6 и 10 пунктами вообще и в частности между каждым из пунктов, входящих в это пространство, и оказалось следующее: от 6 до 10 (двух крайних) номера – 38 саженей, между 6 и 7 пунктами – 11 саженей и аршин, между 7-м и 8-м – 10 сажен и арш., между 8-м и 9-м – 8 саж. и между 9-м и 10-м – 9 саж. Далее, по указанию крестьянина Василия Андреева, восстановлен был след медведя по направлению его сначала из леса к пункту No 7-й, потом небольшой поворот его вправо от этого пункта, следовательно, в сторону к 6 номеру, переход его через стрелковую линию между номерами 7-м и 6-м и, наконец, направление его хода от места, около шалаша собаки, вправо, через чащу леса, до того места, где медведь со всех пунктов должен был считаться невидимым. Место же положения шалаша показано было сообразно с елкою, уцелевшею от 29 Декабря, когда она служила прикрытием собаки, в 3 шагах позади 7 номера, несколько вправо. При обозначении указанного направления медведя, лицами, производившими осмотр, замечены были два дерева, одно от другого на расстоянии $3/4$ саж., на которых оказались следы двух пуль, расположенные в таком направлении, что для осматривавших было очевидно, что след пролетевшей пули на березе, левее стоящей, мог произойти только от выстрела с No 6-го. И, действительно, люди, бывшие на охоте 29 Декабря, из них в особенности егерь Бабурин, находившийся в тот день при Великом Князе Владимире Александровиче,

удостоверили, что означенный выстрел был выстрелом Его Высочества. Другой же след на ели, стоявшей правее березы, именно по линии, направленной от пункта No 7-й, оказался следом не пролетевшей, а врезавшейся в середину дерева пули, при чем, очевидно, было не удостоверено тем же свидетелем Бабуриным, что этот последний след был произведен пулею из ружья Его Величества в то время, когда медведь, перейдя стрелковую линию, направлялся в чащу леса, из которой он вышел первоначально. Соображение это достаточно подтверждается еще и тем обстоятельством, что, по вынугии означенной пули из дерева, при ней найден был клоч медвежьих волос. Далее, при внимательном наблюдении с пункта No 8 за вышеуказанным направлением медведя оказалось, что по пути через чащу леса медведь должен был непременно пройти небольшое пространство, в виде просеки, примерно около 2-х аршин, на котором хотя и есть небольшие кустарники, но такие, которые не могли скрывать зверя от глаз лиц, стоявших на 8 номере, вследствие чего производившими осмотр и было признано, что в момент, когда медведь проходил вышеупомянутое пространство, в него могли стрелять с No 8-го. Убеждение это подкрепилось последующим осмотром местности, по которому оказалось, что во всяком другом месте медведь не мог быть усмотрен с No 8-го. Для удостоверения затем, как велик был путь медведя от того места, где он скрылся от взоров Государя, до вышеозначенной просеки, на которой его встретили выстрелы с пункта No 8-й, измерено было это расстояние, и оно оказалось равным 35 шагам; в свою очередь, измерено было расстояние по прямой линии от No 8-го до упомянутого места пробега медведя, и оно оказалось равным 18-и сажням. По

установлении таким образом главных пунктов и направлений, приступлено было к точному определению места самого падения Егермейстера Скарятин для того, чтобы сообразить затем направление роковой пули. С этою целью осматривавшие признали нужным проследить, по возможности, весь путь Скарятин с места его стоянки, т.е. с No 10-го. В виду известных уже показаний егерей Ивана Кожина и Федора Сухопарова, что Скарятин сошел с своего места и прошел мимо пункта No 9-го, удостоверено было, что, действительно, только по этой именно стрелковой линии он и мог направляться вплоть до пункта No 8-й; здесь же, по оставшемуся еще в натуре следу вправо от No 8-го, очевидно было, что Скарятин направился именно по этому направлению, и так как означенный поворот вправо начинался аршина в полтора от места No 8-й, то осматривавшие пришли к убеждению, что Скарятин, не доходя полтора аршина до пункта, на котором в то время стояли граф Ферзен и егерь Василий Кожин, должен был направиться к месту своей гибели. Верность этого соображения утверждена была тут же и показаниями свидетелей, именно местного станового пристава (прибывшего во время осмотра и присутствовавшего во время охоты 29 декабря), егерей, находившихся при осмотре, и крестьянина Василия Андреева, которые заявили, что, когда, тотчас после происшествия 29 Декабря, они осматривали эту местность, то тогда же и усмотрели вышеупомянутый единственный след человека. Такое положение следа Скарятин в сопоставлении с вышесказанным направлением хода медведя навело осматривавших тут же и на другое предположение, что Скарятин, подойдя к пункту графа Ферзена, должен был остановиться, ибо в это время и ему должен был

быть виден пробегающий медведь, и так как в это время должен был стрелять Но 8-й, то и Скарятин, по всему вероятно, остановился здесь же, прежде чем сделать поворот вправо от стрелковой линии, для того, чтобы дать выстрел из своего ружья по медведю. Предположение это тем более вероятно, что, во-первых, по осмотре ружья после смерти Скарятина, в ружье оказался один пустой патрон, а, во-вторых, ни с какой другой точки на своем ходу он не мог видеть убегающего зверя. Засим не трудно было уже с точностью определить и место падения Скарятина. Упомянутый след его от пункта Но 8-й оканчивался у небольшой елки, около которой, как удостоверили свидетели, и упал, действительно, Скарятин. Убеждение в том, что описываемое место было именно местом падения Скарятина, окончательно утвердилось после того, как сделанное тут же заявление управляющего Императорскою охотою Раздеришина о замеченном им еще 29 Декабря желтом пятне на снегу, после поднятия Скарятина, было проверено на самом деле, т. е. снег на указанном месте был разгребен, и под верхним слоем оного найдена была обледеневшая желтая часть снега, происшедшая как бы от какой-то жидкости, тут разлитой. По измерении расстояния этого пункта от места Но 8-й, оказалось, что оно равняется 15 аршинам. Важность этой линии заставила осматривающих особенно тщательно исследовать ее положение: оказалось, что хотя вышеуказанный след Скарятина от пункта Но 8 и направлялся влево, к тому месту, где медведь виден был с 8-го пункта пробежавшим, но место падения несчастного находится несколько правее места просеки, где пробежал медведь, так что становится очевидным, что его поразила пуля, не долженствовавшая быть направленной в медведя,

ибо в последнего, во всяком случае, следовало целиться гораздо левее, а по прямой линии вперед от места падения Скарятина медведь был уже невидим для стрелявших с Но 8-го. Вместе с этим, по направлению от пункта Но 8 к месту падения Скарятина, замечена была тонкая березка, на которой в 2-х аршинах от земли замечен был острый след пролетевшей пули; производившие осмотр могли заключить из этого обстоятельства лишь то, что упомянутый след был сделан пулею, несомненно вышедшею из какого-либо ружья с пункта Но 8-й, и что, задев на лету березку, пуля эта поразила Скарятину в пояс, сзади. Расстояние между сказанною березкою и пунктом Но 8-й составляет 7 аршин с вершками, равно как и от нее до места падения Скарятину также 7 арш. с вершками.

"Определив все означенные пункты и нанеся их на план вместе с изображением на нем вообще топографического характера местности, где произошло печальное событие 29 Декабря, осматривавшие признали полезным проверить, по возможности, при известных уже условиях местности, во-первых, обстоятельства, предшествовавшие убиению Скарятину, и, во-вторых, согласие с действительностью тех показаний, которые даны были до производства еще осмотра лицами, бывшими при самом происшествии. Так, егерь Бабурин объяснил, что, как он слышал, дело происходило следующим образом: в то время, когда медведь перешел стрелковую линию и направился к месту, где был шалаш с собакою, последовали выстрелы, сначала Государя Императора, потом Великого Князя Владимира Александровича, затем еще несколько выстрелов, и наступил перерыв секунд в 7, после чего последовал еще выстрел, и тут же послышался стон. Крестьянин Василий Андреев

объяснил, что он шел вслед за медведем и когда был недалеко от Но 7-го, то слышал ряд выстрелов, а затем наступил промежуток времени, как выразился Андреев, – "так что не сочтешь двух десятков", – т. е. тоже около 7–8 секунд, и тогда уже последовал последний выстрел и крик "ох!". В видах проверки этих объяснений, признано было необходимым измерить расстояние, которое должен был пройти Егермейстер Скарятин от своего пункта (Но 10-й) до места своего падения, чтобы уяснить затем количество времени, употребленное им на это движение, и расстояние это оказалось следующим: от 10-го пункта до 8-го 54 арш., отсюда до места смерти 20 аршин. Пространство это оказалось таким образом довольно значительным (71 арш.), чтобы можно было пройти его с остановкою в течение 7 секунд; но в виду того, что егерь, бывший при Скарятине, удостоверил, что последний двинулся со своего пункта по линии при самом начале выстрелов, сделанных Его Величеством, а также и в виду показаний егеря Василия Кожина (состоявшего при графе Ферзене) о том, что между первым и последним выстрелами графа Ферзена прошло около трех минут, лица, производившие осмотр, пришли к заключению, что вообще промежуток времени между последним и предыдущими выстрелами не может быть с точностью установлен, и потому основывать какой-либо окончательный вывод на объяснениях, с одной стороны, Бабурина и Андреева, а с другой – двух Кожиных, невозможно. Надлежит лишь признать, что промежуток этот во всяком случае мог продолжаться столько, сколько по естественному положению всякого охотника потребно было ему времени для того, чтобы после одного выстрела опустить ружье и начать спускать в нем курок. Впрочем, имея в виду, что

главную целью осмотра было лишь точное описание местности происшествия, как материала, необходимого для соображения затем с другими данными дела, производившие осмотр не сочли возможным делать в этом описании какие-либо дальнейшие выводы из сравнения упомянутых указаний Бабурина и Андреева с результатами измерения расстояния, пройденного Скарятиним, и потому обратились к продолжению осмотра.

"Проверяя вторую половину вышеустановленной задачи, т. е. согласия с действительностью прежде данных показаний, осматривавшие нашли, что падение Скарятин, действительно, раньше других должны были увидеть граф Ферзен и егерь его, Василий Кожин, как стоявшие по прямому направлению к этому месту, и что поэтому Кожин мог и подбежать к убитому скорее прочих, что затем другое лицо, вслед за Кожиним долженствовавшее увидеть убитого, был рогатчик Шелагин, который, преследуя медведя от шалаша, был от места происшествия шагах в 12. Далее, около места, где лежал Скарятин, действительно, с правой стороны оказалось толстое дерево, около которого, по объяснению присутствовавших, егерь Василий Кожин в то время (29 декабря) поставил ружье убитого. Наконец, в видах полнейшего описания местности происшествия, осматривавшими признано не лишним заметить здесь еще и тот общий результат осмотра, который, по ознакомлении с местностью, представляется сам собою очевидным, т. е. что выстрелы в сторону, противоположную той, с которой началась охота, хотя и сделаны были не с одного No 8-го, но и с NoNo 6 и 7-го, но направление этих последних таково, судя по вышеозначенным следам на двух деревьях, что если бы мысленно продолжить

движение пуль вперед, то вышла бы линия, направленная в совершенно противоположную сторону той, которая направлялась из выстрелов с No 8-го и притом отстоящая от места падения Скарятин, как показало измерение, в 23 шагах влево.

"В заключение признано было необходимым приобщить к делу, как вещественные доказательства, вышеупомянутую березку и два куска от деревьев со следами пуль, что и исполнено по окончании осмотра, в 1 час с половиною пополудни".

"Таков акт, удостоверявший местность, на которой произошло печальное событие 29 Декабря 1870 года. Понятное дело, что составители акта воздержались от всяких решительных выводов из данных, которые им представила живая местность в натуре, воздержались потому, что это противоречит закону, и что затем эти выводы предстояло сделать в заседании комиссии. Но частным образом все, производившие осмотр, тогда же высказались единогласно в следующем смысле: Из расположения местности и соответствовавших разъяснений лиц, присутствовавших на злополучной охоте, ясно было видно, что убить Скарятин мог только граф Ферзен. Если даже отбросить все остальные соображения в сторону, то достаточно одного факта, что Скарятин был убит последним выстрелом, а этот последний выстрел и был выстрелом графа Ферзена. В этом собственно после осмотра никто не сомневался. Гораздо важнее представлялся вопрос о нравственном значении этого выстрела, т. е. был ли он преступным, намеренным или только неосторожным. В пользу первого предположения явились уже и некоторые данные, почерпнутые от лиц, близко знавших служебные отношения между Обер-Егермейстером (графом Ферзеном) и

Егермейстером (Скарятиным). Рассказывали, что в особенности в последнее время отношения эти будто бы очень обострились, вследствие явного расположения Его Величества к В. Я. Скарятину, и что даже во время охоты 29 Декабря, в тот момент, когда Скарятин приблизился со своего места к Но 8-му – что выражало, что он уже идет к месту сбора, предполагая, что охота окончилась – граф Ферзен, увидя его, сказал будто бы своему егерю: "Чего он тащится раньше всех?"... Несмотря, однакож, на такие намеки, вывести заключение о преднамеренном убийстве Скарятина оказалось совершенно невозможным, во-первых, по отсутствию каких-либо более реальных, чем вышеупомянутые сплетни, данных, а во-вторых, на основании все тех же условий местности. А именно: – пункт, на котором стоял граф Ферзен, был возвышен; место, на котором упал Скарятин, была лощина, настолько ниже лежащая пункта Но 8, что если мысленно провести линию от ружья, приподнятого графом Ферзеном для обыкновенного выстрела, то линия эта как раз прошла бы через голову Скарятина, и, надо полагать, что если бы граф Ферзен, действительно, хотел, под видом прицела в медведя, послать пулю в Скарятина, то он должен был слишком явно в глазах стоявшего тут же егеря Василия Кожина нагнуть дуло ружья вниз, чтобы попасть по крайней мере в голову Скарятина; для того же, чтобы попасть Скарятину в пояс, граф Ферзен должен был при обыкновенном держании ружья даже присесть, и при том значительно, на землю, – движение, которое, конечно, не могло бы остаться незамеченным прежде всего тем же Кожиним, не упустившим бы потом и указать на это обстоятельство. Ничего подобного, однакож, в действительности не

было. Когда медведь перебежал стрелковую линию, то граф Ферзен, вслед за двумя неудачными выстрелами Его Величества и Его Высочества, с своей стороны также дал первый выстрел, совершенно, впрочем, бесполезный, как это и удостоверил Василий Кожин, потому что, объяснил этот последний, медведя еще не было и видно с Но 8; когда же затем медведь пробежал по просеке, прямо виденный с Но 8, то егерь Кожин крикнул: " Ваше Сиятельство, стреляйте; вон медведь!" и в то же время стал подавать графу ружье, только что от него принятое. Граф Ферзен, по старости лет, засуетился, стал брать ружье и в это время, еще не приподнявши ружья на высоту, необходимую для нормального прицела, другою рукою зацепил за курок, вследствие чего ружье, находясь еще у колен его, дало выстрел, оказавшийся роковым для Скарятин. Только в таком положении ружья выстрел и мог попасть Скарятину в пояс. Ясно, что преднамеренности в подобном действии графа Ферзена усматривать было невозможно. Все, что можно было заключить из такого рода данных, это — о неосторожности, даже о случайности выстрела. Тем бессмысленнее и возмутительнее было, конечно, заpiresательство графа Ферзена и попытки его склонить егеря Василия Кожина к ложному показанию.

"Лица, производившие осмотр, старались подробнее расспросить именно егеря Василия Кожина, который был очевидцем всего происшествия, и из его показаний дело представилось в таком виде: Скарятин, услышав сделанные Государем выстрелы в сторону, откуда гнали на него медведя, счел, как это обыкновенно бывало, что охота окончена, тем более, что на этот раз он, по положению своему на Но 10, не мог видеть, что происходило на остальных номерах. В

этом убеждении Скарятин и направился к месту сбора, которым естественно должна была быть та единственная поляна, на которой он неожиданно нашел потом смерть. Подойдя к Но 8-му, он подождал несколько, не будут ли стрелять (в момент первого выстрела графа Ферзена), и затем повернул вправо на поляну. Когда пуля графа Ферзена сразила его, то тот же Кожин воскликнул:

"Ваше Сиятельство! что вы сделали? вы убили Владимира Яковлевича!" – "Молчи!" пригрозил ему граф Ферзен и тут же, вслед за бросившимся Кожиным, стал подходить к упавшему Скарятину. В то же самое время с номеров своих подошли к месту происшествия Государь и Великий Князь. На вопросы: "Что такое? как это случилось?" все молчали, но кем-то (Кожин не помнит или не заметил) высказано было предположение, что Скарятин споткнулся и сам себя убил нечаянно, тем более, что и ружье его тут же валялось на земле. При общем смущении все, по-видимому, поверили этой догадке, и никому, конечно, не пришла в голову вся очевидная несостоятельность ее с первого же взгляда, потому что нельзя же было, в самом деле, допустить, чтобы человек, как бы он ни споткнулся, мог себе сделать правильный выстрел сзади в пояс. В таком недоразумении все и остались и возвратились в город. Но тут, должно быть, скороспелая догадка показалась всем уж очень несостоятельной, и потому стали делать другие гадательные предположения.

"Весьма естественно, что как только все вытекавшие из осмотра разъяснения и самый акт осмотра внесены были Министром Юстиции в комиссию, тотчас же установилось твердое убеждение в виновности графа Ферзена. Вслед затем дали свои

разъяснения и сознание в комиссию и свидетели, так что комиссия признала графа Ферзена виновным не только в неосторожном убийстве Скарятин, но главным образом в недостойном поведении как в самый момент происшествия (замолчал свою вину), так и тогда, когда дело подверглось уже расследованию.

"Вскоре затем в "Правительственном Вестнике" (1871 года No 23, среда 27 января) было обнародовано всеподданнейшее донесение комиссии Государю Императору, со следующей резолюцией Его Величества:

"Усматривая из дела, что смерть Егермейстера Скарятин произошла от случайного выстрела графа Ферзена, и признавая последнего виновным в позднем сознании, Я, во внимание к его более пятидесятилетней службе, вменяю ему в наказание настоящее увольнение его от службы. За сим считать дело конченным.

"Такая резолюция Государя, в которой все упомянутые поступки графа Ферзена были во всеобщее сведение осуждены Его Величеством, послужила для графа Ферзена, без сомнения, еще большим наказанием, нежели увольнение от службы" ("Исторический вестник", апрель 1884 года).

74 Относительно охот государя императора в Большом Лисине, а также порядков, существовавших в Учебном лесничестве – этом излюбленном пункте производства охоте государя Александра Николаевича – имеются следующие сведения, заимствуемые нами из воспоминаний некого И. Жудры ("Исторический вестник" за 1891 год, том XLIII).

"Лисинское Учебное лесничество учреждено в начале тридцатых годов, по мысли тогдашнего Министра Финансов графа Канкрин; оно должно было служить не только учебно-практической школой, но и

образцом рационального хозяйства для всех лесов Империи. В нем устраивались ежегодно лагерные сборы кадет Лесного института и находилась низшая лесная школа, носившая официальное наименование Егерского училища. Каменные учебные здания и деревянные дома, в которых помещался учащий и административный персонал, скученные на тесном пространстве, с включением хорошенькой церкви и Императорского охотничьего павилиона, составляли маленький красивый городок, соединенный шоссейной дорогой со станцией Тосна, Николаевской жел. дор. (17 верст) и с городом Павловском (30 верст). Собственно "лесничество", в центре коего находится означенный городок, представляла Лисинская казенная дача, площадью свыше 30.000 десятин, которая, независимо от прямого своего назначения, служила и для Императорской охоты. Здесь же находился обширный зверинец, охотничий павилион или дворец, как его обыкновенно называли местные жители, и целый штат придворных егерей.

"Нас, практикантов, в 1862 году прибыло в Лисино 40 человек. Мы поместились в третьем этаже громадного каменного здания, в отдельных "камерах", расположенных по обе стороны широкого коридора, по три-четыре человека в каждой камере. Хотя по уставу мы подчинялись строгой военной дисциплине, чуть не наравне с нижними чинами, но в действительности, согласно установившимся традициям, нам предоставлена была полная свобода, и ближайшее начальство относилось к нам, как к настоящим офицерам. Мы устроились в камерах, как кто хотел, по личному вкусу и привычкам каждого, не хуже, чем в обыкновенных, меблированных комнатах. Если кто из начальства и заглядывал к нам, то лишь, как гость.

Карточная игра, вечеринки, попойки чередовались без перерыва то в той, то в другой камере и особенно стали учащаться с приближением экзаменов, когда офицерские эполеты висели, так сказать, на носу. Единственно, что напоминало нам военную дисциплину, это обязанность дежурить раз в полтора-два месяца; впрочем, означенная обязанность заключалась лишь в том, что в 9 час. вечера дежурный отправлялся с рапортом к директору, который в большинстве случаев приглашал его остаться гостем и составить партию в вист. Беспорядок в камерах был страшный, грязь непролазная, особенно по утрам. Не только ближайшее начальство, но и высшие власти, приезжавшие из Петербурга, не рисковали заглядывать в наши жилища, которые таким образом мы имели полное основание считать неприкосновенными, вне всякого контроля.

"Император Александр II очень любил охоту в Лисинском лесничестве и в течение многих лет, будучи еще Наследником престола, приезжал сюда по нескольку раз в год. О приезде Государя делалось обыкновенно известно за неделю или за две. Мы, практиканты, не принимали обязательного участия в Царской охоте, но воспитанники Егерского училища наряжались в лес, в качестве загонщиков, если охота предстояла на медведя.хлопоты и приготовления, вызываемые ожиданием приезда Государя, касались исключительно организации охоты и приведения в порядок охотничьего павилиона. В учебных же заведениях все оставалось по-прежнему, а Егерское училище принимало даже худший вид, вследствие неизбежной суеты, по случаю наряжения воспитанников в лес. Государь никогда в течение двадцати лет не посещал здешних учебных заведений,

и никому даже во сне не грезилось, чтобы подобный факт когда-либо мог совершиться. Он приезжал всегда поздно вечером, весь следующий день охотился, так что возвращался во дворец лишь в сумерках, к обеду, а затем тотчас уезжал на станцию Тосна, где его ожидал экстренный поезд. Никому, повторяю, не приходило в голову, чтобы Государь Император нашел время и выразил желание осчастливить своим посещением Егерское училище, а тем паче наши камеры, представлявшие ни что иное, как грязные *chambres-garnies*. Нежданное событие это, однако, совершилось и совершилось так внезапно, при таких исключительных условиях, что глубоко врезалось в памяти всех очевидцев и навсегда запечатлело в сердцах их светлый образ Царя-Освободителя.

"В марте 1863 г. разнеслась весть, что обложены два медведя, и на днях приедет Государь. Так как до сих пор мне не удавалось видеть въезд его, то в назначенный день я отправился заблаговременно к главному подъезду охотничьего павилиона. Была темная, морозная ночь. Вокруг павилиона томилаcь масса народа. Практиканты, воспитанники Егерского училища, местные крестьяне и многие из начальствующих лиц с женами и детьми. Взоры всех устремлены были на Тосненскую дорогу, по которой должен был следовать царский поезд. Вот на горизонте блеснуло маленькое зарево – значит Государь въехал в Лисинский лес; зарево происходило от факела, которым скачущий впереди фельдъегерь освещал дорогу. Зарево все становилось ярче и ближе, и минут через двадцать поезд приближался уже к павилиону. Егермейстер верхом и фельдъегерь с факелом пронеслись мимо, а простые, открытые сани остановились у подъезда. Из саней вышли Государь и

князь Суворов; Государь милостиво ответил на восторженное приветствие собравшейся публики и, сказав несколько слов встретившему его директору, вошел в павилион. Следом за ним, ни на волос не отставая от ног, вошел хорошо знакомый нам пойнтер "Милорд", выпрыгнувший раньше из саней и ожидавший у дверей своего хозяина с необыкновенно важным видом и с сознанием собственного достоинства. Кроме князя Суворова, в свите Государя прибыли Обер-Егермейстер граф Ферзен, Министр Государственных Имуществ Зеленый и еще несколько высокопоставленных лиц. Обер-Егермейстер гр. Ферзен имел обыкновение совершать путь от Тосненской станции до охотничьего павилиона (17 верст) пешком. Как он добрался на этот раз, не помню. Толпа долго не расходилась, а более отважные то и дело заглядывали в ярко освещенные окна павилиона и объявляли во всеуслышание, что им удалось высмотреть. Некоторые из нас имели связи "на кухне" и лакомились яствами и винами с царского стола.

"На другой день я проснулся около 9 часов и узнал, что Государь уже уехал на охоту, но к завтраку вернется и опять поедет на другого медведя, который обложен был в более отдаленной части дачи. Действительно, около полудня я увидел из окна, как приехал охотничий кортеж к павилиону и как через час или полтора выехал снова по Павловскому шоссе; Государь с князем Суворовым ехал впереди в одиночных простых санках. Первая охота удалась отлично: Государь убил медведя.

"Спустя не более 1/4 часа, как Государь уехал, я вышел в коридор, где застал нескольких товарищей, которые прогуливались по обыкновению в самых разнообразных неглиже и с папиросками в руках.

Вдруг на лестнице, внизу слышались какой-то странный шум и чьи-то стремительные шаги. Не успел я оглянуться, как меня едва не сшиб с ног бледный, как смерть, слугитель и, прошептав задыхающимся голосом: "Государь!" стремглав промчался дальше. Мы все положительно оцепенели. Кто бросился в камеры, кто остался на месте, как вкопанный.

"Вот что случилось.

"Не успел Государь отъехать верст 2 или 3, как прискакал ему навстречу Егермейстер капитан Гауэншильд и доложил, что медведь ушел, и, следовательно, охота не состоится. Государь приказал кучеру повернуть, и лошадь, как стрела, понеслась назад, оставив далеко позади остальных охотников, в числе коих был Министр и Директор (директором Лисинского лесничества состоял в то время полковник Черторижский. Через несколько лет, в чине генерал-майора, он был назначен генерал-губернатором одной из сибирских губерний, но на дороге умер). Вместо того, чтобы направиться к павилиону, сани с Государем и Суворовым повернули вдруг в противоположную сторону и остановились у Егерского училища. Парадный подъезд был засыпан снегом, и с трудом можно было отворить дверь. В дортуарах стояли страшная вонь и грязь, так как воспитанники, бывшие на охоте, там же в то время переодевались и переобувались. Государь быстро прошел по зданию училища и направился в кухню, где пробовал из котла щи, оказавшиеся весьма недоброкачественными. Затем, сев в сани, он поехал в лазарет, а оттуда к нам. В это время лица свиты, Министр, Директор, ничего не подозревая, возвратились к павилиону, и только тогда, когда Государь оканчивал обзор нашего помещения, явилось растерянное начальство.

"В первое мгновение, как задыхавшийся от страха и усталости служитель прошептал "Государь", я ничего не мог сообразить, но когда понял, наконец, что Государь Император здесь, в нашем здании, и что через минуту он может войти в мою комнату, я положительно остолбенел, живо представляя себе, какой я ужасный, невообразимый, неприличный оставил там беспорядок. Но столбняк мой продолжался недолго, в ту же минуту я увидел идущих по коридору Государя и князя Суворова, которым сопровождал один только испуганный служитель. К счастью, дежурный практикант был налицо и успел встретить и отрапортовать Государю, хотя, конечно, с грехом пополам. Государь имел суровый, недовольный вид и, дойдя до середины коридора, остановился на секунду, а затем вошел в камеру, налево, в которой, благодаря счастливой случайности, не было вопиющего беспорядка, и за какой-то работой сидел практикант Б., решительно ничего не знавший о том, что происходило. Невозможно представить его испуг, изумление, когда, повернув голову на скрип отворяемой двери, он вдруг узрел пред собою Государя; он до того растерялся, что на вопрос, как его фамилия, не мог дать ясного ответа. В это время явилось и все начальство, с Министром во главе. Государь, сделав несколько отрывочных замечаний Директору, перешел через коридор в следующую камеру, где кое-что успели уже прибрать. Здесь он обратил внимание на разложенный на столе план, на котором валялись кучи папиросного пепла.

"Разве план служит им и пепельницей?" – спросил Государь.

"Все молчали. Все ждали страшной и заслуженной кары, ибо трудно вообразить, в каком невозможном беспорядке представилось Государю Лисинское

Учебное лесничество, и какое удручающее впечатление оно должно было произвести на него. Выйдя снова в коридор, Государь остановился, окруженный начальствующими лицами и практикантами. Наступила торжественная тишина. Каждый чувствовал биение собственного сердца. Я стоял довольно близко к Государю, и мне показалось, что лицо у него было не столько суровое, сколько печальное.

"Я не доволен, – сказал он громко, обращаясь к Генерал-Адъютанту Зеленому, – но меня не ждали; надеюсь, в другой раз найду все в порядке".

"Затем, помолчав немного, он произнес более тихим голосом:

"Смотри, чтобы несчастных не было!" "Мы так были поражены всем тем, что произошло в эти несколько минут, что стояли безмолвно, не смея выразить волновавшие нас чувства, ни радостными возгласами, ни слезами, подступившими к горлу. Государь тем же путем сошел по лестнице и, сев в сани с князем Суворовым, возвратился в павилион.

"Вскоре разнесся слух, будто Государь сказал нашему Министру, что он сам виноват в замеченных беспорядках, так как, бывая здесь часто на охоте, ни разу не посетил учебное заведение. Не знаю, справедлив ли был этот слух, но с тех пор Государь каждый год посещал Егерское училище, в котором, разумеется, находил всегда образцовый порядок. "Несчастных", как приказал он, действительно, не оказалось. Пострадал лишь один ротный командир Я.: он был уволен от должности и просидел месяц на гауптвахте, что не помешало ему, однако, получить тотчас новое назначение по тому же лесному ведомству.

"В 1864 г. класс практикантов закрылся, так как

закрылся и Лесной институт; Егерское училище, переименованное впоследствии в Лесное училище, существовало до 1888 г., когда окончательно упразднено Лисинское учебное лесничество. Теперь Лисино совершенно опустело, и о былой кипучей деятельности свидетельствуют лишь пустые здания да охотничий павилион, который поддерживается в прежнем виде. В память пребывания Императора Александра II в Лисинском лесничестве, в котором он, в течение всей своей жизни так часто искал отдохновения от тяжких государственных забот, поставлен вблизи дворца скромный памятник (бюст); надпись на памятнике гласит, что он воздвигнут чинами корпуса лесничих".

11 февраля. Вторник. С.-Петербург. "Вечером в 8 час, Его Величество по случаю отъезда на охоту выходил к Императрице Матушке прощаться.

"В 7 1/2 ч. вечера приглашены были от Его Величества и собрались на станцию Московской жел. дор. ехать на охоту в Лисино: Генерал-Адъютанты: барон Ливен, граф Баранов 2-й, Зиновеев, Огарев, князь Васильчиков, граф Адлерберг 2-й, князь Паскевич, Шталмейстер Толстой, Егермейстер гр. Ферзен, Генерал-Лейтенанты: князь Голицын Прозоровский и Герздорф, Генер.-Майор граф Ламберт, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн, Флигель-Адъютанты: князь Барятинский, гр. Толстой, Мердер, Слепцов, дежурный Адъютант Великого Князя Михаила Николаевича, Адъютант Герцога Мекленбург-Стрелецкого Жори.

"10 минут 9-го часа Его Величество изволил из Зимнего дворца отбыть на станцию, куда заблаговременно прибыл Герцог Мекленбург-Стрелецкий. По прибытии на Московскую

станцию Его Величество с Его Высочеством и вышеписанными приглашенными особами, поместясь в вагоны, изволил по жел. дороге отсутствовать на охоту в Лисино. По прибытии туда, во дворец, со всеми гостями изволил кушать чай и ужинать" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 173).

12 февраля. Лисино. Среда: "Поутру Его Величество с Его Высочеством и всеми приглашенными гостями изволил кушать чай и потом отбыть на охоту.

"По возвращении с оной во 2-м часу во дворец, со всеми гостями изволил фрыштыкать и после одного вторично выезд имел на охоту.

"По возвращении в 5-м часу, изволил кушать за обеденным столом с Его Высочеством Герцогом Меклембург-Стрелецким и всеми бывшими на охоте особами.

"После обеда Его Величество, проведя несколько времени в Лисинском дворце, изволил отсутствовать в 8 ч. вечера на ст. Тосна, а оттуда по жел. дор. проезжал в Новгород во 2-й округ пехотных солдат, для осмотра расположенных там войск" (там же).

Февраля 11-го 1859 г. Среда. С.-Петербург. "1/4 9-го часа (вечера) Его Величество выезд изволил иметь в Александровский театр (бенефис Самойловой), а оттуда в 9 час. на станцию Николаевской жел. дор., где изволил переодеваться, и по оной с приглашенными особами отсутствовал на охоту в Лисино".

февраля 12. Четверг. Лисино. "Поутру Его Величество с приглашенными особами выезд имел на охоту и в лесу изволил фрыштыкать; возвратился в 55 минут 5-го часа. В 5 час. Его Величество изволил иметь обеденный стол в 17-и персонах.

"В 8 час. с Генерал-Адъютантом гр. Адлербергом

2-м и Ген.-Маиором гр. Ламбертом 2-м изволил отсутствовать в Тосну, откуда по Никол. жел. дор. до Чудова, потом в экипаже, через почтовые станции... в Новгород, в Лейб-Гвардии Уланский Его Величества полк, на полковой праздник (13-го февраля – св. Мартиниана) – (там же, Но 175).

Января 26-го 1860 г. Вторник. С.-Петербург. "В 8 час. (вечера) Его Величество выезд имел в Большой театр, а оттуда проезжал к ст. Николаевской ж. д. и от оной с собравшимися приглашенными особами на паровозе отсутствовал до станции Чудовской и потом в экипажах в Лисино на охоту".

Января 27-го. Среда. Лисино. "В 9 ч. утра Его Величество с Их Высочествами и прочими особами имел выезд на охоту. В 12 час. изволил возвратиться в дачу Лисину и имели фриштык. После фриштыка вторично имели выезд на охоту и по возвращении, в 6-м часу, кушали за обеденным столом в 15-и персонах. По окончании оного изволили отбыть к станции Чудовской и по жел. дор. в С.-Петербург. Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец 1/2 10-го часа вечера" (там же, Но 176).

Ноября 19-го 1869 г. Среда. Большое Лисино. "Поутру в 1/2 10-го часа, Его Величество выход имел прогуливаться и в приходской церкви изволил слушать панихиду в память дня кончины Императора Александра I; панихиду совершал местный священник. В 1/2 11-го часа Его Величество с прочими особами кушал чай во дворце и потом фриштык. 1/2 12-го часа выезд имел на охоту и, по возвращении, кушал за обеденным столом. После обеденного стола отсутствовал в Петербург.

"По возвращении с охоты, от станции железной дороги Его Величество проезжал во дворец Великого

Князя Михаила Николаевича (который в этот день прибыл с Кавказа) и, по посещении Их Высочеств, прибыл в Зимний дворец с Принцем Гессенским 15 мин. 10-го часа вечера" (Камер-фурьерск. журн. 1869 г.).

1870 г., марта 11-го. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться; в 10 час. изволил слушать в приходской церкви панихиду в память кончины Императора Павла I, которую совершал местный священник с малым хором певчих. По возвращении во дворец, изволил кушать чай и потом, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту. Фриштык был в лесу. По окончании охоты, Его Величество и прочие особы возвратились в Лисинский дворец, в 5 ч. кушали за обеденным столом и после одного отсутствовали в Петербург по жел. дор.; 1/2 10-го часа вечера Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же, 1870 г.).

75 Января 25-го 1877 г. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую жел. дор. и по оной с Его Высочеством и приглашенными особами отсутствовал в Ящеры, где по прибытии кушали за вечерним столом.

"На охоту приглашались: Государь Наследник (не был), Великий Князь Владимир Александрович, Германский посол Швейниц; Генерал-Адъютанты:

князь Суворов, Тотлебен, граф Перовский, Слепцов, Обер-Камергер граф Христович, Егермейстер князь Трубецкой, Прусский генерал Вердер, Австрийский военный агент барон Бехтолесгейм".

Января 26. Среда. Ящеры. "Поутру Его Величество с Его Высочеством и приглашенными особами выезд имел в лес на охоту и там фриштик; по возвращении с оной, кушали за обеденным столом и в 8 ч. изволили

отсутствовать в С.-Петербург. Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец 3/4 11-го часа" (Кам.-фурьерск. журн. 1877 г.).

Из дел Егермейстерской конторы видно, что в течение января месяца государь император застрелил 3-х больших лосей (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 г.).

76 1855-й год. 14-го и 15-го марта Придворною охотою была устроена, по ходатайству Принца Карла Прусского и с Высочайшего разрешения, охота на медведя у станции Ящер для названного Принца и Герцога Меклембург-Шверинского. Охота эта обошлась 529 р. 62 1/2 к., причем расход был отнесен на средства Придворной конторы (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 27).

В Камер-фурьерском журнале читаем:

28 июля. Четверг. Петергоф. "В начале 9-го часа утра Его Величество с Великими Князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем, Герцогом Меклембург-Стрелецким, с особами свиты изволил выезд иметь на охоту за Ораниенбаум.

"После охоты имели фрыштык с Его Величеством за 10 верст от Ораниенбаума: Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Михаил Николаевич, Герцог Меклембург-Стрелецкий, Генерал-Адъютант князь Барятинский, Генерал-Адъютант Корф, Шталмейстер Толстой, дежурный Флигель-адъютант, Генерал-Лейтенант Бер, адъютант Герцога Меклембург-Стрелецкого Баумгарден, военно-походный Шталмейстер Левррер.

"По прибытии в Ораниенбаумский дворец, Его Величество и Их Высочества изволили быть на посещении Великой Княгини Елены Павловны. Потом 1/2 1-го часа Его Величество и Их Высочества

отсутствовали в Петергоф" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 167).

Для охоты этой, производившейся на землях Ораниенбаумского дворцового правления, было собрано 300 человек загонщиков, коим заплатили 75 рублей (там же, оп. 4/1003, No 27).

Из дел Егермейстерской конторы усматривается, что 8-го августа была произведена охота в высочайшем присутствии где-то в окрестностях Петергофа, для которой было собрано 120 человек кричан из нижних чинов лейб-гвардии гарнизонного баталиона (там же). Об охоте этой в Камер-фурьерском журнале не говорится ни слова; указывается лишь, что в этот день (понедельник) государь, проживавший в то время в Петергофе, выезжал прогуливаться (там же, оп. 2 8/1618, No 167).

1856-й год. 11-го января. Придворною охотою была устроена охота на медведя у станции Ящеры для обер-гофмейстера королевы нидерландской Анны Павловны барона Тейль-де-Сероскерксена. Охота эта, состоявшаяся по высочайшему повелению, обошлась в 361 р. 50 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 8/1620 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 45).

18-го числа того же месяца вследствие просьбы принца Августа Виртембергского государь император высочайше повелел устроить для него охоту. Произведенный при этом Егермейстерскою конторою расход в сумме 540 руб. 25 коп. был возмещен Придворною конторою (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 45).

1-го февраля. Среда. С.-Петербург. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться.

"15 минут 11-го часа Его Величество с Великими Князьями Николаем Николаевичем и Михаилом

Николаевичем изволил отбыть со станции Царскосельской железной дороги и на оной с приглашенными особами проезжал в Павловск, где, по прибытии, пересев в экипажи, отсутствовали в имение Вонлярлярского, Новое Лисино, где имели фрыштык: Его Величество, Великий Князь Николай Николаевич, Принц Виртембергский, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант князь Барятинский, Генерал-Адъютант Бетанкур, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Генерал-Адъютант граф Адлерберг, Шталмейстер Толстой, Егермейстер граф Ферзен, Камергер Вонлярлярский, Нидерландский Обер-Гофмаршал барон Тейль, Нидерландский Лейб-Медик Еверар, Генерал-Маиор Герздорф, Флигель-Адъютант князь Барятинский, Флигель-Адъютант барон Титенбург, Адъютант Великого Князя Николая Николаевича Краснокутский, Адъютант Принца Виртембергского барон Залемут.

"По окончании фрыштыка, Высочайшие и прочие особы выезд имели на охоту.

"50 минут 7-го часа Его Величество с Великим Князем Николаем Николаевичем и бывшими на охоте особами прибыл в Зимний дворец и кушали за обеденным столом в 22 персонах" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 168).

Охота эта была произведена на медведя и обошлась в 399 рублей 50 коп. (там же, оп. 4/1003, No 45).

8-го февраля. Среда. С.-Петербург. "1/4 11-го часа Его Величество с Его Высочеством Великим Князем Николаем Николаевичем выезд имел в санях к станции Николаевской железной дороги, куда прибыл также Великий Князь Михаил Николаевич, и с приглашенными на охоту особами проезжали по оной в

Тосно; на пути в вагоне имели фрыштык.

"25 минут 7-го часа Его Величество возвратился в Зимний дворец и кушали за обеденным столом с Его Величеством бывшие на охоте особы" (там же, оп. 2 8/1618, No 168).

Охота эта была произведена на медведя и обошлась в 476 р. 17 к. (там же, оп. 4/1003, No 45).

10 февраля. Пятница. С.-Петербург. "10 минут 1-го часа Его Величество имел выезд в Екатерининский институт к экзамену, где изволил присутствовать до 2-го часа, потом проезжал к станции Николаевской жел. дор., где, с приглашенными особами на охоту, отбыл по оной в Тосну. Во время следования имели фрыштык в вагонах, в 20 персонах. По возвращении с охоты в Зимний дворец 40 минут 6-го часа, за обеденным столом с Его Величеством кушали бывшие на охоте" (там же, оп. 2 8/1618, No 168).

Охота эта была произведена на медведя и обошлась в 263 руб. 70 коп. (там же, оп. 2 8/1618, No 45).

Можно сказать с уверенностью, что в феврале месяце больше высочайших охот не было, ибо за все февральские охоты из Кабинета Его Величества было возвращено Егермейстерской конторе 1139 руб. 37 коп., то есть как раз сумма расходов по трем вышеуказанным охотам (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 8/1620).

За март месяц в Камер-фурьерском журнале находим:

6 марта. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной проезжал в Гатчино, а из оной на станцию Ящеры для охоты".

7 марта. Среда. С.-Петербург. "В 11 часов вечера Его Величество возвратился с охоты" (Общ. Арх. М-ва

Дв., оп. 2 8/1618, No 168).

На охоте 7 марта у Ящер, которая обошлась в 584 р. 21 1/2 к., было убито 2 медведя. По крайней мере из двух медведей, там убитых, были изготовлены, по высочайшему повелению, ковры. Вероятно, эта охота была особенно удачной, и государь остался ею вполне доволен, так как за нее государеву стремянному Борису была выдана награда в 100 рублей (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 8/1620 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 45).

21 марта. Среда. С.-Петербург. "Поутру, 50 минут 9-го часа, Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отбыл до Гатчина, из одного в экипажах проезжали на станцию Ящеры на охоту.

"По прибытии Его Величество с гостями имел фрыштык в 10-и персонах, а потом отбыли на травлю медведя и возвратились в 9-м часу на станцию и имели обед.

"Возвратились в С.-Петербург в 2 часа пополудни.

"Приглашенные были с Его Величеством на охоту к 9-ти часам утра на станцию Варшавской железной дороги: Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант Бетанкур, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант граф Адлерберг 2-й, Генерал-Майор граф Адлерберг 3-й, Флигель-Адъютант граф Ламберт, Флигель-Адъютант князь Барятинский 2-й, Егермейстер граф Ферзен, в должности Гофмейстера Всеволожский, Нидерландский Обер-Гофмаршал барон Тейль, Нидерландский Лейб-Медик Еверар" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 168).

На этой охоте, которая стоила 508 р. 51 к., государь император убил большого медведя, из которого

приказал изготовить чучело. По изготовлении чучела, обошедшегося в 226 р. 75 к., последнего его величество приказал отправить в Гатчину, во дворец, "для помещения в виде вешалки в Арсенальном карэ, внизу, у входа на лестницу, где комнаты Государя Императора" (там же, оп. 4/1003, No 45).

28 апреля. Суббота. С.-Петербург. "20 минут 1-го часа (вечера) Его Величество с Шталмейстером Толстым отсутствовал на охоту в Парголово, в Осиновую рощу. По прибытии, с Его Величеством имели ужин: Шталмейстер Толстой, Генерал-Адъютант барон Ливен, Егермейстер граф Ферзен, Флигель-Адъютант граф Ламберг.

"Его Величество возвратился в 5 часов утра на другой день" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 168).

Осиновая роща, имение графа Левашова, расположена в 15-и верстах от С.-Петербурга. Указанная охота была стрельбою глухарей на току и обошлась в 44 руб. 90 коп. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 8/1620 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 45).

В начале осени "для производства охот в присутствии Государя Императора" под Москвою, куда его величество отбыл на коронацию, происходившую 26 августа этого года, Придворная охота была командирована в Первопрестольную столицу (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 7/1649).

В расписании дней празднеств по случаю коронации, которое приводит в своих "Воспоминаниях" граф Милорадович ("Русский архив", т. II, 1884 года, стр. 206), между прочим, читаем:

"Вторник, 11 сентября. Охота в окрестностях Царицына и завтрак в Валуеве... Бал у английского посла лорда Гренвиля".

"Пятница, 14 сентября. Охота в имении графа Толстого".

В Камер-фурьерском журнале читаем:

11 сентября. Вторник. Москва. "Сего числа к назначенной по расписанию празднеств Священного Коронования охоте, придворной и дворянской, приглашены к половине 10-го часа утра в село Царицыно участвующие в оной Генерал-Адъютанты, Генерал-Маиоры Свиты Его Величества и Флигель-Адъютанты и некоторые особы, по назначению и для присутствования при оной, свита иностранных принцев, особы Дипломатического корпуса, кто из них пожелает, Министр Императорского Двора граф Адлерберг и Обер-Гофмаршал граф Шувалов.

"В 11 часов Государь Император в сопровождении Их Высочеств Августейших детей: Государя Цесаревича и Великих Князей Александра и Владимира Александровичей, Великих Князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей, Принцев: Нидерландского, Гессен-Кассельского, Александра и Людвига Гессенских, изволили прибыть в село Царицыно и, пересев на верховых лошадей, следовали вместе с вышеписанными особами на Румянцевское поле на охоту, которая продолжалась более четырех часов.

"После охоты Государь Император с Их Высочествами и всеми особами, возвратясь в Царицыно, в дом, называемый Валуева (обер-гофмейстера), в 1/2 3-го часа изволил иметь фрыштык, приготовленный от Высочайшего двора, за которым кушало 158 персон.

"После фрыштыка Его Величество с Их Высочествами и всеми особами отбыли в места своих

пребываний 1/4 4-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 168).

По отношению к приглашенным на эту охоту подмосковным помещикам последовало за несколько дней до охоты нижеследующее высочайшее повеление:

"1. Как служащим, так и не служащим помещикам, приглашенным на охоту, предоставить быть на оной в той форме, в какой они сами пожелают.

"2. Выезжать на сию охоту не далее 20 верст от Москвы".

Тогда же управляющему придворными охотами было приказано распорядиться производством подчистки кустарника близ деревни Зябликовой, недалеко от Царицына, и вывести охоту в вицмундирах с галунами.

Кроме того, егермейстер Ферзен предложил приглашенным на высочайшую охоту помещикам, собравшись у Царицына, "не вмешиваться в действия Придворной охоты" (там же, оп. 4/1003, No 51).

14 сентября. Пятница. Москва. "К назначенной сего дня Императорской охоте приглашены участвующие в оной, по назначению, разные особы и для присутствования и обозрения оной Генерал-Адъютанты, Свиты Его Величества Генерал-Маиоры, Флигель-Адъютанты и Адъютанты Их Высочеств, иностранные послы, посланники и прочие дипломаты с их супругами, все, кто пожелает, а равно и иностранные кавалеры, при Принцах состоящие, а в половине 12-го часа собрались в село Аксиньево, в имение графа Алексея Петровича Толстого, по Санкт-Петербургскому тракту, за Петровским дворцом.

"К 12-и часам Его Величество с Августейшими детьми: Государем Цесаревичем, Великими Князьями

Александром и Владимиром Александровичами, Великий Князь Михаил Николаевич, Принцы: Ольденбургский, Александр и Людвиг Гессенские, Гессен-Кассельский и Нассауский прибыли в означенное село и со всеми вышеписанными особами выезд имели на охоту, которая продолжалась более трех часов.

"После охоты Его Величество с Их Высочествами и прочими особами Российскими и иностранными изволил прибыть в Петровский дворец, к приготовленному от Высочайшего двора завтраку в роде обеда, за которым кушало 67 персон.

"После фрыштыка Его Величество, Их Высочества и прочие особы из Петровского дворца отбыли в места своих пребываний в 4 часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 168).

23 сентября, в день отбытия государя императора из Москвы, начальнику Гатчинского дворцового правления генералу Люце было объявлено высочайшее повеление "об отделении от стада старых самцов оленей из числа находящихся в Гатчинском зверинце, на случай охоты Императорской Фамилии нынешней осенью в Гатчине" (там же, 4/1003, No 45).

Следует, между прочим, заметить, что, кроме указанных двух охот, во время коронационных торжеств его величество охотился иногда и с ловчими птицами, которые были доставлены в Москву из Оренбургского края. По крайней мере 22-го сентября егермейстер граф Ферзен писал оренбургскому генерал-губернатору графу Перовскому: "Государь Император, за успешное производство с беркутами и ястребами охот, изволил изъявить свое Высочайшее удовольствие" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 54).

13 октября. Суббота. Царское Село. "15 минут 1-го

часа Его Величество имел выезд в Царскую Славянку на охоту и после оной с приглашенными особами свиты имел фрыштык в 20-и персонах.

"Возвратился в Царское Село 15 минут 4-го часа" (там же, оп. 2 8/1618, No 168).

14 октября. Воскресенье. Царское Село. "В 2 часа Их Величества с Государем Цесаревичем и Великими Князьями имели выезд на соколиную охоту. Возвратились 35 минут 3-го часа" (там же).

16 октября. Вторник. Царское Село. "В 7 часов вечера Их Величества изволили отбыть к станции Александровской и на паровозе отбыли в Гатчино..." (там же).

17 октября. Среда. Гатчино. "15 минут 2-го часа Его Величество с Великим Князем Николаем Николаевичем, в сопровождении Великого Князя Михаила Николаевича, и приглашенными особами Свиты, имели выезд на оленью охоту в зверинец" (там же).

18 октября. Четверг. Гатчино. "10 минут 1-го часа Его Величество имел выход в Арсенал, где находились Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи, и с приглашенными особами имели фрыштык в 55 персон.

"20 минут 1-го часа Его Величество с Их Высочествами имел выезд на охоту, в последовании, в других экипажах, приглашенных особ, и по окончании оной возвратились 35 минут 4-го часа".

19 октября утром Государь Император вернулся из Гатчины обратно в Царское Село (там же).

14 ноября Егермейстер граф Ферзен докладывал государю императору, что в Лисинской казенной даче, в 25 верстах от города Павловска, обложено 4 лося. По-видимому, охота на них не состоялась (там же, оп. 4/1003, No 45).

В начале декабря распоряжением Егермейстерской конторы были приобретены для его величества, для зимних охот, загородные сани, устроенные кибиткою, за которые было заплачено 350 рублей (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 8 1620).

Около того же времени в 30 верстах от почтовой станции Ящеры и в 4 верстах от деревни Олеховца был обойден и принят в Императорскую охоту медведь (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4 1005, № 45).

На медведя этого охота состоялась, вероятно, 19-го декабря. В Камер-фурьерском журнале читаем:

18 декабря. Вторник. С.-Петербург. "К 7 1/2 часам вечера приглашены на станцию Варшавской железной дороги, ехать с Его Величеством на охоту, на станцию Ящеры, за Гатчино: Генерал-Адъютант Мансуров, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Бетанкур, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Генерал-Адъютант граф Адлерберг 2-й, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Шталмейстер Толстой, Генерал-Маиор князь Голицын, Генерал-Маиор граф Ламберт, Генерал-Маиор Баумгард, Флигель-Адъютант Мердер, Флигель-Адъютант граф Толстой, Флигель-Адъютант граф Строганов.

"В 8 часов вечера Его Величество с Герцогом Меклембург-Стрелецким изволил прибыть на означенную станцию и, с вышеписанными особами, по железной дороге отсутствовал в Гатчино, а оттуда в экипажах проезжали на станцию Ящеры на ночлег, а на другой день выезд имели со всеми приглашенными особами на охоту".

19 декабря. Среда. Ящеры. "Поутру, в 9-м часу, Его Величество со станции Ящеры, со всеми

приглашенными особами, изволил выехать в лес, за несколько верст, на охоту, где имели фрыштык. Возвратясь на станцию в 4-м часу, кушал за обеденным столом и принимал прибывшего из места пребывания Императрицы Александры Феодоровны князя Голицына и возвратился в Зимний дворец, через Гатчинно же, по железной дороге, 10 минут 11-го часа вечера" (там же, оп. 2 8/1618, No 168).

22 декабря Лесной департамент Министерства государственных имуществ сообщил егермейстеру графу Ферзену, что в Лисинской лесной казенной даче, в 142 квартале в 11-и верстах и в 96 квартале в 7 верстах от здания Учебного лесничества обойдены два медведя. По докладе об этом государю императору, его величество повелеть соизволил благодарить управляющего министерством. Надо заметить, что ближайшая охота в Лисино, как увидим ниже, была устроена лишь 11 февраля (там же, оп. 4/1003, No 45).

1857 год. 15 января. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 9-го часа (вечера) Его Величество отбыл на станцию Николаевской железной дороги и по оной с приглашенными особами отсутствовал на охоту и имел ночлег на станции Померанье. Приглашались: Великий Князь Николай Николаевич, Герцог Меклембург-Стрелецкий, Генерал-Адъютант Мансуров, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант граф Адлерберг, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Генерал-Адъютант Бетанкур, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Шталмейстер Толстой, Генерал-Маиор граф Ламберг, Генерал-Маиоре князь Прозоровский-Голицын, Флигель-Адъютант граф Толстой, Прусский генерал Рудольф, Адъютант Жори (Герцога Стрелецкого)".

16 января. Среда. С.-Петербург. "20 минут 11-го часа (вечера) Его Величество с Великим Князем Николаем Николаевичем возвратился с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 172).

Охота эта, обошедшаяся в 598 рублей, была произведена на медведя и лосей (там же, оп. 4/1003, No 64).

Надо полагать, что в 1-й половине января месяца была произведена по высочайшему повелению еще одна охота на медведя или лосей, ибо в феврале месяце за охоты, произведенные в 1857 году "до 23 января", было возвращено из Кабинета Его Величества Егермейстерской конторе 1253 рубля, то есть на 655 р. более, нежели стоила охота 16 января (там же). Однако если такая охота и состоялась, то, вероятно, поскольку можно, по крайней мере, судить на основании данных Камер-фурьерского журнала, не в присутствии государя императора.

22 января. Вторник. С.-Петербург. "35 минут 8-го часа Его Величество выезд имел в Большой театр, а из одного проезжал на станцию Николаевской железной дороги и с приглашенными особами 1/4 9-го часа отсутствовал по железной дороге на охоту до станции Померанье, где имел ночлег, а на другой день с приглашенными особами выезд имел на охоту".

23 января. Среда. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа вечера Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 172).

Охота эта обошлась в 604 руб. 53 коп. и была произведена на медведя и лосей близ деревни Липовик (там же, оп. 4/1003, No 64).

Около того же времени были посланы придворные егеря на станцию Николаевской железной дороги Бологое, для принятия предложенной Егермейстерской

части местным помещиком князем Арсением Путятиным медведицы с детьми, берлогу которой нашли в 4 верстах от Бологое (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 64).

6 февраля. Среда. С.-Петербург. "В 10 часов утра Его Величество имел выезд на станцию Николаевской железной дороги и на паровозе, с приглашенными особами, отсутствовал на станцию Саблино, откуда в экипажах проезжали на охоту; по окончании оной возвратились в селение Николаевское (вероятно, Никольское), имели фрыштык в роде обеда в 18-и персонах.

"По окончании фрыштыка, Его Величество с прочими особами проезжал к станции Саблино и на паровозе железной дороги отбыл в С.-Петербург.

"Возвратился в Зимний дворец 25 минут 6-го часа" (там же, оп. 2 8/1618, No 172).

Охота эта была произведена на медведя и стоила 540 руб. 73 коп. (там же, оп. 4/1004, No 64).

За период времени с 22 января по 12 февраля Егермейстерской конторе было возвращено из Кабинета Его Величества за расходы по устройству высочайших охот 1982 р. 35 коп., то есть как раз стоимость охот 23 и 30 января и 6 и 11 февраля, что показывает, что в этот промежуток времени больше охот не было (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 1/1680).

26 февраля. Вторник. С.-Петербург. "В 6 часов вечера Его Величество выезд имел на Гатчинскую железную дорогу, куда до сего собрались приглашенные ехать с Его Величеством на охоту: Герцог Меклембург-Стрелецкий с Адъютантом Жори, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Бетанкур, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й,

Генерал-Адъютант граф Ламберт 1-й, Генерал-Адъютант граф Адлерберг, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Шталмейстер Толстой, в должности Гофмейстера Всеволожский, Генерал-Маиор князь Голицын-Прозоровский, Генерал-Маиор Герздорф, Генерал-Маиор граф Ламберт 2-й, Флигель-Адъютант Мердер, Флигель-Адъютант граф Толстой.

"По прибытии на станцию, Его Величество с прочими особами отсутствовал по железной дороге в Гатчино, где, пересев в экипажи, проезжали в город Лугу, куда и прибыли в 3/4 12-го часа. Его Величество с Герцогом изволил остановиться в доме содержательницы станции, которая поднесла Его Величеству хлеб-соль. Прочие кавалеры остановились в станционном доме.

"Поутру 27 числа, Его Величество, после чая, вместе с прочими особами имел выезд на охоту и имел фрыштык в поле.

"По возвращении в 7 часов с охоты кушали за обеденным столом в 17-и персонах.

"В сей вечер, в 10 часов, изволил прибыть из-за границы в город Лугу Великий Князь Михаил Николаевич и вскоре отбыл в С.-Петербург.

"После чая, поутру 28 числа, Его Величество с гостями имел выезд на охоту и, по возвращении с оной же, на станции Преображенской изволил иметь фрыштык в доме господина Анненского и оттуда отсутствовал в С.-Петербурге.

"15 минут 5-го часа Его Величество изволил прибыть с охоты" в Зимний дворец (там же, оп. 2 8/1618, No 172).

27 и 28 февраля было устроено всего четыре охоты на медведей, и обошлись они в 1080 руб. 88 1/2 коп., каковая сумма была возвращена из Кабинета Его

Величества, как за последнюю зимнюю охоту (там же, оп. 4/1003, No 64).

19 апреля. Пятница. С.-Петербург. "20 минут 12-го часа вечера Его Величество с Генерал-Маиором графом Ламбертом изволил отсутствовать за Парголово, в имение графини Левашовой, называемое Осиновою Рощею, куда также прибыли приглашенные с Его Величеством охотиться: Генерал-Адъютант барон Ливен, Шталмейстер Толстой и Егермейстер граф Ферзен.

"По прибытии в означенное имение на дачу, Его Величество с сими особами изволил кушать за вечерним столом (посылался ужин на шесть персон, чай, кофе и официант с прислугою).

"После ужина, на рассвете, Его Величество с гостями выезжал на охоту. По возвращении с охоты, на даче же изволил кушать кофе и возвратился в Зимний дворец в начале 7-го часа утра 20-го числа" (там же, оп. 2 8/1618, No 172).

В апреле же месяце из числа убитых государем императором (надо полагать 27 и 28 февраля) медведей были сделаны два чучела и подарены испанскому послу герцогу д'Осуна и французскому послу графу де Морни. Тогда же для его величества было изготовлено чучело глухаря (вероятно, убитого в Осиновой Роще). Изготовление этих трех чучел обошлось в 328 руб. (там же, оп. 4/1007, No 64 и Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 1/1680).

Около того же времени государь император выразил желание, во время пребывания своего весною 1857 года в Царском Селе, "приезжать несколько раз в Лисино охотиться на глухарей и вальдшнепов". В Лисино глухариные тока и тяга вальдшнепов отстояли не больше 2-х верст от здания Лисинского учебного

лесничества (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, № 64).

По-видимому, это желание в весну 1857года выполнено не было.

В начале осени по Придворной охоте последовало распоряжение:

"Во время парадных псовых охот в Высочайшем присутствии, на которых должны находиться, кроме биксеншпаниера, все чиновники охоты, употреблять парадное платье" (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 3 3/1702).

Октября 22. Вторник. Царское Село. "В 8-м часу (вечера) Их Величества выезд имели в Александровский дворец на посещение Императрицы Матушки, откуда в 9 часов Государь Император с Генерал-Адъютантом графом Адлербергом 2-м изволил отсутствовать в мызу Ропшу на охоту, куда, к 9 часам, приглашены от Его Величества для участия на охоте: Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й, Генерал-Адъютант граф Ламберт 1-й, Генерал-Адъютант князь Васильчиков 2-й, Генерал-Адъютант граф Ламберт 2-й, Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский, Генерал-Лейтенант Герздорф, Флигель-Адъютант князь Барятинский, Флигель-Адъютант Мердер, Прусский полковник Лоэн, Егермейстер граф Ферзен.

"По прибытии в Ропшинский дворец, в 11-м часу, Его Величество с приглашенными гостями изволил кушать чай и после ужинать".

Октября 23. Среда. Ропша. "Поутру Его Величество со всеми приглашенными особами изволил кушать чай на своей половине. В то же время изволил прибыть из Царского Села Великий Князь Михаил Николаевич (новобрачный).

"В 10-м часу Его Величество с Великим Князем

Михаилом Николаевичем и всеми особами отправился на охоту в окружности Ропшинского имения, в продолжение которой на станции Кипени изволил фрыштыкать со всеми участвующими на охоте особами.

"В 4 часа Его Величество изволил прибыть с охоты обратно в Ропшинский дворец, где с вышеписанными особами кушал за обеденным столом в комнатах Ее Величества, в 16-и персонах.

"После обеда Его Величество проводил несколько времени в Ропшинском дворце и в 9-м часу возвратился в Царское Село". (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 172).

29 октября. Вторник. Царское Село. "К 10 часам (утра) приглашены были ехать с Его Величеством на охоту в Гатчино и собрались на станции железной дороги в Царском Селе.

"В 10 часов Их Величества выезд имели на посещение Императрицы Матушки, откуда Его Величество с Великими Князьями Николаем и Михаилом Николаевичами отбыл на станцию Гатчинской железной дороги и по оной с вышеписанными особами отсутствовал в Гатчино; по прибытии туда изволил осматривать постройки дворца. После оногo на ферме, в зверинце, с Их Высочествами и всеми приглашенными изволил фрыштыкать, в 23 персонах.

"После фрыштыка со всеми особами выезд имел в 1-м часу на охоту в окружности Гатчины.

"После охоты, кончившейся в 5-м часу, изволил возвратиться в Гатчинский дворец и в Арсенале кушал за обеденным столом с Их Высочествами и бывшими на охоте особами.

"Во время обеда играло два хора военной музыки.

"После обеда Его Величество, проведя несколько времени с гостями, отсутствовал в 8-м часу по железной дороге обратно в Царское Село" (там же).

Вскоре после этой охоты служителям Придворной охоты было выдано в награду 157 рублей (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 1/1680).

4 ноября. Понедельник. Царское Село. "К 8 часам вечера собрались на станции Московской железной дороги, в Колпине, приглашенные ехать с Его Величеством на охоту в Лисино: Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант князь Васильчиков, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант князь Голицын-Прозоровский, Генерал-Лейтенант Герздорф, Шталмейстер Толстой, Егермейстер граф Ферзен, Флигель-Адъютант князь Барятинский, Флигель-Адъютант граф Толстой, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн.

"В половине 8-го часа Его Величество с Флигель-Адъютантом Мердером из Царского Села, в экипаже, изволил отсутствовать на означенную станцию в Колпино и оттуда со всеми приглашенными особами, по железной дороге, отбыл в Лисино.

"Его Величество, по прибытии в Лисино, во вновь выстроенный дворец для пребывания Его Величества, изволил со всеми кавалерами кушать чай и ужинать".

5 ноября. Вторник. Лисино. "Поутру рано прибыли из Царского Села в Лисино к Его Величеству Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи.

"Его Величество с Их Высочествами и всеми особами изволил во дворце кушать чай и после оногo изволил отбыть на охоту со всеми особами; во 2-м часу возвратился обратно во дворец, где с Их же

Высочествами и со всеми приглашенными кавалерами имел фрыштык.

"После фрыштыка вторично выезжал на охоту во зверинец и по возвращении обратно во дворец кушал за обеденным столом с Их Высочествами и со всеми кавалерами.

"После обеда, проведя несколько времени во дворце с Их Высочествами и со всеми особами, отсутствовал на железную дорогу, по которой прибыл в Колпино, а оттуда в Царское Село в 9 часов вечера" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 28, 1618, No 172).

20 ноября. Среда. Царское Село. "40 минут 11-го часа (утра) Государь Император с приглашенными Его Величеством: Генерал-Адъютантами бароном Ливеном, князем Васильчиковым, Шталмейстером Толстым, Егермейстером графом Ферзенем и Прусским полковником Лоэном изволил отбыть на охоту в Ижору, куда послан был фрыштык на 8 персон. Возвратился 20 минут 4-го часа" (там же).

1858 год. 14-го января. Вторник. С.-Петербург. "В 11 часов (вечера) Его Величество выезд имел в дом Дворянского собрания на бал, а оттуда, в 12 часов, отбыл на станцию С.-Петербурго-Варшавской железной дороги и с собравшимися приглашенными особами изволил отсутствовать на паровозе до станции Ящеры на охоту.

"По прибытии от станции Ящеры в станционный дом, 35 минут 3-го часа, Его Величество изволил кушать за вечерним столом, в 16-и персонах" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 173).

15-го января. Среда. Ящеры. "Поутру в 8 1/2 часов Его Величество со свитою изволил из станционного дома отсутствовать на охоту и в продолжение оной в долине деревни Клекуши имел фрыштык. 50 минут

7-го часа Его Величество с прочими особами возвратился в Ящеры и кушал за обеденным столом, в 17-и персонах.

"По окончании обеда, 20 минут 9-го часа, Его Величество с особами, бывшими на охоте, отсутствовал в С.-Петербург. 50 минут 1-го часа Его Величество прибыл в Зимний дворец" (там же).

Охота 15-го января была произведена на медведя, обложенного у деревни Низовки, и обошлась в 990 рублей (там же, оп. 4/1003, No 78).

21 января. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на станцию Ящеры, где, по прибытии, изволил кушать чай и ужинать в 14-и персонах.

"На охоту с Его Величеством приглашались собираться на станцию Варшавской железной дороги в 1/2 8-го часа: Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Михаил Николаевич с дежурным адъютантом, Герцог Меклембург-Стрелецкий с адъютантом Жори, Шталмейстер Толстой, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант князь Васильчиков 2-й, Генерал-Адъютант граф Адлерберг 2-й, Генерал-Лейтенант Герздорф, Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский, Генерал-Маиор граф Ламберт, Егермейстер граф Ферзен, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн, Флигель-Адъютант князь Барятинский, Флигель-Адъютант граф Толстой, Флигель-Адъютант Мердер".

21 февраля. Пятница. С.-Петербург. "К половине 12-го часа (дня) приглашены были на станцию

Варшавской железной дороги ехать к Его Величеству в Ящеры и Лугу на охоту: Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант князь Васильчиков, Генерал-Адъютант граф Адлерберг 2-й, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Шталмейстер Толстой, Егермейстер граф Ферзен, Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский, Генерал-Лейтенант Герздорф, Генерал-Маиор граф Ламберт, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн, Флигель-Адъютант князь Барятинский, Флигель-Адъютант граф Толстой, Флигель-Адъютант Мердер, Флигель-Адъютант Слепцов, Адъютант Герцога Меклембург-Стрелецкого Жори.

"В 12-м часу Его Величество изволил прибыть на означенную станцию с Великим Князем Николаем Николаевичем, Герцогом Меклембург-Стрелецким и вышеписанными особами по железной дороге отсутствовал на охоту в Ящеры и Лугу.

"Его Величество, по прибытии в 2 часа в Ящеры, в станционный дом, изволил со всеми особами фрыштыкать. После фрыштыка Его Величество с Их Высочествами и всеми приглашенными особами выезд имел в лес охотиться и по возвращении в 8 часов обратно в Ящеры изволил обедать со всеми особами".

7 марта. Пятница. С.-Петербург. "В 8-м часу (вечера) Его Величество имел выход на посещение Императрицы Матушки.

"3/4 8-го часа Государь Император изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отбыл на станцию Преображенскую, куда и прибыл 35 минут 11-го часа, где имел чай и ужин в 19-и персонах".

8 марта. Суббота. Преображенская "Поутру в 1/2 10-го часа, со всеми приглашенными особами, от станции села Преображенского, Его Величество отбыл в город Лугу; оттуда на охоту; на месте охоты имел фрыштык и с оной возвратился в Лугу 40 минут 3-го часа, а 1/2 5-го часа кушал за обеденным столом со всеми приглашенными особами; по окончании обеда по железной дороге отбыл в С.-Петербурге 1/2 7-го часа" (там же, оп. 2 8/1618, Но 173).

В том же марте месяце "лицами, имеющими счастье быть приглашаемыми на производимые в Высочайшем присутствии охоты", было решено поднести его величеству "альбом с рисунками, изображающими некоторые случаи и эпизоды из этих охот". По этому поводу состоялась подписка, по 100 рублей с каждого лица, причем со всех их художник Зичи, которому, сколько можно догадываться, было поручено составление альбома, снимал портреты. Подписались следующие лица:

великий князь Николай Николаевич Старший,

великий князь Михаил Николаевич,

Альфонс Августович Бетанкур,

светлейший князь Семен Михайлович Воронцов,

светлейший князь Федор Иванович Варшавский граф Паскевич-Эриванский,

светлейший князь Александр Аркадиевич Италийский граф Суворов-Рымникский,

граф Александр Владимирович Адлерберг 2-й,

граф Эдуард Трофимович Баранов,

граф Карл Карлович Ламберт,

граф Осип Карлович Ламберт,

граф Алексей Константинович Толстой,

князь Виктор Иларионович Васильчиков,

князь Александр Федорович Голицын-Прозоровский,

барон Вильгельм Карлович Ливен,
Иван Матвеевич Толстой,
Николай Александрович Огарев,
Арист Федорович Герздорф,
Николай Васильевич Зиновеев,
Петр Карлович Мердер,
князь Владимир Иванович Барятинский,
Павел Николаевич Слепцов (там же, оп. 4/1003, No 85).

21 апреля. Понедельник. С.-Петербург. "В 1/2 11-го часа (вечера) Его Величество с Генерал-Маиором графом Ламбертом, в коляске, изволил отсутствовать в имение графа Левашова, в Осиновую Рощу, и, по прибытии, на мызе изволил ужинать (ужин на 10 персон присылали из Зимнего Дворца) с Генерал-Адъютантом бароном Ливеном, Егермейстером графом Ферзенем и Генерал-Маиором графом Ламбертом.

"После ужина, во 2-м часу ночи с вышеписанными особами выезд имел в лес на охоту, стрелять тетеревей, и возвратился к утру, в 1/2 4-го обратно на мызу и, откушав кофе, отбыл в Петербург и приехал во дворец в 1/2 6-го часа утра" (там же, оп. 2 8/1618, No 173).

По делам Егермейстерской конторы, эта охота, стоившая 104 рубля, производилась не на тетеревей, а на глухарей, что и правдоподобнее, так как с тетеревиного тока вряд ли государь прибыл бы уже на мызу в 30 минут 4-го часа утра (там же, оп. 4/1003, No 78).

26 июля. Суббота. Петергоф. "Поутру в 1/2 9-го часа Его Величество изволил отсутствовать в деревню Настолово, по Ропшинской дороге, в 10 верстах от Красного Села, куда приглашены были Великий Князь Михаил Николаевич, Принц Виртембергский и Герцог Меклембург-Стрелецкий и некоторые кавалеры. Оттуда

выезд имели в лес на охоту на волков.

"По возвращении с охоты в означенную деревню, в крестьянской избе Его Величество изволил фрыштыкать с Их Высочествами и свитою. После фрыштыка отбыли в Петергоф на ферму" (там же, оп. 2 8/1618, No 173).

Октября 1-го. Среда. Царское Село. "В час пополудни Его Величество в коляске выехать изволил в Царскую Славянку, куда собрались приглашенные на охоту с Его Величеством: Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант князь Васильчиков, Генерал-Лейтенант Герздорф, Шталмейстер Толстой, Егермейстер граф Ферзен, Прусский Флигель-Адъютант Лозн, Флигель-Адъютант Мердер.

"Его Величество, по прибытии в Царскославянский дворец, изволил с означенными особами фрыштыкать, и после оногo, сев на верховых лошадей, отбыли в лес на охоту в окрестностях Царской Славянки.

"Его Величество возвратился с охоты в 5 минут 5-го часа" (там же).

Октября 6-го. Понедельник. Царское Село. "В 8 часов (вечера) Его Величество с Шталмейстером Толстым, в коляске, изволил отсутствовать из Царского Села в Ропшу на охоту, куда приглашены были Егермейстером графом Фсрзенoм и съехались в Ропшинский дворец к 8 часам: Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант князь Васильчиков, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Лейтенант Герздорф, Шталмейстер Толстой, Егермейстер граф Ферзен, Генерал-Маиор граф Ламберт, Прусский Флигель-Адъютант Лозн, Флигель-Адъютант Слепцов, Флигель-Адъютант Мердер, Сардинский Генерал граф Долгрони,

Сардинский Адъютант граф Добеланд.

"Его Величество, по прибытии в Ропшинский дворец, в 9 часов, со всеми приглашенными кавалерами проводил вечер в собрании, и после кушали за вечерним столом. Приглашены были также в собрание и к ужину управляющий имением граф Стенбок и военнополоходный шталмейстер Лефлер, всего 17 персон" (там же).

Октября 7-го. Вторник. Ропша. "Поутру, в 10-м часу собрались к Его Величеству все кавалеры и кушали с Его Величеством кофе.

"После оногo Государь Император со всеми приглашенными особами отсутствовал на охоту в окрyжность Ропши.

"Во 2-м часу с охоты прибыли на станцию Кипень и в станционном доме фрыштыкали в 18-и персонах.

"После фрыштыка вторично выехали на охоту и в 5-м часу возвратились в Ропшинский дворец к обеденному столу, за которым кушало с Его Величеством 18 персон.

"После обеда Его Величество, проведя время до 8 часов с вышеписанными особами в собрании, отсутствовал из Ропшинского дворца в коляске с Шталмейстером Толстым в Царское Село и прибыл в 9 часов" (там же).

Октября 10-го. Пятница. Царское Село. "После докладов, в час, Его Величество изволил отбыть на Варшавскую железную дорогу и по оной с приглашенными особами свиты отсутствовал на проживание в Гатчину.

"Его Величество, по прибытии в Гатчинский дворец, проходил прямо на посещение Императрицы Матушки.

"После того в Арсенале с Ее Величеством и

приглашенными особами свиты изволили фрыштыкать в 36 персонах. После фрыштыка Его Величество с приглашенными кавалерами, в 2 часа, выезд имел на охоту в зверинец стрелять оленей; возвратился в 4 часа" (там же).

Октября 12. Воскресенье. Гатчино. "15 минут 2-го часа Его Величество с Августейшими детьми и некоторыми особами выезд имел на охоту в зверинец; возвратился в 4 часа" (там же).

Октября 14. Вторник. Гатчино. "После фрыштыка Его Величество с Шталмейстером Толстым, в коляске, изволил поехать на охоту.

"По повелению Его Величества, приглашены были и дамы, желающие, которые после фрыштыка из Арсенала, с княжною Мариєю Максимилиановною и кавалерами в линейях, поехали по Кипенской дороге до мельницы, где для дал и кавалеров приготовлены были верховые лошади, и изъявившие желание дамы участвовали на верховых лошадях в охоте, а прочие обозревали в экипажах.

"25 минут 5-го часа Его Величество со свитою возвратился с охоты" (там же).

Октября 15. Среда. Гатчино. "После фрыштыка, половина 2-го часа, Его Величество с Шталмейстером Толстым, в коляске, выезд имел в зверинец на охоту, куда, по повелению Его Величества, приглашены, кто пожелает, особы свиты, проживающие в Гатчинском дворце, полковой командир Кирасирского Ее Величества полка и командир стрелкового батальона Императорской Фамилии. Возвратились в 4 часа" (там же).

Во время указанных выше охот в Гатчинском зверинце устраивались "особые облавы по методе заграничной, оказавшейся, к полному удовольствию

Его Величества, во всех отношениях успешною". По этому поводу служителям придворной охоты было выдано по высочайшему повелению в награду 102 руб. (там же, оп. 4/1003, № 78 и Арх. Упр. Имп. ох., д. № 3/1711 и № 14 – 1864 г.).

Октября 20. Понедельник. Царское Село. "50 минут 8-го часа (вечера) Его Величество с Генерал-Адъютантом графом Адлербергом 2-м, в коляске, отбыл в Колпино на станцию железной дороги, куда прибыли из Петербурга, по железной же дороге, отправившиеся в 7 часов приглашенные с Его Величеством на охоту.

"От Колпинской станции Его Величество со всеми приглашенными особами, по железной дороге, отсутствовал в Лисино. По приезде туда, в приготовленных комнатах в Лисинском корпусе, проводил время с особами и ужинал" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, № 173).

Октября 21. Вторник. Лисино. "Поутру, в 9 часов Его Величество в Лисинском корпусе, в своих апартаментах, со всеми приглашенными кавалерами изволил кушать кофе и после одного отбыл в лес на охоту, где и фрыштыкал в поле; после вторично выехали охотиться и в 5-м часу возвратились в корпус, и кушал за обеденным столом со всеми же кавалерами.

"После обеда Его Величество проводил время с особами до 9-го часа вечера, и потом отбыли на железную дорогу и по оной до Колпина, откуда Его Величество с Генерал-Адъютантом графом Адлербергом 2-м, в коляске, возвратился в Царское Село 20 минут 10-го часа вечера" (там же).

4 ноября. Вторник. Царское Село. "1/2 9-го часа (утра) Его Величество с Шталмейстером Толстым выезд имел на Колпинскую станцию, где ожидали Его

Величества Великий Князь Михаил Николаевич и особы, и по оной отсутствовал в Тосну, и прибыли 5 минут 1-го часа для охоты.

"Его Величество выезда на охоту иметь не изволил по тому случаю, что лоси ушли далее назначенного места на 20 верст.

"25 минут 4-го часа Его Величество, по железной дороге, изволил отсутствовать в Царское Село и прибыл 40 минут 5-го часа" (там же).

Из бумаг Егермейстерской конторы усматривается, что в начале ноября месяца была произведена высочайшая охота на медведя и лосей близ станции Ящеры, на сенокосном мху, и стоила эта охота 1021 р. 25 к. (там же, оп. 4/1003, № 78). Надо предполагать, что сказанная охота была произведена не в начале ноября месяца, а в начале декабря. Однако расход по последней иной.

Декабря 9. Вторник. С.-Петербург. "3/4 9-го часа вечера Его Величество с Великим Князем Николаем Николаевичем изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с собравшимися приглашенными особами, на охоту отсутствовал в Ящеры.

"По прибытии на станцию Ящеры, имели чай, ужин и ночлег.

"Поутру 10-го числа, после чаю, Его Величество с Их Высочествами и прочими особами изволил отсутствовать на охоту, и в поле имели фрыштык. Возвратились на станцию в 2 часа. В 5 часов кушали за обеденным столом в 17-и персонах.

"В 7 часов вечера Его Величество с Их Высочествами и прочими особами, по железной дороге, отсутствовал в С.-Петербурге. 20 минут 10-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Общ. Арх.

М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 173).

Охота эта была произведена у деревни Липовик на медведя и лосей и стоила 596 руб. 84 коп. (там же, оп. 4/1003, No 78).

15 декабря. Понедельник. С.-Петербург. "40 минут 8-го часа (вечера) Их Величества имели выезд в Большой театр, откуда Его Величество изволил отбыть на станцию Николаевской железной дороги и с собравшимися приглашенными особами отсутствовал в Померанье на охоту.

"По прибытии в станционный дом, Его Величество с нижеписанными особами имел чай, ужин и ночлег: Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Михаил Николаевич, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант Бетанкур, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Адлерберг 2-й, Генерал-Адъютант князь Васильчиков, Генерал-Лейтенант Герздорф, Генерал-Маиор граф Ламберт, Шталмейстер Толстой, Флигель-Адъютант Слепцов, Флигель-Адъютант Мердер, Егермейстер граф Ферзен, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн.

"Поутру 16-го числа, в 8 часов Государь Император с прочими особами отсутствовал на охоту в деревню Липицы (не эта ли охота и помечена в бумагах Егермейстерской конторы, как охота 10 декабря у Липовик, стоившая 596 руб. 84 к.?) и имел фрыштык.

"По возвращении на станцию в 4 1/2 часа, кушали за обеденным столом и 20 минут 8-го часа вечера отсутствовали в С.-Петербург. 40 минут 10-го часа Его Величество возвратился с охоты и 20 минут 1-го часа изволил отбыть к Великой Княгине Елене Павловне"

(там же, оп. 2 8/1618, No 173).

22 декабря. Понедельник. С.-Петербург. "Его Величество... проходил на посещение Императрицы Матушки и от Ее Величества отбыл на станцию Царскосельской железной дороги и по оной с собравшимися приглашенными особами 20 минут 12 часа (дня) отсутствовал в Павловск, а оттуда, в экипажах, в Новое Лисино – в имение Вонлярлярского.

"По прибытии в означенное имение 1/2 1-го часа, имели фрыштык и потом имели выезд на охоту. Возвратились в 5 часов.

"10 минут 6-го часа Его Величество с Великими Князьями Николаем и Михаилом Николаевичами и приглашенными особами, в экипажах, отсутствовали в Старое Лисино, в Лесничий корпус, где имели обед и ночлег".

Декабря 23. Вторник. Старое Лисино. "Поутру, 1/2 9-го часа Его Величество, после чая, с Их Высочествами и прочими особами изволил отсутствовать на охоту, и в 1-м часу на месте охоты имели обеденный фрыштык.

"По окончании охоты проезжали на станцию Николаевской железной дороги и по оной, 20 минут 9-го часа, отсутствовали в С.-Петербург. Его Величество прибыл в Зимний дворец 25 минут 10-го часа вечера" (там же).

Охота 22 декабря, стоившая 353 руб. 62 коп., производилась на медведя и лосей (там же, оп. 4/1003, NoNo 78 и 89).

1859 год. января 6-го. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество изволил быть на посещении Императрицы Матушки.

"К 1/2 9-го часа собрались на станцию Варшавской железной дороги приглашенные от Его Величества на

охоту.

"10 минут 10-го часа Его Величество изволил прибыть на означенную станцию и с Его Высочеством и вышеписанными особами отсутствовал по железной дороге на охоту в Ящеры, куда и прибыл в 40 минут 12-го часа и кушал с означенными приглашенными особами за вечерним столом".

Января 7. Среда. Ящеры. "Его Величество с приглашенными особами имел фрыштык в деревне Верести и по возвращении 55 минут 6-го часа в Ящеры изволил кушать за обеденным столом с означенными особами.

"В 11 часов изволил прибыть (в Петербург) по Варшавской железной дороге Его Величество с охоты и проходил в свои апартаменты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 175).

На этой охоте был убит и медведь (там же, оп. 4/1003, No 89).

Января 13. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов вечера собрались на станции Варшавской железной дороги особы, приглашенные ехать с Его Величеством на охоту.

"15 минут 9-го часа Его Величество изволил прибыть на означенную станцию и с Его Высочеством и означенными особами отсутствовал по железной дороге на охоту".

Января 14. Среда. С.-Петербург. "50 минут 11-го часа (вечера) Государь Император изволил возвратиться с охоты" (там же, оп. 2 8/1618, No 175).

На охоте этой было убито 3 медведя, а "четыре охоты", вернее, четыре круга 7 и 14 января обошлись 1720 руб. 7 1/2 коп. Кроме того, государь император, оставшийся вполне довольным деятельностью служителей придворной охоты, приказал выдать им

награду по 1 рублю на человека (там же, оп. 4/ 1003, No 89).

Января 19. Понедельник. С.-Петербург. "1/2 9-го часа вечера Его Величество из Зимнего дворца изволил отсутствовать на станцию Николаевской железной дороги и с собравшимися приглашенными особами отбыл по железной дороге в Большое Лисино, куда и прибыл 40 минут 11-го часа.

"20-го числа, поутру, Его Величество с приглашенными особами отсутствовал на охоту; во время оной, 1/2 12-го часа, имел фрыштык с приглашенными особами; по окончании же охоты возвратился в Лисино и кушал за обеденным столом со всеми приглашенными особами.

"В 7 часов вечера Его Величество со всеми особами отсутствовал по Николаевской железной дороге в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 1/2 10-го часа вечера" (там же, оп. 2 8/1618, No 175).

На этой охоте было взято: один круг медвежий и два круга лосиных, причем в последних оказалось: в одном 7 и в другом 5 штук лосей (там же, оп. 4/1003, No 89).

Января 26. Понедельник. С.-Петербург. "20 минут 9-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и с собравшимися приглашенными особами отбыл на охоту в Ящеры.

"По прибытии в почтовый станционный дом, 35 минут 11-го часа, кушали чай, и за вечерним столом Его Величество кушал со всеми приглашенными особами.

"27-го числа, 12 минут 10 часа утра Его Величество с приглашенными особами, после утреннего чая, имел выезд на охоту в деревню Верестье, где имел

фрышттык.

"По возвращении с охоты на станцию Ящеры, 35 минут 7-го часа, Его Величество со всеми прочими особами кушал за обеденным столом. 5 минут 9-го часа вечера Его Величество с Великим Князем Михаилом Николаевичем и бывшими на охоте особами от станции Ящеры, на паровозе, отбыл в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 45 минут 11-го часа" (там же, оп. 2 8/1618, No 175).

На охоте этой были убиты: медведь и два лося. Стоила охота 877 р. 30 1/2 к. (там же, оп. 4/1003, No 89).

Февраля 5-го. Четверг. С.-Петербург. "В 11 часов (утра) Его Величество был на посещении Императрицы Матушки.

"10 минут 12-го часа, Его Величество с Великим Князем Михаилом Николаевичем отсутствовал на охоту в имение господина Чоглокова, в деревню Колтуши, и прибыл 50 минут 1-го часа, куда собрались приглашенные особы (особы приглашались в 10 часов).

"40 минут 2-го часа Его Величество с Великим Князем Михаилом Николаевичем и приглашенными особами выезд имел на охоту; возвратился в 5 часов и в 1/2 6-го часа изволил кушать за обеденным столом в 16-и персонах.

"35 минут 8-го часа Его Величество изволил отсутствовать и прибыл в Зимний дворец в 9 часов; по прибытии проходил на посещение Императрицы Матушки".

На этой охоте, которая обошлась 721 р. 54 1/2 к., был убит только один лось (там же, оп. 4/1003, No 89 и Арх. Упр. Имп. ох., д. No 7/1745).

В феврале месяце по распоряжению Егермейстерской конторы художнику-академику Зичи

было выдано 600 руб. "за представленные Его Величеству три рисунка с изображением некоторых эпизодов охот, произведенных в Высочайшем присутствии" (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 7/1745).

Марта 3. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию С.-Петербурго-Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отбыл на охоту в село Преображенское, куда и прибыл 55 минут 11-го часа и изволил кушать чай и ужин в 19-и персонах" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 28, 1618, № 175).

Марта 4. Среда. Преображенское. "Поутру, в 9 часов, Его Величество с приглашенными особами изволил отсутствовать из села Преображенского на охоту и имел фрыштык в поле в 19-и персонах. По возвращении в село Преображенское, в 6 часов, Его Величество с означенными особами изволил кушать за обеденным столом и в 8 часов отсутствовал по железной дороге в С.-Петербург, куда и прибыл 10 минут 12-го часа" (там же).

Охота эта, устроенная на медведей, обложенных близ деревни Полей, обошлась 767 р. 20 к. Взято на ней было два медведя (там же, оп. 4/1003, № 89).

Марта 9. Понедельник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию С.-Петербурго-Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами в город Лугу на охоту, куда и прибыл 1/2 12-го часа и изволил кушать чай и имел фрыштык (? ужин) в 17-и персонах".

Марта 10. Вторник. Луга. "В 1/2 10-го часа утра Его Величество изволил иметь выезд из Луги на охоту и с приглашенными особами имел фрыштык в 15-и персонах.

"В 3 часа Его Величество изволил возвратиться с

охоты и с означенными особами кушал за обеденным столом.

"20 минут 8-го часа Его Величество изволил отсутствовать по железной дороге в С.-Петербург, куда и прибыл в 11 часов" (там же).

Охота эта производилась на медведя, обложенного близ деревни Сапцы, и стоила 905 руб. 51 коп. (там же, оп. 4/1003, No 89 и Арх. Упр. Имп. ох., д. No 7/1745).

17 марта. Вторник. С.-Петербург. "Его Величество 29 минут 9-го часа (вечера) отсутствовал на станцию Николаевской железной дороги и по оной с приглашенными особами изволил отбыть на охоту и, по прибытии, от станции Тосны Его Величество с Великим Князем Михаилом Николаевичем и сопровождавшими особами, пересев в экипажи, проезжал в дом помещика князя Голицына.

"18-го числа, поутру, в 10 часов, Его Величество с приглашенными особами изволил отсутствовать на охоту в окрестности имения. По возвращении с охоты в 12 часов, имели фрыштык и после одного вторично выезд на охоту; возвратились в 4 часа.

"За обеденным столом Его Величество кушал в 18-и персонах.

"В 6 часов Его Величество с прочими особами из дома помещика князя Голицына изволил отбыть к станции Тосна и от оной на паровозе в С.-Петербург. 55 минут 9-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 175).

Охота происходила у деревни Марьино. На ней было убито два медведя, и стоила она 521 р. 11 3/4 к. (там же, оп. 4/1003, No 89).

В марте месяце крестьянину деревни Ящеры Савелию Васильеву, возившему обыкновенно государя

императора на лошадях на места охоты, был высочайше пожалован "нарядный 2-го разряда кафтан" (там же, оп. 4/1003, No 81).

Судя по расходным записям Егермейстерской конторы, в зимний сезон 1858 и 1859 годов государь император застрелил немалое количество зверей. Так, в апреле месяце было уплачено 96 рублей за выделку трех ковров из медвежьих шкур и двух шкур лосей, застреленных его величеством, а в июне – 88 р. 75 к. за выделку ковров из шкур трех медведей, также убитых государем (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 7/1745).

Апреля 20. Понедельник. С.-Петербург. "1/2 12-го часа ночи Его Величество с Шталмейстером Толстым изволил отсутствовать на охоту в Осиновую Рощу, в имение графини Левашевой. Приглашались Генерал-Адъютанты Зиновьев и барон Ливен. В 1/2 6-го утра Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 175).

Апреля 28. Вторник. Царское Село. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд изволил иметь к Императрице Матушке на посещение и от Ее Величества в 10 часов с Шталмейстером Толстым, в экипаже, изволил отсутствовать на охоту в Лисино, где изволил иметь чай, ужин и ночлег.

"На охоту приглашались Генерал-Адъютанты барон Ливен и Зиновьев.

"Его Величество с охоты изволил возвратиться в Царское Село 29 числа в 6 часов утра" (там же).

Охота эта производилась на глухарей (там же, оп. 4/1003, No 89).

26 августа Придворная охота по высочайшему повелению была вытребована в Царское Село, с предложением расположиться в этом пункте "как обыкновенно" (там же, оп. 4/1003, No 91).

Октября 23. Пятница. Гатчина. "20 минут 2-го часа Его Величество с Их Высочествами Великими Князьями Константином Николаевичем, Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем изволили иметь выезд на охоту; возвратились 40 минут 4-го часа" (там же, оп. 2 8/1618, No 175).

Октября 27-го. Вторник. Гатчино. "20 минут 2-го часа Его Величество с Великим Князем Николаем Николаевичем имел выезд в парк на охоту. Возвратился с Герцогом Меклембург-Стрелецким 5 минут 4-го часа" (там же).

Октября 28-го. Среда. Гатчина. "1/2 2-го часа Их Высочества Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, а 35 минут 2-го часа Его Величество с Великим Князем Константином Николаевичем изволили иметь выезд на охоту в Пудости; возвратился 15 минут 5-го часа" (там же).

Октября 30-го. Пятница. Гатчино. "1/2 2-го часа Его Величество с Их Высочествами Великими Князьями, Герцогом Меклембург-Стрелецким и некоторыми особами имел выезд на охоту в зверинец; возвратился 10 минут 5-го часа" (там же).

Ноября 1-го. Воскресенье. Гатчина. "После фрыштыка Его Величество с Государем Цесаревичем и Великими Князьями выезд иметь изволил в зверинец на охоту; возвратился 20 минут 4-го часа" (там же).

Из числа указанных выше высочайших охот три были устроены в Гатчинском ремизе, с привлечением к каждой из них в качестве загонщиков по 500 человек нижних чинов Стрелкового Императорской фамилии баталиона и 116 человек служителей Придворной охоты. Все эти люди получили награды: стрелки по 75 коп. и охотники по 1 р. на человека. На охотах этих было убито 8 волков, 15 лисиц и 258 зайцев (там же,

оп. 4/1003, No 91).

13 ноября. Пятница. Царское Село. "25 минут 8-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать в Колпино, на станцию Николаевской железной дороги, и от оной, на экстренном поезде, с Их Высочествами Великими Князьями и приглашенными особами, прибывшими из С.-Петербурга, проезжал в Лисино, куда и изволил прибыть 10 минут 11-го часа. По приезде кушал чай и изволил ужинать в 15 персонах" (там же, оп. 2 8/1618, No 175).

14 ноября. Суббота. Лисино. "В 9 1/4 часов утра Его Величество с Их Высочествами и приглашенными особами выезд имел на охоту, и в зверинце имели фрыштык; с охоты возвратился 25 минут 4-го часа, и кушали за обеденным столом, к которому был приглашен директор Лесного училища.

"20 минут 6-го часа Его Величество отсутствовал на станцию Тосно железной дороги и по оной на станцию Колпино, а оттуда в экипаже в Царское Село и изволил прибыть 40 минут 9-го часа" (там же).

Декабря 1-го. Вторник. Царское Село. "10 минут 10-го часа (утра) имел приезд к Его Величеству Великий Князь Николай Николаевич и 15 минут 10-го часа Его Величество с Его Высочеством изволил отсутствовать в Новое Лисино, в имение камергера Вонлярлярского, на охоту, куда и прибыл 1/4 12-го часа и кушал чай.

"1/2 12-го часа Его Величество с Их Высочествами и приглашенными особами имел выезд на охоту; возвратился 20 минут 3-го часа.

"39 минут 6-го часа Его Величество изволил отсутствовать в Царское Село, куда и прибыл 5 минут 8-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 175).

Охота эта была произведена на лосей и стоила 391

р. 59 к. (там же, оп. 4/1003, № 89).

9 декабря. Среда. С.-Петербург. "5 минут 10-го часа Его Величество изволил отсутствовать на станцию Царскосельской железной дороги и по оной до Павловска на охоту в имение Лярского (Вонлярлярского) в Малое Лисино с приглашенными особами, собравшимися на станцию Царскосельской железной дороги.

"По прибытии в имение господина Лярского, Его Величество с приглашенными особами изволил иметь фрыштык и после отправился на охоту.

"По возвращении с охоты со всеми приглашенными особами, в числе 20 персон, Его Величество изволил кушать за обеденным столом.

"После обеденного стола Его Величество со всеми приглашенными особами изволил отсутствовать в Павловск к станции железной дороги и по оной в С.-Петербург. По прибытии изволил проезжать в Александровский театр" (там же, оп. 2 8/1618, № 175).

Охота эта была произведена на лосей и стоила 368 руб. 7 коп. (там же, оп. 4/1003, № 89).

15 декабря. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 8-го часа вечера Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги, где были собравшись особы, приглашенные ехать с Его Величеством на охоту в Ящеры.

"По прибытии на станцию Ящеры, Его Величество со всеми особами изволил кушать за вечерним столом".

16 декабря. Среда. Ящеры. "В 8 часов утра Его Величество с приглашенными особами изволил выехать на охоту в поле, где с приглашенными особами имел фрыштык.

"По возвращении с охоты на станцию Ящеры в 5 часов, Его Величество изволил кушать за обеденным

столом со всеми приглашенными особами и вскоре после обеденного стола изволил отсутствовать со станции Ящеры в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 50 минут 10-го часа вечера" (там же, оп. 2 8/1618, No 17 5).

Охота эта была произведена близ деревни Веристи на медведя и лосей и стоила 842 р. 87 1/2 к. (там же, оп. 4/1003, No 89).

30 декабря. Среда. С.-Петербург. "Из театра (Большого) Его Величество изволил отбыть на Николаевскую железную дорогу и по оной с приглашенными особами отсутствовал в Лисино на охоту.

"По прибытии в Лисинский дворец, Его Величество с прочими приглашенными особами изволил кушать за вечерним столом в 16-и персонах.

"Поутру 31-го числа, в 9 часов, Его Величество с Их Высочествами и прочими особами имел выезд на охоту в дачу Кожина, и в лесу оной фрыштыкали. По возвращении с охоты в Лисино изволили кушать за обеденным столом и в 6 часов вечера отсутствовали на станцию Тосна Николаевской железной дороги и по оной в С.-Петербург в 9 часов вечера" (там же, оп. 2 8/1618, No 175).

1860 год. На 9-е января была назначена высочайшая охота на медведя близ Нового Лисина – имения камергера Вонлярлярского, но не состоялась, причем отмена охоты была, надо полагать, объявлена, когда все распоряжения были уже сделаны, так как по этой охоте произведен расход в 163 р. (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 89).

12 января. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной с

приглашенными особами изволил отсутствовать на охоту в Ящеры".

13 января. Среда. С.-Петербург. "10 минут 10-го часа (вечера) Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же, оп. 2 8/1618, No 176).

Охота эта была произведена близ деревни Веристи, и стоила она 515 р. 48 1/4 к., а именно: 900 кричан на 3 круга – 256 р. 50 к., проделка дорог – 57 р. 80 к., подводы под охоту – 169 р. 8 1/2 к.; проезды служителей охоты по железной дороге – 2 р. 10 к. и обкладчикам медведя – 30 р. Все это расходы, так сказать, предварительные. На самой охоте, кроме того, издержано: за 182 подводы под свиту – 364 р., за 30 подвод для чиновников и служителей охоты – 73 р., билеты на железной дороге (надо полагать, некоторым служителям) – 4 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3, 1860 года).

Января 19. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 8-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отбыл на станцию Преображенскую на охоту.

"По прибытии к означенной станции в 12-м часу, Его Величество с Их Высочествами Великими Князьями и прочими особами изволил проезжать в мызу действительного статского советника Анненкова, где имел чай, ужин и ночлег".

Января 20. Среда. Преображенская. "В 9 часов Его Величество с приглашенными особами выезд имел на охоту, и в поле имели фрыштык.

"По возвращении с охоты в 8 часов вечера, изволили кушать за обеденным столом и послѣ оногo, в 10 часов, отсутствовали к станции Преображенской и, на паровозе, в С.-Петербург. Его Величество изволил

возвратиться с охоты в 1-м часу ночи" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

По бумагам Егермейстерской конторы, охота эта была произведена на медведя и лосей близ села Красные Горы. Убиты были: медведь и лось. На ней произведены следующие расходы: 850 кричан – 242 руб. 25 коп.; проделка дороги к месту охоты – 80 руб. 50 коп.; расходы на железной дороге – 10 руб. 76 коп.; подводы – 499 руб. 63 коп.; "за медведя и годовика" – 35 руб.; "шлагы, скоропалительные свечи, факелы и фитили" – 59 руб. 80 $\frac{3}{4}$ коп. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Января 30. Суббота. С.-Петербург. "В 10 часов утра Его Величество изволил отсутствовать в имение Чоглокова на охоту, куда приглашались: Великий Князь Константин Николаевич, Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Михаил Николаевич, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант граф Адлерберг 2-й, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Генерал-Адъютант князь Воронцов, Шталмейстер Толстой, Егермейстер граф Ферзен, Генерал-Лейтенант Герздорф, Генерал-Маиор граф Ламберт, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн, Флигель-Адъютант Слепцов.

"По прибытии $\frac{1}{4}$ 12-го часа в имение Чоглокова, Его Величество с прочими особами имел фрыштык и после оного отсутствовал на охоту.

"По возвращении с охоты 40 минут 4-го часа, Его Величество с прочими особами кушал за обеденным столом и после оного изволил отбыть в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец $\frac{1}{2}$ 9-го часа вечера" (там же).

Охота эта производилась на лосей, обложенных близ деревни Жерновки; и стоила она 573 р. 88 1/2 к., а именно 575 человекам кричан – 163 р. 87 1/2 к., расходы по железной дороге – 16 р. 49 к.5 "за лосей" – 38 р.5 за подводы – 302 р. 70 к.; за проделку дороги к месту охоты – 27 р. 82 к.; "дано старосте господина Чоглокова – Воронцову, возившему Его Величество на охоту" – 25 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 3 – 1860 года).

Февраля 2-го. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество выход имел к Генерал-Фельдмаршалу князю Барятинскому, отправляющемуся на следующий день на Кавказ; от Его Сиятельства 1/2 9-го часа имел выезд на Варшавскую железную дорогу и по оной отсутствовал с приглашенными особами в Гатчину и прибыл в Гатчинский дворец 10 минут 12-го часа, изволил кушать чай и ужин в Знаменной комнате".

Февраля 3. Среда. Гатчина. "В 10 часов утра Его Величество с Великим Князем Михаилом Николаевичем и приглашенными особами изволил отсутствовать на охоту в Рождествено, имение Данаурова, отстоящее от Гатчины в 30 верстах. Приглашались находящиеся в Гатчине Генерал-Маиор барон Штакельберг и Флигель-Адъютант граф Левашов. Фрыштык Его Величество изволил иметь на заводе купца Чикина.

"По возвращении с охоты в 4 1/2 часа, Его Величество с Его Высочеством и бывшими на охоте особами и вторым комендантом Генерал-Маиором Моллером кушал за обеденным столом во дворце в 17-и персонах.

"20 минут 8-го часа Его Величество отсутствовал на станцию Варшавской железной дороги и по оной в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец в 9 часов"

(Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

Охота эта была произведена на медведя, обложенного у деревни Далищ и стоила 287 р. 36 к., а именно: 210 человекам кричан – 59 р. 85 к.; "за медведя" – 33 р.; за проведение дороги – 13 р.; за подводы и почтовых лошадей – 151 р. 51 к.; за шлагы, фитили, скоропалительные свечи – 30 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

В охоту эту была убита медведица (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 89).

На 6-е февраля была назначена охота на лосей близ Нового Лисина, но не состоялась; все же на устройство охоты было издержано 394 р. 69 коп., причем собранным кричанам, в коих надобности не оказалось, было выдано по 28 1/2 коп. на человека (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

Февраля 22. Понедельник. С.-Петербург. "55 минут 8-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и с собравшимися приглашенными особами изволил отсутствовать на охоту.

"По прибытии на станцию Спасское Полесье, Его Величество с Его Высочеством Великим Князем Михаилом Николаевичем и прочими особами изволил иметь ужин и ночлег".

Февраля 23. Вторник. Спасское Полесье. "После фрыштыка Государь Император изволил отсутствовать с Великим Князем Михаилом Николаевичем и некоторыми особами во 2-й округ для осмотра войск и в Уланском штабе имел обед. После одного отсутствовал в 4-й округ, и в Аракчеевском кадетском корпусе имели ужин и ночлег.

"Прочие особы оставались в Спасском Полесье для охоты и имели обед, чай и ночлег" (там же).

Февраля 24. Среда. Новгород. "Поутру Его Величество с Великим Князем Михаилом Николаевичем и особами изволил отсутствовать на охоту. В деревне Любчи имели фрыштык. По возвращении с охоты на станцию Спасское Полесье кушали за обеденным столом.

"После обеденного стола Его Величество с Его Высочеством изволили отбыть на станцию Чудово и от оной, по железной дороге, в 8 часов вечера изволили отсутствовать в С.-Петербург. 20 минут 12-го часа Государь Император изволил возвратиться с охоты" (там же).

Охоты 23 и 24 февраля были произведены на медведей, обложенных у деревень Мостки и Малое Замошье. Стоили охоты 888 р. 4 к., а именно: "за медведей" – 65 р., 648 кричанам – 184 р. 68 к., за подводы – 508 р. 50 к., расходы охоты по железной дороге и почтовые – 21 р. 3 к., проведение дорог – 63 р. 80 к., шлаги и скоропалительные свечи – 45 р. 3 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Февраля 27. Суббота. С.-Петербург. "В 10 часов утра Государь Император имел выезд на станцию Царскосельской железной дороги и с собравшимися приглашенными особами изволил отсутствовать, на паровозе до Павловска и потом в экипаже, на охоту в Малое Лисино, в имение господина Вонлярлярского, где имел фрыштык и обед.

"55 минут 11-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

Охота эта была произведена на лосей и стоила 477 р. 45 1/2 к., а именно: 711 кричанам – 202 р. 65 1/2 к., "за лосей" – 26 р., за проведение дорог – 27 р. 50 к., за подводы – 199 р. 85 к., железная дорога – 21 р. 35 к.

(Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Марта 1-го. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 8-го часа вечера Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной изволил отсутствовать с приглашенными особами на охоту в Большое Лисино, куда прибыть изволил в 11 часов.

"По прибытии Его Величество имел ужин с приглашенными особами".

Марта 2. Среда. Большое Лисино. "В 11-м часу утра Его Величество с Великим Князем Михаилом Николаевичем и всеми приглашенными особами имел выезд на охоту в поле, где в продолжение охоты имел фрыштык со всеми особами.

"По возвращении с охоты в 1/2 5-го часа изволил кушать за обеденным столом с всеми приглашенными особами.

"Приглашались также на охоту и кушали за обеденным столом: Товарищ Министра Государственных Имуществ Зеленый и директор дачи Лисино полковник Черторижский.

"1/4 8-го часа Его Величество изволил отсутствовать из Лисино со всеми особами на станцию железной дороги и по оной в С.-Петербург прибыть изволил в Зимний дворец 20 минут 10-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

В эту охоту было, между прочим, убито "две подводы оленей" (там же, оп. 4/1003, No 89).

8 марта. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 8-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги, куда также собрались и приглашенные особы ехать с Его Величеством на охоту.

"Его Величество, по прибытии на станцию, тотчас с приглашенными особами отсутствовал, по железной

дороге, на станцию Преображенскую, и от оной проезжали в имение статского советника Анненского, и, по прибытии, через несколько времени изволил ужинать со всеми особами" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

9 марта. Среда. Преображенская. "Поутру, в 9-м часу Его Величество со всеми приглашенными особами изволил выехать на охоту и во время дороги изволил фрыштыкать.

"С охоты Его Величество изволил возвратиться к 7-и часам на станцию Преображенскую и кушал за обеденным столом со всеми особами, участвовавшими на охоте, к которому приглашался и помещик Анненский. Вскоре после обеда Его Величество и все приглашенные особы отсутствовали, по железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество прибыть во дворец изволил 20 минут 10-го часа" (там же).

По делам Егермейстерской конторы, 9 марта состоялось две высочайших охоты на медведя: одна близ станции Преображенской, а другая близ станции Плюсы. На обеих охотах было убито по медведю (там же, оп. 4/1003, No 89). Охота эта обошлась 777 р. 78 к., а именно: "за медведей" – 30 р., проведение дороги – 47 р. 40 к., железная дорога – 56 р. 57 к., 550 кричанам – 156 р. 75 к., подводы – 413 р. 50 к., шлаги, скоропалительные свечи, фитили – 73 р. 76 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

15 марта. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 8-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отсутствовал на станцию Преображенскую, а от оной проезжал в село Преображенское, на мызу статского советника Анненского, где изволил иметь ужин с приглашенными

особами" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

16 марта. Среда. Преображенское "В 8 часов утра Его Величество изволил с мызы Анненского отсутствовать на станцию Преображенскую и, по железной дороге, проезжал к станции Белой, где на мызе изволил фрыштыкать с приглашенными особами и проезжал на охоту в поле.

"10 минут 8-го часа вечера Его Величество изволил возвратиться с охоты на станцию Белую и, по железной дороге, отсутствовал в Петербурге. Во время дороги, в вагоне, со всеми особами, приглашенными на охоту, изволил кушать за обеденным столом. Прибыл в Зимний дворец 40 минут 2-го часа ночи" (там же).

На охоте 16 марта было убито 5 медведей (там же, оп. 4/1003, No 89), и стоила эта охота 827 р. 33 к., а именно: 648 кричанам – 184 р. 68 к., проведение дороги – 39 р., "за медведицу с медвежатами" – 35 р., "за двух медведей" – 60 р., железная дорога – 51 р. 65 к., подводы – 457 р. 20 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

В охотничий зимний сезон 185 9/1860 годов государь император убил, между прочим, очень значительных размеров медведя, из которого повелел сделать чучело. Чучело это его величество подарил великому князю Сергею Александровичу. Кроме того, из числа убитых в это же время медведей государем императором велено было выделать шкуры и изготовить ковры из четырех экземпляров. Один ковер был подарен великому герцогу Саксен-Веймарнскому, а остальные три ковра были доставлены в Зимний дворец. Наблюдение за исправностью чучел и хранение их от моли возлагалось на хранителя зоологического музея Императорской Академии наук Вознесенского (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 5 – 1860 г.).

В эту зиму государь император остался чрезвычайно доволен деятельностью Придворной охоты, и чины последней получили различные награды: унтер-егермейстер Иванов и управляющий Придворными охотами Ратаев получили, вне правил, первый – Станислава 2-й степени, а второй – Анну 3-й степени; государев стремянной получил золотые часы, а 98 служителей охоты – по 1 рублю. Не забыт был и главный начальник охоты: егермейстер граф Ферзен был награжден орденом Белого Орла (там же, д. No 10 – 1860 г.).

В марте же месяце государь император поручил академику Швабе написать картину: "Охота на волков". Во время работы к последнему было отправлено двое служителей Придворной охоты в соответственной форме, с четыремя породистыми собаками (там же, д. No 15 – 1860 г.).

Следует, между прочим, заметить, что указанные выше расходы по производству высочайших охот не заключают в себе издержек по проезду Его Величества и свиты по железным дорогам. С последними расходами высочайшие охоты обошлись в зимний охотничий сезон 1859/ 1860 годов в 15.071 р. 56 к. (там же, д. No 3 – 1860 года).

14-го апреля. Четверг. С.-Петербург. "3/4 11-го часа (вечера) Его Величество с Шталмейстером Толстым изволил отсутствовать в имение графини Левашовой, на охоту в Осиновую Рощу, куда также приглашались Генерал-Адъютант барон Ливен и Генерал-Маиор граф Ламберт.

"Его Величество изволил прибыть в означенное имение 10 минут 1-го часа и кушал за вечерним столом с приглашенными особами.

"В 1/2 2-го часа утра имели выезд на охоту;

возвратились в 4 часа и кушали чай. После чего Его Величество с Шталмейстером Толстым отсутствовал в С.-Петербурге и прибыл в Зимний дворец 3/4 6-го часа утра" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

25 апреля. Понедельник. Царское Село. "В 10 часов (вечера) Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым изволил в загородном экипаже отсутствовать в Лисино, куда и прибыл 1/4 1-го часа и имел ужин в 6-и персонах с следующими особами: Обер-Гофмейстер Толстой, Генерал-Адъютант барон Ливен, Егермейстер граф Ферзен, Генерал-Маиор Невировский, полковник Черторижский. Кроме сих особ, на охоту приглашались Генерал-Маиоры граф Ламберт и Зеленый, но по болезни не были.

"1/2 2-го часа ночи Его Величество с вышеписанными особами изволил иметь выезд на охоту; возвратился с оной в 3 часа, изволил кушать чай и после оного 12 4 часа утра отсутствовал в Царское Село, куда и прибыть изволил 25 минут 7-го часа" (там же).

7 июля министр Императорского Двора писал егермейстеру графу Ферзену:

"Государю Императору угодно пожаловать приличный подарок за представленную Его Императорскому Величеству на одной из Высочайших охот ("кажется, в Лисине") большую черную собаку.

"Вследствие сего покорнейше прошу Ваше Сиятельство уведомить меня, кем была представлена Его Величеству означенная собака, и в какую цену, по мнению Вашему, следует ему назначить подарок".

Граф Ферзен ответил на это, что сказанная собака была поднесена его величеству в Лисино одним из служащих в Учебном лесничестве, неким штабс-капитаном Гауэншильдом, и что, по его мнению,

названному офицеру можно было бы назначить подарок ценностью примерно в 300 рублей.

Гауэншилед получил брильянтовый перстень (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 22 – 1860 г.).

3 августа. Среда. Петергоф. "1/4 5-го часа (дня) Его Величество с Великими Князьями Александром и Владимиром Александровичами изволил отсутствовать в Гатчино; 55 минут 6-го часа вечера Его Величество с Августейшими детьми Великими Князьями Александром и Владимиром Александровичами изволил прибыть во дворец (Гатчинский).

"10 минут 7-го часа Его Величество, на верховой лошади, в сопровождении некоторых особ свиты, а Их Высочества, в экипаже, выезд имели на поле, что противу дворца, и присутствовали при травле зверей; возвратились 10 минут 9-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

По бумагам Егермейстерской конторы, охота 3-го августа была произведена в Гатчинском ремизе. Для нее было собрано 375 человек кричан, коим было уплачено по 30 коп. на человека (Арх. Упр. Имп. ох., дело No 3 – 1860 г.).

Заметим тут же, что в следующем году Президент Академии наук граф Блудов выражал Ферзену "признательность Академии за обогащение ее музея" шкурами и скелетами разных животных, убитых 6 и 7 октября (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 31 – 1862 г.).

На время зимних охот наступающего зимнего охотничьего сезона 1860/1861 годов было приказано состоять всегда при особе Его Величества егерю Шелагину (там же, д. No 1 – 1860 г.).

26 ноября. Царское Село. Суббота. "На предполагаемую сего числа охоту в Царскую Славянку, в деревню Вяхтелево, Его Величество ездить не

изволит, а приглашенные особы, быв на охоте, имели фрыштык в поле и возвратились к обеду.

"На охоту приглашались: Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Михаил Николаевич, Герцог Меклембург-Стрелецкий, Принц Петр Георгиевич Ольденбургский, Принц Прусский, Принц Баденский, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов, Обер-Гофмейстер Толстой, Флигель-Адъютант князь Голицын, Адъютант Принца Прусского Моссо" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

Охота эта обошлась 379 р. 53 к., а именно: 350 кричанам – 99 р. 75 к., за подводы – 179 р. 93 к., "за медведя" – 30 р., расходы на железной дороге – 45 р. 35 к., проведение дороги – 24 р. 50 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

13 декабря. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 9-го часа вечера Его Величество имел выезд на станцию Николаевской железной дороги и по оной с собравшимися приглашенными на охоту особами изволил отсутствовать в Лисино.

"По прибытии в Лисино 1/2 11-го часа изволил кушать чай и потом ужин в 16-и персонах" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

14 декабря. Среда. Большое Лисино. "В 10 часов утра Его Величество с прочими особами изволил отсутствовать на охоту и фрыштыкать в лесу. Возвратились в 1/2 4-го часа и кушали за обеденным столом в 16-и персонах.

"1/2 7-го часа вечера Его Величество с прочими особами изволил отсутствовать на станцию железной дороги и по оной в С.-Петербург. Его Величество прибыл в Зимний дворец 35 минут 9-го часа вечера" (там же).

Была назначена высочайшая охота также на 21 декабря, но не состоялась. Все же на предварительное устройство этой охоты было издержано 336 р. 86 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

28 декабря. Среда. С.-Петербург. "15 минут 9-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной с собравшимися приглашенными на охоту особами изволил отсутствовать в Ящеры.

"По прибытии на станцию Ящеры, имели чай и ужин.

"Поутру 29-го числа Его Величество с прочими особами, после чая и фрыштыка, изволил иметь выезд на охоту и по возвращении в 4 часа кушал за обеденным столом в 12 персонах.

"В половину 7-го часа вечера Его Величество с прочими особами изволил отсутствовать на станцию железной дороги и по оной в С.-Петербург. 50 минут 9-го часа вечера Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 176).

Охота эта, произведенная на медведя, обошлась в 457 р. 96 к., а именно: 400 кричанам – 114 р., "за медведя" – 30 р., проведение дороги – 42 р. 25 к., железная дорога – 25 р. 98 к., за подводы – 245 р. 75 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

1861-й год. Января 3. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 8-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать из Зимнего дворца на станцию Николаевской железной дороги и по оной с приглашенными особами на станцию Малой Вишеры. По прибытии 1/2 12-го часа, изволил иметь ужин с 14-ю персонами" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

Января 4. Среда. Малая Вишера. "В 9 часов утра

Его Величество с приглашенными особами отсутствовал на Торбинскую станцию, откуда в лес на расстояние 5-и верст; после охоты, по железной дороге – от Торбинской на Мало-Вишерскую станцию. По прибытии 1/2 1-го часа, изволил иметь фрыштык, а в 3 часа обед с теми же особами и в 5 часов, по железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург; 20 минут 9-го часа Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Охота у станции Торбино обошлась в 737 р. 52 1/2 к., а именно: 500 кричанам – 142 р. 50 к., за медведей – 75 р., проведение дороги – 39 р. 72 1/2 к., железная дорога – 24 р. 80 к., подводы – 370 р. 50 к., шлаги и фитили – 85 р. Кроме того, по счету фельдъегеря за проезд Его Величества было уплачено еще 273 р. 80 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

4-го января государь император застрелил "медведя меньше средней величины, пухляка, шерсть густая, без оси" (там же, д. No 26 – 1862 г.).

Января 10. Вторник. С.-Петербург. "10 минут 9-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Николаевской железной дороги и по оной на станцию Тосненскую, откуда, в экипаже, в Большое Лисино. По прибытии имел чай и ужин с приглашенными особами" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

11 января. Среда. Большое Лисино. "1/2 10-го часа Его Величество имел выезд на охоту. По возвращении на станцию кушал за обеденным столом и после оного изволил отсутствовать по железной дороге в С.-Петербург. 5 минут 10-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

Января 17. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 9-го часа (вечера) Его Величество изволил отбыть на станцию Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отсутствовал в Ящеры (там

же).

"По прибытии на станцию Дивенскую, Государь Император и прочие особы, в экипажах, проезжали на почтовую станцию Ящеры, где имели чай и ужин.

"На другой день, 18-го числа, после фрыштыка, в 1-м часу, изволили отсутствовать на охоту и, по возвращении на станцию Ящеры, кушали за обеденным столом. В 7 часов вечера Его Величество и прочие особы отсутствовали на Варшавскую железную дорогу и по оной в С.-Петербург. 15 минут 10-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

Охота 18 января была произведена на медведя и лосей и стоила 1009 р. 31 к., а именно: 960 кричанам – 273 р. 60 к., за медведя 30 р., "за лосей и караул их" – 55 р., проведение дороги – 34 р. 75 к., железная дорога – 37 р. 51 к., подводы – 478 р. 45 к., награда государеву стремянному – 25 р. и служителям Придворной охоты – 75 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

На охоте этой его величество застрелил "медведицу средней величины, темнобурую, шерсть ровная" (там же, д. No 26 – 1862 г.).

Января 24. Вторник. С.-Петербург. "1/2 9-го часа (вечера) Его Величество отсутствовал на станцию Варшавской железной дороги и на экстренном паровозе с приглашенными на охоту особами изволил отбыть на станцию Преображенскую. От оной станции Государь Император и прочие особы, в экипажах, проезжали на мызу господина Анненского, где имели чай, ужин и ночлег.

"На другой день поутру, 1/2 9-го часа, после чаю, Государь Император с Великим Князем Михаилом Николаевичем и приглашенными особами изволил

отсутствовать на охоту. В лесу имели фрыштык. По возвращении на мызу, в 8 часов вечера кушали за обеденным столом. В 9 часов вечера Его Величество с Его Высочеством и всеми особами изволил отсутствовать, по железной дороге, в С.-Петербург, 1/2 1-го часа ночи Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

Охота 25 января была произведена на медведей, обложенных в окрестностях деревни Красные Горы. Стоила она 993 р. 46 к., а именно: 640 кричанам – 182 р. 40 к., за двух медведей – 60 р., проведение дороги – 68 р., железная дорога – 35 р. 36 к., подводы – 647 р. 70 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

На охоте этой его величество застрелил "медведя средней величины, голова и передняя часть светлобурая, шерсть густая, но местами потерта" (там же, д. No 26 – 1862 г.).

На охотах 18 и 25 января, кроме вышеприведенных издержек, было уплачено по счету фельдъегеря за проезды его величества 992 р. 65 к. (там же, д. No 3 – 1860 г.).

Января 31. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 9-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и с собравшимися приглашенными особами изволил отсутствовать на станцию Преображенскую. От станции Преображенской Его Величество с прочими особами, в санях, изволил приезжать на мызу господина Анненского, где имел чай, ужин и ночлег" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

1 февраля. Среда. Преображенское. "Поутру, после чаю, Его Величество 3/4 10-го часа с приглашенными особами изволил от станции Преображенской, по железной дороге, отсутствовать в город Лугу. По

прибытии от станции, в экипажах, проезжал на охоту и имел фрыштык в лесу в 16-и персонах.

"По окончании охоты, Его Величество с приглашенными особами изволил отсутствовать обратно на станцию Преображенскую и кушал за обеденным столом в 16-и персонах. В 6 часов Его Величество от станции Преображенской изволил отсутствовать в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец в 1/2 10-го часа" (там же).

Эта охота была произведена у деревни Лескова, на медведя и диких коз, причем Его Величество застрелил "большого медведя, шерсть на шкуре ровная, густая, цвета темнобурого". Стоила охота 866 р. 40 к., а именно: 541 человеку кричан – 154 р. 18 1/2 к., за медведя и козу – 40 р., проведение дороги – 56 р. 50 к., подводы – 476 р., расходы по железной дороге – 34 р. 30 к., 100 штук шлаг, фитили, палительные свечи и бенгальский огонь – 105 р. 41 1/2 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г. и д. No 26 – 1862 г.).

В конце января месяца консул Великого герцогства Баденского обратился к егермейстеру графу Ферзену с официальной нотою от Министерства иностранных дел герцогства, в которой была изложена просьба подарить музею Фрейбургского университета скелеты одного или нескольких зубров, убитых в высочайшем присутствии в Беловеже. Консулу К. Фелейзену было препровождено два скелета (там же, д. No 1 – 1860 г.).

7 февраля. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 9-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Николаевской железной дороги и по оной с приглашенными особами отсутствовал на охоту в Большое Лисино.

"Его Величество с приглашенными особами изволил иметь ужин".

8 февраля. Среда. Большое Лисино. "Поутру, в 9 часов, Его Величество, после чая, с приглашенными особами отсутствовать изволил на охоту и фрыштыкал в лесу в 16-и персонах.

"По окончании охоты, Его Величество изволил отсутствовать в Большое Лисино и кушал за обеденным столом в 16-и же персонах.

"В 6 часов Его Величество изволил отсутствовать на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными, на охоту особами, в С.-Петербург, куда и прибыл 40 минут 10-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

13 февраля. Понедельник. Новгород. "После обеденного стола Его Величество, 50 минут 4-го часа, с Генерал-Адъютантом графом Барановым и Генерал-Маиором графом Ламбертом, изволил отсутствовать, в экипаже, до станции Спасской Полести; прибыл 20 минут 6-го часа, где встречен был приглашенными в Спасскую же Полесь на охоту: Герцогом Меклембург-Стрелецким, Генерал-Адъютантами: князьм Суворовым, бароном Ливеном, Огаревым, князем Паскевичем, Обер-Гофмейстером Толстым, Флигель-Адъютантом Слепцовым, Генерал-Лейтенантом Герздорфом и Егермейстером графом Ферзенем, и с вышеписанными особами в 8 часов изволил кушать чай и в 12 часов ужин.

"Приглашенные на охоту особы отсутствовали и 3 числа по Николаевской железной дороге в Спасскую Полесь, где и ожидали прибытия Его Величества из Новгородского 2-го округа" (там же).

14 февраля. Вторник. Спасская Полесь. "В 9 часов утра, после чая, Его Величество с приглашенными на охоту особами от станции Спасской Полести изволил

отсутствовать на охоту и 3/4 12-го часа имел фрыштык в лесу в 12-и персонах. По окончании охоты, Его Величество изволил прибыть на станцию Спасской Полести и кушал за обеденным столом с вышеписанными особами в 5 часов. После сего Его Величество изволил отсутствовать от станции Спасской Полести, в экипаже, до станции Чудово и от оной, по Николаевской железной дороге, в С.-Петербург, куда и прибыл 10 минут 11-го часа" (там же).

Охота 14-го февраля была произведена близ деревни Мостки, на медведя, лосей и рысей. Стоила она 1018 р. 22 1/2 к., а именно: 893-м кричанам – 254 р. 50 1/2 к., за лосей – 30 р., за медведицу – 30 р., за две рыси – 67 р., проведение дороги – 150 р. 40 к., расходы по железной дороге – 74 р. 37 к., подводы – 215 р. 85 к., 200 штук шлаг, факелы, фитили и бенгальский огонь – 196 р. 10 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

23 февраля. Четверг. С.-Петербург. "45 минут 10-го часа утра Его Величество с Принцем Виртембергским изволил отсутствовать в Колтуши на охоту. По прибытии 3/4 11-го часа, изволил пить кофе и тотчас с приглашенными особами отсутствовал в лес на охоту.

"Во время охоты, в поле, Его Величество изволил иметь фрыштык с особами.

"Его Величество с охоты изволил прибыть с Принцем Виртембергским в 1/2 8-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

Охота эта была произведена на лосей близ деревни Жерновки, причем государя императора ждали на нее в течение трех дней. Обстоятельство это усматривается из следующего счета расходам по охоте 23 февраля: 507 кричанам, по 57 коп. за три дня – 288 р. 99 к., 300 кричанам, по 28 1/2 к. – 84 р., за два круга лосей – 65

р., проведение дороги – 96 р. 50 к., подводы – 483 р. 50 к., награды: Государеву стремянному – 25 р., служителям Придворной охоты – 75 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 3 – 1860 г.).

28 февраля. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 12-го часа утра Его Величество с Принцем Виртембергским изволил отсутствовать на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Большое Лисино, оттуда в Торбино, утром 1 марта и в этот день возвратился с охоты вечером".

1 марта. Среда. Большое Лисино. "В 8 часов утра Его Величество с Их Высочествами и приглашенными особами на охоту из Лисинского дворца отсутствовал на Тосненскую станцию Николаевской железной дороги и по оной проезжали на Торбинскую станцию. На пути имели чай и кофе. От означенной станции, в санях, проезжали в лес на охоту в расстоянии 30 верст от станции и имели фрыштык.

"В 8 часов вечера возвратились на Торбинскую станцию, и по железной дороге, отбыли в Петербург, на пути сем в вагоне имели обед. Его Величество прибыл в Зимний дворец 20 минут 2-го часа ночи" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, № 178).

Охота эта была произведена на медведей, обложенных в окрестностях деревни Суток. Стоила она 1353 р. 57 к., а именно: 750 кричанам – 213 р. 75 к., за двух медведей – 100 р., проведение дороги – 47 р. 95 к., расходы по железной дороге – 38 р. 57 к., подводы – 827 р. 30 к., шлаги, фитили и факелы – 126 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 3 – 1860 г.).

По бумагам Егермейстерской конторы следующая высочайшая охота была произведена 9 марта у деревни Лелюжи и стоила 377 р. 48 к. (180 кричанам – 53 р. 50

к., за медведя – 35 р., проведение дороги – 15 р. 50 к., расходы по железной дороге – 5 р. 68 к., подводы – 268 р.). Кроме того, упоминается еще и об охоте 8 марта у деревни Яблониц, обошедшейся 502 р. 72 к. (200 кричанам – 57 р., за двух медведей – 60 р., проведение дороги – 17 р. 75 к., расходы по железной дороге – 54 р. 97 к., подводы – 313 р.) (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.). Однако по сведениям, имеющимся в Камер-фурьерских журналах, на обеих из этих охот государь император не присутствовал и даже вовсе не выезжал 8 и 9 марта из С.-Петербурга. Вернее всего, что охоты эти были назначены его величеством и приготовлены Придворною охотою, но отменены неожиданно, почему и не представилось возможности избежать расходов.

14-го марта. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 9-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными на охоту особами, отбыл на станцию Преображенскую, и от оной проезжали в мызу Анненского, в 8 верстах от станции".

15 марта. Среда. Преображенское. "Поутру, 40 минут 11-го часа Его Величество с прочими особами, после фрыштыка, выезд имел на охоту; возвратились к 2-м часам. В 4 часа Его Величество кушал за обеденным столом в 14 персонах; 3/4 6-го часа отсутствовали в Преображенское и, по железной дороге, в Петербург.

"Его Величество прибыл в Зимний дворец в 9 часов" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

Охота эта, произведенная на медведя и диких коз, обошлась в 557 р. 4 1/2 к., а именно: 175 кричанам – 49 р. 87 1/2 к., за медведя – 30 р., за дикого козла – 15 р., подводы – 338 р. 22 к., проведение дороги – 78 р. 80 к.,

расходы по железной дороге – 45 р. 15 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 3 – 1860 г.).

Кроме указанных выше расходов, за проезды на охоты государя императора было уплачено по счету фельдъегеря с 1 февраля по 15 марта 2302 р. 79 1/2 к. (там же).

Следует за сим заметить, что в конце зимнего охотничьего сезона 1860/ 1861 годов Егермейстерскою конторою было уплачено еще и за тех из обложенных зверей, кои были приняты в Придворную охоту, но на коих охот в высочайшем присутствии произведено не было. Расходы последнего характера были следующие: за медведицу с двумя медвежатами близ деревни Дубовика – 50 р., за медведя у деревни Зглины – 30 р., за медведя у деревни Захонье – 30 р., за медведя близ станции Николаевской железной дороги Бологое – 30 р., за медведя близ деревни Липовки – 30 р., за медведя у деревни Сабцов – 30 р., за медведя у станции Варшавской железной дороги Белой – 25 р., за лосей у станции Николаевской железной дороги Померанье – 20 р. К этому надо прибавить расходы, произведенные служителями Придворной охоты, кои окарауливали помянутых зверей, в сумме 299 р. 54 к. (там же).

В том же марте месяце государем императором высочайше разрешено командировать за границу одного из егерей Придворной охоты для отвоза, по желанию принца Баденского и за его счет, живых медвежат, которых его высочество посылал герцогу Саксен-Кобург-Готскому (там же, д. № 6 – 1861 г.).

В конце марта же месяца государь император повелел изготовить у моделей памятника, сооруженного в Беловежской пуще по случаю охот 6 и 7 октября 1860 г., для поднесения их в подарок: 5-и экземпляров иностранным принцам и по одному

экземпляру егермейстеру графу Ферзену и товарищу министра государственных имуществ Зеленому (там же, д. No 15 – 1860 г.).

25 апреля. Вторник (3-й день св. Пасхи). С.-Петербург. "40 минут 12-го часа (ночи) Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым изволил отсутствовать в Земледельческое училище, по Выборгскому тракту, на 11-й версте. По прибытии 20 минут 1-го часа иметь (sic) ужин с приглашенными особами в 7-и персонах: Обер-Гофмейстер Толстой, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Егермейстер граф Ферезн, Камергер граф Стенбок, князь Трубецкой (директор Земледельческого училища).

"1/2 2-го часа Его Величество с особами выезд изволил иметь на охоту за тетеревами. Возвратился в начале 5-го часа, изволил кушать чай и после оногo 3/4 5-го часа отсутствовал. Прибыл в Зимний дворец 20 минут 6-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

27-го апреля. Четверг. С.-Петербург. "20 минут 12-го часа Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым изволил отсутствовать в имение графов Левашовых, "в Осиновую Рощу". По прибытии с приглашенными особами изволил кушать за вечерним столом в 6-и персонах: Обер-Гофмейстер Толстой, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Егермейстер граф Ферзен, Адъютант Великого Князя Михаила Николаевича граф Левашов.

"5 минут 2-го часа Его Величество с приглашенными особами изволил выезд иметь на охоту. Возвратился 1/2 4-го часа, кушал чай и 3/4 5-го часа отсутствовал. Прибыл в Зимний дворец 3/4 6-го часа утра" (там же).

4 мая. Четверг. Царское Село. "1/2 10-го часа Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым изволил отсутствовать на охоту в Лисино, куда также приглашались Генерал-Адъютанты барон Ливен и Огарев. По прибытии в Лисино Его Величество изволил кушать чай и ужинать (из Царского Села посылался в Лисино чай и ужин).

"Во 2-м часу пополудни Его Величество изволил отсутствовать на охоту. По возвращении в Лисино, кушал чай и после одного отсутствовал в Царское Село" (там же).

Проезды его величества на эти три охоты обошлись по счету фельдъегеря в 659 р. 28 1/2 к. Самые же охоты стоили недорого: охота 25-го апреля – 85 р. 60 к., 27-го апреля – 6 р. 25 к. и 4-го мая – 9 р. 65 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

10-го ноября. Пятница. Царское Село. "10 минут 9-го часа (вечера) Его Величество изволил с Обер-Гофмейстером Толстым отсутствовать на Колпинскую станцию Московской железной дороги и по оной в Большое Лисино на охоту. По прибытии 40 минут 1-го часа изволил кушать чай. В час Его Величество изволил кушать за вечерним столом с приглашенными особами в 14-и персонах".

11-го ноября. Суббота. Большое Лисино. "В 9 часов утра Его Величество с приглашенными особами изволил выезд иметь в лес на охоту и во время оной со всеми особами имел фрыштык в лесу в 12 часов; возвратился 20 минут 4-го часа.

"В 5 часов, за обеденным столом, со всеми приглашенными особами, Его Величество изволил кушать в 14-и персонах.

"1/2 8-го часа вечера Его Величество, со всеми приглашенными особами, из Большого Лисина изволил

проезжать на станцию железной дороги, отсутствовал в Колпино, оттуда, в сопровождении Обер-Гофмейстера Толстого, возвратился в Большой Царскосельский дворец 1/4 10-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

14-го ноября. Вторник. Царское Село. "50 минут 11-го часа (вечера) Его Величество изволил иметь выезд на станцию Гатчинской железной дороги и по оной с приглашенными особами изволил отсутствовать в Гатчино. По прибытии в Гатчинский дворец в своих апартаментах имел ужин с приглашенными особами" (там же).

15-го ноября. Среда. Гатчино. "В 12 часов (фрыштык для всех особ подавался до охоты) Его Величество со всеми приглашенными особами изволил отсутствовать в зверинец на охоту.

"По окончании охоты в 4 часа, Его Величество со всеми особами изволил возвратиться во дворец, и кушали за обеденным столом за приготовленными столами в Арсенале.

"3/4 7-го часа Его Величество с Их Высочествами, в сопровождении особ свиты, бывших на охоте, изволил, по железной дороге, отсутствовать в Царское Село, куда и прибыл с Великими Князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем 35 минут 8-го часа вечера" (там же).

На охоте этой были произведены следующие расходы: 500 человекам нижних чинов Стрелкового Императорской фамилии баталиона, наряженных на охоту в качестве кричан, было выдано 150 р.; на проделку дороги в зверинце, на очистку дорог последнего от снега, на расходы охотников-служителей по проездам по железной дороге и проч. было затрачено 198 р. 50 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 –

1860 г.).

21 ноября. Вторник. Царское Село. "В 9 часов Его Величество изволил иметь выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной отсутствовал на охоту в Ящеры. По прибытии на станцию Ящеры, кушал чай и за вечерним столом, с приглашенными особами" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

22 ноября. Среда. Ящеры. "Поутру, после фрыштыка, в 12 часов, Его Величество со всеми приглашенными особами выезд имел на охоту в лес. По возвращении с оной в 4-м часу, с приглашенными особами изволил кушать за обеденным столом и в 6-м часу отсутствовал от станции Ящеры в Царское Село, куда прибыл 20 минут 8-го часа" (там же).

Охота эта была произведена на медведя и обошлась в 415 р. 54 к., а именно: 480 кричанам – 136 р. 80 к., за медведя – 30 р., проведение дороги и устройство через реку мостков – 23 р. 54 к., подводы – 222 р. 20 к., караул медведя – 3 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

28 ноября. Вторник. С.-Петербург. "5 минут 10-го часа Его Величество изволил отсутствовать на Царскосельскую железную дорогу и по оной с приглашенными на охоту особами отбыл в Царское Село. По прибытии во дворец, со всеми особами кушал чай и потом, на половине Великого Князя Алексея Александровича, изволил иметь ужин" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

29 ноября. Среда. Царское Село. "1/2 10-го часа утра Его Величество, с приглашенными особами, изволил выезд иметь на охоту в имение камергера Вонлярлярского и фрыштыкать в поле.

"По возвращении с охоты в 5 часов, с Его Величеством, на половине Великого Князя Алексея

Александровича, кушали за обеденным столом все бывшие на охоте особы. Его Величество из Царского Села отбыл, по железной дороге, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 50 минут 10-го часа" (там же).

Охота эта была произведена на лосей, в окрестностях Малого Лисина, в 12 верстах от Царского Села. Эти 12 верст государь и свита проехали на заготовленных для того накануне экипажах конюшенного ведомства, а далее, на осоке, следовали в одиночных нанятых санях. Охота обошлась 484 р. 90 к., а именно: за лосей – 25 р., 637 кричанам – 191 р. 10 к., проведение дороги – 19 р. 80 к., подводы – 157 р. 50 к., расходы служителей охоты по железной дороге – 6 р. 72 к., шлаги, фитили, скоропалительные свечи – 84 р. 78 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Кроме указанных выше расходов, в течение ноября месяца было уплачено 1509 р. 6 1/2 к. за проезды на охоты его величества, по счету фельдъегеря, а также 124 р. 10 к., выражавшие собою расходы служителей Придворной охоты при их поездках для отыскивания зверей (там же).

К ноябрю месяцу относится известие, что приглашения к участию в высочайших охотах рассылались на особых карточках с виньеткой, хромоолитографированной с одного из рисунков охотничьего характера кисти Зичи (там же, д. No 24 – 1860 г.).

1 декабря была назначена высочайшая охота в окрестностях Царской Славянки, но отменена (расход 41 р. 15 к.) (там же, д. No 3 – 1860 г.). В этот день государь император присутствовал при освящении вновь выстроенного дворца великого князя Николая Николаевича (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No

178).

12 декабря. Вторник. С.-Петербург. "3/4 8-го часа (вечера) Его Величество имел выезд в Михайловский театр, оттуда в имение помещика Чоглокова, в Колтуши.

"По прибытии 1/4 11-го часа, Его Величество с приглашенными особами кушал чай, а 3/4 1-го часа имел ужин" (там же).

13 декабря. Среда. Колтуши. "В 10 часов Его Величество со всеми приглашенными особами имел выезд на охоту и кушал в лесу за фрыштыком.

"По возвращении с охоты 1/2 6-го часа, кушал за обеденным столом. 3/4 7-го часа Его Величество отбыл в Зимний дворец" (там же).

Охота эта была устроена на лосей, обложенных близ деревни Жерновки, и стоила 846 р. 3 к., а именно: 749 кричанам – 224 р. 70 к., 130 человекам в кругу – 65 р., за лосей в двух кругах – 65 р., проведение дороги – 28 р. 80 к., расходы по железной дороге – 3 р. 97 к., подводы – 306 р. 30 к., шлаги, фитили и свечи – 47 р. 26 к.; награда государеву стремянному и служителям Придворной охоты – 105 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

18 декабря. Понедельник. С.-Петербург. "В 9 часов вечера Его Величество изволил отсутствовать на Царскосельскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами на охоту, изволил отсутствовать в Царское Село.

"По прибытии в Большой Царскосельский дворец, Его Величество с приглашенными особами имел чай и ужин в комнатах Великого Князя Алексея Александровича.

"19-го числа, после чая, поутру, в 11-м часу, Его Величество с Их Высочествами и всеми особами

изволил отсутствовать на охоту в имение Федоровское, принадлежащее Великому Князю Константину Николаевичу, и в поле имели фрыштык. Возвратились в Царское Село 3/4 4-го часа. В 5 часов изволил кушать за обеденным столом, в комнатах Великого Князя Алексея Александровича, и после одного отсутствовал в С.-Петербург, по желкзной дороге. Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец 40 минут 8-го часа вечера" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 178).

Охота эта была произведена на лосей и стоила 365 р. 85 к., а именно: 376 кричанам – 112 р. 80 к., 72 человекам в кругу – 36 р., за лосей – 30 р., расходы по железной дороге – 12 р. 40 к., подводы – 174 р. 65 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

9 января. Вторник. С.-Петербург. "Охота (заранее назначенная на этот день) отменена по случаю большого мороза. Вечернее собрание и ужин у Его Величества, к которому приглашались все назначенные особы на охоту" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

16 января. Вторник. С.-Петербург. "В 6 часов (вечера) Его Величество отсутствовал на Николаевскую железную дорогу и по оной с Их Высочествами и приглашенными особами в Бологово, куда и прибыли 1/2 3-го часа ночи (по случаю повреждения в кухонном вагоне колеса поезд опоздал), и от станции проезжал с Их Высочествами к помещику князю Путятину, где имел ужин и ночлег, прочие же особы оставались на станции и имели также ужин и ночлег".

17 января. Среда. Бологое. "Поутру, в 9 часов, Его Величество с приглашенными особами изволил кушать чай и в 1/2 10-го часа выезд имел в лес на охоту. Возвратился в час и имел фрыштык. После сего вторично отбыли на охоту. Возвратились 55 м. 5-го

часа на станцию Бологово, где изволил кушать чай и потом, по железной дороге, отбыл в С.-Петербург.

"На пути, 1/4 7-го часа, Его Величество с бывшими на охоте особами изволил в вагоне кушать за обеденным столом, и имели чай.

"Его Величество прибыл в Зимний дворец 5 минут 1-го часа ночи" (там же).

Охота у станции Бологое 17 января обошлась 1453 р. 96 к., а именно: 1049 кричанам – 311 р. 70 к., 50 человекам в кругу – 25 р., за проведение дорог к номерам в трех кругах – 89 р. 50 к., расходы чинов охоты на железной дороге – 128 р. 70 к., подводы – 591 р. 80 к., за медведя – 15 р., за лосей – 10 р., за оленей – 20 р., шлаги, фитили, скоропалительные свечи и проезд 4-х лаборатористов – 157 р. 26 к., награда государеву стремянному и служителям Придворной охоты – 105 р. Кроме того, экстренные поезда для проезда на охоту его величества и свиты стоили в эту охоту 740 р. 33 1/2 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

17 января государь император, между прочим, застрелил: "большую медведицу, шерсть длинная, густая, темносерая, с белыми пятнами у предплечья" (там же, д. No 26 – 1862 г.).

В охоте этой принимало участие 2 офицера и 54 служителя Придворной охоты, при которых имелось 5 собак (там же, д. No 3 – 1860 г.).

23 января. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов вечера Его Величество имел выезд на Николаевскую железную дорогу и с собравшимися до сего приглашенными на охоту особами проезжал по оной до станции Тосно, а оттуда, в санях, в Большое Лисино.

"По прибытии, с сими же особами и Генерал-Лейтенантом Зеленым изволил иметь чай и в час ужин в 19-и персонах.

"На охоту приглашались следующие особы: Великий Князь Константин Николаевич, Великий Князь Николай Николаевич (не был), Великий Князь Михаил Николаевич, Герцог Меклембург-Стрелецкий, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновьев (не был), Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й, Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Генерал-Адъютант граф Ламберт 2-й, Генерал-Маиор князь Барятинский 2-й, Генерал-Маиор Слепцов, Обер-Гофмейстер Толстой, Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер фон Герздорф, в должности Егермейстера граф Толстой, Прусский Флигель-Адъютант Лоэн, Адъютант Герцога Меклембург-Стрелецкого Жори".

24 января. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество и все особы изволили кушать чай и после сего выезд имели на охоту. Фрыштык был в лесу.

"15 минут 6-го часа Его Величество возвратился с охоты и кушал за обеденным столом со всеми особами и Генерал-Лейтенантом Зеленым в 19-и персонах. 1/2 8-го часа вечера отсутствовал на железную дорогу и по оной в С.-Петербург. Его Величество, по возвращении с охоты, прямо со станции Николаевской железной дороги, присутствовали при представлении (Большой театр), возвратились 1/2 11-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

30 января. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с собравшимися к 9-и часам приглашенными на охоту особами, проезжал в город Гатчино. По прибытии во дворец, изволил кушать чай и после того имел ужин в 15-и персонах, к которому были приглашены господа

командиры: Генерал-Маиор барон Штакельберг и Флигель-Адъютант Чертков".

31 января. Среда. Гатчина. "Поутру, в 10 часов, после чая, Его Величество с особами выезд имел на охоту за 40 верст от города Гатчино. Фрыштык изволил иметь в лесу. Возвратился в Гатчинский дворец в 7-м часу и кушал за обеденным столом в 15-и персонах.

"Кроме особ, бывших на охоте, приглашались к обеду Генерал-Маиор барон Штакельберг и Флигель-Адъютант Чертков.

"После обеденного стола Его Величество со всеми особами отсутствовал на станцию железной дороги и по оной проезжал в С.-Петербург.

"30 минут 8-го часа вечера Ее Величество с фрейлиною баронессою Фридерикс 1-ю выезд имела в Михайловский театр, куда также прибыл Его Величество, по возвращении с охоты, прямо со станции железной дороги" (там же).

Охота 31 января была произведена недалеко от станции Варшавской железной дороги Сиверской и стоила 853 р. 63 3/4 к., а именно: 522 кричанам – 156 р. 60 к., 82-м человекам в кругу – 41 р., за двух медведей – 95 р., за проведение дороги на 2 круга – 33 р. 50 к., за подводы – 452 р. 50 к., расходы служителей охоты на железной дороге – 9 р. 45 к., шлаги, фитили, скоропалительные свечи и расходы по проезду четырех лаборатористов – 65 р. 58 3/4 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

В эту охоту государь император застрелил: "медведя больше средней величины, шерсть светлобурая, густая, передняя часть желтая" (там же, д. No 26 – 1862 г.).

6 февраля. Вторник. С.-Петербург. "10 минут 10-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Царскосельской железной дороги и по оной, с

приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Царское Село. По прибытии в Большой дворец кушали чай и имели ужин.

"Испанский посол Герцог д'Оссуна приглашался на охоту в самый день оной, то есть 7-го числа и прибыл поутру" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

7 февраля. Среда. Царское Село. "В 10 часов утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, в экипажах, отсутствовал к станции Саблино и от оной в лес на охоту, где имели фрыштык. По окончании охоты возвратились в Царское Село и кушали за обеденным столом.

"Его Величество, по прибытии из Царского Села, проезжал в Большой театр и возвратился во дворец 35 минут 1-го часа. 15 минут 1-го часа пополудни Его Величество выезд имел на бал к княгине Кочубей, рожденной Бибиковой. Возвратился 10 минут 3-го часа" (там же).

Охота 7 февраля у Саблино стоила 998 р. 21 к., а именно: 551-му кричанину – 165 р. 30 к., 94 человекам в кругу – 47 р., за два медведя – 60 р., за проведение дороги на 2 круга – 29 р. 52 к., расходы по проезду служителей охоты по железной дороге – 19 р. 85 к., за подводы – 398 р. 10 к., награды государеву стремянному и служителям Придворной охоты – 151 р., шлаги, фитили, скоропалительные свечи, проезд 4-х лаборатористов – 127 р. 44 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Кроме указанных выше расходов, на высочайших охотах 30 января и 7 февраля было издержано на переезды Его Величества и на розыски медведей – 1841 р. 15 1/2 к. (там же).

27 февраля. Вторник. С.-Петербург. "1/2 9-го часа вечера Его Величество изволил выезд иметь на

Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал на станию Ящеры.

"По прибытии на означенную станцию 3/4 12-го часа, изволил кушать чай и ужин в 18-и персонах".

28 февраля. Среда. Ящеры. "Поутру, в 9 часов, после чая, Его Величество со всеми особами изволил отбыть, по железной дороге, до станции Белой, и от оной станции проезжали в лес на охоту, где имели фрыштык. Возвратились на станцию Белую 1/2 6-го часа и в 6 часов, по железной дороге, отсутствовали в С.-Петербург. На пути имели обед в вагонах.

"20 минут 12-го часа вечера Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Охота 28 февраля стоила 822 р. 37 к., а именно: 250-и кричанам – 75 р., за двух медведей – 60 р., за проведение дороги на два круга – 36 р. 50 к., расходы служителей охоты по железной дороге – 47 р. 76 к., за подводы – 465 р. 70 к., шлаги, скоропалительные свечи, фитили и путевые расходы 4-х лаборатористов – 137 р. 41 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Марта 6-го. Вторник. С.-Петербург. "35 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и с собравшимися туда к 9 часам особами, приглашенными ехать с Его Величеством на охоту, отсутствовал по оной до станции Преображенской. По прибытии изволил кушать чай и имел с означенными особами вечерний стол".

Марта 7-го. Среда. Преображенская. "Поутру Его Величество со всеми приглашенными особами выезд имел на охоту, где имел фрыштык. На возвратном пути, от станции Белой до Преображенской, изволил

кушать за обеденным столом во время поезда. От станции Преображенской следовали в С.-Петербург и на пути кушали чай в вагонах.

"Его Величество прибыл в Зимний дворец 50 минут 12-го часа вечера" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Охота 7 марта у станции Белой стоила 700 р. 3 31 к., а именно: 185 кричанам – 55 р. 50 к., за трех медведей – 85 р., за проведение дороге – 52 р., расходы служителей охоты по железной дороге – 17 р. 93 к., за подводы – 464 р., путевые расходы 4-х лаборатористов – 25 р. 60 34 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Переезды его величества на охоты 28 февраля и 7 марта, кроме того, стоили 745 р. 16 к. (там же).

Марта 13-го. С.-Петербург. Вторник. "25 минут 10-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Николаевской железной дороги и, с собравшимися туда к 9 часам приглашенными особами, отсутствовал по оной до станции Саблино, а оттуда в имение графа Алексея Константиновича Толстого. По прибытии изволил кушать чай и имел ужин".

Марта 14-го. Среда. Саблино. "Поутру, после кофе, Его Величество со всеми приглашенными особами выезд имел на охоту. По возвращении имел фрыштык. В 1/2 5-го часа Его Величество и особы, бывшие на охоте, кушали за обеденным столом и 35 минут 7-го часа отсутствовали в Саблино и оттуда, по железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество прибыл в Зимний дворец 3/4 8-го часа вечера" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Охота 14 марта была произведена у села Никольского (смежного с "Пустынкой" – имением знаменитого поэта А. К. Толстого) и стоила 394 р. 79 к.,

а именно: 150-и кричанам – 45 р., за медведя – 30 р., за проведение дороги – 14 р. 50 к., расходы служителей охоты по железной дороге – 9 р. 16 к., подводы – 217 р., шлаги, скоропалительные свечи и проч. – 79 р. 13 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Марта 20-го. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 10-го часа (вечера) Их Величества выезд имели к Великой Княгине Марии Николаевне и присутствовали у Ее Высочества при концерте. Его Величество от Ее Высочества изволил проезжать на Варшавскую железную дорогу и по оной с приглашенными особами отсутствовал в Гатчино. От станции железной дороги в Гатчине проезжал во дворец и прибыл в оный 10, минут 2-го часа, и имели ужин с приглашенными особами".

Марта 21. Среда. Гатчино. "В 6 часов утра Его Величество с приглашенными особами изволил иметь выезд на охоту, где имел фрыштык. Кроме вышеозначенных особ, приглашались на охоту проживающие в Гатчине Командир Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка Генерал-Маиор барон Штакельберг и командир стрелкового Императорской Фамилии баталиона Флигель-Адъютант Чертков.

"По возвращении с охоты в 6-м часу вечера Его Величество изволил кушать за обеденным столом во дворце в 19-и персонах. По окончании обеденного стола, 1/2 9-го часа, Его Величество отсутствовал на станцию железной дороги и по оной в С.-Петербург. Прибыл в Зимний дворец 1/4 10-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Охота 21 марта была произведена на медведя, обложенного в окрестностях деревни Дамищ, и стоила 611 руб., а именно: 367 кричанам – 110 руб. 10 коп., за

медведя – 30 руб., проведение дороги – 39 руб., расходы служителей охоты по железной дороге – 8 руб. 90 коп., за подводы – 423 руб. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

Кроме указанных выше расходов, на охотах 14 и 21 марта "уплачено за оставшихся медведей и лосей" – 332 р., за окарауливание их – 119 р. 76 к. и за экстренные поезда для высочайших проездов на охоты – 775 р. 86 к. (там же).

Следует заметить, что указанные выше оставшиеся медведи и лоси – это были звери, которые, будучи обложены, были переданы в течение охотничьего зимнего сезона 1861, 1862 годов в ведение Придворной охоты, но на которых устроить охот не успели своевременно.

27 марта. Вторник. С.-Петербург. "От 10-и часов вечернее собрание и ужин у Его Величества в новых комнатах запасной половины, к которому приглашались особы, бывающие с его Величеством на охоте" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Одна из высочайших охот конца зимнего сезона была устроена на землях, принадлежавших помещику генерал-майору Сухопарову. Этот генерал дал под экипажи его величества и великих князей собственных лошадей, за что ему была объявлена письменно высочайшая благодарность (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 32 – 1862 г.).

В конце зимы были доставлены в Зимний дворец: в кабинет государя императора – 3 медвежьих ковра и в кабинет императрицы – 2 ковра, один медвежий и один черного волка. Кроме того, тогда же было выделано еще 6 медвежьих ковров, в том числе один из "самых больших медведей". Все эти звери были убиты его величеством на охотах последнего сезона (там же, д. No

26 – 1862 г.).

29 марта министр Императорского Двора прислал егермейстеру графу Ферзену брильянтовую брошь с крупной жемчужиной для передачи, по воле государя императора, супруге князя Арсения Александровича Путятина "в знак благодарности за гостеприимство, полученное в доме князя, во время производившихся в окрестностях принадлежащего ему имения (у станции Николаевской железной дороги "Бологое") охот". По отсылке подарка по назначению князь Путятин, между прочим, отвечал графу Ферзену: "Я тогда только буду считать в высшей степени себя счастливым, когда и на будущее время при приездах для охот в бологовские пределы Его Императорскому Величеству угодно будет на все время охот Его избрать для помещения дом мой как собственно принадлежащий Его Величеству" (там же, д. No 10 – 1862 г.).

4 апреля герцог Меклембург-Стрелецкий выслал егермейстеру графу Ферзену 295 р. 36 к. "в возврат израсходованных чинами и служителями Императорских охот по случаю бывшей в окрестностях Ораниенбаума охоты Его Высочества" (там же, д. No 3 – 1860 г.).

Апреля 12-го. Четверг. С.-Петербург. "35 минут 12-го часа (ночи) Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым выезд имел в Земледельческое училище на охоту, куда также приглашены были Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Егермейстер граф Ферзен. Его Величество, по прибытии, с означенными особами изволил кушать за вечерним столом и в три часа пополуночи выезд имел на охоту".

Апреля 13-го. Пятница. С.-Петербург. "35 минут 6-го часа утра Его Величество изволил возвратиться в

Зимний дворец" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

На охоте этой, обошедшейся 71 р. 15 к., было, между прочим, выдано, по высочайшему повелению: 25 р. – вольному егерю и 10 р. – проводнику в лесу (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

18 апреля. Среда. С.-Петербург. "40 минут 11-го часа (вечера) Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым изволил отсутствовать в имение графа Левашова, куда также были приглашены Генерал-Адъютанты: Зиновьев, барон Ливен и граф Ламберт. По прибытии в означенное имение, Его Величество изволил кушать чай и ужин в 7-и персонах; 3/4 2-го часа пополуночи изволил отсутствовать на охоту с приглашенными особами в Осиновую Рощу. Возвратился в имение в 5 часов и кушал чай.

"Его Величество в Зимний дворец возвратился в 7 часов утра" (а в 10 часов утра же принимал уже с докладами военного министра, главноуправляющего путями сообщения, министра Императорского двора и других лиц) (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Охота эта обошлась в 272 р. 99 к., в том числе награды: старшему егерю – 25 р. и караульщикам в лесу – 8 р. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 г.).

24 апреля. Вторник. С.-Петербург. "5 минут 10-го часа вечера Его Величество изволил выезд иметь на станцию Николаевской железной дороги и по оной с приглашенными особами, собравшимися заблаговременно, отсутствовал на охоту в Большое Лисино.

"В 11 часов, по прибытии в Лисинский дворец, Его Величество с приглашенными особами кушал чай и за вечерним столом. В час ночи имел выезд на охоту;

возвратился в 4 часа".

25 апреля. Среда. Большое Лисино. "В 11 часов (утра) Его Величество со всеми приглашенными особами изволил иметь фрыштык. В 1/2 2-го часа изволил иметь выезд на охоту. Возвратился в 1/2 4-го часа. В 4 часа со всеми гостями изволил кушать чай и за обеденным столом и после оногo имел выезд на охоту. Возвратился в 9 часов и изволил кушать чай. После сего, в 11 часов вечера, изволил из Лисина отсутствовать со всеми гостями в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец в 12 часов ночи" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Охота 25 апреля обошлась в 361 р. 96 1/2 к., да за экстренный поезд для его величества было уплачено 199 р. 95 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

Сентября 3. Понедельник. Царское Село. "50 минут 12-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и на экстренном поезде, с приглашенными особами на охоту, отбыл в Гатчино. По прибытии во дворец имели чай и ужин".

Сентября 4. Вторник. Гатчино. "Поутру, после чая, отсутствовали на охоту. По возвращении во дворец в час имели фрыштык в роде обеда и после фрыштыка отбыли в Царское Село" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Охота 4 сентября была произведена близ деревни Вайволово, и к ее устройству было привлечено 400 кричан, коим выдали по 28 1/2 к. вознаграждения каждому (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

Октября 7. Воскресенье. Гатчина. "1/2 2-го часа Его Величество, с Государем Цесаревичем, Великими Князьями Николаем Николаевичем, Александром Александровичем и Николаем Константиновичем, с

приглашенными особами, изволил выезд иметь на охоту за Пиорад.

"По окончании охоты, Его Величество изволил возвратиться во дворец в 4 часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

На охоте 7 октября у Гатчины участвовало 400 человек кричан из окрестных крестьян, коим было уплачено по 28 1/2 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

Октября 8. Понедельник. Гатчина. "5 минут 3-го часа Его Величество, с Великим Князем Николаем Николаевичем и приглашенными особами, выезд имел на охоту. Возвратился 55 минут 3-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Октября 9. Вторник. Гатчина. "1/2 2-го часа Его Величество имел выезд на охоту. Возвратился 1/2 5-го часа. Его Величеству в сие время представлялся прибывший из-за границы Обер-Гофмейстер Мейндорф" (там же).

Октября 10. Среда. Гатчина. "3/4 2-го часа Его Величество, с Великими Князьями Николаем Николаевичем, Михаилом Николаевичем и приглашенными особами, выезд имел на охоту. Возвратился 1/2 4-го часа" (там же).

На охоте 10 октября, произведенной у Гатчины, участвовало в качестве загонщиков 200 нижних чинов Кирасирского Ее Величества полка и 200 стрелков батальона Императорской фамилии, причем каждому нижнему чину было выдано вознаграждение по 28 1/2 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

Октября 11. Четверг. Гатчина. "5 минут 2-го часа Его Величество, с Великим Князем Михаилом Николаевичем и приглашенными особами, имел выезд на охоту. Возвратился 35 минут 5-го часа" (Общ. Арх.

М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Охота 11 октября была произведена у Гатчины при участии в ней 320 кричан из окрестных крестьян, получивших по 28 1/2 к. на каждого (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

Октября 12. Пятница. Гатчина. "20 минут 3-го часа Его Величество выезд имел на охоту. Возвратился 35 минут 3-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Октября 13. Суббота. Гатчина. "1/2 2-го часа Его Величество выезд имел на охоту с приглашенными особами. Возвратился 35 минут 4-го часа" (там же).

На охоте 13 октября участвовали в качестве кричан 200 кирасир полка ее величества и 200 стрелков баталиона Императорской фамилии, получивших по 28 1/2 к. (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

Октября 14. Воскресенье. Гатчина. "1/2 2-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел на охоту. Возвратился 40 минут 4-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Октября 15. Понедельник. Гатчина. "20 минут 12-го часа Его Величество выезд имел на охоту, куда, в шарабанах, для обозрения охоты имели выезд Их Высочества Великие Княгини, фрейлины и некоторые из дам. Возвратились 10 минут 3-го часа" (там же).

На охоте этой, надо полагать, псовой, участвовало 200 кирасир полка Ее Величества (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

По поводу этой охоты обер-егермейстер граф Ферзен подал министру Императорского Двора следующую записку:

"На последней, бывшей в Высочайшем присутствии в Гатчине, охоте Управляющий Императорскими охотами титулярный советник Ратаев имел счастье

подвести Государю Императору волкодава из весьма редкой ныне породы собак. Его Величество удостоил Управляющего принятием этой собаки и изволил пожаловать жене господина Ратаева подарок". По этой записке обер-егермейстеру была выслана для выдачи по принадлежности брильянтовая брошь (там же, д. No 27 – 1862 года).

Октября 16. Вторник. Царское Село. "К 6-и часам (вечера) приглашались в Царское Село ехать на охоту с Его Величеством особы и собирались у Большой Церкви, откуда, в экипажах, и отбыли в Лисино.

"1/2 9-го часа Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым отсутствовал в Лисино на охоту и прибыл в Учебное Лисинское училище 43 минуты 11-го часа. По прибытии кушал за вечерним столом с следующими приглашенными особами: Великий Князь Николай Николаевич ("приглашался, но не изволил быть"), Великий Князь Михаил Николаевич, Обер-Гофмейстер Толстой, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант граф Ламберт 2-й, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Герздорф, Генерал-Лейтенант Зеленый, Генерал-Майор князь Барятинский 2-й, Прусский Флигель-Адъютант Лозн, полковник Черторижский (директор училища)".

Октября 17. Среда. Большое Лисино. "1/2 10-го часа утра Его Величество изволил кушать кофе и к 11 часам имел выезд, с Его Высочеством и приглашенными особами, на охоту в зверинец. 3/4 2-го часа, на охоте, Его Величество, с Великим Князем Михаилом Николаевичем и приглашенными особами, имел фрыштык; после оногo охота продолжалась. В 5 1/2 часов Его Величество в Лисинском училище кушал за обеденным столом в 13-и персoнах и в 6 часов изволил

отсутствовать в Царское Село, куда и прибыл 3/4 9 часа с Обер-Гофмейстером Толстым, в экипаже" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 179).

Осенними охотами этого года государь император остался весьма доволен, причем повелел, между прочим, выдать 119 человекам служителей Придворной охоты награду в размере 2-х рублей сер. на человека (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года).

Декабря 28. Пятница. С.-Петербург. "В 9 часов вечера Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами на охоту, изволил отсутствовать на станцию Померанье.

"По прибытии на станцию Померанье, Его Величество с прочими особами изволил кушать за вечерним столом".

Декабря 29. Суббота. Померанье. "Поутру, после чая, Его Величество с прочими особами выезд имел в лес на охоту, где и был фрыштык. По возвращении с охоты на станцию в 5 часов кушали за обеденным столом и в 7 часов отсутствовали, по железной дороге, в С.-Петербург.

"15 минут 9-го часа Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 180).

1863 год. 8 января. Вторник. С.-Петербург. "3/4 9-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Николаевской железной дороги и по оной с приглашенными особами, собравшимися до сего, отсутствовал в Лисино.

"По прибытии в Лисино Его Величество с приглашенными особами имел ужин" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 181).

9 января. Среда. Большое Лисино. "В 10-м часу,

после чая, Его Величество выезд имел с приглашенными особами на охоту. Фрыштык на месте охоты. По возвращении в Лисинское училище в 5 часов кушал за обеденным столом в 12-и персонах, к которому приглашен был и директор училища полковник Лавровский. После обеденного стола, через несколько времени, Его Величество изволил отсутствовать на железную дорогу и по оной в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец в 9 часов" (там же).

В начале того же января месяца приказом по Придворной охоте назначен для постоянного нахождения при особе его величества во время охот егерский ученик Александр Сухопаров вместо егеря Василия Шелагина (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1863 года).

15 января, во вторник, на ужин к его величеству в Зимнем дворце были приглашены все лица, сопутствующие обыкновенно государю императору на охоты (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 181).

22 января. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Царскосельской железной дороги и по оной, с приглашенными особами на охоту, изволил отбыть в Царское Село. По прибытии в Большой Царскосельский дворец изволил кушать чай, и в час имели ужин".

23 января. Среда. Царское Село. "Поутру, в 9 часов, после чая, Его Величество и все прочие особы выезд имели на охоту за 20 верст от деревни Федоровской. В 12 часов имели фрыштык в лесу и по возвращении в Большой Царскосельский дворец изволили кушать за обеденным столом. В 6 часов Его Величество с прочими особами изволил отсутствовать, по железной

дороге, в С.-Петербурге и прибыл в Зимний дворец 55 минут 7-го часа" (там же).

28 января. Понедельник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и, с собравшимися приглашенными на охоту особами, изволил отсутствовать в Большое Лисино, куда и прибыли в 11 часов. По прибытии в Лисино кушали чай и в 1/2 2-го часа имели ужин".

29 января. Вторник. Большое Лисино. "Поутру, после чая, Его Величество с приглашенными особами изволил иметь выезд на охоту. Возвратились в Лисино в 1/2 12-го часа, имели фрыштык и в 3 часа выезд имели на охоту в зверинец. По возвращении в Лисинский дворец кушали за обеденным столом и 1/4 7-го часа отбыли в С.-Петербург. 5 минут 9-го часа Его Величество изволил возвратиться в Зимний дворец" (там же).

4 февраля. Понедельник. С.-Петербург. "10 минут 11-го часа (вечера) Его Величество изволил прибыть в Большой театр и оттуда, через 1/4 часа, проезжал на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами на охоту, отсутствовал в Померанье, куда и прибыли в 11 часов, кушали чай и в час имели ужин".

5 февраля. Среда. Померанье. "Поутру Его Величество с прочими особами кушал чай и 1/4 10-го часа отсутствовал на охоту. Фрыштык был в лесу. Возвратились на станцию Померанье 1/4 9-го часа и кушали за обеденным столом. 1/2 10-го часа Его Величество, по железной дороге, отсутствовал в Петербург и прибыл в Зимний дворец 35 минут 12-го часа ночи" (там же).

19 февраля. Вторник. С.-Петербург. "От 10-и часов

приглашены были на вечер к Его Величеству в комнату новой запасной половины все особы, бывающие с Его Величеством на охоте" (там же).

22 февраля. Пятница. С.-Петербург. "5 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Петергофской железной дороги и по оной, с приглашенными особами на охоту, изволил отсутствовать до Красного Села и потом, в экипажах, в Ополе.

"По прибытии на станцию Ополе кушали чай и потом ужинали в 10-и персонах".

23 февраля. Суббота. Ополе. "Поутру, после чая, Его Величество с прочими особами выезд имел на охоту и в поле имели фрыштык. По возвращении на станцию Ополе, в 6 часов, кушали за обеденным столом. После обеда отсутствовали в С.-Петербург. В 35 минут 2-го часа пополуночи Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

27 февраля. Среда. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами на охоту, изволил отсутствовать в Большое Лисино.

"По прибытии в Лисинский дворец имели чай и ужин".

28 февраля. Четверг. Большое Лисино. "Поутру Его Величество с прочими особами изволил отсутствовать на охоту в лес, где и имели фрыштык. По возвращении в Лисинский дворец кушали за обеденным столом и после того отсутствовали в С.-Петербург. 55 минут 9-го часа Его Величество изволил возвратиться в Зимний дворец" (там же).

5 марта. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с

приглашенными особами, отсутствовал на охоту в город Лугу. Во время следования в город Лугу, Его Величество с приглашенными особами, в вагоне, изволил кушать чай и прибыл в Лугу в начале 2-го часа. От станции Его Величество проезжал в обывательский дом, в котором изволил останавливаться, и с особами имели ужин".

6 марта. Среда. Луга. "В 9 часов утра Его Величество с приглашенными особами отсутствовал, по Варшавской железной дороге, на станцию Белую. Во время следования изволил кушать чай и прибыл в 1/2 1-го часа. От станции Белой проезжали в лес, на место охоты, где и имели фрыштык. 27 минут 7-го часа Его Величество возвратился с охоты на станцию Белую, изволил переодеваться и 40 минут 7-го часа отсутствовать в С.-Петербург. Во время следования кушал за обеденным столом, с бывшими на охоте особами, и после того чай. Прибыл в Зимний дворец в 12 часов пополуночи" (там же).

12 марта. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал на станцию Окуловку. В исходе первого часа Его Величество прибыл на станцию Окуловку, имел ужин с приглашенными особами на охоту и во время поезда кушал чай".

13 марта. Среда. Окуловка. "В 9 1/2 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, от станции Окуловки отсутствовал, по железной дороге, на станцию Боровинскую. Во время следования кушал чай. По прибытии на означенную станцию, от оной Его Величество с особами изволил проезжать в лес, на место охоты, где и был фрыштык. 1/2 5-го часа Его

Величество изволил возвратиться с охоты на станцию Боровинскую и отсутствовал, по Николаевской железной дороге, в С.-Петербург. Во время следования Его Величество, с бывшими на охоте особами, кушал, в вагоне, за обеденным столом, к которому тоже были приглашены Новгородский Губернатор Скарятин и Начальник Николаевской железной дороги Генерал-Маиор Серебряков. 25 минут 10-го часа вечера Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец" (там же).

20 марта, в среду, у его величества в Зимнем дворце ужинали все лица, бывающие с государем императором на охотах (там же).

В делах Егермейстерской конторы имеются сведения, что в зимний сезон 1862–1863 годов на высочайших охотах было подстрелено несколько духовых собак (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 7 – 1863 года).

Апреля 8-го. Понедельник. С.-Петербург. "5 минут 12-го часа (ночи) Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым изволил отсутствовать в Земледельческое Училище, что на Выборгской стороне, за Черной речкой. По прибытии, с приглашенными особами имел ужин и 20 минут 2-го часа ночи имел выезд в лес на охоту. Возвратился 3/4 5-го часа, кушал кофе и в начале 6-го часа отсутствовал и прибыл в Зимний дворец 20 минут 7-го часа. Приглашались: Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Обер-Гофмейстер Толстой, Обер-Егермейстер граф Ферзен" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 181).

Апреля 25. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 9-го часа (вечера) Его Величество имел выезд к Великому Князю Николаю Николаевичу и оттуда на

Николаевскую железную дорогу и по оной с приглашенными особами отсутствовал в Лисино. По прибытии имел ужин и в 2 часа выезд на охоту. В продолжение дня, 24-го, был на охоте.

"20 минут 1-го часа ночи (на 25 апреля) Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Из бумаг Егермейстерской конторы усматривается, что в августе месяце 1863 года унтер-егермейстер Иванов с шестью служителями Придворной охоты был командирован в Финляндию для подготовки высочайшей охоты (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 27 – 1865 года). Однако сведений об охоте в этой стране мы не встретили.

Августа 27. Вторник. Царское Село. "10 минут 8-го часа утра Его Величество имел выезд в Федоровский посад (за Павловском) на охоту.

"По окончании охоты, Его Величество, в лесном домике, с приглашенными особами имел фрыштык. Возвратился с охоты в 5 минут 1-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 181).

Октября 2. Среда. Ливадия. "В 9 часов утра Его Величество изволил отсутствовать на охоту на Палат-Гору (Чатырдаг). В час на Палат-Горе с Его Величеством имели фрыштык: Великий Князь Константин Николаевич, Великий Князь Михаил Николаевич, Генерал-Адъютант Коцебу, в должности Шталмейстера Гротт, Камергер Княжевич, Адъютант Арсеньев, Лейб-Медик Гартман, три офицера стрелкового баталиона.

"После фрыштыка Его Величество вторично имел выезд на охоту и после оной, 3/4 3-го часа, отсутствовал в Ливадию" (там же).

Ноября 11. Понедельник. Царское Село. "В 10 часов (вечера) Его Величество с графом В. А. Адлербергом

изволил отсутствовать в Лисино на охоту. Прочие особы приглашались ехать из С.-Петербурга по Николаевской железной дороге. По прибытии в Лисинский дворец имели чай и ужин".

Ноября 12. Вторник. Большое Лисино. "После чая Его Величество отбыл в зверинец, с приглашенными особами на охоту, и имели фрыштык, обед, чай и ужин во дворце".

Ноября 13, в среду, государь император в 9 часов утра отбыл из Большого Лисина на станцию Бологое, навстречу возвращавшейся в Петербург государыне императрице (там же).

Ноября 19. Вторник. Царское Село. "3/4 9-го часа (вечера) Его Величество, в сопровождении Генерал-Адъютанта князя Суворова, имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отсутствовал в город Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец 3/4 10-го часа, Его Величество изволил кушать чай с приглашенными особами, в Арсенале, и вскоре имел там же ужин".

Ноября 20. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться. В 11 часов Его Величество с приглашенными особами выезд имел на охоту и во время оной был фрыштык. Возвратились 1/4 4-го часа. В 5 часов Его Величество с вышеписанными особами изволил кушать за обеденным столом, к которому приглашались Генерал-Маиоры Штакельберг и Богговут. 50 минут 7-го часа Его Величество, в сопровождении приглашенных особ, отсутствовал на станцию Царскосельской железной дороги и по оной прибыл в Большой Царскоселеский дворец в 8 часов вечера" (там же).

Декабря 3. Вторник. С.-Петербург. "45 минут 9-го

часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отсутствовал в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец имели чай и ужин".

Декабря 4. Среда. Гатчина. "Поутру, после чая, Его Величество, с приглашенными на охоту особами, выезд имел в зверинец на охоту. Фрыштык был на месте охоты; обед во дворце. В 9 часов вечера Его Величество с прочими особами отсутствовал в С.-Петербург. В 1/2 11-го часа вечера Его Величество изволил прибыть из Гатчино с охоты" (там же).

Декабря 17. Вторник. С.-Петербург. "1/4 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной отсутствовать изволил в Малую Вишеру, с приглашенными особами, на охоту и, по прибытии с ними, изволил кушать за вечерним столом".

Декабря 18. Среда. Малая Вишера. "В 10 часов утра Его Величество с приглашенными особами выезд имел на охоту. За обеденным столом кушать изволил Его Величество с приглашенными особами и после одного отсутствовал обратно в Петербург и 5 минут 12-го часа прибыл в Зимний дворец" (там же).

1864 год. Января 2. Четверг. С.-Петербург. "20 минут 7-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и, с собравшимися приглашенными на охоту особами, изволил отсутствовать в Бологово.

"На охоту приглашались: Герцог Меклембург-Стрелецкий, Принц Нассауский, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант граф Баранов,

Генерал-Адъютант князь Радзивилл, Генерал-Адъютант
князь Паскевич, Генерал-Адъютант граф Перовский,
Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант
Альбединский, Обер-Гофмаршал Толстой,
Обер-Егермейстер граф Ферсен, Егермейстер Герздорф,
Генерал-Маиор князь Барятинский, Генерал-Маиор
(Генерал-Адъютант?) граф Ламберт.

"От станции Бологово Его Величество и все особы проезжали на дачу князя Путятина, где имели ужин. После ужина особы, для ночлега, возвратились на станцию.

"Поутру 3-го числа, после чая, выезд имели на охоту, и в поле имели фрыштык. По окончании охоты, в пятом часу, Его Величество и прочие особы отсутствовали, по железной дороге, в Петербург и, в вагоне, имели обед. 45 минут 11-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 182).

Января 8. Среда. С.-Петербург. "10 минут 8-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и на экстренном поезде, с приглашенными особами на охоту, изволил отсутствовать в Окуловку.

"По прибытии на станцию Окуловку имели чай и ужин.

"Поутру 9-го числа, Его Величество и все особы выезд имели на охоту и в поле изволили фрыштыкать. В 4 часа возвратились на станцию Окуловка и, на экстренном поезде, отсутствовали в С.-Петербург. В вагоне имели обед. 1/2 11-го часа вечера Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

Января 14. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 8-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Царскосельской железной дороги и по оной

отсутствовал в Царское Село, откуда в санях изволил проезжать в Большое Лисино на охоту. Прочие приглашенные особы на охоту отправились по Николаевской железной дороге в 9 часов вечера.

"По прибытии в Лисинский дворец, Его Величество изволил кушать чай и ужин в 18-и персонах.

"15-го числа, поутру, Его Величество со всеми особами выезд имел на охоту, и в поле имели фрыштык. По возвращении с охоты кушали за обеденным столом в Лисинском дворце и в 7 часов отсутствовали в Петербург и во время следования кушали чай.

"25 минут 10-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

Января 22. Среда. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (утра) Его Величество с Великим Князем Николаем Николаевичем изволил отсутствовать в имение господина Чоглокова, в Колтуши, и по прибытии кушал чай и после оногo имел фрыштык с следующими особами: Герцог Меклембург-Стрелецкий, Принц Нассауский, Английский посол лорд Непир, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант князь Радзивилл, Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Обер-Гофмейстер Толстой, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Герздорф, Генерал-Маиор князь Барятинский, Адъютант Герцога Стрелецкого Жори.

"В час Его Величество с вышеписанными особами отсутствовал на охоту; возвратился в 5 часов. По возвращении кушал за обеденным столом с вышеписанными особами, кроме Генерал-Адъютанта

Тотлебена, который уехал ранее по нездоровью сына. 1/2 11-го часа Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Января 28. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 8-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на Варшавскую железную дорогу и, по оной, с приглашенными особами в город Лугу на охоту. По прибытии изволил проезжать в дом купчихи Кожевниковой, где и изволил иметь ужин".

Января 29. Среда. Луга. "В 9 часов утра Его Величество с Их Высочествами и особами, по железной дороге, отсутствовал на станцию Новоселье и от оной, в экипажах, за 30 верст на охоту; на месте охоты изволил иметь фрыштык. В 6 часов, во время следования по железной дороге, обед. Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец 3/4 1-го часа" (там же).

Февраля 4. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 9-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной с приглашенными особами отсутствовал в город Лугу на охоту. Во время следования, в вагоне, изволили кушать чай, а по прибытии в город Лугу, в приготовленном для Его Величества доме, изволил в 1-м часу кушать за вечерним столом".

Февраля 5. Луга. Среда. "В 9 часов Его Величество с приглашенными особами, по Варшавской железной дороге, из Луги изволил проезжать на станцию Белую и во время следования изволил кушать чай. По прибытии на помянутую станцию, Его Величество и приглашенные охотники отсутствовали в лес на охоту, во время которой имели фрыштык в лесу, и в 7 часов возвратились с охоты на станцию Белую и тотчас отсутствовали в Петербург. За обеденным столом Его Величество изволил кушать в вагоне, во время

следования, со всеми вышеписанными особами. В 2 часа ночи Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Февраля 11. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 8-го часа (вечера) Его Величество из Зимнего дворца изволил отсутствовать, по Царскосельской железной дороге, через Царское Село, на станцию Александровку Варшавской железной дороги и, с прибывшими по оной из С.-Петербурга приглашенными особами, проезжал на охоту. По прибытии в город Лугу 50 минут 1-го часа, в дом купчихи Кожевниковой, имели ужин".

Февраля 12. Среда. Луга. "В 9 часов утра Его Величество с приглашенными особами изволил проезжать, по железной дороге, на станцию Преображенскую, а оттуда в лес, за 16 верст, на охоту; фрыштык имели в лесу. По окончании охоты Его Величество и прочие особы, в санях, отсутствовали в Лугу, на станцию железной дороги, и проезжали по оной в С.-Петербург; на пути кушали за обеденным столом. Его Величество возвратился в Зимний дворец 50 минут 9-го часа" (там же).

Марта 9. Среда. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество, через Царское Село, по железной дороге, изволил отсутствовать в Гатчино на охоту.

"Особы, приглашенные на охоту, отбыли по Варшавской железной дороге в 10 часов вечера.

"По прибытии в Гатчинский дворец кушали чай и во 2-м часу с Его Величеством имели ужин".

Марта 10. Четверг. Гатчина. "Поутру, после чая, Его Величество с приглашенными особами отсутствовал, по железной дороге, до станции Мшинской и от оной, в экипажах, на охоту. Фрыштык был в лесу. Возвратились в Гатчинский дворец 3/4 6-го

часа и кушали за обеденным столом. После обеда Его Величество с прочими особами изволил отсутствовать, по железной дороге, в С.-Петербург. В 9 часов Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

Марта 16. Понедельник. С.-Петербург. "10 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и, с приглашенными особами на охоту, изволил отсутствовать в Гатчино. По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество с приглашенными особами кушал чай и в первом часу имел ужин".

Марта 17. Вторник. Гатчина. "Поутру, после чая, Его Величество с приглашенными особами отсутствовал на станцию Двинскую (Дивенскую?), по железной дороге, и от оной, в санях, за 30 верст на охоту. Фрыштык имели на месте охоты. В 5-м часу возвратились в Гатчинский дворец и кушали за обеденным столом. После обеда Его Величество и прочие особы изволили отсутствовать, по железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество прибыл в Зимний дворец 20 минут 10-го часа" (там же).

Марта 25. Понедельник. С.-Петербург. "55 минут 8-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на охоту в Лисино с приглашенными особами.

"По прибытии в Лисинский дворец, Его Величество изволил иметь ужин с приглашенными особами".

Марта 24. Вторник. Лисино Большое. "В 10 часов утра Его Величество со всеми гостями отсутствовал в лес на охоту. Возвратился 3/4 3-го часа к фрыштыку. 1/4 4-го часа Его Величество выезд имел вторично на охоту и, по возвращении в 7 часов, кушал за обеденным столом с приглашенными особами. В 10 часов изволил отсутствовать, по железной дороге, из

Лисина в С.-Петербург. 25 минут 1-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

Апреля 7. Вторник. С.-Петербург. "15 минут 12-го часа вечера Его Величество, с Обер-Гофмейстером И. М. Толстым, отсутствовал в Земледельческое училище, что на Выборгской стороне, на охоту, куда приглашены были к 11 часам Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант Огарев, Обер-Егермейстер граф Ферзен. По прибытии в училище, Его Величество с прочими особами имел ужин. 1/2 2-го часа ночи Его Величество с особами отбыл на охоту; по возвращении кушал чай и кофе и прибыл в Зимний дворец 5 минут 7-го часа утра" (там же).

Апреля 29. Среда. С.-Петербург. "5 минут 1-го часа (вечера) Его Величество, с Иваном Матвеевичем Толстым, изволил отсутствовать на охоту в имение графа Левашова.

"По прибытии, Его Величество кушали чай. После ужина, в 1/2 2-го часа, Его Величество с прочими особами отбыл в Осиновую Рощу на охоту. В 4 часа возвратились с охоты, кушали чай, и потом Его Величество, с прочими особами, изволил отсутствовать в Петербург. 5 минут 6-го часа утра Его Величество прибыл в Зимний дворец" (там же).

Мая 1. Пятница. С.-Петербург. "В 10 часов вечера Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с собравшимися приглашенными особами, отсутствовал на охоту до станции Тосненской и потом, в экипажах, в Лисинский дворец.

"По прибытии в Лисинский дворец кушали чай и потом, после ужина, Его Величество, с прочими особами, в 1/2 2-го часа пополуночи отсутствовал в лес

на охоту, возвратившись в 5 часов, и кушали чай. На другой день, 2-го числа, в 11 часов утра, после чая, Его Величество занимался докладами до 2-х часов. В 2 часа Его Величество изволил осматривать Техническое училище и Лесничий корпус. В 4 часа Его Величество изволил кушать, с приглашенными особами, за обеденным столом; 3/4 8-го часа выезд имели на охоту; возвратились в 10 часов и кушали все вообще чай. В 11 часов Его Величество и прочие особы отсутствовали на станцию Тосна, и по железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество изволил возвратиться с охоты 35 минут 1-го часа пополудни" (там же).

Августа 8. Суббота. Царское Село. "1/2 10-го часа Его Величество с Великим Князем Александром Александровичем имел выезд на охоту в селение Волховку, между Царским Селом и Петергофом.

"По окончании охоты, Его Величество, с приглашенными особами, проезжал в имение Генерал-Адъютанта Бибикова, у которого имел фрыштык; возвратился в Царское Село в 2 часа" (там же).

По бумагам Егермейстерской конторы (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 32 — 1864 года) значится, что следующая высочайшая охота состоялась 14 августа; однако, известие это ошибочно: 14 августа, в 1/2 8-го часа утра, государь император с великими князьями Александром и Владимиром Александровичами проезжал из Царского Села на Колпинскую станцию и оттуда направился по железной дороге в Москву (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, No 182).

Ноября 3. Вторник. Царское Село. "10 минут 9-го часа (вечера) Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым изволил отсутствовать в Лисино; особы же, приглашенные на охоту, прибыли в Лисино по

железной дороге. 1/4 11-го часа Его Величество, в Лисинском дворце, кушал чай и в час ужинал со всеми особами".

Ноября 4. Среда. Лисино. "1/2 10-го утра Его Величество со всеми особами кушал чай. В 11 часов выезд имели в зверинец на охоту и там имели фрыштык; по возвращении во дворец, в 5 часов, кушали за обеденным столом.

25 минут 11-го часа вечера Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым прибыл в Царское Село" (там же).

Ноября 10. Вторник. Царское Село. "35 минут 9-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать в Гатчино на охоту.

"3/4 10-го часа Его Величество прибыл в Гатчино. Ужин в Арсенале с приглашенными особами, и так же приглашались находящиеся в Гатчине Генерал-Майоры барон Штакельберг и Богговут".

Ноября 11. Среда. Гатчина. "1/2 12-го часа Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в зверинец на охоту, где был и фрыштык; 3/4 5-го часа обед в Арсенале. Его Величество возвратился в Царское Село в 10-м часу вечера" (там же).

Декабря 1. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ящеры.

"По прибытии на станцию Ящеры, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Декабря 2. Среда. Ящеры. "Поутру, после чая, Его Величество, с прочими особами, отсутствовал на охоту и в лесу имел фрыштык; по возвращении на станцию, в

5 часов, кушал с особами за обеденным столом, а в 7 часов отсутствовал в Петербург и прибыть изволил в Зимний дворец 40 минут 10-го часа вечера" (там же).

Декабря 8. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 9-го часа вечера Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Лисино.

"По прибытии в Лисинский дворец имели чай и ужин".

Декабря 9. Среда. Большое Лисино. "В 9-м часу утра Его Величество изволил, с прочими особами, кушать чай, потом занимался бумагами и принимал с докладом Министра Государственных Имуществ Зеленого. В 5 часов обед и от 10 часов вечернее собрание у Его Величества".

Декабря 10. Четверг. Большое Лисино. "В 10 часов утра Его Величество, после чая, отсутствовал на охоту, с приглашенными особами, и в лесу имели фрыштык, а по возвращении с охоты во дворец кушали за обеденным столом. 1/2 8-го часа Его Величество с приглашенными особами отсутствовали из Лисина в С.-Петербург, и прибыл в Зимний дворец в 9 часов вечера" (там же).

Декабря 15. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с собравшимися приглашенными особами, изволил отсутствовать на охоту в Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец кушали за вечерним столом".

Декабря 16. Среда. Гатчина. "Поутру, после чая, Его Величество, с прочими особами, отбыл на Мшинскую станцию и от оной в лес на охоту, где имел

фрыштык. По возвращении с охоты в Гатчинский дворец, кушали за обеденным столом в 5 часов и 1/4 9-го часа, по железной дороге, отсутствовали в С.-Петербург, а в 25 минут 1-го часа изволил прибыть в Зимний дворец" (там же).

Декабря 22. Вторник. С.-Петербург. "10 минут 10-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на охоту по Варшавской железной дороге, с приглашенными особами, на станцию Ящеры".

Декабря 23. Среда. Ящеры. "Поутру, после чая, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту, и в лесу имели фрыштык. В 5 часов, по возвращении на станцию, кушали за обеденным столом и потом отсутствовали в С.-Петербурге, и 1/4 1-го часа вечера Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец" (там же).

Декабря 29. Вторник. С.-Петербург. "15 минут 1-го часа (утра) Его Величество с Великим Князем Владимиром Александровичем выезд имел на охоту в Колтуши и, по прибытии на мызу Чоглокова, тотчас, с приглашенными особами, отсутствовал в лес, где в продолжение охоты имел фрыштык и, по возвращении на мызу в 5 часов, кушать изволил, с приглашенными особами, за обеденным столом и после того отсутствовал в Зимний дворец, куда прибыть изволил 50 минут 9-го часа вечера".

1865 год. января 12. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 8-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Михайловский театр, а оттуда на Николаевскую железную дорогу и, с приглашенными особами, изволил отсутствовать на охоту в Большое Лисино.

"Приглашались: Великий Князь Николай Николаевич (не был), Герцог Меклембург-Стрелецкий, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант

Зиновьев, Генерал-Адъютант граф Баранов,
Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант
Тотлебен, Генерал-Адъютант князь Воронцов,
Генерал-Адъютант князь Паскевич, Обер-Гофмейстер
Толстой, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер
Герздорф, Генерал-Лейтенант князь
Голицын-Прозоровский, Генерал-Маиор князь
Барятинский, Генерал-Маиор Мердер, Генерал-Маиор
Слепцов, в должности Егермейстера князь Мещерский,
Прусский Флигель-Адъютант Лоэн, Адъютант Герцога
Стрелецкого Жори.

"По прибытии в Лисино, Его Величество изволил кушать за вечерним столом, с прибывшими приглашенными на охоту особами".

Января 13. Среда. Большое Лисино. "После утреннего чая Его Величество, с особами, выезд имел на охоту, где и имел фрыштык. За обеденным столом Его Величество кушал с приглашенными на охоту особами. По прибытии от станции железной дороги (в С.-Петербурге), изволил заезжать на Английскую набережную и обозревать бал – катаньем на коньках по льду. Возвратился в Зимний дворец в 10 часов" (Камер-фурьерск. журн. за 1865 год).

Января 19. Вторник. С.-Петербург. "10 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Большой театр и оттуда на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, в Лисино на охоту.

"По прибытии, Его Величество, с вышеписанными особами, изволил иметь чай и ужин и, кроме сих, были Министр Зеленый и полковник Черторижский".

Января 20. Среда. Большое Лисино. "В 10 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал на охоту, там изволил иметь

фрыштык и, возвратившись 1/2 7-го часа, кушал за обеденным столом. 1/2 9-го часа Его Величество отсутствовал в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 1/2 11-го часа" (там же).

Января 26. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с собравшимися приглашенными особами, изволил отсутствовать в город Лугу на охоту.

"По прибытии в Лугу кушали чай и 1/4 1-го часа имели ужин".

Января 27. Среда. Луга. "После чая, в 10 часов, Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту, и в лесу имели фрыштык; по окончании охоты в 5 часов, отсутствовали, по железной дороге, в С.-Петербург и в вагоне имели обед. 20 минут 11-го часа (вечера) Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец" (там же).

Февраля 2. Вторник. С.-Петербург. "10 минут 9-го часа (вечера) Его Величество имел выезд, в санях, на станцию Варшавской железной дороги и, с приглашенными особами, отсутствовал в город Лугу.

"По прибытии, с приглашенными особами, Его Величество кушал за вечерним столом".

Февраля 3. Среда. Луга. "Поутру, 1/2 10-го часа, Его Величество и все приглашенные особы выезд имели в лес на охоту, где и имели фриштык; возвратились в 5 часов. 1/2 6-го часа Его Величество, по железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург и от начала следования изволил кушать за обеденным столом (кроме приглашенных особ, были генерал-майор Олохов и полковник Щолков); прибыл в Зимний дворец 50 минут 10-го часа" (там же).

Февраля 23. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 9-го

часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной отсутствовал с приглашенными особами на станцию Преображенскую на охоту и по прибытии кушал за вечерним столом".

Февраля 24. Среда. Преображенское. "Поутру Его Величество с приглашенными особами имел выезд в лес на охоту. По возвращении имел фриштик и в 1/2 5-го часа, по окончании охоты, отсутствовал в Петербург и в вагоне с приглашенными особами кушал за обеденным столом. Прибыл в Зимний дворец 50 минут 9-го часа" (там же).

Марта 2. Вторник. С.-Петербург. "1/2 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с собравшимися приглашенными особами, изволил отсутствовать на охоту в город Лугу.

"Его Величество и приглашенные особы, на пути, имели чай в вагоне, а прибывши в город Лугу, кушали за вечерним столом".

Марта 3. Среда. Луга. "Поутру, в 8 часов, Его Величество с прочими особами, по железной дороге, до станции Новоселье изволил отсутствовать на охоту. В вагоне имели чай, а фриштик в лесу. По окончании охоты, на обратном пути в С.-Петербург, в вагоне, имели обед. 25 минут 12-го часа Его Величество изволил возвратиться в Зимний дворец" (там же).

Марта 8. Понедельник. С.-Петербург. "1/2 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами на охоту, изволил отсутствовать в Большое Лисино.

"По прибытии в Лисинский дворец, имели чай и ужин".

Марта 9. Вторник. Большое Лисино. "Поутру, после

чая, в 1/2 10-го часа, Его Величество с прочими особами отсутствовал на охоту и в лесу имели фриштик. По возвращении во дворец, в 1/2 6-го часа, кушали за обеденным столом и после оного отсутствовали в С.-Петербурге. В 1/2 10-го часа Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец" (там же).

Марта 16. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Большое Лисино.

"По прибытии, 1/4 12-го часа кушали чай и 1/2 12-го часа ужин, со всеми вышеписанными особами".

Марта 17. Среда. Большое Лисино. "Поутру, в 10 часов, Его Величество, с приглашенными особами, имел выезд на охоту и фриштик в лесу. Возвратился 1/4 7-го и кушал за обеденным столом. 1/2 9-го отсутствовал на железную дорогу и, по оной, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 25 минут 11-го часа" (там же).

Марта 24. Среда. С.-Петербург. "55 минут 1-го часа (утра) Его Величество отсутствовал на станцию Николаевской железной дороги и, по оной, с приглашенными особами в Тосну на охоту. На обратном следовании, по железной дороге, Его Величество с приглашенными особами, в вагоне, имел фрыштык. Возвратился в Зимний дворец 55 минут 3-го часа".

Сентября 13. Понедельник. Село Ильинское (под Москвою). "50 минут 1-го часа (дня) Его Величество выезд имел на охоту, к которой приглашались: Генерал-Адъютант граф Ламберт, Флигель-Адъютант граф Воронцов-Дашков, князь Алексей Михайлович Голицын. 55 минут 3-го часа Его Величество изволил

возвратиться с охоты" (там же).

Октября 6. Среда. Царское Село. "15 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с прочими приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Гатчино".

Октября 7. Четверг. Царское Село. "50 минут 9-го часа (вечера) Его Величество с Государем Цесаревичем изволил прибыть из Гатчино".

Октября 21. Четверг. Царское Село. "20 минут 9-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать, в загородном экипаже, на охоту в Лисино, куда также были приглашены и собрались на Николаевской железной дороге в С.-Петербурге: Великий Князь Константин Николаевич, Великий Князь Николай Николаевич (не был), Принц Саксен-Альтенбургский, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновьев (не был), Генерал-Адъютант князь Долгоруков, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Маиор Слепцов, Генерал-Маиор князь Барятинский 2-й (не был), Обер-Гофмейстер Толстой, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер фон Герздорф, Гофмаршал Скарятин, в должности Егермейстера князь Мещерский, Прусский флигель-адъютант Швейниц, Флигель-Адъютант граф Воронцов-Дашков.

"1/4 11-го часа Его Величество изволил прибыть в Лисинский дворец и с приглашенными особами кушал чай и ужин".

Октября 22. Пятница. Большое Лисино. "После прогулки, поутру, от 9 часов, Его Величество в

Лисинском дворце изволил принимать с докладом Министра Государственных Имуществ Зеленого. 1/2 11-го часа с приглашенными особами выезд имел в лес на охоту, во время которой в зверинце имел фрыштык с означенными особами и, по возвращении в Лисинский дворец, в 1/2 7-го часа, кушал за обеденным столом с помянутыми особами, а также приглашены были министр Зеленый и Директор лесничества Черторижский. По окончании обеденного стола, Его Величество, в загородном экипаже, отсутствовал из Лисино в Царское Село и прибыл в Большой дворец к вечернему собранию, 30 минут 10-го часа" (там же).

Октября 26. Вторник. Царское Село. "20 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд изволил иметь, в загородном экипаже, в Лисино на охоту и проездом изволил проезжать в Павловск, за Великим Князем Константином Николаевичем, куда также были приглашены некоторые высокопоставленные охотники и собрались на станции Николаевской железной дороги к 8 часам вечера.

"1/2 11-го часа, по прибытии с Великим Князем Константином Николаевичем в Лисинский дворец, изволил со всеми приглашенными особами кушать чай и за вечерним столом".

Октября 27. Среда. Большое Лисино. "В 10 часов утра Его Величество изволил принимать с докладом шефа жандармов князя Долгорукова. В 11 часов Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту, во время которой изволил, в зверинце, со всеми особами, бывшими на охоте, иметь фрыштык. По возвращении с охоты в Лисинский дворец, 1/2 6-го часа, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом, к которому были приглашены Министр Государственных Имуществ

Зеленый и Директор лесничества Черторижский. 3/4 7-го часа Его Величество с Великим Князем Константином Николаевичем изволил отсутствовать из Лисинского дворца в Павловск, а оттуда в Царское Село" (там же).

Ноября 2. Вторник. Царское Село. "50 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги Александровку и, с приглашенными на охоту особами, собравшимися на сей станции и прибывшими с этим же поездом из С.-Петербурга, отсутствовал в город Гатчино. Во дворец прибыли 40 минут 10-го часа, проводили вечер и имели ужин: Его Величество, с приглашенными особами на охоту, комендантом города Гатчино Богговутом и командиром Кирасирского Ее Величества полка Голынским, всего 21 персона".

Ноября 3. Среда. Гатчино. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться; возвратясь, кушал кофе и потом принимал с докладом шефа жандармов князя Долгорукова. В 11 часов выезд имел в Гатчинский Сиротский институт и потом посетил городскую больницу; возвратился во дворец 1/4 1-го часа.

"35 минут 1-го часа Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту в зверинец, где и имел фрыштык. В 4 часа возвратился во дворец, изволил принимать с докладом Министра Почт и Телеграфов Толстого и Министра Государственных Имуществ Зеленого. За обеденным столом, в Арсенале, в 6 часов Его Величество кушал с особами, бывшими на охоте, Министром Государственных Имуществ Зеленым, комендантом Богговутом и командиром Кирасирского полка Голынским, в 22 персонах. В 8 часов отсутствовали на станцию Варшавской железной дороги и по оной в

Царское Село. Его Величество изволил прибыть в Царскосельский Большой дворец 40 минут 9-го часа" (там же).

Декабря 3. Пятница. Царское Село. "50 минут 9-го часа Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги Александровку и по оной с приглашенными особами отсутствовал для охоты в Гатчину. По прибытии в Гатчинский дворец, 3/4 10 часа, Его Величество изволил кушать чай и имел ужин с приглашенными особами".

Декабря 4. Суббота. Гатчина. "После утренней прогулки Его Величество изволил принимать по делам службы шефа жандармов князя Долгорукова и Министра Государственных Имуществ Зеленого. В начале 1-го часа Его Величество, со всеми приглашенными особами, имел выезд в зверинец на охоту и во время оной, с особами, изволил иметь фрыштык, и по окончании охоты, 3/4 5-го часа, Его Величество возвратился в Гатчинский дворец и кушал за обеденным столом с особами, участвовавшими на охоте. 1/4 8 часа вечера Его Величество отсутствовал в Царское Село" (там же).

Декабря 28. Вторник. С.-Петербург. "1/2 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и, с прибывшими до сего Великим Князем Николаем Николаевичем и прочими приглашенными особами, изволил отсутствовать по оной на станцию Ящеры для охоты.

"1/4 12-го часа Его Величество, с Его Высочеством и особами, изволил прибыть в Ящеры; в час имели ужин".

Декабря 29. Среда. Ящеры. "В 11 часов Его Величество, с Его Высочеством и приглашенными особами, выезд имел на охоту; в лесу фрыштык. По

окончании возвратился в охотничий дом Ящер 1/2 4-го часа, и через 2 часа кушали за обеденным столом; потом, в 7 часов, Его Величество отсутствовал на Варшавскую железную дорогу и, по оной, в С.-Петербург и прибыть изволил в Зимний дворец 25 минут 10-го часа вечера" (там же).

1866 год. января 3. Понедельник. С.-Петербург. "В 8 часов вечера Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и, по оной, отсутствовал с приглашенными особами на охоту в Вишеры. Во время следования в вагоне кушал чай.

"На охоту приглашались: Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант князь Радзивилл, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант князь Паскевич, Генерал-Адъютант граф Перовский, Обер-Гофмейстер Толстой, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Гофмаршал Скарятин, Генерал-Майор князь Барятинский 2-й (не был), в должности Егермейстера князь Мещерский, Прусский Флигель-Адъютант Швейниц, Флигель-Адъютант граф Воронцов-Дашков.

"По прибытии на станцию в 12 часов, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за вечерним столом".

Января 4. Вторник. Малая Вишера. "В 10-м часу Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес Боровинской станции на охоту и во время оной изволил иметь в лесу фрыштык. По окончании охоты Его Величество, в 1/2 6 часа, изволил прибыть на станцию Вишеры и отсутствовал, по железной дороге, в С.-Петербург. Во время следования изволил кушать, с приглашенными особами, за обеденным столом. Прибыл в Зимний дворец 50 минут 10-го часа

вечера" (там же).

Января 18. Вторник. С.-Петербург. "10 минут 7-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и, по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на станцию Бологово, на охоту.

"В 2 часа Его Величество, по прибытии в Бологово, изволил проезжать в дом князя Путятина".

Января 19. Среда. Бологое. "35 минут 11-го часа, Его Величество, после чая, со всеми приглашенными особами, изволил отсутствовать в лес на охоту, где и имел фрыштык. В 4 часа, возвратясь на Николаевскую железную дорогу, на станцию Бологово, отсутствовал по оной в С.-Петербург; во время следования кушал за обеденным столом, в вагоне, в 17-и персонах; прибыл в Зимний дворец 55 минут 12-го часа".

Января 25. Вторник. С.-Петербург. "1/2 9-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, в Лисино, куда и прибыли в 11 часов и в час кушали за вечерним столом".

Января 26. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться, по возвращении изволил кушать кофе со всеми приглашенными особами; в 10 часов выезд в лес на охоту и имел фрыштык; возвратились в 4 часа. За обеденным столом с Его Величеством кушало 17 персон.

В 7 часов Его Величество отсутствовал, по железной дороге, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 10 минут 10-го часа вечера" (Камер-фурьерск. журнал 1866 года).

Февраля 15. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 9-го часа (вечера) Его Величество с Обер-Гофмейстером

Толстым изволил отсутствовать в Колтуши на охоту.

"По прибытии на дачу господина Чоглокова, Его Величество с прочими особами кушал чай и после одного подавалась закуска".

Февраля 16. Среда. Колтуши. "После чая, Его Величество и прочие особы отсутствовали, в санях, в лес на охоту, где и имели фрыштык; возвратились на дачу 1/2 7-го часа и кушали за обеденным столом. После одного отсутствовали в Петербург".

"Во время охоты изволили прибыть Государь Наследник и Великий Князь Владимир Александрович.

"1/4 9-го часа Его Величество, с Государем Цесаревичем и Великим Князем Владимиром Александровичем изволил возвратиться с охоты" (там же).

Февраля 22. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 6-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с собравшимися приглашенными особами на охоту, изволил отсутствовать на станцию Бологое.

"По прибытии на станцию Бологое, в 2 часа пополудни, кушали чай. Его Величество изволил отсутствовать на мызу князя Путятина, а прочие особы остались на станции.

"Поутру 23 числа, к 10 часам, все особы собрались на мызу и с Его Величеством кушали чай. После сего отсутствовали на охоту и в лесу имели фрыштык. Возвратились на станцию в 6 часов и отсутствовали в Петербург. За обеденным столом кушали в вагоне в 7 часов, а в 12 часов имели чай. 35 минут 3-го часа пополудни Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец" (там же).

После этой охоты государь император приказал отправить в усадьбу князя Путятина "две карселевые

лампы" (Арх. Упр. Имп. ох., д No 22 – 1866 г.).

Марта 1. Вторник. С.-Петербург. "3/4 9-го часа (вечера) Его Величество имел выезд на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Гатчино. По прибытии во дворец, Его Величество проводил вечер с прочими особами и кушал за вечерним столом в 21 персоне.

"На охоту приглашались: Государь Наследник, Великий Князь Владимир Александрович, Герцог Меклембург-Стрелецкий, Князь Николай Максимилианович, Принц Саксен-Альтенбургский, Генерал-Адъютант князь Долгоруков, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновеев, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант князь Паскевич (не был), Генерал-Адъютант граф Перовский, Обер-Гофмейстер Толстой, Обер-Егермейстер граф Ферзен, в должности Егермейстера князь Мещерский, Генерал-Майор князь Барятинский, Прусский флигель-адъютант Швейниц, адъютант Герцога Стрелецкого Жори, флигель-адъютант Литвинов.

"Особы, находящиеся в Гатчине, приглашались также на вечер и на другой день на охоту и к обеденному фрыштыку: Комендант Богговут и командир Кирасирского Ее Величества полка Голынский".

Марта 2. Среда. Гатчина. "В 9 часов Его Величество выход имел прогуливаться; возвратился 1/4 10-го часа. В 10 часов изволил, с их Высочествами и прочими особами, выход иметь на охоту; возвратились в час. 1/4 3-го часа во дворце Его Величество, с Их Высочествами и особами, изволил иметь обеденный фрыштык в 21 персоне... а затем, 3/4 5-го часа, все Высочайшие особы

отбыли на Гатчинский вокзал Варшавской железной дороги, навстречу Королевы Виртембергской Ольги Николаевны, с коей и направились в Петербург". (Камер-фурьерск. журн. 1866 года).

Марта 8. Вторник. С.-Петербург. "5 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в театральное училище, а оттуда на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Большое Лисино, куда и прибыли 1/4 12-го часа, кушали чай и потом ужин в 17-и персонах".

Марта 9. Среда. Большое Лисино. "40 минут 10-го часа Его Величество с приглашенными особами изволил отсутствовать на охоту. Возвратились 1/2 12-го часа и во дворце имели фрыштык. 3/4 1-го часа вторично имели выезд на охоту и по возвращении во дворец кушали за обеденным столом, в 6 часов, в 17-и персонах. 40 минут 8-го часа Его Величество изволил отсутствовать в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 5 минут 10-го часа" (там же).

Марта 15. Вторник. С.-Петербург. "5 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в театральное училище, а оттуда на Варшавскую железную дорогу и по оной, с собравшимися приглашенными особами на охоту, отсутствовал на станцию Ящеры, куда и прибыл 20 минут 1-го часа. На пути, в вагоне, имели чай. 3/4 2-го часа Его Величество со всеми особами кушал за вечерним столом".

Марта 16. Среда. Ящеры. "10 минут 12-го часа Его Величество с прочими особами выезд имел на охоту; фрыштык был в лесу; возвратились 50 минут 3-го часа. 1/2 6-го часа кушали за обеденным столом и в 7 часов отсутствовали, по железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество прибыл в Зимний дворец 50 минут 10-го часа вечера" (там же).

В течение зимнего охотничьего сезона 1865–1866 годов была высочайше утверждена особая форма лиц, которые приглашались на высочайшие охоты (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 5 – 1865 года).

Апреля 26. Вторник. Царское Село. "В 6 часов (вечера) Его Величество, с Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Владимиром Александровичем, из Царского Села отсутствовал в Лисино и, не доезжая 8 верст до Лисинского дворца, изволил остановиться для охоты на птиц, куда также были приглашены особы. После охоты Его Величество и Их Высочества и особы проезжали в Лисинский дворец; в 1/4 10-го часа кушали чай; в 12 часов ужин 11-и персон. 1/4 2-го часа Его Величество, Их Высочества и особы выезд имели на охоту и в 4 часа возвратились. Его Величество изволил лечь опочивать. В 5 часов утра Великий Князь Владимир Александрович отбыл в Царское Село, на лошадях. Кавалеры же две охоты приглашались из С.-Петербурга и собирались на станции Николаевской железной дороги в 2 1/2 часа. По прибытии в Лисино имели обед в 5 часов, а после обеда выезжали навстречу Государя Императора, из С.-Петербурга: Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант Зеленый, Обер-Гофмейстер граф Толстой (не был), Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Герздорф, Флигель-Адъютант Литвинов (из Царского Села), полковник Черторижский (директор Лисенского училища)".

Апреля 23. Среда. Большое Лисино. "25 минут 10-го часа, по пробуждении, Его Величество, с Государем Наследником и свитою, изволил кушать чай и кофе, после чего принимал с докладом Генерал-Адъютанта

князя Суворова. 10 минут 1-го часа Его Величество с Государем Цесаревичем отсутствовал в Царское Село. Свита же имела холодную закуску и после того отбыла, по железной дороге, в С.-Петербурге $\frac{1}{4}$ 2-го часа. В 2 часа Его Величество возвратился с охоты" (Камер-фурьерск. журн. 1866 года).

Мая 3. Вторник. Царское Село. "27 минут 7-го часа (вечера) Его Величество отсутствовал на охоту в Лисино, в экипаже. Не доезжая оного за 9 верст, Его Величество встретили приглашенные на охоту особы, которые прибыли по Николаевской железной дороге в Лисино прямо с трехчасовым поездом. Его Величество с нижепоименованными особами изволил иметь охоту, после оной отбыл в Лисино и, по прибытии $\frac{1}{4}$ 11-го часа, кушал чай. $\frac{3}{4}$ 1-го часа Его Величество выезд имел на охоту, возвратился в 4 часа.

"На охоту приглашались: Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Огарев, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Герздорф, Прусский флигель-адъютант Швейниц, Генерал-Адъютант Зеленый, директор училища Черторижский".

Мая 4. Среда. Большое Лисино. "В 10 часов Его Величество имел фрыштык, после принимал с докладом Министра Государственных Имуществ Зеленого. $\frac{1}{2}$ 12-го часа Его Величеству крестьяне Архангельской губернии поднесли образ с изъявлением чувств за спасение дорогой жизни Государя Императора (покушение 4 Апреля сего года у Летнего сада), затем Его Величество отсутствовал в Царское Село. 35 минут 2-го часа пополудни Его Величество возвратился с охоты... и $\frac{3}{4}$ 2-го часа отбыл в С.-Петербург на смотр войскам, прибывшим в столицу для занятия летних караулов" (там же).

Октября 7. Пятница. Царское Село. "В 9 часов

(вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Гатчино.

"По прибытии во дворец, Его Величество, с прочими особами, в Арсенале кушал чай и за вечерним столом в 23 персонах.

"Поутру 8-го числа прибыли в Гатчино: Государь Наследник и Великий Князь Владимир Александрович из Царского Села, а Великий Князь Николай Николаевич из Петербурга.

"8-го числа, утром, в 8 часов, Его Величество изволил прогуливаться по саду и по комнатам дворца. Чай Его Величество кушал в Арсенале со всеми особами и принимал с докладом: Военного Министра Милютина, Генерал-Адъютанта графа Адлерберга 2-го и Шефа Жандармов графа Шувалова. В 12 часов Его Величество, с Их Высочествами и прочими особами, отсутствовал на охоту, где и был фриштик; возвратился во дворец в 4 часа. В 6 часов Его Величество кушал в Арсенале в 27 персонах. В 1/2 10-го часа Его Величество изволил возвратиться в Царское Село" (там же).

Октября 18. Вторник. Царское Село. "5 минут 9-го часа (вечера) Его Величество с Принцем Гессенским изволил отсутствовать в Лисино на охоту.

"По прибытии в Лисинский дворец, Его Величество с вышеозначенными особами кушал чай и за вечерним столом.

"19-го числа поутру, в 1/2 10-го часа, Его Величество, с прочими особами, кушал чай. В 11-м часу изволил принимать с докладом Шефа Жандармов графа Шувалова и Министра Государственных Имуществ Зеленого. 1/2 12-го часа Его Величество, с Их Высочествами и прочими особами, изволил отбыть

на охоту в зверинец, где и был фриштик в 2 часа; а по возвращении во дворец 1/2 6-го часа кушали за обеденным столом.

"Во время охоты изволил прибыть из Царского Села Великий Князь Владимир Александрович.

"45 минут 8-го часа Его Величество с Принцем Гессенским и Великий Князь Владимир Александрович отсутствовали в экипажах и прибыли в Царское Село 1/2 11-го часа вечера, а прочие особы, бывшие в Лисино, отбыли, по железной дороге, в Петербург" (там же).

Ноября 2. Среда. С.-Петербург. "20 минут 1-го часа (утра) Его Величество, с Наследным Принцем Прусским, отсутствовал на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, проезжали в Гатчино, куда и прибыли 3/4 12-го часа во дворец, и в Арсенале имел фриштык.

"Сервировка стола: фарфор с изображением охоты, хрусталь гранный, канделябры серебряные.

"После фриштыка, Его Величество, с приглашенными особами, отбыл в зверинец на охоту; возвратился 3/4 5-го часа и кушал за обеденным столом в Арсенале в 36 персонах. 50 минут 7-го часа Его Величество отсутствовал, по Варшавской железной дороге, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец в 9 часов" (там же).

Ноября 11. Пятница. С.-Петербург. "1/4 1-го часа (утра) Его Величество выезд имел на охоту в Осиновую Рошу.

"Его Величество прибыл на охоту в имение графа Левашева 3/4 12-го часа и имел фриштык с приглашенными особами и 3/4 1-го часа отбыл в лес на охоту. По возвращении 35 минут 2-го часа, кушал за обеденным столом и потом отсутствовал в

С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец" (там же).

В обозначении часов продолжительности охоты надо подозревать описку.

Декабря 14. Среда. С.-Петербург. "15 минут 1-го часа (утра) Его Величество, с Государем Наследником, в загородном экипаже, отсутствовал в Колтуши на охоту и, по прибытии 1/4 12-го часа в дом господина Чоглокова, изволил, с собравшимися особами, иметь фрыштык и после того, с приглашенными особами, отсутствовал в лес на охоту. По возвращении, в 5 часов, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом и в 7 часов отсутствовал в Зимний дворец, куда прибыть изволил 20 минут 9-го часа и в 9 часов выезд имел в Большой театр.

"На охоту приглашались: Герцог Стрелецкий, Генерал-Адъютант Огарев, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Ламберт, Генерал-Адъютант граф Перовский, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер князь Мещерский, Прусский флигель-адъютант Швейниц".

Декабря 20. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 7-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Институт Общества благородных девиц, а оттуда на станцию Николаевской железной дороги и, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал на станцию Бологово, в особом экстренном поезде.

"Во время следования до Бологова, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушал чай, и потом имели ужин в вагонах, к которому приглашался Начальник Николаевской железной дороги Генерал-Маиор Зуев. Кушало 15 персон. 50 минут 3-го часа ночи поезд прибыл на станцию Бологово. Его Величество с Их Высочествами изволил проезжать на дачу к князю Путятину, а свита

останавливалась на станции".

Декабря 21. Среда. Бологое. "1/2 11-го часа утра свита, со станции Бологово, проезжала к князю Путятину, и кушали чай. 1/2 12-го часа Его Величество, с Их Высочествами и особами, выезд имел на охоту; фрыштык имели в лесу. Возвратились на станцию железной дороги 1/4 3-го часа, а 1/2 того же часа, на экстренном поезде, отсутствовал в С.-Петербург. Во время следования, в 5 часов, Его Величество, с Их Высочествами и особами, в вагоне, имел обеденный стол, а в 10-м часу вечерн. стол. Его Величество прибыл в Зимний дворец 3/4 11-го часа".

1867 год. Января 10. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 8-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами на охоту, в Большое Лисино.

"На охоту приглашались: Государь Наследник, Великий Князь Константин Николаевич (не был), Великий Князь Николай Николаевич (не был), Герцог Мекленбург-Стрелецкий (не был), Князь Николай Максимилианович, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант барон Ливен (не был), Генерал-Адъютант Зиновьев (не был), Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й, Генерал-Адъютант Огарев (не был), Генерал-Адъютант граф Ламберт (не был), Генерал-Адъютант граф Перовский (не был), Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант Мердер, Генерал-Адъютант Зеленый, Обер-Гофмейстер граф Толстой, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Гофмаршал Скарятин, Генерал-Маиор граф Воронцов-Дашков, в должности Егермейстера князь Мещерский, Прусский флигель-адъютант Швейниц.

"На пути, в вагоне, Его Величество и прочие особы кушали чай, а по прибытии в Лисинский дворец, имели ужин в час".

Января 11. Среда. Большое Лисино. "Поутру, в 10 часов, после чая, Его Величество, с прочими особами, изволил отсутствовать на охоту, и фрыштык был в поле. По возвращении во дворец в 7 часов, кушали за обеденным столом. В 8 часов Его Величество и все приглашенные особы, по железной дороге, отбыли в Петербург. Его Величество изволил возвратиться в 11 часов с охоты" (Камер-фурьерск. журн. 1867 года).

Января 17. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной отсутствовал в Гатчино на охоту.

"В вагоне, в продолжение следования, подавался чай. По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество с приглашенными особами изволил кушать за вечерним столом".

Января 18. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество, по случаю сильного мороза, охоту изволил отменить и заниматься изволил бумагами в кабинете и в 2 часа, после фрыштыка, с приглашенными особами, из Гатчино отбыл в Петербург и 15 минут 4-го часа изволил прибыть в Зимний дворец" (там же).

Января 24. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 10-го часа вечера Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и, по оной, отсутствовал в Гатчино, с приглашенными особами, на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать чай и за вечерним столом в Арсенале".

Января 25. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество изволил принимать по делам службы Шефа Жандармов

графа Шувалова. В 11 часов Его Величество изволил, с приглашенными особами, отсутствовать на охоту в лес (за Мшинской станцией) и в продолжение охоты, с приглашенными особами, имел фрыштык. По возвращении в Гатчинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, в 5 часов, изволил кушать за обеденным столом. В 9 часов Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал, по железной дороге, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 3/4 10-го часа" (там же).

Января 31. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество изволил иметь выезд на станцию Варшавской железной дороги и, по оной, с собравшимися особами, отсутствовал в город Лугу на охоту.

"Во время следования, Его Величество, с приглашенными особами, в вагоне, кушал чай, а по прибытии в Лугу, кушал за вечерним столом".

Февраля 1. Среда. Луга. "В 9 часов утра Его Величество, по ночлеге в городе Луге, изволил отсутствовать, по железной дороге, с Их Высочествами и приглашенными особами, к станции Белой, между оной и Новосельскою, со всеми особами, проезжал в лес на охоту, где имел фрыштык. Возвратились на железную дорогу 5 минут 7-го часа и 40 минут того же часа отсутствовали в С.-Петербург. Во время следования кушали за обеденным столом, к которому приглашался начальник железной дороги Генерал-Маиор Штерн. Его Величество прибыл в Зимний дворец 5 минут 1-го часа" (там же).

Февраля 8. Среда. С.-Петербург. "1/4 12-го часа (утра) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, отсутствовал на охоту в Колтуши и прибыл в имение Чоглокова 3/4 1-го часа, где изволил

иметь фрыштык с собравшимися до сего приглашенными особами.

"5 минут 2-го часа Его Величество с Их Высочествами выезд имели в лес на охоту. Возвратились 20 минут 8-го часа и кушали за обеденным столом, к которому приглашались господин Чоглоков с сыном. 50 минут 9-го часа Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, отсутствовал и прибыл в Зимний дворец 35 минут 11-го часа вечера" (там же).

Февраля 14. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество отсутствовал на станцию Варшавской железной дороги и, по оной, с приглашенными особами на охоту, на станцию Ящеры.

"По прибытии на станцию Ящеры, Его Величество, с приглашенными особами, изволил иметь ужин".

Февраля 15. Среда. Ящеры. "В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться. По возвращении, после фрыштыка, с приглашенными особами, в 1/2 1-го часа, изволил отсутствовать в лес на охоту и по окончании Его Величество, в 1/2 5-го часа, изволил прибыть на Двинскую (Дивенскую?) станцию и, по железной дороге, с приглашенными особами, отсутствовал в С.-Петербурге.

Во время следования, Его Величество, с приглашенными особами, изволил, в вагонах, кушать за обеденным столом и в Зимний дворец изволил прибыть 50 минут 7-го часа" (там же).

Марта 7. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станиию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отбыл на станцию Тосна, откуда, на лошадях, в Лисино, куда и прибыл 10 минут 1-го часа. По прибытии кушали чай, со всеми

приглашенными особами, и потом ужин.

"В Лисине встретили Его Величество и присутствовали при ужине Министр Государственных Имуществ Зеленый и Генерал-Маиор Черторижский".

Марта 8. Среда. Большое Лисино. "В 10 часов утра Его Величество, со всеми приглашенными особами, изволил кушать чай; 10 минут 12-го часа отсутствовал на охоту за 40 верст. В лесу имели фрыштык; возвратились 10 минут 6-го часа. 40 минут 6-го часа Его Величество, со всеми приглашенными особами, кушал за обеденным столом. После обеда отсутствовал на станцию Тосна и от оной, по железной дороге, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 40 минут 11-го часа вечера" (там же).

Марта 14. Вторник. С.-Петербург. "1/2 10-го (вечера) Его Величество отсутствовал е на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, в Гатчино; по прибытии во дворец, кушал чай и ужин".

Марта 15. Среда. Гатчино. "Поутру Его Величество, с приглашенными особами, в Арсенале, изволил кушать чай. 1/2 11-го часа отсутствовал на железную дорогу и по оной на охоту за Лугу; во время следования фрыштык в вагоне. С охоты Его Величество возвратился 1/2 4-го часа и отсутствовал в С.-Петербурге; во время дороги кушали за обеденным столом. 1/4 10-го часа Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Марта 21. Вторник. С.-Петербург. "10 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и с оной, с собравшимися приглашенными особами, изволил отсутствовать в Ящеры на охоту и, по прибытии 1/4 1-го часа, кушать изволил, с приглашенными особами, за вечерним

столом".

Марта 22. Среда. Ящеры. "Поутру, после чая, 1/4 11-го часа, Его Величество, с приглашенными особами, изволил отсутствовать в лес на охоту, в продолжение которой имел фрыштык. По окончании охоты, Его Величество, по возвращении в 8 часов вечера, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом, а также был и вечерний чай. Ночлег иметь изволил в Ящерах".

Марта 23. Четверг. С.-Петербург. "1/4 1-го часа утра Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

Охота 22 марта была произведена в окрестностях деревни Верести (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 19 – 1867 года).

В мае месяце, во время путешествия государя императора за границу и на Всемирную выставку в Париж, велено было сопровождать его величество придворному егерю Сухопарову (там же, д. No 21 – 1866 года).

Августа 2. Среда. Ливадия. "Великий Князь Владимир Александрович, с Контр-Адмиралом Боком и Лейб-Медиком Гартманом, поутру имели выезд на охоту и, по возвращении в 6-м часу, кушали у себя в 6 персонах" (Камер-фурьерск. журн. 1867 года).

Августа 11. Пятница. Ливадия. "В 6-м часу утра Великий Князь Владимир Александрович и Принц Альтенбургский, с Контр-Адмиралом Боком, Лейб-Медиком Гартманом и двумя приглашенными адъютантами Генерал-Адъютанта Коцебу, отсутствовали на охоту".

Августа 21. Понедельник. Ливадия. "Сего числа, в 7-м часу утра, Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Михаил Николаевич и

Принц Альтенбургский отсутствовали на охоту; с ними Контр-Адмирал Бок и Лейб-Медик Гартман".

Августа 24. Четверг. Ливадия. "Сего числа рано утром Их Высочества возвратились с охоты" (там же).

Сентября 2. Суббота. Ливадия. "Поутру, 1/2 8-го часа, Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на охоту и прибыл в лесничий егерский дом, что по дороге к Китайской даче, где собрались приглашенные особы: Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Михаил Николаевич, Принц Саксен-Альтенбургский, Генерал-Адъютант Коцебу, Генерал-Адъютант граф Перовский, Адъютант Великого Князя Михаила Николаевича Философов, Адъютант Великого Князя Михаила Николаевича барон Мейндорф, адъютант Генерал-Адъютанта Коцебу князь Урусов, Лейб-Медик Гартман.

"По прибытии в вышеписанный домик, Его Величество, с приглашенными особами, тотчас изволил проезжать в лес на охоту; по окончании оной, возвратились в тот же лесничий домик, где, со всеми вышеписанными особами, Его Величество имел фрыштык и приглашен был временно заведующий Магарачевским Никитинским садом и винодельческим училищем надворный советник Цабель. Его Величество, по возвращении с охоты, выезд имел, с Ее Величеством, в Орианду" (там же).

Октября 10. Вторник. Царское Село. "В 9 часов (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной отбыл в Гатчино. По прибытии во дворец, с Великим Князем Николаем Николаевичем и со всеми приглашенными особами на охоту, проводил вечер и кушал за вечерним столом в Арсенале".

Октября 11. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество изволил прогуливаться. После сего, в Арсенале, с особами, приглашенными на охоту, кушал чай... 1/2 12-го часа прибыли из Царского Села в Гатчинский дворец Король Эллинов, Государь Наследник, Принц Датский, Великие Князья Владимир Александрович и Константин Николаевич, а также свита Короля (адъютант Метакса, адъютант Функ, адъютант Криэзис) и Принца (капитан Лунд, капитан Наглер).

"Государь Император, с Его Королевским Величеством, Их Высочествами и прочими особами, выезд имели на ферму, где изволили иметь фрыштык и после оногo отбыли в зверинец на охоту. В 4 часа возвратились во дворец и в 6 кушали за обеденным столом, в Арсенале, в 34 персoнах. После обеда Король Эллинов, Государь Наследник, Принц Датский и Великий Князь Константин Николаевич, в 8 часов, отбыли, по Варшавской железной дороге, в Царское Село, а Государь Император с особами, бывшими на охоте, кушал чай и вечер проводил до 10 часов и после сего, с Великим Князем Владимиром Александровичем, отсутствовал на Варшавскую железную дорогу и по оной в Царское Село" (там же).

Октября 24. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 8-го часа (вечера) Его Величество отсутствовал на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с собравшимися приглашенными на охоту особами, отбыл в Лисино и прибыл во дворец 45 минут 9-го часа, где имели чай, ужин и ночлег".

Октября 25. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться. По возвращении изволил кушать чай со всеми приглашенными особами. Его Величество принимал с

докладом Шефа Жандармов графа Шувалова.

"К 11-и часам прибыли в Лисино: Король Эллинов, Государь Наследник, Принц Датский, Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Константин Николаевич и некоторые кавалеры свиты Короля и Принца. 5 минут 12-го часа Его Величество, с Королем Эллинов, в последовании Их Высочеств и прочих особ, отсутствовал на охоту, где и был фрыштык. Возвратившись во дворец 45 минут 4-го часа, за обеденным столом с Его Величеством кушали... всего 31 персона. В 8 часов Его Величество, со всеми особами, бывшими на охоте, отсутствовал в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец в 11 часов вечера" (там же).

Ноября 28. Вторник. С.-Петербург. "5 минут 10-го часа Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и, с собравшимися приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец кушали чай. За вечерним столом с Его Величеством, в Арсенале, кушали все приглашенные особы".

Ноября 29. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться. По возвращении кушал чай со всеми особами. 1/4 1-го часа отсутствовал на Дивенскую станцию на охоту, и, по возвращении в Гатчинский дворец, кушали за обеденным столом в 17 персонах. 1/4 8-го часа Его Величество, с прочими особами, по железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург. 20 минут 10-го часа Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Декабря 12. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на Варшавскую железную дорогу и, по оной, с приглашенными на охоту особами, отбыл в Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец имели чай и ужин. Кроме того, к ужину приглашались и на другой день к обеду: Комендант Богговут, Командир Кирасирского полка Голынский и полковник Арапов".

Декабря 13. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться 3/4 11-го часа, после чая, Его Величество, с прочими особами, выезд имел в имение господина Кузьмина на охоту, и в лесу был фриштик. Возвратились в 5 часов и в Арсенале кушали за обеденным столом. В исходе 9-го часа Его Величество, с прочими особами, отсутствовал, по железной дороге, в Петербург. 1/2 10-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (там же).

Декабря 19. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 9-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Лисино. По прибытии туда 3/4 11-го часа вечера, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать чай и ужин".

Декабря 20. Среда. Большое Лисино. "В 10 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту; фриштик в лесу; возвратились с охоты 1/4 3-го часа; 1/2 6-го часа обед в Лисине; 10 минут 8-го часа отсутствовал в Петербург. 25 минут 10-го часа вечера Его Величество возвратился в Зимний дворец" (там же).

1868 год. Января 4. Четверг. С-Петербург. "15 минут 11-го часа (утра) Его Величество, с Государем Наследником, выезд имел в Колтуши на охоту.

"На охоту с Его Величеством приглашались: Великий Князь Константин Николаевич (не был), Великий Князь Николай Николаевич (не был), Герцог

Меклембург-Стрелецкий (не был), Генерал-Адъютант
 барон Ливен, Генерал-Адъютант Зиновьев,
 Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й,
 Генерал-Адъютант граф Шувалов, Генерал-Адъютант
 Тотлебен, Генерал-Адъютант Зеленый,
 Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант
 граф Ламберт, Генерал-Адъютант Мердер,
 Генерал-Адъютант князь Барятинский,
 Обер-Егермейстер граф Ферзен, Гофмаршал Скарятин,
 Егермейстер Герздорф, в должности Егермейстера граф
 Толстой, Прусский Посол Принц Рейсс, Прусский
 флигель-адъютант Швейниц, Генерал-Маиор Слепцов,
 Генерал-Маиор граф Воронцов-Дашков,
 Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский.

"По прибытии, Его Величество с Государем Наследником и приглашенными особами имели на даче Чоглокова фриштик и после оногo, в 12 часов, выезд имели на охоту. По возвращении в 1/2 6-го часа, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом, и после оногo отсутствовали в места своих пребываний. Его Величество возвратился в Зимний дворец в 9 часов" (Камер-фурьерск. журн. 1868 года).

Января 10. Среда. С.-Петербург. "3/4 11-го часа (утра) Его Величество выезд имел на станцию Царскосельской железной дороги и по оной отсутствовал в Павловск, в село Федоровское, на охоту и в лесу, во время охоты, с приглашенными особами, имел фриштик, а по окончании оной, изволил проезжать в Царскосельский дворец, где кушал за обеденным столом, и после оногo отсутствовал по железной дороге. Прибыл в Зимний дворец 3/4 10-го часа вечера".

Января 23. Вторник. С.-Петербург. "В начале

концерта (который давали артисты Императорской Итальянской оперы в Зимнем дворце) изволил прибыть Его Величество и, не ожидая окончания, 10 минут 12-го часа, возвратился к себе, по случаю отсутствия своего на охоту, в которое время и бывшие на концерте особы, приглашенные Его Величеством на охоту, также уезжали.

"25 минут 12-го часа Его Величество из Зимнего дворца отсутствовал на охоту, по Николаевской железной дороге, до станции Тосна, а оттуда, в санях, в Лисино. 1/2 2-го часа, по прибытии в Лисино, Его Величество, с приглашенными особами, изволил ужинать (кроме приглашенных особ, был директор училища Генерал-Маиор Черторижский)".

Января 24. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать чай и принимал с докладом Шефа Жандармов графа Шувалова. 1/4 12-го часа Его Величество выезд имел в лес, за 18 верст, на охоту и в лесу, со всеми приглашенными особами, имел фриштик; возвратился с охоты 1/4 6-го часа. В 6 часов обеденный стол 15-и персон. 1/4 9-го часа Его Величество отсутствовал из Лисино и на железной дороге, в вагоне, кушал чай. Прибыл в Зимний дворец 25 минут 1-го часа вечера" (там же).

Января 30. Вторник. С.-Петербург. "В 8 часов (вечера) Его Величество выезд имел в Мариинский театр, оттуда на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Малую Вишеру".

Января 31. Среда. Малая Вишера. "Его Величество, поутру, в 11 часов, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, где имели фриштик. Обеденный стол, по возвращении с охоты, в 17-й персонах. Его

Величество возвратился в Зимний дворец 5 минут 12-го часа" (там же).

Февраля 21. Среда. С.-Петербург. "В 10 часов (утра) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, изволил отсутствовать на охоту в Колтуши, в имение господина Чоглокова, где, по приезде, с приглашенными на охоту особами, имел фриштик.

"После фриштика, Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту. По возвращении, в 6 часов, кушал за обеденным столом, с вышеписанными особами. 10 минут 10-го часа Его Величество отсутствовал в Зимний дворец и прибыл 1/2 11-го часа".

Февраля 27. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество отсутствовать изволил на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отбыл на охоту в город Лугу.

"Во время следования в Лугу, Его Величество, с приглашенными особами, в вагоне, имел ужин" (там же).

Февраля 28. Среда. Луга. "Поутру Его Величество, после чая, с приглашенными особами, имел выезд в лес на охоту, и там же имели фриштик. По возвращении, в 6 часов, отсутствовал в С.-Петербург. Во время следования, в вагоне, кушал за обеденным столом, прибыв в Зимний дворец 25 минут 10-го часа" (там же).

Марта 5. Вторник. С.-Петербург. "5 минут 11-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами на охоту, отсутствовал в Большое Лисино.

"На пути, в вагоне, кушали чай, а по прибытии в Лисинский дворец имели ужин".

Марта 6. Среда, Большое Лисино. "В 11 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту, и в лесу был фриштик; возвратились во дворец 1/2 3-го часа. За обеденным столом Его Величество, с приглашенными особами, кушал в 5 часов и в 7 часов отсутствовал в Петербург. В Зимний дворец изволил прибыть 40 минут 10-го часа" (там же).

12 марта, во вторник, у государя императора кушали за вечерним столом, в Зимнем дворце, все лица, приглашаемые на высочайшие охоты (там же).

В марте месяце Егермейстерскою конторою было уплачено 170 руб. за выделку ковров из шкур медведей и волков, убитых его величеством (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 28 – 1868 года).

Апреля 24. Среда. С.-Петербург. "15 минут 3-го часа Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной отсутствовал, с приглашенными особами, в Лисино на охоту. По прибытии в Лисинский дворец Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом и после оного отсутствовал на охоту в лес.

"На охоту с Его Величеством приглашались: Великий Герцог (Саксен-Веймарнский), Великий Князь Владимир Александрович, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант барон Притвиц, Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант Зеленый, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Прусский Посланник Принц Рейсс, Прусский флигель-адъютант Швейниц, флигель-адъютант граф Келлер.

"Ночлег Его Величество изволил иметь в Лисинском дворце" (Камер-фурьерск. журн. 1868 года).

Апреля 25. Четверг. Большое Лисино. "После

утренней охоты Его Величество, с приглашенными особами, проезжал на Николаевскую железную дорогу и по оной возвратился 30 минут 1-го часа пополудни" (там же).

Апреля 30. Понедельник. Царское Село. "25 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Царскосельскую железную дорогу и по оной отсутствовал в С.-Петербург. 20 минут 11-го часа Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец и проходил в свои апартаменты. В 1/2 12-го часа Его Величество отсутствовал в Осиновую Рощу на охоту, где, с собравшимися особами, кушал чай и холодную закуску. Его Величество возвратился в Зимний дворец в 5 часов утра.

"На охоту приглашались: Прусский Посланник Принц Рейсс, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Левашов, Прусский флигель-адъютант Швейниц" (там же).

Августа 14. Среда. Царское Село. "Государь Наследник изволил быть на охоте и прибыл в Царское Село к обеду" (там же).

Октября 1. Вторник. С.-Петербург (хотя в это время государь император и проживал в Царском Селе, но 1 октября прибыл в С.-Петербург на спуск броненосца "Адмирал Чичагов"). "25 минут 10-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Большое Лисино.

"По прибытии в Лисино 3/4 12-го часа, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать чай и имел ужин".

Октября 2. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться и по

возвращении кушал чай. В 11 часов, со всеми особами, выход имел в лес на охоту на дичь. Возвратился 5 минут 3-го часа и имел фриштик. В 7 часов кушал за обеденным столом в 9 персонах. 1/4 9-го часа Его Величество отсутствовал из Лисина и прибыл в Царское Село 40 минут 11-го часа".

Октября 8. Вторник. С.-Петербург (В этот день Его Величество отбыл из тогдашней резиденции – Царского Села – в Петербург на торжество прибития штандарта, всемилостивейше пожалованного Терскому казачьему эскадрону Собственного Его Величества конвоя). "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отбыл в Гатчино на охоту. По прибытии во дворец, 1/4 12-го часа, имел чай и ужин в 18-и персонах, к которому приглашены были, кроме прежде приглашавшихся на охоту, находящиеся в Гатчине: Комендант города Генерал-Лейтенант Богговут и Командир Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка Генерал-Маиор Голынский".

Октября 9. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться и, по возвращении, кушал чай. 25 минут 12-го часа Его Величество отсутствовал в поле на охоту с Их Высочествами и приглашенными особами; в лесу фриштик; возвратился в 4 часа. За обеденным столом с Его Величеством кушали в Арсенале 18 персон вышеписанных приглашенных особ. 3/4 10-го часа Его Величество, по железной дороге, отбыл в Царское Село и прибыл во дворец 40 минут 11-го часа" (там же).

К охоте этой было привлечено 787 человек нижних чинов Кирасирского Ее Величества полка, коим было выдано вознаграждение по 30 коп. на человека (Арх.

Упр. Имп. ох., д. № 14 – 1869 года).

Октября 15. Вторник. С.-Петербург (приезд его величества из Царского Села в Петербург на отпевание тела генерал-адъютанта Стааль фон Гольштейна). "50 минут 10-го часа вечера Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Лисино; по прибытии в Лисино кушал чай, а 10 минут 2-го часа начался ужин".

Октября 16. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться. 5 минут 12-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отбыл на охоту в лес; в егермейстерской палатке имели фриштик. Возвратился в 1/2 5-го часа. В 7 часов Его Величество, с Их Высочествами и всеми приглашенными особами, кушал за обеденным столом. 55 минут 9-го часа Его Величество отсутствовал на Николаевскую железную дорогу и, по оной, до станции Колпино, от оной, в экипаже, в Царское Село, куда и прибыл 25 минут 11-го часа" (там же).

Октября 22. Вторник. С.-Петербург (приезд его величества из Царского Села в Петербург на осмотр нижних чинов, прибывших из армии на укомплектование гвардии). "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и на экстренном поезде, с приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец, в 11 часов, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Октября 23. Среда. Гатчина. "После утренней прогулки, Его Величество, в 9 часов, отсутствовал на

охоту и во время оной, с приглашенными особами, в зверинце, изволил иметь фриштик. В 1/2 6-го часа Его Величество, по возвращении с охоты, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом и в 10-м часу отсутствовал, по железной дороге, в Царское Село, куда и прибыл 40 минут 11-го часа" (там же).

На охоте этой участвовало в качестве кричан 700 нижних чинов Кирасирского Ее Величества полка, коим было выдано по 30 коп. на человека (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 14 – 1869 года).

Октября 29. Вторник. С.-Петербург (приезд его величества из Царского Села по тому же случаю, как 22 октября). "40 минут 10-го часа вечера Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и, по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино.

"На охоту приглашались: Государь Наследник, Великий Князь Константин Николаевич, Великий Князь Николай Николаевич, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Баранов, Генерал-Адъютант Зеленый, Генерал-Адъютант граф Шувалов, Генерал-Адъютант граф Перовский, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Герздорф, Егермейстер Скарятин, Генерал-Маиор граф Воронцов-Дашков, Прусский Посланник Принц Рейсс, Прусский флигель-адъютант Швейниц.

"По прибытии в Гатчинский дворец, кушали чай и за вечерним столом".

Октября 30. Среда. Гатчино. "Поутру, после чая, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту в ремизе, где и был фриштик. По

возвращении во дворец, кушали за обеденным столом. В 1/2 1-го часа вечера Его Величество прибыл, по железной дороге, в Царское Село" (Камер-фурьерск. журн. 1868 года).

На охоте в ремизе были те же загонщики, что и 23 октября (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 14 – 1869 года).

В ноябре месяце Егермейстерскою конторою было уплачено 69 руб. 75 коп. "за вделанные, по Высочайшему повелению, в полированные точеные рамки 8 пар ланьих и оленьих рогов Собственной Государя Императора охоты, в нынешнем году, в Дармштадтском парке и Потсдаме и доставку оных в Гатчинский дворец" (там же, д. No 28 – 1868 года).

Декабря 10. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 8-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Большой театр, присутствовал при спектакле и в 10-м часу отбыл на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, в Гатчино. 25 минут 1-го часа Его Величество прибыл в Гатчинский дворец и в Арсенале, с приглашенными особами, проводил вечер, и имели ужин.

"Также приглашались Управляющий городом Гатчино Богговут и Командир Кирасирского Ее Величества полка Генерал-Маиор Голынский" (Камер-фурьерск. журн. 1868 года).

Декабря 11. Среда. Гатчино. "7 минут 12-го часа Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на Дивенскую станцию на охоту; фриштик в лесу; по возвращении в Гатчинский дворец, 40 минут 5-го часа кушали за обеденным столом в Арсенале. В 8 часов отбыли в Петербург, и Его Величество прибыл в Зимний дворец 1/2 10-го часа" (там же).

Декабря 17. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов вечера, Его Величество выезд имел на Варшавскую

железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, изволил отсутствовать на охоту в Ящеры. По прибытии на станцию, Его Величество, с прочими особами, кушал за вечерним столом".

Декабря 18. Среда. Ящеры. "Поутру Его Величество, в 9 часов, с особами, выезд имел на охоту, и в лесу имели фриштик. По возвращении на станцию, в 6 часов, кушали за обеденным столом и после одного отсутствовали в Петербург. 15 минут 12-го часа Его Величество прибыл в Зимний дворец" (там же).

18 декабря было произведено две облавы: одна – у деревни Верести с 280 кричанами, другая – у деревни Вяз с 400 кричанами (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 19 – 1867 года).

1869-й год. Января 7. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 10-го часа вечера Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной отсутствовал, с приглашенными на охоту особами, в Лисино.

"На охоту приглашались: Государь Наследник (не был), Великий Князь Константин Николаевич (не был), Великий Князь Николай Николаевич (не был), Герцог Меклембург-Стрелецкий (не был), Князь Николай Черногорский, Генерал-Адъютант князь Суворов (не был), Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант князь Радзивилл, Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й, Генерал-Адъютант граф Шувалов (не был), Генерал-Адъютант Мердер, Генерал-Адъютант граф Перовский (не был), Генерал-Адъютант Зеленый, Генерал-Адъютант князь Барятинский 2-й, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Герздорф, Егермейстер Скарятин, отставной Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский, Генерал-Маиор граф

Воронцов-Дашков (не был), Флигель-Адъютант князь Долгоруков, Прусский Посланник Принц Рейсс, Прусский флигель-адъютант Швейниц, Художник Зичи.

"10 минут 1-го часа Его Величество изволил прибыть в Лисинский дворец, кушал чай и 1/2 2-го часа имел ужин, с вышеписанными особами".

Января 8. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество изволил заниматься бумагами; в 10 часов кушал чай и в 12 часов выезд имел на охоту; возвратился 1/2 5-го часа; фриштик в лесу; в 6 часов кушал за обеденным столом и в 8 часов отсутствовал в С.-Петербург. 10 минут 11-го часа Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец" (Камер-фурьерск. журн. 1869 года).

Января 14. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на станцию Малой Вишеры; во время следования кушал чай и ужин.

"Кроме сих, Начальник железной дороги Генерал-Маиор Зуев и Директор эксплуатации Кениг".

Января 15. Среда. Малая Вишера. "В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться; по возвращении кушал чай со всеми особами; затем отсутствовал на станцию Торбино, откуда выезд имел на охоту; фриштик в лесу; возвращение на станцию Торбино 50 минут 5-го часа; от станции Торбино до Малой Вишеры Его Величество изволил отдыхать; от Малой Вишеры, во время десятиминутной остановки, начался обеденный стол в вагоне и продолжался во время следования до С.-Петербурга. 10 минут 1-го часа вечера Его Величество изволил прибыть в Зимний

дворец" (там же).

Января 22. Среда. С.-Петербург. "В 10 часов утра Его Величество выезд имел в Колтуши, на дачу Чоглокова, на охоту, куда также заблаговременно собрались приглашенные особы.

"По прибытии в имение Чоглокова, Его Величество, с приглашенными особами, изволил выезд иметь в лес на охоту; во время охоты был фриштик, и по окончании охоты изволил на мызе кушать за обеденным столом, с приглашенными особами, и после одного отсутствовать и возвратился в Зимний дворец 40 минут 8-го часа вечера" (там же).

Января 28. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной изволил, с собравшимися приглашенными особами, отсутствовать в Лисино на охоту.

"По прибытии в Лисинский дворец в 12 часов, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Января 29. Среда. Большое Лисино. "В 9-м (9 или 10-м) часу утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, во время которой изволил иметь фриштик и по возвращении с охоты, в 5 часов, кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом и в 7 часов отсутствовал, по железной дороге, из Лисина; прибыть изволил в Зимний дворец 45 минут 10-го часа" (там же).

Февраля 7. Пятница. С.-Петербург. "50 минут 7-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Бологое; во время следования был чай и ужин. По прибытии на станцию Бологое 3/4 3-го часа, кушали

чай".

Февраля 8. Суббота. Бологое. "В 10 часов утра, после чая, Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал за 25 верст на охоту; в лесу фриштик; возвратился на станцию Бологое 10 минут 4-го часа и отсутствовал в С.-Петербург. Во время следования имел обеденный стол в вагоне, к которому приглашались 2 начальника эксплоатации. Прибыл в Зимний дворец, с Великим Князем Владимиром Александровичем, 40 минут 1-го часа" (там же).

Февраля 14. Пятница. С.-Петербург. "50 минут 8-го часа (вечера) Его Величество отсутствовал на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, на станцию Окуловку. Во время следования чай и ужин.

"Его Величество, с приглашенными особами, изволил прибыть на станцию Окуловка в 2 часа ночи; чай и ужин был в вагоне".

Февраля 15. Суббота. Окуловка. "10 минут 10-го часа утра Его Величество выезд имел в лес на охоту и в продолжение оной имел фриштик там с приглашенными особами; по окончании охоты, Его Величество возвратился на станцию и 35 минут 7-го часа отсутствовать изволил в Петербург, и 35 минут 12-го часа прибыл в Зимний дворец" (там же).

Февраля 21. Пятница. С.-Петербург. "55 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на станцию Вишера и во время следования изволил кушать чай (1) за вечерним столом. По прибытии, в 12 часов, Его Величество изволил иметь ночлег на станции".

Февраля 22. Суббота. Малая Вишера. "В 1/2 11-го часа утра Его Величество выезд имел, с

приглашенными особами, на охоту, во время которой изволил иметь фриштик в лесу. Возвратился в 2 часа и тотчас отсутствовал, с приглашенными особами, в Петербург, куда прибыть изволил 10 минут 6-го часа" (там же).

Марта 11. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал в город Лугу. Во время следования чай и закуска; ужина не было. По прибытии в город Лугу, 50 минут 2-го часа, Его Величество проезжал в дом, где и имел ночлег".

Марта 12. Среда. Луга. "Поутру Его Величество, со всеми приглашенными особами, изволил кушать чай, и 40 минут 11-го часа отбыли, в экипажах, 25 верст за станцию Белую на охоту. По прибытии на охоту, фриштик в лесу. Возвратился с охоты прямо на станцию железной дороги, 1/4 4-го часа; обед начался от Гатчино. Его Величество прибыл в Зимний дворец 50 минут 8-го часа".

Марта 18. Вторник. С.-Петербург. "В 10 часов (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с собравшимися заблаговременно приглашенными особами, отсутствовал в Лисино на охоту. Во время следования, в вагонах, был подаваем чай. По прибытии в Лисинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за вечерним столом".

Марта 19. Среда. Большое Лисино. "После утренней прогулки, Его Величество, с приглашенными особами, 1/2 12-го часа, выезд имел в лес на охоту, во время которой имел фриштик. Возвратился в 2 часа и тотчас изволил отсутствовать в Петербург. Прибыл в Зимний

дворец 50 минут 5-го часа" (там же).

Марта 25. Вторник. Вечернее собрание и ужин у его величества в Зимнем дворце, к которому приглашались все те лица, которые бывают на высочайших охотах (там же).

В начале апреля месяца Егермейстерскою конторою было уплачено 221 руб. 50 коп. за выделку для государя императора ковров и шкур убитых его величеством медведей и обделку рогов (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 22 – 1869 года).

Апреля 10. Четверг. С.-Петербург. "35 минут 12-го часа (вечера) Его Величество с Государем Наследником Цесаревичем отсутствовал в Земледельческое училище на охоту. По прибытии, 35 минут 1-го часа, кушал чай, с прибывшими до сего Генерал-Адъютантом бароном Ливеном и Обер-Егермейстером графом Ферзенем ("Ужина не было, но посылался холодный ужин"). 1/4 2-го часа выезд имели на охоту. Возвратился 1/4 6-го часа, кушал кофе и 1/2 6-го часа отбыл в Зимний дворец. 35 минут 7-го часа утра Его Величество возвратился с охоты и опочивал", а в 11 часов утра уже принимал доклады министров (Камер-фурьерск. журн. 1869 года).

Октября 17. Пятница. Царское Село. "25 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, в загородном экипаже, отсутствовал на охоту в Большое Лисино и, по прибытии, с приглашенными особами на охоту, изволил кушать за вечерним столом.

"Приглашенные особы собрались на станции Николаевской железной дороги в Петербурге в 1/2 10-го часа вечера".

Октября 18. Суббота. Большое Лисино. "Утром Его Величество, с приглашенными на охоту особами, выход имел на охоту. По возвращении, изволил

фриштика и потом вторично выходил в лес охотиться. За обеденным столом Его Величество кушал со всеми приглашенными на охоту особами ("К обеду приглашался полковник Петров"). В 8 часов вечера извзолил из Лисина отсутствовать, в экипаже, с Великим Князем Владимиром Александровичем в Царское Село, куда и прибыл 40 минут 11-го часа" (там же).

Октября 24. Пятница. С.-Петербург (в это время постоянное местопребывание государя императора было в Царском Селе, но 24 октября его величество прибыл в Петербург для осмотра выставки в Академии художеств). "35 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной на охоту в Гатчино и прибыл в 11 часов, с Государем Наследником, Великим Князем Владимиром Александровичем и приглашенными особами, в Гатчинский дворец, на Арсенальный каре, а потом в зале имели ужин в 17-и персонах, к которому также приглашены были, кроме нижепоименованных особ, Командир Кирасирского полка Генерал-Маиор Голынский и Комендант Генерал-Маиор Богговут.

"На охоту приглашались: Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Зиновьев, Генерал-Адъютант граф Баранов 2-й, Генерал-Адъютант граф Шувалов, Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант Мердер, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Герздорф, Егермейстер Скарятин, Генерал-Маиор Воронцов-Дашков, Прусский Посланник Принц Рейсс, Прусский флигель-адъютант Швейниц".

Октября 25. Суббота. Гатчина. "Утром Его Величество выход имел прогуливаться. После сего Его Величество фриштик имел в Арсенале с

приглашенными особами ("Генерал-Адъютанты князь Суворов и граф Баранов на утреннем поезде отбыли в Петербург"). После фриштика имели выезд на охоту в зверинец на волков и по окончании оной возвратились во дворец. За обеденным столом Его Величество кушать изволил со всеми особами, бывшими при фриштике. 5 минут 10-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал, по железной дороге, в Царское Село, куда прибыл 50 минут 11-го часа и через несколько минут выход имел прогуливаться" (там же).

Октября 31. Пятница. Царское Село. "50 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выехал, в санях, прогуливаться и возвратился 40 минут 10-го часа и через 10 минут выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной в Гатчино на охоту".

Ноября 1. Суббота. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться и по возвращении принимал с докладом Шефа жандармов графа Шувалова. В 11 часов Его Величество, с прочими приглашенными особами, выезд имел в зверинец на охоту; фриштик в ремизе; по возвращении во дворец кушал в Арсенале за обеденным столом... 15 минут 10-го часа, по железной дороге, Его Величество, с Государем Цесаревичем, отбыл в Царское Село, а прочие особы в Петербург" (там же).

Ноября 11. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем и Принцем Гессенским, выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, на охоту отбыли в Лисино. По прибытии в Лисинский дворец кушали чай и ужин в 20-и персонах".

Ноября 12. Среда. Гатчина. "Поутру, после общего

чая, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту в зверинец, где и был фриштик. По возвращении во дворец кушали за обеденным столом, и после одного отсутствовал в Петербург 10 минут 9-го часа. 35 минут 11-го часа Его Величество, с Принцем Гессенским, прибыл в Зимний дворец" (там же).

Ноября 18. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Принцем Гессенским, отбыл на станцию Николаевской железной дороги, и, с собравшимися приглашенными на охоту особами, отсутствовали в Лисино, где имели ужин.

"На охоту приглашались: Государь Наследник (не был), Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Константин Николаевич (не был), Великий Князь Николай Николаевич (не был), Князь Николай Максимилианович, Принц А. Гессенский, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Баранов (не был), Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант Зеленый, Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант князь Барятинский, Генерал-Адъютант граф Шувалов, Генерал-Адъютант Мердер (не был), Генерал-Адъютант Слепцов, Прусский Посланник Принц Рейсс, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Герздорф, Егермейстер Скарятин, Генерал-Маиор граф Воронцов-Дашков, Прусский флигель-адъютант Вердер, Адъютант Принца Гессенского Рощман".

1870 год. Января 2. Пятница. С.-Петербург. "1/4 10-го часа вечера, Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной отсутствовал, с приглашенными особами, на охоты в Ящеры.

"На охоту приглашались: Государь Наследник,

Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Алексей Александрович, Великий Князь Николай Николаевич, Князь Николай Максимилианович, Герцог Стрелецкий, Французский Посол Флёри, Прусский Посланник Рейсс, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант князь Радзивилл (не был), Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант князь Барятинский 2-й, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Егермейстер Скарятин, Прусский флигель-адъютант Вердер".

Января 3. Суббота. Ящеры. "После утренней прогулки, Его Величество, в 10 часов утра, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, во время которой имел фриштик. По возвращении, в 6 часов, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом. В 8 часов Его Величество и приглашенные особы отсутствовали в С.-Петербурге. 20 минут 11-го часа Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами изволил возвратиться с охоты".

Января 9. Пятница. С.-Петербург. "1/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино. По прибытии в Гатчино, вечернее собрание и ужин с Его Величеством в Арсенале".

Января 10. Суббота. Гатчина. "В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться и на озере изволил застрелить утку. В 11 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными вышеписанными особами, по железной дороге, отсутствовал на вторую станцию за Гатчино на охоту и в лесу имел фриштик; возвратился в Гатчино в 4 часа. В 6 часов Его Величество изволил кушать за обеденным столом с

бывшими на охоте особами и, кроме сих, были еще приглашены начальник эксплуатации Генерал-Маиор Данненштерн и начальник артиллерийской бригады полковник Бирюхов – 19 персон. В 9-м часу Его Величество отсутствовал, по железной дороге, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 10 минут 1-го часа" (там же).

Января 16. Пятница. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество отсутствовал на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными на охоту особами, отбыл на станцию Малая Вишера.

"Во время следования в Вишеру Его Величество, с Их Высочествами, приглашенными особами и начальником эксплуатации Кенигом, изволил иметь ужин. Прибыли на станцию Малая Вишера 40 минут 2-го часа и на оной имели ночлег".

Января 17. Суббота. Малая Вишера. "Поутру, в 10 часов, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отбыл в лес на охоту; фриштик в лесу; возвратились 1/2 5-го часа. В 5 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал в С.-Петербург, во время следования изволил иметь обеденный стол в 13-и персонах, прибыл в Зимний дворец в 9 часов вечера" (там же).

Января 30. Пятница. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на станцию Тосна, а оттуда, в санях, в Лисинский дворец, куда и прибыли 10 минут 1-го часа, кушали чай и имели ужин".

Января 31. Суббота. Лисино. "10 минут 10-го часа

Его Величество, после утреннего кофе, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовали в лес на охоту; в лесу имели фриштик; возвратились 55 минут 5-го часа; в 6 часов кушали во дворце за обеденным столом и 55 минут 8-го часа, в экипажах, отбыли на станцию Тосна и оттуда, по железной дороге, отсутствовали в С.-Петербург. 1/4 11-го часа вечера Его Величество возвратился во дворец" (там же).

Февраля 6. Пятница. С.-Петербург. "В 12 1/2 часов (ночи) Его Величество изволил от князя Барятинского (Владимира Ивановича, генерал-адъютанта, у которого в этот день был бал) отсутствовать на станцию Петергофской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Ораниенбаум на охоту.

"По прибытии в Ораниенбаум, Его Величество проезжал, с приглашенными особами, во дворец Великой Княгини Елены Павловны, где имел ночлег".

Февраля 7. Суббота. Ораниенбаум. "10 минут 11-го часа Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, в продолжение которой изволил иметь фриштик и по возвращении во дворец в 6 часов, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом. 3/4 9-го часа Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал из Ораниенбаума и прибыл в Зимний дворец, с Великим Князем Владимиром Александровичем, в 10 часов вечера" (там же).

Февраля 13. Пятница. С.-Петербург. "1/2 9-го часа (вечера) Ее Величество и 10 минут 11-го часа Его Величество выезд имели на бал к Государю Наследнику... Его Величество изволил проезжать на станцию Варшавской железной дороги и по оной, в 2 часа, с приглашенными особами, отсутствовал в

Гатчино на охоту и по прибытии в Гатчинский дворец изволил иметь ночлег".

Февраля 14. Суббота. Гатчина. "В 10 часов утра, после прогулки, Его Величество выезд имел, с приглашенными особами, в лес на охоту, в продолжение которой изволил иметь фриштик. По возвращении, в 6 часов, Его Величество кушал за обеденным столом, с приглашенными особами. 20 минут 12-го часа Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, изволил возвратиться с охоты" (там же).

Февраля 16. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Михайловский театр, присутствовал при спектакле. По окончании спектакля, Его Величество проезжал на Петергофскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Ораниенбаум ("приглашались собираться на железную дорогу к 12-и часам ночи"). Государь Император, по прибытии в Ораниенбаумский дворец, имел чай и ужин".

Февраля 17. Среда. Ораниенбаум. "После чая, в 10 часов, Его Величество выезд имел на охоту; фриштик в лесу; возвратился в Ораниенбаумский дворец в 4 часа; в 6 изволил кушать за обеденным столом, с Их Высочествами и приглашенными особами; в 9-м часу из дворца отсутствовал на железную дорогу и по оной в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами 3/4 10-го часа" (там же).

Марта 3. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами на охоту, на станцию Чудовскую; чай и ужин был в вагоне.

"От станции Чудовской проезжали, в экипажах, в Спасское Полесье и в станционном доме имели ночлег.

"Поутру, 4-го числа, после чая, Его Величество, с особами, отсутствовал на охоту. В лесу имели фриштик; на обратном пути Его Величество, в станционном доме, изволил переодеваться, а в 6 часов отсутствовал с Чудовской станции в Петербург. Обеденный стол в вагоне. 1/2 9-го часа Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Марта 10. Вторник. С.-Петербург. "В 10 часов (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Большое Лисино".

Марта 14. Суббота. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (утра) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, отсутствовал на станцию Выборгской железной дороги и по оной, с собравшимися приглашенными особами, отбыл на охоту, не доезжая Голицынской станции. Фриштик был в лесу.

"3/4 7-го часа Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Марта 20. Пятница. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на станцию Малая Вишера, куда и прибыл 40 минут 2-го часа.

"Во время следования был чай, ужин и закуска. Ночлег был на станции".

Марта 21. Суббота. Малая Вишера. "Поутру Его Величество изволил прогуливаться по парку. В 11 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту,

где имели фриштик и возвратились на станию 1/2 6-го часа, и через четверть часа отсутствовал в Петербург. Во время следования кушали за обеденным столом, в вагоне, в 14-и персонах. К обеду также приглашались директор Николаевской железной дороги статский советник Кениг и инспектор Генерал-Маиор Зуев. Его Величество изволил возвратиться в Зимний дворец 1/2 10-го часа" (там же).

Марта 23. Понедельник. С.-Петербург. "В 10 часов (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Спасское Полесье на охоту. Кушать чай изволил в вагоне, и ужинали в 11 персонах. Ночлег был в почтовом доме.

"К ужину также приглашались: директор Николаевской железной дороги Кениг и инспектор Генерал-Маиор Зуев".

Марта 24. Вторник. Спасское Полесье. "Поутру, в 10 часов, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, возвратился 1/4 3-го часа, изволил иметь фриштик, к которому приглашался и Новгородский Губернатор Действительный Статский Советник Лерхе. После фриштика, 3/4 3-го часа, Его Величество отбыл на Николаевскую железную дорогу и по оной в С.-Петербург. Изволил прибыть в Зимний дворец в 8 часов вечера" (там же).

Апреля 2. Четверг. С.-Петербург. "20 минут 12-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, изволил отсутствовать на охоту в Земледельческое училище и возвратился 3-го числа в 7 часов утра. На охоту посылался ужин и чай" (там же).

Августа 4. Вторник. Петергоф. "10 минут 1-го часа (дня) Его Величество изволил выехать на охоту за

Бабигон в деревню Кузнецы и проездом был в Павилионе ("что на Бабигоне"). Возвратился с охоты на ферму (Петергофскую) 4 часа 20 минут" (там же).

Августа 7. Пятница. Петергоф. "40 минут 1-го часа Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на охоту за Петергоф, за Бабигоны, деревню Кузнец. Возвратился 20 минут 5-го часа" (там же).

Августа 11. Вторник. Петергоф. "В 12 часов Его Величество выезд имел в окрестности Петергофа, за Бабигон, на охоту. Возвратился 20 минут 6-го часа" (там же).

По данным бумаг Егермейстерской конторы, последние три охоты государь император охотился на тетеревей с легавою собакою (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 27 – 1870 года).

Сентября 1. Вторник. Царское Село. "12 минут 11-го часа вечера Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, изволил отсутствовать, в коляске, по загородному, на охоту в Большое Лисино, куда и прибыл 1/2 1-го часа. За вечерним столом изволил кушать, с приглашенными на охоту заблаговременно особами, по железной дороге".

Сентября 2. Среда. Большое Лисино. "Утром, после чая, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту и по возвращении 1/4 1-го часа изволил иметь фриштик, а в 1/2 2-го часа вторично выезжать изволил на охоту. 3/4 6-го часа Его Величество, Великий Князь Владимир Александрович и прочие особы кушали за обеденным столом. В 8 часов вечера отсутствовали в Царское Село, куда и прибыли 40 минут 11-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1870 года).

Сентября 15. Вторник. Царское Село. "В 1/2 9-го часа утра Их Величества, с Их Высочествами

Августейшими детьми, отсутствовали из Большого дворца на Колпинскую станцию Николаевской железной дороги, где были также заблаговременно Государь Наследник и Государыня Цесаревна, а также прибывшие с экстренным поездом особы, приглашенные с Его Величеством на охоту в Лисино. В 9 часов утра экстренный поезд, от станции Колпино, с Их Величествами и Их Высочествами и сопровождавшими Ее Величество в Ливадию, а Его Величество на охоту, проезжал до станции Тосна и во время шествия для Высочайших особ и для прочих особ был, в вагоне, фриштик. По прибытии на станцию Тосна, Его Величество, распростясь с Государынею Императрицею и Августейшими детьми, отсутствовал, с приглашенными особами, на охоту, в экипажах, в Лисино, а Ее Величество, с Их Высочествами, Великими Князьями Сергеем и Павлом Александровичами и Великою Княжною Мариєю Александровною, изволила продолжать путешествие через Москву в Собственное имение Ливадию.

"Его Величество, по прибытии в Лисинский дворец, изволил кушать чай и в 2 часа выезд имел, с приглашенными особами, на охоту. По возвращении, в 7 часов, с особами кушал за обеденным столом, и после одного, в 9 часов, по железной дороге, отсутствовал в Царское Село и прибыть изволил в Большой дворец в 11 часов вечера" (там же).

Сентября 22. Вторник. С.-Петербург (резиденция государя в это время была в Царском Селе, но 22 сентября его величество выезжал в Кронштадт, а оттуда в С.-Петербург). "Его Величество, 3/4 9-го часа вечера, изволил отсутствовать на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отбыл на охоту в Лисино.

"По прибытии в Лисино, 10 минут 12-го часа, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, изволил иметь чай, ужин и ночлег".

Сентября 23. Среда. Большое Лисино. "1/4 12-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел в зверинец на охоту; в зверинце изволил фриштировать и возвратился во дворец в 4 часа, и кушали за обеденным столом в 16-и персонах. 1/2 10-го часа Его Величество, в экипажах, отсутствовал в Царское Село, куда и прибыл 35 минут 12-го часа" (там же).

Сентября 29. Вторник. Царское Село. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Алексеем Александровичем, выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с Государем Наследником, Герцогом Стрелецким и приглашенными особами, отбыл в Гатчино на охоту. Прибыл в Гатчинский дворец 20 минут 11-го часа, и кушали за вечерним столом в Арсенале".

Сентября 30. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться. 3/4 9-го часа, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел на железную дорогу и по оной отбыл в имение Сенатора Веймарна на охоту, где имели фриштик, и 1/2 5-го часа, по железной дороге, возвратились в Гатчинский дворец. За обеденным столом Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушали в Арсенале в 6 часов. 1/4 10-го часа Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной отбыл в Царское Село и прибыл в Царское Сельский дворец 5 минут 11-го часа" (там же).

Октября 6. Вторник. Царское Село. "3/4 10-го часа вечера Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с

приглашенными особами, отсутствовал на охоту в городе Гатчино.

"3/4 11-го часа Его Величество, по прибытии в Гатчинский дворец, с Их Высочествами и приглашенными особами, в Арсенальном зале кушали чай и за вечерним столом".

Октября 7. Среда. Гатчина. "После утренней прогулки, Его Величество изволил принимать с докладом Министра Государственных Имуществ Зеленого и Шефа жандармов графа Шувалова. В 11 часов Его Величество выезд имел, с Их Высочествами и приглашенными особами, на охоту в зверинец, где изволил иметь фриштик. По возвращении, в 6 часов, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушал за обеденным столом в Арсенальном зале. В 9 часов Его Величество отсутствовал на Варшавскую железную дорогу и по оной в 10 часов возвратился в Царскосельский дворец" (там же).

Октября 13. Вторник. Царское Село. "10 минут 10-го часа вечера Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино на охоту и, по прибытии в 10 часов утра в Гатчинский дворец, в Арсенале кушал с приглашенными особами за вечерним столом".

Октября 14. Среда. Гатчина. "После утренней прогулки, Его Величество изволил принимать с докладом Министра Государственных Имуществ и Шефа жандармов графа Шувалова. В 11 часов Его Величество, с Их Высочествами, выезд имел на Варшавскую железную дорогу, где, встретив Государыню Цесаревну, Великую Княгиню Александру Иосифовну, Великую Княгиню Марию Николаевну и Принцессу Евгению Максимилиановну, с Их

Высочествами изволил проезжать во дворец, и имели в Арсенале фриштик. После фриштика Его Величество, с Великими Князьями и приглашенными особами, выезд имел в зверинец на охоту, при которой присутствовали также и Великие Княгини и Принцесса. В 3 часа Великие Княгини возвратились из зверинца во дворец и через несколько времени отсутствовали в места своих проживаний. Его Величество, Великие Князья и приглашенные особы прибыли во дворец с охоты в 4 часа и в 7 часов, в Арсенале, кушали за обеденным столом. 55 минут 10-го часа Его Величество, с Их Высочествами, по железной дороге, возвратиться изволил в Царскосельский дворец" (там же).

Октября 20. Вторник. С.-Петербург (в этот день его величество прибыл в Петербург из постоянной резиденции того времени – Царского Села – по случаю панихиды по императрице Александре Феодоровне). "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, изволил отсутствовать в Большое Лисино на охоту.

"По прибытии 50 минут 12-го часа в Лисинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Октября 21. Среда. Большое Лисино. "После утренней прогулки, Его Величество принимал с докладом Шефа жандармов графа Шувалова. В 12 часов Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, во время которой, с особами, изволил иметь фриштик. Возвратился в 4 часа. В 6 часов Его Величество, в Лисинском дворце, кушал, с особами, за обеденным столом и 45 минут 9-го часа, с Великим Князем Владимиром Александровичем, в загородном экипаже, отсутствовал

в Царское Село; прибыл 5 минут 12-го часа. Особы, на экстренном поезде, возвратились в Петербурге" (там же).

Октября 27. Вторник. Царское Село. "45 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Их Высочествами Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, выезд имел на станцию Варшавской железной дороги "Александровку" и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино и, по прибытии во дворец, в 11 часов кушал, с приглашенными особами, за вечерним столом в Арсенале".

Октября 28. Среда. Гатчина. "В 9-м часу Его Величество выход имел прогуливаться. По возвращении, от 10 часов, изволил принимать с докладом Шефа жандармов графа Шувалова. В 1-м часу, после фриштика, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в парк на охоту. Возвратился в 4 часа. В 7 часов Его Величество, с приглашенными особами, в Арсенале изволил кушать за обеденным столом. В 1/2 10-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, по Варшавской железной дороге, отсутствовал в Царское Село и прибыть изволил в Большой дворец 10 минут 11-го часа вечера" (там же).

Ноября 7. Суббота. Царское Село. "В час (дня) Его Величество выезд имел, с Их Высочествами Государем Наследником и Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, в сад, к Арсеналу, на охоту.

"В Арсенал посылалась холодная закуска, чай и проч.

"По возвращении 50 минут 4-го часа, Его Величество выезд имел прогуливаться. За обеденным

столом Его Величество кушал, с Их Высочествами и с особами, приглашенными на охоту, у Великого Князя Владимира Александровича" (там же).

Ноября 11. Среда. Царское Село. "10 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с собравшимися заблаговременно особами, отсутствовал в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец 1/2 1-го часа, Его Величество изволил кушать, с приглашенными особами, за вечерним столом".

Ноября 12. Четверг. Гатчино. "В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться. По возвращении, изволил принимать с докладом Шефа жандармов графа Шувалова. 1/2 12-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел в Прирад, в парк оного, на охоту, во время которой изволил, со всеми особами, иметь фриштик. Возвратился в 4 часа. В 1/2 7-го часа, за обеденным столом, Его Величество изволил кушать в Арсенале, со всеми приглашенными особами, а также приглашались Комендант города Генерал-Лейтенант Богговут, Флигель-Адъютант граф Протасов-Бахметев и Генерал-Маиор Диринг. 1/2 10-го часа Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал из Гатчино, по Варшавской железной дороге, в Царское Село и 10 минут 11-го часа изволил прибыть в Большой Царскосельский дворец" (там же).

Ноября 19. Четверг. Царское Село. "45 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на станцию Варшавской железной дороги Александровку и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино на охоту. По прибытии в Гатчинский дворец, в

11 часов, Его Величество изволил, с приглашенными особами, кушать за вечерним столом".

Ноября 20. Пятница. Гатчина. "55 минут 9-го часа утра Его Величество выход имел прогуливаться. От 10 часов Его Величество изволил принимать Шефа жандармов графа Шувалова. В 12 часов Его Величество, с приглашенными особами, в Арсенале, изволил иметь фриштик. После оногo, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту, но по случаю мороза она не состоялась. В 7 часов Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом и после оногo, по железной дороге, отсутствовал в Царское Село и прибыл в 10 часов вечера".

Декабря 1. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с Их Высочествами и приглашенными на охоту особами, отсутствовал в Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец 1/4 12-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, имел ужин в 21-й персоне".

Декабря 2. Среда. Гатчина. "1/2 10-го часа Его Величество кушал кофе; после того занимался делами; в 12-м часу, с приглашенными особами, имел выезд в зверинец на охоту; фриштик в доме Иванова – Унтер-Егермейстера; возвратился 3/4 3-го часа; в 7 часов кушал в Арсенале за обеденным столом, с Их Высочествами и особами, в 24 персонах. 1/4 10-го часа Его Величество отсутствовал на железную дорогу и по оной в С.-Петербург. 40 минут 11-го часа, Его Величество, с Их Высочествами Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, изволил возвратиться с охоты" (там же).

Декабря 17. Четверг. С.-Петербург. "55 минут 9-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Алексеем Александровичем, выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной отсутствовал на охоту в Ополе. Во время следования, Его Величество, с приглашенными особами на охоту, в вагоне, изволил кушать чай и, по прибытии в Ополе 1/2 2-го часа, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за вечерним столом".

Декабря 18. Пятница. Ополе. "В 1/2 1-го часа утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, изволил отсутствовать, за сильным морозом, в Петербург, а потому на охоту выезда иметь не изволил; во время следования, Его Величество, с приглашенными особами, изволил иметь фриштик, в вагоне. В Зимний дворец Его Величество изволил прибыть 45 минут 3-го часа" (там же).

Декабря 22. Вторник. С.-Петербург. "1/2 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ямбург. По прибытии 35 минут 1-го часа, изволил кушать за вечерним столом.

"Его Величество и Их Высочества помещались в доме у командира Красноярского пехотного полка".

Декабря 23. Среда. Ямбург. "1/2 10-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отбыл в лес на охоту, где и имел фриштик. По возвращении 20 минут 7-го часа, кушал за обеденным столом, со всеми приглашенными особами, к которому приглашался командир полка Зальс, и 50 минут 8-го часа отсутствовал в Петербург и прибыл в Зимний дворец 12 часов 20 минут".

1871 год. января 7. Четверг. С.-Петербург. "10

минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами на охоту, отсутствовал в Лисино.

"Приглашались: Государь Наследник, Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Алексей Александрович, Великий Князь Николай Константинович, Прусский Посланник Принц Рейсс, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Зиновьев, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант Зеленый, Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант князь В. Барятинский, Генерал-Адъютант Мердер, Генерал-Адъютант Слепцов, Егермейстер Герздорф, отставной Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский, Свиты Генерал-Маиор граф Воронцов-Дашков, Прусский Генерал-Маиор Вердер, Австрийский военный агент барон Бехтольсгейм".

Января 8. Пятница. С.-Петербург. "20 минут 11-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, возвратился с охоты" (Камер-фурьерск. журн. 1871 года).

Января 19. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, до Гатчина, оттуда по Балтийской до Ямбурга. Во время следования изволил иметь ужин, в вагонах. По прибытии в Ямбург, проезжали в казенный дом бывшей станции шоссеиной дороги, где и имели ночлег.

"Во время следования и при ужине был Камергер барон Пален, как директор Балтийской железной

дороги".

Января 20. Среда. Ямбург. "Поутру Его Величество изволил кушать чай, со всеми особами, и 5 минут 11-го часа имел выезд на охоту; фриштик в лесу. По окончании охоты, Его Величество, с Их Высочествами и особами, проезжал прямо на станцию железной дороги. 1/3 6-го часа за обеденным столом кушали во время следования. 50 минут 10-го часа Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, возвратился в Зимний дворец" (там же).

Февраля 16. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 10-го часа (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отбыл на охоту в город Ямбург и во время следования имел, в вагоне, чай и ужин".

Февраля 17. Среда. Ямбург. "В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться, а в 11 часов, с Их Высочествами и особами Свиты, изволил отсутствовать в лес на охоту, где имел фриштик. Возвратился в город Ямбург в 4 часа и в 5 часов, по железной дороге, отбыл в С.-Петербург. Во время следования, в вагоне, имел обеденный стол и прибыл в Зимний дворец, с Великим Князем Владимиром Александровичем, 20 минут 11-го часа вечера" (там же).

Февраля 23. Вторник. С.-Петербург. "45 минут 1-го часа (вечера) Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, изволил выезд иметь на станцию Петергофской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отбыл на охоту в город Ораниенбаум.

"По прибытии в Ораниенбаумский дворец, Его

Величество, с приглашенными особами, кушал чай и за вечерним столом".

Февраля 24. Среда. Ораниенбаум. "1/2 10-го часа Его Величество, со всеми особами, выезд имел на охоту и в лесу изволил фриштикать; возвратился во дворец в 6 часов и кушал за обеденным столом, к которому, кроме особ, бывших на охоте, приглашены были: командир учебного пехотного батальона Данилов и Управляющий Ораниенбаумским Дворцовым Правлением полковник Шведер. 1/2 9-го часа Его Величество изволил отсутствовать, по железной дороге, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 55 минут 10-го часа" (там же).

Марта 2. Вторник. С.-Петербург. "25 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Малую Вишеру на охоту. Во время следования кушали чай и ужинали в вагоне. Ночлег был на станции Вишера".

Марта 3. Среда. Малая Вишера. "Поутру Его Величество, после чая, в 10 часов, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд изволил иметь в лес на охоту; в лесу имели фриштик и, по окончании охоты, возвратился на станцию Вишера 3/4 5-го часа, и через несколько времени отбыли, по железной дороге, в С.-Петербург. Во время следования кушали за обеденным столом в вагоне. 55 минут 9-го часа Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, возвратился в Зимний дворец" (там же).

По поводу одной из охот, произведенной при новом обер-егермейстере, генерал-адъютанте бароне Ливене, где-то по Николаевской железной дороге, читаем в

воспоминаниях А. Михайлова о графе Александре Владимировиче Адлерберге следующие строки, характеризующие отношения между императором Александром II и приближенными к нему лицами во время охотничьих экскурсий:

"Была назначена охота на медведя, довольно далеко от Петербурга, по Николаевской железной дороге. На станции, где должен был выйти Государь, я дожидался прибытия Его. Поезд плавно подъехал; обер-кондуктор подбежал к двери вагона, ухватился за ручку, но дверь не отворяется; проходят две-три минуты ожидания. Оказалось, что Его Величество играл в карты, и делали расчет. Дверь открылась, и я вижу стол с зеленым сукном и около стола Обер-Егермейстера барона Ливена с мелком в руках, поверяющего счет. Государь, проходя мимо стола к выходной двери, обернулся к барону и сказал:

"Что же ты еще считаешь?" "Да что, Государь, кажется, меня обсчитали".

Государь улыбнулся и, сказав: "Не может быть", вышел на платформу" ("Русская старина", т. LXV за 1890 год, стр. 513).

Марта 12. Пятница. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Гатчино. По прибытии в Гатчинский дворец изволил, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушать чай и ужинать в Арсенале".

Марта 13. Суббота. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться. В 11 часов, с приглашенными особами, выезд изволил иметь в лес на охоту, где имели фриштик. Возвратились в Гатчинский

дворец в 4 часа. За обеденным столом с Его Величеством кушали в Арсенале. К обеду приглашались, кроме особ, бывших на охоте, командир Кирасирского Ее Величества полка и полковник Артиллерии. 1/2 9-го часа Его Величество, с Их Высочествами и прочими особами, отсутствовал на железную дорогу и по оной в С.-Петербург. Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец 50 минут 10-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1871 года).

Марта 17. Среда. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (утра) Его Величество выезд имел на станцию Финляндской железной дороги и по оной, с собравшимися приглашенными особами, отсутствовал на охоту к станции Новой Кирки. По прибытии, Его Величество, с приглашенными особами, на станции имел фриштик и после одного выезд имел в лес на охоту. По возвращении в 3 1/2 часа, отсутствовал, по железной дороге, обратно и прибыл в Зимний дворец 40 минут 5-го часа" (там же).

В начале апреля месяца Егермейстерскою конторою было уплачено 105 р. за ковер и чучело медведей и за голову лани, изготовленные из зверей, застреленных его величеством (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 22 – 1869 года).

Апреля 23. Пятница. С.-Петербург. "В 11 часов вечера Его Величество, с Принцем Оранским, выезд имел на охоту в Земледельческое училище, откуда возвратился 1/4 6-го часа, поутру.

"На охоту приглашались: Великий Князь Алексей Александрович, Обер-Егермейстер барон Ливен, Егермейстер князь Трубецкой, Гофмейстер граф Стенбок" (Камер-фурьерск. журн. 1871 года).

Апреля 29. Четверг. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в

Александровский театр; возвратился 3/4 11-го часа и через 1/4 часа выезд имел на охоту в имение графа Левашова, близ Парголова".

Апреля 30. Пятница. С.-Петербург. "1/2 6-го часа утра Его Величество возвратился с охоты" (там же).

Мая 7. Пятница. С.-Петербург (в это время государь император уже переехал на проживание в Царское Село, но 7 мая прибыл в Петербург для присутствования при бригадном учении 2-й Гвардейской пехотной дивизии на Марсовом поле). "40 минут 5-го часа (полудни) Его Величество из Зимнего дворца отсутствовал на Николаевскую железную дорогу, на охоту в Лисино.

"По прибытии в Лисино, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать чай и ужин".

Мая 8. Суббота. Большое Лисино. "Утром, после чая, Его Величество имел выезд на охоту; возвратясь, кушал вторично чай и после отсутствовал на охоту, откуда, по возвращении, отбыл в Царское Село, по железной дороге, куда прибыл 15 минут 2-го часа (дня)" (там же).

Ноября 2. Вторник. Царское Село. "45 минут 9-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, в загородном экипаже, отсутствовал на охоту в Лисино и по прибытии в 11 часов, с приглашенными особами, имел чай и ужин".

Ноября 3. Среда. Большое Лисино. "После утренней прогулки, в 12 часов, Его Величество, с приглашенными особами, изволил выехать в лес на охоту, в продолжение которой имел фриштик. По возвращении с охоты, в Лисинском дворце, с приглашенными особами, в 6 часов кушал, за обеденным столом. В 10 часов Его Величество и Их Высочества изволили отсутствовать и прибыли в

Царскосельский дворец 15 минут 1-го часа" (там же).

Ноября 9. Вторник. Царское Село. "15 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги Александровку и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Гатчино".

Ноября 10. Среда. Гатчина. "После утренней прогулки, Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в лес зверинца и в продолжение оной имел фриштик, к которому также приглашались: Государыня Цесаревна, дежурная фрейлина и Шталмейстер Стюрлер, Великая Княгиня Александра Иосифовна, с дежурной фрейлиной и адъютантом Бойе. 15 минут 4-го часа Его Величество, Их Высочества и приглашенные особы возвратились в Гатчинский дворец и в 6 часов кушали за обеденным столом. В 10 часов вечера Его Величество, с Их Высочествами, и приглашенные особы, на экстренном поезде, отсутствовали из Гатчины и 45 минут 11-го часа прибыли в Большой Царскосельский дворец" (там же).

Ноября 16. Вторник. Царское Село. "10 минут 11-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Гатчино. По прибытии, Его Величество, в 11 часов, с приглашенными особами, в Арсенале, кушал за вечерним столом".

Ноября 17. Среда. Гатчина. "После утренней прогулки, в 11 часов, Его Величество, с Государем Наследником, выезд имел в городскую больницу, откуда в Гатчинский Сиротский Институт; возвратился 50 минут 12-го часа. В 12 часов Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту в лес зверинца, куда также прибыли Государыня Цесаревна,

в сопровождении дежурной фрейлины и Шталмейстера Стюрлера, и Великая Княгиня Александра Иосифовна, в сопровождении дежурной фрейлины и адъютанта Бойэ, и в продолжение охоты Его Величество и Их Высочества, с приглашенными особами, имели фриштик. В 4 часа Его Величество возвратился во дворец и в 7 часов, со всеми особами, в Арсенале, кушал за обеденным столом и 3/4 10-го часа отсутствовал из Гатчины, по железной дороге, в Царскосельский дворец, куда и прибыл 1/2 11-го часа" (там же).

Ноября 24. Среда. С.-Петербург. "25 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Принцем Прусским, выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец имели чай и кушали за вечерним столом".

Ноября 25. Четверг. Гатчина. "Поутру Его Величество прогуливался по саду и 5 минут 11-го часа выезд имел в лес на охоту, с приглашенными особами; фриштик имел в лесу; возвратился во дворец 50 минут 7-го часа. За обеденным столом с Его Величеством кушали все особы, бывшие на охоте, и, кроме того, Управляющий Гатчином Генерал-Лейтенант Богговут и командир Кирасирского Ее Величества полка Гревс. После обеда, 1/2 8-го часа, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, по железной дороге, отсутствовал в Петербург. В Зимний дворец изволил прибыть 10 минут 11-го часа" (там же).

Ноября 30. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 8-го часа (вечера) Его Величество, с Принцем Прусским, выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на

охоту в Ямбург.

"По прибытии в Ямбург проезжали с железной дороги в дом полкового командира, где имели чай, ужин и ночлег".

Декабря 1. Среда. Ямбург. "1/2 11-го часа утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту; в лесу имели фриштик и после охоты прибыли на железную дорогу и по оной 40 минут 8-го часа отсутствовали в С.-Петербург и прибыли в Зимний дворец 1/2 12-го часа".

Декабря 7. Вторник. С.-Петербург. "45 минут 8-го часа Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной отбыл, с приглашенными особами, на охоту в Ящеры. На пути, в вагоне, имели чай и ужин. Ночлег имели в Ящерах, в доме командира полка" (не ошибка ли?).

Декабря 8. Среда. Ящеры. "Поутру, в 10 часов, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, в лесу имели фрыштик и в 7 часов Его Величество, по железной дороге, отсутствовал в С.-Петербурге; в вагоне кушали за обеденным столом; прибыл в Зимний дворец 1/2 11-го часа".

Декабря 14. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, изволил отсутствовать на охоту в Гатчино и, по прибытии во дворец, в 12-м часу, изволил кушать, с приглашенными особами, в Арсенале за вечерним столом".

Декабря 15. Среда. Гатчино. "После утренней прогулки, Его Величество, в 1/2 10-го часа, изволил отсутствовать в село Преображенское и во время охоты, в лесу, с приглашенными особами, изволил иметь фриштик. По возвращении с оной, в 6 часов, в Арсенальном зале Гатчинского дворца, изволил

кушать, с приглашенными особами, за обеденным столом и 1/2 10-го часа отсутствовал в Петербург. Его Величество прибыл в Зимний дворец 25 минут 11-го часа" (там же).

Декабря 21. Вторник. С.-Петербург. "3/4 9-го часа Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной отсутствовал на охоту в Большое Лисино, с приглашенными особами.

"По прибытии, в 11 часов, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Декабря 22. Среда. Большое Лисино. "После утренней прогулки, в 11 часов, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту в лес и в продолжение оной, с особами, имел фриштик. По возвращении, Его Величество в 6 часов, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом. В 9 часов Его Величество, с особами, отсутствовал в Петербург и 15 минут 11-го часа возвратился в Зимний дворец" (там же).

1872 год. Января 11. Вторник. С.-Петербург. "1/4 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отбыл в город Лугу, куда прибыли 20 минут 2-го часа. На пути имели чай и ужин в вагоне" (Камер-фурьерск. журн. 1872 года).

Января 12. Среда. Луга. "3/4 10-го часа утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на станцию Серебрянку и оттуда в лес на охоту. С охоты возвратились 50 минут 6-го часа и отбыли, по железной дороге, в С.-Петербург. На пути кушали за обеденным столом в вагонах. Его Величество прибыл в Зимний дворец 3/4 11-го часа" (там же).

Января 18. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с собравшимися особами, отсутствовал на охоту в Лугу. По прибытии, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Января 19. Среда. Луга. "В 10 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал в лес на охоту и по возвращении, на экстренном поезде, отсутствовал из Луги в Петербурге и во время следования кушал, с особами, за обеденным столом. Его Величество возвратился с охоты 25 минут 12-го часа" (там же).

Февраля 8. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа вечера, Его Величество выезд имел на Петергофскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Ораниенбаум. По прибытии во дворец имели чай и ужин".

Февраля 9. Среда. Ораниенбаум. "3/4 10-го часа Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту в лес, где имели фриштик. По возвращении в Ораниенбаумский дворец, кушали за обеденным столом. В 10 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал, по железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец 10 минут 12-го часа вечера" (там же).

Февраля 15. Вторник. С.-Петербург. "3/4 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Ямбург на охоту. На пути, в вагоне, чай и ужин".

Февраля 16. Среда. Ямбург. "После утренней прогулки, Его Величество, с приглашенными особами,

в 11 часов, отсутствовал в лес на охоту, во время которой изволил иметь фриштик. По возвращении с охоты, в 1/2 7-го часа, Его Величество кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом и затем отсутствовал в С.-Петербург, куда и прибыл 3/4 11-го часа вечера".

Февраля 22. Вторник. С.-Петербург. "1/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Большой театр и оттуда проезжал на Николаевскую железную дорогу и, с собравшимися на оной приглашенными особами, отсутствовал в Большое Лисино на охоту, куда и прибыл 20 минут 1-го часа. По прибытии, имел чай и ужин".

Февраля 23. Среда. Большое Лисино. "В 10 часов утра Его Величество выезд имел, с приглашенными особами, в лес на охоту, где имел фриштик, а, возвратившись из леса, 1/4 4-го часа, кушал за обеденным столом, и в 8 часов Его Величество, с Их Высочествами и прочими особами, отсутствовал, по железной дороге, в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 20 минут 11-го часа".

Марта 7. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в город Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец, в Арсенальном зале, Его Величество, с приглашенными особами, в 12 часов, кушал за вечерним столом".

Марта 8. Среда. Гатчина. "После утренней прогулки Его Величество, в 11 часов, с приглашенными особами, отсутствовал в лес на охоту, во время которой имел фриштик, и по возвращении, в 6 часов, в Арсенальном

зале, кушал за обеденным столом. 3/4 10-го часа Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал в Петербург и прибыл в Зимний дворец 50 минут 11-го часа" (там же).

Марта 14. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 10-го часа (утра) Их Величества, в сопровождении Их Высочеств Августейших детей, выезд имели на станцию Николаевской железной дороги, и Ее Величество, с Великою Княжною Мариєю Александровною, простясь с Августейшими детьми, Великими Князьями Сергеем и Павлом Александровичами, в 10 часов, отсутствовала в Крым. Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, сопровождали Государыню Императрицу и Великую Княжну до станции Тосны, где Императорские особы простились, и Ее Величество продолжала путь, а Его Величество, с Великим Князем, пересев в другие вагоны ("Варшавской дороги"), отсутствовали, с приглашенным особами, на охоту в лес между Гатчиной и Тосной и, в вагонах, изволили иметь фриштик.

"На охоту особ приглашалось 18 персон, и поезд с охотниками из Петербурга отправлялся заблаговременно и ожидал Его Величество в Тосно.

"В 4 часа Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем и приглашенными особами, прибыл в Гатчинский дворец и кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом. В 8 часов Его Величество, с Его Высочеством, отсутствовал в Петербург и прибыл в Зимний дворец 35 минут 10-го часа" (там же).

29 апреля обер-егермейстер барон Ливен, указывая на то обстоятельство, что "Его Императорское Величество, во время охот в окрестностях города

Ямбурга, изволил останавливаться в доме Полковника Засса (Командира Красноярского пехотного полка), который, уступая свой дом безвозмездно, имел и некоторые расходы на прием Его Величества", возбудил, через Министра Императорского Двора, ходатайство о назначении супруге полковника Засса Высочайшего подарка. Вскоре после этого барону Ливену был препровожден, для вручения по принадлежности, золотой браслет с бриллиантами и жемчугом" (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 19 – 1872 г.).

Октября 30. Понедельник. С.-Петербург. "40 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Александрийский театр, а оттуда отсутствовал на Николаевскую железную дорогу и, с собравшимися особами, следовал на охоту в Лисино.

"По прибытии в Лисинский дворец, в 12 часов, Его Величество, с приглашенными особами, (кушал?) за вечерним столом".

Октября 31. Вторник. Большое Лисино. "В 11 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в лес и во время оной имел фриштик. По возвращении, в 6 часов, в Лисинский дворец, кушал, с гостями, за обеденным столом и после оного отсутствовал в Царское Село, в экипаже, и прибыл в Большой дворец 35 минут 11-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1872 года).

Ноября 8. Среда. С.-Петербург (проживая в это время в Царском Селе, его величество прибыл 8 ноября в Петербург по случаю церковного парада по поводу полковых праздников Московского и Литовского полков). "45 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Большое Лисино на охоту.

"По прибытии, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за вечерним столом в Лисинском дворце".

Ноября 9. Четверг. Большое Лисино. "Поутру, в 10 часов, Его Величество выезд имел, с приглашенными особами, в зверинец на охоту, где имели фриштик. После охоты возвратились в Лисинский дворец. За обеденным столом Его Величество кушал с приглашенными особами. В 8 часов Его Величество отсутствовал в Царское Село, куда изволил прибыть 1/2 11-го часа" (там же).

Ноября 14. Вторник. Царское Село. "1/4 11-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушал, в Арсенале, за вечерним столом".

Ноября 15. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество принимал с докладом Министра Государственных Имуществ Зеленого. В 11 часов Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в зверинец на охоту, где изволил иметь фриштик. С охоты изволил прибыть в Гатчинский дворец в 3 часа. В 6 часов за обеденным столом с Его Величеством кушали Их Высочества и особы, бывшие на охоте, и, кроме того: Министр Валуев, Управляющий городом Богговут и командир Кирасирского Ее Величества полка Генерал-Майор Гревс. 1/4 10-го часа Его Величество отсутствовал на железную дорогу и по оной в Царское Село, куда и прибыл 1/4 11-го часа" (там же) Ноября 28. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными

особами, отбыл в Гатчино. По прибытии, в Гатчинском дворце, в Арсенале, приглашенные особы с Его Величеством имели ужин".

Ноября 29. Среда. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться. В 11-м часу Его Величество, с Их Высочествами и особами, выезд имел в зверинец, и там фриштикали. По возвращении с охоты, в 6 часов, обед в Арсенале, к которому, кроме вышеозначенных особ, приглашались комендант и командир Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества полка. В 9 часов Его Величество отсутствовал на железную дорогу и по оной в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец с Великим Князем Владимиром Александровичем и Принцем Прусским 50 минут 10-го часа" (там же).

В продолжение первой половины декабря месяца наследник цесаревич Александр Александрович был весьма опасно болен брюшным тифом, осложнившимся возвратною горячкою. 18-го числа пользовавшие его высочество доктора констатировали резкую перемену к лучшему.

19 декабря. Вторник. С.-Петербург. "В 10 часов (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имели на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовали в Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество, с Их Высочествами и прочими особами, кушали за вечерним столом в Арсенале".

Декабря 20. Среда. Гатчина. "1/2 11-го часа утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имели в Ремиз на охоту, где имели фриштик. Возвратились в Гатчинский дворец в 3 часа. Его Величество изволил посетить госпиталь. В 7 часов

Его Величество кушал за обеденным столом, в Арсенале, с Их Высочествами и особами, бывшими на охоте, а также Управляющим городом Богговутом и командиром Кирасирского Ее Величества полка Гревсом. 1/2 9-го часа изволил отсутствовать, по железной дороге, в С.-Петербург. По прибытии с железной дороги проезжал на посещение Государя Наследника. Его Величество прибыл в Зимний дворец 40 минут 11-го часа" (там же).

1873 год. Января 23. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имели на Петергофскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовали в Ораниенбаум на охоту. По прибытии во дворец, кушали за вечерним столом.

"На охоту приглашались: Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Михаил Николаевич, Герцог Меклембург-Стрелецкий (не был), Германский посол Принц Рейсс, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант князь Радзивилл, Генерал-Адъютант Мердер, Генерал-Адъютант Слепцов, Егермейстер Герздорф, Егермейстер князь Трубецкой, Генерал-Маиор граф Воронцов-Дашков, Прусский Генерал-Маиор Вердер, Австрийский военный агент Бехтольсгейм, отставной Генерал-Лейтенант князь Голицын-Прозоровский (не был)".

Января 24. Среда. Ораниенбаум. "В 9 часов утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выехали в лес на охоту, где имели фриштик. Возвратились в Ораниенбаумский дворец 1/4 7-го часа и после обеденного стола отсутствовали, в 9 часов, по

железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, прибыли в Зимний дворец 20 минут 11-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1873 года).

Января 30. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 9-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имели на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовали на охоту в Ямбург; в вагоне чай и ужин. В Ямбург прибыли в 1/4 1-го часа".

Января 31. Среда. Ямбург. "От 1/2 10-го часа утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, где имели фриштик. С охоты возвратились в 7 часов и 1/4 8-го часа отсутствовали на железную дорогу и по оной отбыли в С.-Петербург. На пути, в вагоне, кушали за обеденным столом. Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, прибыли в Зимний дворец 5 минут 12-го часа" (там же).

Февраля 6. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, изволил выезд иметь на станцию Петергофской железной дороги и по оной отсутствовал, с приглашенными на охоту особами, в Ораниенбаум. На пути в вагоне имели чай и ужин".

Февраля 7. Среда. Ораниенбаум. "После утренней прогулки, в 11 часов, Его Величество, с приглашенными особами, изволил выезд иметь в лес на охоту и во время охоты, в лесу, имел фриштик. По возвращении с охоты, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом и после одного отсутствовал в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 5 минут 10-го часа" (там же).

Февраля 13. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на Петергофскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Ораниенбаум на охоту.

"По прибытии в Ораниенбаумский дворец, Его Величество кушал, с приглашенными особами, за вечерним столом".

Февраля 14. Среда. Ораниенбаум. "В 9 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал в лес на охоту, во время которой имел фриштик. Возвратился во дворец в 4 часа. За обеденным столом Его Величество кушал со всеми приглашенными особами; в 9 часов вечера отсутствовал в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец в 1/4 1-го часа" (там же).

Марта 1. Четверг. С.-Петербург. "По прибытии на станцию Гатчино, Ее Величество, Великий Князь Владимир Александрович и Великая Княжна Мария Александровна, простясь с Его Величеством и Их Высочествами, продолжали свое путешествие за границу... Его Величество, Государь Наследник, Государыня Цесаревна, Великие Князья Сергей и Павел Александровичи и Михаил Николаевич проезжали со станции в Гатчинский дворец, где изволили кушать чай, и после оного Их Высочества изволили отсутствовать в С.-Петербург в места своих пребываний, а Его Величество изволил остаться вечер проводить с особами, прибывшими в сие время на охоту, и кушал за вечерним столом".

Марта 2. Пятница. Гатчина. "В 10 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал на станцию Преображенскую и от оной в лес на охоту,

во время которой имел фриштик и, по возвращении в Гатчинский дворец, в 8-м часу, кушал за обеденным столом и после того, с приглашенными, отбыл в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 55 минут 11-го часа вечера" (там же).

Марта 6. Вторник. С.-Петербург. "1/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ящеры.

"По прибытии в Ящеры, Его Величество вечер проводил и кушал за вечерним столом с приглашенными особами".

Марта 7. Среда. Ящеры. "В 11 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту и во время оной имел фриштик, а по возвращении кушал за обеденным столом и после одного отсутствовал в С.-Петербург. 30 минут 1-го часа Его Величество изволил возвратиться в Зимний дворец" (там же).

Марта 13. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за вечерним столом".

Марта 14. Среда. Гатчина. "В 10 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, по железной дороге, проезжал на Дивенскую станцию и от оной в лес на охоту, во время которой имел фриштик и, по прибытии в Гатчинский дворец, кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом, а

после одного изволил отсутствовать в Петербург и прибыл в Зимний дворец 5 минут 11-го часа вечера" (там же).

Во вторник, 20 марта, у его величества в Зимнем дворце было вечернее собрание и ужин для лиц, бывающих на высочайших охотах.

Марта 21. Среда. С.-Петербург. "45 минут 1-го часа (утра) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Саблино. Со станции проезжали в лес на охоту, где имели фриштик.

"С охоты Его Величество возвратился в Зимний дворец 1/2 5-го часа. За обеденным столом с Его Величеством, в 6 часов, на 3-й запасной половине, кушали все те особы, которые были на охоте, и Великий Князь Михаил Николаевич. После обеда вечер проводили до 1/2 9-го часа" (там же).

Во вторник, 27 марта, у государя императора в Зимнем дворце вечернее собрание и ужин для особ, бывающих с его величеством на охотах.

Апреля 29. Воскресение. Царское Село. "25 минут 11-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имели на Царскосельскую железную дорогу и на экстренном поезде, с Государем Наследником, отбыли в С.-Петербург; со станции изволили проезжать прямо в Земледельческое училище".

Апреля 30. Понедельник. С.-Петербург. "Его Величество, поутру, 15 минут 6-го часа, возвратился с охоты в Зимний дворец" (там же).

Мая 6. Воскресенье. Царское Село. "25 минут 7-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, отсутствовал на охоту в Большое Лисино.

"По прибытии в Лисинский дворец, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушали чай и ужинали. В 3-м часу выезд имели в лес на охоту, откуда возвратились в 6 часов утра. Поутру Его Величество, с Их Высочествами и особами, бывшими на охоте, 1/4 11-го часа, по железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург. С железной дороги изволил проезжать на Марсово поле, где производил ученье с порохом 1-й бригаде 1-й гвардейской пехотной дивизии и 1-й и 2-й батареям Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской бригады" (там же).

Всю осень его величество провел в Крыму, где охотой не занимался.

Ноября 27. Вторник. С.-Петербург. "В 10 часов (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной отсутствовал на охоту в Лисино.

"В первом часу Его Величество, с приглашенными особами, по прибытии в Лисинский дворец, кушали за вечерним столом".

Ноября 28. Среда. Большое Лисино. "В 10 часов утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имели в зверинец на охоту, где имели фриштик. Возвратились в Лисинский дворец 1/4 4-го часа, кушали за обеденным столом и отбыли, 3/4 8-го часа, в С.-Петербург. В 10 часов Его Величество прибыл в Зимний дворец" (там же).

Декабря 3. Понедельник. С.-Петербург. "55 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имели на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовали в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его

Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушали за вечерним столом в Арсенале".

Декабря 4. Вторник. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться. В 11 часов, с Их Высочествами и приглашенными особами, изволил выезд иметь в зверинец на охоту, где имели фриштик. Возвратились в Гатчинский дворец в 3-м часу; кушали за обеденным столом в Арсенале. 3/4 9-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал в Петербург. Его Величество прибыл в Зимний дворец в 10 часов вечера" (там же).

Декабря 18. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имели на станцию Балтийской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовали в город Ораниенбаум на охоту.

"Во время следования кушал чай и по прибытии в Ораниенбаумский дворец имел ужин.

"19-го числа, утром, Его Величество выходил прогуливаться, потом отсутствовал в деревню Шишкино, где имел фриштик, потом отбыл в лес на охоту. По возвращении во дворец, кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом и в 10 часов, по железной дороге, выбыл в С.-Петербург. Прибыл в Зимний дворец 25 минут 11-го часа" (там же).

1874 год. Января 12. Суббота. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (утра) Его Величество, с Принцем Александром Гессенским, выезд имел на Варшавскую железную дорогу и оттуда, с Их Высочествами и приглашенными гостями, отсутствовал в Гатчино. По прибытии, с железной дороги проезжал на место охоты, где и имели фриштик. С охоты Его Величество

возвратился в 4 часа. Высочайший обеденный стол был в Арсенале.

"На охоту приглашались: Государь Наследник (не был), Принц Валлийский, Принц Прусский, Принц Датский, Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Алексей Александрович (не был), Принц Артур Великобританский, Герцог Меклембург-Стрелецкий, Герцог Кобург-Готский, Принц Гессенский, Германский Посол Принц Рейсс, Лорд Сюффильд, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Гейден, Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант Альбединский, Генерал-Адъютант Кушелев, Генерал-Адъютант Казнаков, Егермейстер князь Трубецкой, Генерал-Маиор князь Манвелов, Генерал-Маиор граф Орлов-Давыдов, Генерал-Маиор граф Воронцов-Дашков, Флигель-Адъютант князь Долгорукий, Английский полковник Элефишстон, Английский полковник Кольвиль, Английский капитан Хег, Английский лейтенант Рамзай, Прусский Генерал-Маиор Вердер, Прусский капитан Либинау, отставной Генерал-Лейтенант князь Прозоровский-Голицын, адъютант Принца Датского, адъютант Герцога Кобург-Готского, адъютант Принца Гессенского, Австрийский военный агент барон Бехтольсгейм.

"После обеденного стола, 1/2 9-го часа, Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал по Варшавской железной дороге, Государь Император до Александровской станции и от оной, в экнпаже, проезжал в Александровский дворец, а прочие особы проезжали, по железной дороге, в С.-Петербург".

Января 18. Пятница. С.-Петербург. "5 минут 10-го часа утра Его Величество, с Герцогом Кобург-Готским

и Великим Князем Алексеем Александровичем, выезд имел на станцию Балтийской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Ораниенбаум на охоту.

"По прибытии в Ораниенбаум, проезжали в лес на охоту, во время которой имели фриштик, и, по возвращении в Ораниенбаумский дворец, Его Величество кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом, по окончании которого отсутствовали в Петербург, и 35 минут 9-го часа вечера Его Величество прибыл в Зимний дворец..." "...после чего отбыл на бал к Наследнику Цесаревичу, данный по случаю бракосочетания Великой Княжны Марии Александровны с Герцогом Эдинбургским" (Камер-фурьерск. журн. 1874 года).

В конце января или начале февраля месяца Императорскою охотою была устроена, по высочайшему повелению, для принца Александра Гессенского, охота на волков. Принц застрелил на ней одного волка, из которого государыня императрица приказала сделать ковер и отправить его принцу (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Февраля 5. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 8-го часа вечера Австрийский Император выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и, с собравшимися Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Малую Вишеру. На пути, в вагоне, кушали чай и ужин. На другой день поутру, в 10-м часу, Император Франц-Иосиф, с Их Высочествами и приглашенными особами, отбыл в лес на охоту. В лесу имели фриштик. По возвращении с охоты, в 3 часа, отсутствовали в С.-Петербург, во время следования кушали за обеденным столом, прибыли в Зимний дворец 1/2 8-го часа.

"55 минут 11-го часа Государь Император с Австрийским Императором выезд имели на бал в Дворянское Собрание" (Камер-фурьерск. журн. 1874 года).

Охота для императора Франца-Иосифа была устроена на двух медведей, обложенных в Крестецком уезде Новгородской губернии, неподалеку от станции Малой Вишеры (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1874 года).

Февраля 19. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Лисино на охоту и по прибытии в Лисинский дворец, в 12 часов, с особами кушал за вечерним столом".

Февраля 20. Среда. Большое Лисино. "В 11 часов утра Его Величество выезд имел, с приглашенными особами, в лес на охоту и по возвращении 1/2 1-го часа имел фриштик и после того вторично имел выезд на охоту. В 6 часов Его Величество кушал за обеденным столом в Лисинском дворце, с приглашенными особами, и после того, в 8 часов, отсутствовал в Петербург и прибыть изволил в Зимний дворец 25 минут 11-го часа вечера" (Камер-фурьерск. журн. 1874 года).

Февраля 26. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станиию Николаевской железной дороги и, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Малую Вишеру.

"На ходу поезда, в вагоне, Его Величество, с приглашенными особами, кушать изволил чай, также подавался и ужин, и, по прибытии на станцию Вишера, в 1/2 1-го часа, Его Величество имел ночлег на станции".

Февраля 27. Среда. Малая Вишера. "В 11 часов Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, в продолжение которой имел фриштик и по возвращении, 3/4 7-го часа, отсутствовал в Петербург и во время следования изволил кушать за обеденным столом, в вагоне, с приглашенными особами. 1/4 11-го часа Его Величество, с Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, изволили возвратиться с охоты" (там же).

На охоте 27 февраля государь император застрелил медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Марта 5. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Государем Наследником и Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имел на Балтийскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино на охоту. В Гатчинский дворец, Его Величество изволил прибыть 1/4 12-го часа. По прибытии, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушал в Арсенале".

Марта 6. Среда. Гатчина. "В 10 часов утра Его Величество выезд имел, с приглашенными на охоту, в лес, где имели фриштик. С охоты возвратились в Гатчинский дворец 1/2 3-го часа, кушали за обеденным столом. 1/2 9-го часа Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал, по Балтийской железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество прибыл в Зимний дворец 5 минут 11-го часа".

На охоте 6 марта государь император застрелил медведя и рысь (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Марта 12. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с

приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ящеры. По прибытии в Ящеры, в час пополудни, кушали за вечерним столом и имели ночлег в почтовом доме".

Марта 13. Среда. Ящеры. "Поутру, 1/2 11-го часа, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту. С охоты возвратились 3/4 5-го часа в почтовый дом, кушали за обеденным столом и в 8 часов отсутствовали в С.-Петербурге. Его Величество изволил прибыть в Зимний дворец 1/2 11-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1874 года).

На охоте 13 марта его величество застрелил медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

В эту же охоту один из крестьян деревни Ящер лично представил государю императору двух духовых собак, "которые оказались с таким охотничьим достоинством, что в Императорской охоте сделались необходимыми". Крестьянину было выдано вознаграждение в 100 руб. серебр. (там же, д. No 5 1875 года).

Марта 19. Вторник. С.-Петербург. "45 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Большой театр и присутствовать изволил при концерте, данном в пользу инвалидов, оттуда проезжал на станцию Варшавской железной дороги и, с приглашенными особами, в 10 1/2 часов, отсутствовал в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Марта 20. Среда. Гатчина. "В 10 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту и имел оную между Тосною и проезжая Тосну,

откуда и проезжал, по Николаевской железной дороге, в Петербург и в вагоне изволил иметь, с приглашенными гостями, фриштик. В 4 часа, по прибытии, от станции Его Величество проезжать изволил к Принцу Ольденбургскому на посещение, по случаю дня рождения Принцессы Евгении Максимилиановны" (Камер-фурьерск. журн. 1874 года).

20 марта государь император застрелил двух медведей (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Апреля 12. Пятница. С.-Петербург. "3/4 1-го часа ночи Его Величество, с Их Высочествами Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, изволил отсутствовать на охоту в Земледельческое училище, куда еще прибыли: Обер-Егермейстер барон Ливен, Обер-Гофмейстер граф Стенбок и Егермейстер князь Трубецкой ("посылался чай и холодная закуска"). 55 минут 6-го часа утра Его Величество изволил возвратиться в Зимний дворец" (Камер-фурьерск. журн. 1874 года).

Августа 12. Понедельник. Царское Село. "В 11 1/2 часов (утра) Его Величество, с Великим Герцогом (Фридрихом-Францем II Мекленбург-Шверинским – отцом высоконазначенной невесты великого князя Владимира Александровича), Государем Наследником, Великим Князем Владимиром Александровичем, Наследным Великим Герцогом и Герцогом Павлом Мекленбург-Шверинскими и с некоторыми приглашенными особами Российской и Иностранной службы, по Варшавской железной дороге, отбыл в Гатчино. По прибытии, изволил проезжать в лес, на место охоты, в 14-и верстах от города Гатчино; во время следования, в вагоне, был Высочайший фриштик. После охоты, по возвращении в Гатчинский

дворец, в 4 часа, Его Величество, с Великим Герцогом, выезд имел прогуливаться и посетить некоторые местные учреждения. В 6-м часу, на экстренном поезде, прибыли из Царского Села в Гатчинский дворец Государыня Цесаревна, Великая Герцогиня, Высоконареченная невеста, Принц Нидерландский и фрейлины Бартенева и графиня Апраксина, иностранные дамы и кавалеры, состоящие при Их Высочествах. В 6 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами свиты, кушал в Арсенале в 45 персонах. К обеду были приглашены также комендант Богговут, командующий Кирасирским Ее Величества полком Флигель-Адъютант Арапов и Начальник местной Артиллерии. В 8 часов Его Величество, с Их Высочествами и всеми гостями, отсутствовал в Царское Село, а Великий Герцог с Великою Герцогинею и Принц Павел Шверинские проезжали в Петербург и имели ночлег в Зимнем дворце" (Камер-фурьерск. журн. 1874 года).

Октября 14. Понедельник. Ливадия. "1/2 12-го часа (дня) Его Величество, с Их Высочествами Государынею Цесаревною, Великим Князем Владимиром Александровичем, Великою Княгинею Мариєю Павловною, выезд имели, в экипажах, в Ялту, к пристани, откуда Его Величество, с Их Высочествами, проезжали на катере на яхту "Ливадия"... В час Его Величество, с Их Высочествами, и особы прибыли в Урзуф; по прибытии к берегу, проходили на дачу Члена Государственного Совета Фундуклея... где фриштикали... По окончании фриштика Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, проходили к берегу и оттуда на катерах следовали на яхту; по снятии с якоря яхты, проезжали от Урзуфа до Алушты, где Его Величество, с

Великим Князем Владимиром Александровичем, Генерал-Адъютантом Рихтером, Прусским Генерал-Маиором Вердером, Флигель-Адъютантом графом Адлербергом и Лейтенантом Колонтаевым, пересаживались с яхты на катер и отсутствовали на берег Алушты, а оттуда в экипажах проезжали на охоту. В 6 часов Их Высочества Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Мария Павловна, с особами, на яхте Ливадии изволили вернуться из Алушты в Ялту, а оттуда, в экипажах, в Ливадию".

Октября 15. Среда. Ливадия. "В 7 часов (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем и особами, изволил вернуться с охоты: до Алушты – в экипажах, а из Алушты до Ялты на яхте "Ливадия"" (там же).

Ноября 11. Понедельник. Ливадия. "В 2 часа (дня) Его Величество выход имел к берегу Черного моря и близ купальни охотился за фазанами" (там же).

Ноября 26. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с Их Высочествами и приглашенными особами на охоту, отбыл в Лисино".

Ноября 27. Среда. Большое Лисино. "1/2 11-го часа утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту; в лесу имели фриштик и, по возвращении с охоты, за обеденным столом кушали в Лисинском дворце в 22 персонах. 1/2 9-го часа Его Величество, по железной дороге, отсутствовал в С.-Петербурге и прибыл в Зимний дворец в 10 часов" (там же).

Декабря 3. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной отсутствовал на охоту в Гатчино. По прибытии кушал за вечерним столом, с

приглашенными особами, в Арсенале".

Декабря 4. Среда. Гатчина. "3/4 11-го часа утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел на охоту в зверинец, куда прибыли из С.-Петербурга в 12-м часу Их Высочества Государыня Цесаревна и Великая Княгиня Мария Павловна. Фриштик был в зверинце. По окончании охоты прибыли в Гатчинский дворец. В 4 часа имел приезд в Гатчинский дворец, из заграничного путешествия, Великий Князь Алексей Александрович. В 6 часов Его Величество, с Их Высочествами и особами, бывшими на охоте, кушал за обеденным столом в Арсенале, в 26 персонах. 1/2 9-го часа Его Величество, с Их Высочествами, по Варшавской железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец, с Великим Князем Алексеем Александровичем, в 10 часов вечера" (там же).

Декабря 10. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Балтийскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ораниенбаум.

"По прибытии, 10 минут 12-го часа, в Ораниенбаумский дворец, Его Величество кушал за вечерним столом с Их Высочествами и приглашенными особами".

Декабря 11. Среда. Ораниенбаум. "В 12 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами на охоту, изволил иметь фриштик в Ораниенбаумском дворце в 17 персонах. 1/4 2-го часа Его Величество, по Балтийской железной дороге, изволил отсутствовать в С.-Петербург, куда и прибыл 25 минут 3-го часа. Высочайшая охота, за ненастною погодою, была отменена" (там же).

Декабря 17. Вторник. С.-Петербург. "45 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Балтийской железной дороги и по оной проезжал, с собравшимися особами, на охоту в Ораниенбаум. По прибытии в Ораниенбаумский дворец в 12 часов, Его Величество имел, с приглашенными особами, ужин".

Декабря 18. Среда. Ораниенбаум. "После утренней прогулки, 5 минут 10-го часа, Его Величество, с приглашенными особами, изволил отсутствовать на охоту в лес, где в продолжение охоты имел фриштик, и, по возвращении с охоты в Ораниенбаумский дворец, в 7 часов, кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом. 1/4 9-го часа Его Величество отсутствовал в С.-Петербург и возвратиться изволил в Зимний дворец 45 минут 10-го часа вечера" (там же).

Декабря 27. Пятница. С.-Петербург. "3/4 12-го часа (утра) Его Величество выезд имел на станцию Царскосельской железной дороги и по оной отсутствовал на охоту за Павловск, в деревню Царскую Славянку, с приглашенными особами от Великого Князя Владимира Александровича; возвратился 45 минут 5-го часа" (там же).

1875 год. 2 января. Четверг. С.-Петербург. "40 минут 11-го часа (вечера) Его Величество выезд имел в Институт Общества благородных девиц и оттуда проезжал на Балтийскую железную дорогу и по оной 1/2 12-го часа, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ораниенбаум и прибыл во дворец 12 часов 50 минут и кушал за вечерним столом".

Января 3. Пятница. Ораниенбаум. "1/2 11-го часа утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту; в лесу имели фриштик. Из леса возвратился во дворец в 5 1/2 часов. После обеденного стола в Ораниенбаумском дворце, Его Величество, с Их

Высочествами и приглашенными особами, в 8 1/2 часов, отсутствовал, по железной дороге, в С.-Петербург. Его Величество возвратился с охоты в 10 часов" (Камер-фурьерск. журн. 1875 года).

В среду, 15 января, у его величества в Зимнем дворце обедали все лица, бывающие на высочайших охотах (там же).

Января 21. Вторник. С.-Петербург. "40 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной отсутствовал, с приглашенными особами, на охоту в Лисино. По прибытии на станцию Тосно, Его Величество, с особами, проезжал в Лисинский дворец, в экипажах. В Лисинский дворец Его Величество изволил прибыть 10 минут 1-го часа и кушал, с приглашенными особами, за вечерним столом".

Января 22. Среда. Большое Лисино. "После утренней прогулки, в 11 часов, Его Величество изволил, с приглашенными особами, отсутствовать в лес на охоту, в продолжение которой изволил иметь фриштик. Возвратился в 4 часа. В 6 часов, с охотниками, кушал в Лисинском дворце за обеденным столом и в 7 1/2 часов отсутствовал на станцию Тосна и, по Николаевской железной дороге, прибыл от станции в Зимний дворец 50 минут 10-го часа вечера" (там же).

На охоте 22 января государь император застрелил большого черного медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Января 28. Вторник. С.-Петербург. "45 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовать изволил в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом в 1/2 1-го часа".

Января 29. Среда. Гатчина. "В 10 часов утра Его Величество, с вышеписанными особами, изволил иметь выезд на станцию Ящеры, в лес на охоту, в продолжение которой имел фриштик. По окончании охоты, Его Величество возвратился в Гатчинский дворец и, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом и после того отсутствовал в Петербург. Его Величество изволил возвратиться в Зимний дворец 50 минут 10-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1875 года).

Февраля 4. Вторник. С.-Петербург. "1/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ящеры.

"20 минут 1-го часа Его Величество, по прибытии в Ящеры, кушал за вечерним столом, с приглашенными особами, и имел ночлег в доме бывшей почтовой станции".

Февраля 5. Среда. Ящеры. "В 10 часов утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имели в лес на охоту. Фриштик имели в доме господина Винклера. С охоты Его Величество возвратился в дом бывшей почтовой станции, где кушал за обеденным столом и 3/4 8-го часа отсутствовал на железную дорогу и по оной в С.-Петербург. В Зимний дворец изволил прибыть 3/4 11-го часа" (там же).

На охоте 5 февраля его величество изволил застрелить большого бурого медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 2 – 1873 года).

Февраля 11. Вторник. С.-Петербург. "50 минут

10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной отсутствовал, с приглашенными особами, на охоту в Ящеры.

"По прибытии в Ящеры 20 минут 1-го часа пополудни, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за вечерним столом, и имели ночлег в доме бывшей почтовой станции".

Февраля 12. Среда. Ящеры. "Поутру, в 10-м часу, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, где имел фриштик. С охоты Его Величество, возвратившись в 6-м часу в дом бывшей почтовой станции, кушал за обеденным столом и в начале 8-го часа, по Варшавской железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург. В Зимний дворец изволил прибыть 20 минут и 1-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1875 года).

12 февраля его величество застрелил двух медведей: одного средней величины, бурого, а другого большого, темного (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Марта 6. Четверг. С.-Петербург. "1/2 1-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал на охоту в город Лугу; во время следования кушали за вечерним столом и ночлег имели в вагонах. На станцию Белую поезд прибыл в 5 часов утра".

Марта 7. Пятница. Станция Белая. "В 9 часов утра Высочайший поезд проходил от станции Белой на 16 верст, и оттуда Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, проезжали в лес на охоту, где имели фриштик. По окончании охоты прибыли в город Лугу 20 минут 8-го часа и кушали за обеденным столом".

Марта 8. Суббота. Луга. "После фриштика,

приглашенные на охоту особы отбыли в С.-Петербург, а Государь Император, с Их Высочествами, Государем Наследником, Великими Князьями Владимиром и Алексеем Александровичами, Герцогом Мекленбург-Стрелецким и Принцем Саксен-Альтенбургским остались для встречи Государыни Императрицы, возвращавшейся из заграничного воаяжа" (Камер-фурьерск. журн. 1875 года).

На охоте 7 марта государь император застрелил одного медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Марта 11. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Лугу на охоту".

Марта 12. Среда. Луга. "В 10 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, по железной дороге, отбыли на станцию Белую и оттуда, в экипажах, в лес на охоту. Фриштик был в лесу. С охоты Его Величество возвратился в Лугу 40 минут 5-го часа и в 5 часов, по железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург. В Зимний дворец изволил прибыть 50 минут 11-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1875 года).

На охоте 12 марта его величество застрелил одного медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Марта 17. Понедельник. С.-Петербург. "55 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и, с собравшимися заблаговременно особами, отсутствовал в Лисино на охоту и по прибытии в Лисинский дворец, 1/2 1-го часа, кушал с приглашенными особами за вечерним столом".

Марта 18. Вторник. Большое Лисино. "В 11 1/2

часов утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, во время которой изволил иметь фриштик, а по возвращении в Лисинский дворец кушал, с приглашенными особами, в 6 часов, за обеденным столом. В 7 1/2 часов Его Величество, с теми же особами, отсутствовать изволил в С.-Петербург. 5 минут 11-го часа Его Величество, с Великим Князем Алексеем Александровичем, изволил возвратиться с охоты" (Камер-фурьерск. журн. 1875 года).

Августа 1. Понедельник. Гатчина. "Поутру Его Величество выход имел прогуливаться и 1/2 9-го часа выезд изволил иметь на охоту в зверинец, откуда возвратился в 12 часов" (там же).

Августа 13. Среда. Царское Село. "15 минут 10-го часа (утра) Его Величество, в загородном экипаже, отсутствовал в Лисино на охоту и по прибытии, с приглашенными особами, проходил на охоту в окружности Лисинского дворца. В продолжение охоты Его Величество, в Лисинском дворце, имел фриштик с приглашенными особами.

"На охоту приглашались: Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант граф Перовский, Прусский Генерал-Маиор Вердер, Егермейстер князь Трубецкой.

"С охоты Его Величество возвратиться изволил 5 минут 6-го часа" (там же).

Августа 25. Понедельник. Царское Село. "5 минут 2-го часа Его Величество, с Герцогом Эдинбургским и Великим Князем Владимиром Александровичем, выезд имели на охоту в окрестности Царского Села. Возвратились 15 минут 5-го часа" (там же).

Ноября 28. Пятница. С.-Петербург. "15 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Принцем Прусским, выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на

охоту в Лисино".

Ноября 29. Суббота. Большое Лисино. "В 10 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту в зверинец, где имел фриштик. По возвращении в Лисинский дворец, кушали за обеденным столом и 5 минут 10-го часа из Лисина отсутствовали в С.-Петербург. Его Величество возвратился с охоты в 10 часов" (там же).

Декабря 2. Вторник. С.-Петербург. "1/2 10-го часа (вечера) Его Величество, с Принцем Прусским, выезд имел на Варшавскую железную дорогу и, с приглашенными особами на охоту, отбыл в Гатчино.

"В Гатчинский дворец Его Величество изволил прибыть 20 минут 12-го часа".

Декабря 3. Среда. Гатчина. "После фриштика Его Величество, с Их Высочествами и особами, приглашенными на охоту, 1/2 2-го часа отсутствовал в С.-Петербург, по Варшавской железной дороге, и прибыл в Зимний дворец 40 минут 3-го часа. По случаю сильной стужи охота в Гатчине не состоялась" (там же).

Декабря 22. Понедельник. С.-Петербург. "40 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами на охоту, отсутствовал в Гатчино.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Декабря 23. Вторник. Гатчина. "В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться. В 11 часов Его Величество выезд имел на охоту и в зверинце, с приглашенными особами, имел фриштик. В 6 часов Его Величество, во дворце, кушал за обеденным столом, с

приглашенными особами, и 40 минут 9-го часа отсутствовал в Петербург. 50 минут 10-го часа Его Величество возвратился с охоты с Великим Князем Алексеем Александровичем" (там же).

1876 год. Января 7. Среда. С.-Петербург. "1/2 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Балтийскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ораниенбаум. По прибытии во дворец, в начале 12-го часа, кушали за вечерним столом: Государь Наследник (не был), Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Алексей Александрович, Герцог Мекленбург-Стрелецкий, Генерал-Адъютант князь Суворов, Генерал-Адъютант барон Ливен, Генерал-Адъютант Тотлебен, Генерал-Адъютант граф Перовский, Генерал-Адъютант Мердер, Обер-Камергер граф Хрептович, Егермейстер князь Трубецкой, Прусский Генерал-Лейтенант Вердер, Австрийский военный агент барон Бехтольсгейм, Свиты Великого Герцога Мекленбург-Стрелецкого: Камергер Бот, Ротмистр Плато".

Января 8. Четверг. Ораниенбаум. "В 11 часов Его Величество принимал Германского Посла Принца Рейсса и после того, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту; фриштик был в лесу. С охоты возвратились в Ораниенбаумский дворец 1/2 4-го часа. В 6 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушал за обеденным столом и 1/2 9-го часа, по Балтийской железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург. Государь Император возвратился в Зимний дворец 3/4 10-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1876 года).

На охоте 8 января государь император застрелил

большого лося (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Января 13. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Балтийскую железную дорогу и по оной, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ораниенбаум. По прибытии во дворец, кушали за вечерним столом".

Января 14. Среда. Ораниенбаум. "В 11 часов утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту; в лесу был Высочайший фриштик. С охоты возвратились в 4 часа. Высочайший обеденный стол был в Ораниенбаумском дворце. 1/4 9-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отбыл в С.-Петербург и прибыл в Зимний дворец 1/2 10-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1876 года).

Января 21. Среда. С.-Петербург. "45 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Принцем Гессенским, выезд имел на станцию Балтийской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Ораниенбаум на охоту. По прибытии в Ораниенбаумский дворец, Его Величество изволил кушать за вечерним столом с приглашенными особами".

Января 22. Четверг. Ораниенбаум. "В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться и в 1/2 11-го часа, с приглашенными особами, изволил отсутствовать в лес на охоту, где был приготовлен фриштик. По возвращении с охоты, в Ораниенбаумском дворце, в 1/2 7-го часа, Его Величество кушал за обеденным столом и после того, в 9 часов, отсутствовал в С.-Петербург и возвратиться изволил в Зимний дворец, с Принцем Гессенским, 45

минут 10-го часа" (там же).

22 января препаратор анатомического музея Императорской Академии наук представил в Егермейстерскую контору счет за препарирование "предметов охоты Его Императорского Величества", именно 29 лисиц (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Января 27. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел, с Принцем Александром Гессенским, на станцию Варшавской железной дороги и, с приглашенными особами, изволил отсутствовать в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец, в 12 часов, Его Величество, с Императорскими гостями и прочими приглашенными особами, кушал за вечерним столом".

Января 28. Среда. Гатчина. "В 9 часов утра Его Величество выход имел прогуливаться. В 1/2 11-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал в лес на охоту, в продолжение которой изволил иметь фриштик и по возвращении в Гатчинский дворец, в 6 часов, кушал за обеденным столом. 10 минут 10-го часа Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал в Петербург и прибыл, с Принцем Гессенским, в Зимний дворец в 10 часов" (Камер-фурьерск. журн. 1876 года).

Февраля 24. Вторник. С.-Петербург. "45 минут 10-го часа вечера Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем и Принцем Гессенским, выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и по оной, с собравшимися особами, отсутствовал в Лисино.

"По прибытии в Лисинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Февраля 25. Среда. Большое Лисино. "В 1/2 11-го часа утра Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел на охоту в лес, в продолжение которой имел фриштик и по возвращении, в 6 часов, в Лисинском дворце кушал за обеденным столом. В 8 часов Его Величество, с Их Высочествами и прочими приглашенными особами, отсутствовал в Петербург и прибыл в Зимний дворец 50 минут 10-го часа с Принцем Гессенским" (Камер-фурьерск. журн. 1876 года).

Марта 2. Вторник. С.-Петербург. "1/4 9-го часа (вечера) Его Величество, с Герцогом Эдинбургским, выезд имел на Варшавскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Ящеры" (там же).

На охоте этой, которая произошла 3 марта, государь император застрелил большого медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Марта 8. Понедельник. С.-Петербург. "20 минут 9-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту на станцию Малая Вишера. Ночлег был на сей станции; вечерний стол в поезде".

Марта 9. Вторник. Малая Вишера. "Поутру, в 9 часов, Его Величество, с приглашенными особами, на железной дороге проезжал на станцию Торбино для охоты. Фриштик был в вагоне. По возвращении с охоты в Малую Вишеру, 1/2 5-го часа, Его Величество отбыл в С.-Петербург и на пути следования кушал за обеденным столом. Изволил прибыть в Зимний дворец 40 минут 10-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1876 года).

На охоте 9 марта государь император застрелил

"огромного" медведя, величина которого от лба по хребту превышала 4 аршина. Из этого медведя его величество приказал изготовить чучело для преподнесения в подарок герцогу Эдинбургскому. Набивка чучела и ее отправка в Лондон обошлись 1068 руб. 25 коп. (Арх. Упр. Имп. ох., д No 2 – 1873 года).

Марта 16. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Балтийскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отбыл в Гатчино. По прибытии ужин был в Арсенале".

Марта 17. Среда. Гатчина. "В 10 часов утра Его Величество, из Гатчинского дворца, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту, во время которой изволил иметь фриштик и по возвращении, в 6 часов, кушал, с приглашенными особами, за обеденным столом. В 1/2 9-го часа Его Величество, с приглашенными особами, на экстренном поезде, отсутствовал в Петербург и прибыл в Зимний дворец в 10 часов вечера" (Камер-фурьерск. журн. 1876 года).

Августа 13. Пятница. Царское Село. "В 11 часов (утра) Его Величество, на экстренном поезде, со станции "Александровка" отсутствовал в город Гатчино на охоту, во время которой изволил иметь фриштик.

"На охоту приглашались: Генерал-Адъютанты барон Ливен, граф Перовский и Прусский Генерал Вердер.

"Возвратился Его Величество 40 минут 4-го часа" (там же).

Ноября 8. Понедельник. Царское Село. "20 минут 10-го часа (вечера) Его Величество отсутствовал на Николаевскую железную дорогу и по оной следовал в Лисино на охоту.

"По прибытии в Лисино, Его Величество, с

приглашенными на охоту особами, изволил ужинать".

Ноября 9. Вторник. Большое Лисино. "В 11 часов Его Величество выезд имел в лес на охоту и фриштик имел в ремизе. 1/2 7-го часа, за обеденным столом с Его Величеством кушали, в Лисинском дворце, все приглашенные особы, и в 1/2 9-го часа Государь Император, по Варшавской железной дороге, отсутствовал в Царское Село, куда и прибыл 55 минут 1-го часа" (там же).

На охоте 9 ноября государь император застрелил 27 лисиц (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Ноября 16. Вторник. Царское Село. "В 10 часов (вечера) Его Величество изволил отсутствовать на станцию Александровка Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, на охоту в Гатчино".

Ноября 17. Среда. Царское Село. "1/2 10-го часа (вечера) Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Камер-фурьерск. журн. 1876 года).

На этой охоте, произведенной в Гатчинском парке, его величество застрелил 9 волков (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Декабря 14. Вторник. С.-Петербург. "45 минут 10-го часа (вечера) Его Величество изволил выезд иметь на станцию Балтийской железной дороги, куда также собрались заблаговременно приглашенные особы на охоту в Ораниенбаум.

"В 10 часов Его Величество, с приглашенными особами, на экстренном поезде, изволил отсутствовать в Ораниенбаум. По прибытии в Ораниенбаумский дворец, 1/4 12-го часа, Его Величество изволил кушать за вечерним столом с приглашенными особами".

Декабря 15. Среда. Ораниенбаум. "В 9 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, из

Ораниенбаумского дворца изволил отсутствовать в лес на охоту, где имел фриштик и по возвращении с охоты, с приглашенными особами, изволил кушать за обеденным столом, и затем, в 8 1/2 часов, Его Величество, с вышеупомянутыми особами, изволил отсутствовать в С.-Петербурге. 10 минут 11-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты в Зимний дворец" (Камер-фурьерск. журн. 1876 года).

Декабря 21. Вторник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Балтийскую железную дорогу и по оной отсутствовал на охоту в Ораниенбаум. По прибытии во дворец, кушали за вечерним столом".

Декабря 22. Среда. Ораниенбаум. "В 12 часов Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, фриштикали в Ораниенбаумском дворце. Высочайшая охота не состоялась, по случаю сильного мороза. В 1 час Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, отбыли, по железной дороге, в С.-Петербург. 10 минут 3-го часа Его Величество, с Государем Наследником и Великим Князем Владимиром Александровичем, изволил прибыть в Зимний дворец" (там же).

Декабря 27. Понедельник. С.-Петербург. "50 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Лисино, по Николаевской железной дороге. По прибытии, изволил кушать за вечерним столом с приглашенными особами".

Декабря 28. Вторник. Большое Лисино. "Поутру, в 1/2 11-го часа, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, выезд имели на охоту и в лесу имели фриштик. По возвращении с охоты кушали за обеденным столом в Лисинском дворце и в 9 часов

отсутствовали в С.-Петербург. Его Величество изволил возвратиться с охоты в Зимний дворец 25 минут и 1-го часа" (там же).

На охоте 28 декабря государь император застрелил большого медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

1877 год. Января 11. Вторник. С.-Петербург. "В 10 часов (вечера) Его Величество, на экстренном поезде Балтийской железной дороги, изволил отсутствовать на охоту, с приглашенными особами, и, по прибытии в Ораниенбаумский дворец, кушал за вечерним столом".

Января 12. Среда. Ораниенбаум. "В 10 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал в лес на охоту, во время которой имел фриштик, и по возвращении с охоты в Ораниенбаумский дворец, в 6 часов, кушать изволил за обеденным столом. В 9 часов вечера Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал из Ораниенбаума и прибыть изволил в Зимний дворец 25 минут 11-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1877 года).

Февраля 15. Вторник. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с Их Высочествами и приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Лисино. По прибытии в Лисинский дворец, 3/4 1-го часа, кушали за вечерним столом".

Февраля 16. Среда. Большое Лисино. "В начале 10-го часа Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, изволил иметь выезд в лес на охоту, где и фриштикали. Возвратившись в Лисинский дворец, кушали за обеденным столом и в 8 часов отбыли в С.-Петербург.

"Его Величество изволил возвратиться в Зимний дворец 1/2 11-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1877

года).

На охоте 16 февраля государь император застрелил большого медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Февраля 22. Вторник. С.-Петербург. "В 10 часов (вечера) Его Величество, с Великим Князем Владимиром Александровичем и приглашенными особами, по Николаевской железной дороге, изволил отсутствовать на охоту в Лисино. По прибытии, 1/4 1-го часа, кушали за вечерним столом".

Февраля 23. Среда. Большое Лисино. "Поутру Его Величество изволил принимать Министра Государственных Имуществ Валуева и 1/4 12-го часа выезд имел в лес на охоту. Высочайший фриштик в Лисинском дворце. После фриштика, Его Величество вторично выезжал на охоту и по возвращении кушал за обеденным столом. 20 минут 9-го часа отбыли в С.-Петербург, и прибыл в Зимний дворец 55 минут 11-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1877 года).

На этой охоте его величество застрелил большого медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Марта 1. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество выезд имел на Николаевскую железную дорогу и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Малую Вишеру. Во время пути кушали за вечерним столом. Ночлег был на станции Вишера".

Марта 2. Среда. Малая Вишера. "Поутру, 20 минут 1-го часа, Его Величество выезд имел с приглашенными особами, на охоту. В лесу имели фриштик. В 6 часов отсутствовал в С.-Петербург. На пути кушали за обеденным столом" (Камер-фурьерск. журн. 1877 года).

На охоте 2 марта государь император застрелил

"очень большого" медведя (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

1878 год. Декабря 7. Четверг. С.-Петербург. "3/4 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и на экстренном поезде, с приглашенными особами, отсутствовал на охоту в Лисино".

Декабря 8. Пятница. Большое Лисино. "В 10 часов утра Его Величество, с приглашенными особами, из Лисинского дворца отсутствовал в лес на охоту, во время которой имел фриштик. По возвращении с охоты Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом, в 6 часов, и по окончании оного отсутствовал в Петербург. 1/4 11-го часа Его Величество изволил возвратиться с охоты" (Камер-фурьерск. журн. 1878 года).

На охоте 8 декабря государь император застрелил 19 лисиц и одну лань (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Декабря 12. Вторник. С.-Петербург. "55 минут 10-го часа (вечера) Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с приглашенными особами, отсутствовал в Гатчино на охоту.

"По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество изволил кушать, с приглашенными особами, за вечерним столом".

Декабря 13. Среда. Гатчина. "В 10 часов утра, Его Величество, с приглашенными особами, выезд имел в лес на охоту и в продолжение оной имел фриштик. По возвращении, в 6 часов вечера, в Гатчинский дворец, изволил кушать за обеденным столом в 17-и персонах и в 9 часов вечера отсутствовал в Петербург. Его Величество изволил возвратиться с охоты в 10 часов

вечера" (Камер-фурьерск. журн. 1878 года).

На этой охоте его величество застрелил 16 лисиц и 4 лани (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

Декабря 26. Вторник. С.-Петербург. "В 10 часов (вечера) Его Величество, с Принцем Баварским, имел выезд на охоту в Гатчино, по Варшавской железной дороге".

Декабря 27. Среда. С.-Петербург. "Его Величество изволил возвратиться с охоты из Гатчино в 10 часов вечера" (Камер-фурьерск. журн. 1878 года).

На охоте 27 декабря государь император застрелил 6 лисиц, два больших красных оленя и одну лань (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

1879-й год. На 9-е января по высочайшему повелению Императорской охоте было предписано устроить охоту под Новгородом, близ станции Спасской Полести, для великого князя Владимира Александровича и иностранных гостей (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 – 1879 года).

Января 13. Суббота. С.-Петербург. "Отъезд Принца Баварского на охоту в Дивенку. Посылалось кушанье: одно блюдо, и прислуга. Отезд в 9 часов утра. Возвратился 10 минут 10-го часа вечера" (Камер-фурьерск. журн. 1879 г.).

Охота эта была устроена Императорскою охотою в окрестностях деревни Ящер (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 – 1879 года).

20 января Императорской охоте по высочайшему повелению было предписано устроить охоту близ Ораниенбаума для наследника цесаревича, великих князей и иностранных гостей (там же).

1 февраля Егермейстерским ведомством была устроена охота, по высочайшему повелению, близ платформы Веймарн Балтийской железной дороги, в

окрестностях деревни Котлы, в имении господина Альбрехта, для великого князя Владимира Александровича (там же).

На 22 февраля по высочайшему повелению Императорская охота должна была устроить охоту на медведя близ станции Николаевской железной дороги Малая Вишера. Однако принятого в этой местности в придворную охоту от местных крестьян-обкладчиков медведя перед охотой в берлоге не оказалось, охота не состоялась, и с обкладчиков были взысканы обратно деньги, ранее им уплаченные за зверя (там же).

На 2 марта по высочайшему повелению была назначена охота для великих князей Владимира и Сергея Александровичей близ станции Белой Варшавской железной дороги (там же).

На 7 марта его величество повелел Егермейстерскому ведомству устроить охоту для великого князя Владимира Александровича "с знатными особами" в окрестностях станции Николаевской железной дороги Тосны (там же).

На 14 и 15 марта – для великих князей Владимира и Алексея Александровичей и на 23 марта для великого князя Владимира Александровича Императорской охоте было по высочайшему повелению предписано устроить охоты вблизи Новоселья (там же).

В течение ноября и декабря месяцев в Егермейстерскую контору были доставлены сведения об обложенных зверях: 28 ноября – о двух медведях, обойденных в Винской удельной даче, в 35 верстах от станции Николаевской железной дороги Веребьи; 3 декабря – о лосях и медведе, обойденных в Финевской удельной даче, в Новгородской губернии (приняты в охоту великого князя Николая Николаевича); 4 декабря – о медведе в Красностанской удельной даче

Крестецкого уезда, в 40 верстах по шоссе от Новгорода; 13 декабря – о медведе в Грязнохомостской удельной даче, в 45 верстах от станции Николаевской железной дороги Торбино (там же, д. No 9 – 1879 г.).

На 27 и 28 декабря по высочайшему повелению была назначена охота для великого князя Владимира Александровича в окрестностях деревни Ящер (там же, д. No 1 – 1879 года).

Судя по всем имеющимся документам, в течение 1879 года император Александр Николаевич ни разу не был на охоте.

1880-й год. Января 15. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа вечера Его Величество выезд имел на станцию Варшавской железной дороги и по оной, с собравшимися приглашенными особами, изволил отсутствовать в Гатчино на охоту. По прибытии в Гатчинский дворец, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за вечерним столом".

Января 16. Среда. Гатчина. "Утром, в 9-м часу, Его Величество выезд имел на охоту, во время которой, с приглашенными особами, в зверинце, имел фриштик. После охоты, в 3-м часу, Его Величество, в Гатчинском дворце, с Их Высочествами и приглашенными особами, кушал за обеденным столом. 1/2 9-го часа вечера Его Величество, с приглашенными особами, отсутствовал, на экстренном поезде Варшавской железной дороги, в С.-Петербург и возвратился в Зимний дворец в 10-м часу вечера" (Камер-фурьерск. журн. 1880 года).

Для этой охоты в Гатчинский ремиз были, между прочим, "посажены" медведи (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 4 – 1880 года), на которых, впрочем, по-видимому, не охотились. Государь император застрелил 16 января в ремизе 20 лисиц, 5 ланей и 1 зубра (там же, д. No 2 – 1873 года).

На 31 января по высочайшему повелению Императорскою охотою были сделаны все необходимые распоряжения по устройству охоты для наследника цесаревича и великого князя Владимира Александровича за Ораниенбаумом, близ деревни Шишкино. Однако охота эта не состоялась. Известие об отмене охоты было получено в Шишкине тогда, когда все было уже готово и когда ожидалось прибытие августейших охотников на намеченные уже номера в круге, занятом облавою (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 4 – 1879 года).

Февраля 12. Вторник. С.-Петербург. "20 минут 10-го часа (вечера) Его Величество, с Принцем Гессенским, выезд имел на станцию Николаевской железной дороги и на экстренном поезде, с приглашенными особами, изволил отсутствовать на охоту в Большое Лисино.

"По прибытии в Лисинский дворец, Его Величество в 12 часов, с приглашенными особами, изволил кушать за вечерним столом".

Февраля 13. Среда. Большое Лисино. "В 11 часов утра Его Величество выезд имел, с приглашенными особами, в лес на охоту, во время которой изволил иметь фриштик. По возвращении в Лисинский дворец, в 6 часов, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом. После обеденного стола, Его Величество и гости проезжали на Тосненскую станцию, куда в это время прибыл в поезде из Москвы Великий Князь Михаил Николаевич, с супругою и с сыном Великим Князем Михаилом Михайловичем, со свитою. После взаимных приветствий, при радостном свидании, Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами на охоту, возвратился в Петербург и от станции проезжал в Зимний дворец,

куда и прибыл 50 минут 10-го часа вечера, а Великий Князь Михаил Николаевич, с Августейшею супругою и сыном, проезжал в Собственный дворец на проживание" (Камер-фурьерск. журн. 1880 года).

На охоте 13 февраля, которая была произведена в зверинце Учебного лесничества (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 4 и No 1 – 1879 года), государь император застрелил 26 лисиц, 2 лани, зайца и 3 кабана (там же, д. No 2 – 1873 года).

На 15 февраля Императорская охота устроила по высочайшему повелению для великих князей охоту в окрестностях станции Николаевской железной дороги Саблино (там же, д. No 1 – 1879 года); однако охота эта не состоялась, причем телеграмма об отмене была получена на месте в день самой охоты (там же, д. No 4 – 1879 года). Эта охота была отложена на 27 февраля, когда и состоялась (там же, д. No 1 – 1879 года).

На 11 и 12 марта Императорской охоте было по высочайшему повелению предписано устроить охоты для великого князя Владимира Александровича у станции Николаевской железной дороги Окуловки (там же, д. No 1 – 1879 года). Охоты эти состоялись, но в окрестностях станций той же дороги: 11 марта – Угловки, 12 марта – Веребьи и Бурги (там же, д. No 4 – 1879 года).

По высочайшему же повелению для великого князя Владимира Александровича Императорскою охотою были устроены в том же марте месяце охоты: 20 числа у станции Варшавской железной дороги Белой и 27 числа в окрестностях Большого Лисина (там же, д. No 1 – 1879 года).

В течение сентября месяца услугами Императорской охоты не раз пользовался наследник цесаревич: в октябре месяце он приказал отправить в

Егермейстерскую контору "в награду служителям Императорской охоты, находившимся на охотах в истекшем сентябре месяце" – 890 рублей. Имеются, между прочим, сведения, что 9 сентября его величество охотился в окрестностях города Гатчины, причем во время этой охоты останавливался для завтрака в доме вдовы местного пастора, которой за причиненное беспокойство по приему высоких гостей пожаловал золотой браслет. Кроме того, в тот же промежуток времени государь наследник Александр Александрович охотился в имении Веймарна и в окрестностях Ропши (там же, д. No 5 – 1880 года).

Октября 14. Вторник. Ливадия. "Сего числа Государь Наследник, с Августейшею супругою и свитою, отбыли на пароходе в Алушту и оттуда на охоту в Козьмо-Демьяновский скит" (Камер-фурьерск. журн. 1880 года).

Ноября 3. Понедельник. Ливадия. "Поутру, в 8-м часу, Их Высочества Наследник с Цесаревною отбыли в лес на охоту; фриштик в лесу" (там же).

1 декабря по высочайшему повелению Придворною охотою была устроена для наследника цесаревича охота за Ораниенбаумом, вблизи деревни Шишкино (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 1 – 1879 года).

Декабря 9. Вторник. С.-Петербург. "В 9 часов (вечера) Его Величество выезд имел по Николаевской железной дороге на охоту в Лисино, где изволил иметь ночлег.

"На охоту с Его Величеством приглашались: Государь Наследник, Великий Князь Владимир Александрович, Великий Князь Алексей Александрович, Германский Посол Швейниц, Генерал-Адъютант князь Суворов (не был), Генерал-Адъютант граф Тотлебен, Генерал-Адъютант

граф Перовский, Генерал-Адъютант Мердер,
Генерал-Адъютант граф Воронцов-Дашков,
Исправляющий должность Обер-Егермейстера князь
Голицын, в должности Егермейстера Чертков".

Декабря 10. Среда. Большое Лисино. "В 11 часов утра Его Величество, с Их Высочествами и приглашенными особами, из Лисинского дворца, выезд имел в лес на охоту, в продолжение которой имел фриштик. По возвращении с охоты, Его Величество, с приглашенными особами, кушал за обеденным столом и после оного отсутствовал в Петербург и прибыть изволил в Зимний дворец 50 минут 10-го часа вечера" (Камер-фурьерск. журн. 1880 года).

На этой охоте государь император застрелил две лани (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1875 года).

Декабря 16. Вторник. С.-Петербург. "1/2 10-го часа (вечера) Его Величество, по Варшавской железной дороге, отсутствовал в город Гатчино на охоту и по прибытии в Гатчинский дворец, с приглашенными особами, кушал за вечерним столом".

Декабря 17. Среда. Гатчина. "В 11 часов утра Его Величество, с Государем Наследником, Великим Князем Владимиром Александровичем, Великим Князем Алексеем Александровичем и приглашенными особами, выезд имел в зверинец на охоту, где изволил иметь фриштик 1/2 7-го часа, за обеденным столом, кушал в Арсенале. 20 минут 9-го часа, по Варшавской железной дороге, отсутствовал в С.-Петербург и изволил прибыть в Зимний дворец 20 минут 10-го часа" (Камер-фурьерск. журн. 1880 года).

На охоте 17 декабря государь император застрелил 4 лани и 14 лисиц (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 2 – 1873 года).

23 декабря по высочайшему повелению

Императорскою охотою была устроена охота для наследника цесаревича за Ораниенбаумом, близ деревни Шишкино (там же, д. № 1 – 1879 года).

1881 год. На 28 января по высочайшему повелению была назначена охота близ станции Николаевской железной дороги Торбино для наследника цесаревича с супругою, великих князей Владимира Александровича с супругою и Алексея Александровича. Охота эта была отложена вначале до 31 января, затем до 4 февраля и состоялась 6 февраля (Арх. Упр. Имп. ох., д. № 3 – 1881 года).

11 и 12 февраля была устроена охота близ станции Торбино, а 21 числа того же месяца близ станции Варшавской железной дороги Мшинской для великого князя Владимира Александровича.

77 10 декабря. Воскресенье. Москва. "15 минут 10 часа вечера Его Величество с Обер-Гофмейстером Толстым изволил отсутствовать на Владимирскую жел. дор. и по оной до станции Павлово, откуда, в экипаже, в сельцо Головинка, где Его Величество изволил кушать чай и имел ужин.

"На охоту приглашались: Обер-Гофмейстер Толстой, Обер-Егермейстер граф Ферзен, Генерал-Адъютант граф Ламберт 2-й, Генерал-Маиоры: барон Мирбах и Самсонов, Флигель-Адъютант Нарышкин, в должности церемониймейстера граф Бобринский.

"10 числа, в 9 час. Его Величество выезд имел на охоту. Возвратился 35 м. 2-го часа.

"В 3 часа обед с Его Величеством 46-и персон.

"В 7 час. Его Величество отсутствовал на ст. Павлово Владимирской жел. дор. и по оной в Москву и прибыл во дворец 5 мин. 10-го часа" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2 8/1618, № 180).

Декабря 11. Вторник. Москва. "Благодарили за посещение Его Величеством охоты: Камергер Карнович, в должности церемониймейстера граф Бобринский и помещик Апраксин" (там же).

Об этой охоте на медведя, предложенной его величеству Московским Обществом охоты и состоявшейся в Покровском уезде, куда заблаговременно были командированы унтер-егермейстер Иванов и придворные егеря Никонов и Никитин (Арх. Упр. Имп. ох., д. No 3 – 1860 года), имеем следующие сведения (помещены в отдельной брошюре под заглавием: "Московское Общество охоты в собрании 28 марта 1881 г. Царская охота на медведя во Владимирской губ., Покровского уезда, близ деревни Головино, 10 декабря 1862 г. Описание напечатано 1 марта 1863 г. в Московских Ведомостях, No 46").

"Прежде чем приступить к прочтению описания охоты скажем, что в публике до принятия Царем охоты много было толков, и все более склонялись к тому, что охота Московского Общества не будет удостоена Высочайшего присутствия, что Государь Император не поедет на охоту за медведем в такую глушь, по приглашению неизвестных ему людей; но Его Величество приехал к нам на охоту (говорит председатель Бутовский), разделил с нами хлеб-соль, застрелил медведя и подарил его на память.

"Медведь этот хранится, как воспоминание святых чувств, которые мы ощутили в искренней беседе с Царем у нас, на охоте за медведем, а потом у Его Величества в Кремлевском дворце, на семейном вечере, к которому были приглашены все члены, бывшие на охоте".

Описание.

"Появление в разных журналах статей с большими неверностями и даже несообразностями о бывшей 10 Декабря 1862 г. Царской охоте, Владимирской губ., Покровского уезда, близ деревни Головиной, побуждает Московское Общество охоты представить от себя описание этого события в настоящем его виде, со всеми предшествовавшими обстоятельствами и со всеми подробностями этого замечательного для него дня, который навеки останется в памяти каждого из его членов, имевшего счастье участвовать в Царской охоте.

"13 Ноября 1862 г. Московское Общество охоты в заседании своем решило, по случаю пребывания в Москве Государя Императора, просить Его Величество осчастливить Общество принятием участия в охоте, если успеют обложить несколько медведей или лосей близ Москвы, в недалеком расстоянии от железной дороги; одновременно с этим распорядителю охот Общества, г-ну Прокудину-Горскому, было поручено отправиться в Покровский уезд Владимирской губ., для отыскания зверя, так как эта местность совершенно знакома ему. 23 Ноября медведь был найден около деревни Головиной, в 23 верстах от Павловской станции Нижегородской железной дороги. Известясь об этом, Общество немедленно приступило к избранию семи директоров для распоряжений касательно размещения Государя и свиты Его, а равно и самой охоты, на случай принятия Его Величеством приглашения Общества. В директоры избраны были: графы Апраксин и Бобринский, господа Давыдов, Волков, Дудин, Мамонов, Карнович; каждому был назначен особый круг занятий, а графу Апраксину, графу Бобринскому и Карновичу поручено было пригласить Государя Императора. 28 Ноября они

отправились в Кремлевский дворец, где, по ходатайству Господина Министра Двора, имели счастье быть представленными Его Величеству. Государь Император, милостиво приняв приглашение Общества, изволил сам назначить 10 Декабря днем охоты, обещая приехать ночевать в дом Головина накануне этого дня.

"Немедленно начались самые энергичные распоряжения. В деревне Головиной находится дом помещика Горинкова, довольно красивого вида снаружи, но в котором внутреннее расположение комнат требовало совершенных переделок. Член Общества, господин Якимовский, занялся исключительно постройками и убранством дома; за неделю до охоты он переселился в Головино с мастеровыми, и работа закипела. Господину Дмитриеву-Мамонову и графу Бобринскому поручены были распоряжения столом, господину Волкову – экипажами, остальным – закупка и отправление всего нужного. Государь Император изволил назначить для сопровождения себя на охоту следующих лиц: Обер-Егермейстера графа Ферзена, Обер-Гофмейстера Толстого, Генерал-Адъютанта графа Ламберта, свиты Его Величества князя Шаховского, барона фон-Мирбаха, Флигель-Адъютанта Нарышкина, и, кроме того, были выписаны из Петербурга оруженосцы Его Величества с Унтер-Егермейстером Ивановым. Вместе со свитой прибыл Владимирский военный губернатор Генерал-Маиор Самсонов, который и находился во все время охоты. Кроме распоряжений об устройстве помещичьего дома, надобно было озаботиться также приготовлением приличных помещений в крестьянских избах для означенных лиц свиты и для членов Общества охоты. 29 изб были

очищены и убраны коврами и мебелью, помещичий дом преобразился в несколько дней; перегородки, разделяющие комнаты, даже часть капитальной стены – все было уничтожено, и внутренность дома вышла следующая: передняя, буфет, большой зал, кабинет и уборная для Государя. Мезонин, состоящий из трех комнат, был назначен для камердинеров и фельдъ-егерей Его Величества и для Унтер-Егермейстера Иванова. Внутренность комнат была убрана следующим образом: зал из белого гласе с желтыми разводами (*bouton d'or*); кабинет темно-серый с оранжевым в виде палатки; уборная белая с голубыми полосками. Несмотря на усиленные и непрерывные работы, дом поспел только в самый день приезда Государя.

"Господа Дудин и Прокудин с 1 октября по 10-е производили ежедневную поверку зверя. Выписан был из Новгородской губ. другой известный обкладчик – Архип, кроме состоявшего при охоте Романа. Так как вместе с медведем обложены были и лоси, в расстоянии 5 верст, то для отдыха и завтрака Его Величества на половине пути была избрана находящаяся, по счастью, на этом месте лесная сторожка. 8 и 9 Декабря прибыли в деревню Головно члены Общества, в числе 26 человек (следует указание, кто именно, нами опускаемое). В то же время прибыл фотограф Барро для снятия всех эпизодов охоты. Членами было решено держать всю ночь караул около дома, занимаемого Государем Императором, на том основании, что на Обществе лежит святая обязанность оберегать покой Его Величества, который легко мог быть нарушен от огромного стечения народа, прибывшего даже из-за 70-и верст. Но, к чести жителей, надо прибавить, что ни накануне, ни в самый день охоты, порядок не был

нарушен ни разу. Кроме того, местные жители, по собственному своему чувству, приготовили костры и смоляные бочки по дороге. Утром 9 Декабря прибыли в Головино егеря и прислуга Его Величества. На Павловской станции ожидали граф Апраксин, граф Бобринский и Карнович, все члены Общества с директорами ждали в зале помещичьего дома прибытия дорогого гостя. В первом часу пополудни, сначала отдаленные, потом приближающиеся крики "ура!" известили приезд Государя. Директора встретили Его Величество на подъезде ярко освещенного дома. Государь вошел в зал, где один из директоров, господин Давыдов, немедленно представил Ему всех остальных директоров и членов Общества, с которыми Государь занялся милостивым разговором о предстоящей охоте и потом, обратясь к одному из директоров, Дудину, осведомился, в котором часу можно начать ее и с чего, медведя или лосей. Г-н Дудин отвечал, что охота должна начаться с медведя, а потом уже на лосей, и, если позволит Его Величество, то в 9 час. утра. Государь согласился, и вслед за сим Общество откланялось и удалилось в Сборную избу для последних распоряжений. Немедленно были назначены члены для ночного дежурства. Рано утром, на другой день, г-да Дудин и Прокудин рассчитали облаву и разделили ее на 4 участка; правое крыло поручили г-ну Киселеву, правую половину центра князю Волконскому, левое крыло г-ну Якимовскому, а левую половину центра г-ну Талызину. В таком порядке тронулась облава с остальными членами, и в мертвом молчании все, достигнув осока, где лежал зверь, остановились. Погода была великолепная: тихая и теплая. За несколько минут до прибытия Государя приехали Его охотники с ружьями и приготовили Ему

место. В 9 час. прибыл Государь со свитой и графом Апраксиным. Г-н Дудин встретил Государя близ оклада и указал Ему и находящимся с ним лицам места, назначенные на линии; они стали в следующем порядке: Государь на первом номере, имея сзади себя графа Апраксина, Унтер-Егермейстера Иванова и оруженосца; по правую сторону на No 2 – г-н Толстой, на No 3 – князь Шаховской, на No 4 – барон фон-Мирбах; по левую сторону от Государя на No 2 – граф Ферзен, на No 3 – граф Ламберт, на No 4 – г-н Нарышкин. Указав всем места, г-н Дудин с г-м Прокудиным и окладчиками вступили в осок и подняли зверя при громких криках облавы. Медведь поднялся и пошел на правую сторону стрелков, где вышел перед No 18-м в 50 шагах и, быстро повернув влево, по направлению к номеру, занимаемому Его Величеством, мелькнул перед Государем в чаще леса в 40 шагах. Государь, желая приостановить его и приподнять, выстрелил в него так, чтобы легко ранить. Хотя выстрел Его Величества был удачен, медведь был ранен, однакож, он не поднялся, а, напротив, рассвирепевши, понесся в осок параллельно всей линии стрелков: это обстоятельство доставило особо приятный случай всем бывшим на охоте членам и крестьянам облавщикам видеть бегущего раненого Царем рассвирепевшего зверя. Все были одушевлены желанием вновь выставить раненого зверя и с необычайною отвагою встретили его при всех его неистовых порывах прорвать цепь. Задуманное желание всех бывших на охоте доставить удовольствие любимому Монарху, к совершенному счастью, увенчалось успехом. Раненый зверь был обращен назад и вторично выставлен к номеру, занимаемому Его Величеством. Тогда Государь меткими выстрелами

повалил медведя, который, собрав последние силы, смертельно раненый, прополз несколько шагов в чащу леса, где и нашли его издыхающим. Охота была окончена. Раздался отбой. Государь приказал своему сигнаlistsу дать голос в рог и вытащить застреленного зверя. За сим Его Величество пошел по направлению к ожидавшим Его саням в сопровождении Свиты, членов охоты и части облавы, бросившейся в след Его с криком "ура!". Государь сел в сани и поехал к лесной сторожке, где был приготовлен завтрак, в ожидании обхода лосей.

"Мезонин этой сторожки обращен был в теплую комнату и прилично убран. Директоры охоты успели встретить Государя у подъезда и пригласили Его Величество к завтраку. Государь потребовал к себе всех членов и в самых милостивых выражениях благодарил их за доставленное Ему удовольствие и за то, что они оберегали Его во время ночи. По малому объему комнаты, все члены Общества не могли в ней поместиться для завтрака и пошли вниз; между тем Государь, узнав, что г-н Дудин должен ехать окладывать лосей и потому не может принять приглашения Его Величества остаться завтракать, пригласил к завтраку последних выходивших: графа Апраксина, Давыдова и Похвистнева. Во время завтрака был привезен убитый зверь: это была трехгодовалая медведица черной шерсти. Тут же прибыл фотограф. Его Величество милостиво позволил снять с себя фотографию в группе со всеми присутствовавшими. По окончании завтрака, фотография была снята два раза, по желанию Его Величества, в двух различных видах. После этого все директора пригласили Государя отправиться на место, где предполагалась охота на лосей, но на дороге г-н

Прокудин-Горский встретил Его Величество с известием, что лоси вышли из оклада, потому что снег мелок, и они жируют, но что он берется их снова обложить, если ему будет дано два часа времени. Опасаясь запоздать, Государь не соизволил на это и вернулся в деревню Головино. К трем часам накрыт был стол на 36 человек, и Государь удостоил принять обед, предложенный ему от Общества. Все члены Общества были: военные в мундирах, а статские во фраках и белых галстуках. Насупротив Государя сидели директора. Во время обеда Государь милостиво разговаривал и рассказывал эпизоды своих охот. Когда подали шампанское, г-н Давыдов обратился к Государю со следующими словами:

"Ваше Императорское Величество! Новое учреждение Московского Общества охоты ознаменовано таким событием, которое обессмертит его с колыбели. Ваше Величество осчастливили его своим милостивым соучастием. Счастье это так велико, что не передать его словами благодарности. Позвольте же нам, Государь, по старому русскому обычаю, выразить Вам всю беспредельность наших чувств громким, задухевным, сердечным нашим "ура!".

"Все присутствующие подхватили ура! Государь отвечал следующее:

"Благодарю Вас, господа, за удовольствие, мне доставленное, и за Ваше радушное гостеприимство, которого я не забуду. Пью за здоровье господ Членов".

"Во время обеда Государь подарил Обществу застреленного им медведя и пожелал видеть негатив снятой фотографии, которую члены просили Государя принять в память охоты, на что Государь изъявил согласие, но с тем, чтобы портреты членов были с их подписями; после обеда г-н Вильямс подвел к

Государю белую борзую собаку английской породы, которую Государь милостиво принял; затем Его Величеству были представлены, с хлебом и солью, волостной старшина Финеевской волости и с ним окладчики Роман и Архип. В 5 часов Государь, поблагодарив еще раз всех членов Общества, сел в сани и поехал, сопровождаемый криками "ура!" бесчисленной толпы народа, наполнявшего двор и все улицы деревни. Дорога от деревни Головиной и до станции Павлово представляла необычайное зрелище: костры пылали через каждые сто сажень, попеременно с дегтярными бочками; все улицы деревень и почти вся дорога были покрыты сбежавшимся со всех сторон народом, все крыши домов были унизаны людьми, в окнах изб горели свечи, а в некоторых были самодельные транспаранты с литерой А. Около Светлого озера, где Государь переменил лошадей, и у Павловского посада были устроены арки, освещенные плашками. Звон колоколов, неумолкаемый гул и крики "ура!", необычайность освещения, масса народа по всей дороге составляли такую волшебную картину, которую, кто раз видел, в жизнь не забудет. На дебаркадере Павловской станции, роскошно убранном, ожидали Государя офицеры квартирующего полка и все начальники железной дороги и директоры Общества, граф Бобринский и Давыдов, приехавшие благодарить Государя.

"В 6 1/2 час. пары были разведены, и Его Величество уехал, видимо, тронутый выражениями народной любви и оставляя навсегда память своего милостивого посещения и обворожительного обращения с членами охоты.

"На другой день директоры охоты, граф Апраксин, граф Бобринский и Карнович ездили в Кремлевский

дворец благодарить Его Величество. Государь сказал им следующие слова:

"Благодарю вас, господа, за то сердечное удовольствие, которое вы мне доставили – не говоря уже об удавшейся охоте – выражением чувств, которые я видел в вашем Обществе, и за то, что вы меня берегли. Я этого не забуду. Передайте мою благодарность всем членам охоты".

"По окончании охоты разнесся слух, будто после того, как Государем был застрелен медведь, из осока вышел другой. Г-н Прокудин пошел удостовериться и нашел гонный след, начинавшийся около четверти версты вне осока. Вероятно, этот зверь вскочил от облавщиков, шедших толпою через лес после Царской охоты, и потому рассказы, что Государь стрелял двух медведей, из которых один будто бы ушел, оказываются ошибочными. Сгонный медведь был обойден и убит".

78 6 и 7 октября государь император охотился в Беловежской Пуще. Сведения об этих охотах мы приводим из сочинения "Беловежская Пуща", издания официального, выпущенного в свет в 1861 г., по высочайшему повелению.

"Царская охота в лесах Беловежских с конца прошедшего столетия не возобновлялась до 1860 г., и в течение семидесяти лет звуки охотничьих рожков и ружейных выстрелов лишь изредка возмущали покой первобытных обитателей пущи.

"Осенью 1860 г. Государю Императору Александру Николаевичу благоугодно было повелеть Министерству Государственных Имуществ устроить в пуще охоту на зубров.

"Приготовление к принятию Высокого Посетителя и устройству самой охоты возложены были на местное

управление государственных имуществ, под непосредственным руководством Управляющего Гродненскою палатою, Действ. Ст. Советн. Кожевникова. В конце же сентября месяца прибыл в пушу и принял на себя ближайший надзор за всеми распоряжениями Товарищ Министра Государственных Имуществ, Свиты Его Величества Генерал-Маиор Зеленый. В то же время приехал и Егермейстер Высочайшего Двора граф Ферзен.

"С этого времени в лесу каждый день, под наблюдением местного лесничего, поручика фон-Штальборна и Унтер-Егермейстера Иванова, производились облавы для загона зверей в особо устроенный зверинец, причем загонялись не только зубры, но и другие дикие звери местных пород: лоси, лани, серны, кабаны, лисицы, волки, барсуки и зайцы. До двух тысяч крестьян почти постоянно находились в лесу, и работа подвигалась у них быстро и весело, ибо они получали на руки всю заработную плату и, сверх того, каждому из них ежедневно отпускалось по чарке водки. В центральном среди пуши селе Беловеже или Заставе шли работы по устройству временных помещений для ожидаемых высоких гостей. Для Государя Императора предназначен был новый дом, только что отстроенный для местного лесничего; для иностранных принцев и их свиты — дом иностранного купца Зимунда (глава Берлинского торгового дома Бутенгаген и К^о занимался в Пуше лесными операциями по контракту с казною); для свиты Его Величества — охотничий павилион, построенный в 1845 г., на случай приездов Главного Начальника Края; для состоявших же, по Высочайшей воле, при иностранных принцах генералов и флигель-адъютантов — сельские общественные здания. Все эти небольшие летние

домики в самое короткое время были совершенно заново перестроены и меблированы.

"В ночь с 4 на 5 октября прибыли в Беловеж высокие гости, приглашенные Государем Императором на охоту. Его Королевское Высочество Принц Карл Прусский, в сопровождении своих адъютантов, майора Путкомера и капитана Мизичека, и состоявшего при нем, по Высочайшему повелению, свиты Его Величества Генерал-Майора Вейсмарна. Его Королевское Высочество Принц Альберт Прусский, в сопровождении капитана барона Буденброка, капитана барона Мальцана и состоявшего при нем, по Высочайшему повелению, Свиты Его Величества Генерал-Майора Мердера. Его Королевское Высочество Принц Август Виртембергский, в сопровождении капитана Генерального Штаба фон Тиле и состоявшего при нем, по Высочайшему повелению, Флигель-Адъютанта ротмистра Рейтерна. Его Великогерцогское Высочество Принц Фридрих Гессен-Кассельский, в сопровождении капитана Кёра и состоявшего при нем, по Высочайшему повелению, Флигель-Адъютанта полковника Голынского.

"На другой день по приезде принцы осматривали село Беловеж, памятник, воздвигнутый в воспоминание охоты, бывшей в 175— году при Польском короле Августе III, и домик, предназначенный для помещения Государя, после чего прогуливались в экипаже по самой пуще. В 5 часов пополудни был у Их Высочеств обеденный стол, к которому были приглашены некоторые чины местного управления государственных имуществ.

"В ночь с 5-го на 6-е октября прибыл в Беловеж Государь Император в одном экипаже с Великим Герцогом Саксен-Веймарнским. Во время проезда Его

Величества через пущу дорога с обеих сторон освещена была кострами и смоляными бочками, а самое село площадками; многие здания, особенно дом, занятый иностранными принцами, были прекрасно иллюминированы. В ту минуту, когда экипаж Государя приблизился к мосту, перекинутому через пересекающую село реку Наревку, охотничий павильон, приготовленный для Его Величества и расположенный на противоположном высоком берегу реки, равно как прилегающие холмы с разными на них строениями, церковью и роще вдруг осветились разноцветными бенгальскими огнями. Все это, при живописной местности, было весьма эффектно.

"Вслед за Государем прибыли в Беловеж Генерал-Адъютанты: князь Долгоруков 1-й, барон Ливен, Назимов 1-й, барон Притвиц 2-й (состоявший при великом герцоге Саксен-Веймарнском), князь Радзивилл, Огарев 1-й и граф Адлерберг 2-й; Лейб-медик Тайный Советник Енохин, Шталмейстер Великого Герцога Саксен-Веймарнского барон Эглофштейн; Флигель-Адъютанты Его Величества Рылеев и Эссен (состоявший при великом герцоге Саксен-Веймарнском), Флигель-Адъютант Короля Прусского барон Лоен, Флигель-Адъютант Великого Герцога Саксен-Веймарнского Томсон и начальник Гродненской губернии Действительный Статский Советник Шпеер.

"Утром 6-го октября Государь Император, осмотрев село Беловеж, посетил иностранных принцев; в одиннадцатом же часу Их Высочества и свита были приглашены к Государю Императору на завтрак. Затем Его Величество, в сопровождении Принцев и всей свиты, отправился на охоту, в экипажах, нарочно приготовленных по сему случаю.

"Охота была устроена согласно местным обычаям. Предварительными облавами звери были загнаны в особо устроенный в пуще зверинец (пространством до семи квадратных верст), на девятой версте от села Беловежа. В зверинце этом на просеке в 500 сажень длиною, устроено было для охотников 12 штандов (маленьких крытых галерей), убранных древесными ветвями, так что издали они имели почти вид деревьев и сливались с лесом.

"Первый штанд с левой стороны, в дальнем ружейном выстреле от западной стены зверинца предназначен был для Государя Императора; за ним по прямой линии следовали 5 штандов для высоких гостей с их свитами и, наконец, 6 штандов для свиты Его Величества. Таким образом со штандов можно было смотреть во все стороны, конечно, кроме линии охоты. За стеною зверинца устроен был, с Высочайшего соизволения, амфитеатр для любопытствующей публики.

"Государь, высокие гости и свита, проехав часть зверинца, вышли из экипажей на небольшой поляне и отправились пешком на стрелковую линию. Его Величество сначала лично обозрел устроенные для охотников помещения, а затем вошел в свой штанд, где был встречен Егермейстером графом Ферзенем. По занятии принцами и свитою предназначенных им мест, Государь приказал подать сигнал для начатия охоты.

"Облава, расположенная в противоположном конце зверинца, двинулась по данному сигналу и стала сгонять зверей к штандам. По мере приближения зверей к стрелковой линии, на дальнем от нее ружейном выстреле облава остановилась; в это время лесная стража спускала своры (смычки) гончих. После нескольких минут ожидания слышался вблизи

штандов треск ломаемых сучьев, и вслед за тем выбежало несколько огромных зубров. Раздался первый выстрел, и один из самых величавых обитателей пуши пал замертво, раненный в грудь. Этот меткий выстрел был сделан Государем Императором в 275 шагах. Вслед за тем убит был наповал Его Величеством другой зубр, на расстоянии 75 шагов, пулею в лоб. На ближайшем штанде Принц Карл Прусский тоже положил зубра искусно направленным выстрелом. Остальные зубры, испуганные, ошеломленные непривычным для них шумом, бросились бежать дальше, и огонь открылся по всей стрелковой линии. За зубрами показались прочие звери.

"Картина была чрезвычайно живописная и оживленная. То легкая лань пробежит стрелою мимо охотников, то серна пронесется, как вихрь, среди деревьев. Боязливые зайцы снуют между кустарниками и тщетно ищут безопасного убежища; неповоротливые кабаны бегут со всех ног в чащу леса, устремляясь невпопад через самую середину стрелковой линии и становясь таким образом целью бесчисленных выстрелов. По временам снова появлялись зубры и, видимо, овладевали вниманием охотников; каждый берег свой выстрел, чтобы иметь удовольствие убить невиданного на других Европейских охотах зверя.

"Едва показывался зубр на одном из концов охотничьей линии, выстрелы замолкали; преследуемые собаками разного рода звери пробегали в эту минуту безопасно по стрелковой линии; во всех штандах виднелись прицельные ружья; когда же зубр, преследуемый собаками, устремлялся по линии, тогда открывался беглый огонь. Однако, зубр не легко дается охотнику; его сильная натура не изнеможет и от

десятка пуль, если ни одна из них не нанесет ему тяжелой раны; случилось, что небольшое стадо из 5-6 зубров пробегало по два и по три раза через всю линию охотников, под самыми меткими выстрелами, из которых лишь весьма редкие были промахами; только удар пули около головы или в грудь заставлял пасть замертво это сильное и красивое животное. В промежутках времени, когда не было зубров, охотники удостаивали выстрелов и других зверей, не исключая зайцев или барсука, которые постоянно сновали около штандов; вообще арена не была пуста ни на минуту. Облава постоянно следила за зверями и не позволяла им слишком удаляться в чащу леса; не находя другого исхода, они нарочно бежали против лицевой стороны штандов или, обогнув их, устремлялись по задней стороне, все выходя в обоих случаях из-под выстрелов. Ружейный огонь не прекращался в течение двух часов. Убитая и раненая в это время дичь в большом числе лежала на самом месте охоты. До восьмидесяти собак, спущенных со свор, терзали ее, не обращая более ни на что внимания и не чуя вновь выгоняемых зверей, которые, пугаясь убитых и не будучи преследуемы собаками, бежали назад. Чтобы восстановить правильную охоту, необходимо было вновь собрать собак и убрать убитую дичь. Это обстоятельство было предвидено, и потому заранее были приготовлены люди с носилками и скрыты за стеною зверинца, за толстым бруствером.

"В два часа дан был условный сигнал прекратить охоту; тотчас явилась лесная стража с носилками, которая в самое короткое время подобрала убитых зверей, снесла их к соответствующим штандам; таким образом каждый охотник увидел подле себя трофеи своего искусства и счастья.

"В 2 1/2 ч. охота возобновилась. Снова завизжали и залаяли собаки, выбежали кабаны, дикие козы, серны, несколько зубров и между ними одна зубрица с теленком. По предварительному условию, положено было не стрелять маток и молодых зубров, но чей-то нечаянный выстрел нарушил это условие. Матка была убита наповал, а теленок, понуря голову и размахивая хвостом, бегал и оставался между штандами до самого конца охоты.

"Маленькие зубры, преимущественно одного и двух лет, очень красивы, особенно на бегу; да и вообще зубры, при своих колоссальных размерах, очень грациозны и легки.

"Во время приготовлений к охоте одна зубрица, загнанная в зверинец, перескочила без разбега через забор зверинца, вышиною около 10 футов, а за нею вслед перепрыгнули таким же образом, один за другим, до 30 зубров.

"В 4 часа Государь приказал прекратить охоту. В этот день вообще было убито 44 зверя, в том числе 16 зубров и 4 кабана; из них Государем убито всего 22 штуки, в том числе 4 зубра и 1 кабан. Высокими гостями и свитою – 22 зверя, в том числе 12 зубров и 3 кабана.

"По возвращении из леса в селение, у Его Величества был обеденный стол, к которому были приглашены высокие гости, свита и некоторые чины управления государственных имуществ. Во время обеда играла военная музыка Великолуцкого пехотного полка, прибывшая в Беловеж из Белостока.

"За обедом Принц Карл Прусский поднес Государю, в память охоты этого дня, костяной резной кубок. Приняв благосклонно сей подарок, Его Величество провозгласил тост за здоровье своих высоких гостей, на

который отвечал Великий Герцог Саксен-Веймарнский тостом в честь Государя Императора.

"Поднесенный Принцем Карлом кубок Государь приказал сохранять вместе с прочими воспоминаниями своего пребывания в Беловежском Царском домике.

"По окончании обеденного стола, из окон Государева домика представилась самая живописная картина; толпы ликующего народа, тысячами собравшегося в Беловеж, расположились группами на противоположном берегу речки, протекающей подле холма, на котором находилось занятое Его Величеством строение. Для народа приготовлено было угощение: водка, пиво и пироги. Песни и пляски оживляли эту картину, которая внезапно осветилась разноцветными огнями. Этот народный пир продолжался до глубокой ночи.

"На другой день Государь осматривал Беловежскую сельскую церковь, место, на котором, по преданию, существовал дворец Польского Короля Августа III и так называемую Головинскую батарею.

"Затем Его Величество, с Иностранными принцами и свитою, в 10 час. утра, снова отправился на охоту, которая началась в этот день в 11 час. утра и происходила в том же порядке и на том же месте, как и накануне.

"В этот день зубров было убито меньше, чем накануне, а прочих зверей больше. Государь убил наповал большого лося в 70 шагах. Особенное внимание Иностранных принцев обратили на себя в этот раз волки и кабаны, замечательные по своей величине; самые меткие выстрелы Их Высочеств были направлены в этих зверей. Два большие волка пали от выстрелов Государя Императора и Великого Герцога Саксен-Веймарнского. Один кабан был преследуем

выстрелами около получаса; несколько раз пробежал он по середине стрелковой линии; охотники сделали по нем сорок выстрелов; наконец, животное, изнемогая от ран, пало на землю, но через несколько минут опять встало на ноги и помчалось далее; уже по окончании охоты оно было найдено мертвым в отдаленном углу зверинца.

"В 12 1/2 час. дан был сигнал к отбою. По уборке убитых зверей, стрельба возобновилась и продолжалась до 2-х часов.

"В заключение охоты произведена была общая, единовременная облава на всех собранных в зверинце зверей. По окончании охоты убитые звери были снесены к Государеву штанду.

"В этот день было вообще убито 52 зверя, из коих Государем Императором 21, а в том числе 6 зубров, а высокими иностранными гостями 17 штук и в том числе 4 зубра и 4 кабана. Свитами Его Величества и Их Королевских Высочеств убито в этот день 14 штук.

"Всего в оба дня убито 28 зубров (18 самцов и 10 коров), 2 лося, 10 ланей, 11 кабанов, 16 волков, 16 коз, 7 лисиц, 4 барсука и 2 зайца; всего 96 штук.

"Шкуры животных, убитых иностранными принцами, переданы, по Высочайшему повелению, в собственность Их Высочеств, а из числа убитых на охоте зубров, некоторые экземпляры предназначены для университетских музеев. Приготовление кож и чучел поручено препаратору Академии Наук, нарочно для сей цели вызванному из Петербурга.

"По окончании охоты, Товарищ Министра Государственных Имуществ исходатайствовал у Его Величества соизволение воздвигнуть памятник в воспоминание Высочайшей охоты 6 и 7 октября и, обратив, при выходе из зверинца, внимание Государя

на небольшую поляну, на которой было бы удобно воздвигнуть памятник, просил Его Величество посадить на этом месте деревцо. Государь Император изволил благосклонно согласиться, взял заступ и собственноручно посадил одну из нарочно для сей цели приготовленных лиственниц. По желанию Его Величества, иностранные Принцы последовали сему примеру. Затем Государь приказал сделать то же главному распорядителю охоты Ген.-Маиору Зеленому и главному начальнику края Генерал-Адъютанту Назимову. Кроме того, в воспоминание сей охоты Государь Император Высочайше повелеть соизволил: дом, занимаемый Его Величеством, оставить на будущее время, под именем Императорского охотничьего павилиона, в том самом виде, в котором он находился во время Высочайшей охоты, и устроенный среди пущи для сей охоты зверинец сделать постоянным, с тем, чтобы в нем всегда находилось достаточное количество диких зверей разного рода, свойственных Беловежской пуще.

"По возвращении в Беловеж, у Его Величества был обеденный стол, к которому были приглашены Принцы и Свита. Государь во время обеда изволил подарить Принцу Карлу Прусскому обделанный в виде кубка зубровый рог. Его Высочество, приняв с признательностью этот подарок, пил из него за здоровье Его Величества.

"Перед отъездом Его Величества из Беловежа, Товарищ Министра Государственных Имуществ представил Государю Императору альбом, предназначенный для записывания имен почтеннейших посетителей пущи. Его Величество, соблаговолив первый начертать собственноручно имя свое в сем альбоме, изволил предложить иностранным

Принцам и всей свите последовать Его примеру, что и было исполнено.

"В 3 1/2 час. пополудни Государь Император, Великий Герцог Саксен-Веймарнский, иностранные Принцы и вся свита выехали из Беловежа в Белосток, для следования оттуда в Варшаву.

"Его Величество выразил свое полное удовольствие за устройство охоты Товарищу Министра Государственных Имуществ Свиты Его Величества Ген.-Майору Зеленому. Местные чины управления государственных имуществ, как гражданские, так и лесные, участвовавшие в приготовлениях к охоте, удостоились представиться Государю Императору и были Всемилоостивейше награждены брильянтовыми перстнями, а некоторые из объездчиков — золотыми часами с такими же цепочками; вообще же лесной страже и работавшим в лесу казенным крестьянам выданы, с Высочайшего соизволения, денежные награды.

"Успеху охоты в оба дня в высшей степени благоприятствовала ясная и необыкновенно теплая погода.

"Высокие гости неоднократно выражали во время охоты, что действительность далеко превзошла их ожидания, и что такая охота могла быть устроена только, по воле Русского Царя, при естественных богатствах Русского царства.

"Памятно будет Высочайшее пребывание 6 и 7 октября 1860 г. в Беловежской пуще и для тамошнего населения. Кроме радостного для народа лицезрения Монарха, это пребывание будет еще дорого и потому, что оно доставило крестьянам значительные заработки и было источником неподдельного веселья, столь редкого в трудовом сельском сословии.

"Охота эта, между прочим, замечательна тем, что она не сопровождалась ни одним несчастным случаем и что сравнительно с другими подобными охотами обошлась весьма недорого (охота эта стоила около 18.000 руб. сер.), несмотря на то, что расходы на нее должны были превосходить издержки на всякую другую охоту, как потому, что в Беловеже для приема высоких гостей с многочисленною прислугою нужно было все устроить заново, так и потому, что Беловеж находится в самой глуши Гродненской губ., в 150 верстах от губернского города, в 80 верстах от Белостока и в 70 от Брест-Литовска".

К цитируемой главе помянутого сочинения приложена нижеследующая ведомость о том, кто именно из высоких охотников и что именно убил на охотах 6 и 7 октября.

6-го октября: 1) Его Величество – 4 зубра, и кабана, 2 лося, 1 лань, 5 коз, 5 волков, 4 лисицы, всего 22 штуки.

2) Великий Герцог Саксен-Веймарнский – 2 зубра, 1 волка.

3) Принц Карл Прусский – 2 зубра, 1 волка.

4) Принц Альберт Прусский – 1 зубра, 1 зубрицу, 1 барсука.

5) Принц Август Виртембергский – 2 зубра, 1 кабана, 1 зайца.

6) Принц Гессен-Кассельский – 1 кабана, 1 волка, 1 зубрицу.

7) На штандах: Но 4-й – 1 зубра, 1 козу, 1 лисицу; Но 9-й – 1 зубра; Но 11 – 1 зубрицу и 1 кабана.

7-го октября: 1) Его Величество 6 зубров, 7 ланей, 5 коз, и лисицу, 1 барсука, 1 зайца, всего 21 штуку.

2) Великий Герцог Саксен-Веймарнский – 1 зубра,

2 волка, 2 козы, 1 кабана.

3) Принц Карл Прусский – 1 лань, 1 кабана, 2 волка.

4) Принц Альберт Прусский – 1 кабана, 1 барсука.

5) Принц Август Виртембергский – 1 зубра, 1 волка.

6) Принц Гессен-Кассельский – 2 зубра, 1 кабана.

Лица свиты: 2 зубра, и лань, 3 кабана, 2 козы, 1 лисицу, 1 барсука.

79 10 октября 1856 г. Егермейстер граф Ферзен доносил Министру Императорского Двора: "По случаю командирования на время коронации в Москву Императорской охоты, я, желая представить ее в надлежащем виде, соответствующем ее назначению, вынужденным нашелся сделать распоряжения о приобретении некоторого числа лошадей и собак. Но, чтобы иметь возможность и на будущее время доставлять Его Величеству приятные и разнообразные охоты, исполнять с успехом и другие возложенные на нее обязанности, как уничтожение волков и других хищных зверей и птиц, наблюдение за частными охотниками и прочее, необходимо нужно к ныне существующему ее штату добавить: лошадей верховых 13, подъемных 22, собак борзых 30, гончих 60. Все показанные собаки состоят ныне налицо, к числу же лошадей приходится прикупить лишь 3 верховых и 22 подъемных.

"При этой прибавке лошадей и собак потребно также усилить и команду людей, по следующему распределению: егерей 10, егерских учеников 10, тенетчиков 17, стремянных 9, вабельщиков 4, конюхов 4, цырульника 1. Сверх того, одного ветеринарного врача, которого по штату вовсе не полагается.

"Потребность в усилении команды служителями

ощущалась всегда, а в особенности во время зимних медвежьих охот, так как большая часть лошадей и собак, остающихся при этих случаях обыкновенно в Егерской слободе, лишены всякого присмотра, отчего происходили разные несчастные случаи.

"Если Его Императорскому Величеству благоугодно иметь Придворную охоту в надлежащем составе, вполне соответствующем другим частям Высочайшего Двора, то необходимо сделать вышеуказанные к штату добавления, без которых она, при ограниченных средствах, не может достигнуть своего назначения" (Арх. Упр. Имп. ох., № 5 1/1663).

Представление это послужило мотивом изменения в следующем 1857 г. штата Придворной охоты.

80 11 марта 1857 г. министр Императорского Двора уведомил егермейстера гр. Ферзена: "Государь Император, подтвердив в 3-й день сего марта препровождаемый штат Егермейстерского ведения, Высочайше повелеть соизволил:

"1) Фазанное заведение, согласно предположению Вашего Сиятельства, упразднить и вследствие сего прекратить отпуск из Кабинета 1389 руб. 75 коп. сер., определенных на содержание фазанов и других птиц; состоящих же при оном служителей перевести, по возможности, в Егермейстерское ведение на открывающиеся вакансии.

"2) Следующие по сему штату в добавок к суммам, ассигнуемым по прежнему штату и по сметам, 30.712 руб. 18 коп. сер. отпускать из Государственного Казначейства с 1 января будущего 1858 г.; причитающиеся же из сей добавочной суммы на нынешний год 25.593 руб. 50 коп. сер. отпустить в Контору Егермейстерского ведения из Канцелярии Министерства Императорского Двора".

Самый высочайше подтвержденный 3 марта штат был следующий:

1) Обер-егермейстер (класс II), содержание – 3767 руб.

2) Егермейстер (кл. III), содерж. – 3145 руб.

3) Секретарь Конторы (кл. VIII), содерж. – 715 руб.

4) Казначей и экзекутор Конторы (кл. VIII), содерж. – 515 руб.

5) Бухгалтер Конторы (кл. IX), содерж. – 572 руб.

6) Журналист Конторы (кл. X), содерж. – 286 руб.

7) Архивариус Конторы (кл. X), содерж. – 343 руб.

8) Двое канцелярских служителей I разряда, с содерж. каждому по 249 руб.

9) Двое канцелярских служителей II разряда, с содерж. каждому по 149 руб.

10) Трое сторожей при Конторе, с содерж. каждому 91 руб.

На канцелярские расходы 500 руб.

По охотам. 1) Унтер-егермейстер (кл. VI), содерж. – 1144 руб.

2) Управляющий охотами (кл. VIII), содерж. – 830 руб.

3) Комиссар (кл. IX), содерж. – 343 руб.

4) Государев стремянной (кл. XII), содерж. – 343 руб.

5) Биксеншпаниер (кл. XIV), содерж. – 343 руб.

6) Смотритель Петергофского зверинца (кл. XIV), содерж. – 200 руб.

7) Писец при управляющем охотами, содерж. – 135 руб.

8) Магазиен-вахтер, он же писарь при комиссаре, содерж. – 200 руб.

9) Ветеринарный врач (кл. XIV), содерж. – 429 руб.

10) Служителей 1-й статьи, содерж. по 173 руб. 1

егерь, 1 доезжачий, 1 стремянной, 1 тенетчик, 1 вабельщик, 1 выжлятник при щенячем заведении, 1 фельдшер, 1 лекарский ученик.

11) Служителей 2-й статьи, содерж. по 116 руб.: 19 егерей, 3 доезжачих, 8 стремянных, 5 вабельщиков, 4 выжлятника, 1 конюх, 1 пожарный, 1 кузнечный мастер.

12) Служителей 3-й статьи, содерж. по 87 руб.: стремянных 6 человек, тенетчиков 29, выжлятничьих учеников 8, егерских учеников 20, наварщиков 6, конюхов 8, зверовщиков 2, кузнечных учеников 1, фельдшер 1, коновальный ученик 1, седельный учен. 1.

13) Двое караульщиков при ремизе, содерж. каждому по 66 руб.

14) 12 школьников, содерж. по 36 руб. каждому.

Денежные отпуски: 1) На квартиру для чинов охоты, приезжающих по делам службы в С.-Петербург – 314 руб. 19 коп.

2) На обмундирование служителей – 10.321 руб. 95 коп.

3) На пособие вдовам и сиротам – 286 руб.

4) На порции во время командировок охоты – 7035 руб. 40 коп.

5) На фураж для 100 лошадей – 12.202 руб. 51 коп.

6) На подковку лошадей – 464 руб. 25 коп.

7) На ремонт лошадей – 942 руб. 85 коп.

8) На корм и подстилку для 160 собак – 4964 руб.

9) На корм и подстилку для щенков – 1836 руб.

10) На молоко щенкам – 125 руб.

11) На корм и подстилку для 3-х дойных коров – 180 руб.

12) На корм для 40 легавых собак, принадлежащих егерям и егерским ученикам – 286 руб. 60 коп.

13) На мясо для собак и щенков – 885 руб. 35 коп.

- 14) На наем трубочиста и печника – 100 руб.
  - 15) На освещение слободы – 285 руб. 70 коп.
  - 16) На ремонт экипажей, седел и пожарного инструмента – 985 руб. 70 коп.
  - 17) На ремонте строений – 928 руб. 50 коп.
  - 18) На дрова – 4045 руб. 97 коп.
  - 19) На порох, дробь и прочее – 142 руб. 85 коп.
  - 20) На покупку зайцев – 419 руб. 85 коп.
  - 21) На содержание зайцев – 450 руб.
  - 22) На наем 3-х чернорабочих для ремиза на лето – 103 руб.
  - 23) На содержание диких зверей, медведей, волков и лисиц – 1100 руб.
  - 24) На содержание лошади смотрителя зверинца – 78 руб. 12 коп.
  - 25) На ремонт ошейников и смычков – 105 руб.
  - 26) На содержание школы – 200 руб.
  - 27) На покупку ржаной муки для малолетних – 100 руб.
  - 28) На содержание больных служителей в госпиталях – 85 руб.
  - 29) На починку ружей и ружейных принадлежностей – 150 руб.
  - 30) На экстренные расходы – 1485 руб. 70 коп.
- Всего же по штату ежегодный расход на содержание Егермейстерского ведомства был исчислен в сумме 79.517 руб. 79 коп., причем остатки от штатного ассигнования предписывалось расходовать не иначе, как с разрешения каждый раз министра Императорского Двора (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 68).

81 17 ноября 1857 г. последовал высочайший указ Департаменту уделов "отпускать впредь до повеления, начиная с 1858 года, в Придворную охоту

недостающие по Высочайше утвержденному в нынешнем году штату Егермейстерского ведения 30.712 руб. 18 коп." (Арх. Упр. Имп. ох., No 3 6/1705).

24 того же декабря егермейстер граф Ферзен отдал приказ по ведомству: "ко случаю сокращения расходов по Егермейстерскому ведению^{A2}, сим определяю: на вакансию одного стремянного, девяти тенетчиков и двух конюхов впредь людей не принимать: вакансии эти закрыть и затем предписать Управляющему охотами на будущее время, вместо назначенных по штату 3 марта сего года пятнадцати стремянных, тридцати тенетчиков и восьми конюхов, числить: стремянных 14, тенетчиков 21 и конюхов 6" (Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 4/1003, No 76).

Всего в 1857 г. по Императорским охотам, не считая сумм, предназначенных на новые постройки, созидавшиеся распоряжением Строительной конторы Министерства Императорского Двора, было израсходовано 87.905 руб. 63 3/4 коп. (там же, No 83).

⁸² 16 октября 1865 года обер-егермейстер граф Ферзен доносил министру Императорского Двора: "По Высочайшему повелению и предписаниям Вашего Сиятельства 12 октября и 24 Ноября 1857 года, чтобы составить смету на 1858 г. по Егермейстерскому ведению о штатных расходах в цифру 75.712 – руб. 18 коп. впредь до другого распоряжения, отменено содержание Смотрителю зверинцев, одному стремянному, девяти тенетчикам и двум конюхам, на содержание зверей, обмундирование людей, порции чиновникам и служителям и наем чернорабочих, всего на 3422 руб. 98 коп.

"Из наличного состава команды постоянно должны быть в командировке у Его Величества два служителя, Государя Наследника один, Великого Князя

Константина Николаевича один, при мне и Егермейстере по одному; затем при зимних отъездах охоты нет средств выставить в Гатчине достаточного количества людей для ухода за остающими верховыми лошадьми и собаками, как гончими, так и борзыми, а во время производства зимних охот встречается затруднение в назначении 15 человек на стрелковую линию, которые по специальности также должны быть из числа егерей.

"Для устранения неудобств при производстве охот и содержании лошадей и собак в должном порядке, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство об отчислении двух егерей к Высочайшему Двору и егерей, состоящих при Великих Князьях, к Их Дворам, по примеру отчисленного егеря из Придворной охоты Андреева к Двору Его Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего и назначения на 1866 г. 3422 р. 98 коп. на пополнение штата людьми". Министр Императорского Двора согласился сделать надлежащее сношение лишь по отношению к егерю, состоящему при великом князе Константине Николаевиче, а в остальном отказал, ссылаясь на то обстоятельство, что "Его Величество решительно воспретил допускать прибавки к существующим сметным назначениям". Тогда гр. Ферзен, вновь повторяя прежнее ходатайство, между прочим донес: "...Вследствие отчисления 3422 р. 98 коп. по штату Императорской охоты, недостает 13 человек, да состоящих при Высочайших особах 4, всего 17 служителей, за выбытием коих при зимних охотах нет возможности оставлять в Гатчине более 6 человек для ухода за 50-ю верховыми лошадьми и 160 гончими и борзыми собаками; люди эти едва успевают покормить животных, но делать проездки лошадей и проводки

собак, с содержанием в надлежащем порядке, нет возможности, отчего весьма часто портятся хорошие лошади и уничтожаются собаки, каких и за большие деньги приобрести невозможно. При наличном составе людей, лошадей и собак, убеждение 9-летнего времени вынудило меня сделать представление Вашему Сиятельству 16 октября..." Министр Императорского Двора вновь ответил отказом на ходатайство обер-егермейстера, сообщив вместе с тем, что об отчислении к Двору Его Высочества егеря, состоящего при великом князе Константине Николаевиче, распоряжение уже сделано (Арх. Упр. Имп. ох., No 17 – 1865 г.).

83 См. выше, в главе II, стр. 70.

84 28 февраля 1872 г. обер-егермейстер барон Ливен доносил министру Императорского Двора: "В 1870 г., с разрешения бывшего Егермейстера Скарятин, Управляющим Императорскими охотами сделан был опыт возобновления при Егермейстерской команде существовавшего ранее хора духовой музыки, преимущественно с целью доставить Его Императорскому Величеству удовольствие во время охот, производящихся в Высочайшем присутствии. Для формирования этого хора, с разрешения моего, определяемы были на места выбывающих служителей Императорской охоты музыканты из отставных и бессрочно-отпускных военных нижних чинов по найму и с приплатою жалованья, так как означенные музыканты, кроме занятия музыкою, исполняют другие обязанности служителей охоты. Сверх того, Управляющим охотами приобретены инструменты, необходимые для составления возможно полного хора музыкантов. В истекшем 1871 г. хор музыкантов был

окончательно сформирован и осенью, во время охот в Гатчине, представлен Государю Императору, удостоившему музыкальное исполнение хора одобрения. С того времени на всех охотах в Высочайшем присутствии хор Егерской команды играет во время обедов и постоянно пользуется всемилостивейшим вниманием Его Величества и Их Императорских Высочеств, в особенности Его Императорского Высочества Владимира Александровича, пригласившего для занятий с егерским хором капельмейстера из 37-й пехотной дивизии.

"Застав уже начало составления хора музыкантов и не имея возможности предпринимать удовлетворительность произведенного опыта, я не находил возможным представлять о сем предварительно Вашему Сиятельству, но так как достигнутые результаты превзошли ожидания, то, представляя при сем счет Управляющим охотами в израсходованных им денег на покупку инструментов, нот и мелочные расходы и на дополнительное жалованье музыкантов, всего на сумму 4101 р. 40 к., имею честь почтительнейше просить о возврате Управляющему охотами издержанных им денег и о дозволении назначить с января текущего года 20 музыкантов в числе штатных служителей Императорской охоты, с общею одеждою охотников и с прибавкою им содержания, старшему по 25 руб., а младшим по 6 р. 80 к. в месяц, и, сверх того, на приобретение новых музыкальных пьес, партитур, нот и починку инструментов до 250 руб. ежегодно". Министр Императорского Двора вначале не согласился на просьбу барона Ливена и приказал ему объяснить, каким образом организация при Императорской охоте

хора музыкантов была произведена без предварительного его разрешения. Однако 24 августа того же года, он уведомил обер-егермейстера о высочайшем соизволении на испрашиваемое (Арх. Упр. Имп. ох., No 7 – 1872 г.).

85 5 июля 1856 г. государев стремянной подал управляющему Императорскими охотами следующую записку: "Управляющему Императорскими охотами Государев стремянной доложить честь имеет: вследствие приказания Егермейстера Павла Карловича Ферзена, полученного лично, в бытность Его Сиятельства в Москве, ездил в село Воронцово, Калужской губ., Тарусского уезда, в имение помещика подполковника Мясоедова, для осмотра борзых собак волкодавов, и нашел, что охота состоит в количестве 34 борзых и 55 гончих. В числе первых, густопсовых шесть, псовых шесть, чистопсовых десять и хортых три – все чистой кровной породы, рослые, красивые и злобные; собаки наружностью и достоинством так хороши, что в Императорской охоте нет таких. Некоторыми травил матерого волка. Две собаки так берут волка, что один человек принимает от собак волка как зайца.

"Гончие собаки, зверогоны, весема близкие породю с стаею гончих Императорской охоты и также чрезвычайно хороши.

"Как борзых, так и гончих весьма было бы полезно приобрести, во-первых, для того, чтобы освежить породу в собаках Императорской охоты, во-вторых, для того, чтобы составить из двух охот одну, в настоящее время совершенно удовлетворительную ее назначению. Покупка этой охоты есть случайная, за смертью ее владельца, который, быв богатым и страстным охотником, приобрел на большую сумму собак лучших,

а в настоящее время опекуном имения, по незнанию стоимости, продается охота за 800 руб. серебр. Охота эта, по невниманию опекуна, в настоящее время в дурном содержании, но, приобретя ее, в порядок может быть приведена в две недели. Врознь же, посворно борзые и по смыкам гончие не продаются".

По представлению этой записки егермейстеру гр. Ферзену последний 19 июля донес министру Императорского Двора: "Как по штату назначено только шесть свор борзых собак, число весьма ограниченное, в особенности при предстоящих во время коронации охотах в присутствии Государя Императора, при которых лица, имеющие счастье быть приглашенными, по принятому обыкновению, получают во время охоты, каждый, свору означенных собак, я осмеливаюсь испрашивать разрешения Вашего Сиятельства о дозволении купить еще несколько свор отличных борзых собак, которых можно в настоящее время приобрести случайно по весьма дешевой цене".

Ходатайство это было всеподданнейше доложено министром Императорского Двора государю императору, и его величество на таковое соизволил.

Вследствие этого разрешения Егермейстерское ведомство купило за 800 руб. всю охоту Мясоедова, в числе борзых собак которой особенною красотою отличались четыре рослые 16-вершковые кобеля. Кроме мясоедовских собак, в то же время в Императорскую охоту поступили поднесенные государю императору пара английских собак, черная сука и такой же кобель, и два кобеля из охоты полковника Афросимова. Во время же коронационных охот по высочайшему повелению из Придворной охоты подарена свора борзых леди Пиль и еще четыре собаки другим гостям, принимавшим участие в высочайших

охотах (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 60).

17 февраля 1862 г. министр Императорского Двора препроводил в Егермейстерскую контору 264 руб. 87 коп. "в возврат издержанных на покупку здесь и в Олонецкой губ. духовых собак и проезды туда служителей Придворной охоты" (Арх. Упр. Имп. ох., No 32 – 1862 г.).

5 марта того же года государю императору было доложено, что имевшаяся в Придворной охоте с.-бернардская собака "Пари" пала. Его величество изволил приказать сделать из этой собаки чучело и поставить последнее в Гатчинском дворце (там же, No 13 – 1863 г.).

В мае того же года для Императорской охоты были приобретены в Повенецком уезде три духовых медвежьих собаки, за коих было уплачено, с доставкой в Гатчину, 206 руб. 25 коп., и обер-егермейстер граф Ферзен купил за 400 руб. двух волкодавов (там же, No 20 – 1863 г.).

В июне 1856 г., во время приготовления Императорской охоты к предстоявшим в Москве по случаю коронации охот в высочайшем присутствии, "для Его Величества Государя Императора" распоряжением Егермейстерской конторы была куплена за 190 руб. борзая собака у содержателя английского магазина в С.-Петербурге Плинке (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 60).

В январе 1859 г. Управлением Императорской охоты была приобретена за 500 руб. сер. собака для государя императора у французского актера Роже (там же, No 92).

В начале 1875 г. для Придворной охоты было выписано из Петрозаводска четыре духовые собаки, которые вместе с расходами на доставление их с места

до Гатчины обошлись в 280 руб. (Арх. Упр. Имп. ох., No 22 – 1869 г.).

11 февраля 1880 г. управлявший в то время ведомством Придворных охот егермейстер князь Трубецкой доносил министру Императорского Двора: "Существовавшая в Горелове парфорсная охота прекратилась, и главный ее распорядитель предложил Егермейстерскому ведомству приобрести стаю выписных Английских собак в 33 штуки за 500 руб. серебр.

"Принимая в основание достоинство Гореловских собак, невысокую, требуемую за них плату и, преимущественно, необходимость подновить кровь и увеличить число гончих собак Императорской охоты, я имею честь просить разрешения Вашего Сиятельства на приобретение этой стаи с тем, чтобы расход на покупку собак был отнесен на сумму, назначенную на производство охот".

Означенное представление министр Императорского Двора утвердил (там же, No 27 – 1880 г.).

86 В мае 1857 г. Императорскою охотою была выписана из Англии одна духовая собака, на приобретение которой было предназначено 50 руб. В июне того же года испанский посланник герцог д'Оссунa преподнес государю императору четыре духовых собаки, специально для этого выписанные из Испании и прибывшие в С.-Петербург с управляющим владениями герцога и его пастухами. Собаки эти были переданы по высочайшему повелению в Придворную охоту; управляющему герцога д'Оссунa был выдан из Кабинета Его Величества подарок ценностью в 100 руб., а пастухи получили награду деньгами, всего 150 руб.

В июле месяце, по инициативе герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого, были выписаны еще семь больших духовых собак для употребления их "единственно для охоты на кабанов". Дорогою две собаки околели, а прибывшие 5 собак сначала поступили в Придворную охоту, но затем, по ходатайству Егермейстерского ведомства, были переданы в Лисинское учебное лесничество (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 71; Арх. Упр. Имп. ох., No 11 – 1860 г.).

В марте 1875 г. отставной полковник Березников подал государю императору нижеследующее всеподданнейшее прошение.

"Преклонные лета мои, уроженца прошедшего столетия, не позволяют мне пользоваться псовой охотою в поле. Расстаться с нею и передать ее в посторонние руки, под каким бы то ни было условием, я не имею силы.

"Государь! Осчастливьте меня, верноподданного, повелите принять собак гончих в Вашу Придворную охоту.

"Собаки гончие в том же виде, как Вы изволили их видеть под селом Ильинским 22 Августа 1866 г.; их налицо 40. Борзых же не смею подводить; они изменились".

Министр Императорского Двора препроводил прошение полковника Березникова к обер-егермейстеру барону Ливену, предложив последнему дать по прошению свое заключение.

Барон Ливен донес министру Императорского Двора, что предложение Березникова для Императорской охоты весьма выгодно и полезно для освежения породы имеющихся в охоте гончих собак, а также что проситель человек весьма богатый и в случае

принятия его предложения не желает получить за это ровно никакого вознаграждения.

По всеподданнейшем о сем докладе министра Императорского Двора государь император изъявил согласие на принятие гончих собак Березникова в Императорскую охоту и повелел выразить ему за это высочайшую благодарность. Вскоре после этого Березников имел счастье лично подвести его величеству также борзых собак в числе десяти, кои были переданы в Придворную охоту (Арх. Упр. Имп. ох., No 7 – 1873 г.).

3 сентября 1874 г., в бытность государя императора в Ливадии наш уполномоченный в делах в Константинополе граф Игнатьев подвел его величеству вывезенных им из Константинополя курдистанских собак. Собаки эти были отправлены в Гатчину, в Придворную охоту, с егерем, специально для этой цели оттуда выписанным (там же, No 7 – 1873 г.).

87 В марте 1855 г. министр Императорского Двора гр. Адлерберг уведомил егермейстера гр. Ферзена о последовавшем высочайшем разрешении подвести в подарок принцу Карлу Прусскому принадлежащую Императорской охоте борзую суку "Невиду" густопсовой породы. Приказание это было приведено в исполнение тогда же (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4 – 1003, No 30).

14 июля того же года министр Императорского Двора направил к егермейстеру графу Ферзену предписание, аналогичное с предыдущим: государь император высочайше повелеть изволил выдать генерал-фельдмаршалу гр. Паскевичу-Эриванскому светлейшему князю Варшавскому из Императорской псовой охоты одного борзого кобеля густопсовой породы (там же, No 39).

В январе 1867 г. обер-егермейстеру гр. Ферзену было сообщено высочайшее повеление об отправлении из Придворной охоты наследному принцу Английскому в подарок от его величества трех густопсовых борзых собак.

Тогда же в Придворную охоту была приобретена от частного лица одна густопсовая борзая собака, за которую было уплачено 300 руб. (Арх. Упр. Имп. ох., No 4 – 1867 г.).

В ноябре того же года государь император приказал подарить из Придворной охоты двух борзых собак генерал-фельдмаршалу князю Александру Ивановичу Барятинскому.

Взамен этих собак для Императорской охоты были приобретены у частного лица две новые борзые собаки за 400 руб. (там же).

88 6 апреля 1863 г. министр Императорского Двора писал обер-егермейстеру гр. Ферзену: "Государь Император, желая содействовать успеху учреждаемой Комитетом Акклиматизации в нынешнем месяце в Москве выставки животных и растений, согласно ходатайству Августейшего покровителя сего Комитета Великого Князя Николая Николаевича Старшего, Высочайше повелеть соизволил доставить для сей выставки от Императорской охоты собак из наиболее замечательных пород".

Императорскою охотою были отправлены в Москву на выставку: "две своры борзых породы густопсовых Русских собак и гончих два смычка, из коих первый усвоенной породы в охоте волкогонов, а второй породы бурдастых собак".

Во время пребывания экспонатов Придворной охоты в Москве на выставке "Мая 4, в 6 часов пополудни, когда псаря отлучились для задачи собакам

корма, чернопегая гончая из псовой охоты Его Императорского Величества Государя Императора, поднявши загородку клетки, в которой помещалась, выскочила и скрылась под пандус. Это было тотчас замечено, но, несмотря на все старания старшего псаря и выжлятника, поймать собаку было нельзя по ее злобности. Поэтому отложили поимку до закрытия выставки в этот день, когда публики уже не будет.

"Когда водовозы въехали во двор, собака вдруг выскочила и побежала по Моховой улице; все три псаря побежали за нею; старший псарь взял даже извощика; но догнать в переулке не могли.

"Об этом происшествии дежурный член немедленно донес Обер-Полицеймейстеру, и было подано формальное явочное прошение".

По окончании выставки Императорская охота получила за выставленных собак серебряную медаль (Арх. Упр. Имп. ох., № 15 – 1863 г.).

В декабре 1866 г. государь император повелел отправить в Париж к 1 марта следующего года "свору Его Императорского Величества борзых собак" при двух служителях Придворной охоты, на каковую надобность и приказал отпустить из Министерства Императорского Двора 1500 руб.

Отправлены в Париж на Всемирную выставку были борзые собаки "Славный" и "Завида", коим международная экспертная комиссия присудила "большой приз" и золотую медаль, которую государь император приказал хранить на память в Императорской охоте. Служителям, бывшим на выставке с высочайшего соизволения, выдали по золотым часам и по 100 франков (там же, № 21 – 1866 г.).

Осенью 1868 г., во время охоты, производившейся

в Гатчине в присутствии государя императора, его величество изволил повелеть, чтобы медали, полученные за собак Придворных охот, которые экспонировались на выставках, были вывешены на стенах комнаты в доме унтер-егермейстера, предназначавшейся для остановок государя императора во время приезда в Гатчину для охоты.

Медали эти – золотая, полученная в Париже, и серебряная, присужденная Императорской охоте в Москве – были вставлены в два медальона, рисунка архитектора Гросса и работы мастера Расса, на коих были помещены соответственные надписи, у первого медальона золочеными, а у второго высеребренными металлическими буквами (там же, No 27 – 1868 г.).

На очередной 1875 г. выставке "Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты" экспонированной своре борзых собак Его Императорского Величества ("Чародей", "Лебедь", "Любезный") была присуждена экспертною комиссиею золотая медаль. Медаль эта по высочайшему повелению была передана на хранение в Гатчинский дворец (там же, No 3 – 1875 г.).

89 См. выше, в главе II, стр. 84–86.

90 Из документов, относящихся к июлю 1850 г., усматривается, что в то время последовало изменение существовавшего раньше предположения о размещении слободы Придворной охоты в Гатчине, собственно в Мариенбурге, по дороге из Гатчина в Красное Село, каковое место, по заключению главноуправляющего Дворцовым правлением генерала от артиллерии Захаржевского, было лучшею частью зверинца. Государь император повелел учреждение Императорской охоты проектировать к расположению

в местности, прилегающей к щенячьему заведению, на месте бывшего Вайволовского скотного двора. После этого 19 июля обер-егермейстер Васильчиков доносил, между прочим, министру Императорского Двора: "Вместе с генералом Люце (управл. Гатчинск. дворц. правл.) осматривал в Гатчине местность, на которой было бы удобно построить здания для помещения Придворной охоты. По мнению нашему, местность близ щенячьего заведения чрезвычайно неудобна по безводию, по весьма малому пространству земли, на коей нет возможности разместить все необходимые здания. Сверх сих причин, близкое расстояние от псарного двора щенячьего заведения, где выкармливаются щенки, весьма опасно, ибо щенки весьма легко заражаются от старых собак. Во всех существующих охотах щенки выкармливаются в большом расстоянии от мест, где содержится псовая охота.

"Вместе с тем, мы нашли самым удобным местом для Придворной охоты Мариенбург, но с тем, что необходимо прикупить небольшой участок земли, принадлежащий Гатчинскому мещанину, ибо, если Высочайше будет избрано сие весьма удобное место, означенный лоскут земли будет находиться между землею, которая будет употреблена на устройство охотничьего заведения.

"Донося о найденном нами, имею честь объяснить Вашей Светлости, что, по мнению моему, весьма удобно бы было произвести постройку из Гатчинской плиты, что будет прочно и не так дорого, а для того, чтобы не обременять Государственное Казначейство отпуском вдруг довольно значительной суммы, можно выдачею этой суммы разделить всю смету на четыре года, по мере производства работ, именно: в первый

год отпустить только на ломку плиты, которая требует скласть в клетку для сушки и должна целый год сохнуть, дабы она была прочна для строения; в тот же год сделать фундамент под все строения; во второй год потребную сумму на постройку собственно стен, накладку балок и накатов для полов и потолков; в третий на производство всех деревянных работ, как-то: дверей, окон, полов, заборов и прочее; на четвертый и последний год остальную сумму на окончательную отделку всего нужного. В этот же год можно будет перевести охоту из Петергофа в Гатчину.

"Дабы соблюсти казенный интерес, я полагал бы покрыть все здания известной системой из картонной бумаги, которая весьма прочна и опрятна. Сей способ потребует гораздо менее издержек, чем крыть крыши тесом или железом". В ответ на это донесение министр Императорского Двора затребовал от Егермейстерского ведомства представления ему плана вышеоговоренной местности и, сверх того, "осмотреть место за Инвалидною слободою по Царскосельской дороге к Мозину, уведомив притом, не удобнее ли будет расположить строения Придворной охоты в самом Мозине?" По наведенным обер-егермейстером Васильчиковым справкам оказалось: 1) Что значительная часть местности, расположенной за Инвалидным домом, была отдана по 1858 г. в аренду под разработку пахоти, а остальная часть эксплуатировалась местною дворцовою экономиею так же как пахоть.

2) Что для намеченной цели расположения зданий слободы Придворной охоты местность эта неудобна, как низменная и обладающая почвою болотисто-торфяною, причем слой торфа простирался до 3 1/2 саж. в глубину от поверхности.

3) Что последнее обстоятельство в свое время послужило мотивом приостановления существовавшего предположения о расширении Инвалидной слободы.

4) Что Мозино, по местным условиям, также совершенно не подходит для размещения в нем учреждений Императорской охоты.

По-видимому, тогда остановились на местности, рекомендованной для означенной цели обер-егермейстером Васильчиковым и управляющим Гатчинск. дворц. правлением ген. Люце, причем в новой слободе Придворной охоты полагалось устроить:

1) Помещение для 6 чиновников; при каждом помещении конюшня на два стойла, сарай для дров и экипажей, ледник и кладовая. 2) Помещение для 84 служителей с кладовыми, хлевами для коров и ледниками. 3) Помещение для канцелярии Управления охотами. 4) Баню. 5) Конюшню на 66 лошадей. 6) Денник с двором и "полавочниками" для 30 борзых. 7) Такое же помещение для 60 гончих собак. 8) Лазарет для больных собак. 9) Кухню для варения корма собакам. 10) Два экипажных сарая. 11) Сарай с каланчою для пожарного инструмента. 12) Сарай для сена и соломы. 13) Сарай для овса и других кормов. 14) Сарай для верховой и упряжной сбруй. 15) Цейхгауз для амуниции, разных вещей и форм прежних лет. 16) Навес с боковыми стенами для простых телег и дрог. 17) Хлев с двором для отсадки собак. 18) Навес с корытами для кормления собак. 19) Здание с дворами для помещения разных зверей. 20) Сарай для бойни. 21) Сарай для сушки мяса. 22) Цейхгауз для ружей и ружейного материала. 23) Кузницу. 24) Пороховой погреб. 25) Отвести место для огородов чиновников и служителей (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 153).

91 24 сентября 1857 г. егермейстер гр. Ферзен писал

главноуправляющему Дворцовыми именными генералу от артиллерии Захаржевскому: "Как известно Вашему Высокопревосходительству что вследствие Высочайшего повеления Императорская охота переводится из Петергофа в Гатчину не только по ветхости зданий Егерской слободы, но с тем также, чтобы в окрестностях города можно было с удобством производить охоты егерские и псовые для Его Величества и членов Императорской фамилии. Вследствие чего имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, предписать Гатчинскому Дворцовому Правлению сделать распоряжение по вверенным его управлению вотчинам, чтобы на предполагаемой вырубке лесов оставлять таковые объемами, т.-е. острова с лесом, имеющим около 3-х десятин ширины и шести длины, окруженные полем, луговою или пахотною землею, в расстоянии один от другого на двести сажен менее или более, смотря по местности; а в настоящее время на местах, годных к охотам, для большего удобства произвести: для псовых охот необходимые незначительные расчистки и соединение полей с отделением островов, а для егерских охот просеки для расставления стрелковой линии.

"К скорейшему приведению этого предположения в исполнение не заблагорассудите ли, Ваше Высокопревосходительство приказать Гатчинскому Дворцовому Правлению командировать землемера, который, по указанию местности заведывающим делами Унтер-Егермейстера Ивановым, мог бы отметить на плане, объяснить Дворцовому Правлению к обсуждению и немедленному поручению лесничему произвести вместе с землемером и просеки.

"Подобные же расчистки необходимо произвести

также в окрестностях Царского Села на случай охот в присутствии Государя Императора и Высочайших особ" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, № 34).

92 В ноябре 1858 г. министр Императорского Двора сообщил егермейстеру гр. Ферзену о воспоследовании следующего высочайшего повеления касательно Петергофской слободы Придворной охоты:

"1) Всю землю, состоящую под строениями, огородами и прочими устройствами Егерской слободы, не отчуждая, оставить собственностью Государя.

"2) Дома, в которых проживали Управляющий охотами и Унтер-Егермейстер, с огородом, прилегающим к Черному пруду, предоставить учреждаемому, по предложению Петергофского уездного судьи Мысловского, заведению для призрения бедных.

"3) Прочие затем дома отдать бесплатно под помещение чиновников, служащих в Петергофских присутственных местах по выборам дворянства, с тем, чтобы сумма, какая, по изустному отзыву Губернского Предводителя, предназначалась для приобретения некоторых из сих домов, была обращена на исправление их и приведена в обитаемое состояние.

"4) Буде за сим останутся еще дома без назначения, то таковые продать, с публичного торга".

Между тем вскоре в сооружениях Гатчинской слободы Придворной охоты обнаружились многие существенные недостатки и неисправности: полы фуражных сараев оказались устроенными столь низко, что весною подмочило овес; ограда волчьего зверинца была сделана из столбов, не обшитых железом, почему звери эти прогрызли таковую и пр. Все эти неисправности велено было привести в порядок (там же).

От 1858 г. сохранился следующий список строений, принадлежавших Императорской охоте:

Гатчинская егерская слобода: 1) дом унтер-егермейстера; 2) дом управляющего охотами; 3) дом комиссара и государева стремянного; 4) дом биксеншпаниера и ветеринарного врача; 5) канцелярия Управления охотами; 6) школа Придворной охоты с квартирою учителя; 7) 17 домов женатых служителей, разделенных на 4 помещения каждый; 8) казарма холостых; 9) кузница; 10) водокачка; 11) баня; 12) два цейхгауза; 13) псарная кухня; 14) денники при псарных дворах; 15) псарный лазарет; 16) конюшня; 17) караулка при въезде в зверинец; 18) караулка при запасном зверинце.

Щенячье заведение: 1) дом заведующего щенячьим заведением; 2) флигель женатых служителей, разделенный на четыре отделения; 3) псарная кухня (Арх. Упр. Имп. ох., No 24 – 1861 г.).

Осенью 1859 г. с разрешения министра Императорского Двора нижний этаж дома унтер-егермейстера, расположенного при въезде в Гатчинский ремиз, был соответственным образом обмобилирован на случай приезда в Гатчину на охоту государя императора (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 94).

93 25 октября 1858 г. егермейстер гр. Фсрзен писал в Строительную контору Министерства Императорского Двора.

"Имея в виду близкое расстояние заячьего ремиза от Гатчинского Дворца, я желал бы для ружейной охоты Государя Императора устроить в нем некоторые удобства, состоящие преимущественно в расчистке и разработке полей для посевов ржи, овса, клевера, капусты, для корма птиц и зайцев, со сделанием по

всем направлениям ремиза извилистых и удобных тропинок. Означенное устройство я, по моим указаниям, поручил Архитектору Гроссу, с тем, чтобы оно было непременно окончено раннею весною 1859 г. и было бы произведено на остатки сбереженных сумм" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, № 34).

25 сентября 1859 г. директор Строительной конторы Министерства Императорского Двора Прокопович-Антонский писал егермейстеру гр. Ферзену: "При последнем свидании нашем, Ваше Сиятельство передали мне, что – по неуборке в Гатчинском ремизе хвороста – ремиз этот остался неочищенным, и это воспрепятствовало устройству облавы для Государя Императора. Вполне уверенный, что со стороны конторы Строительной было сделано все, от нее зависящее, к окончательному устройству Императорской охоты в Гатчине, я тогда же имел честь отвечать Вам, что это, вероятно, произошло от причин, вовсе от Конторы не зависящих; но для вящего удостоверения потребованы мною подробные по сему предмету сведения.

"Вследствие сего Архитектор Гросс донес, что по возложенному на него Вашим Сиятельством осенью прошлого 1858 г. поручению убрать из ремиза весь хворост, устроить тропинки, вспахать и засеять небольшие поляны, с отнесением расхода на сбережения из общей строительной суммы, не требуя для сего дополнительного ассигнования, он представил в Строительную контору подробный отчет о сбереженных суммах, с отчислением на очистку ремиза пятисот руб., каковые деньги и представлены им в Егермейстерскую контору.

"Между тем, подведомственные Вашему Сиятельству лица, коим Вы, Милостивый Государь,

перед отъездом, для выиграния времени, изволили поручить как эту работу, так и устройство куропаточника, вынужденные нанимать в дорогое время рабочих, могли за 500 руб. вырубить лишь часть леса, и хворост остался неубранным в ремизе, за недостатком сумм...

"Не могу при этом не упомянуть, что Строительная контора, желая, сколь возможно, избежать заменительных и дополнительных работ, всегда останавливающих и затрудняющих дело, еще в марте 1857 г., до вызова к торгам, просила назначенного для совещаний Господина Унтер-Егермейстера Иванова уведомить, не потребуются ли какие-либо добавочные постройки по случаю увеличения в то время Егермейстерского штата, для благовременного их включения в общую смету, но Г. Иванов не предвидел в то время надобности ни в одной дополнительной постройке, между тем как после того было разрешено Строительною конторою, в течение 14-месячной постройки, более чем на 40.000 новых работ" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, № 34).

11 января 1860 г. министр Императорского Двора писал егермейстеру гр. Ферзену: "В октябре минувшего года Государь Император, во время охоты во вновь устроенном заячем ремизе в Гатчине, изволил найти, что местность от находящихся там для стрелковой линии дорожек до опушки леса, оставшаяся невыпланированной, весьма неудобна для прохода; на середине же сборной площадки, ничем не засеянной, по глинистому ее свойству, от бывших постоянных дождей была грязь.

"Вследствие сего Архитектор Гросс, осмотрев, по поручению моему, означенную местность, находит необходимым:

"1) По всем вообще просекам, расстояние от дорожек до опушки леса, в сложности до 10 дес. выкорчевать, выпланировать и засеять овсом с клевером.

"2) Всю сборную площадку, по случаю помещения на ней во время охот экипажей, вымостить булыжным камнем, для стока же дождевой воды сделать кругом канавы, вымощенные мелким булыжным камнем, с каменными подземными водоотводными трубами.

"К сему Гросс присовокупляет, что, по отобранным им от крестьян ценам, работы по первому пункту обойдутся в 800 руб.; по приблизительному же исчислению его, работы по второму пункту будут стоить 2080 руб., всего же вообще 2880 руб. Впрочем, он полагает, что, при заблаговременной отдаче работ и заготовке зимним путем камня, сумма сия может еще сократиться.

"По всеподданнейшему о сем докладу, Государь Император Высочайше повелеть изволил: изъясненные в записке Архитектора Гросса предположения привести в исполнение, приступив к работам раннею весною сего года" (там же).

94 18 мая 1862 г. управляющий Императорскими охотами доносил Егермейстерской конторе: "Волчий и лисий дворы, построенные по речке Колпинке, при запасном заячьем ремизе решительно не годны потому, что ежегодно весною по речке решетки и заборы размывает напором воды, починка коих обходится весьма дорого, а в продолжение нескольких лет будет стоить дороже нового здания.

"О чем донося Конторе, имею честь покорнейше просить, не благоугодно ли будет снести с Строительною конторою Министерства Императорского Двора о перенесении жилой караулки,

волчьих и лисьих дворов на место за казарму холостых служителей, а также необходимо пристроить волчий денник, для помещения пойманных молодых волков, коих со старыми посадить нельзя, присовокупляя, что, по осмотре означенных дворов членом Строительной конторы полковником Красовским, найдено настоящее помещение действительно неудобным".

Это представление управляющего Императорскими охотами было передано Егермейстерскою конторою на заключение унтер-егермейстера Иванова, которому вместе с тем было поручено обсудить дело совместно с архитектором Гроссом.

Унтер-егермейстер Иванов, в общем, согласился с мнением управляющего охотами, но архитектор Гросс нашел, что намеченное новое место для сказанных учреждений охоты, помимо дороговизны необходимых здесь к производству работ, исчисленных в сумме 2012 руб., неудобно для постройки по причинам, возражения на которые мы увидим ниже, в последовавшем на них отзыве унтер-егермейстера.

С своей стороны Гросс предлагал:

"1) Запасные ремизы оставить на прежнем месте.

"2) Выгородить реку Колпинку из всех ремизов с проводом воды в каждое отделение ремиза небольшою отдельною канавою с бассейном.

"3) Устроить вновь в двух отделениях бревенчатые сараи с разделениями.

"4) Вход в караулку зверовщика устроить посредством новой калитки с ключом в большой изгороди, со стороны военного поля, против самой караулки, во избежание прохода через ремиз".

По приблизительному исчислению стоимость всех этих работ определялась архитектором в сумме 1160 руб.

С своей стороны унтер-егермейстер Иванов возражал на заключение Гросса следующими доводами:

"1) Ныне существующие волчьи и лисьи помещения временно устроены при запасном заячьем ремизе в то время, когда еще не существовало общего заячьего ремиза, на таких местностях, что если сделать в оных бассейны, то, по возвышенности берегов речки, будут представлять вид лейки, а крутизною берегов не будут удобны для зверей, да и, по качеству грунта земли, ежегодно, в весеннее время, на очистку от наплыва потребуются значительные издержки.

"2) Кому неизвестно о том, что волки и лисицы истребляют зайцев, к этому многими опытами дознано, что зайцы в соседстве волков и лисиц не только не могут хорошо плодиться, но и спокойными не бывают; следовательно, в заячьем ремизе волки и лисицы помещены быть не должны.

"3) Его Сиятельство Егермейстер гр. Павел Карлович Ферзен, во время пребывания в Гатчине, постоянно обращал внимание на неудобство помещенных в общем заячьем ремизе волчьих и лисьих ремизов, и, убедясь в необходимости переместить оные, поручил мне указать избранное им место близ казармы холостых, на которое составлен план (соответственно указаниям по этому делу Управляющего Императорскими охотами). Овраг с ручьем весною не наполняется водою (как то указывал Архитектор Гросс); доказательством сему ремизная изгородь, под которою, с существования ее, ни свай на плитных устоях, ни железных решеток сделано не было.

"4) Если псарная кухня и бойня, помещенные ко всем жилым строениям ближе предполагаемых волчьих

и лисьих помещений не имеют зловония, то от корма, который дается волкам и лисицам свежим, также не может быть зловония.

"5) В общем заячьем ремизе необходимо оставить запасный заячий, как для приемки от поставщиков зайцев, так и для содержания в оном зайцев для садок и осенних охот.

"6) Для сокращения расходов при переноске изгороди волчьих и лисьих помещений, оставить караулку для караульщиков ремиза, сделав калитку на военное поле, а зверовщика можно будет поместить в жилых строениях близ зверинца.

"7) По объясненному моему мнению, не могут служить препятствием к перенесению волчьих и лисьих помещений ни ручей, который будет снабжать зверей постоянно чистой водою, выходящею из родника, находящегося на том же ручье, ни весенняя вода, проходящая в самом ничтожном количестве, ни даже миазмы, которых не бывало, а быть никогда не может".

Все изложенные выше соображения были доложены Егермейстерскою конторою, всецело присоединившеюся к мнению унтер-егермейстера Иванова, министру Императорского Двора, который приказал с разрешением настоящего дела повременить впредь до личного им осмотра местоположения существующих волчьих и лисьих помещений.

Несмотря на это, в августе того же года Строительная контора М-ва Императорского Двора по личной своей инициативе распорядилась исправлением существовавших волчьих и лисьих зверинцев, выгородила речку из ремизов и переставила заборы последних, затратив на производство всех сказанных работ сумму в 300 руб. Вскоре после этого, в сентябре месяце, зверовщик Сухопаров доносил управляющему

Императорскими охотами: "В ночи с седьмого на восьмое сентября из вновь устроенного волчьего зверинца ушли два старые волка, подрывшись под забор в заячий ремиз, откуда 8-го сентября утром они также под изгородь заячьего ремиза подрылись и ушли.

"Для того, чтобы зайцы не уходили, изгородь заячьего ремиза поправлена домашними средствами, а изгородь во вновь устроенном волчьем помещении необходимо исправить, на что потребуются издержки".

По получении сведения об этом происшествии Егермейстерская контора запросила Гросса, каким образом могло произойти подобное обстоятельство, т. е. уход волков через изгородь, только что исправленную его попечением? Архитектор Гросс донес на это Егермейстерской конторе, что по осмотре им местности и ограды волчьего зверинца оказалось, что волки подрылись в том месте, где был оставлен во время работ по исправлению зверинца старый забор, "в таком именно месте, которое было совершенно прочно, тем более, что земля, утрамбованная в 1857 г. во рвах забитым сплошь накатником под всем забором, толщиной в 3 и 4 вершка, глубиною на 1 1/2 аршина, успела с того времени совершенно окрепнуть.

"В этом ремизе также с 1857 г. содержались волки, и хотя местами есть следы на заборах, что они пытались грызть столбы и доски, но не могли уйти из ремиза. Вновь пойманный и посаженный в ремиз волк предварительно изгрыз две накатины, вырыл их из земли и потом уже подкопался под забор, а из большого ремиза ему было еще легче подкопаться под общий забор заячьего ремиза, под которым не имеется рва, забитого сплошным накатником.

"До ухода волков и в настоящее время в заборах ремиза не оказалось каких-либо ветхих частей или

отверстий, через которые мог бы подкопаться волк, если он опять не успеет прогрызть и вырвать из земли бревна в три вершка и потом подкопаться под забор.

"Подобный случай, хотя и первый в течение пяти лет, но нельзя положительно устранить оный вовсе, потому что существующие помещения для волков деревянной конструкции, следовательно, как толсто и глубоко и было бы забито дерево в землю, оконечность его, остающаяся снаружи, всегда может быть изгрызена волком, в особенности тогда, когда волк успеет в такое короткое время прогрызть дерево и потом прорыть себе отверстие в земле, и подобную проделку не успеет заблаговременно усмотреть зверовщик. Единственная же предохранительная мера от подобного случая была бы та, если все деревянные части обить железом и под забор подвести плитный фундамент, но тогда ценность подобного деревянного забора равнялась бы каменному, что из видов сокращения общей стоимости постройки Императорской охоты в Гатчине было отменено вследствие Высочайшего повеления, последовавшего 30 июля 1856 г.

"Поврежденная же часть сплошного частокола с вырытым отверстием, через которое ушел волк, было того же числа заделано плотниками..." Несмотря на убедительность изложенного представления, архитектор Гросс все-таки получил от обер-егермейстера графа Ферзена выговор за плохое наблюдение над работами по устройству волчьего зверинца, "т. к. при лучшем устройстве ремиза волки из него не могли бы уйти" (Арх. Упр. Имп. ох., № 18 – 1862 г.).

95 19 марта 1864 г. обер-егермейстер гр. Ферзен писал в Строительную контору Министерства Императорского Двора: "При постройке зданий

Императорской охоты в Гатчине, для волков и лисиц были устроены временные помещения, которые впоследствии, при определении местности заячьего ремиза, вошли в круг одного, где через это произошло большое стеснение для зайцев; но, во избежание расходов, помещения были оставлены до переноски на другое место.

"В настоящее время они находятся в таком состоянии, что помещать в них зверей нет возможности: местность по каменистому грунту неудобна, через что лисицы издыхают в большом количестве; помещения как для волков, так и для лисиц при охотах необходимы, а потому имею честь покорнейше просить Строительную контору построить оные на избранном мною месте, позади казармы для холостых служителей, с правой стороны моста, построенного через овраг к псарному лазарету, для волков и лисиц, а по левую сторону моста сделать небольшую изгородь, чтобы к привязываемым там, у воды, медведям не могли подходить посторонние люди и в особенности дети и скот.

"К сему нужным считаю присовокупить, что постройка эта необходимо должна быть произведена нынешним летом, так, чтобы к осенним охотам для Государя Императора иметь возможность сохранить зверей.

"При переноске изгороди может быть употреблен имеющийся при охоте лес, в количестве 105 бревен, и некоторые доски и столбы из настоящей постройки".

Строительная контора передала приведенный отзыв обер-егермейстера на заключение члена Строительной конторы инженер-полковника Паукера, который выразил следующее мнение, сообщенное затем, по приказанию министра Императорского Двора, гр.

Ферзену.

"Неудобства помещения волков и лисиц близ жилья людей и псарного двора мне кажутся несомненными, т. к. невозможно предположить, чтобы не было заражения воздуха от падали, служащей для корма волков, и чтобы вой волков, возбуждающий также и вой собак, не причинял невыносимого беспокойства для людей. С другой стороны не имеется положительного ручательства в том, что по переводе лисиц на вновь избранное место прекратится их смертность, т. к. она может зависеть и от других причин, кроме свойства грунта их нынешнего помещения".

Руководствуясь этим, инженер-полковник Паукер полагал более правильным озаботиться надлежащим исправлением существовавших тогда волчьих и лисьего ремизов, не перенося эти учреждения на другое место.

В ответном отзыве на это заключение обер-егермейстер гр. Ферзен доносил, между прочим, министру Императорского Двора: "Специальность, приобретенную мною во время управления Егермейстерским ведением более семнадцати лет, а с тем вместе и право распоряжаться в помещении и сохранении зверей, покорнейше прошу оставить за мною и приказать перенести и устроить нынешним летом изгороди помещений волков и лисиц на месте, которое было указано помощником моим по управлению, князем Мещерским".

Несмотря на это, министр Императорского Двора все-таки приказал существовавшие помещения для волков и лисиц оставить на прежнем месте, соответственным образом улучшив таковые, и предписал обер-егермейстеру принять это к руководству.

Вместе с тем генерал-лейтенант гр. Адлерберг предложил Егермейстерской и Строительной конторам на случай, если и в улучшенных волчьих и лисьих зверинцах звери будут по-прежнему подвергаться усиленной смертности, вновь войти к нему с представлением о переносе этих учреждений, "но с избранием для сего другой местности, а отнюдь не указанной гр. Ферзенем, которая признана положительно неудобною как для самих зверей, так и для окружающих оную жилищ" (Арх. Упр. Имп. ох., No 10 – 1864 г.).

96 В 1871 г. была приведена в исполнение мера, о которой начальство Императорской охоты неоднократно и настойчиво ходатайствовало в прошлые годы: министр Императорского Двора, по представлению обер-егермейстера барона Ливена, разрешил волчьи и лисьи помещения перенести из заячьего ремиза на новое место, позади казармы холостых служителей Придворной охоты и денников собак псовой охоты. На эту надобность Егермейстерской конторе было отпущено 1554 р. (Арх. Упр. Имп. ох., No 19 – 1870 г.).

97 2) июля 1868 года временно исправлявший обязанности заведующего Егермейстерским ведомством, за отсутствием обер-егермейстера графа Ферзена, унтер-егермейстер Иванов доносил министру Императорского Двора: "Утром 9 сего Июля лесной пожар от деревень Париц и Карпиковой приблизился к изгороди ремиза; с прибывшими нижними чинами команд флотской и инвалидной, в числе 100 человек, служителями Императорской охоты сильное стремление огня хотя и удержано, но на другой день, от сильного ветра, пожар усилился так, что на помощь

бывшим накануне приглашено еще 40 человек кирасир.

"Срубкою кустарника, прорытием канавки, прокашиванием и затапыванием горячей травы, к вечеру того же дня успели пожар прекратить, но как местность эта более торфяная, пропускающая огонь до двух аршин глубины, то и в последующие дни от порывистого ветра вновь воспламенялась.

"Посему служителям охоты, в числе 110 человек, приходилось не только дежурить там, но и гасить ежедневно, тем более, что прорытая канавка, сделанная на скорую руку, так узка, что выбрасываемые ветром искры могут быть переносимы через нее.

"Для ограждения ремиза необходимо было бы прорыть вокруг одного и выпускного загона для лошадей канаву в одну сажень глубиною и две сажени шириною, отдалив от изгороди на 5 сажений". Кроме изложенного, унтер-егермейстер Иванов испрашивал разрешение министра Императорского Двора заказать для служителей Императорской охоты, принимавших участие в тушении лесного пожара, новую обувь, так как при затапывании горевшей травы они совершенно испортили свои сапоги.

Последнее ходатайство было гр. Адлербергом уважено (Арх. Упр. Имп. ох., No 20 – 1868 г.).

98 В 1880 году над районом, занимаемым Слободой, два раза разразилась буря. Первый раз бурей, свирепствовавшей 24 и 25 мая, было разрушено несколько звеньев изгороди по общему ремизу и псарным дворам. Работы по исправлению этих повреждений обошлись в 900 рублей. Во второй раз, 26 июня, буря причинила более значительные повреждения, а именно с семи жилых домов были сорваны крыши и разрушено было 35 звеньев изгороди ремиза; убытки простирались с лишком до 2500

рублей.

99 2 июня 1878 г. по ходатайству Егермейстерской конторы министр Императорского Двора разрешил Управлению Императорских охот произвести хозяйственным способом работы по исправлению повреждений, причиненных весенним разливом реки, протекающей через Гатчинский ремиз, в псарных дворах, щенячем заведении и звериных помещениях на сумму 3279 руб. 17 коп. (Арх. Упр. Имп. ох., No 22 – 1869 г.).

В том же году Егермейстерская контора возбудила перед министром Императорского Двора ходатайство о разрешении постройки в Гатчинской слободе Придворной охоты нового жилого деревянного флигеля со службами.

Предварительно постановления по этому представлению какого-либо решения министр Императорского Двора затребовал от Егермейстерской конторы объяснений, какими мотивами может быть подтверждена настоятельность в производстве указанной выше постройки нового дома.

Тогда обер-егермейстер барон Ливен донес гр. Адлербергу: "При переводе Императорской охоты из Петергофа в Гатчину, на штатное число служителей, по плану, утвержденному в 1856 г., определено построить 17 отдельных домиков со службами, а в 1857 г., прибавленных к прежнему штату 55 служителей господин Министр Императорского Двора приказал разместить по тем же строениям; в этих домах передняя часть имеет две комнаты на пять и задняя одну на две с половиною сажени. Семейства служителей увеличивались с каждым годом, и для размещения их ведомством принимались меры: в казарме для холостых отделена половина, в ней устроено четыре

помещения для женатых; в бывшей при охоте сушильне устроены три семейных помещения; при кузнице мастерская также обращена в семейное помещение.

"В период 20-и лет так стеснялись квартиры, что в маленьких 2 1/2 саженных комнатках многие семьи имеют от пяти до восьми душ.

"К этому в 1875 г. из сгнившего помещения щенячьего заведения перенесен один домик старшего служителя; занимаемые же четырема семьями помещения на новом месте не строились, и люди эти до сего времени находятся в наемных квартирах.

"Итак стеснение служителей в помещениях и происходящая от этого значительная смертность детей вынуждают ходатайствовать о постройке добавочных помещений".

Несмотря на приведенные доводы, министр Императорского Двора приказал с производством означенной работы повременить (Арх. Упр. Имп. ох., No 6 – 1878 г.).

100 См. выше, глава II, стр. 68.

101 К осени 1870 г. относится решение восстановить фазанное и куропаточное заведения ведомства Императорской охоты. Фазанное заведение было устроено при птичьем домике, находившемся в Гатчинском зверинце ведомства местного Дворцового правления, причем помещение, для сего предназначенное, было снабжено печами, ибо от зимнего холода фазаны умирали.

Для нового куропаточного заведения была отведена земля, ранее состоявшая под огородами Гатчинского Кирасирского Ее Величества полка, а также смежный с этою землею поросший кустарником участок,

расположенный между огородами и ремизом Императорской охоты.

Укомплектованы птицами названные заведения были тою же осенью, причем фазаны и куропатки были выписаны из Австрии, откуда и были привезены в Гатчину двумя тамошними форстерами Яничеком и Лаубе (Арх. Упр. Имп. ох., No 24 – 1870 г.).

14 марта 1871 г. министр Императорского Двора писал обер-егермейстеру бар. Ливену:

"Расход с 1 минувшего февраля по 1 января 1872 г. на содержание фазанов и куропаток и на разные непредвиденные расходы по заведению, всего 2605 руб., я разрешаю отнести на счет суммы, отпускаемой из Департамента Уделов на производство, в Высочайшем присутствии, охот, из которой производить и жалованье егерю Федору Петрову до 240 р. в год, с переименованием его в фазан-егеря " (там же, No 10 – 1871 г.).

5 апреля того же года управляющий Императорскими охотами доносил обер-егермейстеру барону Ливену: "Для предполагаемого выпуска фазанов, для размножения, в ремизе требуются некоторые приспособления, как-то: устройство навесов для кормления, будок для ловли их и распашки в некоторых местах земли для производства посевов".

Вскоре после этого управляющий Императорскими охотами донес обер-егермейстеру, что в тех же видах выпуска фазанов из фазанного заведения в ремиз в последнем учреждении необходимо отгородить оленей от птиц, дабы первые не выедали кормов, предназначенных для вторых, а также прорыть канавки для осушения некоторых болотистых мест.

На осуществление всех этих мероприятий управляющий Императорскими охотами

ходатайствовал об отпуске ему 600 руб., каковая сумма и была отпущена министром Императорского Двора по представлению обер-егермейстера (там же, No 25 – 1870 г.).

В том же апреле месяце распоряжением Егермейстерской конторы было приобретено для Высочайшего Двора 205 пары живых подорожников, по 20 коп. за пару (там же).

102 6 сентября 1832 г. управляющий Императорскими охотами доносил егермейстеру Васильчикову: "Во время моей командировки для истребления волков в городе Гатчине, осматривал я местоположение для предполагаемой выкормки щенков в Придворной охоте: 1) которое находится близ Гатчины, называемое Резенской полумызок, где строения довольно, но весьма ветхое, для коего потребуются значительные издержки, и при том же при дороге. Еще другое место, называемое Войлово, что бывший скотный двор, по моему мнению, нахожу весьма удобным, и оный же отстоит от большой дороги на одну версту, где для служителей дом весьма порядочный, а также сарай для собак и поварни есть, для коих потребуетя не такая значительная издержка, как в другом месте. А третье место от Гатчины в 14 верстах, называемое Новоскворицкая богадельня, которая стоит на большой Копенской дороге, о коем осмотре поручено от меня г. Биксеншпаннеру, который на возвратном пути осмотрит и донесет об этом Вашему Превосходительству немедленно".

С своей стороны биксеншпаниер Зекин доносил, что в месте у Новоскворицкой богадельни "найдено, неудобно быть выкормке" как вследствие того обстоятельства, что ветхое строение богадельни "держится внутри подпорами: если оные вынуть, то и

строение обрушится, а также стеснения внутреннего двора домами управляющего мызою, так и по существовавшему предположению выстроить против богадельни — вместо ветхой деревянной — новую каменную кирку и возобновить школу у самой богадельни". Результатами этих донесений явилось сообщенное 27 января 1833 года министром Императорского Двора Егермейстерской конторе высочайшее повеление: "Состоящий в ведении Гатчинского Дворцового Правления скотный двор, именуемый Вайлово, со всеми принадлежащими к оному строениями, передать в Егермейстерское ведение для щенячьего заведения".

По приемочной описи означенного имущества, между прочим, значится: жилой дом на каменном фундаменте, бревенчатой рубки, размерами 5 саж. в длину, 3 саж. в ширину и 2 саж. в высоту, с мезонином и шестью колоннами пистольского ордера; во дворе хлев на каменном фундаменте, мелкобревенчатой рубки, длиною 18 саж., шириною 3 саж. и вышиною 1 1/4 арш.; при хлеве сарай такой же постройки, длиною 5 саж. 2 арш., шириною 3 саж.; в середине двор, длиною 14 саж. и шир. 12 саж., окруженный палисадом из кольев. Посреди двора круглая кухня диаметром 5 1/2 арш., а при ней колодец. Сбоку всего строения погреб, длиною 4 саж. и шириною 3 саж.

Затем 30 апреля того же 1833 г. егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "К поступившему Вайловскому строению в Гатчине для щенячьего заведения Егермейстерского ведения, нужно устроить в окружности оногo небольшие дворики; посему я сносился с Гатчинским городским Правлением, может ли оногo для сего уделить часть земли; на сие 27 сего Апреля получил отношение

генерала Роппа, что есть часть свободной земли около строения Вайлово, означенная на приложенном плане" (плана в деле нет).

Вследствие этого Васильчиков ходатайствовал о передаче означенной земли в Егермейстерское ведомство, на что и последовало высочайшее соизволение 3 мая того же года (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 198).

9 марта 1834 г. на запрос министра Императорского Двора о том, почему до сего времени не представлено ему плана на устройство щенячьего Егермейстерского ведомства заведения у города Гатчины, егермейстер Васильчиков донес: "Когда поступило в Егермейстерское ведение место, называемое Вайлово, в Гатчине для щенячьего заведения, при коем находилось одно ветхое строение, в коем нельзя было иметь никакого помещения, то для поправки оного и постройки вновь необходимого строения я поручал архитектору Шарлемани принять оное в свое заведывание, но Шарлемани, имея обширные обязанности по другим должностям и по отдаленности места, не мог принять оного. Между тем скоро приближалось весеннее время, когда должно переводить собак в щенячье заведение для приплода, почему и вынужден был, не теряя времени, таковым строением поспешить заняться, и я, собственно по своему назначению, какие нужны произвести постройки отдал опытным мастерам, а смотрение за оным поручил Управляющему охотами; на таковые постройки сделано исчисление и заключено условий на сумму 12.341 руб., но оное не совсем окончено, и деньги еще не выданы. Сему строению я ныне поручил архитектору, находящемуся в Гатчине, Байкову, составить план и, по получении, оный доставлю

Вашему Сиятельству, потому что я полагал онный доставить по окончании всей работы; по новости заведения, полагать я должен, что откроются еще некоторые переделки и прибавки в строении" (Арх. Упр. Имп. ох., № 1 0/646).

29 апреля 1871 г. управляющий Императорскими охотами доносил Егермейстерской конторе: "При приеме молодых со щенячьего заведения оказалось, что из 22 собак 11 оказались в сухой парше, болезни, почти неизлечимой, вследствие чего и подлежат браку; другие собаки хотя и здоровы, но мелки и вовсе не отвечают тем расходам, которые идут на содержание щенячьего заведения.

"По исследовании лично причин вышеизложенного оказывается, что первое и самое главное – что плохой уход за щенятами, кои вверены попечению и досмотру старшего выжлятника Дмитрия Никитина, человека, мало заботящегося о вверенной ему части и постоянно пьяного, а во-вторых – и свойства самого щенячьего заведения, которое, более тридцати лет помещая в себе щенят, подвергающихся многим болезням, сделалось местом заразы, чумы и всех собачьих болезней, так как нет клочка земли, не пропитавшегося в течение 30 лет всевозможными миазмами.

"В настоящее время всего гончих щенят в заведении 18, количество, для которого не стоит держать заведения. Руководствуясь этим, Управляющий Императорскими охотами выражал мнение о целесообразности закрытия на тот год щенячьего заведения, с раздачею имевшихся налицо щенков на воспитание служителям Придворной охоты, дабы самое заведение могло в это время проветриться; землю же в пределах щенячьего заведения полагал полезным вспахать".

103 Сказанное предположение управляющего Императорскими охотами было признано обер-егермейстером бароном Ливеном вполне основательным, а затем было приведено в исполнение.

Закрытым щенячье заведение вообще было более трех лет; щенячье заведение же в зданиях бывшего Вайволовского скотного двора с этого времени окончательно прекратило свое существование (Арх. Упр. Имп. ох., No 16 – 1871 г.).

104 См. том III, стр. 121, 122.

105 Судя по многим документам, при Левашове дела Егермейстерского ведомства пришли в расстройство. Помимо крайней запущенности различных построек Императорских охот, пошатнулись и дела денежные, как то усматривается из следующего отзыва Трощинского, от 20 марта 1804 г., к новому обер-егермейстеру Нарышкину: "Его Императорское Величество, видя из рапорта Вашего Высокопревосходительства о вступлении в настоящую Вашу должность поданного, что, при рассмотрении Вами дел Обер-Егермейстерской конторы, не оказалось в оной долженствующей быть налицо экономической суммы 30.000 руб., которые предместником Вашим, покойным Обер-Егермейстером Левашовым, взяты под его расписку, изволит надеяться, что старанием Вашим деньги сии, от кого следует, истребованы и в недостающую сумму пополнены будут" (Сборн. Выс. указ., No 48; рукоп. Имп. ох.).

106 Дмитрий Львович Нарышкин, бывший гофмейстер и действительный камергер, сын известного обер-шталмейстера Екатерины Великой Льва Александровича, был назначен на должность обер-егермейстера 27 февраля 1804 г. (Общ. Арх. М-ва

Дв., оп. 2/1001, № 19).

Возложенные на него при назначении надежды оправдались, по-видимому, весьма скоро. В 1811 г. Нарышкину был дан следующий всемилостивейший рескрипт: "Дмитрий Львович! Из отчета, представленного Мне Вами за 1810 г., об оборотах денежных сумм по ведению Вашему, Я с удовольствием вижу, что деятельным Вашим распоряжением не только успели Вы удовлетворить в том году все штатные расходы, но, сделав много необходимо нужных издержек, на кои в штате ничего не положено, сохранили в экономии довольно значущий остаток. Отдавая полную справедливость ревностному Вашему служению, Я изъявляю Вам за то совершенную Мою признательность и благоволение, с каким пребываю всегда Вам благосклонный Александр" (Сборн. выс. указ., № 68).

22 августа 1826 г. ближайшее заведование делами Егермейстерского ведомства перешло от обер-егермейстера в руки вновь назначенного егермейстера, генерал-майора Андрея Ивановича Пашкова 2-го, уволенного от обязанностей этих в 1832 г. (Арх. Упр. Имп. ох., № 2 9/1369).

15 апреля 1832 г. управление Егермейстерским ведомством было передано егермейстеру Дмитрию Васильевичу Васильчикову, возведенному в звание обер-егермейстера 20 апреля 1838 г. (Арх. Упр. Имп. ох., без №).

107 См. выше, в главе II, стр. 80.

108 Васильчиков управлял ведомством Императорских охот до 1 октября 1852 г., за исключением конца 1838 и половины 1839 г., когда за его отсутствием часть обер-егермейстера была поручена шталмейстеру

барону Петру Фридериксу. Но и при увольнении Васильчикова по прошению от заведования делами Егермейстерской части ему сохранили звание обер-егермейстера и все прочие звания и должности, т. е. члена Попечительного совета заведения общественного призрения в С.-Петербурге, члена Попечительства Петропавловской больницы, члена Комиссии о построении Исаакиевского собора, члена Вольно-экономического общества, наконец, члена Государственного Совета, а также содержание по должности обер-егермейстера, в каковом звании пробыл до 24 декабря 1859 г. (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 7/701, 4 0/821, 8 0/925, 7 6/1263 и 7/1467 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 6).

Еще до отдания приказа об увольнении от обязанностей по должности обер-егермейстера Васильчикова, именно 15 сентября 1852 г., управление Егермейстерской частью было поручено, "впредь до повеления", в должности егермейстера гр. Павлу Карловичу Ферзену, пожалованному 2 апреля 1854 г. в егермейстеры и возведенному в звание обер-егермейстера 30 августа 1862 г. Гр. Ферзен оставался на этой должности до 12 января 1871 г., после чего был уволен от службы "по слабому здоровью" (Арх. Упр. Имп. ох., No 3 0/1525, No 15 – 1862 г. и No 2 – 1871 г.; Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 24).

109 По увольнении Ферзена 12 января 1871 г. обер-егермейстером был назначен генерал-адъютант, член Государственного Совета барон Вильгельм Карлович Ливен, а его преемником по управлению делами Егермейстерской части был определен 24 июня 1880 г. егермейстер князь Борис Федорович Голицын с назначением исправляющим должность

обер-егермейстера (Арх. Упр. Имп. ох., No 2 – 1871 г. и No 15 – 1880 г.).

В то же время, т. е. в конце 20-х и начале 30-х годов текущего столетия, значится в звании обер-егермейстера граф Моден, носивший, по-видимому, это звание как почетное, бывший причастным к делам и деятельности Императорской охоты и не состоявший даже в штате последней, что можно заключить из того обстоятельства, что в совершенных приходорасходных книгах, помимо рубрики "Штатное жалованье Обер-Егермейстеру, Егермейстеру и т. д.", встречается в это время особая, дополнительная рубрика: "На жалованье Обер-Егермейстеру графу Модену, по указу 24 октября 1826 г.". Граф Моден умер в 1833 году (Арх. Упр. Имп. ох., No 8/631).

110 24 января 1832 г. последовало высочайшее утверждение Устава Егермейстерского ведомства, который и приводим дословно.

Глава I.

"Управление Егермейстерским ведением, обязанности и ответственность Обер-Егермейстера.

"§ 1) К Егермейстерскому ведению принадлежат Императорские охоты, егерская и псовая, и состоящие при них чиновники и служители.

"§ 2) Сим ведением управляет один из Обер-Егермейстеров Двора Его Императорского Величества, по особому Высочайшему назначению, и при нем один Егермейстер или состоящий в таковой должности.

"§ 3) Обер-Егермейстер и Егермейстер обязаны пеших, чтобы принадлежащие к Императорским охотам люди, лошади, собаки, ружья и прочее

содержимы были в должном порядке; они отвечают за совершенную исправность вверенной им части.

"§ 4) Они распоряжаются штатными суммами, отпускаемыми Егермейстерскому ведению, соблюдая при том в надлежащей точности все существующие о сем постановления и в особенности по предмету подрядов и покупки припасов, материалов и вещей, каковые требуются для содержания охот.

"§ 5) В случаях чрезвычайных, Обер-Егермейстер испрашивает разрешение от Министра Императорского Двора и действует уже по его предписаниям.

Глава II.

"Распределение дел в Егермейстерской конторе по столам и предметы занятий каждого стола.

"§ 6) Для писмоводства и счетоводства по Егермейстерскому ведению учреждается Контора, которая разделяется на три стола.

"§ 7) Первым из сих столов заведывает по принадлежности Секретарь, вторым Бухгалтер, а третьим Казначей.

"§ 8) Предметы первого стола:

"I) Дела об определении, увольнении, повышении в чины и награждение чиновников и служителей.

"II) Ведение формулярных и именных списков, составление сведений для адрес-календаря и проч.

"III) Доставка в срочное время надлежащих сведений и списков о чиновниках: в Правительствующий Сенат, в Капитул Российских Императорских и Царских орденов и в прочие места, сообразно с предписаниями высшего начальства.

"IV) Заготовление шнуровых книг для счетного и казначейского столов.

"V) Учреждение дежурства между чиновниками и

порядок одного.

"VI) Ведение книг входящим и исходящим бумагам по установленной форме и отправление исходящих бумаг.

"VII) Составление списков о жалованье чиновникам и служителям, делопроизводство по постройке ливрей, амуниции и по прочему содержанию служителей и охот.

"VIII) Делопроизводство по хозяйственной части вообще, как-то: по ремонту строений Егермейстерского ведения, по отоплению и освещению их и по всяким подрядам и покупкам.

"§ 9) Предметы счетного стола:

"I) Ведение, согласно данным формам, бухгалтерских книг о всех приходах, расходах и оборотах Егермейстерского ведения.

"II) Ведение книг о вещественном капитале и составление ведомостей о разном имуществе, принадлежащем Императорским охотам.

"III) Составление расчетов и исчислений, какие могут потребоваться.

"IV) Поверка представляемых от разных лиц счетов и сличение их со сделанными распоряжениями, контрактами, таксами и проч.

"V) Изготовление месячных ведомостей и годовых отчетов для отсылки в Контроль Министерства Императорского Двора.

"§ 10) Предметы Казначейского стола:

"I) Прием, хранение и выдача сумм.

"II) Ведение установленных казначейских книг.

Глава III.

Порядок течения дел по письмоводству.

"§ 11) Все дела и бумаги, поступающие в

Егермейстерское ведение, раскрываются
Обер-Егермейстером или, по поручению его,
Егермейстером.

"§ 12) По прочтении бумаг и по представлении Секретарем справки из дел, буде таковая потребуется, Обер-Егермейстер или, по поручению его, Егермейстер на подлинной бумаге собственноручно надписывает резолюцию.

"§ 13) Резолюция сия приводится в исполнение по принадлежности в первом столе; если же по оной назначается прием или отпуск денег, то дается о том особое предписание казначею, за подписанием Обер-Егермейстера и за скрепою Секретаря.

"§ 14) Равномерно и все исходящие по Егермейстерскому ведению бумаги изготовляются по резолюциям и приказаниям Обер-Егермейстера и Егермейстера и, смотря по важности мест и лиц, с коими делается сношение, отправляются за подписанием того или другого, или за скрепою Секретаря. Представления же к Министру Императорского Двора делаются от имени Обер-Егермейстера, на имя коего и разрешения получаются.

"§ 15) Общий канцелярский порядок, ведение книг входящим и исходящим бумагам, совокупление каждого дела в надлежащем порядке, приложение к оному сверенных отпусков и проч. постановляется на основании общих узаконений.

Глава IV.

Порядок течения дел по счетоводству и по казначейской части.

"§ 16) Пред наступлением года счетный и казначейский столы снабжаются установленными для

прихода и расхода книгами за шнурами и казенными печатями, за скрепою по листам Секретаря и за подписанием Егермейстера.

"§ 17) Все денежные приемы и выдачи производятся Казначеем, согласно данным ему (§ 13) предписаниям и немедленно заносятся, как им, так и Бухгалтером, в книги по принадлежности статей.

"§ 18) Бухгалтер и Казначей, каждый по своей части, наблюдают, чтобы шнуровые книги ведены были в совершенной исправности, и чтобы не было в них описок и подчисток.

"§ 19) В случае нечаянной описки или ошибки, Бухгалтер и Казначей, не допуская отнюдь никаких подчисток в шнуровых книгах, своеручно поправляют, заскобив неправильно написанное так, чтобы оно оставалось явственно видно.

"§ 20) О всех поправках немедленно доносится Обер-Егермейстеру, с объяснением, в какой книге, на каком листе и строке сделаны.

"§ 21) Из таковых донесений Секретарь составляет подробные реестры опискам, которые впоследствии прилагаются к книгам, когда они потребуются на ревизию в Контроле Министерства Императорского Двора.

"§ 22) Во избежание напрасных затруднений по счетоводству, постановляется общим правилом: не допускать в приемах и выдачах денег, равно в счетах и книгах, никаких долей копеек, как-то $1/2$ и $1/4$, отбрасывая их в итогах.

"§ 23) Наличная касса Егермейстерского ведения, состоящая из денег, банковых билетов и тому подобных документов, представляющих капиталы, хранится за печатью Егермейстера и "за ключом Казначей".

"§ 24) В начале каждого месяца, по представленной Бухгалтером ведомости о долженствующей быть в наличности кассе, она свидетельствуется Егермейстером, причем наличность сумм поверяется по документам.

"§ 25) Обер-Егермейстер имеет право во всякое время свидетельствовать наличную кассу Егермейстерского ведения.

Глава V.

"Управление и распоряжение Императорскими охотами.

"§ 26) Управляющий охотами состоит под начальством Егермейстера и распоряжается охотами на основании данных ему предписаний или словесных приказаний Обер-Егермейстера или Егермейстера.

"§ 27) Во всех случаях, требующих разрешения, он представляет рапортами Обер-Егермейстеру или Егермейстеру и исполняет в точности их назначения.

"§ 28) Все чиновники и служители, принадлежащие к Императорским охотам, состоят в полной подчиненности у Управляющего охотами, который с своей стороны отвечает за совершенную во всем исправность по вверенной ему части.

"§ 29) Управляющий охотами представляет Егермейстеру еженедельные ведомости о благосостоянии команды, о числе людей на службе, о командированных и больных, о числе лошадей и собак и проч. Во время же отъездов на охоты доносит о месте нахождения и о всех действиях Императорских охот, а в чрезвычайных случаях рапортует и обо всем немедленно.

"§ 30) Егермейстер с своей стороны доводит таковые рапорты до начальственного сведения

Обер-Егермейстера.

"§ 31) Комиссар, по распоряжению Обер-Егермейстера, заготавливает необходимые для содержания охот припасы, материалы и вещи.

"§ 32) Хранение припасов, материалов и вещей лежит на личной ответственности Комиссара, и потому и магазин-вахтер состоит в непосредственной его подчиненности.

"§ 33) Комиссар представляет Обер-Егермейстеру рапортами о всех случаях, требующих разрешения, и исполняет в точности делаемые ему предписания или словесные приказания.

"§ 34) О приходе, расходе и остатке фуража, провианта, кормов и других потребностей Комиссар представляет Обер-Егермейстеру еженедельные ведомости, которые для надлежащей поверки отдаются в счетный стол.

"§ 35) Егермейстер ежемесячно осматривает наличность и доброту вышеозначенных припасов, а притом Обер-Егермейстер, по усмотрению своему, может во всякое время посылать для освидетельствования оных кого-либо из чиновников Егермейстерского ведения.

"§ 36) О всех новых распоряжениях, какие представляются необходимыми по Императорским охотам, Егермейстер испрашивает разрешения от Обер-Егермейстера.

Глава VI.

"Порядок определения и увольнения чиновников и служителей; обязанности и ответственность их.

"§ 37) Секретарь, Бухгалтер, Казначей, Управляющий охотами и Комиссар определяются и увольняются Обер-Егермейстером.

"§ 38) Прочие чины и служители, к охотам

принадлежащие, определяются и увольняются Егермейстером, но с разрешения Обер-Егермейстера.

"§ 39) Обязанности и ответственность Секретаря, Бухгалтера и Казначея учреждаются на основании общих государственных узаконений.

"§ 40) Каждый из них обязывается ответственностию в точном исполнении всего предписанного сим уставом по предметам его занятий, согласно распределению дел по столам.

"§ 41) Обязанности и ответственность Управляющего охотами и Комиссара, по существу возложенных на них дел и занятий, имеют быть определены инструкциями, коими сии чиновники должны быть снабжены от Егермейстера, с утверждения Обер-Егермейстера (II Полн. Собр. Зак., No 5101).

28 декабря 1832 года воспоследовало высочайшее повеление на будущее время "всем егерям Придворной охоты носить усы" (Арх. Упр. Имп. ох., No 1 – 1832 года).

[111](#) Указ императора Павла I о его отставке см. в главе I, стр. 8.

[112](#) Об обстоятельствах смерти В. Я. Скарятин см. выше, глава III, стр. 115.

[113](#) В документах 1812–1816 годов находим имя егермейстера *Василия Александровича Пашкова*, а в документах 1814–1816 годов – "в должности Егермейстера" действительного статского советника *барона Петра Ивановича Альбедия* (там же, NoNo 1 5/335 и 1 7/240).

15 августа 1818 года был назначен егермейстером *князь Голицын* (Сборн. Выс. указ., No 85; рукоп. Имп. ох.).

В 1826 году состоял "в должности Егермейстера" князь *Сергей Щербатов* (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 132).

22 августа 1826 года в должность егермейстера был назначен генерал-майор *Андрей Иванович Пашков 2-й*, с возложением на него обязанностей по управлению всем Егермейстерским ведомством. Пашков 2-й был уволен 15 августа 1832 года (Арх. Упр. Имп. ох., No 2 9/1363).

6 декабря 1827 года был назначен егермейстером князь *Никита Волконский*, по-видимому, не бывший причастным к делам Егермейстерского ведомства, так как когда в 1846 году затребовали от Егермейстерской конторы справку о его службе, то последняя отозвалась, что в делах ведомства не имеется никаких сведений, где обретається егермейстер князь Волконский, жив ли он еще или уже умер (Арх. Упр. Имп. ох., No 6 1/1104).

15 апреля 1832 года назначен в должность егермейстера *Дмитрий Васильевич Васильчиков*, с возложением на него обязанностей по управлению всем Егермейстерским ведомством. Васильчиков 20 апреля 1838 года возведен в звание обер-егермейстера (Арх. Упр. Имп. ох., без No).

В документах 1835 года упоминается "в должности Егермейстера" действительный статский советник *Павел Демидов* (там же, No 7 – 663).

5 декабря 1838 года был назначен "в должность Егермейстера" граф *Лев Григорьевич Салтыков*. К делам Егермейстерского ведомства он, по-видимому, причастен не был и даже не значился по спискам этого ведомства (там же, No 5 3/979).

14 апреля 1841 года назначен "в должность Егермейстера" *Никита Всеволодович Всеволжский*, с возложением на него обязанностей "заведывающего

Придворною охотою" (но не всем ведомством, во главе которого стоял в это время обер-егермейстер Васильчиков). Эту должность Всевожский занимал до 26 октября 1847 года, после чего вследствие ряда недоразумений, возникших между ним и обер-егермейстером Васильчиковым, Всевожский был назначен гофмейстером Высочайшего Двора (там же, NoNo 7/788 и 7 1/1181).

19 декабря 1846 года назначен "в должность Егермейстера" *граф Павел Карлович Ферзен*. В следующем году ему было предписано "присутствовать в Егермейстерской конторе", а затем (см. выше) ему было вверено все ведомство Императорских охот (там же, NoNo 4 8/1091, 6 4/1251 и без No).

20 апреля 1849 года был назначен егермейстером тайный советник *граф Андрей Иванович Гудович*, по-видимому, не принимавший участия в делах Императорских охот (там же, No 5 3/1328).

23 апреля 1861 года был назначен егермейстером помощник начальника 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенант *Арист Федорович фон Герздорф*, также, кажется, без возложения на него каких-либо обязанностей по Егермейстерской части; а 28 сентября того же года "в должность Егермейстера" пожалован статский советник *граф Алексей Толстой*, опять-таки без возложения и на него каких-либо забот по управлению Императорскими охотами (там же, NoNo 11 и 23 – 1861 года).

19 апреля 1864 года воспоследовал указ Правительствующему Сенату: "Действительному статскому советнику *Александру Строгонову* и надворному советнику *князю Василию (Васильевичу) Мещерскому* повелеваем быть в должностях Егермейстеров Двора нашего, с поручением

последнему из них занятий при Обер-Егермейстере, управляющем Егермейстерским ведением". В этой должности князь Мещерский пробыл до 13 мая 1867 года (там же, No 15 – 1864 года и без No).

9 октября 1866 года назначен "в должность Егермейстера" бывший церемониймейстер действительный статский советник *Шереметьев*, о деятельности которого по придворным охотам нам ничего неизвестно (там же, No 19 – 1866 г.).

1 января 1867 года "в должности Егермейстера" назначен помощник статс-секретаря Государственного Совета, статский советник князь *Михаил Сергеевич Волконский*, с оставлением на службе в Государственном Совете (там же, No 1 – 1867 года).

21 мая 1868 года назначен егермейстером гофмаршал Двора Наследника-Цесаревича *Владимир Яковлевич Скарятин*, с возложением на него ближайшего заведования делами Императорских охот. Скарятин, полновластно распоряжавшийся устройством высочайших охот, пробыл на этой должности до 29 декабря 1870 года (там же, No 16 – 1868 года и без No).

30 августа 1869 года пожалован "в должность Егермейстера" статский советник *Всеволод Никитич Всеволжский* (там же, No 17 – 1869 года).

25 января 1871 года пожалован "в должность Егермейстера" бывший воронежский губернатор, действительный статский советник в звании камергера князь *Владимир Александрович Трубецкой*, с назначением "присутствовать в Егермейстерской Конторе". Ему, между прочим, было оставлено содержание по прежней должности губернатора, то есть на 4287 рублей более положенного по штату для егермейстера (там же, No 4 – 1871 года).

Наконец, 19 февраля 1880 года пожалован "в должность Егермейстера" причисленный к Министерству внутренних дел действительный статский советник в должности шталмейстера *Григорий Александрович Чертков*, "с назначением присутствовать в Егермейстерской Конторе" (там же, No 8 – 1880 года).

III. Унтер-егермейстеры

114 См. выше, в главах II и III, стр. 46–48 и 101–102.

115 См. том III, стр. 125.

116 Последний унтер-егермейстер времен императрицы Екатерины Великой, *Михаил Николаевич Аксаков*, был уволен от службы этой, с производством в генерал-лейтенанты, 8 января 1799 года. После него должность эта некоторое время оставалась "порозжая", то есть вакантная (Рукоп. Имп. ох.).

Следующий за ним унтер-егермейстер был *Николай Семенович Шиянов*, назначенный на эту должность 20 декабря 1804 года и уволенный, вследствие болезни, 24 сентября 1810 года, с награждением чином статского советника. Егермейстерская контора свидетельствовала о "его, господина Шиянова, отличном прохождении службы и о благороднейшем всегдашнем поведении его; свидетельствует вместе признательность свою за порядок и многие в пользу казны учреждения, благоразумием и содействием его введенные по Обер-Егермейстерскому ведению, и за сдачею им вернейшего отчета в делах, на него возложенных, выдала ему за подписом и своею печатью сей аттестат" (Арх. Упр. Имп. ох., No 4/136 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, NoNo 19 и 34).

В документах 1826 года упоминается унтер-егермейстер надворный советник *Иван Иванович Чернов* (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 127).

В сентябре 1832 года на должность унтер-егермейстера был назначен надворный советник *Картмазов*. Однако 7 августа 1835 года в должности егермейстера действительный статский советник Павел Демидов обратился к министру Императорского Двора, князю Волконскому, с письмом, в коем, между прочим, писал: "При обозрении моем Егермейстерского ведения я нахожу, что назначенный по штату Унтер-Егермейстер не имеет особой никакой обязанности и в продолжение моего управления Егермейстерским ведением состоящий на службе надворный советник Картмазов совершенно не был занят, да и поручать никаких дел не имею, ибо по Придворной охоте состоит Управляющий, который прямо от меня исполняет все поручения; а по Егермейстерской Конторе заведывает Секретарь, который есть, как правитель дел в Конторе; да и известно мне, что и прежде сего Унтер-Егермейстер совершенно мало имел каких поручений". Руководствуясь этим, Демидов, согласно указанию Васильчикова, ходатайствовал перед министром о соединении должностей унтер-егермейстера и управляющего охотами с присвоением новой должности содержания лишь управляющего охотами. Получив согласие министра, Васильчиков 9 декабря 1835 года предложил Картмазову подать не позже 15 декабря прошение об отставке, угрожая в противном случае войти с представлением об увольнении Картмазова от службы без прошения. 29 января 1836 года Картмазова уволили в отставку, а на его место был

назначен *Александр Степанович Павлов* уже с жалованьем унтер-егермейстера, но с оставлением на нем прежних его обязанностей управляющего Императорскими охотами (Арх. Упр. Имп. ох., No 7/663).

Павловым начальство, по-видимому, весьма дорожило. Так, 31 июля 1843 года обер-егермейстер Васильчиков рапортовал министру Императорского Двора: "Унтер-егермейстер надворный советник Павлов, несмотря на все мои убеждения, желает оставить службу. Способности сего чиновника, его усердие и отличное знание занимаемой им должности уже давно сделало его необходимым для Придворной охоты, и я желал бы сколь возможно дольше сохранить его в оной. Посему, не решаясь представить об увольнении г. Павлова, не доведя предварительно до сведения Вашей Светлости, я имею честь покорнейше просить благосклонного содействия Вашего к удержанию его в службе. Но как г. Павлову, служащему с 1 июля 1793 года, следует по закону при отставке в пенсию полное жалованье и все содержание, то, с своей стороны, я не предвижу иной возможности оставить его в Придворной охоте, как, вознаградив достойным образом долговременную его службу, поощрить его к продолжению оной. Можно утвердительно сказать, что по Министерству Императорского Двора немного есть чиновников из придворно-служительского звания, прослуживших более пятидесяти лет с таким усердием и пользою, как г. Павлов, тем еще более заслуживающий примерной награды. Почему я считаю себя обязанным просить покорнейше Вашу Светлость об исходатайствовании Высочайшего назначения г. Павлову, ежегодно, полного оклада прибавочного жалованья, 572 рубля

серебром, или какой-либо другой награды, которую Ваша Светлость за благо признать изволите". На это светлейший князь Волконский ответил, что он не находит "возможным ходатайствовать о назначении унтер-егермейстеру надворному советнику Павлову пенсионна на службе, поелику сие противно законам, а если он не желает продолжать службы, то надо будет приискать на место его другого" (Арх. Упр. Имп. ох., No 5 9/904).

К какому средству прибегнул обер-егермейстер для удержания Павлова на службе, нам неизвестно; но уволен он был от должности унтер-егермейстера лишь в январе 1849 года (там же, No 1 1/1286), а в июне того же года должность унтер-егермейстера занял с.-петербургский плац-адъютант капитан Лейб-гвардии Литовского полка *Павел Петрович Мунт*, с переименованием в коллежские советники. По поводу его назначения сохранилось небезынтересная переписка. Предварительно назначения на должность по Императорским охотам Мунта, при всеподданнейшем министра Императорского Двора об этом докладе, основанном на ходатайстве и рекомендации с.-петербургского коменданта барона Зальца 1-го, желавшего доставить место подчиненному, долженствовавшему быть произведенным на вакансии в полковники и не имевшему посему права оставаться на старом своем месте, государь император повелел "удостовериться наперед, имеет ли господин Мунт надлежащие сведения по охоте?" На запрос об этом министра Двора обер-егермейстер Васильчиков донес: "Капитан Мунт был представлен мне господином в должности егермейстера графом Ферзенем, которого ему рекомендовали как человека хорошего, знающего охоту. Сам же я совершенно не знаю его и не имею

никакой возможности практически испытать по части охоты; но между тем должным считаю полагаться на рекомендацию моего помощника, который вместе с тем ближайший начальник унтер-егермейстера". Назначение Мунта состоялось при условии возложения на него и обязанностей по должности управляющего Императорскими охотами (Арх. Упр. Имп. ох., No 2 3/1298).

Однако это назначение было весьма скоро признано обер-егермейстером несоответственным 15 мая 1850 года унтер-егермейстер Мунт рапортовал в должности егермейстера графу Ферзену: "Вашему Сиятельству почтительнейше имею честь донести, что Императорская охота, по всем ее частям, доведена была до должного и хорошего порядка, о чем Вашему Сиятельству, как ближайшему начальнику, хорошо известно, тем более, что Государь Император и Государь Наследник изволили изъявлять всемилоостивейшие благодарности за охоты. Вследствие полученного мною, от 17 Апреля 1850 года, приказания от имени господина Обер-Егермейстера не входить ни в какие распоряжения, касающиеся до управления Императорских охот, всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство отстранить меня от какой бы то ни было возможной ответственности, ежели охота не будет в том виде и порядке, как была до вышеозначенного времени". 9-го же июня того же года Мунт подал обер-егермейстеру Васильчикову рапорт об увольнении его от должности и о переводе в прежнее место служения, в Лейб-гвардии Литовский полк, по представлении о чем министру Императорского Двора последний 1-го июля уведомил о высочайшем соизволении на ходатайство Мунта (Арх. Упр. Имп. ох., No 2 3/1298).

4 сентября 1850 года исправляющим должность унтер-егермейстера был назначен гвардии поручик *Иван Блохин*, деятельность которого, признанная весьма полезной, продолжалась, однако, не долго. 4 января 1852 года Блохин подвергся трем последовательным апоплексическим ударам, результатом коих было отнятие левой руки и ноги. После этого его пришлось уволить в отставку, при чем по высочайшему повелению ему было выдано единовременное пособие из Государственного казначейства в размере 1500 руб. сер. (там же, NoNo 2 5/1359 и 5 6/1459).

28 января 1852 года обер-егермейстер Васильчиков доносил министру Императорского Двора: "Управляющий Императорскими охотами *Мягков*, поступивший на занимаемую им должность 29 Мая 1850 года, постоянно имел счастье обращать на себя милостивое внимание и получать благодарности Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, содержа все вверенные ему части в отличном порядке. Считаю весьма справедливым засвидетельствовать перед Вашею Светлостью полезную службу *Мягкова* и ходатайствовать о перемещении его на имкующуюся вакансию в должность Унтер-Егермейстера, что, надеюсь, будет приятно Его Высочеству". Прося далее о назначении управляющим охотами *Челищева*, Васильчиков доносил: "Обе должности, как Унтер-Егермейстера, так и Управляющего охотами, заместить необходимо потому, что при весьма частом производстве охот нельзя без явных упущений в делах службы действовать одному чиновнику, тем более, что, как известно Вашей Светлости, служба по Императорским охотам требует чрезвычайной деятельности и трудов физических и не всяким чиновником может быть

переносима без особого расстройства здоровья, чему было уже несколько примеров". Однако чин Мягкова, губернского секретаря, послужил основанием несогласия министра Императорского Двора на его назначение на штаб-офицерскую должность унтер-егермейстера ранее производства его, Мягкова, в коллежские асессоры. На это Васильчиков донес, что Мягков уже 13 лет в настоящем чине, "что должность Унтер-Егермейстера должна быть замещена таким человеком, который, кроме специальных сведений по части охоты, был бы совершенно знаком с внутренним управлением Императорскими охотами, а это можно найти только в том, кто с особым усердием прослужил уже несколько лет в должности Управляющего. Незнакомого человека определить неприятно, потому что его нужно приспособлять, тогда как от него должны исходить распоряжения, да и весьма трудно найти такого, который был бы в одно и то же время: коллежским асессором, бедным человеком (богатый на эту должность не пойдет) и крепкого телосложения (иначе не вынесет требований службы). К тому же я имел в виду определение в Унтер-Егермейстеры отставного Измайловского полка поручика Блохина, при чем Его Императорское Величество Государь Император изволил сказать: *"Где искусство, там не нужно разбирать чины..."* "Определение Мягкова исправляющим должность Унтер-Егермейстера принесет существенную пользу службе и удовольствие Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу..." *"...Настойчивость моя в представлениях моих клонится единственно к пользе той части, которая мне вверена, и вследствие пятидесятилетней моей опытности, ясно указывающей, что необходимо нужно для пользы службы по*

Егермейстерской части..." Министр Императорского Двора ответил на это, что он согласен на назначение Мягкова унтер-егермейстером, но не раньше производства его в коллежские асессоры, к каковому чину за выслугу лет Мягков был уже представлен установленным порядком. Тогда Васильчиков отдал приказ по ведомству о переименовании Мягкова в унтер-егермейстеры теперь же, но с тем, чтобы содержание по этой должности выдавалось ему лишь со дня производства его в коллежские асессоры. В то же время Мягков по поручению обер-егермейстера донес непосредственно министру Императорского Двора о вступлении своем в новую должность и о производстве его в коллежские асессоры 11 июля. Министр Двора, сообщая Егермейстерской конторе о получении им рапорта "Управляющего Императорскими охотами" Мягкова, "именующего себя Унтер-Егермейстером", указал, что приказ обер-егермейстера представляет собою превышение власти, и предписал считать Мягкова по-прежнему управляющим охотами. 18 сентября того же года распоряжением егермейстера графа Ферзена Мягков снова был назначен унтер-егермейстером без содержания, о чем было донесено министру Императорского Двора с просьбою об утверждении сделанного распоряжения. Между тем по увольнении Мягкова из Егермейстерского ведомства в следующем году граф Ферзен доносил 2 декабря 1853 года министру касательно ходатайства Мягкова о выдаче ему содержания за время исправления им должности унтер-егермейстера, между прочим, следующее: "Коллежскому асессору Мягкову было предписано мною сдать должность Управляющего охотами собственно по совершенному его невниманию к обязанностям службы и для пользы самой службы,

почему необходимо было, впредь до увольнения Мягкова, предоставить ему состоять при чем-нибудь, а потому я и предписал ему исправлять должность Унтер-Егермейстера, которая, по существу своему, не влечет ни к каким занятиям, если исправляющий эту должность не будет иметь особых поручений от начальства. Поручений Мягкову никаких не давалось, и самое исправление должности Унтер-Егермейстера считалось как средство к устранению его от управления Императорскими охотами" (Арх. Упр. Имп. ох., No 3 7/1532 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 3).

22 ноября 1856 года на остававшуюся 3 года вакантною должность унтер-егермейстера был назначен бывший до того времени управляющим охотами титулярный советник *Иван Васильевич Иванов*. В этой должности Иванов оставался по день своей смерти, то есть по 2 февраля 1880 года, причем на него же с августа 1863 года были возложены обязанности управляющего Егермейстерскою конторою с одновременным с этою мерою упразднением положенной по штату должности секретаря Конторы и с выдачею Иванову жалованья последней должности вдобавок к жалованью унтер-егермейстера. Иванов имел весьма редкую награду: золотую на Владимирской ленте медаль с надписью "Благодарю", полученную им за удачный выстрел по огромному медведю, бросившемуся на государя императора на охоте 4 января 1872 года (Арх. Упр. Имп. ох., No 4 8/1660, No 33 – 1863 года, No 1 – 1872 года и No 6 – 1880 года).

По смерти Иванова егермейстер князь Трубецкой, указывая, что еще в 1863 году, при ходатайстве о назначении унтер-егермейстера Иванова на должность управляющего Егермейстерскою конторою, граф

Ферзен выразил убеждение, что деятельность унтер-егермейстера собственно по охоте не представляется необходимою, вошел с представлением к министру Императорского Двора "об оставлении в настоящее время без замещения должности Унтер-Егермейстера". 10 марта 1880 года ходатайство это было министром уважено (там же, No 6 – 1880 года).

IV. Управляющие Егермейстерскою конторою и ее секретари.

117 25 апреля 1802 года вследствие всеподданнейшего доклада обер-егермейстера Василия Ивановича Левашова "о необходимости для Егермейстерской Конторы для письмоводства одного секретаря" государь император Александр Павлович соизволил дать повеление Императорскому Кабинету отпускать в ведомство обер-егермейстера ежегодно на жалованье секретарю по 750 рублей (Сборн. выс. указ., No 42; рукоп. Имп. ох.).

118 Первым секретарем Егермейстерской конторы был коллежский советник *Егор Иванович Волков* (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 21), именовавшийся иногда Правителем канцелярии (Арх. Упр. Имп. ох., No 1 7/240). Волков служил в Егермейстерском ведомстве весьма долго: высочайшим указом 27 марта 1811 года ему "в вознаграждение за пятидесятилетнюю усердную службу и в пособие недостаточного состояния" был назначен из экономических сумм Егермейстерской конторы, кроме жалованья, пожизненный пенсион в 500 рублей в год (Сборн. выс. указ., No 96; рукоп. Имп. ох.).

Волкова сменил в 1814 году титулярный советник *Федор Иванович Фрязиновский*, имя которого

встречается в документах до 1824 года (Арх. Упр. Имп. ох., No 1 3/275).

В документах 1830–1832 года упоминается о секретаре Егермейстерской конторы *Орлове* (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 192).

21 июня 1832 года секретарем Егермейстерской конторы был назначен *Леонтьев*, уволенный 1 октября 1838 года исправлявшим тогда должность обер-егермейстера шталмейстером Фридериксом "за беспорядки и неисправность дел по Конторе" (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 1 0/646 и 7/701).

В этот же день секретарем Конторы был назначен коллежский асессор *Василий Пушилов* (там же, No 1 2/742).

21 ноября 1838 года должность секретаря Егермейстерской конторы была по высочайшему повелению переименована в должность управляющего Конторою "с присвоением этой должности VI класса" (там же, No 1 0/740).

На месте этом остался бывший секретарь Конторы Пушилов, уволенный затем от службы 19 марта 1842 года и замененный *Богацким*, который, однако, был также уволен от службы 31 числа того же марта "по внезапно приключившейся жестокой болезни, фактически в сказанную должность не вступив, что явствует из донесения Обер-Егермейстера Васильчикова Министру Императорского Двора, от 2 Апреля 1842 года, о том, что дела Конторы, по увольнении Пушилова, никем еще не приняты" (там же, No 1 9/800).

6 апреля 1842 года должность управляющего Егермейстерскою конторою вновь была упразднена, и вновь восстановлена должность секретаря Конторы с назначением на оную *Валериана Инколаевича*

Гордеева (там же, No 7/788).

Весьма интересна аттестация этого лица обер-егермейстером, относящаяся к марту 1843 года, как характеристика современного положения делопроизводства Егермейстерской конторы. Васильчиков писал: "Секретарь Егермейстерской конторы Гордеев, в апреле 1842 года вступив в отправление должности, для приведения в порядок дел Конторы употребил усиленные и постоянные занятия, которыми вполне достигнуто желаемое устройство по производству текущих дел, чем и положено прочное основание настоящему порядку, служащему верным ручательством правильного хода всех распоряжений. Главнейшие меры, исполнением коих достигнута сия цель, были: подробное назначение каждому чиновнику его занятий, введение постоянного канцелярского порядка и правильного счетоводства по данным формам, строгий надзор за немедленным совокуплением бумаг в дела и за содержанием их в порядке; а по хозяйственной части: вновь составленное положение о производстве фуража, кормов и кормовых денег по всему ведомству Императорских охот и правильный, законный ход торгов, на коих по всем подрядам и поставкам достигнуты самые выгодные для казны цены. В одно время с устройством текущих дел приступлено к доставлению в Контроль Министерства Императорского Двора сведений по отчетности Егермейстерской конторы за прошедшие годы; но как для сего требуются предварительные справки и разыскания в прежних делах Конторы, архив же находится с давнего времени в беспорядке, то этим отчасти замедляется быстрота сей работы, производимой только в часы, свободные от обыкновенных занятий. Впрочем, значительная и, так

сказать, основная часть этого труда уже сделана извлечением из журналов Контроля всех вопросов, требующих объяснений, которые за 1828 год доставлены вполне; а по количеству справок, уже собранных за следующие годы, предполагается каждый месяц очищать отчетность одного года" (Арх. Упр. Имп. ох., No 3 8/883).

26 ноября 1848 года Гордеев был переведен на службу в Государственную канцелярию, а на его место исправляющим должность секретаря Егермейстерской конторы был назначен бывший архивариус Конторы, губернский секретарь *Николай Егорович Дельфин*, утвержденный в должности 8 августа 1850 года и уволенный от службы, по болезни, 4 ноября 1854 года (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 7 9/1266 и 1 5/1557).

26 ноября того же 1854 года исправляющим должность секретаря Конторы был назначен чиновник для особых поручений при министре Императорского Двора коллежский советник *Варлам*, отозванный к месту прежнего своего служения 26 апреля 1863 года (там же, No 2 7/1559 и No 16 – 1863 года).

Вместо Варлама временно был назначен исправляющий должность секретаря Конторы казначей той же Конторы *Сухопаров*, а в августе того же года должность секретаря Егермейстерской конторы была упразднена, и вновь учреждена нештатная должность управляющего Конторою, на которую, как сказано было выше, был назначен унтер-егермейстер *Иванов*. По смерти Иванова егермейстер князь Трубецкой вошел с представлением к министру Императорского Двора, в котором, указывая, что по штату Егермейстерского ведомства положен секретарь Конторы и что эта должность не была занята с 1863 года, когда по ходатайству графа Ферзена Иванов был

назначен управляющим Конторою, а также принимая во внимание, что "делопроизводство Конторы не настолько значительно, чтобы требовать особого Управляющего", ходатайствовал "о разрешении возвратиться к прежнему порядку и восстановить должность Секретаря, упразднив временно существовавшую должность Управляющего Егермейстерскою конторою". На это представление министр Императорского Двора 10 марта 1880 года ответил полным своим согласием (Арх. Упр. Имп. ох., No 6 – 1880 года).

В том же марте месяце исправляющим должность секретаря Егермейстерской конторы был временно назначен казначей Конторы *Хорошевский*, замененный 23 декабря того же года "Секретарем по вольному найму" *Брагиным* (Арх. Упр. Имп. ох., No 6 – 1880 года и No 29 – 1880 года).

V. Казначей Егермейстерской конторы.

В документах 1798–1814 годов упоминается казначей Егермейстерской конторы надворный советник *Яков Михайлович Голубцов* (Рукоп. Имп. ох.).

В бумагах 1818–1824 годов – титулярный советник *Роман Семиков* (Арх. Упр. Имп. ох., No 1/392 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 120).

В документах 1833–1834 годов – *Криглер* (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 4/627 и 9/645).

1 января 1837 года казначеем Конторы был назначен титулярный советник *Василий Грязнов*, уволенный в апреле 1840 года (там же, No 2 2/752).

Вместо Грязнова был назначен *Мизин-Филоненко*, уволенный 15 мая 1842 года (там же, NoNo 1 2/742 и 8/789).

Вместо Мизина-Филоненко был назначен *Василий Иванович Фадеев*, скончавшийся 31 октября 1848 года (там же, No 6 8/1255).

5 ноября 1848 года был назначен исправляющим должность казначея Конторы титулярный советник *Иосиф Бурков*, утвержденный в этой должности 8 августа 1850 года (там же, NoNo 6 9/1256 и 7 9/1266).

Вместо Буркова 16 июля 1861 года был назначен исправляющим должность казначея Конторы губернский секретарь *Сергей Алексеевич Сухопаров* (там же, No 14 – 1861 года).

Наконец, вместо Сухопарова 21 июля 1872 года был назначен казначеем Конторы *Николай Степанович Хорошевский*, остававшийся в этой должности до конца описываемой эпохи (там же, No 6 – 1872 года).

VI. Чиновники для поручений

Хотя чиновников для особых поручений ни по одному из штатов Егермейстерского ведомства положено и не было, однако таковые фактически состояли при начальствующих лицах Императорских охот. Из этих должностных лиц нам известны:

Коллежский асессор *Василий Зимин*, причисленный к Егермейстерской конторе "ко исправлению разных препоручений" в период времени с 4 января 1805 года по 15 декабря 1810 года (Арх. Упр. Имп. ох., No 4/136).

Титулярный советник *Евграф Александрович Нестеров*, состоявший на собственном содержании "для разных поручений при Обер-Егермейстере" после Зимина (там же, No 1 1/331).

Коллежский секретарь *Василий Тимофеевич Тимофеевич*, состоявший при обер-егермейстере с 10

июня 1817 года по 11 августа 1820 года (там же, No 1 7/367).

Титулярный советник *Алексей Орлов*, состоявший при обер-егермейстере в 1824 году (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 120).

Коллежский секретарь *Валериан Николаевич Гордеев*, назначенный на эту должность 14 марта 1842 года "для исполнения", как о том писал обер-егермейстер *Васильчиков* в должности егермейстера *Всевожскому*, "особых поручений, которые будут даны ему по общему моему с Вами усмотрению" (Арх. Упр. Имп. ох., No 7/788). Гордеев в том же году, как мы видели выше, был назначен секретарем Егермейстерской конторы.

VII. Управляющие Императорскими охотами.

Должность управляющего Императорскими охотами была учреждена 8 сентября 1805 года по нижеследующему всеимлостивейшему рескрипту, данному на имя обер-егермейстера *Нарышкина*.

"Дмитрий Львович! По представлению Вашему о прибавке к штату Вашему Управляющего охотами, Я определяю в сие звание отставного майора *Антон Криденера*, с производством ему жалованья из Государственного Казначейства по 700 рублей в год" (1-е Полн. Собр. Зак., No 21907).

Криденер пробыл на этой должности 15 с лишком лет. По смерти его, последовавшей в начале декабря 1820 года, на должность управляющего Императорскими охотами был назначен 28 числа того же декабря титулярный советник *Осип Прегалинский*, занимавший до того времени нештатную должность помощника управляющего охотами (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 104).

Заметим кстати, что последняя, не положенная по штату, должность существовала, по-видимому, довольно долго. Кроме Прегалинского, в современных документах за 1812–1814 года упоминается помощник управляющего охотами *Степан Александрович Сметков*, а в документах за 1824 год – *Александр Дурнов* (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 1 7/240 и 2 9/291 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 120).

Имя Прегалинского как управляющего охотами встречается в документах в последний раз в 1824 году (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 120).

20 апреля 1828 года на эту должность был назначен *Александр Степанович Павлов*, начавший свою службу в Егермейстерском ведомстве рожечником роговой музыки Придворной охоты и занимавший затем последовательно в охоте различные более видные должности. В 1836 году, как мы видели выше, Павлов был назначен унтер-егермейстером, с оставлением на нем обязанности по должности управляющего Императорскими охотами. От последних обязанностей он был освобожден 18 января 1838 года (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 1 0/646 и 2 2/752).

После Павлова должность управляющего Императорскими охотами перешла в январе 1838 года к *Петру Яковлевичу Коптеву*, который состоял на службе в ней до сентября 1843 года (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 2 2/752 и 2 1/866).

19 октября 1843 года управляющим Императорскими охотами был назначен *Федор Александрович Елагин*, уволенный 23 февраля 1846 года (там же, NoNo 2 1/860 и 7/1050).

18 марта 1846 года на ту же должность был определен коллежский ассессор *Прокофий Иванович Тризна*, уволенный от службы в июне 1849 года (там

же, NoNo 5 1/1094, 1 0/1053 и 1 1/1286).

В августе 1849 года управляющим Императорскими охотами был назначен штаб-ротмистр *Николай Ельчанинов* с переименованием его в губернские секретари, но пробыл на этой должности менее года и был уволен в мае 1850 года (там же, No 1 0/1344).

29 мая 1850 года должность эту занял отставной штаб-ротмистр *Виктор Семенович Мягков*, 18 сентября 1852 года назначенный, как было сказано выше, исправляющим должность унтер-егермейстера (там же, NoNo 1 0/1344 и 7/1502 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 148 и оп. 4/1003, No 3).

18 сентября 1852 года исправляющим должность управляющего Императорскими охотами был назначен *Иван Васильевич Иванов*, утвержденный в этой должности 1 января 1854 года и занявший должность унтер-егермейстера 22 ноября 1856 года (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 3 4/1494 и 3 0/1525).

22-го же ноября 1856 года на место Иванова был назначен подпоручик Стрелкового Императорской фамилии баталиона *Александр Николаевич Ратаев*, с переименованием в гражданский чин. В этой должности он пробыл сначала до июня 1869 года, когда был уволен в трехмесячный заграничный отпуск с выдачею ему, по высочайшему повелению, единовременного пособия в 429 рублей. По причине же нездоровья он был вовсе уволен от службы в Императорской охоте 23 октября того же года (Арх. Упр. Имп. ох., No 4 8/1660, No 12 – 1869 года и без No).

6 декабря 1869 года должность управляющего Императорскими охотами занял штабс-капитан конной артиллерии *Валериан Павлович Рездеришин*, уволенный от этой службы 10 июня 1872 года (там же,

№ 21 – 1869 года и № 13 – 1871 года).

13 июля того же 1872 года на ту же должность был снова назначен *Александр Николаевич Ратаев*, причем ввиду многочисленности его семейства Ратаеву в прибавку положенного по штату содержания пожаловали наследник цесаревич и великий князь Владимир Александрович по 200 рублей ежегодно каждый из Собственных сумм Их Высочеств (там же, № 5 – 1871 года и № 21 – 1872 года). В 1874 году Ратаева разбил паралич; однако от должности его не уволили совершенно до самой смерти, постигшей его 16 апреля 1877 года. Тем временем 13 декабря 1874 года к Придворной охоте был прикомандирован прапорщик Царицынского полка *Владимир Робертович Диц* "для испытания", на которого и были возложены обязанности по управлению Императорскими охотами. Откомандированный временно от Придворной охоты, по-видимому, в Сербию добровольцем, Диц был назначен на должность управляющего охотами 17 июля 1877 года, на каковой должности и остался до конца описываемой эпохи (Арх. Упр. Имп. ох., № 12 – 1874 года).

VIII. Управляющие Московскими охотами.

Должность управляющего Московскими охотами Егермейстерского ведомства была учреждена нижеследующим всеимператорским рескриптом, данным обер-егермейстеру Нарышкину 9 марта 1807 года: "Дмитрий Львович! Признав нужным прибавить по представлению Вашему к штату по Обер-Егермейстерскому ведению чиновника для управления в Москве Егермейстерскою командою, с жалованьем в год по 1000 рублей, Я соизволяю и на определение к сей должности рекомендуемого Вами

коллежского советника *Дмиширя Павлова*, в начальстве Вашем состоящего. Об отпуске назначенного жалованья вместе с сим дано Мое повеление Министру Финансов" (Сборн. выс. ук., No 78 и 1-е Полн. Собр. Зак., No 22481).

Лиц, занимавших эту должность последовательно, мы указать не можем. Знаем только, что в 1819 году управляющим Московскими охотами был надворный советник *Николай Юргенев* (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 97) и что в 1828 году на ту же должность был назначен 1 февраля, коллежский советник *Афиноген Львович Елагин*, уволенный от этой службы 1 января 1833 года "при распределении Московского отделения" (Арх. Упр. Имп. ох., No 4 5/1155).

По штату 22 января 1833 года должности управляющего Московскими придворными охотами положено уже не было, ибо в Москве было оставлено лишь четыре егеря "для наблюдения за частными охотниками". Надзор же за этими егерями и удовлетворение их содержанием было возложено на Московское дворцовое правление (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 2/712 и 9/645).

IX. Комиссары Придворной охоты.

В начале описываемой эпохи комиссаром Придворной охоты был *Михайла Ардевилов*, назначенный на эту должность еще в 1782 году и прослуживший в Императорских охотах свыше 50-и лет (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 21). Высочайшим указом 27 марта 1811 года ему "в вознаграждение за пятидесятилетнюю усердную службу и в пособие недостаточного состояния" был назначен, кроме жалованья, пожизненный пенсион в размере 300 рублей в год (Сборн. выс. ук., No 96). Имя

титулярного советника Михаила Ардевилова как комиссара Придворной охоты упоминается в последний раз в документах в 1814 году.

Следующий известный нам комиссар Придворной охоты был титулярный советник *Василий Максимович Кулындин*, упоминаемый впервые в документах 1824 года и уволенный от этой должности в апреле 1828 года (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 120 и Арх. Упр. Имп. ох., No 6 3/1250).

В 1834 году должность комиссара занимал *Евграф Павлов* (Арх. Упр. Имп. ох., No 9/ 645).

10 января 1838 года обязанности комиссара были возложены на управляющего Императорскими охотами *Коптева*, от каковых обязанностей он был освобожден 2 ноября того же года (там же, No 9/719).

7 ноября 1838 года комиссаром Придворной охоты был назначен титулярный советник *Гаврила Волков*, уволенный от должности 8 апреля 1839 года (там же, NoNo 7/701 и 1 6/726).

После Волкова должность комиссара была снова возложена на некоторое время на управляющего охотами *Коптева* (там же, No 1 6/726).

15 августа 1839 года комиссаром Придворной охоты был назначен титулярный советник *Николай Константинович Соколов*, уволенный от должности, по домашним обстоятельствам, 31 июля 1846 года (там же, NoNo 1 2/742 и 5 3/1096).

По увольнении Соколова на его место был назначен губернский секретарь *Иван Дроздов*, уволенный 17 мая 1849 года (там же, NoNo 5 1/1094 и 3 2/1307).

С 17 мая 1849 года по 11 мая 1851 года комиссаром Придворной охоты был отставной штабс-капитан *Алексей Хорошилов* (там же, NoNo 3 2/1307 и 1 3/1416).

17 июля 1851 года назначен комиссаром Придворной охоты губернский секретарь *Иван Васильевич Иванов*, переведенный 18 сентября 1852 года на должность управляющего Императорскими охотами (там же, NoNo 1 3/1416 и 3 4/1394).

18 сентября 1852 года был назначен исправляющим должность комиссара Придворной охоты губернский секретарь *Валериан Алексеевич Ушаков*, утвержденный в должности 1 января 1854 года и уволенный от службы 23 января 1855 года (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 3 и Арх. Упр. Имп. ох., No 2 5/1557).

Место Ушакова занял коллежский секретарь *Константин Францович Зейдель*, уволенный от должности 26 апреля 1857 года (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 2 5/1557 и 2 0/1689).

С 26 апреля 1857 года по 22 октября 1858 года должность комиссара Придворной охоты занимал бывший биксеншпаниер *Петр Егорович Томсон*, а на место последнего был назначен его сын *Константин Петрович Томсон*, уволенный от должности 7 апреля 1869 года (там же, No 2 9/1735 и No 9 – 1869 г.).

16 апреля 1869 года комиссаром Придворной охоты был назначен коллежский асессор *Тихон Илларионович Анцыферов*, занимавший это место до конца семидесятых годов (там же, No 9 – 1869 года).

Х. Государевы стремянные

В 1798 году государевым стремянным был губернский секретарь *Лука Осипов* (Рукоп. Имп. ох.).

Вероятно, после него, во всяком случае не позднее 1806 года, был назначен на эту должность надворный советник *Алексей Семенович Еремеев*, умерший 21 ноября 1815 года (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No

21 и Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 1 7/240, 2 9/291 и 5 5/1165).

20 ноября 1816 года государевым стремянным был назначен прапорщик *Фельдъегерского* корпуса *Александр Павлов*, в 1828 году переименованный в управляющего Придворными охотами (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, NoNo 83 и 120).

Вероятно, после него, во всяком случае не позднее 1833 года, на должность государева стремянного был назначен титулярный советник *Николай Собакин*, скончавшийся 17 ноября 1843 года (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 2/625, 1/7/2 и 2 1/866).

После Собакина должность эта временно оставалась вакантной.

1 марта 1844 года на должность государева стремянного был определен отставной поручик артиллерии *Александр Михайлович Венцеславский*, с чином коллежского секретаря, уволенный в январе 1847 г. (там же, NoNo 1 5/941 и 4 2/1091).

В феврале 1847 года государевым стремянным был назначен поручик *Павел Эйх*, коего 3 мая того же года сменил коллежский регистратор *Феликс Феликсович Кельчевский*, уволенный 18 декабря 1848 года (там же, NoNo 4 8/1091, 6 4/1251 и 1 2/1287).

После Кельчевского временно исправлял должность государева стремянного стремянный 2-й статьи *Чуркин* (там же, No 8 5/1272).

11 апреля 1849 года государевым стремянным был назначен коллежский регистратор *Козьма Иванович Вышинский*, уволенный от этой должности к ноябрю 1853 года (там же, No 5 2/1386 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 17).

После Вышинского должность эта оставалась некоторое время вакантной (Арх. Упр. Имп. ох., No 2

3/1518).

В 1854 году исправляющим должность государева стремянного был назначен вабельщик *Федор Борисов*, приказ о назначении которого на это место состоялся 5 января 1855 года, при чем Борисов был произведен в XIV класс (там же, NoNo 2 8/1560 и 4/1565). В 1865 году Федор Борисов был назначен смотрителем Ящерского охотничьего Его Величества домика, с прибавкою ему жалованья по 250 рублей в год, но с оставлением в прежней должности. Борисов умер 22 октября 1868 года (там же, No 21 – 1865 года и No 23 – 1868 года).

16 ноября 1869 года государевым стремянным был назначен штабс-капитан *Михаил Васильевич Навазов*, на которого "в виде опыта" были возложены также и обязанности биксеншпаниера. Навазов был уволен 22 апреля 1870 года (там же, NoNo 11 и 21 – 1869 года).

После Навазова "в заведывание должностью" государева стремянного вступил вабельщик 2-й статьи *Василий Щекотов* (там же, No 21 – 1869 года).

XI. Биксеншпаниеры

В 1798 году биксеншпаниером был *Данила Панов* (Рук. Имп. ох.).

8 сентября 1802 года на ту же должность был назначен титулярный советник *Иван Мартынович Кизин*, скончавшийся в 1821 году (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, NoNo 21 и 109).

Вероятно, после Кизина, во всяком случае не позже 1824 года, был назначен биксеншпаниером *Иван Зекин*, уволенный от этой должности 5 февраля 1840 года (Арх. Упр. Имп. ох., No 1 0/740 и Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1001, No 120).

15 февраля 1840 года должность биксеншпаниера

занял бывший старший егерь *Петр Егорович Томсон*, уволенный 26 апреля 1857 года (Арх. Упр. Имп. ох., NoNo 1 0/740 и 2 0/1689).

5 января 1858 года был назначен биксеншпаниером губернский секретарь *Козьма Иванович Вышинский*, которого сменил 16 ноября 1869 года штабс-капитан *Навазов* (там же, NoNo 2 0/1689 и 11 – 1869 года).

По увольнении Навазова "на должность Биксеншпаниера определен" с 22 апреля 1870 года егерь *Петр Васильев* (там же, No 21 – 1869 года).

119 К 27 мая 1870 г. относится высочайше утвержденное мнение Государственного Совета: "Придворнослужители неодобрительного поведения должны быть исключаемы из Придворного ведомства с их семействами, после чего они обязаны избрать род жизни и приписаться к обществам вне столиц и городов, пользующихся особыми правами".

Руководствуясь этим правилом, начальство Егермейстерского ведомства на ходатайства служителем Придворной охоты об увольнении их со службы отвечало постоянно отказом, указывая, что увольнение придворнослужителя от службы может быть производимо лишь по почину начальства, а никак не по собственному их желанию (Арх. Упр. Имп. ох., No 13 – 1870 г.).

28 октября того же года министр Императорского Двора предложил обер-егермейстеру графу Ферзену уменьшить смету на 1871 г.

Гр. Ферзен ответил на это, что не признает возможным исполнить подобного приказания, "потому что в продолжение 25-летней моей службы при Егермейстерском ведении я постоянно сокращал расходы, и в 1857 г. хотя и сделано уменьшение должностей одного смотрителя зверинца, девяти

тенетчиков и двух конюхов, но это так стеснительно, что при всякой охоте видится в них недостаток.

"При сем долгом постановляю себе обратить внимание Вашего Сиятельства на то, что существовавший штат Егермейстерского ведения в 1843 г. переложен с ассигнаций на серебро; с тех пор донныне оклады содержания остались те же, а все жизненные продовольствия вздорожали так, что за покупаемое прежде за рубль ассигнациями ныне платят рубль серебром, следовательно, каждый, получавший прежде 3 руб. 50 к., теперь получает 1 руб.; это содержание так недостаточно, что не только чиновники, но и служители постоянно изыскивают все возможные средства к оставлению службы по охотам; ни один порядочный служитель, не только семейный, но и одинокий, получая 7, 9, а некоторые и 5 р. содержания в месяц, не может при настоящей дороговизне существовать; чем обязываюсь почтительнейше просить Ваше Сиятельство ходатайствовать у Его Императорского Величества о прибавке жалованья, что с своей стороны я признаю за совершенную необходимость.

"В настоящее время открылось много частных охотничьих компаний, которые платят значительно более охотникам специалистам, чем таковые получают в Императорской охоте, и потому беспрестанно люди из команды просят об увольнении их, имея в виду выгоднее места как в частных охотничьих обществах, так и при железных дорогах, и если соглашаться на их увольнение и не дать им приличного содержания, то в весьма скором времени Государю Императору невозможно будет приготавливать охоты" (там же).

В ноябре 1870 г. некоторые служители Придворной охоты подали через управляющего охотами прошение в

Егермейстерскую охоту об увольнении их от службы. Вследствие этого управляющий охотами получил от обер-егермейстера предписание, в коем указывалось на незаконность прошения и предлагалось впредь ничего подобного не допускать. В предписании, между прочим, читаем:

"Все слугителя Императорском охоты, состоящие на действительной службе, увольняются от оной по заслугам и особому ходатайству их начальства. О чем объявить по команде, с дополнением, что если кто из них не будет подчиняться обязанностям их службы, то, на основании существующих правил, тот будет переведен на действительную же военную службу и начнет оную рядовым на полный срок; те же, кои окажутся неблагонадежными в военной службе, будут отданы в арестантские роты" (там же, д. без Но – 1860 г.).

120 В сентябре месяце 1841 г. управлял, за отсутствием обер-егермейстера, ведомством Императорских охот в должности егермейстера Всеволожский. В это время по случаю производства высочайших охот у Пятигорска Всеволожский велел выдавать лошадям Придворных охот усиленный фураж, каковое распоряжение не было признано правильным министром Императорского Двора, приказавшим на будущее время воздерживаться от подобных своевластных распоряжений. Получив предписание в этом духе, Всеволожский вскоре после этого дал предписание управляющему Егермейстерскою конторою: "Удостоверяясь во время командировок, что жизненные припасы все вздорожали, определенная казенная порция 14 $\frac{2}{7}$ коп. в сутки недостаточна, я необходимостью нашел прибавить каждому из них по 7 $\frac{1}{2}$ коп. сер. в сутки, что и составит прибавочных на всю команду, считая от

17 сентября по 3 Ноября за 47 дней командировки, 147 р. 85 5/7 коп. серебр. Не смея отступить от Высочайше утвержденных правил, я прошу Вас сумму эту назначить служителям из моего жалованья. А также, по случаю сильной езды, определенная дача лошадям оказалась недостаточною, то для поддержки их единовременно разрешил я прибавить в сутки каждой лошади по 1 гарнцу овса и по пяти фунтов сена и, по вышеприведенной причине желая, чтобы и сии расходы отнесены были на счет моего жалованья, для сего сделайте расчет и представьте мне расчет, сколько будет подлежать с меня вычету" (Арх. Упр. Имп. ох., No 1 7/770).

121 18 марта 1834 г. Васильчиков вошел к министру Императорского Двора с представлением: "У служителей Егермейстерского ведения имеются дети, из числа коих некоторые могли бы поступить на оклад школьников, но, находясь сверх комплекта, остаются на содержании отцов, кои имеют ограниченное содержание. Для облегчения их положения, не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству разрешить отпускать каждому мальчику от 5 лет по одному пуду муки в месяц до поступления на вакансию? Такая выдача не может быть обременительна для Егермейстерского ведения, ибо на сие деньги, не трогая штатных сумм, можно иметь назначением из суммы, поступающей за раздаваемые на производство охот билеты; ныне имеются таковых служительских детей до 18 человек, и на сие будет выходить в год до 500 руб...." Ходатайство это было уважено, и даже, по новому представлению Васильчикова, разрешено выдавать муку детям служителей Придворной охоты начиная не с 5, а с 4-летнего их возраста (там же, No 1 1/647).

20 апреля 1872 г. обер-егермейстер доносил министру Императорского Двора: "При Императорской охоте в Гатчине устроена школа для мальчиков, но для девочек нет. Обращая на этот предмет внимание и на бедность родителей, не имеющих положительно никаких средств одевать дочерей и обучать оных грамоте в гимназии для девиц в Гатчине, жена моя желала бы на свой счет нанять наставницу, одеть девочек и обучать их грамоте; помещение как для наставницы, так и для школы девочек найдется. Докладывая о сем Вашему Сиятельству, имею честь покорнейше просить разрешение на это полезное введение и дозволение представлять раз в год наставницу к награде".

Министр Императорского Двора, с своей стороны, не встретил препятствия, но не нашел удобным раз навсегда установить выдачу наставнице наград ежегодно, а полагал выдавать ей таковые от времени до времени, не придавая выдачам характера обязательности. В учебном году 1872/1873 гг. в школах Императорской охоты обучалось 30 мальчиков и 33 девочки (там же, No 1 – 1872 г.).

122 В июне 1846 г. управляющий Императорскими охотами Тризна подал обер-егермейстеру записку об упадке дисциплины в команде придворных охот. Не приводя самой записки Тризны, цитируем последовавшее по сему поводу предписание обер-егермейстеру на имя управляющего охотами от 3 июля: "Дошло до сведения Егермейстерской конторы, что некоторые служители Императорских охот весьма грубы в обращении не только с старшими служителями, но и с господами частными, начальниками своими; старшие же служители не умеют внушать к себе надлежащего уважения, впадая нередко

сами в нарушение порядка службы. Сверх того, многие из служителей замечены были неоднократно в явном неповиновении, в самовольных отлучках, в нерадении к службе, в самоуправстве между собою и даже в драках; а некоторые, к сожалению, в неблагодарности к милостям начальства и в непомерном пьянстве.

"По кратковременности служения Вашего в звании Управляющего Императорскими охотами, Контора не может отнести замеченных выше беспорядков к какому-либо со стороны Вашей упущению, но предвещает Вас, что дальнейшее упорство служителей в дошедших до сведения оной проступках непременно отнесется к невзыскательности Вашей и к послаблению гг. частных начальников; в случае же какого-либо беспорядка, который явным образом сделается известным Конторе, строго взыщется с Вас и еще строже с гг. частных начальников, а виновные в проступке служители будут наказаны, как объяснено ниже.

"Чтобы предупредить о сем всех служителей Императорских охот, Контора предписывает Вашему Высокоблагородию прочесть сие предписание при собрании всей команды. А впредь проступки служителей, каковы: неуважение к старшим, грубость, самоуправство между собою, неисполнение приказаний и обязанностей службы, самовольные отлучки, пьянство, буйство и прочее вписывать Вам без малейшего упущения в данную Вам штрафную книгу, каждый раз в присутствии Унтер-Егермейстера и при всех находящихся налицо в слободе Придворной охоты чиновниках и старших служителях, и все это вносить в представляемые в Контору кондуитные списки.

"Находя неприличным подвергать придворнослужителей телесному наказанию, Контора

предписывает: за первый проступок, занесенный в штрафную книгу, наряжать виновного на трое суток дневальным на конюшню; за второй проступок на неделю и заставлять в продолжение оной два раза в день чистить по пять лошадей; за третий поступок сажать под арест и немедленно доносить Конторе рапортом. О проступках же наемных служителей доносить оной, как только один раз будут записаны в штрафную книгу. По таковым донесениям Вашим придворнослужители будут отдаваемы в рекруты, а буде не годятся, то в арестантские роты; наемные же служители будут немедленно изгоняемы из команды.

"Полагая, что вышеперечисленные беспорядки происходят не от современной закоренелости служителей в пороках, а от дурных примеров и наклонностей, и считая каждого служителя способным внять обязанностям службы и хорошим правилам, Контора не сомневается, что по объявлении вышеизложенных мер и при известной постоянной заботливости Вашей, с помощью гг. частных начальников и тех служителей, о которых Вы уже отзывались с похвалою, и которые могут наблюдать за нравственностью прочих, служителя Императорских охот поймут, что звание их возвышается перед другими, и что они должны, гордясь сим званием, отличаться и примерным поведением".

В дополнение к этому предписанию тогда же управляющий Императорскими охотами получил также и следующее: "Егермейстерская контора предписывает Вашему Высокоблагородию при собрании всей команды прочесть следующее:

"1) Служители 1-й статьи: егерь, доезжачий, стремянной, тенетчик и выжлятник и конюх 2-й статьи, а также фазан-егерь, будучи старшими в своих частях,

обязаны наблюдать за поведением находящихся под их начальством служителей, как надворнослужительского звания, так и наемных; они должны примерным своим поведением достигать полного к себе уважения и неослабно требовать от них строгого повиновения, не скрывая ни малейшего их проступка от начальников.

"2) Все вообще служители не иначе должны обращаться к своему начальству с жалобами, как по команде, т. е. объяснять свои жалобы старшим над собою служителям, которые обязаны докладывать с их объяснений гг. частным начальникам, а сии последние доносить Управляющему охотами, который обще с Унтер-Егермейстером разбирает жалобы" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, № 84).

123 21 февраля 1796 г. государственному казначею Васильеву дан был нижеследующий всемилостивейший рескрипт императора Павла Петровича: "Алексей Иванович! Служившим при нашем Обер-Егермейстерском корпусе и за старостью отставленным, всемилостивейше повелеваем производить ежегодный пенсией: бывшей Руст-Камеры смотрителю Греку по двести по пятидесяти рублей; биксеншпаниеру Фирсову по двести рублей и егерю Кантнеру по сту по пятидесяти рублей; да на прочих нижнего звания служителей престарелых и увечных, по доставленному к Вам от нашего Обер-Егермейстера имянному списку, на всех вообще две тысячи рублей. Пребываем к Вам благосклонны Павел". (Рук. Имп. ох.).

Из справки, относящейся к концу 1844 г., видно, что 20 апреля 1836 г. был назначен придворным оружейным мастером некий Иван Орлов. По высочайшим повелениям ему были пожалованы: В январе 1837 г. брильянтовый перстень за изобретение

ружья с патронами. В феврале 1840 г. серебряная медаль на Аннинской ленте для ношения на шее за изобретение механизма, приспособляемого к солдатскому ружью, и за исправное содержание оружия в арсенале великого князя Михаила Павловича. Со времени своего назначения Орлов производил починку собственных Его Величества ружей и охотничьих принадлежностей бесплатно и для этого ездил, когда его требовали, в загородные дворцы на свой счет, по своему желанию (Арх. Упр. Имп. ох., No 2 4/950).

124 25 июня 1803 г. "Его Сиятельство Министр Коммерции и разных орденов кавалер граф Николай Петрович Румянцев в двух отношениях своих объявил Высочайшее Его Императорского Величества повеление сими словами: в 1-м: Государю Императору благоугодно, чтобы в приморской экспедиции, вокруг света назначенной, был также и чучельник, во исполнение сего просил выбрать человека такого, почему для одного назначен знающий набивание чучел егерский ученик Петр Филиппов, о чем Его Сиятельству и дано было знать. На сие уведомляет он, гр. Румянцев, вторым отношением, что одному назначенному в морскую экспедицию чучельнику Государь Император повелеть изволил производить в год жалованья, до окончания экспедиции, по 500 руб., в уравниение всех тех выгод, какими он пользовался по своему месту. И во исполнение Высочайше прописанных повелений означенного егерского ученика Петра Филиппова, переименовав егерем, велеть ему явиться к директору той морской экспедиции г. Камергеру Резанову" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 12).

4 апреля 1808 г. министр военных сухопутных сил

гр. Аракчеев писал обер-егермейстеру Нарышкину, что государь император повелел чинам егерских полков "учиться практически у Придворных егерей стрельанию в цель", для чего он, Аракчеев, приказал заведующему чинами егерских полков ген.-майору Клейнмихелю назначить от каждого полка по 5 человек (Сборн. выс. ук., No 65).

125 2 августа 1850 г. Васильчиков рапортовал министру Императорского Двора: "По случаю назначения 4 человек в Царское Село для присмотра за слонами, Придворная охота терпит значительный недостаток в людях, тем более, что трое из них тенетчики, обязанность коих довольно важна как на осоках, так и на месте, где у каждого из них на руках несколько лошадей. Сверх того, трое егерей и один егерский ученик постоянно находятся при комнатах Императорской фамилии, где имеют постоянный надзор за принадлежащими Государю Императору, Наследнику Цесаревичу и Великим Князьям Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам собаками, и совершенно не несут никакой обязанности по своему назначению противу других егерей. При довольно значительном в Придворной охоте количестве собак и лошадей и беспрестанных командировках, уменьшение служителей восемью человеками весьма ощутительно". Вследствие этого Васильчиков ходатайствовал о перечислении служителей, находившихся при слонах, в ведомство Царскосельского дворцового правления и о замещении новыми людьми открывающихся таким образом четырех вакансий в Придворной охоте.

На означенное представление обер-егермейстера 25 того же августа последовало высочайшее соизволение (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 3/1002, No 156).

126 14 июня 1812 г. обер-егермейстер Нарышкин предписывал управляющему в Москве Егермейстерскою командою ст. советнику Павлову, "сходно с похвальным желанием Вашим, брать ближайшие меры к определению в военную службу, равно и рекомандую Вашему Высокородию, по приезде Вашем в Москву, предложить всей вверенной Вам команде о вступлении в Московское ополчение, чего честь и должность всякого требует. Отечество взывает защитников". По исполнении этого предписания из Московской Егермейстерской команды поступило в ополчение 19 человек (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, No 64).

В то же время из числа 40 человек наличных служителей с.-петербургских придворных охот в ополчение не был зачислен ни один (Сборн. выс. указ.). 29 апреля 1854 г., когда принимались всевозможные меры для предупреждения опасности для столицы от появления в Балтийском море неприятельского союзного флота и когда Кронштадт и противолежащие берега Финского залива, со стороны Сестрорецка и Ораниенбаума, были заняты сильными военными отрядами, егермейстер гр. Ферзен доложил министру Императорского Двора, что "из числа конных служителей Придворной охоты от 15 до 20 человек, на отличных донских лошадях, ловкие и хорошо знающие окрестности Петергофа, могут быть употребляемы в настоящее военное время на ординарцы для посылок с передачею приказаний".

3 мая того же года государь император Николай Павлович высочайше повелеть соизволил: "Конным служителям Придворной охоты находиться поочередно, по пяти человек, при лагерном отделении Его Величества, в Петергофе, для посылок с

приказаниями".

Отдавая инструкцию относительно порядка назначения, обмундирования и т. п. ординарцев, гр. Ферзен, между прочим, писал: "Настоящее Высочайшее назначение даст возможность служителям показать, что они достойны придворнослужительского звания и сумеют оправдать Высочайшее внимание, выраженное в настоящем назначении".

20-го же мая министр Императорского Двора уведомил егермейстера, что государь император повелеть изволил: "Вместо назначенных на дежурство к состоящему в Петергофе лагерному отделению Его Величества пяти Придворных конных егерей, находиться при оном только; каковое дежурство и начать с завтрашнего дня с тем, чтобы егеря сии состояли единственно в распоряжении Его Величества и моем".

127 31 марта 1856 г. министр Императорского Двора уведомил гр. Ферзена: "Государь Император Высочайше повелеть соизволил отвезть село Всесвятское для помещения во время предстоящей коронации Его Величества Придворную охоту", а вскоре за тем последовало повеление, чтобы "в церемонии, имеющей быть во время коронации", находились бы верхом государев стремянной и управляющий Императорскими охотами. Егермейстер Ферзен должен был ехать в карете вместе со вторыми чинами Императорского Двора. На расходы, сопряженные с высылкою Придворной охоты в Москву на коронацию, Егермейстерской конторе было отпущено 5000 руб. сер. (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 51).

17 июня 1856 г. гр. Ферзен доносил министру: "По случаю отъезда, по Высочайшему повелению, 20 сего

Июня Придворной охоты в Москву, я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство, не признаете ли возможным испросить у Государя Императора Высочайшей милости о назначении командированным с охотою чиновникам и служителям, по недостаточному их состоянию, на подъем денежного пособия, по примеру того, как это делается в Придворном Конюшенном ведомстве при командировании своих служащих в отдаленные места, присовокупляя, что в Конюшенном ведомстве выдается в пособие штаб-офицерам 286 р. 71 1/2 коп., обер-офицерам 143 руб. 35 3/4 коп., а нижним чинам по 21 рублю 42 коп. сер. на каждого". Министр Императорского Двора приказал впредь до назначения наград чинам Егермейстерского ведомства, командируемым в Москву на коронацию, выдать им по полугодовому окладу жалования (там же).

На следующий день гр. Ферзен предписывал государеву стремянному: "Строжайше предписываю Вашему Благородию, во время нахождения Придворной охоты в селе Всесвятском, исполнять с деятельностью служебные свои обязанности, наблюдая постоянно за нравственностью, трезвым поведением, опрятностью и вежливостью каждого служителя вверенной Вам псовой части. При чем поясняю, что если кто из них окажется в малейшем каком-либо поступке, а в особенности в пьянстве, то таковой будет мною представлен к отдаче в военную службу, а Вы, как неисполнитель приказаний Начальства, подвергнетесь строжайшей ответственности за допущение подобных беспорядков по вверенной Вам части".

Совершенно такое же предписание было направлено и биксеншпаниеру, как ближайшему

начальнику егерской части Придворной охоты (там же).

В августе месяце того же года ввиду ходатайства гр. Ферзена об уменьшении числа егерей, предназначенных к услугам при Высочайшем Дворе во время торжественных обедов, основанного на том обстоятельстве, что служителям Придворной охоты приходится иметь в селе Всесвятском уход за 150 собаками и 60 лошадьми, а также производить различные приготовления для предстоящих охот в высочайшем присутствии, министр Императорского Двора приказал егерей к Высочайшему Двору не посылать из села Всесвятского вовсе, сдав при этом в Московское дворцовое правление егерскую штатс-ливрею для облачения в нее других служителей Придворного ведомства (там же).

К 1857 г. относится известие, что при въезде государя императора в С.-Петербург после коронации в Москве, равно как и при въезде в С.-Петербург же высоконазванной невесты великого князя Михаила Николаевича, в шествии "за егерей" были назначаемы нижние чины пехотных частей гарнизона столицы, каковая мера мотивировалась нежелательностью отвлечения служителей Придворной охоты от их прямой деятельности. При этом названные нижние чины одевались в егерское платье" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 64).

128 На обмундирование чинов охоты положены были штатам следующие материалы:

Унтер-егермейстеру: 1) сукна на всю пару 4 1/2 арш., по 3 руб. 50 коп. арш.; саржи на подкладку 8 арш., по 1 руб. 20 коп.; нашивок золотых на 24 руб.; шляпа с плюмажем и шитьем 18 руб.; портному за работу 6 руб.; итого в год 73 руб. 35 коп. 2) сукна на

сюртук, обшлага и воротник 4 1/2 арш., по 3 руб.; 8 нашивок для воротника и обшлагов, по 80 коп. каждая; пуговиц на сюртук на 2 руб. 50 коп.; стамеду на подкладку 5 арш., по 60 коп.; за мех под сюртук 25 руб.; портному за работу 4 руб.; итого в 2 года 54 руб. 40 коп.

Биксенишпаниеру, статейщику и стремянному, каждому: 1) сукна на кафтан, камзол, обшлага 3 арш., по 3 руб.; стамеду на подкладку под кафтан 8 арш., по 60 коп.; ливрейного басону 26 арш., по 25 коп.; лосинных штанов двое 14 руб.; галуна на камзол и обшлага 10 арш., на 25 руб. 65 коп.; шляпа с плюмажем и галуном 12 руб.; портному за работу 6 руб.; итого в год 77 руб. 95 коп. 2) сукна на сюртук 4 1/2 арш., по 2 руб. 50 коп.; стамеду на подкладку 5 арш., по 60 коп.; галуна 6 арш., по 2 руб. 56 1/2 коп.; пуговиц томпаковых на 2 руб.; на мех под сюртук 18 руб.; перчатки с варигами 1 руб. 20 коп.; зимний картуз 7 руб.; портному за работу 4 руб.; итого в 2 года 61 руб. 84 коп.

Кречетникам, сокольникам, ястребникам, корытничьим, охотникам, доезжачим и выжлятникам: 1) сукна на кафтан, камзол, обшлага 3 арш., по 2 руб. 50 коп.; стамеду на подкладку 8 арш., по 60 коп.; басону 44 арш., по 25 коп.; пуговиц на 1 руб. 20 коп.; штанов лосинных двое – 12 руб.; сапогов двое с штибель-манжетами 9 руб.; шляпа с позументом 5 руб. 78 1/2 коп.; портупея суконная с басоном и пряжкой 6 руб.; кортик из черного дерева с позолоченною оправой 10 руб.; портному за работу 6 руб.; итого в год 73 руб. 28 1/2 коп. 2) На сюртук сукна 4 1/2 арш., по 2 р. 50 коп.; стамеду на подкладку 5 арш., по 60 коп.; галуна 4 арш., по 2 руб. 56 1/2 коп.; пуговиц на 1 руб. 25 коп.; мех под сюртук 18 руб.; перчатки с варигами 1

руб. 20 коп.; зимний картуз 7 руб.; портному за работу 4 руб.; итого в 2 года 55 руб. 96 коп.

Егери – то же, что охотники, с прибавкою перевязи суконной с басоном и пряжками, каждому на мундир в год 77 руб. 28 1/2 коп., а на сюртук и пр. в 2 года 55 руб. 96 коп.

Егерские ученики и птичники. 1) Сукна на кафтан и камзол 3 1/2 арш., по 2 руб. 25 коп.; каразеи на подкладку 8 арш., по 40 коп.; пуговиц медных на 50 коп.; шляпа 3 руб. 50 коп.; штаны и сапоги, как у охотников, 21 руб.; портупея и кортик 10 руб.; портному за работу 6 руб.; итого в год 51 руб. 51 1/2 коп. 2) Сукна на сюртук 4 1/2 арш., по 2 руб.; стамеду на подкладку 5 арш., по 40 коп.; пуговиц на 1 руб. 20 коп.; мех под сюртук 15 руб.; перчатки с варигами 1 руб. 20 коп.; зимний картуз 3 руб.; портному за работу 4 руб.; итого в 2 года 35 руб. 40 коп.

Кроме того, егерям, кречетникам, сокольникам, ястребникам, корытничим, охотникам, доезжачим, выжлятникам, егерским ученикам, птичникам ежегодно рабочие кафтаны, по 20 руб. 50 коп. (Рукоп. Импер. ох.).

29 мая 1817 г. начальник Главного Штаба Его Величества объявил высочайшее повеление "офицерам Егермейстерской команды иметь мундиры и петлицы по образцу Конюшенной команды, с тою только разницею, что, вместо красного воротника и обшлагов, Егермейстерским полагаются зеленые, а штаб-офицерским чинам, сверх петлиц, золотой борт, также по тому образцу" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 88).

30 сентября 1827 г. "Государь Император Высочайше повелеть соизволил чиновникам Егермейстерского ведения иметь виц-мундир из

темно-зеленого фрака с черным бархатным воротником и с пуговицами, Высочайше опробованными для Придворной охоты. При сих фраках носить панталоны или брюки темнозеленые, жилет белый или черный, шляпу круглую, а шпаг не иметь" (там же, оп. 2/1001, No 137).

129 11 марта 1831 г. последовало высочайшее утверждение положения об обмундировании чинов Императорского Двора. В положении этом, между прочим, читаем: "Обер-Егермейстеру и Егермейстерам иметь мундиры, во всем подобные Обер-Шталмейстеру и Шталмейстерам ("по существующей форме военного покроя, т. е. темно-зеленые суконные"), кроме того, что воротник и обшлага темнозеленые суконные с красною выпушкою, а на пуговицах изображение Государственного герба, окруженного охотничьим рожком. Обер-Егермейстеры имеют на парадных мундирах шитье в три ряда: на воротнике, обшлагах, карманных клапанах, под оными и по борту; а вдоль фалд и по швам тоже шитье в один ряд. Егермейстеры имеют на парадных мундирах то же расположение шитья, но только в два ряда и без шитья по швам... Виц-мундиры при шпагах Обер-Егермейстеров и Егермейстеров покроем и рисунком шитья должны быть подобны парадным их мундирам, кроме того, что шитье того же узора иметь только на воротнике, обшлагах и карманных клапанах... Обер-Егермейстерам и Егермейстерам при парадных мундирах носить шляпу с золотым шитьем по тому же рисунку и с тем же различием, как и на мундирах; белые суконные панталоны и длинные сапоги по образцу пехотных генеральских с накладными шпорами... Все чины Императорского Двора должны иметь на шляпах плюмаж в то время, когда бывают в

Придворных мундирах... Всем вообще чинам Императорского Двора иметь мундирный фрак темно-зеленого сукна с черным бархатным отложным воротником... Чиновникам Егермейстерской конторы и команды оставляется прежний мундир, подобный во всем конюшенному, только воротник и обшлага, вместо красных, темно-зеленые, а пуговицы с Государственным гербом, окруженным охотничьим рожком; шитье золотое точно такое же, как на конюшенных мундирах, и с тем же разделением. В торжественные дни носить им панталоны из темнозеленого сукна и длинные сапоги по образцу пехотных, генеральских; а в будни темнозеленые с красною прошвою, сверх сапогов, и на оных привинченные шпоры. Чиновникам же Конторы дозволяется носить и общий мундирный фрак, вышеозначенный.." (Арх. Упр. Имп. ох., No 1/1832).

130 6 мая 1833 г. министр Императорского Двора сообщил Васильчикову: "Государь Император в дополнение к положению о мундирах Придворного ведомства Высочайше повелеть соизволил: Всем чинам Егермейстерского ведения иметь сюртуки с зеленым воротником и красною подкладкою по форме военного ведомства, при шпагах и треугольных шляпах; в дороге же иметь суконную фуражку, с черным лакированным козырьком и суконным околышком по цвету воротника. Вместе с тем Его Величество предоставляет гг. Обер-Егермейстерам и Егермейстерам и состоящим в сих должностях иметь на сюртуках в виде погонов перевитые золотые шнурки, совершенно подобные тем, кои носят они на мундирах" (Арх. Упр. Имп. ох., No 1 – 1833 г.).

14 марта 1855 г. министр Императорского Двора писал егермейстеру графу Ферзену: "Государь

Император Высочайше повелеть соизволил:

"1) Обер-Шталмейстерам, Обер-Егермейстерам, Шталмейстерам и Егермейстерам Двора Его Величества впредь, вместо нынешнего малого мундира, иметь оный по Высочайше утвержденному новому образцу военных мундиров, т. е. не с фалдами, а с полами, сходящимися накрест спереди, двубортные, с двумя рядами пуговиц, по 8 с каждой стороны; шитье на воротниках, обшлагах и карманах теперешнее, но сие последнее не под талию поперек, а в длину по полам, как на казацком генеральском мундире. При сем малом мундире лосинных панталон и ботфортов не носить, вместо которых иметь зеленые брюки с красною по бокам выпушкою; при праздничной же форме таковые же зеленые брюки с золотым галуном по боковым швам. Парадный мундир остается прежний, с лосинными панталонами и ботфортами.

"2) Всем конюшенного и Егермейстерского ведений чиновникам офицерского звания иметь, вместо нынешних мундиров, таковые же по новому образцу для военных, как выше о сем сказано, сохраняя шитье на воротниках и обшлагах теперешнее, но с воротниками, наось разрезанными, с острыми вверху углами, не застегивающимися на крючки. Для чинов сих ношение лосинных панталон и ботфортов вовсе отменяется, вместо коих, во всех случаях носить зеленые брюки, с красною по боковым швам выпушкою" (там же, No 24 – 1855 г.).

17 августа того же года воспоследовало нижеследующее высочайшее повеление:

"1) Штаб- и обер-офицерам Придворной охоты иметь на мундирах и сюртуках золотые плетеные погоны, по Высочайше утвержденному образцу для чинов Военно-Медицинского ведомства.

"2) Для рогов перевязи из золотого галуна.

"3) Кинжалы носить на золотой поясной портупее.

"4) Вабельщикам, во время исполнения их обязанностей, носить шапки на черной кожаной поясной портупее" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 42).

4 сентября того же года последовало высочайшее повеление: "Чиновникам Егермейстерского ведения, коим положены мундиры военного покроя, иметь из серого сукна плащ, по вновь утвержденному образцу для кавалерийских офицеров, но без погон и выпушек, с темно-зелеными клапанами на концах воротника и на серой подкладке" (Арх. Упр. Имп. ох., No 24 – 1855 г.).

131 8 марта 1856 г. высочайше утверждена "форма одежды Обер-Егермейстерам и Егермейстерам:

"1) *Парадная форма.* Мундир, в виде полукафтана, однобортный, длиною 7 вершков от талии, со скошенным стоячим воротником, с прямыми продольными карманными клапанами, длина коих 5 вершков, с поперечным, на левом боку, для шпаги разрезом в 1 1/2 вершка и с витыми канительными на плечах погонями. Цвет сукна на сем мундире, на воротнике одного и обшлагах, равно как узор шитья, подкладка и выпушка остаются прежние, с тою только разницею, что шитье и выпушка продолжают до конца пол. К этому мундиру белые суконные или лосинные панталоны с ботфортами; шляпа с шитьем и белым плюмажем. При сей форме быть в лентах и орденах.

"2) *Праздничная (она же и воскресная) форма.* Виц-мундир в виде полукафтана, двубортный, длиною 7 вершков от талии, застегивающийся на 8 пуговиц, со скошенным стоячим воротником, прямыми

продольными карманными клапанами, длина коих 5 вершков, с поперечным, на левом боку, для шпаги разрезом в 1 1/2 вершка, с витыми канительными на плечах погонами и с красною по бортам до низу пол выпушкою. Цвет сукна на сем виц-мундире, воротнике и обшлагах, шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах, равно как подкладка остаются прежние. К этому виц-мундиру брюки темнозеленого сукна с галуном по боковым швам; шляпа с галуном же и черным плюмажем. При сей форме быть без лент.

"3) *Обыкновенная форма.* Описанный выше виц-мундир, брюки серые с темнозелеными лампасами и красною по середине оных выпушкою; шляпа с галуном и черным плюмажем. При сей форме быть в орденах, но без лент, кои надевать только при выносах тел и на погребениях.

"4) *Походная и вояжная форма.* Сюртук вновь утвержденного покроя для военных вседневных полукафтанов, т. е. двубортный, длиною 7 вершков от талии, застегивающийся на 8 пуговиц, со скошенным стоячим воротником, с золотым генеральским галуном, нашитым на нижней части воротника и на обшлагах, и поперечным, на левом боку, для шпаги разрезом в 1 1/2 вершка и с витыми канительными на плечах погонами. К сему сюртуку брюки серые с темно-зелеными лампасами и красною по середине оных выпушкою.

"Когда во время похода или вояжа надлежит быть в мундире, то при этом же сюртуке надевать ордена и носить шляпу с галуном, а когда надлежит быть в сюртуках, то этот же сюртук надевать без орденов и без шляпы, вместо коей носить фуражку.

"5) *Будничная или служебная форма.* Мундирный фрак; темнозеленые брюки; черный или белый жилет.

"6) *Плащ.* Из серого сукна, по образцу

генеральского военного, т. е. с красными выпушками, красным подбоем и красными на передних концах воротника клапанами, но без плечных погонов.

"7) *Общие правила.* а) Шпаги прежние; тем же, кто имеет золотые сабли, полусабли или шашки, с надписью за храбрость, носить оные: служившим в кавалерии по образцу кавалерийских, а служившим в пехоте по образцу пехотных, и б) на ботфортах носить накладные шпоры, а на сапогах привинченные" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, No 31).

132 16 марта 1862 г. министр Императорского Двора писал егермейстеру графу Ферзену: "Государь Император Высочайше повелеть соизволил: Обер-Егермейстерам, Егермейстерам и чинам Придворной охоты, при парадной, праздничной и воскресной городских формах, равно во время отправления охоты, сохранить ныне существующую форму головного убора; при городской же обыкновенной и походной формах, в тех случаях, где употребляются фуражки, иметь, вместо оных, шапки нового образца, по форме, утвержденной для гражданских чиновников Военного Министерства, белые с околышем: Обер-Егермейстерам и Егермейстерам из золотого галуна, а прочим чинам Придворной охоты из зеленого сукна".

23 того же марта гр. Ферзен, проводя сказанное предписание, доносил далее министру Императорского Двора: "Между тем на охоте, бывшей в Высочайшем присутствии 21 сего марта, Его Величеству благоугодно было мне повелеть словесно, что по Егермейстерскому ведомству упомянутые шапки должны быть не белые, а зеленые, предоставив белые Шталмейстерам". Тогда министр предписал: "Государь Император Высочайше повелеть соизволил ныне: По

Егермейстерскому ведению шапки нового образца иметь не белые, а зеленые, с околышем: Обер-Егермейстерам и Егермейстерам золотым, а прочим чинам Придворной охоты красного сукна".

Вскоре и последнее распоряжение было отменено: 6 апреля министр писал графу Ферзену: "Государь Император Высочайше повелеть изволил: Чинам Придворной охоты на шапках нового образца иметь околыш не из красного, а из одинакового, как на шапке, зеленого сукна и три красные канта: один по тулье и два по околышку". Представляя на утверждение образцы таких шапок, граф Ферзен доносил министру: "Хотя мне известно, что Государю Императору благоугодно было, для различия военных от гражданских, повелеть на шапках новой формы одним военным иметь на верху козырька на околышке ремешки, но служителям охоты и прежде всегда строились фуражки с ремешками, ибо без них, на открытых местах, при сильном ветре, будет срывать с головы шапку, а потому им необходимо строить с ремнями, а во время караула зимой зверей и производства охот необходимы башлыки".

На доводы эти последовало высочайшее соизволение, после чего окончательно утверждена следующая форма головного убора:

Для унтер-егермейстера: "Шапка и околыш светлозеленого сукна; на околыше золотой галун, по краям коего золотой шнур, по верху тульи шапки таковой же шнур; петлица из этого же шнура с пуговицею и кокардою; козырек с ремешком из лакированной черной кожи". Для штаб- и обер-офицеров: "Шапка такого же сукна и с таким же околышем; кругом оного два золотые шнура; по верху тульи у штаб-офицеров золотой шнур, а у

обер-офицеров кант красного сукна; козырек с ремешком из лакированной черной кожи" (Арх. Упр. Имп. ох., No 9 – 1862 г.).

1 декабря 1872 г. последовало высочайшее повеление: "При установленной для гг. Обер-Егермейстеров и Егермейстеров форме иметь виц-мундиры, при коих положено шитье на воротниках, обшлагах и фалдах, однобортные, по примеру измененной ныне военной формы. Походные же виц-мундиры сих чинов с галунами оставить двубортные" (там же, дело без No – 1872 г.).

16 июня 1873 г. последовало высочайшее повеление об отмене сюртуков для обер-егермейстеров и егермейстеров, установленных правилами, сообщенными 8 марта 1856 г., которые мы привели выше, а 17 декабря того же года объявлено министром следующее высочайшее повеление:

"1) Егермейстеры, вместо форменной шпаги, во время охоты носят охотничьи ножи на золотых портупях.

"2) Егермейстеры, с особого Государя Императора разрешения, носят зимние барашковые шапки.

"3) За отменою в Июне 1873 г. сюртуков с галуном, Егермейстеры носят во время охот сюртуки двубортные, с темнозеленым воротником, красными кантами и витыми погонами" (там же).

3 мая 1858 г. граф Ферзен возбудил ходатайство, дабы "для удобства и большей свободы движения во время производства зимних охот" вместо зимних шинелей со стоячими воротниками, чинам Императорской охоты разрешено было носить пальто с отложным воротником.

Представление это удостоилось высочайшего утверждения (там же, No 32 – 1858 г.).

133 6 октября 1827 г. государь император утвердил новую форму для чинов Придворных охот. В описании этой формы сказано:

"1) Для людей, составляющих псовую охоту. Суконный светлозеленый чекмень, обложенный по воротнику и кругом в полвершка ширины тесьмою из черного и желтого гаруса; на груди из шнура такого же гаруса пять длинных петель с десятью гомбочками, в таком же гарусе обделанными; позади, на лифе, две такие же гомбочки; от них вверх по швам, по рукавам, вокруг обшлагов и вниз около кармана в три ряда такой же шнур. Рог медный и кушак, сделанный на манер Уланской, из такой же тесьмы, шириною в 1 1/8 вершка. Шаровары из зеленого сукна, обшитые кожей. На голове кивер из черной мерлушки с кожаным козырьком; верх кивера из черной лакированной кожи; с верху и с низу кивера обшивка из узкой гарусной тесьмы; наперед у кивера золоченый герб. За кушаком кинжал с черною деревянною рукою и с черными железными ножнами, обделанными в золоченой бронзе.

"2) Для егерей. Куртка однобортная светлозеленого же сукна с желтыми гербовыми пуговицами. Панталоны же суконные того же цвета. Сверх панталон большие болотные сапоги. Фуражка на манер военной с козырьком из черной кожи, с золоченым гербом.

"3) Вице-ливрея для 10 егерей. Фрак обыкновенного покроя Придворных лакеев из темнозеленого сукна с таким же воротником; по воротнику, на обшлагах и на карманах золотой галун; пуговицы желтые с гербом. Брюки из такого же сукна с красною выпушкою. Жилет из белого пике. Сверх кафтана бандульер из лядуношного офицерского галуна, с кортиком, пряжкой и тремя наконечниками,

бронзовыми, гладкими. Обыкновенная треугольная шляпа с золотым галуном, золотой петлицей и кожаной черной кокардой и полусапоги" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 2/1001, № 137).

15 января 1848 г. высочайше утверждена "новая форма, вместо егерской куртки". Это "казакин из темнозеленого сукна, по колено, однобортный, с шестью пуговицами на груди; воротник из такого же сукна, обшитый поверху желтым кантом, с петлицами из узкого гербового басона, спереди, в 3 1/2 вершка длиною, по обеим сторонам воротника, с нашитыми на них по одной большой гербовой пуговице; на плечах погоны из плетеного гарусного шнура, в виде петли, застегивающейся у воротника малою гербовою пуговицею; обшлага разрезные, обшитые поверху желтым кантом; с боков, на груди, по одному маленькому карману; сзади два кармана, обшитые желтыми кантами, с двумя пуговицами на каждом; полы подложены темнозеленым стамедом, а прочие верхние части серым коленкором" (там же, № 129).

134 11 февраля 1856 г. егермейстер граф Ферзен доносил министру Императорского Двора: "Вследствие Высочайшего повеления о перемене покроя и формы штатс-ливреи для служителей Придворной охоты, Контора Егермейстерского ведения должна приступить немедленно к заказу означенной одежды. Как штатс-ливрея не положена по штату и не состоит по табели об амуниционных вещах Егермейстерского ведения, а до сих пор строилась на 20 человек и по мере надобности, с Высочайшего разрешения, на сумму, особо отпускаемую из Главного Казначейства, то имею честь обратиться к Вашему Сиятельству, не угодно ли будет испросить у Государя Императора повеление, по случаю могущих быть при Высочайшем Дворе

торжественных приемов, на какое число людей должно ныне заказать штатс-ливрея для служителей Придворной охоты?" По высочайшему повелению было сделано распоряжение о заказе штатс-ливреи для 20 человек служителей Егермейстерского ведомства, причем ливрея эта предназначалась "единственно для торжественных при Высочайшем Дворе обеденных столов, балов и других парадных случаев". Кроме того, тогда же было изготовлено полевое платье: 13 красных кафтанов с брюками, 12 зеленых кафтанов с брюками и 2 "полукафтана парадной и выездной форм" (Общ. Арх. М-ва Дв., оп. 4/1003, № 48).

В ноябре 1870 г. последовало высочайшее повеление построить доезжачим и выжлятникам, для различия их от стремянных "во время осеннего полевания", сюртуки из красного сукна. 8 же декабря того же года государь император высочайше повелеть соизволил: "Для 4 доезжачих и 3 выжлятников Императорской охоты оставить красные сюртуки бессрочными и употреблять их собственно только во время осеннего полеванья в присутствии Высочайших особ, а для прочих охот и всегдашней носки строить на 7 человек сюртуки темно-зеленые, как и у всех прочих служителей" (Арх. Упр. Имп. ох., № 20 – 1870 г.).

135 В 1839 г. для служителей Придворных охот была высочайше утверждена следующая "штатс-ливрея" и "виц-ливрея".

Штатс-ливрея: "Сюртук темно-зеленого сукна, обшит по вороту и швам золотым гербовым галуном, по 6 петлиц на каждую сторону из галуна с гербами и в два ряда пуговицами и в два ряда наплечные золотые шнуры; к ним миткалевые белые чехлы; панталоны белого сукна; черные шелковые косынки; бандульеры с золотым узеньким галуном; к оным бронзовые наконечники, на

каждом по четыре; к оным бандульерам пряжек с двумя шлифками; бронзовые бляхи с гербом, костяные белые волторки; шляпы треугольные, обшиты двухсторонним золотым позументом, с золотою петлицею, кисточками, шелковою зеленою кокардою; для оных шляп деревянные футляры; султаны перяные зеленые; к ним футляры бумажные; перчатки замшевые, белые; ботфорты со шпорами и нашпорниками; колодки для оных ботфортвов деревянные; на оные сапоги чехлы темнозеленого сукна; кортики с вызолоченными эфесами и наконечниками; кивер для образцового егерского платья светлозеленого сукна с золотым гербовым галуном и бронзовым гербом".

Виц-ливеря: "темнозеленого сукна, с золотым галуном на воротнике, обшлагах и клапанах; брюки темнозеленого сукна с красным кантом; бандульеры золотые галунные, на замшевой коже, с тремя на концах наконечниками, шлифною пряжкой; кортики с вызолоченными эфесами и наконечниками; шляпы треугольные с золотым галуном, петлицами и кожаную кокардою; жилеты белые пике; черные шелковые косынки с подгалстушниками; замшевые белые перчатки; полусапоги без шпор".

В документах того же года упоминаются еще следующие имевшиеся в наличности предметы обмундирования служителей Придворных охот: "Карпетки холстяные; жилеты канифасные, белые; башлыки с пряжками; куртки темнозеленого сукна, воротник и обшлага обложены золотым позументом; рейтузы темнозеленого сукна с светлозелеными лампасами, подшитые кожею; панталоны светлозеленого сукна; золотые галунные портупей, подшитые замшею; чекмени с шароварами, постройки

1828 г.; сюртуки летние с басонами и рейтузами, постройки 1828 г.; егерские куртки с шароварами, постройки 1828 г.; рабочее платье; сюртуки летние без басону с рейтузами, постройки 1828 г.; полушубки; армяки верблюжьей шерсти; шляпы кучерские пуховые; кушаки бумажные, красные; шинели светлосерого цвета, суконные, на овчине, а под полами волчий мех; шапки плисовые; поддевки с шароварами темносерого сукна; кушаки гарусные; армяки синие; армяки верблюжьей шерсти белые; сюртуки на волчьем меху суконные" (Арх. Упр. Имп. ох., No 1 6/726).

Прибавление. В числе учреждений, близко стоявших в течение описываемой эпохи к ведомству Императорских охот, следует отметить Лисинское учебное лесничество и Беловежскую пуцу.

Эти учреждения хотя и были вполне независимы от Егермейстерского ведомства, однако в угодах, им принадлежавших, производились охоты в высочайшем присутствии, устраиваемые совместными усилиями местной администрации и Управления Императорских охот.

В особенности часто производились высочайшие охоты в угодах Лисинского учебного лесничества, и охотничья часть лесничества была организована вполне на рациональных началах.

Что касается Беловежской пуцы, то во внимание особого ее значения и специального характера, а также того обстоятельства, что в начале шестидесятых годов текущего столетия там устраивались грандиозные высочайшие охоты, для коих Придворная охота командировалась из Гатчины в Беловеж, охоты, описания которых приведены в своем месте, считаем весьма полезным предпослать сказанным описаниям несколько слов, касающихся состояния Беловежской

пущи главным образом к середине XIX века, заимствуя эти сведения из сочинения "Беловежская охота", изданного в 1861 году.

Беловежская казенная пуща, площадью в 112.080 десятин, или 1076 квадратных верст, расположена в Пружанском уезде Гродненской губернии.

Беловежская пуща в прежнее время принадлежала к удельным королевским лесам и, по множеству разнообразной дичи, водившейся в ней, была любимым местом охоты королей польских. Она управлялась королевскими чиновниками под главным начальством генерал-интенданта королевских имуществ и под ближайшим надзором местного лесничего, коему назначено было жительство во дворце, существовавшем в селении Беловеже. Его обязанность состояла исключительно в присмотре за охотничьим арсеналом и в заведовании предметами, касающимися охоты.

Не считаем необходимым приводить сведения относительно организации Беловежской охоты в период нахождения пути в числе имуществ польской короны: эти сведения не касаются нашей задачи.

По присоединении Беловежской пущи к владениям Российской империи, в царствование императрицы Екатерины Великой, земли, эту пущу составлявшие, были розданы: графу Румянцеву, графу Ферзену, графу Сиверсу, Кутузову и Дренякину.

Император Александр I, желая сохранить водящуюся в Беловежской пуще породу зубров, сделал ее в 1803 г. заповедною, и с того времени охота на этих зверей стала разрешаться всякий раз не иначе, как по особому высочайшему повелению.

В 1820 году была совершенно запрещена рубка леса, растущего в Беловежской пуще.

В период времени с 1843 по 1847 год произведена была съемка и таксация пуши, которая вместе с тем была разделена на 541 двухверстный квартал.

Около того же времени в Беловежской пуше было организовано пять отдельных лесничеств.

В середине текущего столетия в пределах Беловежской пуши, в деревнях, жили осочники в числе 298 душ, главная обязанность коих состояла в приготовлении на зиму для зубров сена.

В то время в пуше водились: зубр, лось (коего из года в год становилось все меньше и меньше, причем являлся он в пушу более в зимнее время, скрываясь на лето в болота Слонимского и Кобринского уездов), козуля, кабан, русак, беляк, волк, лисица, куница, ласка, медведь и барсук. В первой половине столетия тут же водились бобры на реках Лесне, Наревке, Белой и Гвозне, еще ранее коих исчезли прежние обитатели пуши: красный олень, лань и дикая кошка. Из птиц в пуше водились глухарь, тетерев, ракельган, рябчик, бекасы, журавли, цапли и проч.

Зубры жили стадами в 10, 20, 40 и 60 штук. Во главе стада всегда бывают вожатый старый зубр или зубрица; совершенно же престарелые животные бродят поодиночке или по два вместе, и тогда они уже не боятся человека и при встрече угрожают нападением на него, в особенности, когда бывают раздражены или нечаянно испуганы. Первое движение гнева зубр обнаруживает потрясением головы; потом роет ногою землю и облизывается, изредка взмахивая хвостом. Если старый зубр, или, как его называют, одинец, пригретый солнцем, расположится на дороге, то иногда никакие угрозы не принудят его уступить проезжему. Лошади всегда боятся зубров. Напротив, стадо зубров, завидев человека, бежит от него в густую чащу леса,

причем долго и далеко слышится треск ломаемого им молодого леса.

В летнее время от жары и докучливых насекомых зубры укрываются или в самые глубокие чащи леса, где для освежения себя погружаются иногда в болота и реки, ловко и без боязни переплывая их, или выходят на боры, где, разрывая ногами песок, обрасывают им друг друга и валяются, подобно лошадям, на спине. Во многих боровых местах пуши, в особенности вблизи рек и где черный лес переходит в бор, можно видеть неглубоко разрытые зубрами ямы, которые носят местное название "купала".

Зубры, несмотря на тяжелый вид свой, чрезвычайно быстры на бегу и во всех движениях. Зимой они держатся преимущественно около мест, где сложено заготовленное им в стогах сено.

Под конец зимы зубры, в особенности старые, подходят близко к жилищам человека и не только наносят вред крестьянским стогам сена, но и разворачивают иногда своими сильными рогами целые свиные сараи.

Кроме Беловежской пуши, зубры встречаются в соседних с первою казенных лесах: Свислоцкой, Шерешевской, Яловской и Лядской пущах, в Омелянецкой даче и частных лесах, принадлежавших в середине столетия помещикам Эйсымонту и графу Сиверсу.

Управлением Беловежской пуши ежегодно поверялось число наличных зубров, их прибыль и убыль, а также принимались меры к обеспечению их продовольствием, к охране их от хищных зверей и к отвращению перехода зубров из Беловежской пуши в соседние местности.

В 1824 году в Беловежской пуще имелось 500 штук

зубров, в 1830 году – 700 штук. За период же времени с 1832 по 1854 год имеется следующая таблица.

Количество находившегося в пуще зверя

В 1855 году наличных в пуще зубров было 1824 штуки; в 1856 году – 1771; в 1857 году – 1898; в 1858 году – 1434 и в 1859 году поверки не было; в 1860 году – 1575.

Заметим кстати, что несоответствие по таблице прибыли и убыли и затем конечного результата числа зубров к следующему году, по-видимому, может быть объяснено тем обстоятельством, что ежегодно некоторое число зубров перекочевывало из Беловежской пущи в окрестные леса и обратно.

Способ удобнейшего счета зубров основан на том, что каждое их стадо держится постоянно в известных местах или урочищах, смотря по времени года, преимущественно вблизи рек и ручьев, почему всякий стрелок может знать довольно приблизительно число зубров, находящихся в его обходе. Поверка делается ежегодно по первой пороше (счет зубрам делается не тотчас по выпадении снега, ибо зубр, как всякое дикое животное, сначала, пока свыкнется со снегом, боязлив и далеко с места не уходит; побыв в таком положении день, а иногда и другой, томимый голодом, он, наконец, совершает переходы из места стоянки); тогда все стрелки Беловежской и Свислоцкой пущ в определенный день, с утра, каждый в своем участке, обходя границы оногo, считают по следам, сколько вошло зубров, различая при том следы старых от однолеток. Кроме того, каждый стрелок обходит участок свой вдоль и поперек, отыскивает стадо, подкрадывается на такое расстояние, что верно может сосчитать число зубров, составляющих стадо. После

сего стрелки, собравшись к своему объездчику, объявляют каждый о числе зубров, находящихся в их обходах. Объездчик по получении донесений стрелков составляет рапорт о числе зубров, находящихся в его объезде, и представляет о сем лесничему для составления общей ведомости по лесничеству и донесения начальству.

При подобном счете зубров, зависящем более всего от добросовестности показаний стрелков, без сомнения, получаются только приблизительные цифры, без всякой возможности обозначить отдельно число самцов и самок.

Зубры за приготовленное для них сено принимают только тогда, когда подножного корма им уже недостает, и прежде всего стараются разметать стог, доискиваясь невыдохшейся травы, через что много сена пропадает.

Звери эти нередко бывают добычей хищных зверей, преимущественно волков. В осенние и весенние гололедицы волки делают, можно сказать, правильные облавы на этих животных; отбив от стада зубра, преимущественно молодого, они загоняют его на лед, где это животное не может держаться на скользкой поверхности и становится их жертвою.

Хотя зубры, находясь в опасности от хищных зверей, и становятся для охранения себя в оборонительное положение, заключая телят в середину стада, но волки хитрыми маневрами всегда успеют разбить стадо; трех волков достаточно, чтобы задушить самого сильного зубра.

В 1844 году убит в Беловежской пуще огромной величины и силы медведь, который заел старого, огромного зубра; пространство, на котором происходили схватки этих животных, примерно сто

квадратных сажений (близ дороги из Беловежи в Рудню), доказывало ожесточенность их борьбы; по рассказам очевидцев, зубр таскал медведя на себе.

В 1846 году тоже убит в пуще медведь, который в одно лето заел пять зубров.

Для охранения зубров от хищных зверей местная лесная стража тщательно наблюдала за появлением последних. Всякий стрелок, удостоверившись в появлении волков, медведей или рысей в своем обходе, обязан был немедленно доносить о том своему лесничему, по распоряжению которого тотчас собиралась вся подведомственная ему лесная стража для производства облав и уничтожения хищных зверей.

Если при обходах своих в пуще лесная стража находила неживого зубра, то, приставив к нему караул, немедленно доводила до сведения местного лесничего; производством формального следствия обнаруживалась причина смерти сего животного, после чего составлялся акт освидетельствования. Зубр по снятии с него кожи зарывался на том же месте в землю, а кожа по надлежащей высушке продавалась с публичного торга.

Смежность с Беловежскою пущею как казенных, так и частных лесов, по-видимому, представляла зубрам возможность делать частые в них переходы; между тем по опыту было известно, что целые стада зубров если и переходили иногда в смежные леса, то опять скоро возвращались в пущу, не находя, вероятно, для себя в небольших лесах надлежащего корма и спокойствия. Посему и не было надобности принимать меры к предупреждению подобных случаев.

Напротив, престарелые зубры, бродящие, как уже замечено, поодиночке или по два вместе, часто переходят в смежные леса, откуда сами уже редко возвращаются, но почти всегда бывают прогоняемы

обратно местными крестьянами и лесною стражею. Для отвращения этого было, между прочим, постановлено сохранять в меру возможности кругом пуши усадьбы лесничих, бывших стражников, стрелков постоянной лесной стражи и осочников, которым вменялось в обязанность в случае перехода зубров из пуши тотчас предпринимать меры для загона их обратно.

Относительно способов охоты на зубров, практиковавшихся в древности, мы уже говорили в первой части материалов для истории Великокняжеской и Царской охот. Заимствуем лишь из сочинения "Беловежская охота" следующую интересную подробность, касающуюся современного состояния пуши.

В центре Беловежской пуши, при деревне Беловежи, на возвышенном берегу реки Наревки, находится памятник из серого песчаника, 16 футов высотой, имеющий вид небольшого обелиска, с надписью на польском и немецком языках.

"27 сентября 1752 г., Его Королевское Величество Август III, Король Польский, Електор Саксонский, с Ее Королевским Величеством и Их Королевскими Высочествами Ксаверием и Карлом, охотились здесь на зубров, коих убили 42 штуки, в том числе 11 больших, из коих один весил 14 центнеров и 50 фунтов; 7 меньших, 18 самок, 6 молодых; 13 лосей, между которыми находилось 6 старых самцов, из коих один весил 7 центнеров; 5 самок и два молодых; 2 серны, всего 57 штук".

"При сем находились: Его Сиятельство граф Браницкий, Коронный Гетман; Его Сиятельство граф де Брюле, первый Министр Его Королевского Величества; Коронный Чесник Велепольский; Великий Конюший граф де Брюле; Маршал де Биберштейн,

начальник коронной почты; Придворный Маршал Его Королевского Величества де Шонберг; Гг. полковники Понятовский, Вильчевский, Ветерский, Старжевский и Капитан-Лейтенант Сапега".

"Охотою управлял граф Волеферсдорф, Главный Ловчий Его Королевского Величества. Присутствовали при охоте: Гг. де Габленц, подловчий Его Королевского Величества; де Арним, камергер Его Королевского Величества; де Лейпцигер и де Десеву, пажи при охоте; придворные стрелки: Гг. Пфлюг, Штоккман, Зегрейер и Пецольд; лесничие: Шубарт, Ангерман, Рихтер, Эйхлер, Козловский, Вапа, Роде, Прокопович и Шрейтер; старшие лесничие: Брейтер, Борман и Эйгард".

Подробное описание этой охоты, как не входящее в нашу задачу, мы опускаем. Оно имеется у Бринкена в "Mémoire descriptif sur la forêt Impériale de Bialowieza" (Варшава, изд. 1828 года, стр. 85).

A1 Traqueur – облавщик (французск.).

A2 По-видимому, как то явствует из нижеприведенных документов, в это время было приказано уменьшить расходы по охоте почти на 3 1/2 тысячи руб. Однако подобного документа в делах не имеется.